

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ

В. В. Знаков

ПСИХОЛОГИЯ ПОНИМАНИЯ МИРА ЧЕЛОВЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ РАН»
МОСКВА – 2016

УДК 159.9
ББК 88
З 71

Все права защищены.

*Любое использование материалов данной книги полностью
или частично без разрешения правообладателя запрещается*

Знаков В. В.

З 71 Психология понимания мира человека. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. – 488 с.

ISBN 978-5-9270-0324-8

УДК 159.9
ББК 88

В монографии представлена авторская точка зрения на роль и место понимания в многомерном мире человека. Обсуждены методологические, теоретические и эмпирические проблемы исследований в области психологии понимания и психологии человеческого бытия. Проанализированы несколько направлений психологического исследования феномена понимания. Обосновано, что аналитическое расчленение мира человека на эмпирическую, социокультурную и экзистенциальную реальности дает возможность психологам изучать не только общее, но и особенное в понимании трех этих реальностей. Феномен понимания неоднороден, его психологические механизмы в разных плоскостях человеческого бытия отличаются друг от друга. Представленная в книге логика психологического анализа дает возможность рассмотреть основания понимания в целостном континууме «знания – опыт». Такой ракурс рассмотрения обсуждаемых областей научного знания открывает перед учеными возможность постановки и изучения новых для психологической науки проблем – постижения, непостижимого, тайны и др. Итогом монографии стала целостная модель теоретических оснований психологии понимания субъектом многомерного мира человека.

*Книга издана при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект № 16-06-16009*

© ФГБУН Институт психологии РАН, 2016

ISBN 978-5-9270-0324-8

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	7
Глава I. Мир человека и человеческое бытие	11
1.1. Бытие и мир	11
1.2. Определение «понимания мира человека»	18
1.3. Три реальности мира человека	21
1.4. Научные традиции исследования и понимания мира человека	47
1.5. Субъектно-аналитический подход к психологическому исследованию понимания мира	62
Глава II. Психология человеческого бытия	80
2.1. Теоретические основания психологии человеческого бытия	80
2.1.1. Психология субъекта – новая методология понимания человеческого бытия	81
2.1.2. Конституирование человеком способа быть субъектом: забота о себе	101
2.1.3. Психология человеческого бытия: теоретические итоги первых пятнадцати лет исследований	107
2.1.4. Понимающее себя бытие	120
2.2. Понимание – центральная проблема психологии человеческого бытия	132
2.3. Ценности как проблема психологии человеческого бытия. . .	136
2.4. Категория «опыт» в социогуманитарных науках	146
2.5. Экзистенциальный опыт субъекта	158
2.5.1. Три компонента экзистенциального опыта	166

2.5.2. <i>Метасистемная организация экзистенциального опыта субъекта</i>	171
2.5.3. <i>Переживание как компонент экзистенциального опыта</i> . . .	174
2.5.4. <i>Когнитивное и аффективное бессознательное в опыте</i>	177
2.5.5. <i>Свое и чужое в экзистенциальном опыте субъекта</i>	185
2.6. <i>Экзистенциальные события и критические ситуации человеческого бытия</i>	203
Глава III. Мышление, знание и понимание	209
3.1. <i>Два психологических механизма мышления, познания и понимания</i>	209
3.2. <i>Аналитический и холистический стили мышления понимающего мир субъекта</i>	214
3.3. <i>Мышление, познание и самопонимание</i>	230
3.4. <i>Понимание мудрости и мудрость постижения себя и других</i> .	244
3.5. <i>Понимание моральных дилемм</i>	249
3.6. <i>Понимание критических ситуаций</i>	274
3.6.1. <i>Нравственные и личностные основания понимания моральной допустимости искусственного прерывания беременности</i>	275
3.6.2. <i>Понимание и переживание россиянами террористической угрозы</i>	298
3.6.3. <i>Понимание и переживание террористической угрозы москвичами</i>	310
3.6.4. <i>Понимание россиянами активной и пассивной эвтаназии</i> . .	323
Глава IV. Психологическая модель понимания	335
4.1. <i>Моделирование понимания</i>	335
4.2. <i>Теоретическая модель психологии понимания многомерного мира</i>	340
4.3. <i>Традиции психологических исследований: когнитивная, герменевтическая, экзистенциальная</i>	342
4.4. <i>Способы понимания: парадигматический, нарративный, тезаурусный</i>	357
4.5. <i>Психологические основания понимания: знания и значения, мнения и смыслы, переживания и опыт</i>	375
4.6. <i>Формы понимания: понимание-узнавание, понимание-гипотеза, понимание-объединение</i>	389

4.7. Типы понимания: понимание-знание, понимание-интерпретация, понимание-постижение	397
4.8. Постижение – один из типов понимания	405
4.9. Непостижимое и тайна – проблемы психологии понимания экзистенциальной реальности	420
4.10. Теоретическая модель: итоговые обоснования	435
Заключение	439
Литература.	442

ВВЕДЕНИЕ

Современное социогуманитарное познание характеризуется отчетливо просматривающимся изменением его методологических оснований. Главный признак изменения состоит в том, что наряду со «знанием» и «языком» в фокусе внимания исследователей все чаще оказывается «опыт». Взаимодействие в психике познающего субъекта вербализованного достоверного знания и обычно не осознаваемого опыта особенно очевидно при научном анализе фундаментальных проблем бытия человека в мире. Именно к ним относятся вопросы о том, из каких реальностей состоит «мир человека» (С. Л. Рубинштейн) и как люди понимают относящиеся к ним явления, факты, события, ситуации. Название монографии указывает на то, что оба вопроса в ней объединены. В книге представлены результаты проводившихся в течение последних пятнадцати лет теоретических и эмпирических исследований в двух смежных областях психологической науки – психологии человеческого бытия и психологии понимания.

Опираясь на идеи С. Л. Рубинштейна, современные психологи понимают «мир человека» как соотношенную с людьми совокупность вещей и явлений, представляющую собой организованную иерархию различных способов человеческого существования. В мире человека предыдущие, «дочеловеческие», уровни бытия выступают в новом качестве, потому что включаются не только в природный, но и в социальный мир. Люди и преобразуют бытие, включающее в себя человека и совокупность связанных с ним общественных и личных отношений, и осознают его. Мир – это бытие, изменяемое действиями, человеческой активностью. Активность проявляется в сознании, деятельности, мыслях, поступках, созерцании, постижении. Это – не только средства преобразования бытия, но и выра-

жение подлинно человеческих способов существования. Для психологии одним из главных способов является специфика понимания мира субъектом. Человек, находящийся внутри бытия и обладающий психикой, сам творит свою жизнь в мире и понимает его. Человеческое бытие является неотъемлемой частью мира человека, а психология человеческого бытия – логичным продолжением и развитием психологии субъекта. В монографии изложены теоретические итоги первых пятнадцати лет исследований в области психологии человеческого бытия, дающие возможность ученым считать ее целостной областью психологического познания.

В книге человеческое бытие анализируется как нетождественное индивидуальному жизненному пути, единичное, потенциально воплощающее в себе общечеловеческое. С этой точки зрения допустимо и обоснованно утверждение о том, что субъектом в самом обобщенном, но вместе с тем и точном смысле этого слова является все человечество (Брушлинский, 2003).

Еще один принципиально значимый фокус изучения человеческого бытия – его ценностно-смысловая экзистенциальная направленность. Задача такого изучения состоит в устремленности к поиску конкретных психологических закономерностей трансформации, изменения человеческого бытия под влиянием ценностей. Подобная трансформация происходит вследствие присущей человеку склонности обращать свой мысленный взор к основаниям своего бытия. Рефлексивная направленность неизбежно порождает стремление к оценке, ценностному взгляду на бытие.

Наконец отличительный признак психологического анализа бытия заключается в акценте на многомерности мира, в наличии разных уровней действительности, соотносенных со способами существования людей. В этом контексте важным и перспективным направлением психологических исследований является постановка и решение вопроса о множественности или единичности жизненного мира субъекта. Этот вопрос целесообразно сформулировать таким образом: мир человека один или их множество, и его жизнь может быть описана как движение по многим мирам, в каждом из которых он выступает как особый субъект? (Кимберг, 2009). Такая постановка вопроса сегодня актуальна не только для психологии, но и для квантовой физики (Менский, 2011) и других наук.

В психологии многомерность мира проявляется в исследованиях сознания, при выявлении методологических оснований нашей науки и, конечно же, в психологии понимания. В монографии

структура многомерного мира человека описывается под углом зрения понимания субъектом отличительных признаков реальностей, в которых живет человек. Описание завершается построением психологической модели понимания мира человека. В модели с тремя типами реальности – эмпирической, социокультурной, экзистенциальной – соотносятся традиции психологических исследований, основания понимания, а также его способы, формы и типы.

В рамках целостного модельного представления психологии понимания мира человека стало возможным сформулировать и исследовать проблему экзистенциального опыта и его роли в понимании экзистенциальной реальности. В книге проанализирована его трехкомпонентная структура, метасистемная организация и такие составляющие экзистенциального опыта, как переживание, когнитивное и аффективное бессознательное, свое и чужое в опыте понимающего субъекта.

Таким образом, обобщенные научные представления о понимании субъектом мира описаны в модели. Необходимо подчеркнуть, что модель понимания является принципиально новой, ее аналогов нет ни в психологической, ни в других науках. Вместе с тем вопрос о правомерности отраженного в ней дизъюнктивного разделения мира человека на три реальности у многих исследователей вызывает вполне обоснованные сомнения. Положительной стороной определения отличительных признаков реальностей является его классификационная ясность и абстрактно-аналитическая научная полезность. Однако необходим еще и развернутый психологический анализ субъектных оснований того, почему люди, исходя из своих знаний, индивидуальных точек зрения, личностных качеств, бессознательных установок и т. п., понимают реальности именно как эмпирическую, социокультурную или экзистенциальную. В этой связи в монографии излагаются основные положения нового субъектно-аналитического подхода к психологическому исследованию понимания мира.

Таков краткий перечень проблем, обсуждаемых в книге. Она является итогом 30-летних исследований в области психологии понимания (первая статья в журнале «Вопросы психологии» была опубликована в 1984 г., последняя – в 2014 г.) и 15-летних работ в области психологии человеческого бытия (первая статья вышла в «Психологическом журнале» в 2000 г., последняя – в 2013 г.). Разумеется, итог предварительный: надеюсь, что описанная психологическая модель понимания мира человека будет расширена и дополнена ре-

зультатами будущих исследований. Структура монографии такова, что читатели, интересующиеся главным образом проблемами методологии современного социогуманитарного познания и психологии человеческого бытия, могут ограничиться прочтением первых двух глав. А тем, кого интересует преимущественно психология понимания, целесообразно сфокусировать внимание на двух заключительных разделах.

И последнее. Я сразу хочу развеять иллюзии читателя, который надеется получить практические советы о том, как нужно понимать конкретные ситуации человеческого бытия для того, чтобы вести себя в мире человека оптимальным образом. Мой интерес к поставленным в книге вопросам чисто академический и потому мне близка точка зрения А. Шюца: «Научное теоретизирование... не служит никакой практической цели. Его предназначение состоит не в том, чтобы подчинять себе мир, а в том, чтобы наблюдать и, по возможности, понимать его» (Шюц, 2003, с. 27). Впрочем, есть вероятность, что наиболее проницательные читатели смогут сделать практические выводы из написанного. Такое умозаключение является отчасти обоснованным уже сегодня: в докторской диссертации Т. В. Борзовой основные идеи этой книги воплощены в практику обучения пониманию студентов вузов (Борзова, 2016).

В монографии представлены результаты исследований, некоторые из них были поддержаны грантами РГНФ (№ 10-06-00073 «Понимание мужчинами и женщинами моральной допустимости абортов как проблема психологии человеческого бытия», № 13-06-00087 «Понимание, знание и опыт») и РФФИ (№ 11-06-00018 «Осознание и понимание россиянами террористической угрозы»).

ГЛАВА I

МИР ЧЕЛОВЕКА И ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ БЫТИЕ

1.1. Бытие и мир

Сущность человеческого бытия невозможно описать без обращения к более широкому, чем конкретно-психологический, – философскому контексту анализа этого понятия. Как известно, категория «бытия» принадлежит к основополагающим понятиям философии. Под бытием понимается сущее: то, что существует сейчас, существовало в прошлом и будет существовать в будущем. Несмотря на такой всеобъемлющий и, казалось бы, вневременный характер бытия, с гносеологической точки зрения в нем надлежит различать два главных периода – до и после возникновения человека и человечества. Такое различие принципиально важно, потому что человек являет собой новый уровень сущего в процессе его развития: при соотношении с ним выявляются новые свойства в бытии всех прежних уровней.

Дело в том, что с появлением человека, «возникновением нового уровня сущего во всех нижележащих уровнях выявляются новые свойства. Здесь раскрывается значение, смысл, который приобретает бытие, выступая как „мир“, соотносительный с человеком как частью его, продуктом его развития. Поскольку есть человек, он становится не чем иным, как объективно существующей отправной точкой всей системы координат. Такой отправной точкой человеческое бытие становится в силу человеческой активности, в силу возможности изменения бытия, чем человеческое существование отличается от всякого другого» (Рубинштейн, 1997, с. 63).

Следовательно, появление в процессе развития человека приводит к тому, что предыдущие уровни бытия выступают в новом качестве, потому что включаются не только в природный, но и социальный мир. Введение Рубинштейном категории «мир» в психо-

логический анализ соотношения бытия и сознания стало важной вехой в развитии методологических оснований психологии. В самом общем виде «мир» – это понятие, «обозначающее совокупное человеческое сообщество, существующее на нашей планете» (Мудрик, 2010, с. 69). «Мир» как философско-психологическое понятие может быть понято только сквозь призму высшего продукта развития бытия – человеческого бытия. Мир – это бытие, преобразованное человеком, включающее в себя человека и совокупность связанных с ним общественных и личных отношений. Человек является той частью бытия, которая осознает сущее, целостное бытие. Вследствие человеческой активности мир представляет собой бытие, которое изменяется действиями в нем субъекта. Сознание и деятельность, мысли и поступки оказываются не только средствами преобразования бытия, в мире людей они выражают подлинно человеческие способы существования. И одним из главных среди них является специфика понимания мира субъектом. Человек, находящийся внутри бытия и обладающий психикой, сам творит свою жизнь в мире и понимает его.

Познающий и понимающий ситуации человеческого бытия субъект – это одновременно и уникальный человек, и универсальный представитель человеческого рода. Он потенциально воплощает в себе группу, содружество эмпирических субъектов. Человеческое бытие не тождественно жизни индивидуального субъекта. Это понятие скорее соответствует рубинштейновской категории мира как совокупности вещей и явлений, соотнесенных с взаимодействующими людьми, как организованной иерархии различных способов существования. Человеческое бытие представляет собой такое единичное (в частности, это сознание и самопонимание общающихся людей), в котором потенциально представлено общее – весь мир, все человечество. Отсюда следует, что человеческое бытие может понимать себя. Понимающее себя бытие представляет собой диалектическое единство самопонимания взаимодействующих субъектов и группового понимания. Такое понимание порождается в межсубъектном пространстве на стыке разных ценностно-смысловых позиций. Оно базируется на общей платформе принимаемых определенными группами людей норм, ценностей, смыслов.

Человеческое бытие осуществляется в многомерном мире, в котором есть разные уровни действительности, соотнесенные со способами существования людей. Рубинштейн неоднократно обсуждал проблемы разных типов действительности и уровней бытия. Напри-

мер, он писал: «Соответственно со становлением человека как высшей формы (уровня) бытия в новых качествах выступают и все ниже лежащие уровни или слои. Тем самым встает вопрос о человеческих предметах как особых модусах бытия» (Рубинштейн, 1997, с. 21).

Сегодня человеческие способы существования, проявляющиеся в различных модусах, продуктивно исследуются в психологии человеческого бытия. Способ существования является атрибутом, т. е. неотъемлемым свойством человеческого бытия, а модус бытия – качество, которое характерно лишь для некоторых обстоятельств, в которых субъект сознательно делает свой жизненный выбор. В частности, в исследовании Г. Ю. Фоменко, изучавшей сотрудников силовых ведомств и спецподразделений, направляемых в командировки в районы служебно-боевого применения, а также больных с опасными для жизни соматическими заболеваниями, тщательно исследовано и убедительно обосновано существование двух модусов бытия – предельного и экстремального. Субъектам с предельным модусом бытия присуща ценностно-смысловая позиция, в основе которой находится система убеждений, определяющих значимость самореализации, отношение к экстремальным условиям как возможности саморазвития, стремление определить свое отношение к экзистенциальным вопросам бытия и смысла жизни. Для них характерна психологическая готовность к экстремальным нагрузкам, альтруистическая мотивация, мотивация самосохранения личностного уровня. Субъектов с экстремальным модусом отличает потребность в возвращении к нормальному существованию, убежденность в том, что экстремальное бытийное пространство накладывает ограничение на их эмоциональные, волевые, когнитивные компоненты поведения и самореализации личности. Таким людям присущи стремление избегать экстремальных нагрузок, эгоцентрическая мотивация, мотивация самосохранения индивидуального уровня. Представители двух модусов бытия по-разному осмысливают жизнь, встраивают свой опыт во временную последовательность, дающую ощущение непрерывности и смысла жизни. У людей с предельным модусом экстремальные условия воспринимаются как рабочая, повседневная реальность. Переосмысление ее составляющих способствует углублению самопонимания и личностному развитию. Это результат соединения актуализируемого прошлого опыта с его переоткрытием, переживанием соотношения опыта с новой конкретикой пространственной и временной ситуации. Вторая группа воспринимает экстремальные условия как аномальные и испытывает со-

стояние потери, утраты, отсутствия целостности в субъективной картине мира (Фоменко, 2006).

Итак, *первая* особенность человеческого бытия состоит в том, что его нельзя рассматривать как индивидуальный жизненный путь, оно в большей степени соответствует рубинштейновскому «миру»: это такое единичное, в котором потенциально воплощено общечеловеческое. Человеческое бытие представляет собой совокупность психологических реальностей, возникающих внутри разных ситуаций в точках пересечения взаимодействия индивидуальных и групповых субъектов.

Вторая характеристика человеческого бытия следует из многомерности мира, наличия разных уровней действительности, соотносенных со способами существования людей. Например, С. Л. Рубинштейн неоднократно обсуждал проблемы разных типов действительности и уровней бытия. Наличие принципиально разных типов реальности и объективных ситуаций человеческого бытия порождает у ученых вопросы не только о неоднородности предметов психологических исследований, но и о «многоэтажности» (Кричевец, 2005) самой психологии.

В отечественной культуре бытие человека всегда описывалось в терминах не столько отражения приземленных обыденных обстоятельств жизни, сколько стремления к достижению правды, попыток найти действительность более высокого порядка – высшую духовную правду. Например, Л. Н. Толстой в 1886 г. в черновике предисловия к сборнику «Цветник» писал о том, что нужно «не искать правды житейской, а правды духовной... В миру-то нет полной правды, и потому, чтобы выразить ее, надо описывать не то, что есть, а то, чего никто не видел, но все понимают» (Толстой, 1936, с. 307–308).

Третья характеристика человеческого бытия – его ценностно-смысловая экзистенциальная направленность. Человеку, как существу рефлексивному, присуща не только обращенность к основаниям своего бытия, но и стремление к оценке, ценностному взгляду на них. Бытие трансформируется, активно изменяется под влиянием ценностей. Основой ценностных предпочтений субъекта обычно становятся не достоверные знания, а чувства и переживания. «Отношение к бытию всегда включает ценностное отношение и выражает субъективность. В отличие от знания, которое стремится к объективности и предельному соответствию внешней реальности, ценности есть отражение внутреннего мира субъекта, воплощение его переживания внешней реальности в составе внутреннего

бытия. Ценности выступают синтетическим феноменом, включающим значимость, смысл и переживание. Компонентами ценности являются интенциональность (ориентированность и конструирование идеальных объектов), символ (бессознательно-архетипический элемент), понятие (рационально-логический элемент)» (Баева, 2003, с. 17).

Наиболее значимой для психологического исследования человеческого бытия как экзистенциального феномена является проблема смысла жизни. С точки зрения Рубинштейна смысл жизни представляет собой такое ценностно-эмоциональное образование личности, которое проявляется не только в принятии одних ценностей и отрицании других. Эта составляющая внутреннего мира отражена в саморазвитии, самореализации личностных качеств субъекта, ищущего и находящего высший, «запредельный» смысл своего бытия.

Интересное теоретико-эмпирическое исследование взаимосвязи гендерной идентичности испытуемых и понимания ими смысла жизни и смерти было проведено Л. Н. Ожиговой. С позиций субъектно-бытийного подхода она рассматривает проблему субъектности. Субъектность понимается как творческая способность человека преобразования среды, как свобода создавать бытие, отражающее собственные смыслы и ценности жизни. При этом свобода определяется как аспект субъектности, как смысл и ценность жизни личности. В эмпирическом исследовании было обнаружено, что смысл жизни как вершинный смысловой регулятор личности связан с гендерной идентичностью, возрастом и профессиональной деятельностью. В понимании и изображении испытуемыми смысла жизни феминные черты связаны с большим объемом, метафоричностью и описанием временной динамики жизни. Маскулинные черты – с реалистичностью, конкретностью. Реалистичность и конкретность в изображении смысла жизни соответствуют маскулинным чертам и у мужчин, и у женщин. В понимании смысла смерти к зрелому возрасту усиливается более объемное, реалистичное и движущееся во времени осознание финала жизни. Феминные черты у женщин и мужчин связаны с символическим, метафорическим пониманием смысла смерти. В понимании смысла жизни и смерти в наибольшей степени представлены две позиции. Первая – оптимистический акцент на жизни, поиск бессмертия, отрицание смерти, утверждение жизненности, витальности тела или духа, отказ признавать конечность человеческого существования. Вторая позиция – экзистенциальный взгляд, т. е. радость принятия жизни

со всеми ее фазами и стадиями, принятие жизненного цикла и факта смерти (Ожигова, 2009).

Возвращаясь от эмпирического анализа к теоретическому, надо сказать, что современное постнеклассическое понимание мира человека характеризуется ростом рефлексии его ценностных и смысловых аспектов. Рефлексия научных типов рациональных рассуждений – это не осознание их, а преобразование. Преобразование проявляется в том, что субъект не только осознает типы знания и правила действий с ними, но и порождает их смысл. А в смысле потенциально содержится возможность его понять. Понимающий субъект не дистанцирован от изучаемого мира, а находится внутри него, погружен в природную и социальную действительность. Мир оказывается таким, каким субъект его видит, какие методы познания он применяет, какие вопросы ставит. Постнеклассическая психология человеческого бытия предполагает не только новые способы осмысления мира, но и рефлексии над основаниями рациональных типов познания. Как отмечает В. А. Лекторский, сегодня сама рациональность начинает пониматься по-другому. Только в простейших случаях рациональные рассуждения можно свести к действиям по фиксированным правилам, следование которым приводит к заранее намеченной цели. В более широком и глубоком смысле рациональность предполагает пересмотр, изменение и развитее самих правил (Лекторский, 2001).

Интересную линию исследования соотношения рационального и нерационального в рассуждениях человека о жизни предлагал В. Н. Дружинин. Эта линия состоит в не столько в «вертикальной» плоскости анализа (сознание – бессознательное), сколько в «горизонтальной» – отношения субъекта с миром. Например, один жизненный сценарий («жизнь по правилам») заключается в рефлексии тех преимуществ, экономии напрасных усилий и негативных эмоций, которые возникают в результате создания и принятия определенных правил поведения, от которых человек старается не отклоняться. Другой, в значительной степени противоречащий первому («жизнь начинается завтра»), строится на субъективной модели мира. Согласно ей, несовершенная здесь и сейчас жизнь рассматривается только как подготовка к «настоящей» жизни, в которой будет много хорошего. Выделенный В. Н. Дружининым почти десяток сценариев представляет собой не только продуктивную попытку научного анализа соотношения внешних и внутренних детерминант формирования возможных линий жизни человека. В сущности,

в них выражаются неодинаковые типы рациональных рассуждений (Дружинин, 2000).

Итак, в современной психологии категория «человеческое бытие» неразрывно связано с понятием «мир человека». Исследования этих проблем уже находятся в фокусе внимания психологов. У меня нет сомнения в том, что вследствие актуальности этих проблем интерес к ним в ближайшие годы станет расти. И перспективные направления их исследования просматриваются уже сегодня. Одно из них – постановка вопроса о множественности или единичности жизненного мира субъекта (Кимберг, 2009). Учитывая множественность и неоднородность онтологии бытия, существование разных реальностей, вполне логичным становится предположение о том, что в них могут реализоваться неодинаковые закономерности организации мира человека. «В связи с тем, что мы рассматриваем мир и человека только совместно, этот вопрос начинает звучать так: имеет ли место один мир человека и один его субъект, или же жизнь человека может быть описана как его движение по многим мирам, в каждом из которых он выступает как особый субъект?» (там же, с. 28). Субъектный или жизненный мир человека – это не просто ментальная репрезентация, а такая модель реальности, которая является регулятором психической активности и инструментом организации жизни. Модель определяет *видение* субъектом своей жизни и места в мире. Из модели логично вытекает идея множественности идентичностей человека. Она находит конкретное воплощение в том, что в разных условиях жизни человек актуализирует неодинаковые конфигурации личностных черт, ролей, умений и мотивов.

Обсуждая проблемы понимания мира человека, психологу невозможно игнорировать еще одно понятие – «внутренний мир». Далее я неоднократно буду его упоминать, имея в виду значение, которое придавал ему Б. Г. Ананьев. Внутренний мир выражает индивидуальность человека, он включает самосознание, индивидуальную систему ценностных ориентаций, субъективно организованные образы и понятия. В течение жизни внутренний мир развивается: происходит переработка опыта, человек вырабатывает собственные позиции, убеждения, пути самоопределения и саморазвития (Ананьев, 1968). Разумеется, я буду учитывать и более современные контексты использования этой категории в психологической науке: понимание внутреннего мира как целостного, автономного и вместе с тем неразрывно связанного с внешними по отношению к человеку сторонами многомерного мира (Климонтова, 2011).

1.2. Определение «понимания мира человека»

Категория «понимание» относится в современной науке к одной из самых универсальных и вместе с тем многозначных. В психологической англо- и немецкоязычной научной литературе представлены по меньшей мере семь контекстов, в которых употребляется термин «понимание»: методологический, когнитивный, логический, семантический, лингвистический, коммуникативный и экспериментально-психологический (Знаков, 1994). В соответствии с этими контекстами можно выделить и семь научных направлений изучения понимания. Поскольку все они представляют собой подходы к анализу одной и той же проблемы, то естественно, что любой из них не может развиваться обособленно от остальных. Тем не менее, как показывает рассмотрение конкретных исследований, каждый из подходов характеризуется наиболее пристальным вниманием авторов исследований лишь к одному из аспектов понимания при относительном игнорировании остальных. Соответственно определения понимания настолько отличаются друг от друга, что можно подумать, что ученые обсуждают разные феномены. Например, лингвистический подход к проблеме состоит в стремлении исследователей найти истоки понимания в преобразованиях структур языка. Ученые, находящиеся под влиянием идей трансформационной грамматики Н. Хомского, полагают, что семантическая репрезентация предложения эквивалентна или, по крайней мере, тесно связана с лингвистическими глубокими структурами. Для психолингвистов понимание – это результат трансформации поверхностной структуры предложения в глубинную репрезентацию, состоящую из простых утвердительных конструкций. Субъект поймет сложноподчиненное или сложносочиненное предложение, если сумеет разбить его на части, из которых оно состоит. В отличие от этого в логическом подходе понимание рассматривается как способность к умозаключениям. Пониманием называется введение выражения в непротиворечивую логическую систему и установление его связи с элементами системы. Понимание выражения заключается в таком его переводе из одной знаковой системы в другую (состоящую из более обобщенных знаний), в результате которого устанавливается связь данного высказывания с элементами новой системы (в которую интересующее субъекта знание входит как частный случай). Установление этой связи и означает понимание высказанного предложения.

Очевидно, что определения понимания в двух подходах радикально отличаются как друг от друга, так и от дефиниций психологов, ориентированных на другие парадигмы.

За последние тридцать лет на доступных мне языках (русском, английском и немецком) я прочитал около трех тысяч публикаций по данной проблеме, в которых встретил не менее двухсот определений понимания. И сейчас возникает вопрос: надо ли стремиться придумывать двести первое «абсолютно точное и универсальное» определение? Ненужность и даже бессмысленность такого рода умственных усилий обусловлена, как минимум, двумя причинами: неодинаковостью психологических механизмов понимания субъектом событий, явлений, фактов в разных реальностях человеческого бытия (об этом я еще неоднократно буду писать на страницах этой книги) и изменением методологии социогуманитарного познания. Первая, конкретно-психологическая, причина указывает на то, что универсального определения понимания быть не может. Вторая – методологическая – причина напоминает ученым о том, что любое определение предмета научного исследования задает его жесткие и потому ограничительные рамки. Неудивительно, что К. Поппер говорил: «Нам не нужна определенность» (Поппер, 1992, с. 322).

Одной из ключевых характеристик современной науки является широкое распространение постнеклассического типа научной рациональности (Степин, 2000). Такая рациональность основана на научных представлениях не только о неизбежности включенности в объективное знание процессов и результатов субъективной деятельности ученых, но и о множественности вариантов интерпретации, неоднозначности понимания познаваемого мира. Понимание – это такой психологический феномен, который только в тех редких случаях, когда оно основано на значениях и знаниях, можно описывать в однозначных категориях «истинное–ложное». При опоре на мнения и смыслы или переживания и опыт понимание можно характеризовать с позиций либо «правильности–неправильности», либо «правдивости–лживости». И в том, и другом случае понимание оказывается принципиально неоднозначным. Именно поэтому я уже давно прекратил попытки дать «единственно верное» определение обсуждаемого психологического феномена. Более разумным, необходимым и достаточным мне представляется описание сути понимания посредством экспликации его главных категориальных признаков: выход за непосредственные границы содержания по-

нимаемого и соотнесение предмета понимания с ценностно-нормативными представлениями понимающего субъекта о должном. Кроме того, нужно проанализировать основные условия реализации понимания – мнемическое, целевое, эмпатическое, ценностно-нормативное (Знаков, 1994).

Такой подход соответствует постнеклассическим представлениям об относительности (и в предельном случае – даже необязательности) любых определений. Современная наука, в том числе та, в фундаментальности которой никто не сомневается, изобилует примерами интенциональных определений, явно не отличающихся ясностью и однозначностью. Примером может служить определение такого фундаментального понятия, как энергия. В словаре С. И. Ожегова она определяется как «одно из основных свойств материи – мера ее движения, а также способность производить работу» (Ожегов, 1988, с. 742). Хотя определение энергии имеет функциональный описательный характер, энергетика интенсивно развивается и играет огромную роль в поступательном развитии человечества.

В соответствии с представленной выше логикой я изложу понимание мира человека посредством выявления условий его реализации в разных ситуациях человеческого бытия и описания наиболее значимых категориальных признаков. Что я имею в виду, когда говорю о понимании мира человека? Главным образом то, что мы понимаем что-то конкретное (брата, что такое ускорение, логарифм и т. п.) только на основе осмысленного знания, понимания смысловой структуры мира, в котором живем. Каждый раз мы понимаем частное, потому что знаем общее. И это относится ко всем реальностям – эмпирической, социокультурной и экзистенциальной. Например, телезрителям было понятно, почему люди разбегаются в разные стороны, когда они увидели телесюжет о медведе, каким-то образом зашедшем в один из универмагов в Хабаровске. Понятно, потому что каждый из нас знает, как может быть опасен в такой ситуации дикий зверь. Мы понимаем метафорический смысл названия фильма «Унесенные ветром», потому что знаем, что такое ураган. Зимой нам понятно, почему человек обходит стороной дом, с крыши которого свисают сосульки. Мы знаем не только о силе тяжести, но и о том, какие трагические случаи возможны в подобных ситуациях. Наконец, если на консультацию к психологу приходит человек и жалуется на депрессию, то профессионал не спрашивает: «Что это такое?» – а сразу думает о том, какие психотерапевтические приемы ему следует использовать для психологической помощи.

Таким образом, понимая каждый день множество конкретных событий и ситуаций, мы опираемся на свой тезаурус обобщенных знаний о смысловой структуре мира человека. Поскольку для того чтобы понимать частное, мы должны знать смысловую структуру общего, то по большому счету не важно, идет ли речь о понимании реальности в целом или ее составляющих – событий и ситуаций. Именно такой интерпретации конструкта «понимание мира человека» я буду придерживаться в книге.

1.3. Три реальности мира человека

Мир человека представляет собой такую совокупность вещей и явлений, которая соотнесена с людьми и является организованной иерархией различных способов человеческого существования (Рубинштейн, 1997). Иерархия способов существования предполагает их отнесенность к различным реальностям и, соответственно, уровням человеческого бытия. Современные ученые убеждены в многомерности и многослойности мира человека. В. А. Лекторский пишет, что «тот мир, в котором живет человек, оказывается не монолитным, а многослойным. Можно даже сказать, что это несколько миров: обычный „жизненный мир“, мир субъективных переживаний и мир, полагаемый специализированным размышлением: сначала самой философией, а затем наряду с ней научным знанием» (Лекторский, 2012, с. 7–8). В. С. Мухина считает, что изучать психологию личности необходимо на пересечении пяти реальностей, определяемых развитием исторически обусловленного существования человека. Она классифицирует их следующим образом: «1 – реальность предметного мира; 2 – реальность образно-знаковых систем; 3 – природная реальность; 4 – реальность социально-нормативного пространства; 5 – реальность внутреннего пространства личности» (Мухина, 2014, с. 48).

В психологических исследованиях многомерность мира проявляется даже тогда, когда мы изучаем конкретные феномены, такие, как сознание. На это указывает Е. В. Субботский: «Итак, реальность сознания не гомогенна: она состоит из нескольких типов реальностей, и в каждом из них – свой тип причинности, пространства и времени... И в каждом типе реальности мы встречаем разные виды объекта, пространства и времени, и каждый раз – иные понятия о том, что реально, а что – иллюзия» (Субботский, 2007, с. 4–5). Сторонник психосемантического конструктивизма В. Ф. Петрен-

ко также изучает сознание как многомерное (Петренко, 2010). Обсуждая проблемы психологии восприятия, А. Н. Леонтьев говорил о построении в сознании человека многомерного образа мира, образа реальности. Он придерживался материалистических взглядов и вместе с тем развивал идеи, которые очень близки современной конструктивистской психологии. Субъект, конечно же, строит не мир, а образ мира, активно «вычерпывая» содержание, материал для образа. «Процесс восприятия и есть процесс, средство этого „вычерпывания“, причем главное состоит не в том, как, с помощью каких средств протекает этот процесс, а в том, что получается в результате этого процесса» (Леонтьев, 1983, с. 255). В. Е. Ключко, анализирует онтогенетическое становление многомерного мира. Он отмечает, что в нем «сливаются субъективное и объективное, порождая психологическое пространство, которое так сложно определить и закрепить адекватным понятием, способным уловить состоявшийся взаимопереход противоположностей и порождение особого слоя, где сознание и бытие выступают в нерасторжимом единстве и не имеют однозначных причинно-следственных связей – бытие в такой же степени определяет сознание, как и наоборот» (Ключко, 2005, с. 139).

Моя точка зрения на структуру многомерного мира человека несколько отличается от позиций названных психологов. Она формировалась в процессе научного анализа отличительных признаков реальностей, в которых живет человек – эмпирической, социокультурной, экзистенциальной; традиций психологических исследований – когнитивной, герменевтической, экзистенциальной; способов понимания субъектом мира – парадигматического, нарративного, тезаурусного; форм понимания – понимания-узнавания, понимания-прогнозирования, понимания-объединения – и его результатов – типов понимания-знания, понимания-интерпретации, понимания-постижения.

Современные люди живут в многомерном мире, и это отражается не только на его понимании, но и на том, как мы определяем этот феномен. Понимание имеет большое значение на разных уровнях человеческого бытия. Под многомерностью мира я имею в виду то, что факты, события и ситуации окружающего нас природного и социального мира таковы, что их понимание не может всегда строиться на одинаковых психологических основаниях. В одних ситуациях оно основано главным образом на достоверных знаниях, в других – на интерпретациях, проявляющихся в мнениях разных

людей; наконец, есть ситуации, которые психологу невозможно понять без вдумчивого анализа глубин бессознательного и экзистенциального опыта испытуемых. Тем не менее у понимания как общепсихологического феномена во всех трех реальностях есть два системообразующих признака. Первая психологическая особенность понимания заключается в том, что мы всегда выходим за непосредственные границы понимаемого (фактов, событий, ситуаций) и включаем его в какой-нибудь более широкий контекст. Второй отличительный признак понимания заключается в том, что для того, чтобы что-либо понять, нам всегда нужно соотнести понимаемое с нашими представлениями о должном – принимаемыми социальными, групповыми, моральными нормами поведения. Только наличие в психике понимающего субъекта обоих компонентов дает ему возможность породить смысл понимаемого. Именно такого «определения» понимания я буду придерживаться в книге.

Эмпирическая реальность. В нашей жизни немало ситуаций взаимодействия с объективной и очевидной для всех действительностью. Такой тип ситуаций нидерландский методолог науки Ф. Анкерсмит определяет как «принуждение опытом» (эмпиризм). Говоря о реальности, субъект (в частности, историк) только описывает ее в терминах отдельных утверждений о событиях, обстоятельствах, каузальных цепочках и т. д. При этом субъект выступает как эмпирик, подчиняется принуждению опыта (Анкерсмит, 2007). Следуя за Анкерсмитом, я назвал первый тип реальности «эмпирическим». Иначе говоря, эмпирическая реальность включает два вида окружающей человека среды: природную, состоящую из объектов и явлений, и предметную, созданную людьми.

Эмпирическая реальность воспринимается и понимается людьми как совокупность фактов, допускающих опытную проверку. При знании соответствующих измерительных процедур субъект без труда может оценить истинность описывающих ее суждений. Или, как говорил К. Поппер, использовать принцип фальсифицируемости, принципиальной опровержимости утверждений. Например, опираясь на метрическую систему мер, любой образованный человек выберет истинное высказывание из пары: «Кит весит больше караса» и «Расстояние от Москвы до Владивостока не превышает тысячу километров».

В нашей жизни немало ситуаций взаимодействий людей с объективной и очевидной для всех реальностью. Знания о таких ситуациях (в том числе изучаемых психологами) могут быть только

истинными или ложными. Например, если кто-то скажет, что расстояние от Саратова до Самары 5 тысяч км, то проверка ложности этого высказывания доступна каждому, кто знаком с системой измерения, в основании которой лежат метры и километры. Истинность или ложность высказываний в таких ситуациях проверяется эмпирически, путем их сопоставления с объективной действительностью. Применительно к подобным ситуациям (и только к таким) можно говорить об универсальности и общезначимости истины: расстояние в 5 тысяч км одинаково на всех шести континентах. Понимание истинности высказываний не зависит от индивидуально-психологических характеристик понимающего субъекта. Следует заметить, что только небольшая часть психологических исследований, преимущественно в рамках когнитивной традиции, направлена на изучение закономерностей формирования и развития психики в процессе взаимодействия человека с эмпирической реальностью. Большинство исследований (фрустрации, оптимизма, понимания и переживания террористической угрозы и др.) в основном связано с социальным миром.

В эмпирической реальности мы понимаем объективно истинное знание о закономерно повторяющихся процессах и явлениях (солнце всходит и заходит, и так происходит каждый день). Основная цель научных исследований эмпирической реальности – сформулировать законы бытия, описывающие то, что есть. «Законом» в этом значении понятия называется то, что регулярно повторяется и происходит именно так, как происходит. Изучая явления, подчиняющиеся таким законам, ученые стараются выявить объективно существующие причинно-следственные связи и устойчивые отношения.

Хотя это может показаться странным любому здравомыслящему человеку, но сегодня существование эмпирической реальности необходимо снова доказывать. С появлением в 2011 г. в Италии «нового реализма» (Феррарис, 2014) научные дискуссии о существовании действительности обрели новые рамки, ограничительный концептуальный каркас. Он определяет необходимость различения онтологии и гносеологии: действительность, существующую независимо от наших представлений о ней, и теоретические модели, включающие способы ее познания и понимания. М. Феррарис иллюстрирует такое различие на примере изучающих природу простых школьников и судей, которые при вынесении приговора опираются на модельные представления – прецеденты, установления, законы (Феррарис, 2014).

Фактически «новые реалисты», вводящие различие между онтологией и гносеологией, утверждают то, что психологам было известно из работ С. Л. Рубинштейна: объективная реальность включает в себя сознание познающего ее субъекта. Сегодня в физике эту идею развивает автор квантовой теории сознания М. Б. Менский (2011). В российской психологии наиболее значительный вклад в ее анализ внес В. Ф. Петренко (Петренко, 2010; Петренко, Супрун, 2013, 2014). Физики вслед за Н. Бором утверждают, что лишь способы познания, процедуры измерения дают возможность говорить о существовании реальности в форме элементарных частиц. Как писал Д. А. Уилер, «ни одно элементарное явление не является явлением реальным, пока оно не становится явлением наблюдаемым» (цит. по: Петренко, Супрун, 2013, с. 68). Отсюда следует, что пока не выполнено наблюдение или измерение, объекты в микромире, например электроны, не существуют вообще нигде. В рассуждениях В. Ф. Петренко содержится существенное уточнение: «Отметим, что более правильным было бы утверждение, что до наблюдения объект не присутствует в нашем сознании, – ведь физики настаивают на объективном существовании реальности именно за пределами сознания, а потому не следует смешивать реальность досознательную, и ее репрезентацию в сознании. Реальность настоящего и ее репрезентация в объектной пространственно-временной форме – это все же не одно и то же» (Петренко, Супрун, 2013, с. 68).

И физики, и психологи признают объективное существование действительности, но нельзя смешивать реальность и ее репрезентацию в сознании, т. е. онтологический и гносеологический аспекты исследования. Проблема осложняется тем, что для разных людей, воспринимающих внешний мир, качества предметов и объектов реальности неодинаковы, потому что они зависят не только от действительно присущих им свойств и характеристик. Например, в физической реальности нет запахов: они обусловлены спецификой наших органов чувств. Так же «согласно современной физике, тяжесть не является свойством самого объекта, а зависит от гравитационного взаимодействия двух тел; а, например, невесомость космонавта на околоземной орбите представляет собой его свободное падение» (Петренко, Супрун, 2014, с. 70).

И тем не менее для понимающего мир субъекта эмпирическая реальность отличается от социокультурной и экзистенциальной: события и ситуации в ней имеют бесцельный, ненаправленный, недушевленный характер. Для их понимания люди используют «при-

родную систему фреймов» (Гофман, 2003), т. е. рамок, в которых структурируется индивидуальный опыт. Фреймы не только структурируют опыт: согласно данным западной когнитивной психологии, они определяют понимание. Субъект понимает мир, сопоставляя входные сообщения с обобщенными схемами памяти – фреймами, сценариями, макроструктурами (Abelson, 1979; Kintch, van Dijk, 1978; Thorndyke, 1977). Кроме того, любое понимание всегда основано на самопонимании и рефлексии понимающего субъекта: «Поскольку фрейм включает в себя как восприятие реальности, так и саму воспринимаемую реальность, всякий трезвый взгляд на события непременно должен содержать рефлексию. Правильное понимание сцены предполагает понимание того, как понимается сцена (Гофман, 2003, с. 146–147).

В социогуманитарных науках наиболее обобщенное представление о фреймах как интерпретационных схемах понимания реальностей дано в книге И. Гофмана. Он пишет: «Основное различие между природной и социальной системами фреймов заключается в роли, исполняемой, в частности, индивидами. Если речь идет о природном взгляде на реальность, индивиды, как и любые другие действующие лица, не обладают никаким особым статусом, они подчиняются детерминистскому способу существования, не зависящему от чьей бы то ни было воли и не имеющему никакого отношения к морали. Если же мир рассматривается через социальную систему фреймов, индивиды ведут себя иначе. Они определяются в терминах самодовлеющей активности (self-determined agencies), они знают, что можно делать, а что нельзя, и несут моральную ответственность за свое поведение» (Гофман, 2003, с. 254).

Таким образом, мы не видим и не понимаем реальность непосредственно. В сознании понимающего мир субъекта реальность возникает как процесс и результат психической деятельности только вследствие переживания, трансформации, конструирования новых знаний о мире и опыта субъекта. В науке новые знания представлены в теориях, концепциях: «Мы понимаем структуру реальности, только понимая объясняющие ее теории. А поскольку они объясняют больше, чем непосредственно осознаем, мы можем понимать больше того, в чем непосредственно отдаем себе отчет» (Дойч, 2015, с. 23).

Итак, эмпирическая реальность – это неодоушевленная природная (включающая животных) и предметная среда, в которой живет и с которой взаимодействует человек. «Взаимодействие» не пред-

полагает обязательного чувственного восприятия, достаточно осмысления и понимания. Я не был в Антарктиде, но понимаю, что этот материк составляет часть природы планеты Земля. Я никогда не видел альпшиша, но знаю, что это часть рыцарских доспехов, западноевропейское холодное оружие (короткое копьё с дискообразным ограничителем).

Социокультурная реальность возникает в результате объективации содержания индивидуального и группового сознания. Такая реальность не существует вне представлений людей о ней, а любое описание социокультурной реальности одновременно является ее элементом (Савельева, Полетаев, 2003). Понимание оказывается одним из главных психологических механизмов создания, конструирования людьми социокультурной реальности. Понимая, порождая смыслы возникающих в коммуникации высказываний, суждений, мнений, мы тем самым творим реальность. Если нет понимания, то нет и социокультурной реальности! Эта реальность произведена от сознания и психики познающих и понимающих ее субъектов. Такая реальность «имеет двойственный характер: в нее, с одной стороны, входят объекты, обладающие признаками вещиности (то, что в античной философии обозначалось как *res*); с другой стороны, сама мыслительная деятельность принадлежит к реальности (и обозначается, прежде всего, как субъективная реальность)» (Макаров, 2004, с. 9).

«Социокультурный» – значит обусловленный социальными и культурными причинами. В отечественной психологии понятие «социокультурный» является важным элементом научного тезауруса ведущих российских психологов (Асмолов, 2012; Крюкова, Гущина, 2015; Соколова, 2015). Социокультурный подход отличен и от социального, и от культурного. Для психологов после Л. С. Выготского понятие «социокультурный» звучит как привычное и до банальности знакомое. Однако оказывается, в социогуманитарных науках, прежде всего в социологии и культурологии, социокультурный подход начал формироваться только в XXI в. В современной психологии развитие социокультурного подхода в значительной степени стимулируется формированием представлений о сетевой парадигме (Зеленкова, 2007) и сетевом принципе организации знаний (Гусельцева, 2015). В начале этого века переосмысление онтологии мира человека привело к трансформациям, новым взглядам на широко применявшиеся в социогуманитарных науках подходы – коммуникационный, организационно-структурный, матрично-программный и др.

Главная причина трансформаций – закрепление в сознании ученых убеждений в текучести (процессуальности, по А. В. Брушлинскому), множественности, неопределенности и даже «закономерной хаотичности» мира человека. «В частности, в видении социокультурного мира наблюдаются процессы, в чем-то родственные тому, что происходило в познании-описании физической реальности в начале XX в. Классическое – атомарно-дискретное и структурно-упорядоченное, предполагающее определенность и однозначность реальности видение – все более дополняется (а порой и вытесняется) неклассическим, для которого важнейшими предикатами реальности оказываются текучесть, множественность, гетерогенность, «разупорядоченность» (хаотичность) и неопределенность (Закс, 2015, с. 89).

Психологами такие взгляды не воспринимаются как что-то совершенно новое и потому неожиданное. К примеру, В. А. Петровский характеризует обыденное сознание как когнитивный хаос – множество отрывочных неупорядоченных сведений и представлений, свободно сочетающихся и непротиворечиво уживающихся друг с другом (Петровский, 2010, с. 182). В психологических исследованиях самопонимания обнаружено, что люди, достигшие высших постконвенциональных стадий самопонимания (автономной и интегративной – они проявляются у испытуемых не моложе 26 лет), считают устоявшееся стабильное самопонимание иллюзией, недостижимым и бесполезным идеалом. Они ясно осознают, что их внутренний мир не может кардинально отличаться от внешнего – неопределенного, изменчивого и многополярного. Они относятся к самопониманию как трансформации, постоянному переосмыслению точек зрения на себя. Например: «Я – это... совокупность противоречий: я – плохой и хороший, самоуверенный и сомневающийся, равнодушный и сердечный в одно и то же время. Наверно, нет таких недвусмысленных определений, чтобы ответить на вопрос: кто я?» (Cook-Greuter, 1994, p. 131). Такое самопонимание не основывается на дихотомической логике: иногда я хороший, а иногда плохой. На интегративной конструктивно осознанной стадии самопонимания, казалось бы, противоречивые рассуждения субъекта о себе в его психике объединены в единое целое. Они поняты и приняты им как две стороны одной монеты (я хороший и плохой в одно и то же время), потому что каждый концепт, по сути, может существовать как продолжение другого. Для объяснения психологической природы такого самопонимания уместно обратиться к данным, полученным в другом современном направлении психологических ис-

следований – аналитического и холистического стилей мышления понимающего мир субъекта (подробнее см. раздел 3.2). Описанный тип самопонимания очень напоминает отношение к противоречиям у людей с выраженным преобладанием холистического стиля мышления (Nisbett et al., 2001).

Согласно социокультурному подходу, в социогуманитарных науках социальный анализ направлен на интерпретацию соотношения индивидуального и социального субъектов, т. е. людей и тех общностей, социальных групп, к которым они принадлежат. В частности, в психологии социального познания познающим субъектом является группа (Андреева, 2013). Иные акценты расставляются в культурологических описаниях мира человека. Согласно энциклопедии культурологии «социокультурная система» – это «термин, используемый в социальной антропологии и культурологии в качестве альтернативы терминам „социальная система“ и „культурная система“» (Николаев, 1998, с. 224). По существу, в названном понятии отражено неразрывное единство социальных и культурных сторон единой социокультурной реальности. При этом общество воплощает в себе единство социальности и культуры. Культура, согласно Н. И. Лапину, представляет собой совокупность способов и материальных, и духовных результатов деятельности человека. Культура для людей служит *программой* деятельности. Социальность – это совокупность *отношений* каждого человека или иного социального субъекта с другими субъектами. Отношения (экономические, политические, социальные, психологические) тоже формируются в деятельности. «Специфика социокультурного подхода состоит в том, что он интегрирует три измерения человеческого бытия (человека в его соотношении с обществом, характер культуры, тип социальности) именно как фундаментальные, каждое из которых не сводится к другим и не выводится из них, но при этом все они взаимосвязаны и влияют друг на друга как важнейшие составляющие человеческих общностей. Многомерность человека и истории получает здесь воплощение в методологической интеграции трех специфических форм (способов, измерений) человеческого бытия» (Лапин, 2000, с. 4).

В социокультурной реальности так же, как в эмпирической, есть объективные факты, не зависящие от сознания (однако предполагающие их понимание множеством индивидуальных субъектов). Например: «Великий русский полководец А. В. Суворов умер 18 мая 1800 г.»; «И. Кант был человеком слабого здоровья, страдавшим от депрессии и других болезней»; «Психолог В. М. Аллахвердов в 2012 г.

в телепрограмме „Культурная революция“ утверждал, что юнговско-го коллективного бессознательного не существует». Необходимым и достаточным признаком объективности высказываний о таких фактах является невозможность их разной интерпретации: психолог отрицал существование коллективного бессознательного, а противоположное утверждение (не отрицал, а соглашался с...) будет ложным. Объективные факты не могут быть основаны на мнениях, а не на достоверных знаниях. В социокультурной реальности есть немало фактов, которые обычные люди сознают и понимают, но не могут изменить: цены в магазинах, внешняя политика государства, пробки на дорогах и т. п. С этой позиции «социальный объект – это результат социального акта (в который вовлечены по крайней мере два человека или специально предназначенная машина и человек); он характеризуется тем, что зарегистрирован на бумаге, в компьютерном файле или даже просто в голове участвующих в этом акте людей. Будучи однажды зарегистрированным, социальный объект, зависимый от разумов в отношении своего происхождения, становится независимым в отношении своего существования...» (Феррарис, 2014). Социокультурные факты зависели от способов их познания тогда, когда люди впервые их получали и осмысливали. Однако после фиксации на каком-либо носителе они стали такими же объективными, как природные объекты: независимыми от специфики их понимания индивидуальными и коллективными субъектами.

В психологии сущность социокультурного подхода определяется стремлением исследователей рассматривать мир человека как такое единство культуры и социальности, которое возникает и преобразуется в результате человеческой деятельности. В отличие от социологов, культурологов и других ученых для психологов при анализе социокультурной реальности главным является изучение общения, психологии взаимодействующих субъектов. При этом ключевую роль играют основанные на субъективных мнениях, точках зрения индивидуальные различия в понимании разными людьми одних и тех же событий и ситуаций. В социокультурной реальности согласованные мнения групп людей представляют собой разные точки зрения, интерпретации обсуждаемых фрагментов мира, несводимые к одному единственно возможному смыслу. Соответственно главный постулат научного анализа социокультурной реальности звучит так: не может быть единственной истинной интерпретации того, что «на самом деле произошло»: всегда существует несколько альтернатив возможного развития событий. В социокультурной ре-

альности понимание фактов основано не на достоверных знаниях, а на *мнениях* людей и порождаемых ими *смыслах* событий и ситуаций. Неудивительно, что любое понимание многовариантно, оно потенциально содержит в себе несколько возможных интерпретаций одних и тех же событий и ситуаций. Интерпретации – это конкретные способы понимания, чем их больше, тем выше степень полноты понимания. Сколько интерпретаций, столько вариантов понимания одного и того же. Естественно, что это относится и к множественности трактовок психологической природы самого феномена понимания. Между ними есть как противоречия, так и согласованность, сходство ключевых признаков понимания в соответствии с разными теориями.

События и ситуации в социокультурной реальности имеют целенаправленный, мотивированный, осмысленный характер. Интерпретационной схемой их понимания является «социальная система фреймов» (Гофман, 2003). Важная функция фреймов заключается в том, что они не только указывают рамки, в которых следует понимать конкретные фрагменты мира, но и содержат нормативные предписания, т. е. указания на то, что должно оказаться в фокусе внимания понимающего субъекта. Фрейм только направляет, но жестко не детерминирует понимание социальных фактов.

Социокультурная реальность дискурсивна в широком смысле понятия «дискурс». Так же как эмпирическая реальность, социокультурная не существует отдельно от людей. Социокультурную реальность невозможно построить и описать без языка и понимания, потому что она порождается в познании, общении и дискурсивных практиках. В человеческой коммуникации дискурс не сводится только к текстуальному содержанию того, что говорится и пишется или к вербальной стороне общения: он включает экстралингвистические, прагматические, социокультурные компоненты. Из дискурсивности социокультурной реальности следует, что она интерсубъектна. На постнеклассическом этапе развития методологии научного познания (Степин, 2000) одним из главных критериев объективности знания стала его интерсубъектность. Она основана на согласованном мнении ученых о том, какие утверждения следует считать научными, рациональными, а какие нет. Знания о событиях и ситуациях социокультурной реальности основаны преимущественно не на наблюдении, а на интерпретации. Иначе говоря, в такой перспективе знания возникают не в результате предвосхищения, контроля и сопоставления явлений и событий, а вследствие

интерпретации и идентификации их значений и смыслов для наблюдающих их людей. Реальность мира человека ученые обычно рассматривают как зависимую от того, каким именно образом люди совместно порождают и реализуют свои идеи. Следовательно, во-первых, для психологов понимаемые факты существуют одновременно и в самом субъекте, и в ценностно-смысловом пространстве межличностных взаимодействий. Во-вторых, существует бесконечное разнообразие социально построенных фактов.

Из плюрализма мнений, множественности интерпретаций следует, например, нередкое и даже закономерное расхождение реальных событий и вербальных фактов в средствах массовой информации (Мохирева, 2012). Сообщения СМИ – это всегда уже проинтерпретированные факты, а не какие-то якобы первичные данные о том, «как все произошло на самом деле». Несколько очевидцев наблюдали событие под разными углами зрения, неудивительно, что они и описывают его неодинаковыми способами. Результатом оказывается не единообразие, а множественность описаний произошедшего. «Таким образом, реальное событие, отображаясь в медиатексте, теряет свойство континуальности и приобретает признак дискретности. Аудитория воспринимает только одну „грань“ события, актуализированную в данном журналистском тексте (с определенной оценкой, коннотацией, эмоциональной характеристикой), иные аспекты, оказываясь за „границей“ текста, выпадают и из поля зрения реципиентов» (там же, с. 116). Более радикальная точка зрения отражена в известном и весьма распространенном суждении: в политике реальность никому не нужна; главное то, что кажется реальностью доверчивым массам (а эту «кажущуюся реальность» творят СМИ).

В социокультурной реальности одни и те же факты вследствие их разной интерпретации могут настолько кардинально отличаться друг от друга, что становится трудно установить общее между ними. «Так, например, для одной экономической теории товар – это вещь, которая имеет цену как свойство вещи; для другой – цена не свойство, а отношение к деньгам; для третьей цена – это превращенная форма стоимости, а деньги – особый товар...» (Кошовец и др., 2015, с. 170).

Важно отметить, что используемая для описания социокультурной реальности интерпретационная схема «социальной системы фреймов» включает указания и на то, что иногда даже не реальные, не происходившие на самом деле события или несуществующие яв-

ления понимаются людьми как действительные. Достаточно упомянуть мешки писем, отправленных детьми Санта Клаусу. В Лондоне в почтовом отделении, обслуживающим Бейкер стрит, даже были вынуждены назначить специального чиновника, в функциональные обязанности которого входил разбор писем, много лет, приходивших на имя Шерлока Холмса. Вывод очевиден: и для детей, и для взрослых эти несуществующие в действительности персонажи были реальными людьми, живущими в одном с ними человеческом мире.

В современном научном дискурсе соотношение «обыденной» и «необыденной» реальностей (Субботский, 2007) актуально, прежде всего, в контексте развития виртуалистики – продукта компьютерных и психологических технологий. Используя интернет, «присутствуя в настоящем месте и времени, мы пребываем в разных реальностях, в том числе одновременно, а также достаточно легко осуществляем переходы из одной доступной реальности в другую. Ненастоящее в определенном смысле не менее реально (реалистично), нежели настоящее, оно предлагает эвристичные и способствующие развитию познания направления интеллектуального поиска. Технический прогресс обогащает известные представления не только о виртуальности, но и о многоуровневой структуре реальности. Структура реальности во многом соответствует структуре сознания, а расширение знаний о структуре реальности способствует расширению структуры сознания» (Войскунский, 2012, с. 176).

В XXI в. в социогуманитарных науках произошло радикальное изменение научных представлений о природе социокультурной реальности.

Можно выделить *три* магистральных направления изменений.

Первое направление реализуется в переосмыслении роли символов в понимании любой реальности, в частности виртуальной среды. Второе направление изменения представлений – замена логики рационально организованного мира человека сетевой структурой. Третье направление – возникновение «культуры самопорождения», в рамках которой расставлены новые акценты на самопознании и феномене заботы о себе (Петрова, 2013).

Первое, «символическое», направление современного переосмысления научных представлений о социокультурной реальности ясно представлено в трудах М. Кастельса о влиянии информационной эпохи на экономику, общество и культуру. Он пишет: «Таким образом, реальность, так, как она переживается, всегда была вирту-

альной – она переживалась через символы, которые всегда наделяют практику некоторым значением, отклоняющимся от их строгого семантического определения. Именно эта способность всех форм языка кодировать двусмысленность и приоткрывать разнообразие интерпретаций и отличает культурные выражения от формально-лого/логического/математического рассуждения. Сложность и даже противоречивость сообщений, исходящих из человеческого мозга, проявляет себя именно через эту многозначность наших дискурсов. Именно диапазон культурных вариаций смысла сообщений позволяет нам взаимодействовать друг с другом во множественности измерений, имплицитных и эксплицитных. Так, когда критики электронных СМИ утверждают, что новая символическая среда не отражает реальность, они подсознательно ссылаются на примитивное до абсурда понятие „некодированного“ реального опыта, который никогда не существовал. Все реальности передаются через символы. И в человеческой, интерактивной коммуникации независимо от средств все символы несколько смещены относительно назначенного им символического значения. В некотором смысле вся реальность воспринимается виртуально» (Кастельс, 2000, с. 351).

Психологические исследования символов обнаруживают многослойность их содержания, направленность субъекта, понимающего символические структуры, на целостное постижение, преодолевающее фрагментарное познание мира. Теоретический анализ психологических потенциалов символов позволяет констатировать, что они обладают экзистенциальной событийностью, направленной на преодоление обыденности. Интеграционные возможности символа, проявляются в сочетании «очевидного, явного и скрытого, латентного; в пластичности символа, выражающейся в возможности вместить смысловую бесконечность в замкнутую форму; в заданности смыслов символа как динамической тенденции (а не как наличности в готовом виде), которая актуализирует понимание, постижение символа через развертывание своей идентичности» (Федоров, 2012, с. 29). Трансцендентно-смысловые ресурсы символа позволяют человеку «преодолевать зависимость от наличной ситуации, выходя в пространство индивидуальных и надиндивидуальных бытийных смыслов и осуществляя собственно человеческую идентичность» (там же). В социокультурной реальности символический характер для людей могут иметь не только отдельные предметы (памятники и т. п.), но и целые мировоззренческие и социальные системы. Примерами могут быть советская власть и религия (Сухачев, 1997).

Для психологического анализа понимания важно то, что одной из причин непостижимости символов понимающим мир субъектом является существование в его психике не только бессознательного личностного знания. Не меньшую роль в понимании-постижении символов играет осознание пределов познавательной деятельности, влекущее признание человеком объективно неизбежного незнания полной картины действительности, имеющей символическое обозначение. Глубокий анализ незнания как составляющей понимания символа дан в лекциях М. К. Мамардашвили об эстетике мышления. Он говорил о том, что «символы есть символы сознания, которые одновременно незнание. Это – со-знание. То есть мы в нем знаем что-то другое, не зная того, в чем мы это знаем. Как бы нечто сопровождает сознание, и в нем будет знание, а в другом месте не будет, но что это такое, мы не знаем. Мы не можем со-знание, то есть вот эту частицу „со-“ превратить в объект. Это и есть то самое дополнительное измерение незнаемого, невидимого, ибо мы не видим со-знания. Мы видим содержание сознания, но никогда не видим со-знание» (Мамардашвили, 2001, с. 53).

Второе направление современного переосмысления научных представлений о социокультурной реальности – появление и развитие знаний о сетевой организации мира человека. Новые возможности определения человека, пересмотра взглядов на его социальную природу не допускают жесткого детерминизма, навязывания миру человека однозначности и определенности. Это следствие принятия изменившейся точки зрения на то, что можно и что нельзя считать научной рациональностью. Постнеклассическая рациональность предполагает такое понимание человека, знаний о нем, которое основано на представлениях о невозможности, недопустимости категоричных самоопределений. Современные возможности антропологического понимания обусловлены сетевой структурой социокультурной реальности.

Один признак сетевой структуры заключается в перемещении фокуса внимания ученых-гуманитариев с самодостаточных определяемых в исследовании объектов (партия, здоровье, образование и т. п.) на соотношения между ними: «Поскольку центр тяжести переносится с элементов системы (узлов сети) на взаимосвязи между ними, а сами узлы при ближайшем рассмотрении тоже оказываются сетями, само понятие элементов перестает играть определяющую роль и становится второстепенным. При анализе таких структур на первый план выходят характеристики сети как дина-

мической системы с высокой степенью нестабильности» (Зеленкова, 2007, с. 23).

Другой признак сетевой структуры мира человека – не подчинение, а равнозначное взаимодействие множества ее компонентов. Это означает равноправное существование множества виртуальных, коллективных, личных пространств и времен в социокультурной реальности. В психологии это относится к равноправному существованию множества подходов, на основании которых мы получаем знание о психической организации человека. Появление и развитие знаний о сетевой организации мира человека привели к пересмотру взглядов на его социальную природу, не допускающую жесткого детерминизма, навязывания миру человека однозначности и определенности. Это следствие принятия изменившейся точки зрения на то, что можно и что нельзя считать научной рациональностью. Постнеклассическая рациональность предполагает такое понимание человека, знаний о нем, которое основано на представлениях о невозможности, недопустимости категоричных самоопределений. Современные возможности антропологического понимания обусловлены сетевой структурой социокультурной реальности. Согласно ситуативно-сетевому подходу, знание организуется во взаимосвязанную сеть понятий и моделей, в которой отсутствует какой-то ведущий системообразующий признак (Гусельцева, 2015). В ситуативно-сетевом подходе отдельные фрагменты познаваемого мира объединяются в динамическое целое таким образом, что в зависимости от поставленных задач ведущим попеременно становится то или иное направление взаимосвязанных знаний о действительности. Любая методология, психологическая школа, подход могут стать ведущими в зависимости от контекста и задачи исследования. Но тогда во весь рост встает проблема релятивизма. В современных социогуманитарных науках непротиворечиво совместно существуют три релятивистских версии обоснования закономерной множественности мира человека. *Эпистемологический* релятивизм основан на убеждении, что знание в одной культуре так же хорошо, как знание в другой. Вследствие этого нет серьезных оснований считать, что один подход сколько-нибудь лучше другого. Согласно *этическому* релятивизму, разные этические системы ситуативно обусловлены и локальны: нет никаких оснований утверждать, что мои этические стандарты лучше ваших. Наконец, *политический* релятивизм: нет причин предпочитать мою политику вашей. Мы должны жить и давать жить другим (Ло, 2015, с. 134).

Для психолога проблема релятивизма может быть переформулирована так: а каковы критерии предпочтения в определенный момент того или иного подхода, этой, а не той системы знаний? Ответ на этот вопрос необходим для осуществления психологического анализа телеологически направленного поведения людей, как, например, в нарративном подходе или исследованиях целеобразования в школе О. К. Тихомирова.

Вопрос о релятивности или, наоборот, критериях предпочтения определенной системы знаний особенно актуален для психологов-конструктивистов. Во многих научных дискуссиях их упрекают именно в релятивизме: они якобы не хотят описывать онтологию реального мира, подменяя ее «вымыслами», ментальными понятиями конструктами. Попытку ответить на указанный вопрос предпринял Дж. Д. Раскин (Raskin, 2001).

Основная идея релятивизма заключается в том, что все наши суждения, представления и понятия о чем бы то ни было верны лишь относительно нашей цивилизации, культуры, уровня развития и вообще формы социальной жизни. Конструктивизм основан на утверждении, что люди «конструируют» реальность под себя, на основе индивидуального опыта и личностных смыслов. Неудивительно, что многие видят здесь прямые отсылки к релятивистскому мировоззрению. Противоположный конструктивизму объективизм утверждает, что существует некая вневременная, внекультурная матрица, фрейм, к которой мы можем апеллировать, чтобы установить истинность чего-либо. Приверженцы объективизма и, в частности, большинство представителей эмпирической науки (к которой традиционно относят и психологию) считают, что конструктивистскому подходу не хватает связи с реальностью, с объективными критериями, и поэтому невозможно считать этот подход научным. Они спрашивают: «Если для любой вещи или события существует бесконечное число вариантов описания, конструирования, то как можно знать, чья версия реальности более точна?». «Спасительной» с точки зрения противостояния обвинениям в релятивизме идеей является суждение, согласно которому мы не столько конструируем реальность, сколько изменяем наши представления о ней. Эта современная идея явно перекликается с тем, что в конце прошлого века говорил А. Н. Леонтьев: познающий субъект строит не мир, а образ мира, активно «вычерпывая» содержание, материал для построения образа из реально существующей онтологической действительности (Леонтьев, 1983).

Для Дж. Д. Раскина и его единомышленников после 11 сентября 2001 г. особенно актуальной стала проблема морального релятивизма: если допустимы разные типы морали, то конструктивисты не способны осудить теракт 11 сентября? если истина относительна и любое моральное суждение допустимо, пока кто-нибудь считает его верным, то конструктивисты действительно не могут одобрить одну версию правды? следовательно, конструктивисты не могут сказать, что действия террористов являются злом. Критики считают, что конструктивисты сами загнали себя в угол, поскольку они не могут осудить какое-либо мнение и обязаны допускать все точки зрения. Все положения эквивалентны, и основание для морального действия разрушено. Однако ответ на обвинение в моральном релятивизме также содержится в потенциальной множественности вариантов поведения. Конструктивисты никогда не говорили, что люди должны принимать плохое к себе обращение, несправедливость или террор. Они только утверждали, что важно понять, что существуют разные виды реакций, деятельности. Вследствие этого если люди подвергаются нападению из-за верований или по другой причине, то, как полагают конструктивисты, можно по-разному отвечать на это. Если человек ценит мирное сосуществование, то он может защищать свою веру. Если кто-то вредит человеку потому, что не соглашается с его верованиями, можно защищаться. Если субъект считает, что внешняя действительность не может полностью оправдывать какие-либо действия, то разрешается и собственная защита. Способности убеждать кого-либо идеями оказывают больше влияния на человеческую жизнь, чем грубые факты: иногда необходимы утверждения в пользу конструктов, которые все принимают. Этика конструктивизма предполагает, что люди терпимы к альтернативным конструкциям, но когда присутствует угроза, можно сделать выбор из множества возможных видов действий. Иногда эти виды действий могут быть дипломатическими и сдержанными, но в особых случаях – нет (Raskin, 2002).

Психологический анализ проблем многообразия реальностей и суждений о них способствует переходу от методологического анализа к более конкретному психологическому изучению человека. В психологии множественность описаний обнаруживается в самых различных исследовательских областях. Психологи говорят о множестве возможностей презентации Я в опосредствованном компьютером общении (Фриндте, Келер, 2000), множественной личностной и этнической идентичности (Тучина, 2013), множественном харак-

тере онтологии человеческой жизни (Кимберг, 2009) и т. д. Главным в этом контексте является то, что психологи обнаруживают убежденность в множественности мира в сознании конкретных людей, достигших высоких уровней самопонимания и рефлексии межличностных отношений. Вот типичный пример: «Я просто не выношу людей, которые... Что значит „не выношу“?! Это слишком сурово. Как насчет: я предпочитаю людей, которые добры, вежливы и сердечны, уверены в себе, умны и т. д. Людей с противоположными качествами я воспринимаю как необходимость» (Cook-Greuter, 1994, p. 129).

Третий признак сетевой структуры – такое новое понимание мира человека, фундаментом которого оказывается знание как взаимосвязанная сеть понятий и моделей. В психологии такое понимание воплощается в сетевом принципе организации знаний, точнее, в ситуативно-сетевом анализе (Гусельцева, 2015). Вот как он описывается: «Сетевой подход характеризуется подвижностью, асимметричностью и ситуативностью анализа: в зависимости от исследовательской задачи и выбранного ракурса (методологических предпосылок, исследовательских установок, настройки методологической оптики) по ходу исследования здесь может изменяться системообразующее основание (как таковое оно отсутствует); исследование скользит в неизвестность, подстраиваясь под изменяющуюся реальность» (там же, с. 169). Следовательно, в сетевом подходе отдельные фрагменты познаваемого мира объединяются в динамическое целое таким образом: в зависимости от поставленных задач ведущим попеременно становится то или иное направление взаимосвязанных знаний о действительности.

Одним из значимых современных направлений психологических исследований, фактически направленных на реализацию сетевого принципа организации является анализ проблемы «разделяемости» знаний (Андреева, 2009). Обсуждая основания психологии социального познания, Г. М. Андреева пишет не только об индивидуальной, но и коллективной природе повседневного знания. По ее мнению, знание о том, что члены определенной социальной группы и так «все знают», является разделенным. Это означает, что каждый член сообщества обладает таким знанием, и все они придерживаются некоторого общего интерсубъективного способа размышлений, представлений, соображений о реальности повседневной жизни. Именно это способствует достижению взаимопонимания во многих жизненных ситуациях. Люди все разные, поведение их различает-

ся. «Поэтому никогда не может быть двух одинаковых мнений даже об одном человеке, не говоря уж о каких-то более сложных социальных объектах. Это особенно актуально именно для социального познания, поскольку, кроме индивидуального опыта человека, здесь включается еще и опыт группы, к которой он принадлежит, и весь опыт культуры. Поскольку люди должны как-то понимать друг друга или хотя бы понимать, о чем идет речь, они неизбежно существуют в некотором общем познавательном пространстве, т. е. разделяют – возможно в определенных пределах – значение тех или иных познаваемых ими объектов. Средством „разделяемости“ значений является коммуникация, когда образ социального мира вырабатывается сообща, что предполагает постоянный обмен информацией» (Андреева, 2009, с. 386–387).

В западной психологии изучаются психологические основания интерсубъективности и передачи людьми друг другу неявного личностного знания. Эта проблема активно исследуется применительно к самым различным социальным условиям профессиональной деятельности: науке (Kek le, 2011), здравоохранению (Kessel et al., 2011), службам занятости (Kohansal et al., 2013), менеджменту (Lauring, Selmer, 2012). Типичным примером описания исследования, в котором изучались психологические основания желания или, наоборот, нежелания преподавателей делиться с коллегами личностным знанием, является недавняя статья Д. Ю и Р. Зоу (Yu, Zhou, 2015). Знания в системе университетского преподавания классифицируются как явные и неявные. ИмPLICITное личностное знание занимает важное место в системе ценностей конкурентоспособных преподавателей университета. Оно может содержать символы и выражения, понятные только самому носителю знания. Вместе с тем неявные знания являются неотъемлемой частью опыта преподавателя, его организаторских способностей, методов обучения, навыков. В преподавательской и научной деятельности, накопленные опыт и знания могут быть созданы надолго и иметь ценность для других. В процессе принятия решений о необходимости поделиться собственными знаниями с другими преподаватели обычно взвешивают потенциальные риски (например, стать жертвой плагиата) и положительные эффекты для преподавания. И только тогда, когда они признают, что ценность совместного обладания выше, чем возможные риски, значимость разделенных знаний становится приоритетной.

Другое направление исследований – психологический анализ свойств личности и проявлений активности пользователей соци-

альных сетей Интернета. Интернет является очень значимой составляющей социокультурной реальности. Неудивительно, что в нашей науке заметное место занимают психологические исследования виртуальной реальности (Асмолов, Асмолов, 2009; Войскунский, 2010, 2014; Селиванов, Селиванова, 2015; Солдатова, Рассказова, 2013). Сетевая природа Интернета, множественность виртуальных пространств, в которых реализуют себя пользователи социальных сетей (Рябикина, Богомолова, 2015) для психологов являются стимулами конкретно-содержательного наполнения сетевого принципа организации знаний. Например, в одном из недавних исследований показано, что пользователи, проявляющие высокую активность в социальных сетях, характеризуются высокой общительностью, но они безынициативны в межличностных отношениях, ожидают большей инициативы и эмоциональной вовлеченности со стороны партнеров. Им присущи стремление понравиться и отслеживание производимого впечатления. У них выражены тревожность, сниженный самоконтроль при высоком уровне самоактуализации и склонности к экспериментированию (Богомолова, 2015). Такого рода данные, как правило, сами по себе обладают признаками сетевой структуры: каждый результат имеет собственное уникальное значение, и нельзя сказать, что один из них более значим, чем другой. При их интерпретации под разными углами зрения они раскрывают различные стороны психологического портрета пользователя.

Наконец, в этом контексте нельзя не упомянуть об использовании психологами сетевого анализа. Он дает возможность ученым изучать один и тот же социальный объект под неодинаковыми углами зрения, селективно подключать или отключать разные компоненты при изменении фокуса исследовательского внимания и значимости отдельных элементов сетевой структуры. Примером может служить осуществленный Дж. П. Резером и С. Мансером сетевой анализ осмысления американцами событий 11 сентября 2001 г. (Reser, Muncer, 2004). Они построили схематическую сеть в виде матрицы, в которой отражены следствия (теракт, ослабление роли США в мировом сообществе и др.) и причины, которыми многие испытуемые объясняют произошедшее (развитие конфликта на Ближнем Востоке, американская внешняя политика, расовые и национальные предубеждения, личностные особенности террористов и т. п.). Техника анализа учитывала сложные цепи рассуждений, в которых предшествующие эффекты формировали причины последующих. Из матрицы ответов видно: испытуемые полагают, что предыдущие

исторические и культурные различия привели к предубеждениям и расистскому мировоззрению, которое направляло поступки людей, ставших зачинщиками событий 11 сентября. Авторы называют эти дистантные причины с индивидуальными агентами и человеческими эмоциями прямыми ближайшими. В матрице представлены сильно выраженные связи между степенью авторитарности личности и верой в справедливый мир: люди с высоким авторитаризмом чувствуют себя намного более безопасно в угрожающих ситуациях, если они верят в справедливый мир (там же).

Третье направление современного переосмысления научных представлений о социокультурной реальности – новые акценты в анализе самопознания, самопонимания и заботы о себе. Сегодня происходит переосмысление категории «субъект»: от его понимания как самоидентификации, обнаружения в человеке активного начала к самоконструированию, поиску таких дискурсов и практик, в которых осуществляется раскрытие множественности вариантов динамики развития субъектности. Иначе говоря, можно сказать, что в рамках психологических исследований Я-концепции происходит смещение фокуса внимания ученых с определения Я как совокупности личностных качеств, обладающей «самосложностью» и «самопростотой» (Rafaeli-Mor et al., 1999), на такие способы конструирования Я, в которых разные его интерпретации становятся конкретными методами формирования субъектности. Родоначальником переосмысления «субъекта» можно считать М. Фуко, выделявшего два типа отношения человека к себе: определение того, чем он является на самом деле, обретение знания о своих сущностных чертах и создание такой формы субъектности, которой он до тех пор не обладал. Первое соответствует самопознанию, второе – заботе о себе (Фуко, 2014).

В наше время эти идеи находят воплощение, в частности, в концепции культурупорождающего образования (Корбут, 2004). Современная педагогика характеризуется направленностью не только на получение знаний, но и на раскрытие обучаемым своего Я (способностей, мотивов, интересов) и присвоение форм субъектности, лежащих в основе определенной профессиональной практики. «Обучение во многом представляет собой поиск своего „Я“, своей подлинной сути, которая затем ложится в основу дальнейшей деятельности. Самопознание оказывается основной практикой, в результате которой происходит конструирование себя как субъекта, наделенного определенными внеситуативными чертами и способ-

ного сохранять свою идентичность вне зависимости от той или иной ситуации или проявлять ситуационную изменчивость, сохраняя при этом самоидентичность. В итоге все образование подчиняется этой идее выявления и поддержания собственной индивидуальности и личностной устойчивости субъектов образования» (Корбут, 2004, с. 129).

В современной психологической науке одна из заметных и, безусловно, значимых методологических тенденций заключается во всенарастающем интересе ученых к психологическому анализу внутреннего мира субъекта, взаимодействующего с целостным миром человека. В научных публикациях на русском языке это отражено в большом массиве работ, посвященных изучению психологических феноменов, название которых начинается с «само-»: самооценка, самовыражение, самосознание, самопонимание. В западной науке, пожалуй, наиболее обобщенные представления об этих феноменах отражены в трех направлениях: Psychological mindedness, Self-Construal и Self-understanding. В каждом из них воплощаются, казалось бы, разнонаправленные усилия понимающего мир субъекта: познания, осмысления своих психологических особенностей и включения в свой внутренний мир точек пересечения ценностно-смысловых позиций других участников социальных взаимодействий.

Название первого направления – Psychological mindedness (Beitel et al., 2005) – трудно перевести на русский язык. В самом общем виде это «психологизация». Этой категорией обозначается интерес человека к своим чувствам, готовность понять себя, свои мысли и мотивы поведения. Вместе с тем в ней отражен аналогичный интерес к «модели психического» (Сергиенко, 2014) других людей, стремление к обсуждению своих и чужих психологических проблем.

Self-Construal (Grace, Cramer, 2003). Как показали непростые лингвистические изыскания наиболее точным и адекватным предмету психологических исследований переводом этого понятия является «самоистолкование», «самоинтерпретация». Динамическая самоинтерпретация субъекта осуществляется на основе совокупности мыслей, чувств и действий, формирующихся и развивающихся у него во взаимоотношении с другими людьми. Западные психологи (DeCicco, Stroink, 2007; Singelis, 1994) теоретически и эмпирически выделили три типа самоинтерпретации. Взаимонезависимая самоинтерпретация реализуется в таком способе понимания себя, который проявляется в мыслях о своей уникальности, осознании

личностью себя как целостного и стабильного Я, отделенного от социального контекста. Взаимозависимая самоинтерпретация – этот способ самопонимания выражается в конструировании субъектом представления о себе как члене определенной социальной общности, идентификации себя с группой, понимании себя через соответствие нормам и ценностям группы. Металичностьная самоинтерпретация изначально направлена на более широкий контекст психологического анализа, чем только внутриличностный и межличностный. Металичностьная самоинтерпретация – это способ самопонимания, представляющий собой постановку вопросов, направленных на поиск смысла своего существования, своих поступков в системе координат, которая выходит за пределы личности и охватывает более широкие стороны человеческого существования, жизни, человечества и даже космоса.

Self-understanding. Самопонимание является таким интегративным феноменом, который воплощает в себе и психические действия по углублению субъекта в себя, и направленность на выход в пространство межличностных взаимодействий. В социогуманитарных науках сегодня все большее распространение получает точка зрения, согласно которой самопонимание является и неотъемлемой составляющей любого понимания. Даже если субъект пытается понять что-то внешнее по отношению к себе, он выражает самого себя, познает, расширяет и понимает свой внутренний мир. Понимая что-то, человек понимает самого себя. Только на основе понимания себя он способен понять что-то другое. По мнению Ф. Фролиха, самопонимание субъекта является обязательным условием понимания других людей (Frohlich, 2005).

Указанные направления психологических исследований являются продуктивными и научно значимыми. Однако с сожалением приходится констатировать, что за редким исключением (Cook-Greuter, 1994) они проводятся в рамках телеологического подхода. Между тем более перспективным современным пониманием социокультурной реальности является не телеологическое, а конструктивистское. Оно основано на принципе заботы о себе, понимаемом не столько как самопознание, сколько как трансформация себя. Человек конструирующий, т. е. заботящийся о себе живет в неопределенном и даже хаотичном мире, в котором невозможно категорично, а не размыто определить себя. «Научиться жить в „хаосе“ как „порядке“ – это и означает проявлять постоянную „заботу о себе“, самостоятельно себя искать – искать свой собственный стержень. В условиях снятия

внешней власти образование человека осуществляется в отношениях власти над собой, власти как „заботы о себе“, как созидания себя в целях полноты реализации личностной уникальности. „Создай самого себя“ – так мог бы звучать в современных условиях известный тезис Сократа „Познай самого себя“» (Петрова, 2013, с. 133). Психологической иллюстрацией сказанного могут служить высказывания двух испытуемых: «Образование... – в данный момент означает для меня развернутый процесс конструирования знания о мире»; «Образование... – все люди понимают его по-разному. Для меня это бесконечный, непрекращающийся процесс пересмотра своих представлений о мире» (Cook-Greuter, 1994, p. 129). Заботу о себе ни в коем случае нельзя отождествлять с эгоистическим самолюбованием, откровенно эгоцентрической направленностью субъекта. Заботясь о себе, человек также постоянно переосмысливает действительность, включающую других людей, живущих в мире человека. О психологических аспектах феномена «заботы о себе» и его связи с конструированием субъектности речь идет в разделе 2.1.2.

Экзистенциальная реальность человеческого бытия в отличие от эмпирической не объективируема, она не имеет явных референтов в предметном мире (например, какие объекты обозначают слова «содружество» или «участие»?). На это обращает внимание Т. А. Кузьмина, которая пишет о том, что «в человеческом бытии имеются и существуют, по крайней мере, две реальности: предметно-объектная и необъективируемая, одна, подчиненная всем законам объектного мира, и другая „не от мира сего“, живущая по другим законам» (Кузьмина, 2014, с. 19). Ключевыми психологическими феноменами экзистенциальной реальности являются опыт, переживание, бессознательное, постижение, не имеющие объектных референтов.

Для экзистенциальной реальности человеческого бытия, повторяемость не важна, потому что она состоит из индивидуально неповторимых феноменов. В этой плоскости научного исследования психолог имеет дело с частным и уникальным. «Вместо повторяемости и всеобщности возникает представление об опыте как единственном в своем роде инсайте, который оставляет неповторимый отпечаток в жизни; необходимость заменяется спонтанностью и непредсказуемостью интуитивного переживания» (Горелов, Горелова, 2014, с. 147). Понимание направлено на постижение экзистенциального опыта переживания значимых для человека событий и ситуаций.

Экзистенциальная реальность человеческого бытия основана на таком единстве познания и переживания, в результате которого

порождается опыт, имеющий смысл для субъекта. В опыте и через опыт человек понимает все, что связывает его с людьми и событиями. На экзистенциальном уровне понимание оказывается не столько одной из познавательных процедур (наряду с объяснением, предсказанием и др.), сколько способом бытия человека в мире, дающим ему возможность связывать различные типы знания через неявное знание. Экзистенциальный опыт направляет весь ход жизни человека, осуществляет ценностно-смысловую регуляцию. В экзистенциальном опыте сконцентрировано общее знание субъекта о человеческой природе, фундаментальной прагматике жизни.

Основаниями понимания событий и ситуаций в экзистенциальной реальности являются *переживание* и *опыт*. Анализируя экзистенциальную реальность мира человека, исследователи очень часто сталкиваются с невозможностью понимания психологических проблем основанного только на познавательном знании. Например, травматический опыт нельзя понять на основе познавательного знания, его можно только пережить и преодолеть. Подобные проблемы возникают в исследованиях когнитивного и аффективного бессознательного при понимании чужого человека как врага, при анализе принятия или отвержения моральной допустимости абортов, эвтаназии, осознания и переживания терактов и т. п.

***

Итак, мы живем в многомерном мире, состоящем, по крайней мере, из трех реальностей. В каждой из них психологи изучают понимание людьми фактов, событий, ситуаций с позиций различных традиций психологических исследований, в рамках которых понимающий субъект использует неодинаковые способы, основания и типы понимания. Нет сомнения в том, что три описанные выше реальности объективно существуют. Вместе с тем я ясно осознаю, что различие трех реальностей относится не столько к онтологии их существования, сколько к гносеологическому уровню анализа, логико-аналитическому описанию признаков и характеристик. В действительности в многомерном мире человека реальности нередко настолько взаимосвязаны, что их трудно расчленишь, отделить одну от другой.

Трудности возникают, к примеру, при обосновании суждения о том, что метод интерпретации и герменевтический подход надо относить исключительно к социокультурной реальности, игнорируя реальность экзистенциальную. Понимание человеком экзистенци-

альных событий и ситуаций, разумеется, тоже основано на их интерпретации. Правда, в этой плоскости человеческого бытия интерпретация нередко труднее поддается рефлексивному осознанию и осмыслению. Однако трудность различения реальностей не означает, что его нельзя и не нужно осуществлять. Напротив, на первых ступенях психологического анализа сложных проблем мира человека всегда необходима аналитическая ясность, хотя она и чревата упрощением предмета исследования. Это в полной мере касается соотношения реальностей, их понимания учеными, а также соотношения типов привлекаемых для этого знаний.

1.4. Научные традиции исследования и понимания мира человека

Социальные изменения, происходящие в мире в конце XX–начале XXI вв., оказали существенное влияние на формирование новой методологии социогуманитарных наук. Сегодня она проявляется в самых разных исследованиях: при нарративном подходе (Шмид, 2008), развитии тезаурусного принципа субъектной организация гуманитарного знания (Луков Вал. А., Луков Вл. А., 2008, 2013), в антропологической психологии (Залевский, Залевский, Кузьмина, 2009), при описании социальной психологии науки (Юревич, 2001), анализе методологических основ психологии (Корнилова, Смирнов, 2011). По моему мнению, новую методологию характеризуют несколько признаков: осознание учеными того, что мир человека состоит не из фактов, а из событий; переключение внимания многих исследователей со знания на опыт; понимание ключевой роли не истинных, а ценностных описаний большинства ситуаций человеческого бытия. Новую методологию характеризует смена парадигмы «соответствия», основанной на корреспондентной теории истины, на парадигму «социальных изменений», требующую от социологов, философов, историков и т. п. герменевтической интерпретации динамически изменяющегося мира человека. Акцент на динамике изменений особенно характерен для психологических исследований, предметом которых неизменно оказывается процессуальная природа психики человека (Брушлинский, 2006). Например, А. В. Россохин пишет: «Чтобы личность была той же, она должна быть иной. Чтобы сознание было тем же, оно должно быть иным в каждое следующее мгновение еще не наступившего времени. Мы всегда пребываем в измененном состоянии сознания или, следуя предлагае-

мому мной понятию, – в интересознании, но для того, чтобы при этом мы сохраняли свою идентичность, мы должны быть теми же. Этот динамический поиск и развитие идентичности в потоке интересознания и есть жизнь личности в диалоге сознания и бессознательного» (Россохин, 2010, с. 82).

Применительно к социальному миру в основании новой парадигмы лежит революционная мысль о том, что мир человека состоит не из *объектов*, а из *событий*. Социальная реальность представляет собой «не статическое состояние, а динамический процесс, она происходит, а не существует, она состоит из событий, а не из объектов» (Штомпка, 1996, с. 266). При таком взгляде на социальный мир фокус внимания исследователей смещается с описания фактов на анализ событий.

Ключевым в этом контексте становится вопрос о том, как разные взаимодействующие с миром люди конституируют и проявляют свою субъектность, неизбежно сказывающуюся на процессах и результатах его понимания. *Другой* важный вопрос состоит в экспликации общих для социогуманитарных наук традиций и способов понимания мира.

Первый вопрос очень занимал М. Фуко (Фуко, 2014). Главным контекстом, в котором он его изучал, было соотношение человека и истины. Иначе говоря, он понимал его как вопрос о том, каков тот род деятельности, в котором субъект, высказывающий истинные суждения о мире, проявляет себя, представляется самому себе и признается другими говорящим правду. Его главная цель состояла не в том, чтобы проанализировать, какие дискурсивные формы высказываний признаются истинными. Анализ Фуко был направлен на то, как человек конституирует себя сам и признается другими в качестве субъекта, говорящего правду. Синтез заключался в объединении типов веридикции (проверки достоверности, ответственности действительности), техник управления человеческим поведением и практик преобразования себя. Этим трем элементам соответствуют знания, властные отношения как процедуры воздействия на человека и способы конституирования людьми своей субъектности через практики себя. «Проводя такое тройное теоретическое смещение – от темы знания к теме веридикции, от темы господства к теме правления, от темы индивида к теме практик себя, – как мне представляется, и можно изучать отношения между истиной, властью и субъектом, не сводя их друг к другу» (Фуко, 2014, с. 18).

Фуко считал, что начиная с греческой культуры, субъект, говорящий правду, принимает четыре возможные формы: это или пророк, или специалист, или паресиаст, или мудрец. С точки зрения психологии понимания мира человека первая фигура – пророка – мне кажется наименее интересной и даже устаревшей. Пророк говорит не от себя, а от имени кого-то другого (божества, судьбы и т. п.). Пророчества «даны свыше»: они получены в результате откровения или под воздействием особого вдохновения. Пророк высказывается о том, что будет, а не о том, что есть. Его слова могут быть совершенно непонятными, загадочными, таинственными. Наконец пророчества обычно связываются теми, к кому они обращены, со сверхъестественными откровениями и способностями. Все это не предмет моего психологического анализа. Зато три других вида субъектных проявлений говорящих правду людей для меня чрезвычайно важны в силу их очевидной отнесенности к разным типам понимания проанализированных в разделе 1.3 реальностей человеческого бытия.

Начну со специалиста-наставника. Есть профессии (врач, музыкант, сапожник, столяр), в которых специалисты обладают знанием и сноровкой. Эти профессии требуют знаний, которые осуществляются на практике и для своего изучения требуют не только теоретической подготовки, но и упражнения (*askesis*). Профессионалы обладают этим знанием, применяют его и могут преподавать его другим, быть наставниками. Специалист обучает и способен преподавать. Он высказывает истинные суждения о своей профессиональной области, он тот, кто обязан говорить правду (не может же преподаватель университета не учить студентов). Принцип обязанности говорить (кто обладает знанием *tekhnē*, кто получил его, должен его и передать) у наставника направлен на установление связи между собой и слушателями. В высказывании истины преемственность связана со знанием, его сохранением в соответствии с традицией. При этом преподаватель в отличие от паресиаста (см. ниже) ничем не рискует, не нужно никакого мужества, чтобы преподавать. Хороший наставник говорит правду о том, что он знает, так, что становится очевидной связь с целой традицией. «Да и сам он, этот человек *tekhnē*, ничему не смог бы научиться и не знал бы совсем ничего или слишком мало, не будь до него такого же профессионала (*tekhmites*), как он, который его учил, чьим учеником он был и кто был его наставником. И так же, как он, ничему не научился бы, если бы кто-нибудь не рассказал ему о том, что знали до него, чтобы его знание после него не умерло, ему нужно его передать» (Фу-

ко, 2014, с. 34). Такое знание по большому счету всегда направлено на адекватное отражение эмпирической реальности. Оно отражает, но не преобразует: ничего не изменяет в познающем ее субъекте, и он ничего не может извлечь из него для собственного преобразования. Этот «познавательное знание» (Фуко, 2007).

Следовательно, цель специалиста-наставника – самому получить достоверное знание о реальности, по возможности полно и точно передать его ученикам, указав при этом не только на некое общее пространство знаний, но и на нормы и правила их использования. Другими словами, он обращается со знанием в соответствии с правилами, сходными с теми, которые мы используем при понимании эмпирической реальности.

Вторая субъектная форма высказывания истины воплощается в фигуре паресиаста. «Ничего не скрывать, говорить правдивые слова – значит практиковать *parresia*. Таким образом, *parresia* значит „говорить все“, но основываясь на истине: говорить всю правду, не утаивать ничего из правды, говорить правду без утайки, какова бы она ни была» (Фуко, 2014, с. 20). Именно таким человеком является паресиаст.

Психологи, особенно занимающиеся адаптацией западных психодиагностических методик, давно знают, что адаптация предполагает не буквальный перевод, например, с английского на русский, а учет культурного контекста. В русской культуре и, соответственно, в языке правдолюб – это «человек, любящий правду, истину, справедливость. Неустрашимый правдолюб» (Ожегов, Шведова, 2003, с. 84). Отсутствующее в русском языке слово «паресиаст» в нашей культуре воспринимается как экзотическое, непривычное. Поскольку одним из русских синонимов слова «неустрашимый» является «мужественный», то паресиаста я буду называть мужественным правдолюбом. Такого субъекта отличают от других людей по меньшей мере три характерные черты.

1. Высказывание правды для него – необходимость, внутренняя потребность в истинном, по его глубокому убеждению, описании действительности и тем самым утверждении себя. Он сознательно формирует и выражает свою субъектную сущность посредством правдивых высказываний. Иначе говоря, это осознанная позиция понимающего мир субъекта, «способ существования, отмеченный мужеством, образ действий» (Фуко, 2014, с. 24).

2. Высказывание правды (например, начальнику о категорическом неприятии его манеры поведения по отношению к подчиненным) нередко требует от человека твердости характера и мужества. Мужество предполагает осознание рисков негативных последствий своих поступков (в данном случае – правдивых высказываний) и готовность нести ответственность за них. Следовательно, «*parresia* можно охарактеризовать как мужество говорить правду, присущее тому, кто, несмотря ни на что, рискует сказать всю правду, а также мужество собеседника, готового принять обидную правду, которую он слышит» (Фуко, 2014, с. 22).
3. Если высказывание истины профессионалом объединяет и связывает, то правдолюб всегда рискует разрушить отношения, сложившиеся у него с тем, к кому он обращается. Он говорит правду не для того, чтобы утвердить позитивную связь общего знания, наследия, преемственности. Мужественный правдолюб «говорит, что есть, но сообразуясь с особенностями людей, ситуаций и обстоятельств. Его специфическая роль состоит не в том, чтобы говорить о бытии природы и вещей. В анализе *parresia* постоянно обнаруживается эта противоположность между бесполезным знанием, говорящим о бытии вещей и мира, и высказыванием истины паресиастом, которое всегда применяется, оказывается привязано к индивидам и ситуациям, сообщая им о том, что они представляют собой в действительности, говоря людям правду о них самих, скрывающуюся от их глаз, раскрывая их подлинное положение, их характер, изъяны, оценивая их поведение и вероятные последствия принятого ими решения. Паресиаст не открывает своему собеседнику, что есть. Он разоблачает его или помогает признаться в том, что он собой представляет» (там же, с. 28). Зная людей, нетрудно предсказать, что многим это не понравится, и в результате произойдет не объединение, а разрушение межличностных отношений.

Аналогия мужественного правдолюбца с субъектом, понимающим социокультурную реальность, для психолога очевидна. Во-первых, такое понимание строится не на достоверном «познавательном знании», а на мнении. Мнение основано на конкретной гипотезе, субъектной точке зрения на предмет обсуждения, тему разговора. Доказательство субъектом в диалоге своей правоты предполагает последовательность рассуждений, а также аргументированность

при обосновании мнения. Вместе с тем всем нам известны случаи дискуссий, чаще всего политических, в которых оппоненты, в отстаивании своей точки зрения могут доходить до крайних суждений, совершенно затеняющих возможную правоту собеседника. Во-вторых, в общении, особенно когда нужно сказать партнеру правду о его взглядах или поведении, которая явно может ему не понравиться, всегда существует риск разрушения отношений или даже применения административных санкций по отношению к говорящему. Понимание и правдолюбие связаны с осознанием возможных рисков в мышлении и общении. В психологии проблема риска при принятии решений (Корнилова, 1997), преобладания мотивов самопонимания или опасения негативной оценки со стороны партнеров по межличностному общению (Franzoi, Davis, Markwiese, 1990) давно находится в фокусе внимания исследователей.

Третья субъектная форма высказывания истины – мудрость. Мудрец не ссылается на безликую общую для всех традицию, а выражает свое мнение. В том, что он говорит, проявляется его способ быть мудрым, т. е. быть личностью, признаваемой мудрецом окружающими людьми. Мудрец говорит о том, что есть, т. е. о бытии мира и вещей. Обычно мудрец хранит свою мудрость в уединении, для него важно хранить ее. Большею частью он молчит, а говорит, лишь когда захочет или когда случается что-то из ряда вон выходящее. «В сущности, мудрец мудр и сам по себе, ему не нужно говорить. Ничто не понуждает его говорить, ничто не обязывает его распространять свою мудрость, учить ей или выказывать ее. Этим объясняется то, что мудрец, так сказать, структурно молчалив. А если и говорит, так только если кто-то обратился к нему с вопросом или если в государстве чрезвычайная ситуация. Этим объясняется и то, что его ответы (это может роднить его с пророком, которого он зачастую имитирует и говорит подобно ему) могут быть совершенно загадочными и оставлять тех, к кому он обращается, в недоумении или в сомнении насчет того, что он имел в виду» (Фуко, 2014, с. 26–27). Непонимание окружающими некоторых высказываний мудреца обусловлено сложностью, неоднозначностью и невербализуемостью проблем, решение которых требует осторожного и мудрого подхода. Такие проблемы принципиально невербализуемы, потому что основаны на неосознаваемом экзистенциальном опыте субъекта. Ассоциации мудреца и его преимущественно тезаурусный способ понимания мира могут быть загадкой для других, неизвестны и темны даже ему самому. Для принятия мудрого решения экзис-

тенциальные проблемы требуют от субъекта понимания, основанного на постижении.

Разумеется, мой обзор форм субъектности человека, говорящего правду, пока очень схематичен: его содержательное соотнесение с типами понимания реальности требует расширения и углубленного анализа. Однако на первом этапе исследования я вынужден этим ограничиться.

Второй важный вопрос состоит в выявлении общих для социогуманитарных наук традиций и способов понимания мира. При его анализе сравнение философских и психологических традиций трактовок обсуждаемого феномена обнаруживает хотя и не тождественность, но явное их сходство. Основания понимания проанализированы и в науке, и в философии. В частности, как отмечает А. П. Огурцов, в различных философских дискурсах понимание используется, во-первых, для характеристики познавательной способности субъекта, которая представлена в деятельности рассудка, противопоставляемой деятельности разума. Во-вторых, пониманием называют процедуры герменевтического истолкования смысла текстов, расшифровки значения языковых и речевых практик и вообще постижения смысла культурных формообразований. В-третьих, понимание – это специфический для человека способ бытия в мире, основанный на осознанном или бессознательном выборе одной из возможностей существования. «Этим трем формам интерпретации понимания соответствуют три этапа в трактовке понимания в истории философии – от трактовки понимания как одной из познавательных способностей в рационализме через отождествление понимания с процедурами герменевтики как специфической методологии гуманитарных наук (или наук о духе) к онтологической трактовке понимания, исходящей из изначальной герменевтичности существования и имманентности понимания и пред-понимания бытию человека в мире» (Огурцов, 2001, с. 279).

В психологии выявлены три типа понимания проблем, методов и результатов исследований – понимание-знание, понимание-интерпретация, понимание-постижение. Типы понимания соответствуют трем сферам человеческого бытия и традициям исследования психики субъекта – когнитивной, герменевтической и экзистенциальной. О типе понимания в психологическом исследовании можно судить по оценкам истинности, правильности или правдивости высказываний, понимаемых людьми в коммуникативных ситуациях (Знаков, 2014).

В последние десятилетия в науке три описанных традиции воплотились в развитие двух главных направлений исследований понимания – гносеологического и онтологического. Различение этих двух аспектов изучаемого предмета важно для многих наук. Например, социолог В. А. Ядов так пишет о фактах: «Факты можно рассматривать в онтологическом (не зависящем от сознания) и логико-гносеологическом планах. *В онтологическом смысле факты суть любые не зависящие от наблюдателя состояния действительности или свершившиеся события. В логико-гносеологическом плане фактами называют обоснованное знание, которое получено путем описания отдельных фрагментов реальной действительности в некотором строго определенном пространственно-временном интервале. Это элементарные компоненты системы знания*» (Ядов, 2007, с. 34). В психологии очень показательными в этом отношении являются проведенные в последние годы исследования онтологии психических состояний и гносеологии образов психических состояний (Артищева, 2014; Прохоров, 2013). Образ психического состояния является составляющей не достоверного знания, а единицей индивидуального опыта. Такой образ характеризуется отсутствием предметности, неразрывной связью с переживаниями, отсутствием яркости. Образы различных психических состояний являются результатами отражения накопленного опыта переживания состояний, которые возникали у человека в разных обстоятельствах и ситуациях. Изоморфные состояниям образы фиксируются в памяти и становятся структурными элементами индивидуального опыта переживания состояний. При этом конкретный образ психического состояния может стать подлинным образом мира только при условии наличия у субъекта рефлексии, сопоставления с другими отражаемыми и порождаемыми событиями и ситуациями. Рефлексия образа способствует осознанию психического состояния. Образ сам не только включает в себя опыт, но и способствует формированию его целостной структуры. Внутри структуры опыта образ психического состояния обуславливает обратную связь, регулирует протекание, изменение состояний и поведенческие реакции человека. Образы, на которые человек обращает свой внутренний взор, которые пытается рефлексировать, уже изначально включают в себя переживания и вместе с тем порождают новые эмоции и чувства. Образы психических состояний оказываются соединительными звеньями между недостаточно осознаваемыми эмоциональными реакциями, переживаниями субъекта и отрефлексированными знаниями,

с помощью которых он познает мир. Именно посредством образов субъект получает возможность проникать в хранилища опыта, недоступные понятийному познанию. Следовательно, образы – это не только единицы индивидуального опыта, но и внутренние факторы, влияющие на становление и развитие его структуры (Прохоров, 2013).

В этом научном контексте очевидно, что гносеологический и онтологический анализ понимания чрезвычайно важен для психологических исследований обсуждаемого феномена.

Первое направление исследований понимания – *гносеологическое* – непротиворечиво вписывается в субъект-объектную познавательную схему. Потребность в понимании ведет к познанию. В психологии это направление исследований приводит к построению когнитивных моделей понимания. В более общем историко-философском контексте анализа проблемы ученые связывают феномен понимания с типами рациональных научных рассуждений и понятием рассудка.

Для психологии человеческого бытия аксиомой является гносеологическая направленность понимающего субъекта на объект понимания, а не эпистемологическая характеристика знания о понимаемом. Для гносеологического подхода важнейшей является категориальная оппозиция «субъект – объект» (см. раздел 2.1.1). С позиций гносеологической парадигмы познавательные процессы изучаются как отношение субъекта (в частности, ученого) к объекту познания (предмету исследования). В эпистемологическом подходе во главу угла ставится знание: его строение, структура, функционирование и развитие. При этом базовой оказывается оппозиция «объект–знание». С эпистемологической точки зрения наука должна изучать объективные структуры знания, а не гносеологического субъекта, осуществляющего познание и нередко вносящего в его результаты искажения, ошибки и субъективизм. Учитывая указанные различия, вполне естественно, что в психологии человеческого бытия и психологии понимания «человек понимающий» рассматривается именно как гносеологический субъект.

Второе направление исследований – *онтологическое*. Это субъект-субъектный экзистенциальный подход. Его парадоксальность заключается в том, что в ситуациях человеческого бытия люди нередко утрачивают свою субъектную сущность, становясь на время объектами (познания, отношения и т. п.) не только для других, но и для самих себя. В русской философии, в работах А. С. Хомяко-

ва, С. Л. Франка, Г. Г. Шпета, этот угол зрения на феномен понимания соответствует не рассудку, а разуму.

В работах отечественных психологов (А. В. Брушлинского, О. К. Тихомирова и др.) утверждается, что любое мышление всегда начинается и завершается пониманием. Вернее, мышление зарождается из проблемной ситуации, основанной на непонимании, затем реализуется в формулировании и решении мыслительной задачи, а завершается пониманием ее результатов. Мышление в целом направлено на получение человеком новых знаний, а та его сторона, которую мы называем пониманием, представляет собой процедуры постижения или порождения смысла знания, полученного в мыслительной деятельности. Эмпирические исследования, проведенные в школе О. К. Тихомирова, убедительно показали, что в когнитивном плане понимание не только можно, но и нужно рассматривать как процесс и результат решения мыслительной задачи. Именно во время решения возникают и развиваются процессы смыслообразования.

С. Л. Рубинштейн, а за ним и А. В. Брушлинский считали, что субъект познает объект, как бы вычерпывая его содержание при взаимодействии с ним. Сходная, но не тождественная точка зрения была у герменевтиков, в частности у Ф. Шлейермахера. В герменевтике понимание первоначально рассматривалось как способ выявления, экспликации того, что уже предзадано, заложено в тексте. Процедуры обнаружения смысла текста в процессе его интерпретации реконструировали изначальный замысел автора. После публикации работ В. Дильтея, М. Вебера и А. Шютца произошла универсализация процедур понимания, которые стали рассматриваться как основа познания, особенно в области социальных наук. Распространенной стала точка зрения, согласно которой в процессе понимания происходит продуцирование новых знаний. Это следствие трактовки понимания как интерпретации: объясняя знания на одном уровне, понимающий субъект подготавливает почву для переинтерпретации фактов на более высоком уровне. В результате переинтерпретация становится основой для объяснения понимаемого.

Второе направление исследований понимания возникло значительно позднее первого. В его рамках понимание рассматривается не как познавательная процедура психики индивидуально-го субъекта, а гораздо шире. Понимание перестало трактоваться только как интерпретация, осуществляемая субъектом. В этом направлении оно связывается с экзистенцией, человеческим бытием

и приобретает уже не гносеологический, а онтологический статус. Онтологизация представлена в философии М. Хайдеггера и Г. Г. Гадамера. Они начали описывать понимание как такое специфическое отношение к действительности, в котором человек выступает понимающим себя бытием.

Онтологический статус понимания первоначально был закреплен в герменевтике, представители которой настаивают на изначальной герменевтичности человеческого существования. По их мнению, способность к пониманию предшествует любым процедурам приписывания значений. В их рассуждениях акцент смещается со смыслов, а понимание наделяется деятельностно-коммуникативной природой. Это означает, что понимание начинает трактоваться как умение действовать соответственно социокультурному контексту. Действия требуют от понимающего субъекта владения нормами культуры. Именно понимание создает смыслы: они не понимаются, а порождаются в конкретных ситуациях. Следовательно, понимается не смысл или текст, а ситуация, в которой находится понимающий человек. Практическая ситуация из предмета изучения исследователя превращается в единицу макроанализа психического. Таким образом, понимание как проблема практического отношения и практического разума способствует, прежде всего, онтологическому самоопределению субъекта и только потом, как бы во вторую очередь, гносеологическому.

В условиях плюрализма, неизбежного многообразия интерпретаций одних и тех же событий и ситуаций человеческого бытия в психологической науке особенно остро встает вопрос об онтологических основаниях психики. В академической психологии традиционно большое значение придается гносеологическому субъект-объектному подходу к исследованию природы и общества, традиция которого восходит к Декарту. Сегодня одна из острейших методологических проблем психологии заключается в том, что, несмотря на объективную необходимость в исследовании единства внешних и внутренних условий отражения и порождения субъектом целостных ситуаций человеческого бытия, она преимущественно продолжает оставаться гносеологической, иногда совсем утрачивая свой онтологический статус. В частности, «подавляющее большинство исследований восприятия выполняются в русле гносеологической парадигмы» (Барабанщиков, 2006, с. 42). В психологии «и исторически, и логически онтологические проблемы заслоняются гносеологическими, выступая как фон» (там же, с. 43). Парадоксальность

такого положения дел очевидна для каждого ученого, знающего об эволюции научного познания в XX в.: о переходе от классической парадигмы к неклассической, а затем постнеклассической (Степин, 2000).

В современной научной картине мира исследователь перестает быть всезнающим и беспристрастным наблюдателем, но вместе с тем исчезает и так называемая «объективная реальность». Размышления об онтологических характеристиках субъекта как предмета изучения в психологии человеческого бытия приводят к выводу о двух главных сферах применения категории «онтология». Одна сфера соответствует аналитическому вычленению и описанию онтологических характеристик самого субъекта, другая – онтологии социального мира, в котором человек живет, преобразует его и проявляет свои субъектные качества.

В психологических исследованиях онтологические качества субъекта, свидетельствующие о его реальном существовании, обычно представлены в описаниях конкретных психологических характеристик. Субъект рассматривается как человек не только познающий, воспринимающий, страдающий, но и предписывающий законы существования социальному миру. Исследования онтологии субъекта как выявления тех психологических качеств, которые ему присущи, являются сегодня не только распространенными, но и достаточно очевидными (см., например: Субъект, личность..., 2005). Однако очевидность пропадает, как только мы пытаемся взглянуть на субъекта изнутри, с позиций самих ситуаций человеческого бытия. При этом возникает парадоксальное противоречие во взаимодействии внутренних и внешних условий формирования субъектности человека.

Согласно экзистенциальной традиции, ясно выраженной М. Хайдеггером, «основополагающая установка Нового времени характеризуется превращением человека в „субъекта“, для которого мир становится совокупностью „объектов“, т. е. просто предметов, действительных или возможных, и этими предметами владеют и пользуются, их потребляют, отвергают или уничтожают. Человек как бы распрямляет спину, он больше не ощущает себя впущенным в мир, но воспринимает этот мир „как нечто противостоящее“» (цит. по: Сафрански, 2002, с. 394). Позиция Хайдеггера выражает типичное для экзистенциальной философии различие «бытия» и «существования». По мнению экзистенциалистов, «бытие» относится к окружающему человека природному и социальному миру, а «су-

ществование» – к внутренней жизни, индивидуальному Я. Основной мотив различения – подчеркнуть, что мир всегда стремится подавить индивидуальность, сделать ее частью общего безличного бытия. Естественным следствием противопоставления бытия и существования, противоречия между ними становится возникновение у человека чувства одиночества, тревоги, тоски, ощущения бессмысленности жизни.

Это противоречие не только снимается, но даже и не возникает в субъектно-деятельностной концепции одного из создателей психологии человеческого бытия С.Л. Рубинштейна. Онтологические предпосылки исследования субъект-объектных отношений основываются на том, что «вопрос о существовании внешнего мира и вопрос о существовании других людей (и отношений к ним) должны быть сплетены в своей исходной постановке, вскрывающей мир и других людей как предпосылку существования, подлинного существования субъекта. Человек должен быть взят внутри бытия, в своем специфическом отношении к нему, как субъект познания и действия, как субъект жизни. Такой подход предполагает другое понятие и объекта, соотносящегося с субъектом: бытие как объект – это бытие, включающее и субъекта. Сущее как предметный мир, включенный в практическую деятельность людей, соотносится с ней в своих качественных определениях. Отсюда неправомерно сведение бытия как объекта только к объективной реальности, вещиности, наличности, данности» (Рубинштейн, 1997, с. 64–65).

Бытие включает в себя реально существующего субъекта. Субъект жизни и сам может быть познан и, значит, стать объектом познания. По Рубинштейну, в онтологическом плане проблема бытия субъекта и его отношения к материальному объективному бытию встает перед учеными в новом качестве как проблема бытия и сознания. Более сложным в психологической науке является анализ онтологии социального мира. Выявление онтологических характеристик мира, в котором живет современный человек, нередко представляет для психологов немалые трудности.

Во-первых, это происходит вследствие взаимовлияния и неоднозначного взаимодействия процессов отражения субъектом действительности и порождения им новых реальностей. В соответствии со своими репрезентациями и моделями субъект понимает мир. Подлинное предназначение понимания заключается в проникновении сквозь отражение и порождение – открытия того, что действительно существует в психике субъекта. По Рубинштейну, взаимо-

действие субъекта и объекта реализуется во встречном движении: мира, который показывается субъекту, обнаруживается, «дает себя отражать»; и целеустремленной направленности человека, овладевающего миром и преобразующего его. Порождающая творческая специфика ситуаций человеческого бытия, представленных во внутреннем мире субъекта, определяет то, как он видит и понимает не только события, факты, фрагменты жизни, но и, например, целые города. Вот как говорит об этом писатель А. Кабаков: «Вероятно, таких, как я, в мире много: мой Нью-Йорк создан фильмами Вуди Аллена. Этот великий поэт великого города выдумал его, как Гоголь и Достоевский выдумали Петербург, как Булгаков – Москву, а Хемингуэй – Париж...» (Кабаков, 2006, с. 1).

Во-вторых, онтология социального мира подвержена влиянию техногенной среды, особенно компьютерных технологий и массмедиа. В частности, как точно подметил В. А. Шкуратов, цитирующий актера и режиссера С. Бодрова, современный терроризм в значительной степени порожден тем, что люди видят в кино и на телеэкранах: как захватывать самолеты, как обрушивать башни. «Эти восемнадцать минут между первым и вторым самолетами, которые врезались в башни Торгового центра, они же неслучайны. Все точно рассчитано: чтобы успели подъехать телекамеры! Террористы, по сути, снимали свой фильм, который должен мир запугать, а телевидение просто оказывало им техническую поддержку. Не будь телевидения, все на свете превращающего в зрелище и сенсацию, терроризм не мог бы возникнуть, он был бы бессмысленным» (Шкуратов, 2002, с. 15). В психике субъекта происходит тесное переплетение реальных событий с представлениями о том, какими они могут и должны быть. Иногда первые настолько противоречат вторым, что разум отказывается верить в воспринимаемое.

Итак, онтология социального мира, в котором человек живет, определяется процессами как отражения существующего, так и порождения нового. Следовательно, онтология мира человека – это не только независимая от людей объективная действительность, но и совокупность образов, представлений, символов, присущих ситуациям человеческого бытия. Осмысление бытия, интерпретация понимающим субъектом символов, знаков и т. п., с одной стороны, побуждают его фокусировать внимание на фундаментальных общих основах человеческой жизни, при этом осознавая себя как представителя рода человеческого. С другой стороны, понимание невозможно без обращения субъекта к индивидуальному – к ис-

следованию своего личностного знания, установок, мировоззрения, вообще внутреннего мира.

Общенаучные и психологические характеристики субъектов понимания, этапов, традиций исследования, способов, оснований, форм, типов, гносеологии и онтологии понимания в сжатом виде представлены в таблице.

Таблица 1
Понимание субъектом реальностей мира человека

Теоретические основания понимания	Три реальности мира человека		
	Эмпирическая	Социо-культурная	Экзистенциальная
Субъект понимания (по М. Фуко)	Специалист-наставник	Мужественный правдолюб	Мудрец
Формы и этапы интерпретации понимания в философии (по А. П. Огурцову)	Понимание как познавательная способность: деятельность рассудка, противопоставляемого разуму	Понимание как процедура герменевтического истолкования	Понимание как способ бытия человека в мире: выбор одной из возможностей существования
Традиция психологических исследований	Когнитивная	Герменевтическая	Экзистенциальная
Способ понимания мира	Парадигматический	Нарративный	Тезаурусный
Основания понимания	Знание и значение	Мнение и смысл	Переживание и опыт
Форма понимания	Понимание-узнавание	Понимание-гипотеза	Понимание-объединение
Тип понимания	Понимание-знание	Понимание-интерпретация	Понимание-постижение

Обобщенные представления о понимании субъектом мира представлены в таблице, однако сам вопрос о правомерности отраженного в ней дизъюнктивного разделения мира человека на три реальности пока остается спорным не только для моих коллег, но и для меня самого. Классификационная ясность и абстрактно-аналитическая научная полезность определения отличительных признаков реальностей на первых этапах создания обобщенной модели понимания несомненны. Однако развернутый ответ на указанный вопрос, безусловно, требует более глубокого психологического анализа субъек-

ектных оснований того, почему люди, исходя из своих знаний, индивидуальных точек зрения, личностных качеств, бессознательных установок и т. п., понимают реальности именно как эмпирическую, социокультурную или экзистенциальную. Вместе с тем нужно исследовать и закономерности соотношения анализа и синтеза мышления понимающего мир субъекта, преобладания у него аналитического или холистического стиля мировоззрения. Это позволит лучше понять психологические основания различения реальностей. В этой связи я считаю необходимым приступить к развитию нового субъектно-аналитического подхода к психологическому исследованию понимания мира. Такой подход направлен, прежде всего, на получение ответов на два главных вопроса: 1) Как человек понимает мнимые, пограничные, промежуточные реальности, которые однозначно нельзя характеризовать ни как эмпирическую, ни как социокультурную, ни как экзистенциальную? 2) Можно ли применительно к каким-то случаям утверждать, что понимание реальности определяет свойства самой реальности? Иначе говоря, в какой степени реальность зависит от сознания понимающего мир субъекта? Первые шаги в направлении развития субъектно-аналитического подхода сделаны в следующем разделе монографии.

1.5. Субъектно-аналитический подход к психологическому исследованию понимания мира

Понимание – один из важнейших психологических феноменов, пронизывающий все уровни человеческого бытия. Понимание направлено на порождение смысла явлений, событий, ситуаций во всех трех реальностях, в которых живет человек – эмпирической, социокультурной и экзистенциальной. В психологии им соответствуют три традиции исследований – когнитивная, герменевтическая и экзистенциальная. В каждой традиции психологи имеют дело с пониманием, неодинаковым по психологическим механизмам и основаниям.

В современном обществе коммуникация является продуктивной тогда, когда ее участники понимают друг друга. В общении предмет понимания, обсуждаемая тема обычно проявляется в двух основных типах высказываний. Одни описывают предметный мир, и каждому утверждению соответствует какое-то его объективное качество: у высказываний есть референты, денотаты. Это те случаи, когда мы говорим об *эмпирической реальности* и у нас есть процедуры про-

верки истинности высказываний. В этой реальности мы имеем дело с объективным знанием. Объективное знание проявляется в истинных суждениях, которые соответствуют какому-то качеству реальности (например, кит больше слона). В *социокультурной реальности* нет качеств, явно соответствующих внешней действительности. Ну, какие могут быть референты у печали или вдохновения? У нас есть только репрезентации этих понятий и, соответственно, психологических феноменов. Причем, неодинаковые, связанные со структурой личностного знания каждого человека. Репрезентации проявляются во мнениях и интерпретациях. А истинность мнений невозможно оценить, можно говорить только об их правильности или неправильности с позиций разных групп людей. Например, можно ли утверждать, что выказывание «Лучше быть здоровым, чем богатым» является истинным? Одни люди согласятся с этим, другие – нет. Так же нет объектных референтов и в *экзистенциальной реальности*. Ключевыми психологическими феноменами в ней являются опыт, переживание, бессознательное, постижение.

Цель раздела – проанализировать основные положения субъектно-аналитического подхода, с помощью которого можно доказать правомерность различения трех реальностей мира человека и обосновать причины неодинаковости их понимания.

Субъектно-аналитический подход в психологии познания и понимания. В методологии современной психологии одним из интересных и, безусловно, перспективных является культурно-аналитический подход к исследованию эволюции психологического знания и междисциплинарных связей психологической науки (Гусельцева, 2009, 2015). Именно с применением этого подхода ставится и в значительной мере решается задача определения специфики аналитического метода в психологических исследованиях. Постановка проблемы определения содержания и сути аналитического метода в психологических исследованиях, конечно же, актуальна применительно к попыткам ответа на вопрос: какие психологические механизмы и ресурсы субъекта включены в процессы различения в едином мире человека трех реальностей – эмпирической, социокультурной и экзистенциальной? Неразрывно связанным с этим является вопрос и о роли в этом различении характера активности самого понимающего мир субъекта: ее направленности и специфики. Ответить на эти вопросы и должен субъектно-аналитический подход. По объему и содержанию этого понятия он уже междисциплинарного культурно-аналитического (Гусельцева, 2009,

2015). Субъектно-аналитический подход хотя и не исключает обращение психолога к данным других наук, но все-таки ориентирован преимущественно на исследование понимания как психологической проблемы, описанной в психологической литературе. Сочетание в названии подхода двух понятий означает, что и субъектная составляющая, и аналитическая играют важную роль в определении оснований, по которым различаются и понимаются три реальности мира человека.

Субъектная составляющая субъектно-аналитического подхода включает три компонента.

1. Субъектность как совокупность внутренних условий развития понимания, формирующихся в соответствии с рубинштейновским принципом детерминизма: внешние причины действуют, преломляясь через внутренние условия, составляющие основание психического развития. В частности, «внутренними условиями взаимопонимания в психологическом консультировании являются: открытость пониманию (диалогическая интенция), открытость изменениям (интенция изменений) и открытость отношениям с собеседником (отношенческая интенция)» (Арпентьева, 2015, с. 6–7). Внутренними условиями психики понимающего мир субъекта оказываются также знания, они в значительной мере определяют индивидуальную специфику его взгляда на реальность, интерпретативную схему понимания, основанную на системе фреймов (Гофман, 2003).

Субъектность, внутренние условия понимания как линзы, направляющие фокус внимания понимающего субъекта, проявляются в специфике интерпретации, приписывания событиям, явлениям и т. п. статуса фактов. Простая констатация существования объектов, явлений, событий, полученных в исследовании результатов, не означает признания их фактами. В науке фактами называют только те результаты, которые теоретически осмыслены и так соотношены с другими данными, что становится очевидным существенное отличие одних от других. Любая наука строится на проинтерпретированных, понятых учеными фактах. В частности, А. Ф. Лосев полагал, что история как наука – это только понятые факты: «Факты сами по себе глухи и немые. Факты непонятые даже не суть история. История всегда есть история понятых или понимаемых фактов (причем понятых или понимаемых, конечно, с точки зрения личного бытия)» (Лосев, 1991, с. 129). В психологии к фактам обычно относят такой вид знания, в котором фиксируются воспроизводимые феномены и явления, постоянно проявляющиеся при опреде-

ленных обстоятельствах. «Кроме того, к ним принято причислять не любые относительно стабильные психологические явления, а явления, достаточно существенные для психологической науки, выражающие какие-либо психологические закономерности. Например, тот факт, что объем непосредственной памяти равен 7 ± 2 элемента, во-первых, обладает достаточной воспроизводимостью – в рамках обозначенного диапазона, во-вторых, важен для психологической науки и практики, имея большое значение как для предсказания возможностей человека, так и для познания механизмов непосредственной памяти» (Юревич, 2010, с. 27).

Фактов нет вне дискурса, схемы понимания мира. Однако схемы понимания различны в социокультурной и экзистенциальной реальностях, в которых ученые имеют дело с мыслями, поступками людей, и в эмпирической, применительно к которой анализируются закономерности, выражающие повторяющиеся явления и события. В первых двух факты всегда явным или неявным образом включают указание на цели поступков людей и их причины (исторический факт заключается не только в знании, что Цезарь перешел Рубикон, но и в понимании того, почему и зачем он это сделал). При изучении закономерностей понимания людьми эмпирической реальности психологи называют фактами только такие объекты, явления, события, суждения о которых либо верифицируемы, допускают опытную проверку, либо основаны на общем для множества людей объективном знании. Факты есть не только в природном, но и в социальном мире. Суждения « $2 + 2 = 4$ » или «Расстояние от Калининграда до Хабаровска больше пяти тысяч км» истинны, это общеизвестные факты. Такие суждения зависели от способов познания тогда, когда любой человек их впервые слышал и осмысливал. Потом они стали объективными: такие истинные суждения одинаково понятны всем людям.

Другими свойствами обладают суждения, в основании которых лежит здравый смысл. В частности, суждения, вытекающие главным образом из наблюдений, истинность которых не проверена, могут быть составной частью тезауруса обыденного знания человека, но они никогда не станут научным знанием и, соответственно, фактом. В юмористической форме, но очень точно это отражено в анекдоте. Две блондинки стоят на Красной площади и смотрят на Луну. Одна задумчиво спрашивает: «Как ты думаешь, что дальше – Луна или Монако?» Вторая отвечает: «Ну, ты меня удивляешь! Ты Монако отсюда видишь?» Визуальное отсутствие Монако порождает иллю-

зию, что расстояние до Луны меньше, чем до названного маленького государства. При анализе этого случая ученый имеет дело с тем, что М. Феррарис называет преобладанием онтологии над эпистемологией. Не интерпретированная «реальность, будучи необъяснимой и неисправимой, представляет собой отрицательную крайность знания. Тем не менее это также положительная крайность бытия, ведь это то, что дается, то, что упорствует и сопротивляется интерпретации и вместе с тем делает ее истинной, отличая ее от воображения или от *wishful thinking*» (Феррарис, 2014, с. 151).

Научные факты не исключают, а, наоборот, включают в себя субъектные составляющие, являющиеся внутренними условиями понимания. Если я говорю о фактах, то моя субъектность проявляется в уверенности в их истинности: я убежден, что кит больше слона. Я также верю в то, что мои собеседники тоже не сомневаются в истинности этого утверждения. И это дает нам возможность понимать друг друга: в этом случае объективность и истинность знания являются общим базисом, гарантией одинакового понимания высказывания всеми общающимися людьми.

2. Вторая составляющая – гносеологические субъект-объектные основания психологии субъекта. Они включают указания на то, что во многих психологических исследованиях трудно провести четкую границу между субъектом и объектом. Разрабатывая психологию субъекта, А. В. Брушлинский опирался на положение, что познавательное отношение субъекта к внешнему миру есть основное гносеологическое отношение. Он стремился раскрыть гносеологические и онтологические основания психики и анализировал ее недизъюнктивную природу. Трудности аналитического различения гносеологии и онтологии психического в психологическом эксперименте всегда упираются в онтологическую неотделимость любого психического процесса от его результата, потому что любой из продуктов (мыслительного поиска, распределения внимания и т. п.) реально существует только в породившем и использующем его процессе. Основываясь на теории психического как процесса, он считал, что с помощью мыслительного механизма анализа через синтез можно гносеологически и психологически расчленять недизъюнктивные объекты, неразделимые в онтологическом плане (Брушлинский, 2003). Тем не менее следует признать, что в психологии субъекта были только намечены направления, в которых должны проводиться исследования различения гносеологических и онтологических оснований научного анализа субъектности человека.

В XX в. внутриспсихологические проблемы трудностей установления границ между субъектом и объектом определялись и более общей ситуацией, сложившейся в социогуманитарном познании. Тогда наблюдалась культурно-историческая эволюция интерпретации разнообразных описаний мира. Она заключалась в постепенном смещении фокуса внимания ученых с анализа точки зрения субъекта-автора к исследованию знаний о мире субъекта-реципиента, на основе которых он выстраивает свою интерпретацию описанной ситуации. Эволюция соответствовала диалектике развития социогуманитарного познания: на смену монологической направленности ученых на анализ субъект-объектных взаимодействий пришли размышления о размытости границ между субъектом и объектом во многих ситуациях человеческого бытия. Неизбежным следствием этого стала неразличимость авторской позиции в семантическом пространстве мира человека. Неудивительно, что в XX в. известными и широко распространенными стали метафорические высказывания Р. Барта, М. Фуко и других замечательных мыслителей о смерти автора, смерти субъекта. Большой резонанс этих высказываний в среде интеллигенции можно объяснить с двух точек зрения.

Во-первых, это смещение акцента с традиционного для структурного психоанализа и психологии художественного восприятия изучения решающей роли автора в понимании написанного. Типичными авторскими текстами я бы назвал всю русскую классику – Л. Н. Толстого, А. П. Чехова и др. Понимание их рассказов, повестей, романов фактически сводилось к такой читательской интерпретации, которая была направлена на выявление авторского замысла. Сегодня мы вынуждены отказаться от иллюзии, что смысл сказанного субъектом исчерпывается тем, что он сказал. Законченное стихотворение, написанная книга или диссертация отчуждаются от автора и включаются во множество социальных и культурных контекстов. Жесткую соотнесенность значения с конкретным объектом заменяет неисчерпаемость множества возможных культурных интерпретаций. Вспомним у Шекспира: «Что имя? Роза пахнет розой, хоть розой назови, хоть нет...» Однако в современной культуре роза – это и красота, и радость, и любовь, и женственность, и гармония мироздания. Выбирая те или иные значения, мы указываем на свою принадлежность к определенной культурной традиции. Тем самым мы присоединяемся к одной из культурных интерпретаций, утрачивая индивидуальность. Как нередко говорят герои боевиков, «ничего личного», т. е. субъективного. Следовательно, как в общении, так

и при чтении происходит восстановление в правах нового субъекта – не автора, а слушателя и читателя.

Во-вторых, в человеческом бытии есть немало событий и ситуаций с размытыми границами между субъектом и объектом. Р. Барт приводит фразу из новеллы О. Бальзака: «То была истинная женщина, со всеми ее внезапными страхами, необъяснимыми причудами, инстинктивными тревогами, беспричинными дерзостями, задорными выходками и пленительной тонкостью чувств» (Барт, 1989, с. 384). И Барт ставит правильный вопрос: как определить, *кто* это говорит? Бальзак-человек, рассуждающий о женщине на основании своего личного опыта? Или Бальзак-писатель, исповедующий «литературные» представления о женской натуре? Или же это общечеловеческая мудрость? А может быть, романтическая психология? Узнать это нам никогда не удастся по той причине, что в письме как раз и уничтожается всякое понятие о голосе, об источнике. Отчужденный текст – это уже та область неопределенности, в которой *теряются следы субъективности автора*, исчезает самоощущенность пишущего. Зато смысловые акценты интерпретации и ответственность за нее смещаются на другого субъекта – читателя.

Однако, безусловно, глубокие и содержательные рассуждения названных мыслителей лишь подчеркивают метафоричность выражения «смерть субъекта». В контексте психологии человеческого бытия, не тождественного индивидуальному жизненному пути, такие рассуждения по-новому ставят старую проблему диалогичности бытия и сознания: нельзя ограничиваться анализом одного субъекта-автора, нужно учитывать и субъекта-читателя. Именно субъект, говорящий или слушающий, пишущий или читающий, интерпретирует те ситуации, о которых говорится или пишется. А интерпретация становится основой понимания событий и ситуаций человеческого бытия. Интерпретация – это всегда один из возможных *способов* понимания, порождения субъектом смысла понимаемого. Понимание включает в себя потенциальную возможность разных типов интерпретации содержания понимаемого, т. е. рассмотрения его с разных точек зрения. Неудивительно, что понимание одних и тех же высказываний в диалоге, текстов, социальных ситуаций оказывается неодинаковым при их интерпретировании преимущественно на основе знаний, установок автора или читателя, а также зависимой и независимой самоинтерпретации партнеров по общению (Grace, Cramer, 2003; Singelis, 1994).

Проблема определения объективных и субъективных оснований различия реальностей, безусловно, включена в описанный выше более широкий контекст развития социогуманитарного познания. Эта проблема оказывается важнейшей при изучении факторов, влияющих на аналитическое расчленение мира человека на три реальности. Субъектно-аналитический подход к исследованию психологии понимания как раз и направлен на то, чтобы сделать явными те психологические основания, на которых базируются классификации реальностей, явного описания признаков каждой из них. Три описанные выше реальности, конечно же, объективно существуют. Вместе с тем ясно и то, что различение реальностей относится не столько к онтологии их существования, сколько к гносеологическому уровню анализа, логико-аналитическому описанию признаков и характеристик. В действительности недизъюнктивны не только мыслительные процессы субъекта, но и сам мир человека является скорее целостным и непрерывным, чем дискретным. В многомерном мире человека реальности нередко настолько взаимосвязаны, что их трудно расчлениить, отделить одну от другой. В эксперименте психологу часто очень трудно уловить ту грань, границу между реальностями, которая существует во внутреннем мире испытуемого. Это ясно проявляется, например, при психологическом анализе роли телесного опыта в структуре индивидуального знания. В этом случае важной проблемой оказывается выявление границ субъектности: различение физической и духовной природы человека. Необходимым условием выделения себя как субъекта своей жизни и деятельности является ментализация границы Я, отделение телесной оболочки от духовной сущности. Возникающая в психике субъекта граница между Я и не-Я знаменует собой не только отделение физического Я от иного, но и различение Я как активного субъекта социальных взаимодействий от Меня как объекта воздействия со стороны других людей. Как показывают психологические эксперименты, определение границы требует от людей усилий, психического напряжения (Ребеко, 2015).

Точное описание сложной диалектики взаимопереходов, границ между реальностями можно найти в романе Х. Мураками: «Есть реальность, которая подтверждает реальность происходящего. Дело в том, что наша память и ощущения несовершенны и односторонни. До какой степени реально то, что мы считаем реальным? Где начинается „реальность, которую мы считаем реальностью“? Определить эту границу во многих случаях невозможно. И что-

бы представить нашу реальность как подлинную, требуется другая, скажем так, – пограничная реальность, которая соединяется с настоящей. Но этой пограничной реальности тоже нужно основание для соотнесения с настоящей реальностью, а именно – еще одна реальность, доказывающая, что эта реальность – реальность. В сознании складывается такая бесконечная цепочка, и, без преувеличения, в каком-то смысле благодаря ей и существует человек. Но бывает, эта цепь в каком-то месте рвется, и в тот же миг человек перестает понимать, где же реальность настоящая. Та, что на том конце оборванной цепи, или та, что на этом?» (Мураками, 2015, с. 267).

То, что Х. Мураками называет «пограничной реальностью», в социогуманитарных исследованиях соответствует «мнимому». Проблема необходимости анализа мнимого, обладающего чертами и реального, и нереального, ставится в статье Т. А. Догадиной (Догадина, 2010). Обсуждая пограничный онтологический статус некоторых политических образований (суверенные республики Абхазия и Южная Осетия, признанные как независимые только Россией и Никарагуа; Турецкая Республика Северного Кипра; в одностороннем порядке провозглашенное независимым Косово и др.), автор отмечает, что в мире человека понятие «мнимое» применимо к весьма разным сторонам нашей жизни. «Примером может служить феномен клинической (мнимой) смерти или мнимой болезни, в биологии – состояние анабиоза, в физике – понятие мнимого времени, в юриспруденции – мнимая сделка, в социологии – мнимые или номинальные общности и т. д. В геометрии и астрономии проблема пограничного состояния объектов и пространств отразилась в концепции комплексных чисел и мнимых величин» (Догадина, 2010, с. 295). Мнимое нельзя свести не только к реальному, но и к нереальному. Нереальное – то, что характеризуется как несуществующее или не могущее существовать (русалка, кентавр и т. п.), а мнимое – это то, что реально существует, но не проявляет своей принадлежности к реальному. «Понятие „мнимое“ в политической действительности отражает суть политических объектов и субъектов, характеризующихся неполнотой своего существования, когда, будучи субстанционально реальным, объект или субъект не проявляет своих реальных свойств и качеств до наступления определенных условий в политическом процессе» (там же, с. 296). К таким политическим субъектам, к примеру, можно отнести Приднестровскую Молдавскую Республику.

Проблема определения того, что и по каким основаниям человек считает реальным, а что мнимым или нереальным, чрезвычайно важна для психологической науки. Р. Гвин в статье «Реально нереальное: нарративная оценка и объективация опыта» (Gwyn, 2000) обсуждает ее на примере интервью с людьми, пережившими близость собственной смерти или смерти близких, т. е. тех, кто страдал от хронических заболеваний или заботился о тяжело больных членах семьи. Он обнаружил, что любая оценка, сделанная другим человеком во время описания событий, имеет тенденцию обеспечивать «подлинность» оценки самого говорящего, увеличивать доверие к его рассказу. Имели ли реально место данные события или нет – вторично по отношению к пониманию их дискурсивной силы, отраженной в оценке. В конце статьи автор ставит вопрос и пытается ответить на него: что означает выражение «реально нереальное» в данном контексте? Можно ли его расценить как отрицание опыта, встроенного в границы реальной действительности? Если действительность «нереальна» в определенные моменты времени, то, вероятно, это потому, что некоторые виды человеческого опыта выходят за пределы обычной реальной действительности. Эта «нереальная» действительность для психолога погранична: она обладает свойствами социокультурной и экзистенциальной реальностей и находится между ними.

Как пограничные между социокультурной и экзистенциальной реальностями следует рассматривать ситуации человеческого бытия, связанные с эвтаназией (подробнее о психологических исследованиях понимания эвтаназии см. раздел 3.6.4.). В уголовно-правовом смысле эвтаназией считается умышленное причинение смерти неизлечимому больному, осуществленное только в том случае, если оно произведено медицинским работником или иным лицом по его просьбе, а также по мотиву сострадания к нему и с целью избавления человека его от невыносимых страданий (Капинус, 2006). В психологическом смысле ключевым является понимание и толкование выражения «по его просьбе», потому что основанием поступка (просьбы об эвтаназии) могут служить и разные причины, и разная выраженность осознания больным степени безысходности состояния своего здоровья. Во время неизлечимой болезни экзистенциальная ситуация человеческого бытия претерпевает значительные изменения. Трудно требовать от человека, достигшего терминальной стадии заболевания, логически непротиворечивых рациональных рассуждений. Как известно из теории управления страхом (Greenberg et al.,

2000), мысли о неизбежном конце своей жизни запускают в действие двойной механизм защиты от мыслей, связанных со смертью: периферическую (отдаленную) защиту и проксимальную (ближайшую). Мысли о смерти могут отодвинуть на задний план сознания логику и актуализировать экзистенциальные страхи. В такой экзистенциальной ситуации принятие решения об эвтаназии становится неустойчивым, колеблющимся. Учитывая это, трудно не согласиться с О. Е. Летовым, который считает, что «следует проводить четкое различие между желанием эвтаназии, с одной стороны, и ее осознанным требованием – с другой» (Летов, 2009, с. 239).

В биоэтике и медицине можно найти также примеры неустойчивости границ между наполненной значениями и смыслами социокультурной реальностью и эмпирической, включающей познавательные знания, в частности, о биологических основаниях жизни человека. «Успехи в области медицины все более затрудняют определение границ между жизнью и смертью, между необратимой и обратимой комой. Ввиду этого в пространстве помощи больным возникают пограничные ситуации. Во многих случаях техника реанимации обрекает некоторых больных скорее на продление агонии, чем продление жизни. Уже не раз отмечалось, что развитие технологий делает бессмысленным различие между естественным и искусственно поддерживаемым сердцебиением, между естественным и искусственно поддерживаемым дыханием» (Семенков, 2015, с. 126). Например, как известно, пациентам, у которых сердце бьется недостаточно часто или имеется электрофизиологическое разобщение между предсердиями и желудочками, врачи вставляют электрокардиостимуляторы. Можно ли в таких случаях сказать, что их сердца сокращаются, пульсируют в силу естественных, природных или искусственных причин? Трудный вопрос, ответ на который не может быть однозначным. Ведь кардиостимулятор – это медицинский прибор, предназначенный для воздействия на ритм сердца, его основной задачей является не только поддержание, но и навязывание частоты сердечных сокращений. Осознание и понимание сути таких пограничных ситуаций, решение вопросов об отнесении их к естественным природным (эмпирическая реальность) или к искусственным рукотворным (социокультурная реальность) является в современном мире актуальным и жизненно важным.

Из сказанного следует, что обоснование существования различных реальностей человеческого бытия пока вызывает немало вопросов. Главный из них давно сформулировал великий матема-

тик А. Пуанкаре, писавший в книге «Наука и гипотеза»: «Невозможна реальность, которая была бы полностью независима от ума, постигающего ее, видящего, чувствующего ее. Такой внешний мир, если бы даже он и существовал, никогда не был бы нам доступен. Но то, что мы называем объективной реальностью, в конечном счете есть то, что общо нескольким мыслящим существам и могло бы быть общо всем» (Пуанкаре, 1990, с. 203–204). Иначе, но фактически то же самое говорят современные методологи истории и политики: «Другими словами, реальность как таковая не существует до того момента, пока не появляется ее репрезентация. Идея в том, что реальность в собственном смысле слова не существует, пока мы не помещаем ее, так сказать, перед собой на некотором удалении, а это достигается в репрезентации и благодаря ей» (Анкерсмит, 2014, с. 67). Это не означает, что репрезентация *создает* реальность. «Чтобы лучше понять эту мысль, представим, что происходит, когда мы обводим определенную территорию на карте и называем ее „Францией“ или „Германией“. Именно в этом смысле мы можем сказать вместе с Данто, что только путем создания заместителя реальности (то есть репрезентации) мы оказываемся на расстоянии от реальности и тем самым делаем ее существующей» (там же).

В психологии после исследований С. Л. Рубинштейна и других крупных ученых аксиомой является положение о том, что в мире человека не существует объективного знания о реальности, независимого от познающего субъекта. Объективность знания – всегда и результат познавательной деятельности субъекта, и отражение бытия. Любое научное понятие, которым мы описываем реальные предметы, события, ситуации – это и конструкция мысли, и отражение бытия (Рубинштейн, 1957). Объективное содержание понятия – это, разумеется, отраженное содержание предмета. Но, только преломляясь через внутренние субъектные условия познавательной деятельности познающего субъекта, содержание предмета становится объективным содержанием понятия, входит в багаж знаний субъекта и определяет его поведение. Внутренние субъектные условия познания определяют различное понимание людьми одних и тех же бесспорно объективных данных. К примеру, если я скажу, что расстояние от центра Москвы до центра Санкт-Петербурга по прямой составляет около 635 километров, то это может оказаться непонятным британцу или американцу, привыкшему производить расчеты в милях. Аналогично россиянам трудно понять: у больного температура тела составляет 107,5 градусов по Фаренгейту (Gwyn, 2000) –

это много или мало? Внутренние условия, концептуальные схемы понимающего мир субъекта играют определяющую роль в понимании трех реальностей человеческого бытия.

3. Третья составляющая – способы преобразования субъекта, полагания себя. С точки зрения раскрытия их содержания центральными являются вопросы о типах активности человека как личности и как субъекта. Интересный вариант разграничения активности личности и активности субъекта описан в работе Н. Е. Харламенковой, которая выделила четыре особенности активности человека как субъекта и личности (Харламенкова, 2010). Другой вариант описания субъектной активности представлен в работах М. Фуко. По Фуко, субъективность проявляется во внутренних условиях познающего мир человека, прежде всего, в его опыте. Условия реализуются и проявляются в дискурсе, практиках. При этом три дискурса соответствуют трехчленной схеме понимания мира (формы возможного знания, нормативные основания поведения, вероятные способы существования возможных субъектов) (Фуко, 2011).

Аналитическая составляющая субъектно-аналитического подхода состоит из двух компонентов.

1. Раскрытие сущности аналитического метода научного исследования как рассмотрения отдельных сторон, свойств, составных частей предмета для суждения о целом. Анализ (разделение действительности на три реальности), в конечном счете, нужен для того, чтобы синтезировать части в целое (мир человека). Как точно подмечает М. С. Гусельцева, «анализ, понимаемый в широком смысле слова, реальность на элементы вовсе не расчленяет, а ее анализирует, устанавливая „игру“ взаимосвязей. Анализ здесь, как ни парадоксально, выступает в смысле синтеза, или собственно аналитики» (Гусельцева, 2009, с. 20). К аналогичным выводам о диалектических связях анализа и синтеза приходят лингвисты, обсуждающие проблемы понимания смысла текста: «Диалектика анализа и синтеза запечатлевает себя в основополагающих принципах интерпретации и выражается, в частности, в герменевтической идее „круга части и целого“. Конечный продукт работы интерпретатора – вербализованное и тем самым реализованное понимание (интерпретация) – также являет собой смысловое целое, продукт, синтезированный на основе проанализированного. Анализ, таким образом, не подчиняет себе синтез, а в конечном итоге подчиняется ему» (Щирова, Гончарова, 2007, с. 280).

Здесь уместно вспомнить глубокое психологическое замечание митрополита Антония Сурожского о соотношении анализа и синтеза в психике человека. Он писал: «Однако, как бы бедны мы ни были опытом, мы знаем, что аналитическое внимание ума, разлагающее предмет на составные части, нередко внимание рассеивает, разбивая его глубокое единство и развеивая его силу. Наоборот, монотонное, ритмическое, беспешное повторение одной-единственной формулы, краткой, но сильной, успокаивает ум, заставляет мысль утихнуть, объединяет внимание глубже многообразия явленной в существе темы и, несмотря на первоначальную рассеянность и за ее пределами, сосредоточивает ум, соединяя его с „сердцем“» (Антоний Сурожский, 1953, с. 150).

Направленность аналитического расчленения проблемы для ее последующего синтеза – важнейшая характеристика понимания в процессе математического мышления. Обсуждая два способа понимания в математике (топология и абстрактная алгебра), на это указывал известный немецкий математик Г. Вейль. В математическом исследовании различные стороны предмета подвергаются естественному разделению. Сначала каждая сторона задачи осваивается в отдельности, исходя из особого, сравнительно узкого и легко обозримого набора предположений. Затем математик возвращается к целому, подходящим образом объединяя частные результаты в сложное единство (Вейль, 1989).

В отечественной психологической науке идея о различии и взаимосвязи частей и целого продуктивно развивалась в психологии мышления. Дифференционно-интеграционные процедуры человеческого мышления неоднократно описывал О. К. Тихомиров. Он подчеркивал, что решение задачи, в частности шахматной, это всегда такой анализ, первичная дифференциация (ходов, предвосхищений, мотивов), за которым следует синтез, интеграция. Интеграция означает качественно новый уровень мышления, на котором решаемая проблема, целостная позиция наполняется для субъекта еще и ценностно-смысловым содержанием. Динамика ценностно-смысловой структуры ситуации обусловлена изменяющимися в процессе мыслительной деятельности поисково-познавательными потребностями мыслящего субъекта (Тихомиров, 1984). Следовательно, при решении задач сущность аналитического метода также заключается не в направленности на расчленение объекта познания на отдельные его составляющие. Конечная цель применения метода – интеграция, синтетическое объединение частей познаваемого в целое.

Аналитичность как процедура человеческого ума играет значимую роль также в психологии рефлексии и психологии переживаний.

Рефлексия многими психологами рассматривается как сознательный и преимущественно когнитивный процесс. В этом ключе рефлексивность предстает как данность сознания самому себе, репрезентация субъекту то, что происходит в его психике. Рефлексия выполняет не только аналитические, но и синтетические функции. Как отмечает А. В. Карпов, рефлексия направлена на *анализ* основных видов когнитивных процессов (мышления, памяти и др.) человека как метакогнитивных – метамышления, метапамяти и т. п. Благодаря рефлексии у мыслящего субъекта возникает ощущение полноты и исчерпанности репрезентации внутреннего мира во всем многообразии его проявлений. Репрезентация предполагает опору на все когнитивные процессы в форме метапроцессов. Рефлексия оказывается *интегратором* психики как системного образования, а предметом интеграции являются основные психические процессы (Карпов, 2012). В более обобщенном виде, простым и ясным языком идея о сочетании дифференционных и интеграционных свойств познаваемого объекта в психике познающего субъекта представлена в работе Г. Марселя о двух видах рефлексии. Он различает рефлексию первой и второй ступени познания. Вторичная рефлексия влияет на процедуры, к которым прибегает первичная рефлексия, чтобы восстановить единство между элементами, которые та первоначально разъяла. «Скажем в общих чертах, что в то время как первичная рефлексия имеет тенденцию к разрушению изначально данного ей единства, рефлексия второй ступени является по сути дела восстанавливающей, она представляет собой возвращение, восполнение утраченного» (Марсель, 2003, с. 148).

Переживание тоже нередко понимается психологами именно как рефлексивный процесс, способствующий осознанию и, в конечном счете, появлению отрефлексированного субъектом знания о переживаемом. С этим трудно спорить – в результате взаимодействия процессов рефлексии и переживания осуществляется осознание актуальной жизненной ситуации. Однако в то же время возможно и отсутствие подобного осознания. И в этом случае отсутствие рефлексии переживаемого события препятствует его соотносению с личностным знанием субъекта и перемещению воспоминания о нем из жизненного опыта в экзистенциальный. Конструктивная попытка устранения противоречия между осознанностью рефлексии и личностным и не всегда осознаваемым характером переживаний

предпринята А. О. Прохоровым в цикле исследований, посвященных анализу смысловых оснований рефлексивного слоя психических состояний (Прохоров, 2006). Рефлексию, смыслы и переживания он анализирует в едином континууме семантического пространства психических состояний: «Включение переживания в структуру смысловой детерминации обусловлено тем, что возникновение психического состояния субъекта связано с бытием и отражением бытия самого субъекта, а также с отражением его отношения к бытию. Презентация этого отражения в сознании человека осуществляется не в виде образов, а в виде переживаний» (Прохоров, 2006, с. 46).

Переживания всегда включают в отношение субъекта к бытию, в процессы отражения и порождения, интегрирующиеся в феномене смысловой детерминации ситуаций человеческого бытия. Репрезентация смысловой детерминации в сознании субъекта осуществляется не только в виде образов, но и в виде переживаний. Такой взгляд на проблему дает возможность осмыслить переживание не как широко распространенное в психологической литературе когнитивистское подобие рефлексии. С позиций концепции структурно-динамической организации переживания (Фахрутдинова, 2008), психологические корни формирования обсуждаемого феномена следует искать не только в когнитивной реальности. Пожалуй, наиболее репрезентативными для анализа трудностей осознания переживаемого являются переживания, возникающие у современных людей, взаимодействующих в социокультурной и экзистенциальной реальностях. Трудности осознания собственных переживаний у людей связаны с психическими состояниями, эмоциями, защитными механизмами, межличностными отношениями и т. д.

2. Еще одним компонентом субъектно-аналитического подхода является ориентация на рубинштейновскую традицию исследования мышления и познания как анализа через синтез (Процесс мышления..., 1960) С. Л. Рубинштейн выделял две основные формы мыслительных операций. «Анализ-фильтрация» проявляется в мышлении как постепенное отсеивание не оправдавших себя проб решения задачи. «Анализ через синтез»: в нем анализ выступает в роли синтетического акта соотнесения условий с требованиями поставленной задачи. При этом в целом анализ рассматривался школой С. Л. Рубинштейна как мыслительная операция, которая функционирует в паре с синтезом. Анализ через синтез обеспечивает прогнозирование субъектом искомого и творческую порождающую природу мыслительной активности. В процессе ее осуществле-

ния познаваемый объект начинает проявляться в новых свойствах и качествах, ранее не представленных индивидуальному сознанию.

Роль синтеза в порождении целостного, холистического взгляда на события и явления также фундаментально обоснована: это убедительно показано в книге А. В. Брушлинского о логико-психологическом анализе мышления и прогнозирования (1979). В рубинштейновской традиции, которой он следовал и которую развивал, дифференцирующая и интегрирующая функции мышления заключаются в следующем: «Анализ и синтез в мышлении не противостоят друг другу, но существуют в единых формах. Анализ объекта в процессе мышления предполагает действие особого механизма анализа через синтез, т. е. включения познаваемого объекта во все новые и новые связи и отношения с другими, выявления, таким образом, новых качеств и свойств предмета. Этот процесс не есть простое разложение некой целостности на составные части, он не может осуществляться без трансформации исследуемого объекта, без выражения его существенных сторон в понятийной форме. Синтез предполагает не столько составление определенных элементов в структуру, но воссоздание всеобщих свойств предмета в различных его конкретных проявлениях (в виде особенного), т. е. путь от общего к частному, от абстрактного к конкретному, а также формулирование способа связи (понятийно выраженного) между частями объекта (обеспечивающего его целостное функционирование). Такой синтез способствует воспроизведению познаваемого объекта во всей его конкретности, в многообразии его проявлений, а, следовательно, и в его – целостности» (Селиванов, 2008, с. 31).

В мыслительном процессе анализа через синтез объект мысленно включается в разные системы связей и проявляет в них различные качества. Взаимодействуя с объектом, субъект «вычерпывает» из него все новое и новое содержание, расширяя свои представления об объективной картине мира. Однако отнесение содержания знаний о мире к объекту познания не означает исключения из психологического анализа субъективных составляющих познавательной деятельности. Без субъекта, его активности не может идти речь ни о каком содержании, потому что знание не включено в объект, оно порождается только во взаимодействии, в процессе соприкосновения объективного и субъективного миров. Точно так же можно утверждать, что в закрытой книге или выключенном компьютере нет никакой информации, она возникает тогда, когда читатель открывает книгу, а пользователь включает компьютер.

Сегодня метод «анализ через синтез» находит интересное воплощение в практике обучения студентов, в частности, в конструировании аналитико-синтетических задач по теории алгоритмов. Решение таких задач невозможно без сочетающихся друг с другом анализом как выделением существенного и синтезом как актуализацией образованных ранее связей. «Управление поиском решения при использовании анализа осуществляют с помощью вопросов: что достаточно знать (иметь), чтобы выполнить требование задачи? (Откуда может следовать или быть получено то, что требуется?). Получив ответ на этот вопрос, сопоставляют его с условием (тем, что дано, известно) и, если в данных задачах не содержится того, что необходимо, тот же вопрос ставят по отношению к преобразованному, промежуточному требованию (Что достаточно знать для выполнения промежуточного требования?). Использование таких вопросов при решении задачи преобразует (развертывает) требование до тех пор, пока необходимое не обнаружится в данных задачах» (Колдунова, 2015, с. 135). В этом подходе используются два реверсивные, обратные по направлению движения приема: «синтез через анализ» и «анализ через синтез». Уровень развития аналитико-синтетического компонента мышления студентов определяется «соотношением между количеством поставленных студентом и преподавателем вопросов, необходимых для нахождения правильного решения задачи. При высоком уровне развития такие вопросы ставятся самим студентом, при низком уровне – преподавателем» (там же).

***

Несмотря на то, что субъектно-аналитический подход в психологии делает только первые шаги его польза для исследований понимания человеком трех реальностей мира человека очевидна. Составляющие этого подхода имеют глубокие корни в психологической науке и не только в ней. Дальнейшие исследования должны быть направлены на углубленный анализ оснований, по которым человек воспринимает реальность как эмпирическую, социокультурную или экзистенциальную. Не менее научно значимым является определение сходства и различия обсуждаемого подхода с другими методами изучения психического, в частности культурно-аналитическим подходом. Таким образом, развитие субъектно-аналитического подхода мне представляется необходимым и перспективным, особенно в контексте психологии человеческого бытия.

ГЛАВА II

ПСИХОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ

2.1. Теоретические основания психологии человеческого бытия

В течение последнего десятилетия творческое наследие А. В. Брушлинского, его идеи интенсивно и плодотворно развиваются в трудах его учеников и последователей. На основе психологии субъекта А. В. Брушлинского Е. А. Сергиенко сформулировала принципы системно-субъектного подхода, получившего эмпирическое обоснование в работах ее учеников (Сергиенко, 2007). Н. Е. Харламенкова анализирует идеи об активности и парадоксах развития субъекта (Харламенкова, 2010). Т. К. Мелешко обсуждает вклад в формирование психологии субъекта континуально-генетической теории А. В. Брушлинского, отражающей диалектику непрерывности психического развития (Мелешко, 2005). В Кубанском государственном университете З. И. Рябикина и ее коллеги уже много лет проводят исследования с позиций субъектно-бытийного подхода к личности (Рябикина, 2008). В Смоленском государственном университете В. В. Селиванов с учениками изучают роль мышления в личностном развитии субъекта (Селиванов, 2003). В Санкт-Петербургском государственном университете Н. В. Гришина развивает ситуационный подход к человеку как субъекту жизни (Гришина, 2005). В Саратовском государственном университете Р. М. Шамионов проводит психологический анализ субъекта и личности в процессе социализации (Шамионов, 2009). В Южном федеральном университете В. А. Лабунская разрабатывает психологический портрет субъекта затрудненного общения (Лабунская, 2003).

Основная цель второй главы данной книги – проанализировать предварительные итоги и перспективы еще одного направления

психологической науки, возникшего на основе психологии субъекта А. В. Брушлинского, – психологии человеческого бытия.

2.1.1. Психология субъекта – новая методология понимания человеческого бытия

В современной психологической науке всевозрастающее значение придается изучению целостных проявлений психики человека как субъекта бытия. Человеческое бытие невозможно понимать абстрактно, т. е. не будучи включенным в него. Поскольку человек сам является участником событий, социальных ситуаций, его бытие представляет собой субъектность, объективированную в процессах, явлениях, предметах человеческого мира. Субъект живет, понимая, осмысливая события и ситуации, ту среду, в которую он физически или мысленно включен.

Динамика формирования научных представлений о субъекте и бытии в психологии отражает их эволюцию в методологии науки. XX в. показал, что психология, как и другие науки, эволюционировала от классической парадигмы к неклассической, а затем – к постнеклассической (Степин, 2000).

Классическая парадигма воплощалась в идее постижения объективных законов природы, в пристальном внимании ученых к проблеме детерминизма и поиске причинно-следственных связей преимущественно естественно-научными методами.

На *неклассическом* этапе на первый план выходит учет субъективного угла зрения наблюдателя. Ученые отчетливо осознали, что объекты и события, происходящие в мире, не могут быть определены независимо от контекста понимания того, кто их наблюдает. Понятия должны предшествовать наблюдениям, а не вытекать из них. Следовательно, понятия и научные теории являются следствием не наблюдения, а понимания. Язык теоретических терминов служит исследователю для того, чтобы определить, что следует принимать за данность (объективную реальность) в этом мире. В результате на неклассическом этапе развития науки было поставлено под сомнение положение о том, что научные теории могут точно и однозначно описывать происходящее в мире и существующее в нем (Gergen, Gergen, 1986).

Наконец, *постнеклассическое* понимание мира и человека в мире характеризовалось ростом рефлексии ученых над ценностными и смысловыми контекстами человеческого бытия. На этом этапе

развития науки решающее значение приобретают те культурные и ценностно-смысловые контексты, с которыми субъект соотносит познаваемую и понимаемую реальность. Иначе говоря, наряду с естественно-научными методами познания все большее значение приобретают социогуманитарные.

Одна из причин пристального внимания ученых к социальному и культурному контекстам человеческого бытия заключается в том, что образцом для неклассической науки в определенной мере явилась теоретическая физика, а на становление постнеклассической наиболее существенное влияние оказывает культурология (Гусельцева, 2003). В последние годы в человекознании все чаще проявляется тенденция сочетания пространственных, энергетических, механических метафор с метафорами, ранее применявшимися исключительно в гуманитарных дисциплинах: игра, роли, ритуал, драма и т. п. Типичный тому пример – драматургический подход И. Гофмана, изучающего, как презентация субъекта себя другим людям, принятие на себя разных ролей в разнообразных ситуациях осуществляется в непрерывном процессе воспроизводства личного самосознания в социуме (Гофман, 2000).

Описанные выше три способа рациональных рассуждений в нашей науке интегрировались в той области психологического знания, которая получила название «психология субъекта». Эта область психологической науки стала закономерным воплощением, вершинным проявлением синтеза знаний, полученных на каждом из этапов ее развития. Важно обратить внимание на то, что названные парадигмы представляют собой не только исторические этапы человеческого познания, но и элементы целостной системы современного научного мышления. Следовательно, они могут не противоречиво, а, наоборот, системно сосуществовать в сознании, целостном научном мировоззрении конкретного ученого. Ярким примером такого ученого является А. В. Брушлинский.

В российской психологической науке категория субъекта сейчас играет системообразующую роль и привлекает внимание многих ученых. Неудивительно, что в течение последнего десятилетия проблема субъекта обсуждалась на конференциях, в статьях, монографиях, диссертациях, учебных пособиях (Проблема субъекта..., 2000; Психология индивидуального..., 2002; Психология субъекта..., 2002; Брушлинский, 2003; Селиванов, 2003; Субъект, личность..., 2005 Личность и бытие..., 2008; Психология субъекта..., 2010; Человек, субъект..., 2013). Результаты научных исследований свиде-

тельствуют о том, что в последние десять-пятнадцать лет, главным образом благодаря целенаправленным и даже, можно сказать, подвижническим усилиям А. В. Брушлинского, в отечественной психологии сформировалась новая область психологических исследований – психология субъекта. На первых этапах ее формирования различия в установках исследователей проявлялись, прежде всего, в интерпретации проблемы соотношения психологических характеристик субъекта и личности. Наиболее типичными и показательными в этом отношении оказались научные позиции А. В. Брушлинского (он придерживался в этом вопросе гносеологического подхода) и Л. И. Анцыферовой – сторонницы эпистемологической точки зрения на эту проблему.

Для гносеологического подхода важнейшей является категориальная оппозиция «субъект–объект»: в рамках этой парадигмы познавательные процессы анализируются с точки зрения отношения субъекта (в частности, ученого) к объекту познания (предмету исследования). В эпистемологическом подходе во главу угла ставится знание: его строение, структура, функционирование и развитие. При этом базовой является оппозиция «объект–знание». С эпистемологической точки зрения наука должна изучать объективные структуры знания, а не гносеологического субъекта, осуществляющего познание и нередко вносящего в его результаты искажения, ошибки и субъективизм.

И А. В. Брушлинский, и Л. И. Анцыферова, имея философское образование (оба окончили философский факультет МГУ и начинали свою жизнь в науке в Институте философии АН СССР), все же были подлинными психологами. Вследствие этого говорить о них как о «гносеологе» и «эпистемологе» можно только с большой долей условности. Однако для классификационной ясности описания индивидуальных особенностей их научных мировоззрений эти уточнения, безусловно, имеют эвристический смысл.

Гносеологический подход А. В. Брушлинского к анализу психических явлений объясняет, почему он так категорически не принимал идею эпистемолога К. Поппера о том, что объективное содержание мышления составляет так называемый «третий мир». А. В. Брушлинский, основывавшийся на гносеологических представлениях С. Л. Рубинштейна и внесший бесценный вклад в формирование психологии субъекта как самостоятельной области психологической науки, писал: «Поппер справедливо отмечает, что его теория отчасти идет от Платона и потому закономерно развивает

ее в контексте своей общей установки „эпистемология без познающего субъекта“. И здесь с этим нельзя не согласиться: при *таком* подходе к обсуждаемой проблеме „третий мир“, т. е. научное знание как продукт, результат познавательной деятельности субъекта, уже не нуждается в последнем. И тогда уничтожение субъекта в „третьем мире“ закономерно приводит к его изгнанию из теории познания» (Брушлинский, 1999, с. 10).

Л. И. Анцыферова с уважением относилась к взглядам А. В. Брушлинского, но ее научная позиция была несколько иной. Она отмечает, что в 1990-е годы в методологические основания нашей психологии был введен новый принцип – «субъектно-деятельностный подход», который в качестве одного из главных способов существования человека акцентировал значение его активности по преобразованию, совершенствованию окружающего мира и себя в мире. «По существу этот принцип вводит субъекта в динамическую систему деятельности. Но исчерпывает ли этот подход всю полноту личностного существования человека в мире, напряженность его душевной жизни, „своеобразные движения“ внутреннего мира?» (Анцыферова, 2000, с. 32). Эпистемологическая направленность осуществляемого Людмилой Ивановной психологического анализа заключается именно в ее стремлении систематически описать многомерное пространство человеческой жизни и показать, что личность соразмерна не с субъектом или деятельностью, а с целостным индивидуальным пространством бытия человека и творимой им жизни.

Эпистемологичность анализа психологии человека для нее не случайна, а закономерна: такой подход опирается на труды великих предшественников. Например, генетическая эпистемология Ж. Пиаже направлена на анализ общей структуры научного знания как внутри психологии, так и ее взаимоотношений с другими науками. Эпистемология Пиаже включает описание структур интеллекта, генетический анализ формирования физических понятий («скорость», «длительность времени» и др.), инвариантности знания об объекте, обратимости психических структур (Сергиенко, 2008). Следовательно, в отличие от С. Л. Рубинштейна и А. В. Брушлинского его работы основаны на глубоком детальном анализе психических структур, а не процессов. В значительной мере это характеризует и научную позицию Л. И. Анцыферовой. Для нее центром, фокусом эпистемологического анализа психики является многомерное пространство жизни. По ее мнению, «субъектное начало человека значительно ограничивается особенностями душевной жизни. Опреде-

ленное место в ней занимают неосознаваемые мотивы, жизненные планы, вытесненные воспоминания, которые, однако, регулируют поведение индивида независимо от его воли» (Анцыферова, 2000, с. 32). Она осознавала значимость анализа созидания человеком себя, своего внутреннего мира, собственной душевной жизни. В созидании себя сознательное переплетается с бессознательным, ожидаемое с неожиданным («личность должна быть неожиданностью для себя, открытием»), интеллектуальное с личностным. Неудивительно, что в последнее десятилетие своей долгой жизни Людмила Ивановна работала не в области психологии субъекта, а начала изучать как бы сотканный из противоречивого сплава психологических качеств феномен мудрости.

Анализ развития современной психологии субъекта невозможен без обращения к одному из ключевых ее понятий – «духовности». Научные представления о содержании конструкта «духовность» можно и нужно существенно углубить и расширить, обратившись к трудам французского мыслителя П. Адо и психолога А. В. Брушлинского.

В системе рассуждений П. Адо духовные упражнения – это то, что объединяет интеллектуальные и нравственные усилия субъекта, вовлекающие в себя весь его ум и направленные на преобразование себя, своего образа жизни, жизненного выбора. «Слово „духовный“ действительно позволяет понять, что эти упражнения являются творчеством не только мысли, но всей психики индивида; оно особенно раскрывает настоящий масштаб этих упражнений: благодаря им, индивид возвышается к жизни объективного Духа, т. е. снова помещает себя в перспективу Всего („увечковечить себя, себя превосходя“»)» (Адо, 2005, с. 22). Экзистенциальные, по своей сути духовные упражнения обладают для человека субъективной ценностью и являются составляющей такой новой ориентации в мире, которая требует самопреобразования, метаморфозы самого себя. Например, духовным упражнением является чтение: «Мы проводим нашу жизнь „читая“, но уже не умеем читать, то есть останавливаться, освобождаться от наших забот, возвращаться к самим себе, оставлять в стороне поиски изысканности, утонченности, оригинальности, спокойно размышлять, вглядываться в глубины, чтобы позволить текстам говорить с нами» (там же, с. 64). Духовные упражнения П. Адо рассматривает как практики, направленные на формирование души и полное изменение бытия. И самое главное: тексты, в частности, античных философов, очень часто предназначены не только для информирования – они представляют собой духов-

ные упражнения, которые автор практикует сам и помогает практиковать своему читателю. Человека только тогда можно назвать подлинным мыслителем, когда он не только рассуждает, но и живет в соответствии со своей системой мысли.

Последнее положение, а также понимание духовности совпадает с психологией субъекта А. В. Брушлинского. В его «Избранных психологических трудах» (Брушлинский, 2006) понятие «духовность» употребляется более 60 раз. Так же как и П. Адо, он использует это понятие не в узком, например религиозном, смысле, а в широком, применимом к психологическому анализу гуманизма, тоталитаризма, нравственности и других макрокатегорий. Рассуждая метафорически, можно утверждать, что психология субъекта, безусловно, потенциально включает духовные упражнения, практики. Пр продемонструю это, ссылаясь на различия между «субъектным» и «субъектно-деятельностным» психологическими подходами. Главное различие между ними – в методах психологических исследований. Как уже было сказано выше, психология субъекта в варианте А. В. Брушлинского стимулировала возникновение новых направлений психологической науки, одним из которых является психология человеческого бытия. В этой книге описаны результаты исследований понимания людьми моральных дилемм, образа врага, эвтаназии и других проблем. Главная методическая особенность этих исследований – отсутствие деятельностной составляющей. Это субъектный подход, а не субъектно-деятельностный. Применявшиеся в них методики позволяют психологу делать заключения лишь о результативной стороне понимания. Оно психологически вполне может включать личностные и иные особенности понимающего субъекта, но исключает те операции и действия, которые определили индивидуальную и типологическую специфику понимания.

Иначе понимал психологию субъекта А. В. Брушлинский, который, следуя за своим учителем, настаивал на ее субъектно-деятельностных основаниях. И сегодня понятно, почему это так: психология субъекта была для него не просто совокупностью научных знаний, она стала неотъемлемой частью его мировоззрения и, главное, поведения. Отсюда вытекает его интерес к макропроблемам социально-экономических преобразований Советского Союза и России в период перестройки и после него. И это был не голословный интерес: Андрей Владимирович обладал ярко выраженной гражданской позицией, которую он проявлял во многих, особенно критических для российской науки ситуациях. Он был одним из немногих,

кто в середине 1990-х годов решительно, преодолевая сопротивление чиновников от науки, выступал за выделение гуманитарных наук в самостоятельный фонд, т. е. за отделение РГНФ от РФФИ. Учитывая междисциплинарную направленность и энциклопедические знания ученого, вполне естественно, что в новом фонде именно Андрей Владимирович курировал деятельность Экспертного совета по проблемам комплексного изучения человека, психологии и педагогики, в котором рассматриваются конкурсные проекты медиков, экологов, физиологов и представителей многих других специальностей. В зрелом возрасте Брушлинский совершал поступки, которые со всей очевидностью могли неблагоприятно отразиться на его карьере. По принципиальным соображениям в РАН он высказывал точку зрения, которая явно шла вразрез с мнением многих членов академии, в том числе и руководящих. Он был трезвым и современным человеком, совершающим поступки в реальном научном сообществе. Люди есть люди: некоторые через какое-то время на выборах в РАН подходили к нему и говорили, что голосовали за него, уважая его последовательность и принципиальность. Другие, к сожалению, и после смерти не могут простить его за неконформизм и отстаивание личной точки зрения (к слову сказать, она выражала мнение десятков психологов, не имевших права голоса в РАН).

Таким образом, субъектно-деятельностный подход был для А. В. Брушлинского не научной абстракцией, а такой духовной практикой, которую он воплощал в жизнь.

А. В. Брушлинский разработал целостный, оригинальный и сформированный вариант психологии субъекта. В его варианте психологии субъекта фактически представлена история главных проблем российской психологической науки XX в., которые в течение почти полувека занятий научной деятельностью были в фокусе внимания Брушлинского. Это проблемы соотношения биологического и социального, сознательного и бессознательного, внешних причин и внутренних условий в детерминации психики. Психология человеческого бытия представляет собой то направление развития, ту сторону психологии субъекта, которая возникла с появлением постнеклассической парадигмы. Принципиальная новизна психологии субъекта заключается главным образом в четырех основных положениях.

1. В переходе от микросемантического к макроаналитическому методу познания психического.
2. В значительном расширении представлений о содержании активности как фактора детерминации психики.

3. В целостном системном характере исследования динамического, структурного и регулятивного планов анализа психологии субъекта.
4. В различении господствовавшего до этого в отечественной психологии представления о получении нового знания о мире только в результате решения предметных задач и способа интерпретации того, что не имеет однозначного решения (надо ли отменять в нашей стране мораторий на смертную казнь? что такое «гуманизм»? и т. п.).

Цель раздела – показать, что психологию субъекта сегодня следует рассматривать как методологическую основу конкретных эмпирических исследований, в частности, проблем понимания человеческого бытия.

Для реализации этой цели я обосную приведенное выше утверждение о четырех основных положениях психологии субъекта.

I. Отличительная особенность современной научной методологии заключается в стремлении ученых снять главное противоречие картезианской картины мира, в которой человек противостоит дискретным отдельным объектам, событиям и ситуациям реальной действительности. Противоречие устраняется путем признания неизбежного для любого научного познания мира (учитывающего взаимодействия субъекта с объектом) включения познающего в познаваемое. С такой точки зрения, объективная ситуация включает в себя воспринимающего, понимающего и оценивающего ее человека. «Воздействие любой „объективно“ стимулирующей ситуации зависит от личностного и субъективного значения, придаваемого ей человеком. Чтобы успешно предсказать поведение определенного человека, мы должны уметь учитывать то, как он сам интерпретирует эту ситуацию, понимает ее как целое» (Росс, Нисбетт, 1999, с. 46).

Проблемы, которые сегодня привлекают наиболее пристальное внимание, непосредственно связаны с традиционной для психологии постановкой вопроса об основных единицах анализа психического. Объективные обстоятельства и методы, с помощью которых исследователи узнают что-то новое о человеческой психологии, существенно изменяют научные представления о «единицах психики». В разные исторические периоды единицами анализа психики выступали ощущение, рефлекс, действие, отношение, значение и т. п. Современный этап развития психологической науки дает основание считать, что в качестве единиц психики следует рассматривать более интегративные образования, основанные

на трансформации структур индивидуального опыта человека. Нет ничего удивительного в том, что именно Брушлинский стал одним из первых психологов, проявивших повышенный интерес к макроаналитическому методу познания психического. Приведу только две причины.

Во-первых, такой подход дал Андрею Владимировичу возможность под новым углом зрения (по сравнению с его предыдущими исследованиями, например, решения мыслительных задач методом микросемантического анализа) взглянуть на фундаментальные проблемы, занимавшие его в течение всей жизни.

Во-вторых, пристальное внимание Брушлинского к макроаналитическому методу познания психического вообще. Вся его жизнь в науке (особенно последнее десятилетие творческой биографии) характеризовалась стремлением к изучению целостной, единой психики человека: сложных действий с объектами, нравственных поступков, гуманистической направленности личности и т. п. Эволюция научных взглядов ученого очевидна: с каждым годом для него все более значимыми и интересными становились закономерности формирования вершинных проявлений человеческой психологии – духовности, нравственности, свободы, гуманизма.

II. По сравнению с «классическим» рубинштейновским вариантом субъектно-деятельностного подхода в психологии субъекта существенно расширены представления о содержании активности как фактора детерминации психики. «Активность» является одной из ключевых категорий аппарата психологической науки. Понятие активности связывается с поиском и осмыслением тех характеристик психического, которые выходят за пределы адаптивной, приспособительной деятельности. Для психологии субъекта проблема активности является одной из главных, она оказывается тем камнем преткновения, с которым сталкиваются все участники дискуссий о специфике субъектных проявлений личности и индивидуальности. Интересный вариант разграничения активности личности и активности субъекта описан в работе Н. Е. Харламенковой. Она выделила четыре особенности активности человека как личности:

1. Форма активности. Активность личности выражается в определенной форме, которая называется деятельностью.
2. Характер влияния личности на деятельность, в результате которого последняя приобретает индивидуальный характер, но существенно не реорганизуется.

3. Объект влияния. Личность через свои социально-психологические особенности влияет на продукт (результат) деятельности.
4. Направленность и границы активности: развитие личности обусловлено развитием в деятельности, ее динамикой в процессе онтогенеза, обусловленного переходом от одного вида деятельности к другому, от одной стадии к другой (Харламенкова, 2010, с. 43–44).

По этой же схеме описана активность человека как субъекта деятельности:

1. Форма активности: деятельность субъекта выходит за пределы адаптивной, приспособительной активности и выражается в преобразующем влиянии, изменении этой деятельности, имеет творческий самостоятельный характер.
2. Характер влияния на деятельность: субъект оказывает реорганизующее влияние на деятельность, осуществляя ее регуляцию за пределами актуально осуществляемой деятельности. Это активность в собственном смысле слова.
3. Объект влияния: если личность влияет на результат деятельности, то субъект – и на ее результат, и на процесс.
4. Направленность и границы активности: развитие субъекта определяется его функционированием в ходе жизни, которое не описывается в категориях стадий развития и не определяется фиксированными временными границами (там же, с. 44–45).

Брушлинский рассматривал активность с системных позиций, тщательно анализируя разные ее формы и уровни в их взаимосвязях и взаимодействиях. Ученый внедрял в психологическое сообщество мысль о том, что и сознательная, и бессознательная активность на уровне психического как процесса являются способом формирования, развития и проявления человека как субъекта.

III. То, что к концу жизни для Андрея Владимировича основным предметом его научных размышлений стала именно описанная выше проблемная область, не удивительно: в психологии субъекта в сконцентрированном виде отражена тематика всех его предыдущих исследований. С методологической точки зрения можно утверждать, что он разрабатывал психологию субъекта как целостную и системную область психологического знания. На уровне конкретно-психологических исследований, представленных в разных публикациях Брушлинского, это проявлялось в осознанном выделении им структурного, динамического и регулятивного планов анализа

психологии субъекта. При этом наибольшее внимание он уделял двум главным проблемам: критериям субъекта и разнообразию видов человеческой активности.

Динамический план анализа психологии субъекта. Человек не рождается субъектом, а становится им в процессе деятельности, общения и других видов активности. В этой связи научно значимым оказывается вопрос о критериях, в соответствии с которыми можно утверждать, что психолог исследует именно субъекта, а не индивида, индивидуальность и т. п. «Первый существенный критерий становления субъекта – это выделение ребенком в возрасте 1–2 лет в результате предшествующих сенсорных и практических контактов с реальностью наиболее значимых для него людей, предметов, событий и т. д. путем обозначения их простейшими значениями слов. Следующий наиболее важный критерий – это выделение детьми в возрасте 6–9 лет на основе деятельности и общения объектов благодаря их обобщению в форме простейших **понятий** (числа и т. д.)» (Брушлинский, 2002, с. 12–13).

Брушлинский рассматривал проблему критериев, прежде всего, в динамическом плане. Он стремился раскрыть онтогенетические корни формирования субъекта в процессе проявления им разных видов активности – познания, действия, созерцания, индивидуального развития (как особого способа подлинно человеческого существования). Однако динамический план психологии субъекта не ограничивается только временной составляющей онтогенеза психики. Не менее важной оказывается конкретная динамика протекания психических процессов, реализации знаний, умений и т. п. в тех ситуациях, в которых человек проявляет себя как субъект. Вследствие этого, опираясь на логику рассуждений Андрея Владимировича и анализируемые им социальные и иные области проявлений человеческой субъектности, к названным выше следует добавить еще, по меньшей мере, два критерия.

Третьим критерием субъекта следует считать сформированность у человека способности осознавать совершаемые им поступки как свободные нравственные деяния, за которые он несет ответственность перед собой и обществом. Субъектом можно назвать только внутренне свободного человека, принимающего решения о способах своего взаимодействия с другими людьми, прежде всего, на основании сознательных нравственных убеждений. Говорить о человеке как субъекте можно только при таком понимании им собственного бытия, при котором он, осознавая объективность

и сложность своих проблем, в то же время обладает ответственностью и силой для их решения.

Четвертый критерий – развитость навыков самопознания, самопонимания и рефлексии, обеспечивающих человеку взгляд на себя со стороны. В отличие от остального сущего человек всегда соотносен со своим бытием. Соотнесенность проявляется, прежде всего, в направленности познавательной, этической и эстетической активности взаимодействующих людей не только друг на друга, но и на себя. Именно рефлексивное отношение каждого из нас к себе наиболее рельефно выражает отношение к бытию. Способность к рефлексии, направленной на себя, – ключ к превращению человека в субъекта. Субъект – это тот, кто обладает свободой выбора и принимает решения о совершении нравственных поступков, основываясь на результатах самопознания, самоанализа, самопонимания.

Структурный план анализа психологии субъекта. Другая сторона исследования психологических характеристик субъекта представляет собой структурный план анализа обсуждаемой проблемной области. В этом ракурсе в фокусе исследования психологов оказываются различные виды активности: деятельность, общение (Б. Ф. Ломов), созерцание (С. Л. Рубинштейн), преобразовательная активность человека, направленная на создание и изменение обстоятельств своей жизни и жизни других людей (Б. Г. Ананьев). Я согласен с В. А. Лабунской, которая считает, что «перечисленные выше характеристики субъекта наиболее органично соединены в определении, которое было дано А. В. Брушлинским. Свое определение субъекта он построил на основе анализа идей С. Л. Рубинштейна, Л. С. Выготского, Б. Г. Ананьева, А. Н. Леонтьева и др. Субъект трактуется как индивид, находящийся на соответствующем своему развитию уровне преобразовательной активности, целостности, автономности, свободы, деятельности, гармоничности и отличающийся своеобразной целенаправленностью и осознанностью. В данном определении необходимо подчеркнуть такое свойство субъекта, как «преобразовательная активность, соответствующая уровню развития индивида». Этот параметр субъекта позволяет любого человека квалифицировать в качестве субъекта, имеющего характерный для его уровня развития вид, качество, форму, способы, средства преобразовательной активности» (Лабунская, Менджеричкая, Бреус, 2001, с. 35).

В человеческом бытии разнообразные виды активности реализуются, прежде всего, в совокупности отношений человека к природе, себе и другим людям. Как полагает К. А. Абульханова, раскры-

вать психологическую природу субъекта надо через совокупность его отношений к миру. С этой позиции, субъект – это специфический способ организации, качественной определенности сознания современной личности. Личность, выступая как субъект деятельности, сталкивается с противоречием своих желаний, потребностей и объективными препятствиями на пути их удовлетворения. Именно разрешая противоречия, личность приобретает новое качество отношений к миру, дающее психологу основание говорить о ней как о субъекте деятельности (Абульханова, 1997).

А. В. Брушлинский, во-первых, не во всем соглашался с такой точкой зрения: «Субъект – это всеохватывающее, *наиболее широкое* понятие человека, обобщенно раскрывающее неразрывно развивающееся единство всех его качеств: природных, социальных, общественных, индивидуальных и т. д. Личность, – напротив, менее широкое и недостаточно целостное определение человеческого индивида» (Брушлинский, 2001, с. 17). Во-вторых, он не сводил активность субъекта исключительно к деятельности: проявление сознательной и бессознательной активности в поведении, формирование политической воли, рост духовности – все использовалось им в качестве аргументов для обоснования субъектной сущности людей.

В наши дни проблема соотношения субъекта и личности получила развитие в работах Е. А. Сергиенко. Сначала она проанализировала четыре основных варианта понимания соотношения субъекта и личности в российской психологии. Затем выдвинула гипотезу о соотношении частного и общего в проявлениях человека как субъекта и как личности с позиций системно-субъектного подхода. Согласно гипотезе (впоследствии доказанной эмпирически), личность является стрелковой структурой субъекта, задающей общее направление самоорганизации и саморазвития. Личность задает направление психического развития, а субъект – его конкретную реализацию через координацию выбора целей и ресурсов индивидуальности человека. Личность является носителем содержания внутреннего мира человека, которое субъект реализует в конкретных жизненных условиях и обстоятельствах. Субъектность человека формируется и проявляется в процессе осуществления трех функций: когнитивной (понимание), регулятивной (контроль поведения) и коммуникативной (установления субъект-субъектных отношений). У личности когнитивная функция реализуется в осмыслении (порождение операциональных и личностных смыслов, ценностей, смысложизненных ориентаций). Регулятивная функция – в переживании, ука-

зывающем на отношение к событию или ситуации и приводящем к изменениям в Я-концепции. Коммуникативная функция личности проявляется в направленности на значимые аспекты реальности. «При таком решении функции субъекта и функции личности как две неразрывные стороны человеческой организации тесно переплетены. Только при условии наличия смыслов возможно понимание, только при переживании появляется возможность смыслопорождения и изменения поведения, его контроля, только определенная направленность личности ведет к избирательности и определенному характеру коммуникативных взаимодействий. При этом на разных уровнях психического развития человека эти функции реализуются в соответствии с уровнем развития личности и субъекта» (Сергиенко, 2013, с. 10).

Регулятивный план анализа психологии субъекта. Регулятивная сторона исследований формирования и развития человека как субъекта неразрывно связана с проблемой детерминации психики. По Брушлинскому, в человеческой психике не только отражается действительность. Формируясь во взаимодействии субъекта с объектом, психика представляет собой высший уровень отражения действительности и потому высший тип регуляции всей жизни человека. Психика служит для регуляции деятельности, общения, созерцания и т. п. «На этих совсем разных уровнях взаимодействия человека с миром все психическое, отражая действительность, участвует в регуляции движений, действий и поступков. Психическое формируется и объективно проявляется в том, как оно осуществляет эту регуляторную функцию. Вот почему основным и всеобщим методом объективного психологического познания является изучение всех психических явлений через движения, действия и поступки, вообще через внешние проявления человека, которые этими психическими явлениями непрерывно регулируются. Таков вышеупомянутый методологический принцип единства сознания (вообще психики) и деятельности. В силу своей всеобщности он закономерно определяет любые, самые разнообразные методы и методики исследования во всех отраслях психологии: общей, социальной, индустриальной, управленческой и т. д.» (Брушлинский, 2000б, с. 7). На уровне конкретно-психологических исследований, например мышления, регулятивные аспекты психики Андрей Владимирович чаще всего обсуждал в связи с проблемой обратных связей. Не случайно целая глава его последней монографии называется «Субъект деятельности и обратная связь» (Брушлинский, 2003).

4. Психологи (особенно когнитивные), ориентируясь на естественнонаучные образцы научного исследования, десятилетиями рассматривали объективное научное знание как результат решения познавательных задач. Однако на рубеже веков перед учеными остро встал вопрос об изменении предмета исследования, о необходимости изучать макрофеномены и макрокатегории, никогда ранее не входившие в предметную область нашей науки. Обращение внимания на феномены, которые не имеют референтов в эмпирической реальности – духовный потенциал личности (Ожиганова, 2013), символическое бытие архитектурной среды (Панов, 2015), психическая саморегуляция (Моросанова, 2010), справедливость (Нартова-Бочавер, Астанина, 2014) и др. – потребовало от психологов перехода от микросемантического к макроаналитическому методу познания психического. И тогда А. В. Брушлинский, размышляя над основаниями психологии субъекта, сделал открытие, которое до сих пор практически никто не заметил: новое знание о проблемной ситуации может возникать не только как результат ее решения. Принципиальной новизной для субъекта обладают новые способы *интерпретации* того, что не имеет однозначного решения.

В эмпирической реальности мы имеем дело с предметными задачами, результатом решения которых является новое знание о мире. Обычно считается, что решение, например шахматных задач, возникает в результате перебора познающим субъектом множества альтернатив. Однако в ряде случаев при формальной возможности выбора реально, психологически он не совершается. Как показал А. В. Брушлинский, решая математические, физические и другие предметные задачи, в которых объективно возможны два или несколько способов решения, субъект никогда не начинает мыслительный поиск с выявления альтернатив и выбора одной из них. Для мыслящего субъекта альтернативы никогда не являются содержательно равноценными, равновероятными и требующими предпочтения только одной из них (Брушлинский, 2006). Если так обстоит дело с решением математических, физических и других четко определенных задач, то еще в большей степени подобные механизмы мышления реализуются при решении человеком нравственных задач, потенциально содержащих ситуации морального выбора. Исследования ясно показывают, что в ряде случаев моральные дилеммы вполне могут решаться без перебора вариантов, без выбора альтернатив. Однако выявление таких случаев в психологических исследованиях возможно только с помощью специальных,

требующих больших временных затрат, процедур микросемантического анализа. Он применялся Брушлинским для исследования единичных случаев.

Обобщающий итог его исследований заключался в том, что даже если по каким-то причинам субъект сначала вынужден фиксировать внимание на отдельном объекте, то в процессе мышления «вычерпывание» нового содержания происходит посредством расширения контекста, рассмотрения того, какое место он в нем занимает. Примером может служить то, в какой степени преступление обусловлено не только личностными чертами и мотивами преступника, но и обстоятельствами, в которых оно совершено. В 1990-е годы А. В. Брушлинский изучал эту проблему на примере отношения россиян к смертной казни (Брушлинский, 2006, с. 559–570). В этом и заключается познавательная деятельность: объект включается в новые связи и отношения, которые сами начинают влиять на него, наполняя познание новым содержанием.

Понимание-принятие или понимание-отвержение смертной казни – типичный новый для психологической науки макрофеномен, имеющий важное значение для психологии субъекта. При обращении психологов к анализу макрофеноменов, не содержащих явно выраженных альтернатив и не имеющих референтов в предметном мире, решающее значение приобретает способ их интерпретации. Анализируя решение нравственных задач, он писал: «Решением считался не какой-либо определенный ответ (как это принято в предметных задачах), а любой обоснованный и подробно обсужденный испытуемым способ решения» (Брушлинский, 2006, с. 562).

Фактически это означает, что при переходе от микросемантического метода решения задач к макроаналитическому изменяются наши представления о соотношении мышления и понимания. В психологии мышления акцент делается на результате, получении мыслящим субъектом новых знаний о мире. В отличие от мышления понимание прямо не направлено на поиск нового, его главная функция – порождение смысла знания. Понимание всегда поливариативно, его полнота определяется степенью разнообразия вариантов интерпретации понимаемого. С позиции психологии понимания интерпретация – это конкретный, один из возможных способов понимания. В частности, способы решения нравственных задач, по А. В. Брушлинскому, есть не что иное, как различные интерпретации содержания понимаемой нравственной ситуации.

Следовательно, смещение внимания психологов с результата познания на его процесс способствует не только углублению научных знаний об известных феноменах, но и развитию новых взглядов на содержательное соотношение между разными областями психологической науки.

***

Итак все сказанное выше убедительно свидетельствует о том, что психология субъекта представляет собой сформировавшуюся область психологического знания, обладающую довольно ясно очерченными контурами, проблемами, методами их решения и теоретико-методологическими основаниями. Психология субъекта не только основывается на фундаментальных традициях субъектно-деятельностного похода школы С. Л. Рубинштейна, но и сама порождает новые ветви этого богатого плодами древа познания (такие, как психология человеческого бытия). Сегодня есть все основания утверждать, что психология субъекта уже обрела методологический статус: ее следует рассматривать в качестве методологической основы исследования проблем психологии человеческого бытия. Среди них центральное место занимает круг проблем, связанных с пониманием субъектом мира и себя в мире.

Проведенный анализ показал, что категория субъекта, исследованию которой так много усилий и таланта посвятил А. В. Брушлинский, действительно занимает особое место в современной психологии и играет в ней системообразующую роль. Благодаря ему, его ученикам и последователям психология субъекта в наше время представляет собой фундаментальную область психологической науки. В ее основании лежат не только убедительные теоретико-методологические доказательства, она имеет и вполне ощутимые эмпирические следствия. Единственное, в чем сегодня ощущается острая научная необходимость, – в творческом развитии психологии субъекта. И надежда на превращение необходимости в реальность есть.

В этой связи очень значимым является следующий вопрос: в современной психологической литературе есть немало интересных и содержательных публикаций на обсуждаемую тему, тогда почему в качестве основателя психологии субъекта я называю А. В. Брушлинского, а, например, не К. А. Абульханову или какого-нибудь другого серьезного и всеми уважаемого ученого? Дело в том, что только А. В. Брушлинского в этой области психологического знания, используя метафору М. Фуко, можно назвать «основателем дискурсив-

ности». Его заслуга не только в том, что он породил новые тексты по психологии субъекта (его критериях, структурных характеристиках и т. д.). Он создал нечто большее: возможности и правила суждений, указывающие на бесконечную возможность дискурсов – допустимых направлений психологических исследований субъекта и правил образования научных текстов о нем. В таком дискурсивном поле, с одной стороны, уже теряется первоначальная научная значимость личностной, авторской, субъектной отнесенности сказанного к А. В. Брушлинскому. Это происходит потому, что для профессионалов высказанные им идеи уже давно стали аксиомами и даже трюизмами. К примеру, в сотнях работ воспроизводится его определение субъекта как человека на высшем для него уровне активности, целостности... С другой стороны, дискурсивное поле, первоначальные границы которого были очерчены названным психологом, открывает для исследователей возможности создания чего-то, восходящего к психологии субъекта А. В. Брушлинского, но уже отличающегося от него (системно-субъектный и субъектно-бытийный походы, психология человеческого бытия и т. п.). Однако именно психология субъекта как заданное основателем дискурсивное поле является той системой координат, по отношению к которой определяется теоретическая и эмпирическая валидность новых направлений исследований. Фактически А. В. Брушлинский сформулировал и пытался ответить на два главных для этой предметной области вопроса. Первый: каковы психологические характеристики человека как субъекта, чем они отличаются от характеристик индивида, личности, индивидуальности? Второй вопрос об анализе самой дискурсивности (иначе ее можно назвать научной рациональностью): в соответствии с какими условиями и в каких формах субъект проявляется в разных дискурсах? В ответе на первый вопрос проявилось гибкое сочетание гносеологического (динамический и регулятивный планы анализа психологии субъекта) и эпистемологического (структурный план) подходов. Ответ на второй вопрос неравно связан с научными представлениями о деятельностной природе человеческой психики: какие виды деятельности способствуют, а какие препятствуют проявлению и развитию субъектных качеств человека? Например, преднамеренно создаваемые развивающие и деструктивные трудности (Поддьяков, 2014), безусловно, следует рассматривать с субъектно-деятельностных позиций.

В заключение необходимо высказать принципиальное соображение о наступлении нового этапа в развитии психологии субъекта.

Российская психология субъекта фактически уже прошла первый этап развития, который я бы назвал содержательно-структурным. Закономерно для становления любого нового научного направления, что на содержательно-структурном этапе психологами активно обсуждались определения субъекта, разные точки зрения на его понимание, критерии субъектности человека, соотношение категорий «субъект», «личность», «индивидуальность» и другие аспекты проблемы. Пристальный интерес ученых к структурным компонентам индивидуального и группового субъекта проявлялся, в частности, в том, что в качестве психологических особенностей коллективного субъекта выделялось наличие присущего нескольким людям состояния преактивности, способность группы проявлять совместные формы активности, коллективную саморефлексию и т. п. Разумеется, окончательных ответов на все обсуждавшиеся вопросы не найдено, но если ограничиться только их психологическим анализом, т. е. опасность впасть в порочный замкнутый круг – необходимы новые перспективы и горизонты.

И такие перспективы есть: в XXI в. психология субъекта вышла на новый этап развития, его можно назвать самосозидательным или самопорождающим. Сегодня происходит переосмысление категории «субъект»: от его понимания как самоидентификации, обнаружения в человеке активного начала – к самоконструированию, поиску таких дискурсов и практик, в которых осуществляется раскрытие множественности вариантов динамики развития субъектности. На первом, фактически познавательном этапе психологам важно было получить истинное знание о субъекте. На втором этапе главными становятся те условия, в которых реализуется самотрансформация субъекта, и приемы (например духовные практики), с помощью которых она происходит. Осуществляется смещение исследовательских акцентов с истин познания на конкретные обстоятельства, в которых формируются бытийные ценности и смыслы субъекта. Представления о созидающем себя субъекте изменились, и они отражают не только научные взгляды нескольких учеников и последователей А. В. Брушлинского. В наше время идеи о становлении субъекта как его самопорождении и самотрансформации находят воплощение в понимании личности как успешного автопроекта (Тульчинский, 2010), идее о самопроектировании личности (Чепелева, 2013), в концепции культуропорождающего образования (Корбут, 2004). Преобразование сократовского тезиса «Познай самого себя» в призыв «Создай самого себя» (Петрова,

2013), конечно же, не отрицает эвристической ценности самопознания. Новый этап развития психологии субъекта нацелен на психологический анализ и познание, на такую нелегкую работу по изменению себя, которая отражена в кратком и емком высказывании: «Самое сложное для человека – познать и изменить себя» (Критская, Мелешко, 2015, с. 19). Для психологов это означает необходимость поиска и условий трансформации человеком самого себя, обстоятельств, оптимальных для самоизменения, и знаний о внутренних и внешних факторах, способствующих или препятствующих этому. Сочетание эпистемологического и гносеологического подходов к проблеме дают психологам возможность исследовать две взаимосвязанные стороны формирования субъектности человека. В содержательном ракурсе рассмотрения проблемы субъекта психологи фокусируют внимание на способах определения человеком своей идентичности посредством сознания и самопознания. Второй ракурс предполагает поиск динамического регулятивного влияния обстоятельств, социальных условий, дискурсивного поля на изменение субъектом отношения к себе посредством осознания своих границ, пределов. При этом главными оказываются субъектно-деятельностные основания работы над собой, готовности человека выйти за свои границы, преодолеть сложившиеся представления и стереотипы.

Первый этап развития обсуждаемого научного направления, по существу, был телеологичным, он характеризовался направленностью психологов на получение знаний о раскрытии человеком своего Я (способностей, мотивов, интересов) и присвоении форм субъектности, лежащих в основе определенной профессиональной практики. Более перспективным и соответствующим второму этапу пониманием субъекта мне представляется не телеологическое, а конструктивистское. Оно основано на принципе заботы о себе, понимаемом не столько как самопознание, сколько как трансформация себя. Человек конструирующий, т. е. заботящийся о себе, живет в неопределенном и даже хаотичном мире, в котором невозможно категорично, а не размыто определить себя. Вместе с тем направленность на самопреобразование соответствует многим направлениям современных психологических исследований – самодетерминации, изучению изменений в осознании собственной идентичности и др. В развитии второго этапа, не отрицающего, а включающего в себя проблемы первого этапа, мне видится перспективное настоящее и будущее психологии субъекта.

2.1.2. Конституирование человеком способа быть субъектом: забота о себе

Цель раздела – описать феномен «заботы о себе» как концентрированное выражение субъектности человека.

С античности в европейской культуре сформировалось суждение о том, что заботиться о себе, не терять себя человеку помогает образование: «Для античных мыслителей образование являлось заботливо организованным обретением себя» (Безрогов, Пичугина, 2014, с. 144). Обучаясь, заботящийся о себе человек становится субъектом, совершенствующим, творчески изменяющим себя таким образом, чтобы это способствовало и духовному росту окружающих его людей. Знаменательно, что в этом процессе понимание занимает главенствующее место (Бабушкина, 2002).

Забота о себе – это такое измерение жизни, в котором гармонично сочетаются внимание субъекта к себе, своему благополучию и аналогичный взгляд на других людей. Посредством других людей субъект узнает и понимает себя. В широком смысле слова забота о себе включает направленность субъекта на личностное развитие, не только увеличение культурных знаний о мире, но и стремление постичь смысл человеческого бытия. Достигается это путем работы над собой, социальных практик, духовных упражнений. Забота о себе требует от человека способности осмыслить свои возможности и не ставить перед собой заведомо невыполнимые задачи. Попытки их решения могут не способствовать личностному росту, а, наоборот, привести к саморазрушительным последствиям. «Забота о себе предполагает глубокую трансформацию взгляда на мир и способа бытия в мире, и эта трансформация оказывается радикальной и трудной. Духовные упражнения и техники направлены на внутреннее изменение субъекта» (Боффо, 2015, с. 153–154).

Современная интерпретация феномена заботы о себе созвучна таким идеям самосозидания человеком своих субъектных качеств, которые указывают на поиск новых подходов к поиску психической активности субъекта в жизни и деятельности. Неудивительно, что эти идеи очень близки психологии субъекта. В заботе о себе умственные и физические усилия субъекта, связанные с самопониманием и самосовершенствованием, направлены на сокращение разрыва между тем, каким субъект является на самом деле, и тем, каким он себе себя представляет. Соответственно, совершаемые поступки имеют для него смысл лишь в той мере, в которой они помогают

лучше узнать себя. По Фуко, забота о себе оказывается альтернативным методом субъективации: субъект более не обязан открывать и осознавать истину о самом себе. Главное – придать смысл собственному существованию, делая его прекрасным с этической и эстетической точки зрения. По сути дела речь идет о смещении акцентов с познания на существование. А эта идея, безусловно, близка психологии человеческого бытия.

Стремление к внутренним изменениям, самосозиданию, трансформации себя проявляются в психологических исследованиях самопонимания. Как известно, процессы понимания человеком себя обычно «запускаются» внешними побудительными причинами (требованием написать автобиографию при приеме на работу, вопросом о том, почему вы именно таким образом относитесь к партнеру по общению и т. п.). Так, для меня поводом для развертывания процесса самопонимания стала описанная в разделе 4.5 этой книги ситуация, в которой возник вопрос: хочу ли я прочитать книгу по психологии продаж?

В современном мире одной из причин переосмысления субъектом себя, трансформации самопонимания является миграция, смена страны проживания, столкновение человека с новыми культурными и социально-психологическими реалиями. В этом отношении типичные результаты получены в психологическом исследовании, в котором участвовали китайки, продолжившие свое образование в американских университетах (Qina, Lykesb, 2006). Исследование показало, что самопонимание активно, динамично, текуче поэтому, что сама личность разнообразна и многогранна. В процессе культурной адаптации происходит повторное исследование и переосмысление ранее фрагментированных сторон своей личности. Переосмысление нужно для того, чтобы создать новое, расширенное Я, включенное в сеть отношений в чужой культуре. У некоторых испытуемых развивалось критическое сознание и новый смысл личности, поскольку они объединяли болезненные потери, сопровождающие их отъезд из Китая, и новую социальную идентичность, возникающую после пересечения границы. Чем больше человек осознает необходимость трансформации, создания нового Я, тем органичнее он вписывается в новую социокультурную среду, в непростые новые человеческие отношения: «Многие люди, которые учились в Америке, рассказывали, что жизнь иностранного студента очень трудна и выживание дается нелегко. Что касается меня, то я думаю, что хотела испытать эти трудности. Их преодоление поможет мне

подняться на иной уровень духовного развития» (Qina, Lykesb, 2006, p. 188). Результаты направленности субъекта на преодоление противоречий не заставляют себя ждать: «Я очень изменилась! Раньше, в Китае, я стереотипировала людей, не задумываясь, делала быстрые выводы. Но теперь я более открыта для того, чтобы согласиться с новыми идеями, вещами, различными ценностями и поведениями. Я имею в виду, что я стала непредубежденной к разнообразию вещей и людей в мире» (там же, с. 192).

Большой вклад в психологический анализ обсуждаемого феномена внесла Г. В. Иванченко, которая проинтерпретировала различные варианты психологических ресурсов действенной заботы субъекта о себе. Она проделала большую работу, направленную на творческое развитие идей М. Фуко. У обоих ученых главный акцент был сделан на конституировании способа быть субъектом, анализе форм самоконструирования, прагматики отношения к себе (Иванченко, 2009; Фуко, 2007)

У М. Фуко реализация метода «анализ через синтез» в социокультурном контексте нашла удачное воплощение именно в исследованиях феномена заботы о себе. У него описание этого феномена было направлено на конструирование целостной картины путем анализа частей. В концепции *epimeleia* (заботы о себе) он различал четыре аспекта (Фуко, 1991). Первый аспект: то, что можно назвать мировоззрением субъекта – индивидуально-специфическая манера смотреть на мир, действовать, вступать в отношения с другими людьми. Забота о себе – это также отношение к самому себе, к другим, ко всему в человеческом мире. Второй аспект: забота о себе – это особая форма внимания, изменение направления взгляда, перенесение его с внешнего мира на внутренний, с других на самого себя. Забота о себе предполагает интроспекцию: наблюдение субъекта за тем, что он думает и что происходит в его внутреннем мире. Третий – определенный образ действий, осуществляемый субъектом по отношению к самому себе. Действия, посредством которых субъект проявляет заботу о себе, изменяют и преобразуют его. Эти действия представляют собой совокупность практических навыков, приобретаемых путем большого количества упражнений. В истории западной культуры, философии, морали и духовной жизни техники медитации, запоминания прошлого, изучения сознания имеют давнюю традицию, они как бы вплетены в социокультурный контекст. Наконец, четвертый аспект исследовательского внимания: понятие заботы о себе основано на совокупности нормативных предпи-

саний, определяющих способ существования субъекта в обществе, его отношение к окружающему, определенные формы рефлексии (Фуко, 1991, с. 285).

Творчество Г. В. Иванченко является наглядным проявлением значимости для анализа человеческого бытия целостного континуума «знание–опыт», потому что ее исследования направлены на изучение психологии субъекта, действующего во всех трех реальностях – эмпирической, социокультурной, экзистенциальной. В частности, как, условно говоря, направленный на взаимодействие человека с эмпирической реальностью можно рассматривать ее анализ принципа необходимого разнообразия в природе (Иванченко, 1999а), а также музыкальных ощущений и восприятия музыкальных звуков (Иванченко, 2001). Несколько иной взгляд на понимание и поведение людей в социокультурной реальности представлен в книгах о публичной риторике (Иванченко, 1999б), логосе любви (Иванченко, 2007а) и космосе любви (Иванченко, 2009б). Наконец, отчетливо выраженный экзистенциальный характер имеют исследования феномена одиночества (Покровский, Иванченко, 2006) и историко-методологического и психологического анализа стремления человека к совершенству (Иванченко, 2007б). Ее размышления о самосовершенствовании и самореализации сыграли роль связующего звена, моста, ведущего к постановке проблемы заботы о себе.

С точки зрения современной психологии субъекта и психологии человеческого бытия именно последняя проблема – конституирования человеком способа быть субъектом – сегодня стала наиболее интегративной, обобщающей. И очевидно, что она была главным вопросом и для М. Фуко, и для Г. В. Иванченко, и для А. В. Брушлинского.

Психолог Галина Иванченко в обсуждаемой концепции сфокусировала свое исследовательское внимание в основном на психологических ресурсах действенной заботы субъекта о себе. Причем в поле ее пристального внимания был весь диапазон «рациональные знания – экзистенциальный опыт» – от факторов, способствующих формированию заботы, до тупиков, метапатологий, ведущих к утрате ценностных оснований человеческого бытия.

Начинается анализ с выбора субъектом совершенствующих состояний. Ситуации самосовершенствования субъекта изучаются с разных точек зрения. Одна – измерения умений и навыков доведения мастерства и исполнения до пределов возможного. Другое изменение – степень добровольности переживания той или иной ситу-

ации – от избегания до стремления субъекта попасть в нее. Третье измерение связано со степенью осознанности, осмысленности переживания и действий человека в той или иной ситуации, например одиночества.

Именно способность переносить одиночество как ресурс в работе о себе становится следующим аспектом исследования проблемы. По мнению Г. В. Иванченко, «одиночество парадоксальным образом выступает и как ресурс развития, и как жизненно необходимое в определенных „дозах“ состояние, и как непреодолимое испытание для тех, чьи силы подточены психологическими защитами от мира, аддикциями, неотрефлексированными личностными проблемами. Сама способность человека переносить одиночество служит индикатором его личностной зрелости, открытости, аутентичности, и индивид, изо всех сил старающийся не столкнуться с одиночеством, скорее всего также избегает и осознания других проблем» (Иванченко, 2009а, с. 86).

Еще один ресурс – любовь. По психологическому содержанию этот ресурс различен у мужчин и женщин. Мужчины чаще страдают от неспособности духовно сблизиться с любимой, доверять ей. Женщинам труднее преодолеть неуверенность в себе, они нередко испытывают страх перед одиночеством, боятся, что их покинут. Преодоление неуверенности в себе – необходимое условие самореализации и самосовершенствования субъекта.

Важным конституирующим субъекта ресурсом является способность ставить цели. При анализе целеполагания психологу важно осознавать, что нередко альтернативы, из которых необходимо сделать выбор, не даны субъекту непосредственно. Они требуют такого осознания и формулирования, которое требует от субъекта выхода за пределы себя, предусмотрения возможных последствий. «Поэтому целеполагание тесно связано с ответственностью человека и с его свободой выбирать алгоритмы и пути решения задачи. Приходится выбирать и средства достижения целей» (там же, с. 93).

Расширенным вариантом целеполагания являются жизненные планы и программы человека. Жизненные планы обращены в будущее, а критерием их оптимальности оказывается не только расширение границ возможного, но и усложнение и обогащение жизненного мира субъекта.

Г. В. Иванченко рассматривала заботу о себе, прежде всего, как самосовершенствование человека, описываемое четырьмя поляными характеристиками.

1. Непринужденность, органичность, естественность – насильственность самосовершенствования. Чем больше совершенствующийся человек учитывает свою индивидуальность, принимает во внимание присущие ему свойства, качества, задатки, таланты, тем ближе совершенствование к полюсу «непринужденности».
2. Тотальность – частичность самосовершенствования (широта изменений, производимых совершенствующимися процессами в субъекте – его двигательных навыках, ответственности и т. п.).
3. Внешняя – внутренняя направляемость процессов (и среди последних – направляемость потребностями нужды либо потребностями роста). Г. В. Иванченко подчеркивает, что подлинно свободное самосовершенствование направляется не «потребностями нужды», а «потребностями роста», по А. Маслоу.
4. Осознанность – нерефлексивность процессов самосовершенствования. Человек может не осознавать или частично осознавать свои мотивы и психологические механизмы самосовершенствования: «С одной стороны, стремление к совершенству и самосовершенствованию может проявляться и без какой бы то ни было осознанности, с другой стороны, у взрослого человека почти всегда выстраивается целая система деятельностей, связанных с самосовершенствованием, с приближением „реального Я“ к „идеальному Я“» (там же, с. 108).

Таким образом, психологические ресурсы действенной заботы субъекта о себе исследованы глубоко и разносторонне. Это относится к анализу не только психологических характеристик субъекта, способствующих формированию этого феномена. Не менее тщательно были изучены препятствия на этом пути: потеря направления и ориентиров заботы о себе, утрата ценностной основы, фанатизм, экзистенциальное одиночество и др. Чем дальше ученый продвигается в направлении анализа причин нарушения меры в заботе о себе, тем больше она вынуждена погружаться в такие глубины психики субъекта, которые никак не могут быть осознаны и отрефлективированы. Например, это происходит при сопоставлении верности субъекта себе и метапатологий. Метапатологии не нарушают связь человека с основой бытия, но непостоянство и ригидность – те два полюса, между которыми в особенности сложно сохранить меру. С одной стороны, сознательные рефлексивные усилия человека по обретению и удержанию этой меры мало что могут дать, если

это просто «волевые усилия, не связанные с какой-то выходящей за пределы отдельного человеческого существования целью. Так, верность себе, если она не связана со служением делу или самоотдачей, легко и быстро вырождается в самоуверенность и самонадеянность, некритичность» (там же, с. 259). С другой стороны, одного сознания мало: в истории психологии интроспекция никогда не приводила к решению крупных психологических проблем, например, понимания. Причина в том, что эти проблемы надо рассматривать не только в узком смысле, как познавательные процедуры субъекта, но и в широком экзистенциальном – как способ человеческого бытия. Такие проблемы мы понимаем не только по типу понимания-знания, но и по типу понимания-постижения. Несомненно, что психологическая природа «заботы о себе» такая же, и это явным образом следует из глубоких и интересных исследований М. Фуко и Г.В. Иванченко. Несомненно также и то, что забота о себе (которую, как по большому счету можно утверждать, до сих пор игнорирует большинство россиян применительно к себе и к окружающим) является действенным ресурсом становления субъектности человека, конструирования себя. Разумеется, дальнейшие исследования этого феномена будут способствовать углублению научных представлений о психологии субъекта и психологии человеческого бытия.

2.1.3. Психология человеческого бытия: теоретические итоги первых пятнадцати лет исследований

Психология человеческого бытия, научный фундамент которой заложили В. Франкл, С.Л. Рубинштейн и А.В. Брушлинский, сегодня является одной из перспективных и динамично развивающихся областей психологического знания. В конце XX в. ее контуры были явным образом обозначены посредством описания теоретических оснований, предмета, целей, методов. В наше время психология человеческого бытия продолжает интенсивно развиваться (Субъект..., 2005; Личность..., 2008). В этих условиях актуальной является необходимость углубления и расширения научных представлений о человеческом бытии. Понятийный аппарат психологии должен обогатиться и более ясными «психологичными» дефинициями человеческого бытия, и более точным определением предмета исследования.

Утверждая, что в конце XX в. созрели предпосылки для рассмотрения психологии человеческого бытия как самостоятельной области психологической науки, я отчетливо осознаю не только пер-

спективность такого направления анализа многих психических феноменов (в частности, понимания), но и возможные возражения и теоретиков, и практиков. Прочитав или услышав это утверждение, любой образованный психолог может выразить недоумение: психологическое направление исследований, имеющее дело с анализом коренных проблем человеческой жизни, уже существует – это экзистенциальная психология. Предметом экзистенциальной психологии являются такие глобальные вопросы, как проблемы жизни и смерти человека; свободы и детерминизма; выбора и ответственности; общения и одиночества; смысла и бессмысленности или даже абсурдности существования. В фокусе внимания психологов, исследующих закономерности психики человека с позиций психологии человеческого бытия, находятся фактически те же проблемы, однако *подходы к их решению* в двух названных направлениях психологической науки существенно различаются.

Между психологией человеческого бытия и экзистенциальной психологией есть принципиальные различия, и некоторые особенности последней не позволяют исследователю эффективно, научно корректно изучать психологические особенности понимания мира субъектом.

Во-первых, проблема, с которой обязательно сталкивается психолог, привыкший к теоретико-экспериментальному анализу проблемы понимания, заключается в том, что экзистенциалистская ориентация в разных областях, например в консультировании, имеет глубоко интуитивный, а не эмпирический фундамент. Естественно, что это означает скорее схватывание феноменологической целостности изучаемых явлений, чем установление достоверности выявленных закономерностей и воспроизводимости обнаруженных фактов. Поскольку, согласно экзистенциалистскому понятию существования, функции субъекта и объекта в бытии принципиально различны (объект «существует», а субъект «переживает»), то человек не познает объективный мир, а именно «переживает». Мало того, что в соответствии с этим тезисом постулируется если не непознаваемость объекта, то уж во всяком случае несущественность познания мира, его малая значимость для самореализации человека. Это означает еще и акцент на сиюминутности: фокусировании внимания на тех эмоциях и чувствах, которые проявляются в данный момент. В экзистенциальной психотерапии это называется принципом «здесь и теперь». В результате получается, что человек пассивно отражает непознаваемые внешние стимулы, а не осуществляет

свою жизнь как активно познающий, действующий и преобразующий мир субъект.

Для психолога-исследователя изучение любого психологического явления связано с анализом его причинно-следственных связей, внутренних и внешних условий, которые обусловили его формирование и развитие. Как отмечает Е. А. Климов, «в любом случае понимание и объяснение явлений психики должно быть «связесообразным», т. е. опираться на раскрытие рассматриваемого явления в системе тех или иных характеризующих его реальных связей (более принято и благозвучно выражение «законосообразность» понимания, объяснения; его мы и будем придерживаться)» (Климов, 1998, с. 26).

В отличие от научно-познавательной традиции с экзистенциальной точки зрения исследовать – прежде всего значит отодвинуть повседневные заботы и глубоко размышлять о своей экзистенциальной ситуации. Иначе говоря, думать не о том, каким образом мы стали такими, каковы мы есть, а о том, *что мы есть*. С позиций психологии человеческого бытия, психолог не может ограничиться узнаванием того, что есть, выявлением того, как субъект понимает, например смысл своей жизни. Напомню, что для Рубинштейна и Франкла главная категория – долженствование. Следовательно, задача психолога состоит не в констатирующем описании особенностей наличного бытия человека. Это еще и оценка реального бытия с позиций идеальных представлений о нем, т. е. этических отношений, морального императива. Только таким способом можно понять психику человека не как данность, определенный временной срез, а как динамическое, процессуальное образование, имеющее свои причины и следствия.

Во-вторых, субъектно-деятельностные основания психологии человеческого бытия изначально построены на представлении о том, что развитие человеческой психики происходит в общении людей, диалоге субъекта с миром. В отличие от этого экзистенциальная психология, по существу, представляет собой психологию индивидуализма. Она изучает отдельного человека, противостоящего враждебному ему миру и остающегося один на один с неизбежными жизненными противоречиями – добром и злом, своими желаниями и социальными ограничениями, наконец, жизнью и смертью. Один из крупнейших современных психотерапевтов, профессор Стэнфордского университета И. Д. Ялом называет такой модус существования человека экзистенциальной изоляцией. Он пишет: «Индивиды

часто бывают изолированы от других или от частей себя, но в основе этих отъединенностей лежит еще более глубокая изоляция, связанная с самим существованием, – изоляция, которая сохраняется при самом удовлетворительном общении с другими индивидами, при великолепном знании себя и интегрированности. Экзистенциальная изоляция связана с пропастью между собой и другими, через которую нет мостов. Она также обозначает еще более фундаментальную изоляцию – отделенность между индивидом и миром» (Ялом, 1999, с. 400).

Согласно экзистенциальному взгляду на мир, как бы ни был близок один человек другому, между ними все равно всегда остается непреодолимая пропасть, потому что каждый из нас в одиночестве приходит в мир и в одиночестве должен его покидать. Это порождает неизбежный конфликт между сознаваемой абсолютной изоляцией и потребностью в общении с людьми, защите и, в конечном счете, – принадлежности к какой-то целостности. Экзистенциальный подход не отрицает важной роли intersубъективных отношений в жизни человека, однако это отношения не взаимодействия и сотрудничества, а отстранения и отчуждения. Взгляд другого человека на субъекта превращает последнего в бездушный объект наблюдения, отчужденный как от самого себя, так и от всего окружающего мира. Особенно отчетливо установка на индивидуализм проявляется в центральной для экзистенциалистской теории проблеме свободы: например, в отношениях половой любви каждый из партнеров стремится завладеть свободой другого и превратить ее в вещь.

С позиций психологии человеческого бытия к проблеме одиночества необходим дифференциальный подход. Он предполагает изучение психологических характеристик и выделение разных типов одиноких людей, а также поиски причинных связей между временным состоянием и длительным чувством одиночества. Эта проблема связана с индивидуально-психологическими особенностями восприятия человеком себя и своего окружения. Одиночество как мироощущение и переживание личности представляет собой многомерное, системное качество, которое нельзя понимать и оценивать упрощенно, т. е. исключительно как проявление экзистенциальной изоляции. Одиночество – объективное состояние и субъективное мироощущение – зависит от социально-ролевого статуса субъекта и его личностных качеств.

В исследовании Н. Е. Харламенковой по этим параметрам было выделено три типа личности. *Зависимый* тип характеризовался со-

четанием низкой потребности в самоутверждении с завышенной самооценкой и суженной (за счет отвержения целей самореализации) системой ценностей. Для людей *доминирующего* типа характерны гиперпотребность в самоутверждении, завышенная самооценка и ориентация на ценности самореализации. *Самодостаточный* тип личности отличает конструктивный способ самоутверждения в сочетании с ориентацией на независимость, ценности общения с другими людьми и саморазвитие. Результаты экспериментов показали, что только зависимые и доминирующие личности переживают состояние одиночества в виде негативно окрашенного чувства отчужденности от людей. «При этом оказалось, что доминирующая личность с ярко выраженными агрессивными тенденциями, демонстрируя свою независимость от других людей, на самом деле нуждается в них гораздо в большей мере, чем зависимая личность» (Харламенкова, 1998, с. 90). В то же время для самодостаточного человека состояние одиночества ассоциируется с чувством свободы и независимости: «Самодостаточная личность, ориентированная на собственное понимание действительности, интерпретирует состояние одиночества как своеобразное благо, не испытывая обостренного чувства одиночества и отчужденности» (там же, с. 91).

Следовательно, при дифференцированном психологическом подходе к проблеме оказывается, что экзистенциальную изоляцию нельзя рассматривать как универсальную характеристику бытия человека, непременно порождающую чувство одиночества. Многое зависит от того, какими психологическими свойствами обладает субъект, какое место он занимает в обществе и как оценивает свои отношения с другими людьми.

В-третьих, сторонникам психологии человеческого бытия присущ если не безграничный оптимизм, то во всяком случае трезвый и реальный взгляд на место и предназначение человека в системе мироздания. Такая мировоззренческая позиция отвергает представления о безусловной абсурдности и бессмысленности человеческого существования. Экзистенциальная психология во многом унаследовала идеи философии экзистенциализма, в основе которой лежит пессимистический взгляд на человеческую природу. «Экзистенциальный человек» безуспешно пытается преодолеть «отвратительные», вызывающие тошноту (вспомним название одноименного романа Ж.-П. Сартра) проявления своей телесной, материальной оболочки. Одновременно он с ужасом сознает, что это ему не дано: растворение себя в потоке мелких чувств и желаний, обыденных

ситуаций всегда будет препятствовать постижению высшего смысла бытия. Неудивительно, что неизбежным и малоутешительным выводом экзистенциализма являются мысли об универсальности смерти как единственной антитезы бытию, бессмысленности и даже абсурдности существования человека: небытие не уравновешивает бытие, а активно опровергает его.

В противоположность изложенному выше психология человеческого бытия исходно направлена на анализ существования субъекта в мире с позиций «Я и другой человек». В этом ракурсе фундаментальные проблемы человеческой жизни видны под иным углом зрения. В частности, конечная точка земного пути человека, смерть, предстает не как безусловная трагедия. Отношение к ней субъекта определяется в зависимости от рассмотрения им себя, своей активности в мире, возможностей взаимодействовать с другими людьми и оставить после себя что-то если не значительное, то по крайней мере субъективно ценное. Ведь смерть – это не только трагический конец индивидуального существования: «Смерть есть также конец моих возможностей дать еще что-то людям, позаботиться о них. Она в силу этого превращает жизнь в обязанность, обязательство сделать это в меру моих возможностей, пока я могу это сделать. Таким образом, наличие смерти превращает жизнь в нечто серьезное, ответственное, в срочное обязательство, в обязательство, срок выполнения которого может истечь в любой момент. Это и есть закономерно серьезное отношение к жизни, которое в известной степени является этической нормой» (Рубинштейн, 1997, с. 82). Отсюда закономерный вывод: «Мое отношение к собственной смерти сейчас вообще не трагично. Оно могло бы стать трагичным в силу особой ситуации, при особых условиях – в момент, когда она обрывала бы какое-то важное дело, какой-то замысел» (там же). Следовательно, этическое отношение субъекта к другим людям и себе коренным образом изменяет представление человека о трагическом финале бытия.

Сравнение как перечисленных, так и других, не названных особенностей экзистенциальной психологии и психологии человеческого бытия привело меня к выводу о перспективности изучения проблемы понимания с позиций последней. Это не означает отрицания возможности и в чем-то даже продуктивности экзистенциального взгляда на проблему. Просто таков мой личный научно-мировоззренческий и, если хотите, «экзистенциальный» выбор. И этот выбор, прежде всего, относится к исследованиям психики с позиций психологии человеческого бытия.

К основателям психологии человеческого бытия следует отнести прежде всего В. Франкла и С. Л. Рубинштейна. Несмотря на принадлежность к совершенно различным социальным мирам и научным школам, эти выдающиеся ученые высказывали поразительно сходные суждения о психологии человека. Основой сходства являются почти одинаковые представления о *должном* – таком морально-нравственном императиве, который регулирует поступки субъекта, его представления о подлинно человеческом отношении к себе и другим. Этическую категорию долженствования можно сравнить с компасом, не только помогающим человеку выбирать способы ориентации в житейских ситуациях, но и адекватно понимать их.

Сходство научных взглядов двух ученых проявилось и в трех группах проблем психологии человеческого бытия, которые неизменно оказывались в центре их внимания. Рубинштейн говорит о проблемах взаимодействия субъекта с объектом, человека с объективной действительностью; отношениях субъекта с другими людьми и его отношении к себе. Франкл интерпретирует эти проблемы в терминах ценностей – смысловых универсалий, обобщающих опыт человечества. Он описывает три класса ценностей, позволяющих сделать жизнь человека осмысленной: ценности труда (творчества), переживания и отношения (Франкл, 1990). Соответственно ученый описывает три типа смысла: «Хотя Франкл подчеркивает, что у каждого индивида есть смысл в жизни, которого никто другой не может воплотить, все же эти уникальные смыслы распадаются на три основные категории: 1) состоящие в том, что мы осуществляем или даем миру как свои творения; 2) состоящие в том, что мы берем у мира в форме встреч и опыта; 3) состоящие в нашей позиции по отношению к страданию, по отношению к судьбе, которую мы не можем изменить» (Тихонравов, 1998, с. 498).

Главная проблема, занимающая обоих основоположников психологии человеческого бытия, – поиска и нахождения каждым человеком смысла жизни. По Франклу, «нахождение смысла – это вопрос не познания, а призвания. Не человек ставит вопрос о смысле своей жизни – жизнь ставит этот вопрос перед ним, и человеку приходится ежедневно и ежечасно отвечать на него – не словами, а действиями. Смысл не субъективен, человек не изобретает его, а находит в мире, в объективной действительности, именно поэтому он выступает для человека как императив, требующий своей реализации» (Франкл, 1990, с. 114). Для Рубинштейна смысл жизни представляет собой такое ценностно-эмоциональное образование личности, ко-

торое проявляется не только в принятии одних ценностей и отрицании других, но и в саморазвитии, самореализации личностных качеств субъекта, ищущего и находящего высший, «запредельный» смысл своего бытия. Франкл называет его сверхсмыслом, а Рубинштейн полагает, что «смысл человеческой жизни – быть источником света и тепла для других людей. Быть сознанием Вселенной и совестью человечества. Быть центром превращения стихийных сил в силы сознательные. Быть преобразователем жизни, выкорчевывать из нее всякую скверну и непрерывно совершенствовать жизнь» (Рубинштейн, 1997, с. 113).

Сегодня теоретическая и эмпирическая разработка психологии человеческого бытия осуществляется как формирование и развитие новой области психологического знания. В этой области психологической науки человеческое бытие рассматривается с точки зрения многомерности мира, наличия трех уровней действительности, соотношенных со способами существования людей. Структура психологии человеческого бытия определяется научными представлениями психологов, во-первых, о том, какую реальность (эмпирическую, социокультурную или экзистенциальную) в данный момент имеет в виду человек, оказавшийся объектом и субъектом психологического исследования. Во-вторых, какой домен социального знания (морального, конвенционального или персонального – Nucci, 1996; Smetana, 2006) наиболее целесообразно использовать для описания ответов и невербальных реакций испытуемого. В-третьих, в рамках какой традиции исследования психики – когнитивной, герменевтической или экзистенциальной – осуществляется психологический анализ мыслей, переживаний, поступков людей. В-четвертых, каждой традиции соответствует определенный тип понимания психологом проблем, предмета, методов и результатов исследования – понимание-знание, понимание-интерпретация, понимание-постижение. Типы понимания выражают *способы освоения бытия* понимающим мир субъектом. Наконец, в-пятых, трем типам понимания соответствуют оценки истинности, правильности и правдивости высказываний людей в коммуникативных ситуациях.

Перечислю характерные особенности психологии человеческого бытия, которые, по моему мнению, сегодня позволяют назвать ее новой областью психологической науки.

Теоретические основания. Теоретические положения психологии человеческого бытия невозможно описать без обращения к более широкому, чем конкретно-психологический, – философскому

контексту решаемых в ней проблем. В концепциях А. В. Брушлинского, С. Л. Рубинштейна, В. Франкла, из которых исходит названная область психологической науки, онтологические предпосылки исследования субъект-объектных отношений основываются на том, что мир, включающий других людей, анализируется как предпосылка подлинного существования субъекта. Человек должен быть взят внутри бытия, в своем специфическом отношении к нему, как субъект познания и действия, отношения и переживания, созерцания и постижения. Следовательно, человеческое бытие включает в себя реально существующего субъекта.

В психологии человеческого бытия одновременно реализуются, дополняя и обогащая друг друга, когнитивная и экзистенциальная исследовательские парадигмы. В современной науке сосуществование когнитивной и экзистенциальной парадигм отчетливо проявляется в том, что одни и те же психологические проблемы могут изучаться под разными углами зрения. Для меня показательным примером оказались собственные исследования понимания, в которых отчетливо наблюдался переход от анализа этого феномена с позиций психологии познания (Знаков, 1994) к его рассмотрению в контексте бытийного слоя сознания субъекта (Знаков, 2005, 2007).

Предмет психологии человеческого бытия. Предметом исследования в этой области психологической науки являются не психические процессы или свойства (познание, эмоции, переживания и т. п.), а смысловые образования, выражающие ценностное отношение субъекта к миру. Основной акцент здесь делается на анализе ценностных, аксиологических аспектов бытия человека. В мире человека объективно истинные описания и объяснения обязательно включают в себя аксиологические факторы: соотношенность получаемых знаний о мире не только со средствами познавательной деятельности, но и с ценностно окрашенными представлениями субъекта о должном. Психология человеческого бытия стала новым шагом в направлении расширения ценностно-смысловых контекстов, в которые включались классические проблемы так называемой вершинной психологии: смысла жизни, свободы, духовности, гуманизма. Вместе с тем в рамках этого направления изучаются и классические экзистенциальные проблемы: одиночества, осмысленности или абсурдности бытия, отношения субъекта к жизни и смерти, т. е. то, «как человеческая судьба зависит от отношения человека к жизни и смерти» (Дружинин, 2000, с. 5). Наиболее общей проблемой психологии человеческого бытия, прямо или косвенно включа-

ющей все названные выше, является проблема понимания. Я имею в виду понимание субъектом мира и себя в мире.

Единицы анализа психического, их интергативный характер. В рамках этой парадигмы психологами признается безусловная необходимость приоритетного изучения не отдельных составляющих психики (памяти, мышления, эмоций и т. п.), а целостных единиц. Такими единицами являются *события, ситуации*. Я имею в виду такие ситуации, в которые субъект попадает при взаимодействии с другими людьми и которые отражаются в его внутреннем мире. Рассматривая жизнь человека как череду событий и ситуаций, психология человеческого бытия не только расширительно трактует деятельностные основания детерминации психики, но и раскрывает новые источники формирования субъектности человека.

С этих позиций деятельность, направленная на достижение конкретной цели в определенный момент времени, имеет для психологического анализа более частное значение, чем *дело*, которому человек служит и считает смыслом своей жизни. Дело становится ценностно-целевым фактором, не только устремляющим жизнь субъекта в будущее, но и формирующим его способ видения мира, понимания окружающей действительности. «Дело – то, чему человек предан по жизни, то, что выше, больше него, длиннее, чем его жизнь. У дела есть продолжатели и предшественники. Оно имеет историю. Культурные проблемы решаются годами, десятилетиями, веками. У тех, кто включен в этот процесс, – общее дело, общий смысл. Жизнь, таким образом, становится воплощением этого смысла, способом утверждения своего видения мира, своего понимания добра, своей ценности» (Зарецкий, 2004, с. 39). Целостная жизнь субъекта полнее и адекватнее описывается понятием «дело», чем категорией «деятельность».

Однако при рассмотрении единиц анализа психического с позиций психологии человеческого бытия категория «дело» по своему содержанию тоже нередко оказывается узкой, недостаточно полно выражающей движущие силы развития и формирования новых граней субъектности. По Брушлинскому, субъект всегда является активным творцом, преобразующим себя и окружающую действительность (Брушлинский, 2003). Разумеется, человек живет в реальном мире, в котором все совершается по законам необходимости, в том числе биологической целесообразности. Осознание существования таких законов можно назвать горизонтальной, так сказать,

приземленной плоскостью измерения человеческой жизни. Но подлинно человеческое в человеке, субъектное в субъекте определяется все-таки, прежде всего, вертикальным измерением. Я имею в виду ориентацию человека на идеалы, его устремление к высшим духовным ценностям, основанным на соединении интеллекта и нравственности. Одним из таких идеалов является творчество, контролируемое совестью.

В канун 200-летия со дня рождения А. С. Пушкина В. С. Непомнящий писал о поэте: «Автор помещает себя не в субъектную позицию (характерную для большинства литературных произведений, особенно лирического рода), а в то же *объектное пространство Творения*, где находятся его герои; „субъектность“ же автора носит инструментальный характер – это „субъектность“ орудия, находящегося в руках высшей творческой силы (всем известно религиозное отношение Пушкина к своему творческому дару как к чуду), высшей Правды» (Непомнящий, 1999, с. 99).

Приведенный пример не относится исключительно к нашему национальному гению и является не только историко-литературным. На мой взгляд, выраженная в нем глубокая мысль выходит далеко за пределы литературной критики и позволяет читателю отвлечься от «запредельных» трансцендентных аспектов благоговения человека перед дарованными ему судьбой творческими возможностями. С позиций психологии человеческого бытия в нем можно усмотреть «обратное» влияние творческого начала и нравственных идеалов человека на формирование индивидуально-неповторимых субъектных качеств его личности.

В предельных случаях идеалы воплощаются в том, что человек считает своим *призванием*, путем, с которого он не сможет свернуть, даже если в минуту слабости сам этого захочет. Хрестоматийным выражением упорного следования призванию может служить фраза, приписываемая Мартину Лютеру: «На том стою и не могу иначе». (На самом деле, когда 18 апреля 1521 г. Лютер выступал перед рейхстагом в Вормсе в защиту своих религиозных взглядов, он закончил речь как обычно: «Да поможет мне Бог. Аминь». Но восторженным поклонникам Лютера этого показалось недостаточно, и впоследствии они добавили к речи знаменитую концовку. Впервые она появилась в трудах великого немецкого реформатора, изданных в Виттенберге между 1539 и 1558 г.)

Какое отношение «дело» или «призвание» имеет к единицам анализа психического? Самое непосредственное. В деле, которому

субъект будет служить всегда, или в жизненном призвании ежедневно и, может быть, ежечасно проявляется его отношение к событиям и ситуациям, в которых он оказывается. В категориях «дело», «призвание» есть постоянная устремленность в будущее. Это означает, что избранный путь, линия жизни направляют поведение человека в конкретных обстоятельствах, кристаллизуя и шлифуя новые грани его субъектных качеств. Другими словами, эту мысль выразил В. Н. Дружинин: «Принятие решения о варианте жизни является „точкой бифуркации“. После выбора обратного пути нет, и личность человека должна модифицироваться под влиянием нового образа жизни» (Дружинин, 2000, с. 64).

В целом же дело и призвание, во-первых, можно считать такими *целенаправленными структурами, в которых интегрируются единицы психического*. Во-вторых, как уже было сказано, дело и призвание всегда основаны на нравственности, неразрывно связаны с совестью и ориентацией на высшие духовные ценности. Вследствие этого обретение нового совокупного опыта, когда-то воплощенного в конкретных событиях и ситуациях, означает *восхождение на новую ступень субъектности, качественное изменение субъекта*. Следовательно, дело или призвание, ставшие для человека смыслом жизни, осмысленной целью бытия, являются индикаторами индивидуальных характеристик субъектности человека.

Методы познания психической реальности. В психологии человеческого бытия используются традиционные методы психологического исследования: опросники, метод микросемантического анализа, методика определения гендерной идентичности и другие. Главная цель выбора методик, подходящих для проведения конкретного исследования (например, изучения оптимизма), состоит в том, чтобы их набор давал психологу возможность делать выводы о сочетании *отражения* субъектом воспринимаемых фрагментов объективной действительности и *порождения, конструирования* им новых реальностей. Наиболее полно и точно такое сочетание выражено в *нарративном принципе*. Этот принцип является одним из основных методов психологии человеческого бытия, он позволяет объединить усилия психологов разных эмпирических и теоретических ориентаций.

Таковы предельно кратко изложенные теоретические основания, предмет и методы психологии человеческого бытия. Поскольку эта область психологической науки имеет непосредственное отношение к субъектно-деятельностному подходу, то необходимо проана-

лизировать соотношение психологии субъекта и психологии человеческого бытия. Отмечу три основных момента.

1. Психология человеческого бытия является частью психологии субъекта и, следовательно, уже по содержанию и решаемым задачам. В постнеклассической психологии субъекта в сконцентрированном виде отражена тематика всех предыдущих исследований Брушлинского. К ним относятся: вопрос о наследственных предпосылках психического развития, соотношении биологического и социального в развитии личности; принцип детерминизма, соотношение внешних причин и внутренних условий в детерминации психики; проблема дискретности – недизъюнктивности и непрерывность организации психических процессов; проблема общественного-индивидуального в психике человека и культурно-историческая теория мышления; мышление как процесс и проблема деятельности; идущие от Рубинштейна исходные положения субъектно-деятельностной теории и проблема субъекта в психологической науке; наконец, психология субъекта как целостная область психологического знания, психология созидания, ориентированная на анализ таких ценностей, как свобода, духовность, нравственность, гуманизм. Психология человеческого бытия имеет непосредственное отношение только к двум последним проблемам: она направлена на анализ смысловых и ценностных контекстов жизни субъекта, в которых формируются и проявляются его субъектные качества.
2. Психология человеческого бытия основана не на *субъектно-деятельностном*, а на *субъектном* подходе в психологии. Очевидно, что жизнь человека нельзя рассматривать только как непрерывную череду сменяющих друг друга деятельностей. Это означает признание того, что в формировании психики большую роль играют недейательностные по своей природе феномены – общение, переживание, созерцание, постижение и др. Выход за пределы сиюминутного деяния, целенаправленная устремленность на реализацию своего призвания или дела, которому служишь, не только побуждают человека к связыванию воедино прошлого, настоящего и будущего своей жизни. Все это способствует развитию субъектности, формированию и реализации субъектных качеств человека, начиная с младенческого возраста и до старости.

3. Творческое развитие психологии субъекта А.В. Брушлинского сегодня привело психологов к осознанию того, что ее предмет неоднороден, он включает и субъекта деятельности, и субъекта развития, и субъекта жизни (Сергиенко, 2007). Психология человеческого бытия изучает преимущественно *субъекта развития и субъекта жизни*. Об этом свидетельствуют, в частности, уже проведенные исследования: понимания субъектом манипулятивного поведения; половых, гендерных и личностных различий в понимании испытуемыми разного возраста моральной дилеммы; понимания моральной допустимости абортов и эвтаназии; половых и возрастных различий в когнитивных и экзистенциальных компонентах самопознания и самопонимания; понимания и переживания россиянами террористической угрозы. Как названные, так и другие исследования ориентированы на выявление не *процессуально-деятельностных*, а *результативных* составляющих понимания субъектом мира в разные периоды его жизни.

2.1.4. Понимающее себя бытие

Основная цель раздела – с позиций психологии человеческого бытия ответить на вопрос: может ли понимающее себя бытие рассматриваться не только как известная философская метафора, но и как реальный феномен самосознания? Иначе говоря, является ли понимающее себя бытие предметом психологического исследования? Сразу скажу, что я собираюсь положительно ответить на этот вопрос.

В XX в. понимание стало рассматриваться учеными и философами не только как познавательная процедура психики индивидуального субъекта, а гораздо шире. Понимание перестало трактоваться только как интерпретация, осуществляемая субъектом. Оно стало связываться с экзистенцией, человеческим бытием и приобрело уже не гносеологический, а онтологический статус. Онтологизация представлена в философии М. Хайдеггера и Г.Г. Гадамера. Они начали описывать понимание как такое специфическое отношение к действительности, в котором люди выступают в качестве толкующего себя бытия, понимающего себя бытия.

Согласно западной экзистенциальной традиции, ясно выраженной М. Хайдеггером, человек – это субъект, для которого мир является совокупностью противостоящих ему объектов, иначе говоря, реальных или мыслимых предметов, которыми субъект владеет

и пользуется, которые отвергает или уничтожает. Позиция Хайдеггера выражает типичное для экзистенциальной философии различие «бытия» и «существования». По мнению экзистенциалистов, «бытие» относится к окружающему человека природному и социальному миру, а «существование» – к внутренней жизни, индивидуальному Я. Основной мотив различения у них заключается в том, чтобы подчеркнуть, что мир всегда стремится подавить индивидуальность, сделать ее частью общего безличного бытия. Естественным следствием противопоставления бытия и существования, противоречия между ними становится возникновение у человека чувства одиночества, тревоги, тоски, ощущения бессмысленности жизни. Неудивительно, что такие крупные представители экзистенциального анализа и логотерапии, как А. Лэнгле и В. Франкл, говорили об «экзистенциальном антагонизме» и «экзистенциальном вакууме» (Лэнгле, 2006; Франкл, 1990).

Принципиально иначе проблема соотношения бытия и существования решается в русской экзистенциальной традиции, в частности, в персоналистической философии Н. А. Бердяева. В ней устанавливается различие между личностью и индивидуумом. Индивидуум есть категория природная и социальная. Индивидуум является такой неделимой частью целого (рода или общества), вне которого он не может быть назван индивидуумом. Он характеризуется стремлением к эгоистическому самоутверждению. «Поэтому индивидуализм, производный от слова „индивидуум“, совсем не означает независимости по отношению к целому, к процессу космическому, биологическому и социальному, а означает лишь изоляцию подчиненной части и бессильное восстание ее против целого» (Бердяев, 2006, с. 38). По Бердяеву, человек есть микрокосм, универсум, но в качестве не индивидуума, а личности. Именно с личностью связана идея человека, его призвания в мире. Личность – это духовная категория, она характеризует свободу и независимость человека по отношению к природе, обществу, государству. Личности чуждо эгоистическое самоутверждение, наоборот: «Персонализм не означает, подобно индивидуализму, эгоцентрической изоляции. Личность в человеке есть его независимость по отношению к материальному миру, который есть материал для работы духа» (там же, с. 39).

Корни хайдеггеровского противоречия между бытием и существованием следует искать именно в индивидуалистической трактовке человека как существа хотя и социального, но эгоцентричного, на-

правленного, прежде всего, на отстаивание своих интересов и удовлетворение собственных потребностей. Пути разрешения указанного противоречия, намеченные в персоналистической философии Бердяева, в нашей психологической науке нашли наиболее полное воплощение в субъектно-деятельностном подходе С. Л. Рубинштейна, психологии субъекта А. В. Брушлинского и таком современном варианте их развития, как психология человеческого бытия. В рамках названных концепций онтологические предпосылки исследования субъект-объектных отношений основываются на том, что мир, включающий других людей, анализируется как предпосылка подлинного существования субъекта.

Однако при анализе учеными понимающего себя бытия возникает *парадокс*. Он заключается в том, что в ситуациях человеческого бытия люди иногда становятся объектами познания и отношения. При этом они нередко *утрачивают* свою субъектную сущность не только для других, но и для самих себя. В частности, из медицинской практики известно, что врачи довольно часто на основании знания эффективных способов лечения болезней обходятся с пациентами как с объектами, отводят им роль пассивных, беспомощных реципиентов своих знаний и умений. После применения лекарственных препаратов больные физически чувствуют себя лучше, становятся более энергичными и менее депрессивными. Однако в то же время некоторые из них ощущают себя надломленными или неполноценными вследствие внешнего вмешательства, поскольку нормальной жизни без лекарств не было. Следовательно, назначая объективно полезные процедуры, врачи игнорируют индивидуально-психологические особенности ценностно-смысловой сферы больных и даже препятствуют их ощущению себя полноценными субъектами, творцами своей жизни.

Понимая ситуации человеческого бытия, субъект вынужден рефлексировать, направлять внимание на свой внутренний мир. При этом человек как субъект одновременно становится объектом, на который направлено его внимание. Неизбежным следствием этого оказывается самоотрицание: становясь объектом понимания, субъект оказывается недостижимым для сознания, бесконечным, неопределенным и потому теряющим свою субъектную сущность. Серьезной экзистенциальной проблемой оказывается включенность субъектов в ситуации, делающая практически невозможным четкое отделение их от себя. Неудивительно, что В. Франкл считал, что самопознание ведет к утрате субъектности. Важная причина утраты

субъектности современным человеком кроется в отсутствии навыков самопознания и самопонимания. В современном обществе нежелание, неумение, боязнь многих людей познать и понять себя наблюдается не только в межличностных отношениях, но и на уровне массовых проявлений социальной активности. Например, за поступками многих «борцов за социальную справедливость», членов различных партий, обещающих народу лучшую жизнь, ясно видна их неспособность обратить внимание на самих себя, сосредоточиться на решении своих проблем.

Таким образом, современный человек становится проблематичным для самого себя: нередко он оказывается в положении, в котором не знает, *что* он есть. Одновременно он осознает, что у него нет никаких способов это узнать. Для специалистов по психологии понимания такая точка зрения не является новой и неожиданной. В понимании, большую роль играет осмысление, анализ знания, имеющего для субъекта проблемный характер. Проблемное знание отражает область тех неизвестных субъекту закономерностей, которые он не может раскрыть, опираясь только на прошлый опыт и достигнутый уровень способов действия. Проблемность в значительной мере оказывается следствием того, что, пытаясь понять внешний мир, ориентируясь на его ценности, субъект как бы *выходит за пределы себя*. В результате он оказывается скрыт, потерян для самого себя, заслоняем миром, его сложными проблемами. Неудивительно, что исследования показывают, что экзистенциально важное для субъекта жизни самопонимание закономерно включает моменты «потери себя».

Понятие «выхода за пределы себя», во-первых, соответствует методологии современного научного познания. Например, М. К. Мамардашвили полагал, что для того чтобы быть самим собой, человек должен постоянно превосходить себя (Мамардашвили, 1996). Очень показательным в этом отношении оказывается акт понимания. Понимание – это и личностное изменение человека, и его «выход за свои пределы»: превосходство над собой, над тем Я, каким субъект был до понимания. Об этом очень точно сказал Ж. П. Сартр: «Понять – значит измениться, превзойти самого себя...» (цит. по: Соколов, 1995, с. 348). Во-вторых, понятие «выхода за пределы себя» побуждает ученых перейти от психологического анализа самопонимания субъекта к изучению природы понимающего себя бытия. Такой переход невозможен без современного переосмысления классической проблемы «бытие и сознание».

В российской психологической науке распространенным является положение о смысловой организации сознания, в частности, той его стороны, которая направлена на отражение, рефлекссию и порождение человеком себя. Я имею в виду самосознание. Например, по В. В. Столину, единицей самосознания является конфликтный смысл Я (Столин, 1993). По В. П. Зинченко, смыслы являются образующими рефлексивного и бытийного слоев сознания (Зинченко, 1991). Однако, как только психологи обращают внимание на смысл, они вольно или невольно переходят в плоскость исследования понимания. Понимание – это всегда смыслообразование, потому что несмысленные знания о мире для субъекта мертвы.

В отечественной психологии сознание и самосознание человека долгое время рассматривались как производная от его деятельности и общественного бытия. Сегодня точка зрения на происхождение и природу этого феномена изменилась. В гуманитарных науках распространенным является утверждение о том, что интра- и интерсубъективность сознания и самосознания человека и группы не противостоят друг другу как две разные реальности. Как отмечал российский философ Ф. Т. Михайлов, индивидуальное и общественное сознание «одновременно, как нечто единое, нерасчлененное творятся и творчески воссоздаются обращениями людей друг к другу и к самим себе» (Самосознание..., 1997, с. 2). Сходную точку зрения высказывал В. П. Зинченко. Он говорил о том, что сознание «находится не столько в индивиде, сколько между индивидами. Конечно же, сознание – это свойство индивида, но в не меньшей, если не в большей мере оно есть свойство и характеристика меж- и надиндивидуальных или трансперсональных отношений» (Зинченко, 1991, с. 21).

Познающий и понимающий ситуации и события человеческого бытия субъект – это одновременно и уникальный человек, и универсальный представитель человеческого рода. Он потенциально воплощает в себе группу, содружество эмпирических субъектов. Характерная особенность человеческого бытия состоит в том, что его нельзя рассматривать как индивидуальный жизненный путь личности, оно в большей степени соответствует рубинштейновскому «миру»: это совокупность психологических реальностей, возникающих внутри разных ситуаций в точках пересечения взаимодействий индивидуальных и групповых субъектов. Человеческое бытие представляет собой такое единичное (в частности, индивидуально-психологические особенности общающихся людей), в котором потен-

циально представлено общее – весь мир, все человечество. Отсюда следует, что ключевое для психологии человеческого бытия понятие субъекта по объему и содержанию гораздо шире категории личности. «Субъект (в наиболее точном и полном смысле слова) – это человечество в целом. Оно представляет собой противоречивое неразрывное единство субъектов меньшего масштаба, т. е. различных социальных групп, индивидов, взаимодействующих друг с другом. В процессе взаимодействия с другими людьми – прежде всего в процессе общения – человеческий индивид формируется как субъект» (Брушлинский, 2006, с. 309). Формирование психики субъекта происходит в межсубъектном пространстве на стыке разных ценностно-смысловых позиций, на общей платформе принимаемых и отвергаемых определенными группами людей норм, ценностей, смыслов.

Современное переосмысление классической проблемы «бытие и сознание» эволюционирует от фокуса на наблюдаемом мире к фокусу на познающем субъекте, а затем и к фокусу на пространстве между субъектом, объектом и другими субъектами, т. е. на интерсубъектном мире. Положение о том, что сознание субъекта формируется не только «внутри» него, но и вовне, в пространстве человеческого бытия, можно найти в работах С. Л. Рубинштейна, развивают его и современные ученые. «Отношение другого «я» к моему «я» выступает как условие моего существования. Каждое «я», поскольку оно есть и всеобщность «я», есть коллективный субъект, содружество субъектов, «республика субъектов», содружество личностей; это «я» есть на самом деле «мы». Субъект науки – это человечество, субъект речи – это вместе с индивидом и народ (его язык)» (Рубинштейн, 1997, с. 68). У Рубинштейна взаимодействие субъекта и объекта реализуется во встречном движении: мира, который показывается субъекту, обнаруживается, «дает себя отражать», и целеустремленной направленности человека, овладевающего миром и преобразующего его. Порождающая творческая специфика ситуаций человеческого бытия, представленных во внутреннем мире субъекта, определяет то, как он видит и понимает не только события, факты, фрагменты жизни.

Развитие методологии современного научного познания привело к тому, что понимающее себя бытие уже воспринимается учеными не как метафора, а как такая же реальность, как коллективное познание. Устремленность субъекта (особенно группового) и объекта навстречу друг другу порождают между ними такое единство, в том числе чувственное и интеллектуальное, которое дает осно-

вание говорить о пространстве коллективного сознания и понимающем себя бытии как онтологически существующих данностях. Основания для такого утверждения можно найти в разных и даже очень отличающихся друг от друга областях психологии. Во второй половине XX в. М. Г. Ярошевский считал, что научное творчество невозможно без представленности в жизни отдельного ученого надиндивидуальных форм объективно и закономерно развивающегося знания. Надсознательное движение научной мысли осуществляется при незримом присутствии множества конкретных исследователей – союзников, противников, оппонентов и критиков. Вследствие этого надсознательное является, по своей сути, коллективно-надсознательным (Петровский, Ярошевский, 1998). Неразрывная связь индивидуального познания с групповым, понимание не только как процедура разума конкретного субъекта, но и как способ существования человека в мире и, в конечном счете, понимающее себя бытие – все это результаты встречного движения субъекта и объекта. В этом контексте неудивительно, что с позиций современной социальной эпистемологии каждый человек в равной мере является и индивидом, и коллективным субъектом. Такой ракурс научного анализа возникает на основе убеждения в том, что «нормальный человеческий индивид изначально и внутренне коллективен» (Касавин, 2015, с. 16).

Говоря о коллективном познании, необходимо отметить еще одно направление исследований – интерессубъективных психологических механизмов понимания. Сегодня в различных областях психологии (социальной, кросс-культурной, трансперсональной, психологии личности) развивается теоретическое и концептуальное представление о метаперсональной самоинтерпретации субъекта. Она определяется как идентичность, выходящая за пределы индивидуального Я и охватывающая более широкие аспекты бытия, такие как человечество, жизнь, психика или космос. При метаперсональной самоинтерпретации субъект ощущает свою неразрывную связь со всем человечеством и осознает себя как часть природного и социального мира (DeCicco, Stroink, 2007). В отечественной науке широко известной стала мультисубъектная теория личности – направление в психологии, рассматривающее человека в многообразии субъектных форм его существования и развития. В рамках этой теории ключевую роль играет феномен отраженной субъектности. В общении любой человек обуславливает изменения значимых аспектов индивидуальности других людей, является субъектом преобразования

поведения и сознания окружающих через свою представленность в них. Мультисубъектная концепция персонализации выводит понятие личности за пределы индивидуального психологического облика конкретного субъекта, не просто связывая его с окружающей социальной действительностью, а пытаясь понять и описать психологию человека через психологические свойства взаимодействующих с ним людей (Петровский, 2010).

Очевидно, что описанные выше новые, научно продуктивные направления психологических исследований ищут истоки формирования психики и субъектных качеств не только во внутреннем мире человека, но и в пространстве межсубъектных взаимодействий, на стыке разных ценностно-смысловых позиций общающихся людей.

К таким перспективным научным направлениям, содержательно тесно связанным с психологией человеческого бытия, относятся и онтопсихология, занимающая центральное место в системе человекознания Б. Г. Ананьева. Оригинальные, интересные и продуктивные исследования в области онтопсихологии представлены в трудах Н. В. Гришиной и ее учеников. Она полагает, что предмет онтопсихологии – исследование бытия человека. В онтопсихологии, так же как в психологии человеческого бытия, большое внимание уделяется анализу взаимоотношений внутреннего и внешнего мира субъекта. Онтопсихология «ориентирована на изучение контекста реальных, практических отношений субъекта с миром, человек изучается в контексте бытия и жизненных отношений» (Гришина, 2010, с. 281). Стремление ученых выйти за пределы субъект-объектных взаимодействий проявляется, в частности, в том, что главным для онтопсихологии, по их мнению, должен быть концепт жизненного пространства, а общим методологическим основанием онтопсихологических исследований – ситуационный подход. «Сущность ситуационного подхода состоит в признании того, что человек не просто реагирует на ту или иную ситуацию, но „определяет“ ее, одновременно „определяя“ себя в этой ситуации, фактически создавая, „конструируя“ тот социальный мир, в котором живет, и тем самым выступает как подлинный субъект „жизнетворчества“, творец своей жизни» (там же, с. 288). Акцент на сочетании внутриличностного и межличностного контекста формирования психики субъекта здесь очевиден.

Таким образом, и для онтопсихологии, и для психологии человеческого бытия характерен интерес психологов к ситуациям и событиям как интегративным единицам бытия, становление которых

происходит не только во внутреннем мире субъекта, но и в интерсубъектном пространстве.

В психологической науке проблема понимающего себя бытия имеет еще одну сторону – социально-психологическую. Понимающее себя бытие как научная проблема заключается, прежде всего, в ответе на вопрос: кто понимает себя – один субъект или в этом случае можно говорить только о такой совокупности людей, которую в социальной психологии называют групповым субъектом? Многие современные психологи при анализе закономерностей порождения психического указывают на необходимость поиска различных психологических феноменов не только внутри ментального и экзистенциального опытов субъекта, но и в межсубъектном пространстве. К упомянутым феноменам относится и понимающее себя человеческое бытие.

По С. Л. Рубинштейну, бытие, рассматриваемое как объект, в частности предмет психологического познания, – это всегда бытие, включающее субъекта. Человек является той частью бытия, которая осознает сущее, целостное бытие. Специфические способы существования человека проявляются в функционировании сознания и реализации действий (Рубинштейн, 1997). Познающий и понимающий ситуации человеческого бытия субъект – это одновременно и уникальный человек, и универсальный представитель человеческого рода, т. е. субъект, воплощающий в себе группу, сообщество эмпирических субъектов. Человеческое бытие не тождественно жизни индивидуального субъекта. Это понятие скорее соответствует рубинштейновскому понятию «мира» как совокупности вещей и явлений, соотносенных с взаимодействующими людьми, как организованной иерархии различных способов существования. Человеческое бытие представляет собой такое единичное (в частности, индивидуально-психологические особенности общающихся людей), в котором потенциально представлено общее – весь мир, все человечество. Отсюда следует, что человеческое бытие может понимать себя. Понимающее себя бытие представляет собой диалектическое единство самопонимания взаимодействующих субъектов и группового понимания. Такое понимание порождается в межсубъектном пространстве на стыке разных ценностно-смысловых позиций. Оно базируется на общей платформе принимаемых определенными группами людей норм, ценностей, смыслов.

Одним из перспективных направлений психологического анализа того, как человеческое бытие понимает себя, является соот-

несение *общего и индивидуального* в психике взаимодействующих субъектов, а также объединяющих их ценностно-смысловых оснований понимания ими разных проблем. Следовательно, лежащие в основе понимания знания и смыслы возникают *и* как то, что может быть отнесено к психике конкретных людей, *и* к интерсубъектным ценностям, нормам, смыслам. Вместе с тем понимающее себя бытие основано не только на общности знаний и группового самоанализа. Оно базируется также на самопонимании взаимодействующих субъектов, которые согласны в принятии или отвержении того, что и как, по их мнению, *должно* происходить в социальном мире.

Понимающее себя бытие основано на единстве общего и индивидуального. Без обращения понимающих ситуацию субъектов к своему внутреннему миру – знаниям, смыслам, ценностным ориентациям – невозможно формирование такого группового бытия, которое понимает себя на основе общих знаний, смыслов и ценностей. Последние неразрывно внутренне связаны с экзистенцией: для человека существовать – это не просто жить. Подлинно человеческое существование предполагает осознание *должного* и осуществление соответствующего ему проекта собственной жизни. На это указывали Рубинштейн и Франкл, заложившие основы психологии человеческого бытия.

Осмысление бытия, интерпретация понимающим субъектом конкретных жизненных ситуаций и событий, с одной стороны, побуждают его фокусировать внимание на фундаментальных *общих* основах человеческой жизни. При этом он, не утрачивая понимания своей уникальности, психологической неповторимости, одновременно осознает себя типичным представителем рода человеческого. С другой стороны, понимание и интерпретация невозможны без обращения субъекта к *индивидуальному*: исследованию своего личностного знания, установок, мировоззрения – вообще внутреннего мира.

С психологической точки зрения без анализа соотношения общего и частного невозможно осуществить различение феноменов самопонимания индивидуального субъекта и понимающего себя бытия, отнесенного также и к групповому субъекту. Еще Н. А. Бердяев, развивая идеи персоналистической философии, говорил о том, что универсальность человека прямо пропорционально связана с его индивидуальностью: чем более субъект индивидуален, тем более он универсален. «Личное в человеке есть как раз то, что в нем не общее с другими, но в этом не общем заключена потенция универсально-

го» (Бердяев, 2006, с. 23). Онтологически первичным является человек, а не общество, состоящее из людей. Следовательно, не человек – часть общества, а наоборот.

Описание личности в экзистенциальном персонализме Бердяева удивительно напоминает современное определение субъекта (Брушлинский, 2003). Содержательно совпадение названных категорий проявляется, прежде всего, во взглядах ученых на взаимодействие человека и мира, субъекта и объекта. По А. В. Брушлинскому, «субъект – это человек, люди на *высшем* (для каждого из них) уровне активности, целостности (системности), автономности и т. д. Следовательно, этот высший уровень всегда *индивидуализирован* относительно каждого конкретного человека или группы людей (с учетом их мотивации, способностей и т. д. в реальных исторических условиях). Субъекты – не обязательно герои, выдающиеся деятели и т. д. *Любой* человек не рождается, а становится субъектом» (Брушлинский, 2006, с. 525).

По Н. А. Бердяеву, личность невозможно познать, рассматривая ее как объект, наряду с другими объектами природного и социального мира. «Так познается человек частично, но не тайна человека, как личности, как экзистенциального центра мира. Личность познается лишь как субъект, в бесконечной субъективности, в которой скрыта тайна существования» (Бердяев, 2006, с. 23). Социализация вредит развитию личности, если она распространяется на глубину существования, на духовную жизнь человека. В этом случае социализация превращается в торжество социальной обыденности, тиранию обобщенного, нивелированного среднего над личностно-индивидуальным. «С экзистенциальной точки зрения общество есть часть личности, ее социальная сторона, как и космос есть часть личности, ее космическая сторона. Личность не объект среди объектов и не вещь среди вещей. Она субъект среди субъектов, и превращение ее в объект и вещь означает смерть» (там же, с. 28). Однако, как известно, в нашем отечестве массовое сознание, игнорируя духовную реальность, искажило глубокие мысли Бердяева. Превратив их в свою противоположность, оно установило приоритет группового, коллективного по отношению к индивидуальному.

В наше время сходные мысли высказывал Ф. Т. Михайлов. Он говорил о потребности каждого из нас в слиянии осознаваемого переживания своего бытия с внутренним миром других людей. В каждый момент бытия осознаваемая субъектом самость, собственное Я творится им как нечто уникально индивидуальное и в то же са-

мое время – как всеобщезначимое. И только во всеобщей форме самосознание человека может стать индивидуальным и уникально субъективным – как для себя, так и для всех других (Самосознание..., 1997, с. 4).

Какое отношение универсальность и индивидуальность человека, по Бердяеву, Брушлинскому и Михайлову, имеет к понимающему себя бытию? Самое непосредственное. Дело в том, что в основании понимания бытием себя лежит самопонимание взаимодействующих субъектов. Они не только обращают мысленный взор на свой внутренний мир, но и осознают причастность к общим ценностям и смыслам. Человеческое в подлинном смысле слова бытие порождается встречным движением. Одно направление движения – это осознание субъектами воплощенности в себе интеллектуальных, духовных, этических, эстетических начал Человека. Другое – общность к разделяемым группой нормам, ценностям, смыслам, которые способствуют общности понимания ситуаций человеческого бытия.

Понимание взаимодействующими субъектами себя, с одной стороны, основано на осознании *и* своей уникальности, *и* общечеловеческой сущности. С другой стороны, самопонимание не просто зависит от понимания человеком других. Оно порождает некую общность правил, принципов понимания участниками общения себя. Реализация этих правил образует межсубъектную основу не только самопонимания партнеров, но и понимания той ситуации, в которой они находятся. Иначе говоря, понимание себя и мира индивидуальными субъектами неразрывно связано с их пониманием групповым субъектом. Следовательно, понимающее себя бытие представляет собой диалектическое единство индивидуального и общего. В частности, оно основывается как на индивидуальной, так и на групповой рефлексии. Неудивительно, что одним из наиболее актуальных направлений изучения понимающего себя бытия сегодня являются исследования самоанализа группового субъекта (Журавлев, 2009).

Что касается необходимости общности знаний и ценностей, обязательных для взаимопонимания, то она вытекает как из обобщенного мнемического условия понимания, так и из аксиологических оснований психологии человеческого бытия. Люди могут понять друг друга только в том случае, если у них сходный тезаурус знаний и примерно одинаковые ценностные ориентации. К сожалению, в современном мире множество противоположных примеров. В частности, именно из-за расхождения во взглядах большинству

из нас трудно понять людей, которые из идейных соображений совершают теракты.

Традиции исследования общности существуют и в отечественной, и в западной психологии. Российские психологи описывают коллективную память как условие конструирования социальных представлений и взаимопонимания больших групп людей (Емельянова, 2006). Групповая рефлексивность изучается как социально-психологический феномен, выделяются факторы, определяющие способность группы к рефлексии – личностные, межличностные, групповые, межгрупповые и организационные (Журавлев, Нестик, 2012). Западные ученые исследуют совместно разделяемый жизненный опыт. Они также утверждают, что персонификация коллективов и социальных групп, приписывание им психологических черт, присущих отдельным людям, в частности самопонимания, является нормальным явлением (Köhler, 2004). Результаты таких исследований, безусловно, положительно повлияют на развитие научных представлений о природе понимающего себя бытия.

Итак, человеческое бытие образуют индивидуальные и групповые субъекты, каждый из которых воплощает в себе и индивидуальные и общечеловеческие психологические черты. Неудивительно, что такое бытие, осуществляющееся в межсубъектном пространстве на стыке разных ценностно-смысловых позиций, может понимать себя. Понимание бытием себя основано на самопонимании взаимодействующих субъектов, групповом понимании и общих для общающихся людей нормах, ценностях, смыслах. Понимающий субъект включен в мир как неотъемлемая часть бытия. Не человек понимает бытие, а бытие, включающее субъекта, познает и понимает себя. Никакого внешнего по отношению к людям бытия нет, мы сами являемся его частью. Никто не может сказать: сначала я пойму мир, а потом себя, или наоборот. Поскольку и то, и другое являются составляющими бытия, последнее не включает понимание, а основано на нем. Без понимания как приобщения к смыслам и ценностям нет полноценного человеческого бытия.

2.2. Понимание – центральная проблема психологии человеческого бытия

Психология понимания в наше время является одним из перспективных и динамично развивающихся направлений современной психологической науки. Для человека как социального индиви-

да потребность в понимании (природных явлений, поступков людей, отношений между государствами и т. п.) – это, безусловно, одна из главных психологических потребностей. В психологии познания понимание рассматривается как такая мыслительная процедура, которая по своей значимости для познающего окружающий мир субъекта сопоставима с процедурами объяснения, прогнозирования и др. Эта процедура направлена не на получение нового знания, а на смыслообразование, приписывание смысла знанию, полученному в процессе мыслительной деятельности. Посредством понимания субъект не только познает окружающий мир, но и выражает свое отношение к социальной действительности. Индивидуальная специфика понимания вносит весьма существенный вклад в формирование личностных способов мышления субъекта, осмысливающего моральные, правовые, политические, экономические ценности изменяющегося мира.

Для психолога, изучающего феномен понимания с позиций психологии познания, наиболее важными оказываются два аспекта проблемы. Во-первых, при исследовании понимания как психического процесса необходимо определить соотношение понимания с познанием, мышлением и знанием. В этом плане самое существенное для психологического анализа понимания – установить, как организованы знания субъекта и мыслительные действия, порождающие смысл понимаемого. Во-вторых, нужно выявить структуру личностных отношений субъекта, влияющих на формирование понимания как компонента функционального механизма социального мышления.

Различные познавательные подходы к изучению понимания (семантический, лингвистический, коммуникативный и др.) внесли существенный вклад в раскрытие психологических механизмов этого феномена. Современные психологи немало знают об основных условиях его возникновения, различных формах, в которых оно проявляется, свойствах личности детерминирующих специфику понимания, и т. п. Однако сегодня любому вдумчивому исследователю уже ясно, что проблему понимания следует рассматривать не только как познавательную, но гораздо шире – как способ бытия человека в мире и понимания им этого мира. Неудивительно, что сегодня многие ученые стали рассматривать понимание не только как познавательный, но и как экзистенциальный феномен. Экзистенциальный ракурс его рассмотрения предполагает изучение конкретных ситуаций бытия человека и целостного их понимания.

С одной стороны, обращение к экзистенциальным проблемам, необходимость понимать реальные жизненные ситуации вызваны практическими запросами, востребованностью психологов в современном российском обществе. Это отчетливо проявляется, например, в практике психологического консультирования. В частности, я имею в виду то направление, которое Ф. Е. Василюк называет понимающей психотерапией. С позиций данного направления, «в широком смысле психотерапевтическое понимание есть особая интенция, особая диалогическая установка, делающая понимание главной, самоценной и в известном отношении последней задачей терапевта. Воплощая эту установку, терапевт все делает для того, чтобы понять пациента и дать ему это понимание, а не старается понять для того, чтобы что-то сделать – повлиять, вылечить, исправить» (Василюк, 1996, с. 48). В понимающей психотерапии терапевт не проявляет активности, направленной на формирование понимания пациентом своих проблем. Сознательный отказ от воздействия в сочетании с полной обращенностью к пациенту, настроенностью на него направлен на создание возможности последнему самому понять и продуктивно преобразовать те жизненные проблемы, которые побудили человека обратиться к психологу.

С другой стороны, к концу XX в. многими учеными была осознана необходимость рассматривать понимание в более широком научном контексте, чем его описание как феномена осмысленного отражения разных сторон явлений, событий, ситуаций. Х. Г. Гадамер, П. Рикер и др. стали интерпретировать понимание как содержательную более объемную категорию, чем познание, тем более – индивидуальное мышление. Понимание, с их точки зрения, представляет собой универсальную способность человека, реализующуюся в его способах бытия в мире. В наши дни такая методологическая позиция приобрела устойчивые очертания. В ее основания были положены размышления крупнейших мыслителей нашего столетия – философов, психологов, историков и др. В психологии эта позиция связана, прежде всего, с развитием субъектного подхода и формированием психологии человеческого бытия как относительно самостоятельной области психологической науки.

С этой позиции одной из важнейших проблем психологии человеческого бытия является понимание субъектом смысла жизни. По Франклу, «нахождение смысла – это вопрос не познания, а призвания. Не человек ставит вопрос о смысле своей жизни – жизнь ставит этот вопрос перед ним, и человеку приходится ежедневно

и ежечасно отвечать на него – не словами, а действиями. Смысл не субъективен, человек не изобретает его, а находит в мире, в объективной действительности, именно поэтому он выступает для человека как императив, требующий своей реализации» (Франкл, 1990, с. 114). Для Рубинштейна смысл жизни представляет собой такое ценностно-эмоциональное образование личности, которое проявляется не только в принятии одних ценностей и отрицании других, но и в саморазвитии, самореализации личностных качеств субъекта, ищущего и находящего высший, «запредельный» смысл своего бытия. Франкл называет его сверхсмыслом, а Рубинштейн полагает, что «смысл человеческой жизни – быть источником света и тепла для других людей. Быть сознанием Вселенной и совестью человечества. Быть центром превращения стихийных сил в силы сознательные. Быть преобразователем жизни, выкорчевывать из нее всякую скверну и непрерывно совершенствовать жизнь» (Рубинштейн, 1997, с. 113).

В соответствии с названием этого раздела я не собираюсь анализировать всю совокупность проблем, относящихся к психологии человеческого бытия. Ее цель более конкретна – рассмотреть только то, что связано с психологической спецификой понимания мира субъектом. Основные вопросы, которые необходимо обсудить, так или иначе связаны с интерпретацией понимания мира как такого поиска и порождения человеком разнообразных смыслов, которые делают для него этот мир осмысленным, а свое существование в нем оправданным.

Центральная проблема с точки зрения субъектного подхода – взаимодействие субъекта и объекта как определяющий фактор формирования понимания. Иначе говоря, это проблема объективных и субъективных условий понимания. Как показывают психологические исследования общения и взаимопонимания людей, смысловой анализ и понимание коммуникативной ситуации зависит от личностного и субъективного значения, которое она имеет для человека. Для того чтобы понимать, что происходит, психолог должен суметь определить то, как коммуниканты сами интерпретируют эту ситуацию, понимают ее как целое. Это очень непростая задача, прежде всего, потому, что люди часто не осознают, что их партнеры могут совершенно по-другому понимать ту же ситуацию. Вследствие этого они склонны быть чересчур уверенными в своем предсказании их поведения.

Положение осложняется еще тем, что субъекты общения нередко заблуждаются и относительно себя, своих возможных реакций на то или иное изменение ситуации. На это обратили внимание американские психологи Л. Росс и Р. Нисбетт: «Люди могут прояв-

лять излишнюю уверенность и в предсказании своего собственного поведения, если его контекст необычен или неопределен. Мы утверждаем, что люди способны прогнозировать поведение с обоснованной уверенностью лишь тогда, когда их собственная интерпретация безусловно точна и одновременно вполне совпадает с интерпретацией, имеющейся у человека, чье поведение рассматривается» (Росс, Нисбетт, 1997, с. 49). Из этого следует важный для психологии понимания вывод о расхождении между субъективной уверенностью в правильности рефлексивного понимания партнеров и объективной реальностью процессов, происходящих в коммуникативной ситуации. Иначе говоря, «люди склонны проявлять гораздо большую субъективную уверенность в предсказании реакций друг друга, чем это можно позволить исходя из объективной оценки точности этих предсказаний» (там же, с. 158).

Таким образом, субъективная интерпретация коммуникативной ситуации ее участниками оказывается не менее важной составляющей понимания, чем объективные обстоятельства, в которых происходит общение. При этом необходимо учитывать, что неадекватность интерпретации, избыточная уверенность в предсказании социального поведения может быть обусловлена двумя главными причинами. *«Во-первых*, для того чтобы предсказать, какова будет реакция того или иного человека на определенную ситуацию (даже если речь идет о хорошо известном нам человеке, которого мы наблюдали ранее во многих разнообразных ситуациях), как правило, необходимо знать или правильно догадываться о ее деталях, в особенности о тех ее свойствах, которые определяют относительную привлекательность возможных альтернативных реакций. *Во-вторых*, помимо знания о подобных объективных особенностях ситуации, необходимо учитывать личную точку зрения того человека, чьи действия мы предсказываем» (там же, с. 160).

Итак, исследование понимания субъектом мира с позиций психологии человеческого бытия открывает перед нами новые горизонты и интересные перспективы психологического анализа этого феномена.

2.3. Ценности как проблема психологии человеческого бытия

В последние годы проблема ценностей оказалась на периферии интересов психологов: индикатором этого является почти полное отсутствие индивидуальных и коллективных монографий, посвящен-

ных ее психологическому анализу. Редкие исключения (Журавлева, 2006; Карпушина, Капцов, 2009) мало изменяют общую картину, но существенно расширяют проблемное поле. В фокус внимания психологов сегодня попали новые социально-психологические феномены, такие, как ценностные представления о бедном и богатом человеке (Дробышева, 2013). Тем временем произошло радикальное изменение методологии как естественно-научного, так и социогуманитарного познания, в соответствии с которой субъектный взгляд на познаваемый мир и ценностные пристрастия ученого оказываются неизбежной составляющей объективного научного знания. Постнеклассическое (В. С. Степин) понимание мира и человека в мире характеризовалось ростом рефлексии ученых над ценностными и смысловыми контекстами человеческого бытия. В психологии следствием этого стало формирование таких областей психологической науки, как психология субъекта и развивающейся на ее основе психологии человеческого бытия. Почему мне представляется важным акцентировать внимание читателей на том, что без обращения к феномену человеческой субъектности сегодня невозможны психологические исследования ценностей, ценностных установок, ориентаций и т. д.? Ответ на этот вопрос связан с научной рефлексией, по крайней мере, двух теоретических контекстов.

Во-первых, формирование осознаваемых человеком ценностей происходит под влиянием не только внешних факторов, например, социальной среды, но и внутренних условий развития психики. Фокус на анализе внутреннего мира человека – характерная особенность того варианта субъектно-деятельностного подхода, основателем которого был С. Л. Рубинштейн и который творчески развивал его ученик А. В. Брушлинский. С этой позиции ценности как предмет психологического исследования являются тем, что определяет субъективную значимость для человека принципов, норм, идей, природы, объектов окружающей среды. Например, для многих современных ученых компьютер – это не просто инструмент, средство научной работы: в их жизни его субъективная значимость определяется не только реальной ценой и осознанием полезности. Компьютер (иногда превращающийся в своеобразного «члена семьи») как средство выражения своих мыслей, общения с коллегами – это неотъемлемая часть психики, внутреннего мира субъекта. Однако и ценности общественного сознания (христианские десять заповедей или «кодекс строителя коммунизма»), и так называемые предметные ценности (море, горы, солнечный день, автомобиль

и др.) никогда не являются простым отражением того, что объективно существует. Приобретение предметами и явлениями статуса ценностей требует от субъекта внутренней работы по их усвоению, субъективному принятию или отвержению. Если использовать терминологию отечественной психологии XX в., то следует сказать, что ценности возникают в результате не только отражения субъектом мира, но и такой адаптивной деятельности, которая включает его преобразование. Даже тогда, когда обсуждаются предметные ценности, то только в соответствии с канонами классической науки можно утверждать, что любой человек открывает их для себя так же, как геолог отыскивает новый минерал в горной породе.

Осознание и распространение в конце прошлого столетия неклассического и постнеклассического типов рациональных научных рассуждений сделало очевидным для психологов, особенно придерживающихся принципов субъектно-деятельностного подхода, тот факт, что ценности возникают в результате преобразовательной деятельности. Вместе с тем изменились и общие представления о сущности познания, повлекшие за собой пересмотр взглядов на психологические механизмы формирования ценностей. В классической науке, ориентированной на идеалы познания, основанные на устранении из его результатов любых проявлений субъективности ученых, объективным знанием считалось обнаружение ранее скрытого (как в экспериментах Ж. Пиаже ребенок находил конфету в закрытой коробочке). Истина – это суждение о том, что действительно существует и что можно проверить опытным путем. Общим итогом классической науки стал вывод, что если ученые еще что-то не открыли, не узнали, то главная причина этого заключается в недостаточном развитии научного арсенала: технических средств, знаний, интеллекта, наконец.

На неклассическом этапе развития науки перед учеными встал вопрос: как должен измениться познающий субъект, какие действия выполнить, чтобы стать способным познать истину? И исторически более ранние духовные практики, направленные на очищение взора, «затуманенного страстями», и психология деятельности неизбежно столкнулись с необходимостью анализа ценностных предпочтений и личностных смыслов познающего субъекта. И тогда, уже на постнеклассическом этапе развития научного познания, ученым стало ясно, что от «чистого» познания необходимо переходить к исследованию существования субъекта. Субъект познает мир избирательно, руководствуясь своими ценностными предпочтени-

ями, оценкой возможных потерь и приобретений. Следовательно, познавая, действуя, человек, преобразует не только мир, но и себя. Он выходит за свои пределы, становится отличным от себя прошлого. Это и награда за новое знание, обогащающее внутренний мир субъекта, и его цена. Вместе с тем это свидетельство возникновения ценностей бытия, изменяющих экзистенциальную сущность субъекта, приобретения им новых субъектных качеств. Ценности являются не столько когнитивными компонентами психики субъекта, сколько экзистенциальными, связанными с ментальным, а шире – духовным опытом.

Итак, первый общенаучный контекст исследований психологии ценностей характеризуется тем, что познавательные действия (умственные и практические) приводят к изменению самого познающего субъекта, формированию его ценностной системы, имеющей не столько познавательно-гносологический, сколько экзистенциально-онтологический характер. Познание и возникновение ценностей невозможны без изменения субъекта: преобразование себя открывает ему другой взгляд на мир, в котором значимы иные, чем ранее, ценности. В свою очередь, ценности оказывают на человека обратное воздействие: они не только озаряют его внутренний мир новым светом, но и придают завершенность самому субъекту (понятно, что не окончательную, а временную, предполагающую дальнейшее развитие).

Во-вторых, на постнеклассическом этапе научного познания психологам стало ясно, что пристальное внимание к внутреннему миру субъекта не имеет ничего общего с таким субъективизмом, который противопоставляется познанию внешнего социального мира. Проблема формулируется иначе: психологический анализ ценностей субъекта в значительной мере является ключом к познанию ценностей общественного сознания. Познавая себя, субъект познает мир, а любое понимание основано на самопонимании. Эти утверждения базируются на том очевидном факте, что человек является главной, конституирующей частью человеческого мира. В каждом из нас есть не только индивидуальное, но и универсальное, общечеловеческое. В экзистенциальной персоналистической философии Н. А. Бердяева эта мысль представлена в суждении о том, что космос, человечество, общество находятся в личности, а не наоборот: человек есть микрокосм, универсум. Соответственно, одним из важнейших положений психологии субъекта А. В. Брушлинского является утверждение, что в самом полном и широком смысле слова субъект – это

человечество в целом. В этот контекст хорошо вписываются исследования психологии ценностей – того, что имеет отношение к личностным смыслам, ценностно-смысловым позициям субъекта и т. п. Именно психологические исследования оказываются на переднем крае социогуманитарного познания: они дают возможность этикам, социологам, историкам и представителям других специальностей полнее и глубже понять специфику ценностных представлений и ориентаций людей, живших в разные исторические эпохи и живущих сегодня в различных регионах и странах. С этой позиции можно утверждать, что рефлексия ценностных оснований психологической науки, базовая в этой области исследований, важна не только для психологов, но и для ученых других специальностей (и не только для ученых).

Генезис и природа общечеловеческих и индивидуальных ценностей является фундаментальной проблемой гуманитарного познания. Ею занимаются философы, социологи, этики, культурологи и ученые других специальностей. Ценности существуют в трех формах, отражающих различные группы явлений общественного и индивидуального сознания: «1) общественные идеалы – выработанные общественным сознанием и присутствующие в нем обобщенные представления о совершенстве в различных сферах общественной жизни, 2) предметное воплощение этих идеалов в деяниях или произведениях конкретных людей и 3) мотивационные структуры личности („модели должного“), побуждающие ее к предметному воплощению в своем поведении и деятельности общественных ценностных идеалов» (Леонтьев, 1996, с. 37). Все три формы ценностей находятся в фокусе внимания психологов, являются предметом научно-психологического анализа.

Междисциплинарная проблема ценностей занимает особое место в психологии человеческого бытия. Одним из главных характерных признаков человеческого бытия является его ценностность – избирательная ориентация субъекта на одни ценности и отвержение других. Неудивительно, что предметом исследования в психологии человеческого бытия являются не психические процессы или свойства (познание, эмоции, переживания и т. п.), а смысловые образования, выражающие ценностное отношение субъекта к миру. Основной акцент здесь делается на анализе ценностных, аксиологических аспектов бытия человека. В мире человека объективно истинные описания и объяснения обязательно включают аксиологические факторы: соотносительность получаемых знаний о мире не только

со средствами познавательной деятельности, но и с ценностно окрашенными представлениями субъекта о должном.

Наиболее общей проблемой психологии человеческого бытия является проблема понимания субъектом мира и себя в мире. Психологи, разделяющие теоретические положения психологии человеческого бытия, значительно большее значение, чем представители других направлений, придают роли ценностных характеристик знания в формировании понимания. Это оказалось закономерным результатом осознания того, что индивидуальная специфика понимания определяется не столько истинностью понимаемого знания, сколько его субъективной ценностью. Понимаемое всегда соотносится субъектом со его представлениями о должном, ценностно-нормативными конструктами: то, с какими нормами и ценностями соотносится предмет понимания, определяет его психологическую специфику. Неудивительно, что в современной науке первостепенное значение приобрели аксиологические, ценностные стороны познания: понимание субъектом мира зависит не только от его угла зрения на мир, сколько от субъективной значимости, ценности того, что он пытается понять.

Как только ученые осознали то, что понимание можно рассматривать не как познавательную процедуру, а как способ бытия человека в мире, сразу же на передний план психологического анализа выдвинулись наиболее значимые для субъекта смыслы и ценности. Неудивительно, что специалисты по психологии понимания вместо понятия «смысловая позиция» стали использовать термин «ценностно-смысловая позиция» участников диалога. Аксиологические, ценностные стороны познания на постнеклассическом этапе науки приобрели первостепенное значение, потому что понимание субъектом мира зависит не только от его угла зрения на мир, но и от «ценностной нагруженности» его взгляда. Такая позиция имеет глубокие корни в отечественной психологии, особенно в школе С. Л. Рубинштейна. Как известно, в работе «Человек и мир» он убедительно показал связь ценностей и смыслов со значимостью для жизни человека других людей, их ценностью для субъекта, осмыслением им бытия (Рубинштейн, 1997). В более широком научном и культурном контексте «эта позиция близка идеям многих древних философов, а также экзистенциальному и гуманистическому направлениям, большое внимание уделяющим уникальности и самоценности человеческой личности, роли высших бытийных ценностей в существовании и развитии личности, экзистенциальному

поиску ценностей и смыслов человеческого бытия (Рюмшина, 2004, с. 40–41).

Из сказанного следует, что для психологии человеческого бытия, в частности, важно исследовать ценности и ценностные ориентации людей. Я обосную это утверждение на примере только двух из названных проблем психологии человеческого бытия – гуманизма и духовных ценностей.

Мы живем в такое время, когда в российском общественном сознании происходит формирование новых ценностей и переосмысление старых. Субъективно ценности переживаются людьми как идеалы – ориентиры желательного состояния дел. Сегодня особенно у молодежи наблюдается рост интереса к получению знаний, умений и навыков, способствующих росту материального благосостояния человека и общества. Вместе с тем люди задумываются и над тем, какое место в их жизни занимают гуманистические ценности. В образовании статус гуманистических приобретают ценности, реализованные в профессиональной деятельности и общении педагога ради ученика, направленные на его развитие, становление как личности, образование и воспитание (Кулюткин, Бездухов, 2002).

Под гуманизмом обычно понимается признание наивысшей ценности человека, его права на свободное развитие, проявление своих потребностей и способностей, утверждение блага человека как критерия оценки общественных отношений (Брушлинский, 2000а). Ценностный подход в образовании связан с выявлением и формированием системы ценностей человека, фактически представляющих собой совокупность осознанных смыслов его жизни, и ценностных ориентаций – направленности субъекта на реализацию ценностей. Ценностные ориентации ученика направлены на сферу мировоззренческого осмысления бытия, понимания своего отношения к окружающей действительности и взаимоотношений с людьми. С точки зрения этого подхода предметом изучения педагогики и педагогической психологии является ценностно-смысловая сфера личности ученика, в первую очередь, индивидуальные способы понимания бытия, интерпретации смыслов жизни. Ценностный подход направлен на анализ понимания смыслов, развитие способностей учащихся к такому осмыслению получаемых знаний, которое включает осознание его гуманистической ценности. Следовательно, понимание как компонент гуманистического мышления позволяет ценностно опосредствовать познавательную деятельность. Сущность гуманистического мышления заключа-

ется в ценностном осмыслении бытия, его понимании (Кулюткин, Бездухов, 2002).

В современной психологии проблема формирования гуманистического мышления неразрывно связана с анализом того, какое место в жизни людей занимают моральные и идеальные ценности. В том числе духовные. В наши дни проблема духовности привлекает не только богословов, историков, культурологов, философов, обсуждающих ее в основном в контексте анализа религиозных и историко-культурных корней российского и западного самосознания. Не меньший интерес она представляет и для психологии, особенно психологии понимания, в которой чрезвычайно актуальным является вопрос о выявлении психологической сущности духовного Я понимающего мир субъекта.

Сегодня мы смотрим на проблему духовности и духовных ценностей уже не так, как двадцать-тридцать лет назад, – под другим углом зрения. Для современного ученого она не сводится к прямому и грубому противопоставлению духа и материи. Его внимание сфокусировано на таком раскрытии отношений реальности и идеала, которое позволяет, не впадая в идеализм, на конкретно-психологическом уровне проиллюстрировать рубинштейновское положение о том, что нет объекта без субъекта. (Как известно, по С.Л. Рубинштейну, объект в отличие от раздражителя выделяется только субъектом, возникает в результате его познавательной активности и существует лишь для него. – Рубинштейн, 1973.) На методологическом и философском уровне обсуждения проблемы признается, что природе духовности и духовных ценностей нельзя раскрыть на основе «противоположения субъекта и объекта» (Бердяев, 1996, с. 142). В этом новом ракурсе проблема привлекает внимание многих российских психологов.

Духовные ценности в значительной степени представляют собой результат формирования нравственного сознания, моральных норм, идеалов и т. д., а процессуальные составляющие формирования духовного Я понимающего мир субъекта проявляются прежде всего в духовных состояниях. Я думаю, что к теоретическому обоснованию психологической природы духовных состояний ближе всего подошли в рамках психологии бытия С.Л. Рубинштейн и А. Маслоу. Последний изучал пиковые переживания – моменты экстаза, моменты восторга, счастливого потрясения, великие мгновения творчества. Фактически такие моменты являются не чем иным, как духовными состояниями, благодаря которым происходит самоактуализация

субъекта, самореализация, развитие лучших качеств его личности. В такие моменты человек понимает окружающее во всей полноте его целостности: он воспринимает и понимает не только материальные, но и идеальные стороны бытия (Маслоу, 1997).

Условно говоря, духовные состояния противостоят материальной природе человека и мира: к вершинам духовного бытия субъект поднимается в редкие моменты интеллектуальных озарений и разрешения нравственно трудных этических конфликтов. Способы разрешения противоречий, конфликтов, являясь мерой проявления активности, самореализации, интегративности конкретных свойств личности, определяют те индивидуально-неповторимые качества человека, в которых он выражает себя именно как субъект – деятельности, общения, созерцания и т. п. В такие моменты в его личностном знании, индивидуальном опыте саморазвития появляется нечто большее, чем «приземленный» образ, модель внешних событий: возникает их внутренний смысл – психологическая основа формирования духовной сущности того, что стало предметом интеллектуальной и нравственной рефлексии субъекта.

В психологии анализ духовных состояний неразрывно связан с поисками корней духовности в нерелегируемых глубинах бессознательного Я человека. По мнению В. Франкла, «человеческая духовность не просто неосознанна, а неизбежно бессознательна. Действительно, дух оказывается нерелегирующим сам себя, так как его ослепляет любое самонаблюдение, пытающееся схватить его в его зарожении, в его источнике» (Франкл, 1990, с. 99).

От Фрейда и Юнга к современным психологам перешло представление о том, что «психическая жизнь по большей части бессознательна, охватывает сознание со всех сторон» (Юнг, 1991, с. 116). Естественно, что важным направлением поиска корней духовности являются попытки анализа взаимодействия вершин самосознания субъекта и глубинных слоев его психики (личностного бессознательного и архетипов коллективного бессознательного). Неудивительно, что в качестве одного из эмпирических методов постижения духовности предлагается диалог человека с сокровенными глубинами своей души, устремляющий его к добру, совершенствованию и способствующий тому, чтобы в земных созданиях услышать голос вечности (Флоренская, 1996).

Естественно, что такие, безусловно, значимые аспекты духовности и духовных ценностей не могли не заинтересовать христианских психологов и теологов. Главным образом это проявляется в разви-

тии религиозного учения о трансцендентном Я, «внутреннем человеке». Как и те психологи, которые ведут поиски духовности в нерелативизируемых глубинах бессознательного Я, теологи подчеркивают важную роль в порождении духовности направленности сознания верующего в глубины собственного Я, обращение к «внутреннему человеку» (Архиепископ Лука, 1997). И психологи, и теологи нацелены на исследование эволюции внутренней жизни человека. Исходной точкой научного анализа оказываются глубины бессознательного, в которых еще нет ни субъекта, ни объекта, нет различения между Я и не-Я, а есть лишь бесформенная общность психической жизни. Затем через выделение содержания предметного сознания из душевной жизни происходит восхождение к высшему духовному состоянию. В нем противостояние субъекта и объекта, Я и не-Я, внутреннего и внешнего бытия уже видоизменяется. И субъект начинает осознавать свое духовное Я как возвышение и над противоположностью между субъектом и объектом, и над противоположностью между разными субъектами.

В психологических исследованиях духовность нередко рассматривается как принцип саморазвития и самореализации человека, обращения к высшим ценностным инстанциям конструирования личности. Развитие и самореализация духовного Я субъекта начинается тогда, когда он осознает необходимость определения для себя того, как он конкретно должен понимать общечеловеческие духовные ценности – истину, добро, красоту. Появление у человека хотя бы приблизительного осознанного представления о последних свидетельствует не только о признании субъективной значимости духовных ценностей (соответственно интеллектуальных, этических и эстетических), но и о психологической готовности к их усвоению и формированию.

Мотивационной основой психологической готовности являются духовные влечения субъекта. Духовными влечениями К. Ясперс называл «стремление к постижению определенного состояния бытия и к посвящению себя этому состоянию, проявляющемуся в ценностях – религиозных, эстетических, этических или относящихся к воззрениям субъекта на истину, – переживаемых как абсолютные» (Ясперс, 1997, с. 389). Духовные влечения отражают сложную психическую реальность, существование фундаментального переживания, «проистекающего из преданности человека духовным ценностям; это инстинктивная тоска по ним, когда их не хватает, и ни с чем не сравнимое наслаждение от ее удовлетворения» (там же).

Важнейший момент формирования и развития духовных ценностей в нравственно-рефлексивном сознании познающего и понимающего мир субъекта – появление у него чувства «внутренней, личностной свободы» (Балл, 1997, с. 7), «свободы как духовного состояния, самоощущения человека» (Ксенофонов, 1991, с. 48–49). Развитие духовности как самореализации личности невозможно без чувства свободы. Ведь «духовность – это способность переводить универсум внешнего бытия во внутреннюю вселенную личности на этической основе, способность создавать тот внутренний мир, благодаря которому реализуется себестождественность человека, его свобода от жесткой зависимости перед постоянно меняющимися ситуациями» (Крымский, 1992, с. 23). Духовное состояние личностной свободы возникает у человека при осознании им наличия внешних возможностей выбора и сформированной внутренней готовности осуществить этот выбор. Однако этого недостаточно: мы практически никогда не совершаем поступков на основе механического перебора альтернатив. Мы включаем их в контекст личностного знания и смыслообразования, создаем новые смысловые отношения, т. е. творчески преобразуем и понимаем ситуацию выбора. В этом и заключается суть личностной свободы (Балл, 1997). В диалогическом общении она проявляется в «альтернативном мышлении» собеседников: в осознании каждым из них, что возможны и допустимы принципиально различные интерпретации одних и тех же высказываний.

Итак, ценности, несомненно, являются одной из наиболее значимых проблем психологии человеческого бытия, и их исследование является одним из перспективных направлений развития этой новой области психологической науки.

2.4. Категория «опыт» в социогуманитарных науках

В наше время в психологии происходит становление нового этапа познания, во многих исследованиях ключевую роль начинает играть анализ не сознания, познания и знания, а интегративного феномена опыта – индивидуального и надличностного. Опыт отражает онтогенез каждого из нас, и потому он оказывает формирующее влияние на становление человеческой субъектности. Как говорит Ф. Анкерсмит, повторное открытие опыта – это повторное открытие субъекта, и наоборот. Одно влечет за собой другое (Анкерсмит, 2007). Опыт становится основой предварительного понимания си-

туаций человеческого бытия. Он не подменяет собой достоверного знания, но в отличие от знания опыт не требует проверки на истинность. Неудивительно, что в психологии человеческого бытия категория опыта рассматривается как краеугольный камень субъектного подхода.

Большинство сущностей и явлений, с которыми имеют дело психологи, таковы, что их описания не могут быть референциальными, прямо отнесенными к психическим образованиям. Например, что считать референтом духовности или здоровья? Никто не сомневается, что в онтологическом смысле названные феномены существуют. Вместе с тем научные дискуссии о них ведутся на естественном языке, на котором можно сформулировать множество теорий. Научные теории – это не референты, а репрезентации, они не непосредственно соотносятся с исследуемыми феноменами, а как бы замещают их в сознании ученых. Однако репрезентации включают не только отражение реальности, но и правила ее познания и языкового описания. При этом оказывается, что «из-за доверия к языку наш опыт претерпевает систематические изменения и мир раскалывается на две части: на ту часть, которую мы видим и воспринимаем, принуждаемые языком, и на ту непостижимую реальность как таковую, которая опережает и превосходит мир, данный нам в языке и через язык» (Анкерсмит, 2007).

В самом общем виде в науке опытом называются сохранившиеся в нашей памяти осмысленные и пережитые ситуации познания и общения, включающие возможные способы действий в них. С точки зрения современной философии, «опыт – знание, которое непосредственно дано сознанию субъекта и сопровождается чувством прямого контакта с познаваемой реальностью – будь это реальность внешних субъекту предметов и ситуаций (восприятие) или же реальность состояний самого сознания (представления, воспоминания, переживания и т. д.). Большинство философов сближали опыт с чувственным знанием» (Лекторский, 2001, с. 158). Согласно «Критике чистого разума» Канта, опыт есть главный продукт нашего ума. Ф. Бэкон говорил, что в науке опыт является ответами природы на вопросы, которые мы ей задаем. В философии опыт считается основой всего непонятного знания о действительности.

В соответствии с антропологическим принципом опыт сегодня рассматривается как сложный сплав знаний, переживаний, ценностей, смыслов. Интегративная сущность опыта, описанная с удивительной категориальной ясностью, представлена в эмпирической

антропологии М. Фуко. С его точки зрения, совокупность опыта образуют три элемента – формы возможного знания, нормативные основания поведения и вероятные способы существования возможных субъектов. Он писал: «А под „мыслью“ я понимал исследование того, что можно назвать средоточиями опыта, где одно сходится с другим: во-первых, формы возможного знания; во-вторых, нормативные основания поведения индивидов; и наконец, вероятные способы существования возможных субъектов. Эти три элемента – формы возможного знания, нормативные основания поведения и вероятные способы существования возможных субъектов – эти три вещи или, скорее, сочетание этих трех вещей, я полагаю, можно назвать „средоточием опыта“» (Фуко, 2011, с. 15). «Средоточие опыта» М. Фуко иллюстрировал на примере исследования безумия как опыта нашей культуры. Он пытался постичь безумие, во-первых, как матрицу разнородных знаний: медицинских, специфически психиатрических, психологических, социологических и т. п. Во-вторых, безумие в той мере, в какой оно выступает как совокупность норм, позволявших определять феномен девиации в обществе, сумасшествие. «Наконец, в-третьих, исследовать безумие в той мере, в какой опыт безумия определяет складывание определенного способа быть нормальным субъектом в противоположность и по отношению к субъекту безумному» (там же).

В современной науке «слово „опыт“ превышает его понятие и выходит за пределы возможности языковых средств его выражения. Оно подчеркивает нечто абсолютно уникальное, что нельзя выразить в слове, – индивидуальный опыт или опыт группы. Для понимания опыта нельзя придумать конвенции: только сам субъект опыта знает, что он получил. Например, невозможно сделать сексуальный опыт одного человека хоть как-то понятным другому, так же как и мужчине нельзя выразить опыт женщины» (Курцева, 2010, с. 17).

Опыт объединяет в себе декларативные и процедурные знания, знание «что» и знание «как». Не все события и ситуации нашей жизни память сохраняет как опыт – нужна еще внутренняя умственная работа. «Опыт – это не то, что происходит с человеком; это то, что делает человек с тем, что с ним происходит» (Huxley, 1932, р. 5). По моему мнению, это высказывание характеризует не экзистенциальный, а жизненный опыт. Действительно, любой человек каждый день узнает что-то новое, происходят какие-то события, он оказывается включенным во множество социальных ситуаций. Все

они не могут сохраниться в нашей памяти: жизненный опыт – это только переработанные, осмысленные знания и впечатления. Иначе говоря, это то, над чем мы сознательно подумали, сделали выводы и решили, что это имеет для нас субъективную ценность и личностный смысл.

В наше время в социогуманитарном познании одной из очень заметных и значимых проблем является определение характеристик понимания исторического опыта. Содержание понятия «исторический опыт» рассматривается историками во взаимосвязи с такими базовыми понятиями исторической науки, как «историческая реальность» и «историческая истина». Понятие «исторический опыт» отражает «процесс творческой работы историка по воссозданию и представлению прошлого, т. е. непрерывный (превосходящий и отрицающий себя) опыт познания и самопознания в процессе осуществления задач, составляющих содержание труда исследователя (постижение истории «ради нее самой», «во благо общества», для извлечения «уроков истории» и пр.). Использование понятия «исторический опыт» в этом значении предполагает его связь с проблемами «исторического понимания» и/или «объяснения» и, в конечном счете, с эпистемологией как таковой» (Зверева, 1999, с. 20).

В целом в современном историческом познании преобладает конструктивистская тенденция: не имеет смысла говорить об истинности суждений, описывающих «объективную действительность», надо строить репрезентации и нарративные конструкции прошлого (аналогия с представлениями физиков о квантовом мире здесь очевидна). Репрезентации всегда избирательны: они предлагают читателям исторических текстов увидеть мир с определенной точки зрения и упорядочить его так, как видит историк. Репрезентации невозможно свести к свойствам самого мира и сказать, истинно или ложно пишется история. Просто в репрезентации одна совокупность истинных суждений предпочитается другой, и это дело когнитивных и ценностных предпочтений ученого. Благодаря репрезентациям люди способны организовывать знание о мире и могут ориентироваться в нем. Это не означает, что репрезентация создает реальность, но в определенном смысле она является заместителем реальности: историческая действительность открывает субъекту некоторые свои стороны только тогда, когда он приступает к чтению исторических трудов (Анкерсмит, 2014).

Примерно таким же образом обстоит дело с использованием понятия «исторический нарратив». Прошлое само по себе не име-

ет никакой структуры, и только исторический нарратив упорядочивает, структурирует его. Нарративы не могут быть ни истинными, ни ложными. «Но исторический нарратив всякий раз выступает также и в качестве заместителя исторического прошлого. Поэтому, сопоставляя различные исторические нарративы, выражающие нарративную субстанцию, мы тем самым всякий раз сопоставляем различные варианты замены самого исторического прошлого» (Демин, 2008, с. 6).

Таким образом, историческое познание неотделимо от понимания и опыта познающего мир субъекта.

Проблема понимания исторического опыта важна не только для методологов истории, но и для психологов. Доказательством этого являются исследования А. В. Брушлинского. Одной из наиболее значимых тенденций формирования и развития психологии субъекта А. В. Брушлинского является стремление основателя этого научного направления и его последователей при изучении психологии человека не ограничиваться когнитивными схемами рассуждений и ориентироваться на анализ только познавательных ситуаций. Недостаточность когнитивного анализа, направленного на получение достоверных знаний о психике, неизбежность выхода за его пределы стала очевидной, когда Андрей Владимирович обратился к анализу проблем, до этого редко привлекавших внимание психологов – тоталитаризма, свободы, гуманизма, духовности. Одной из таких проблем является проблема представленности в психике субъекта (и индивидуального, и группового) исторического опыта. А. В. Брушлинский категорически возражал против того, «что усвоение исторического опыта есть (главный, единственный и т. д.) механизм психического развития человека» (Брушлинский, 2003, с. 60). Возражения аргументировались, во-первых, тем, что развитие нельзя сводить к пассивному процессу усвоения, рассматриваемому в одном направлении – от общества к индивиду, что было типично для тоталитарного периода развития нашей страны. «Во-вторых, при этом недооценивается или даже отрицается собственно психологический аспект проблемы. Если усвоение само по себе есть механизм психического развития или психологический механизм последнего, вообще „стержень“ психики, то, следовательно, оно уже не нуждается в психологических механизмах, внутренних условиях своего осуществления. Здесь внешние (педагогические и другие) причины действуют прямо и непосредственно, а не через внутренние условия и, значит, в итоге не через „усваивающего“ субъекта.

Они проходят через него как через пустоту – под давлением извне, со стороны общества. Возникает реальная опасность того, что *психика отождествляется с усвоением* и вытесняется, подменяется им, т. е. становится просто излишней. Верно, конечно, что психика всегда неразрывно связана с усвоением, но неверно, что они тождественны» (там же).

Как следует из цикла исследований А. В. Брушлинского о отношении осознаваемого и неосознаваемого в мышлении, конкретная постановка проблемы внутренних условий формирования и развития исторического опыта требует ответа на главный вопрос: «А что такое внутренние условия, и всегда ли субъект может их осознать и вербализовать?» Результаты исследований позволяют отрицательно ответить на вторую часть вопроса. Вместе с тем современная наука, в частности психология и история, свидетельствует о том, что внутренними условиями существования исторического опыта в психике субъекта оказывается не только то, что связано с *познанием* прошлого. «Исторический опыт» – это категория, содержание которой не может исчерпываться знанием. Научный анализ исторического опыта требует от ученых перехода от гносеологического анализа *познания субъектом мира* к онтологическому исследованию его *существования в мире*. В этом контексте в качестве внутренних условий следует рассматривать такие явно полностью не осознаваемые феномены, как оправдание, совладание, преодоление и принятие индивидуальным и групповым субъектом прошлого – либо собственного, либо своей страны. (Принятие не обязательно возникает на основе понимания, оно может происходить и без него. Это явным образом отражено в анекдоте: «Женская логика – как лицензионное соглашение: ничего не понятно, но вынужден соглашаться»).

В фильме Т. Абуладзе «Покаяние» относительно сталинского режима, а в статье Г. Бёме «Смысл и противосмысл» (Bohme, 1994) на примере осмысления исторического опыта фашистской Германии убедительно показано, как людям трудно принять прошлое как свое собственное. С позиций психологии человеческого бытия совладание с тягостным прошлым – необходимое условие порождения субъектом горизонта смысла собственного бытия, жизни в современном мире. Интуитивно отвергаемые, неусвоенные части прошлого, такие, как сталинские репрессии или история Третьего Рейха, сначала интегрируются с событиями, происходившими в иное время и в других странах, получают объяснение и даже приводят к оправданию: эти события – только история. Следующий шаг в переосмыс-

лении обществом прошлого обычно заключается уже не в дебатах, вскрывающих разногласия в суждениях о фактах, а в диалогических размышлениях об их моральных и политических последствиях.

В Германии сознательные попытки ассимилировать в историю развития морального самосознания нации факт национал-социализма с его жесткостью способствовали отказу людей от бремени прошлого. Такие попытки способствовали возвращению немцев к нормальной жизни, осознанию непрерывности истории, неразрывной связи прошлого с настоящим. В конечном счете это привело к возрождению чувства собственного достоинства нации (Bohme, 1994). «Вторая мировая война вошла в жизнь и сознание миллионов людей во всем мире, и будет оставаться их частью еще долгие годы, однако никакой народ не несет такого морального бремени, как немцы. Послевоенная история привнесла в немецкий язык выражение «*Bewältigung der Vergangenheit*», не имеющее аналогов, означающее „преодоление прошлого“. Это попытка на протяжении вот уже 70 лет постичь смысл, уроки и последствия катастрофы, унесшей беспрецедентное количество жизней» (Хришкевич, 2015, с. 10). В наше время преодоление прошлого в немецком национальном самосознании проявляется, например, в ответах на вопрос из социологического опроса: «Чем, по вашему мнению, было окончание войны: поражением или освобождением?». Подавляющее большинство жителей ФРГ выбирают второй вариант. Именно так, по принципу «из песни слова не выкинешь», преодоление помогает пониманию людьми прошлого своей страны, в частности, поступков своих предков. Эту мысль удачно сформулировал историк И. Н. Неманов: «„Так что же, понять – это значит простить?“ – спросите вы. Нет, понять – это значит преодолеть!» (Бочкарева, 2007, с. 108).

Итак, оправдание, совладание, принятие и преодоление оказываются внутренними условиями психического развития субъекта, пытающегося интегрировать прошлое с настоящим для того, чтобы достойно и осмысленно жить в современном мире.

Внутренние условия – неотъемлемая часть онтологии существования субъекта в мире. Само формирование субъектности в онтогенезе невозможно без обращения человека внутрь себя, потому что познание, созерцание, оценка и т. д. объективной действительности неразрывно связаны с самопознанием, самосозерцанием, самооценкой. Неудивительно, что «по мере взросления человека в его жизни все большее место занимают саморазвитие, самовоспитание, самоформирование и соответственно больший удельный вес

принадлежит внутренним условиям как основанию развития, через которые всегда только и действуют все внешние причины, влияния и т. д. Например, воспитание духовности невозможно без самовоспитания» (Брушлинский, 2003, с. 58).

По А. В. Брушлинскому, экспликация, постепенное осознание внутренних условий – это процесс изменения, динамики становления и развития самого субъекта. Иначе, но удивительно созвучно эту проблему ставит и решает М. Фуко в «Герменевтике субъекта». Он считает, что истинное знание недоступно такому субъекту, каков он есть. Истина не дается субъекту простым актом познания: для ее достижения нельзя ограничиться гносеологическим анализом, необходимо учитывать и онтологию существования субъекта, его экзистенциальные изменения во времени. Иначе говоря, для этой цели субъект должен измениться, преобразоваться, стать отличным от самого себя. М. Фуко, как и А. В. Брушлинский, утверждает, что «в любом случае условия доступа субъекта к истине определяются именно внутри самого познания» (М. Фуко, 2007, с. 30).

Действия, направленные на самоизменение, поиски, практику, опыт Фуко называет духовностью. Напомню, что А. В. Брушлинский тоже называл духовностью реализующиеся в человеческой жизни цели, устремления и смыслы (например, идею социальной справедливости). Он подчеркивал, что духовное – «это не **над**психическое, а различные качества *психического* как важнейшего атрибута субъекта (Брушлинский, 2003, с. 50). Таким образом, и психология субъекта, и герменевтика субъекта дают основания для заключения о том, что для познания, понимания, переживания, созерцания мира человеку недостаточно *наблюдения*, нужно *участие*. А реальная жизнь познающего и понимающего мир субъекта, его «участное существование» проявляется в том, что, даже описывая факты, он высказывает пристрастные ценностные суждения.

На неклассическом этапе развития науки перед учеными, в частности, перед А. В. Брушлинским и М. Фуко, встал вопрос: как должен измениться познающий субъект, какие действия выполнить, чтобы стать способным познать истину? И исторически более ранние духовные практики, направленные на очищение взора, «затуманенного страстями», и психология деятельности неизбежно столкнулись с необходимостью анализа ценностных предпочтений и личностных смыслов познающего субъекта. И тогда, уже на постнеклассическом этапе развития научного познания, ученым стало ясно, что от «чистого» познания необходимо переходить к исследованию *существо-*

вания субъекта. Субъект познает мир избирательно, руководствуясь своими ценностными предпочтениями, оценкой возможных потерь и приобретений. Следовательно, познавая, действуя, человек, преобразует не только мир, но и себя. Он выходит за свои пределы, становится отличным от себя прошлого. Это и награда за новое знание, обогащающее внутренний мир субъекта, и его цена. Вместе с тем это свидетельство возникновения ценностей бытия, изменяющих экзистенциальную сущность субъекта, приобретения им новых субъектных качеств. Ценности являются не столько когнитивными компонентами психики субъекта, сколько экзистенциальными, связанными с ментальным, а шире – духовным опытом.

Таким образом, познавательные (и не только) умственные и практические действия приводят к изменению самого познающего субъекта, формированию его ценностной системы. Она имеет не столько познавательно-гносологический, сколько экзистенциально-онтологический характер. Познание и понимание, основанные на ценностных суждениях, невозможны без изменения субъекта: преобразование себя открывает ему другой взгляд на мир, в котором значимы иные, чем ранее, ценности. В свою очередь, ценности оказывают на человека обратное воздействие: они не только озаряют его внутренний мир новым светом, но и придают завершенность самому субъекту (понятно, что не окончательную, а временную, предполагающую дальнейшее развитие). А в психологических основаниях ценностей лежат не столько осознанные достоверные знания, сколько опыт субъекта.

В истории психологии сначала произошел сдвиг от когнитивизма с его идеей истинности знания к конструктивистской психологии, представители которой фактически отказались от истинности и провозгласили доминирующую роль языка, не только описывающего мир, но и определяющего познавательные схемы субъекта. Поскольку языковые конструкции всегда многозначны, то вряд ли уместно говорить об истинности выраженных языковым способом теорий (Gergen, 1985). Сейчас мы становимся свидетелями и участниками следующего шага в развитии методологии социогуманитарных наук, в том числе психологии: происходит сдвиг от языка к опыту. При этом основной проблемой становится не то, как нам удастся репрезентировать реальность, а то, каким образом мы приобретаем опыт реальности? (Анкерсмит, 2007). Если в научном знании ключевую роль играет истинность, то для опыта она фактически не важна, значимы его субъективная ценность и личностный смысл.

В наше время обращение многих психологов к категории опыта происходит не случайно. С одной стороны, интерес к этому феномену органично вытекает из описанных выше психологических исследований двойственности мышления, функционирование которого происходит при опоре как на достоверные знания, так и на интуитивный опыт. С другой стороны, такой поворот в научном мировоззрении ученых соответствует методологическим тенденциям развития современного социогуманитарного познания.

В психологической литературе обсуждается множество различных видов опыта – субъектный (Александров, Александрова, 2007), жизненный (Колпачников, 2015), психологический опыт личности (Воробьева, Снегирева, 1990), ментальный (Холодная, 2002), мнемический (Еременко, 2007) и др. Как это ни парадоксально, но наиболее широкой по содержанию и смыслу на сегодняшний день является категория субъективного опыта. Это недвусмысленно следует из работ Ю. И. Александрова, которые посвящены системному анализу опыта индивида как структуры, образованной разноуровневыми системами – от нейронального до социокультурного. Формирование «субъективного опыта, – системогенез, который происходит в культуре, оказывается как культуро-, так и одновременно генетически детерминированным – зависящим от детерминированных генетически индивидуальных характеристик специализирующихся нейронов. Зависящим от культуры оказывается не только формирование у индивидов сложных концепций... но и опыт, опосредствующий „простое“ поведение, обычно рассматриваемое как „врожденное“, „генетически жестко фиксированное“» (Александров, Александрова, 2007, с. 8).

Если ориентироваться на внешний по отношению к субъекту критерий деятельности, то правомерно говорить о вариантах профессионального опыта. В частности, И. А. Кибальченко на примере педагогической деятельности осуществил глубокий и интересный анализ учебно-познавательного опыта учащихся (Кибальченко, 2010).

Если же иметь в виду внутренний субъектный опыт, то по аналогии с рубинштейновским «Бытием и сознанием» его можно соотносить с бытием и познанием. Умственный ментальный опыт реализуется, прежде всего, в познании, экзистенциальный – преимущественно в бытии. Ментальный опыт лежит в основании познавательного отношения человека к миру. Экзистенциальный опыт субъекта формируется в процессе проживания приобретенного зна-

ния о мире в человеческом бытии. В экзистенциальном опыте сконцентрировано не познавательное, а личностное ценностно-смысловое отношение субъекта к миру.

Понятие индивидуального ментального (умственного) опыта, в котором инвариантно воспроизводятся объективные закономерности отображаемого фрагмента реального мира, тщательно и детально проработано в исследованиях М. А. Холодной. Она пишет: «Итак, *ментальный опыт* – это система наличных психических образований и инициируемых ими психических состояний, лежащих в основе познавательного отношения человека к миру и обуславливающих конкретные свойства его интеллектуальной деятельности. Ментальный опыт, судя по имеющимся данным, представлен в трех основных формах, таких, как ментальные структуры, ментальное пространство и ментальные репрезентации» (Холодная, 2002, с. 106). Замечу, что поскольку индивидуальный ментальный (умственный) опыт рассматривается М. А. Холодной как носитель свойств интеллекта, то вполне естественно, что он изучается преимущественно в контексте анализа разных уровней познавательного отражения.

Однако жизнь человека не исчерпывается только познанием, большую роль в ней играют общение, переживания, созерцание, постижение. Для описания этих феноменов человеческого бытия привлечения категории ментального опыта недостаточно – необходим психологический анализ экзистенциального опыта. Такой опыт оказывается важным и необходимым вследствие ограниченности научных знаний, с помощью которых невозможно точно описать многие сферы жизни людей. Во многих профессиональных контекстах и ситуациях, например в медицинской этике, мы можем только постичь возникающие проблемы. У специалистов нет достоверных знаний и осознанных мнений, на основании которых можно разрешить неизбежный конфликт моральных ценностей. Например: обязательно ли должен быть прооперирован каждый умирающий от рака пациент? всегда ли следует говорить ему правду? обязательно ли для медперсонала до конца бороться за жизнь больных, умирающих от старческого слабоумия?

Главная проблема при этом заключается в отделении фактов от мнений. Конфликт фактов и оценочных суждений побуждает людей к принятию интуитивных, а иногда и иррациональных решений, апеллирующих скорее к совести, чем к достоверным медицинским знаниям. Совесть вообще является психологическим образова-

ем, интегрирующим знания субъекта, его побуждения и моральные представления. В этом контексте уместно вспомнить Л. Толстого, в частности, его статью «Не могу молчать». Когнитивная картина повторяющихся в Российской империи смертных казней построена у него по тезаурусному принципу семантических и ассоциативных связей, которые практически невозможно четко сформулировать, вербально описать. Этические представления о справедливости, связанные с сильной мотивацией, направленностью на ее достижение, побуждают писателя высказывать свое глубокое убеждение в недопустимости убийства одним человеком другого. И он высказывает его, не рассуждая о негативных последствиях для собственной жизни, которые может вызвать такое публичное проявление гражданской позиции. Очевидно, что такие суждения основаны не на осознанном достоверном знании, а на опыте.

Почему понятие опыта имеет большое значение для психологии человеческого бытия и психологии понимания? Ответ на этот вопрос в неявном виде содержится в исследованиях А. В. Брушлинского: все, что относится к опыту, должно рассматриваться в континууме между субъектом и миром. Он ясно осознавал важность и значимость опыта для развития современной науки, это видно на примере его размышлений об историческом опыте. Применительно к истории чрезвычайно трудно сказать, где заканчивается субъект и где начинается объект, и наоборот. Между ними всегда существует определенная континуальность (именно она неизменно оказывалась в фокусе внимания А. В. Брушлинского), и потому очень трудно определить, что чему конкретно принадлежит: где заканчивается наше прошлое и где начинается настоящее, в котором мы живем. Прошлое и будущее связывает опыт историка: «Без сомнения, опыт есть парадигматический обитатель этого пространства между субъектом и объектом. Опыт придает субъекту способность приращивать знание об объекте» (Анкерсмит, 2009, с. 10). Обратной стороной континуальности является так называемая трансгрессия: где тот водораздел, граница, на которой встречаются субъект и объект? Естественно, что эти вопросы очень волновали А. В. Брушлинского.

Итак, оправдание, принятие и преодоление оказываются внутренними условиями психического развития субъекта, пытающегося интегрировать прошлое с настоящим для того, чтобы достойно и осмысленно жить в современном мире. С позиций психологии человеческого бытия очевидно, что названные феномены формируются на основе не только когнитивных схем, ментального опыта.

Поскольку они возникают и проявляются в ситуациях человеческого бытия, то очевидно, что они имеют непосредственное отношение также к экзистенциальному опыту субъекта. Применительно к психологии субъекта это означает необходимость сочетания гносеологического и онтологического анализа проблемы. Внутренние условия – неотъемлемая часть онтологии существования человека в мире и становления его субъектных качеств. Вместе с тем не вызывает сомнения тот факт, что внутренние условия представляют собой такой сплав ментального и экзистенциального опыта, на основе которого происходит не только понимание субъектом мира, но и метакогнитивная регуляция его поведения. В субъектном подходе внутренние условия процессуальны: они формируются и проявляются в процессе изменения, динамики становления и развития самого субъекта. Следовательно, аксиомой является и то, что сам субъект изменяется в процессе развития.

2.5. Экзистенциальный опыт субъекта

В современной науке трудно найти ученого, убежденного в том, что опыт представляет собой исключительно «способ познания действительности, основанный на ее непосредственном, чувственном практическом освоении» (Краткий психологический словарь, 1998, с. 237). В соответствии с антропологическим принципом опыт рассматривается как сложный сплав знаний, переживаний, ценностей, смыслов. В частности, «в экзистенциальной философии опыт понимается как глубинное знание, которое рождается в корне экзистенции в процессе переживаний и действий, составляющих духовное бытие личности, решение ею коренных вопросов существования: отношения к смерти, причастности миру, преодоления одиночества» (Калюжная, 2009, с. 165).

В психологии смещение фокуса внимания с анализа знаний на изучение опыта возникло в результате осознания учеными многомерности мира человека, принципиальной неодинаковости ситуаций человеческого бытия. Стало ясно, что многие сферы нашей жизни таковы, что бессмысленно оценивать истинность их описания – нужно ориентироваться на правильность или правдивость. Опыт оказывается важным и необходимым вследствие ограниченности научных и обыденных знаний, не обладающих потенциальной способностью содержательного определения многих сфер жизни людей. Опыт является основополагающей категорией смыслового

пространства «жизненного мира как формы бытия человека» (Петренко, 2009).

В наше время в психологической науке всевозрастающее значение придается изучению целостных проявлений психики человека как субъекта бытия. С позиции психологии человеческого бытия научный анализ психики субъекта не может иметь только когнитивную направленность, проявляющуюся в поиске объективных достоверных знаний о человеке. Предметом исследования в этой области психологической науки являются не единичные психические процессы или свойства, а целостные смысловые образования, выражающие ценностное отношение субъекта к миру. Основной акцент здесь делается на анализе ценностных, аксиологических аспектов бытия человека, имеющих для него не только конкретно-ситуативный, но и более общий экзистенциальный смысл.

Большинство современных психологов используют понятие «экзистенция» как синоним «бытия». В частности, В. Франкл использовал термин «экзистенциальный» в трех значениях. Во-первых, с целью описания специфики человеческого бытия; во-вторых, для характеристики смысла существования человека; в-третьих, для обозначения стремления к нахождению смысла своего существования, т. е. воли к смыслу (Франкл, 1990). Очевидно, что экзистенциальные проблемы субъект не может решать, опираясь исключительно на знания, рациональный когнитивный опыт. Такие проблемы имеют для каждого человека не столько конкретное ситуативное значение, сколько более продолжительное, относящееся к экзистенциальному осмыслению смысла жизни. Следовательно, когнитивная направленность психологического анализа подобных проблем должна сочетаться с экзистенциальной. Экзистенциальный план исследования психической реальности отражается в направленности ученых на исследование вариантов порождения *опыта*, имеющего смысл для субъекта.

В экзистенциальном опыте сконцентрировано общее знание субъекта о человеческой природе, фундаментальной прагматике жизни. Такой опыт является важной составляющей экзистенциального интеллекта, который известный американский психолог Г. Гарднер называет «интеллектом больших вопросов» (Gardner, 2004). Этот вид интеллекта проявляется в способности человека размышлять о фундаментальных проблемах бытия – жизни, смерти, о существовании в целом (Gardner, 1998). Между тем экзистенциальный опыт – это то, что нельзя выразить ни в категориях сознания,

ни бессознательного. Он представляет собой сплав языка как формы общественного сознания и невербализуемой субъективности, иначе говоря, унифицированного общего в человеке и его трудно выразимой словами индивидуальности. Характерная особенность экзистенциального опыта заключается в том, что в общении с его помощью субъект понимает пределы своих возможностей. Субъективно они осознаются как границы, к которым можно только приблизиться в собственном психическом развитии. Вместе с тем зрелые формы понимания себя проявляются также в том, что, осознавая пределы саморазвития, субъект не может их объяснить, а тем более выйти за них и эмоционально пережить. Несмотря на это, экзистенциальный опыт человека потенциально содержит в себе не только декларативные, но и такие процедурные знания, которые способствуют реализации изменений, невозможности оставаться прежним, стремлению выйти за свои пределы и превзойти себя прежнего. В этом залог психического развития субъекта и субъектности.

Категория экзистенциального опыта может быть полезной не только при решении проблем психологии человеческого бытия, но и при анализе целых областей психологической науки. Наиболее типичной в этом смысле является онтопсихология. Ее контуры были намечены в трудах Б. Г. Ананьева и получили продуктивное развитие в трудах Н. В. Гришиной (2005). Лонгитюдные исследования, проводимые Гришиной и ее учениками в рамках онтопсихологии, свидетельствуют о том, что у студентов, для которых субъективно значимыми являются события экзистенциально-духовного характера (переживание одиночества, первый опыт личной свободы, проживание нового опыта) впоследствии наблюдаются особенно сильные изменения в динамике показателей ценностей и смысловых ориентаций. «В частности, у студентов, отмечавших в своем опыте проживание событий экзистенциального характера, наблюдался существенный рост потребности в профессиональной и социальной компетентности, в автономности и независимости и др.; значительно увеличились показатели, связанные с ценностью уважения и принятием традиций. Зафиксированные изменения отражают тенденцию «взросления», процесса становления зрелой личности, на которые экзистенциальный опыт субъективных переживаний событий жизни оказал сильное влияние. Полученные данные подтверждают, что именно субъективное переживание жизненного опыта является источником личностных изменений» (Гришина, 2007, с. 86). Не менее научно значимы результаты

исследования образа своего детства у взрослых людей. В нем показано, что опыт детства подвергается переоценке, переосмыслению со стороны взрослого человека. При этом наибольшей значимостью с точки зрения взаимосвязей с субъективными составляющими образа детства обладает показатель осмысленности жизни. Никакие другие особенности актуальной жизненной ситуации взрослого человека (в том числе субъективная успешность или объективное благополучие) или его персональные особенности не имеют такого влияния на восприятие и оценку своего детства и его обстоятельств во взрослом возрасте, как то, насколько в целом осмысленно человек относится к собственной жизни. Этот факт Гришина интерпретирует «как свидетельство того, что развитая способность человека к осмыслению своей жизни как целостного процесса собственного существования и развития заставляет переосмысливать, переоценивать опыт своего детства, ощущать его связь с последующей жизнью и воспринимать как часть общего экзистенциального опыта» (там же).

С необходимостью анализа экзистенциального опыта психологи сталкиваются во многих исследованиях, например, при изучении феномена надежды. Надежда – это общечеловеческая ценность и даже, можно сказать, метаценность человеческого бытия. Она имеет в жизни человека не только конкретный индивидуальный смысл, но и более широкое социально-психологическое и экзистенциальное значение. Надежда как интегральный психологический феномен включает в себя три компонента: эмоционально-оценочный (психическое состояние ожидания), когнитивный (антиципация жизненных событий) и мотивационно-поведенческий (планирование, стремление к достижению цели). Главная экзистенциальная функция надежды заключается в конструировании, поддержании и восстановлении гармоничной, упорядоченной и непротиворечивой картины мира (Мансурова, 2008).

Еще один феномен, изучение которого невозможно без психологического анализа экзистенциального опыта субъекта, – одиночество. Изучение одиночества (Иванченко, 2006) является одной из важных задач психологии человеческого бытия. Эмпирические исследования обнаруживают как возрастные (Неумоева, 2005), так и половые различия в переживании одиночества. «Одиночество женщин связано с тоской по конкретному человеку, отсутствием любимого человека, в то время как одиночество мужчин связано с ощущением собственной ненужности. Мужчины, более чем женщины,

склонны рассматривать одиночество как возможность поразмышлять над собой, своей жизнью, отношениями с другими людьми... Женщины и мужчины испытывают различную палитру чувств. В состоянии одиночества женщинам свойственна меланхолия, депрессия, ощущение собственной непривлекательности, чувство незащищенности. Мужчины в состоянии одиночества переживают скуку, более нетерпимы к себе, чем женщины, острее переживают сочувствие себе. Для мужчин характерно пассивное пребывание в состоянии одиночества. Женщины, испытывая более разнообразные чувства в состоянии одиночества, более изобретательны в нахождении занятий и способов преодоления одиночества, чем мужчины, и предпочитают активные действия» (Мухиярова, 2006, с. 16). С позиции психологии человеческого бытия ясно, что выявленные половые различия имеют для людей не временный ситуативный характер, а экзистенциальный смысл, относящийся к обобщенной оценке мира и себя в мире: «Переживание одиночества женщинами приводит к утрате веры в позитивность человеческой природы и ожиданий принятия и уважения к своей личности от окружающих людей. Одиночество мужчин связано с неудовлетворенностью самореализацией, процессом жизни, наличием в ней целей и усиливает внутренние конфликты мужчин, снижая их способность к установлению эмоционально-глубоких контактов с другими людьми» (там же, с. 16–17).

Экзистенциальный опыт явным образом проявляется в исследованиях автобиографической памяти субъекта, особенно в реализации ее экзистенциальных функций (Нуркова, 2009). Они связаны с осознанным построением человеком своей личности, конструированием истории жизни. Экзистенциальные функции автобиографической памяти реализуются в процессе ответов субъектом на «метаперсональные вопросы» о своей жизни («чтобы соотнести себя с окружающим миром, видеть свое место в нем», «чтобы ориентироваться в течении своей жизни», «чтобы лучше понять, кто я есть», «чтобы не забыть кем я являюсь и кем могу стать», «чтобы оценить свое развитие»). Экзистенциальные функции автобиографической памяти включают формирование самоидентичности, осознание уникальности своей жизни, самопознание посредством автобиографического анализа, определение смысла жизни, самоопределение в координатах истории и культуры, осознание временной протяженности (историчности) личности, экзистенциальную интеграцию личности (Нуркова, 2009).

В психологии понимания категория «экзистенциальный опыт» играет значимую роль при интерпретации событий и феноменов, которые нельзя понять на основе исключительно рационального знания. Наиболее типичными в этом отношении являются критические, пограничные ситуации человеческого бытия. «Экзистенциальный опыт проблематизирует фундаментальные жизненные ценности и ими же упорядочивается. В повседневных ситуациях эти ценности используются, в пограничных конституируются... Погораничные ситуации приводят к конституированию жизненных ценностей, так как включают рефлексию как способ упорядочения опыта» (Касавина, 2014, с. 54).

Для психологической науки принципиально важным является различие *жизненного* и *экзистенциального* опыта субъекта. Человеческое бытие наполнено событиями, отсутствие событий – признак биологической смерти или психологического умирания. Во-первых, в нашей жизни случаются события, в контексте которых воспроизводится предельный опыт. И. Т. Касавин называет их «одноразовыми событиями»: собственное рождение, свадьба, рождение ребенка, начало профессиональной деятельности, потеря родителей, выход на пенсию, смерть супруга или ребенка и т. п. «Эта уникальность события подчеркивает непреодолимость разрыва между прошлым и будущим, реальным и нереальным». (Касавин, 1999, с. 397). Во-вторых, в повседневной жизни мы встречаемся с друзьями, сослуживцами и незнакомыми людьми; работаем, уезжаем в командировки и отпуск; узнаем о событиях в стране и мире и т. п. Эти обычные события и ситуации человеческого бытия пополняют и расширяют багаж жизненного опыта. Однако знания и воспоминания далеко не обо всех из них оказываются включенными в экзистенциальный опыт субъекта.

Экзистенциальный и жизненный виды опыта следует различать, по меньшей мере, по *трем* критериям: 1) наличие или отсутствие в структуре опыта метасистемной организации; 2) ориентация на «субъективный» способ определения самого значимого, ценного для субъекта и на «объективный» выход за *содержательные* пределы ситуации, абстрагирование от ее конкретных обстоятельств, обобщение; 3) оценка субъектом событий и ситуаций человеческого бытия либо как привычных, либо как критических, резко отличающихся от повседневных. Рассмотрим эти критерии подробнее.

1. Экзистенциальный опыт по отношению к жизненному является *метасистемным*, это «опыт второго порядка». Экзистенциальные

события представляют собой такие осмысленные, понятые, оцененные субъектом факты и явления человеческого бытия, к которым он не может остаться равнодушным. Неудивительно, что экзистенциальными для субъекта становятся далеко *не все* повседневные события и ситуации, которые он помнит. Экзистенциальные – события, оказавшие на человека сильное влияние, в процессе осмысления и понимания которых *изменился его внутренний мир*. Экзистенциальный опыт субъекта – это и есть совокупность «смыслов неких уникальных жизненных событий и обстоятельств, случившихся с человеком и раскрывших свои значения только ему» (Сапогова, 2013).

В экзистенциальном опыте субъекта как интегративном психическом образовании, включающем знания, ценности, смыслы и др., важную роль играют рефлексия и переживания. Основанием определения события как экзистенциального для человека становится формирование его эмоционального и познавательного отношения к этому фрагменту повседневного бытия, переживания всего, что с ним связано. Вместе с тем отнесение события к экзистенциальному опыту возможно только с точки зрения уже осуществленного понимания, рефлексии, сопоставления с другими событиями и ситуациями. Следовательно, стержневыми составляющими экзистенциального опыта являются рефлексия и переживание.

Очевидно, что некоторые события приобретают для нас экзистенциальное значение лишь после осмысления, оценки, понимания того, что сначала могло показаться малозначимым и не имеющим непосредственного отношения к нашей жизни. И только рефлексия, сопоставление, умозаключения позволяют осознать не сиюминутный характер, а непреходящий экзистенциальный смысл произошедшего. Например, победа подростка в школьных спортивных соревнованиях может послужить толчком к размышлениям о роли спорта в жизни человека и возможности в будущем стать великим спортсменом.

2. Индивидуально-личностный *способ* отнесения субъектом события к разряду экзистенциальных определяется целостным пониманием ситуации, в которой оно происходит. Понимание ситуации включает переживания и смыслы, имеющие для человека позитивную или негативную ценность. Событие, к примеру, встреча с крупным ученым, может произвести на кого-то неизгладимое впечатление и стать значимым компонентом экзистенциального опыта. Для других знакомство с этим человеком – хотя и интересный,

но все-таки рядовой жизненный эпизод. Например, для меня судьбоносное значение имело научное и личное общение с Б. Г. Ананьевым, А. В. Брушлинским, О. К. Тихомировым, а многие из моих коллег и друзей, прежде всего, вспоминают и называют другие фамилии – В. В. Давыдова, А. Н. Леонтьева, Б. Ф. Ломова. И это нормально с точки зрения психологии понимания, основанной на представлениях об индивидуальных различиях структур личностного знания, с которыми соотносится понимаемое событие или ситуация.

Однако экзистенциальность события определяется не только субъективно-личностными факторами. Экзистенциальное – это всегда выходящее за пределы внутреннего мира субъекта и оцениваемое с системных позиций: я и другие, я и человечество, человек и жизнь, бытие и небытие и т. п. Понимание события как экзистенциального основано на таком абстрагировании от конкретных эмпирических обстоятельств ситуации, которое включает его содержание в духовный мир субъекта, способствует осознанию его непреходящей жизненной ценности. Понимание всего, что для субъекта значимо, основано на метакогнитивной осведомленности, выходе за пределы конкретного *содержания* события (ситуации). Такой выход требует от субъекта не только соотнесения понимаемого события с личностным знанием, но и включения его в более широкий контекст человеческого бытия.

3. Большую вероятность превращения в экзистенциальные имеют критические события, выходящие за пределы жизненного опыта человека. Естественно, что такие события (неизлечимая болезнь, утрата близких, страх смерти у летчиков-испытателей или обычных людей, которые оказались на месте теракта или техногенной катастрофы) эмоционально очень нагружены и имеют большие шансы повлиять на внутренний мир субъекта. Однако то, станет ли событие критическим и экзистенциальным для субъекта, определяется не только перечисленными выше объективными факторами: важную роль играет соотношение объективных жизненных обстоятельств и субъективного восприятия и понимания их как простых, обыденных или сложных, труднопреодолимых. Такое соотношение детально проанализировано в типологии жизненных миров и кризисных ситуаций, разработанной Ф. Е. Василюком. На ее основе проблему классификации событий как критических или обыденных можно сформулировать в категориях соотношений *легкого* или *трудного* внешнего мира и *простого* или *сложного* внутреннего мира людей (Василюк, 1995).

***

Ниже представлен анализ известных из научной литературы пяти признаков экзистенциального опыта.

Во-первых, экзистенциальный опыт субъекта состоит из трех главных компонентов – *тезаурусного, интенционального и этического*.

Во-вторых, с позиций психологии человеческого бытия принципиально важным является различие обыденного, повседневного и экзистенциального видов опыта субъекта. Экзистенциальный опыт по отношению к обыденному является *метасистемным*.

В-третьих, экзистенциальный опыт включает в себя не только отражение и порождение социокультурных ситуаций, но и *переживание*. В исследованиях понимания знание соотносится главным образом с предметно-содержательными характеристиками событий и ситуаций. Опыт шире, он является порождением не только познавательных структур, но и ценностно-смысловых образований личности, неразрывно связанных с эмоциональными трудно вербализуемыми переживаниями.

В-четвертых, экзистенциальный опыт включает в себя когнитивные и аффективные *бессознательные* компоненты.

Наконец, в-пятых, экзистенциальный опыт состоит из опыта не только *своего*, но и *чужого*. В этом аспекте в исследованиях восприятия и понимания других людей и культур анализ опыта осуществляется в направлении различения своего, чужого (пока не своего, но потенциально способного стать таким) и чужого, неприемлемого для субъекта ни при каких обстоятельствах (Луков, 2008; 2013; Шефер и др., 2004).

2.5.1. Три компонента экзистенциального опыта

Цель раздела – проанализировать содержательные составляющие экзистенциального опыта и кратко описать психологические феномены, в формировании и развитии которых он имеет существенное значение.

Характерная особенность экзистенциального опыта заключается в том, что с его помощью субъект понимает пределы своих возможностей. Субъективно они осознаются как границы, к которым можно только приблизиться в собственном психическом развитии. Вместе с тем зрелые формы понимания себя проявляются также в том, что, осознавая пределы саморазвития, субъект не может

их объяснить, а тем более выйти за них и эмоционально пережить. Несмотря на это, экзистенциальный опыт человека потенциально содержит в себе не только декларативные, но и такие процедурные знания, которые способствуют реализации изменений, невозможности оставаться прежним, стремлению выйти за свои пределы и превзойти себя прежнего. В этом – залог психического развития субъекта и субъектности.

Сложную, но чрезвычайно значимую проблему для современных психологов представляет ответ на вопрос о содержательной структуре экзистенциального опыта. На основании анализа научной литературы можно прийти к выводу, что он имеет, по меньшей мере, три составляющие.

Первым компонентом экзистенциального опыта является неявное знание, которое не может легко быть передано другим. Психологам давно и хорошо известны понятия «скрытого знания», «молчаливого знания», «имплицитного знания». Все они характеризуют принципиальную невозможность вербализации всего того, что мы знаем. Например, М. Полани говорил о том, что «вследствие молчаливого характера нашего знания мы никогда не можем высказать все, что знаем, точно так же как по причине молчаливого характера значения мы никогда не можем в полной мере знать всего того, что имплицировано нашими высказываниями» (Полани, 1985, с. 140). Неявное знание в основном не эксплицировано, не вербализовано, оно включает навыки и умения, которые нам присущи, однако не осознаваемы.

С таким знанием психологи имеют дело в самых разных сферах научного исследования и практической деятельности. В частности, в понимающей психотерапии психолог во время сеанса получает знание о пациенте, «но это знание особое и по способу получения, и по своему виду. Терапевт не должен быть проникательным, проникающим в жизненный мир клиента, чтобы силою своего ума или исследовательской техники добыть знание о нем. Нужное для дела психотерапии знание он не добывает, а, скорее, обретает, получает в дар. Знание это особого рода – его можно назвать „откровенным“ знанием: жизненный мир пациента открывается навстречу терапевту и тем самым открывает себя и для самого пациента» (Василюк, 2008, с. 29). Такое знание возникает в результате не сознательных целенаправленных ментальных операций и действий, а такого личностно-экзистенциального акта, который подтверждает самоценное бытие другого человека.

Важными составляющими структуры личностного знания являются *убеждения*. Убеждения как элементы экзистенциального опыта имеют отношение не только к конкретным жизненным ситуациям, но и к мировоззренческой личностно-смысловой позиции субъекта. Эта позиция проявляется в том, как он понимает фундаментальные проблемы человеческого бытия: смысл жизни и смерти, любовь, дружбу, одиночество, оптимизм и т. д. Убеждения субъекта приобретают особое значение там, где факты и идеи четко не расчленены, и потому возникают трудности в понимании того, что есть в действительности и что должно быть в соответствии с социальными нормами или просто здравым смыслом. Немало примеров таких ситуаций можно найти в средневековых исторических документах, которые по замыслу писавших их монахов должны выражать высшую истину, а не просто фиксировать случайные факты. «В стремлении восстановить право в его первоизданной чистоте люди средневековья руководствовались представлением об идеальном праве, о том, каким оно должно быть в соответствии с их идеями справедливости» (Гуревич, 2007, с. 147). В частности, «исправляя при переписывании текст дарственной грамоты, монах исходил из *убеждения* (курсив мой. – В. З.), что земля, о которой идет речь в этом документе, не могла не быть подарена святому месту – монастырю, ибо было бы несправедливо и, значит, невозможно, чтобы ею обладал нечестивый мирянин. Это был в его глазах не подлог, а торжество справедливости над неправдой» (там же).

В современной психологии убеждения являются предметом серьезного научного анализа. Р. П. Абельсон перечисляет несколько признаков, по которым убеждения отличаются от достоверных (обоснованных, доказательных) знаний. Убеждения включают аффективные и оценочные компоненты; они эпизодичны, связаны с индивидуальным опытом субъекта; разные убеждения могут характеризоваться неодинаковой степенью уверенности; убеждения нередко основаны на представлениях об «альтернативных мирах», например, представлениях о социальной справедливости при социализме и капитализме (Abelson, 1979). На всех уровнях субъективной системы убеждений происходит приписывание каждому из них той или иной *ценности*. В познании и общении ценностям обычно придается позитивное или негативное значение. «Позитивной ценностью будет тогда, когда познающий или кто-то, с кем он себя отождествляет, оказываются тем или иным образом ассоциированы с благоприятным результатом, либо когда противник или антипатичный

деятель ассоциируются с крайне негативным результатом, чуть ли не с полным и безоговорочным уничтожением. Ценность негативна тогда, когда познающий или кто-то, с кем он себя отождествляет, ассоциируются с негативным результатом, либо когда противник или антипатичный деятель ассоциируются с позитивным результатом» (Абельсон, 1987, с. 374).

Наряду с оценочными убеждениями в структуру неявного личностного знания входят *мнения*. Как отмечает Т. А. ван Дейк, мнения – это категории, используемые в общении для обозначения субъективных убеждений об объектах, событиях, ситуациях. Естественно, что люди могут иметь одинаковые или неодинаковые мнения об одном и том же. Мнения могут быть социальными, соотнесенными с общими для больших или малых групп ценностями и нормами («Предателей нужно наказывать»). Мнения также могут быть индивидуальными, основанными на личных предпочтениях («Мне нравится это яблоко»). Однако и те, и другие отличаются от достоверных знаний. Для знаний мы ожидаем согласования с социальными нормами и критериями истины, а мнения вполне могут быть личными и неправильными (с точки зрения носителей противоположного мнения).

Когда люди начинают видеть общее в некоторых мнениях, то такие организованные кластеры превращаются в *отношения*. Отношения представляют собой совокупности мнений, вовлеченных в сложную систему социальных взаимодействий. У нас есть отношение к социальным группам, например, бизнесменам или учителям, проблемам (ядерной энергии и другим), но не к яблокам или другим объектам, которые не вовлечены в сложную систему мнений и социальных взаимодействий (Dijk, 1982).

Следовательно, первый компонент экзистенциального опыта, неявное знание, характеризуется недостаточной доказательностью, осознанностью и вербализованностью. Такое знание является частью тезауруса, общей системы знаний субъекта о мире. Тезаурус строится по принципу семантических отношений: смысловой близости, отнесенности знаний к одному семантическому классу, кластеру (вспомним мнения и отношения). Смысл какого-либо знания для субъекта возникает не путем определения понятий, описывающих ту или иную предметную область, а посредством выявления его концептуальных и ассоциативных связей с другими, уже осмысленными ранее знаниями. Опираясь на вышесказанное, первый компонент экзистенциального опыта я условно назову тезаурусным.

Второй компонент экзистенциального опыта – интенциональный. В психике субъекта он представлен интенциональными структурами, определяющими направленность и избирательность индивидуальной психической активности. М. А. Холодная считает, что «интеллектуальные интенции – это особые субъективные состояния (состояния направленности ума), которые по своим механизмам являются продуктом эволюции индивидуального ментального опыта, а по форме выражения – неопределенно переживаемыми и в то же время чрезвычайно устойчивыми чувствованиями» (Холодная, 2002, с. 134).

Наконец, *третий* компонент экзистенциального опыта – этический. Понятие «этика» имеет два основных значения. 1. Учение о морали, ее развитии, принципах, нормах и роли в обществе. 2. Совокупность норм поведения, характеризующих нравственное сознание представителей разных общественных и профессиональных групп (например, «этический кодекс психолога»). Этические представления и нормы поведения включены в нравственное сознание субъекта. Они отражают как прошлый опыт общения с людьми, так и возможные алгоритмы поведения в будущих ситуациях межличностного взаимодействия. Описывая третий компонент экзистенциального опыта, я буду иметь в виду второе значение понятия.

Общность взглядов на моральное долженствование объединяла основателей психологии человеческого бытия – С. Л. Рубинштейна и В. Франкла. С их точки зрения, представления о должном у субъекта воплощаются в таком морально-нравственном императиве, который регулирует его понимание сути подлинно человеческого отношения к себе и другим. Этическую категорию долженствования можно сравнить с компасом, не только помогающим человеку выбирать способы ориентации в житейских ситуациях, но и адекватно понимать их. Вместе с тем необходимо подчеркнуть принципиальную невозможность полного осознания морально должного. Далеко не все моральные правила и нормы осознаваемы. Более того, некоторые из них, по мнению М. Хаузера и других ученых, являются врожденными. Хаузер развивает научные представления, согласно которым во многих случаях основания моральных решений являются неосознанными, интуитивными (Хаузер, 2008).

Осознание учеными принципиальной невозможности выявления рациональных оснований многих моральных проблем – характерная черта современной медицинской этики. Некоторые из этих проблем возникают вследствие трудности, а иногда и невозмож-

ности различения клинических фактов и ценностных суждений. «Врач должен уметь точно различать, что относится к области фактов, а что – к области ценностей. Быть экспертом в клинических проблемах – не то же самое, что быть экспертом в моральных вопросах. Например, совсем не очевидно, что каждый умирающий от рака пациент обязательно **должен** быть прооперирован. Совсем не очевидно, что всегда **следует** говорить ему правду. Не однозначно и то, что каждый пациент с почечной недостаточностью **должен** получить почку для пересадки. Каждое такое решение предполагает выбор между несколькими моральными ценностями. Может быть, в некоторых ситуациях лучше из моральных соображений дать пациенту умереть, чем «героически» бороться за продолжение его жизни (и страданий). Так, отнюдь не вопросы медицинской «технологии», но прежде всего моральные проблемы лежат в основе решений о прекращении реанимации пациентов, умирающих, например, от старческого слабоумия. Врач должен всегда скрупулезно взвесить, что для данного конкретного пациента является наибольшим благом, одновременно принимая во внимание благо других пациентов, доверенных его опеке» (Шаварский, 2006, с. 87). Конфликт фактов и оценочных суждений побуждает врачей к принятию интуитивных, а иногда и иррациональных решений, апеллирующих скорее к совести, чем достоверным медицинским знаниям.

Итак, экзистенциальный опыт субъекта состоит, по крайней мере, из трех компонентов – *тезаурусного*, *интенционального* и *этического*.

2.5.2. *Метасистемная организация экзистенциального опыта субъекта*

В психологическом исследовании экзистенциальный и жизненный опыт нужно рассматривать как единую систему, причем «систему со встроенным метасистемным уровнем» (Карпов, 2004). В содержании системы экзистенциальный опыт «*одновременно* является и ее собственным уровнем, и уровнем, выходящим за ее пределы (метасистемным), то есть в определенном смысле – локализованным вне ее» (Карпов, 2011, с. 181). Системный и метасистемный уровни опыта не могут существовать один без другого. С одной стороны, основанием определения события как экзистенциального для человека становится формирование его эмоционального и познавательного отношения к этому фрагменту повседневного бытия, *пережива-*

ния всего, что с ним связано. С другой стороны, отнесение события к экзистенциальному опыту возможно только с точки зрения уже осуществленного понимания, рефлексии, сопоставления с другими событиями и ситуациями.

В основании понимания экзистенциального опыта оказывается специфическое понимание человеком не только мира, но и себя: я имею в виду метаперсональную самоинтерпретацию (DeCicco, Stroink, 2007), которая также представляет собой метасистемный уровень самопонимания. Метаперсональная самоинтерпретация распространяется за пределы индивидуально-личностного, внутреннего мира и охватывает более широкие стороны человеческого бытия – осознание субъектом себя как частички космоса, человечества, жизни. В процессе метаперсональной самоинтерпретации человек понимает, что свою сущность можно понять, обратив взор не только внутрь себя, но и на психологические особенности других людей, общество и универсум. Метаперсональное порождается универсальным фокусом, таким взглядом на себя и мир, который включает всю природу и жизнь в Я-концепцию субъекта.

Реализация и метасистемной, и метаперсональной функций экзистенциального опыта основаны на рефлексии понимающего субъекта над тем, что происходит в его внутреннем мире, как именно протекают процессы познания и понимания. Понимание всего, что для субъекта значимо, основано на метакогнитивной осведомленности, выходе за пределы конкретного содержания события или ситуации. Познание всегда включает в себя отношение, а экзистенциальный опыт связан с метакогнитивным опытом.

Знания или стратегии интеллектуальной деятельности в психологической науке считаются метакогнитивными, если они активно используются в качестве рефлексии и управления своими познавательными процессами. В частности, характерной «особенностью метакогнитивного опыта является его способность как предшествовать, так и следовать за когнитивной деятельностью. Процессы метапознания регулируют функционирование когнитивных процессов и в то же время зависят от них. Также заметим, что поскольку когнитивные и метакогнитивные стратегии тесно переплетаются и зависят друг от друга, любая попытка исследовать один без признания другого не обеспечила бы адекватную картину» (Пошехонова, 2012, с. 135).

М. А. Холодная анализирует метакогнитивный опыт как ментальные структуры, дающие познающему субъекту возможность

осуществлять непроизвольную и произвольную регуляцию интеллектуальной деятельности. Ее понимание метакогнитивного опыта не противоречит концепции метапознания Дж. Флейвелла (Flavell, 1979), а развивает ее. Содержательное расширение концепции заключается во включении в метапознание не только сознательной, но и неосознаваемой познающим субъектом регуляции интеллектуальной деятельности (Холодная, 2002). Это соответствует данным современных психологических исследований: метакогнитивный контроль поведения нередко осуществляется автоматически, неосознанно, а выбор стратегии принятия решения является во многом бессознательным метакогнитивным процессом (Koriat, Levy-Sadot, 2000).

В концепции Дж. Флэйвелла метапознание состоит из метакогнитивных знаний и метакогнитивного опыта.

Метакогнитивные знания бывают трех типов – знания личностных переменных, переменных задания и переменных стратегии. Первые включают знания человека о своих когнитивных процессах и более общие знания о том, как человек приобретает и перерабатывает информацию. Второй тип знания – о природе задания и о требованиях к обработке информации. Третий тип состоит из знаний о стратегиях и о том, в каких обстоятельствах они подходят для использования таких стратегий.

Метакогнитивный опыт – это любые познавательные или эмоциональные реакции, которые относятся к интеллектуальным процессам. Например, внезапно возникшее чувство, что вы не понимаете что-то, что другой человек только что сказал. Именно метакогнитивным опытом вызвано чувство замешательства и удивления от внезапного осознания расхождения между тем, что вы поняли и что сказал партнер. Метакогнитивный опыт может относиться к любому времени до, после или во время акта познания: вы можете чувствовать, что предрасположены к неудаче в том, что еще только предстоит, или сделали что-то очень хорошо в прошлом. Опыт обеспечивает возможности для возникновения мыслей и чувств о ваших собственных взглядах, способствующих контролю протекания познавательных процессов.

Метапознавательный опыт лучше всего описывать как метакогнитивные знания, которые запомнились субъекту. Если он, борясь с некоторой трудной задачей, внезапно вспоминает другую подобную проблему, которая была решена определенным способом, то этот способ можно применить для решения задачи.

Метапознавательный опыт может активировать стратегии, управляемые двумя типами целей – познавательными или метапознавательными. Например, вы ощущаете (метапознавательный опыт), что еще не знаете, что, выучив конкретную главу в учебнике, достаточно хорошо сдадите завтрашний экзамен. Вы прочитываете его еще раз (познавательная стратегия, нацеленная на прямую познавательную цель улучшения ваших знаний). Затем вы задаетесь вопросом (метапознавательный опыт): достаточно ли хорошо я понимаю материал, чтобы сдать экзамен? Вы читаете текст снова, задавая себе вопросы и отмечая, как хорошо вы в состоянии ответить на них (метапознавательная стратегия, направленная на метапознавательную цель оценки своего знания и создания таким способом нового метапознавательного опыта). Следовательно, метакогнитивный опыт формируется во взаимодействии с метакогнитивным знанием (Flavell, 1979).

Итак, интегративный метасистемный и метакогнитивный характер экзистенциального опыта вряд ли у кого-нибудь может вызывать сомнение. Вопрос, на который должны дать ответ будущие исследования, состоит в выявлении роли неосознаваемого экзистенциального опыта в сознательном метакогнитивном контроле поведения. Известно, что метапознание включают в себя убеждения второго порядка («Я знаю, что я знаю»), которые определенно не могут быть функцией исключительно сознания – здесь не обойтись без изучения мнений, бессознательных рефлексивных убеждений, установок. Учитывая это, следует признать, что экзистенциальный опыт субъекта имеет такое же важное метатеоретическое значение, как и ментальный.

2.5.3. Переживание как компонент экзистенциального опыта

Переживание неразрывно связано с познанием. Например, А. Швейцер в книге «Культура и этика» говорил о том, что всякое истинное познание переходит в переживание. Субъект не познает сущность явлений, но постигает их по аналогии с волей к жизни, заложенной в нем. Следовательно, знание о мире становится переживанием мира. «Познание, ставшее переживанием, не превращает меня по отношению к миру в чисто познающий субъект, но возбуждает во мне ощущение внутренней связи с ним. Оно наполняет меня чувством благоговения перед таинственной волей к жизни, проявляющейся во всем» (Швейцер, 1993, с. 476). Как следует из работ Б. М. Теплова

по психологии музыкальных способностей, существуют такие воплощенные в переживании способности, которые порождаются не просто вовлеченностью человека в практику воздействия на внешние предметы, отображаемые в их субъективных образах. В процессе переживания человек как представитель духовной культуры, взаимодействуя с ее объективными смыслами и ценностями, обретает богатство своей собственной психической жизни (Теплов, 1961). «Понятие о переживании давно прижилось в психологии в различных смысловых вариантах. Во всех случаях с ним сочетался признак непосредственной испытываемости субъектом, укорененности в его внутреннем мире» (Ярошевский, 1997, с. 68).

Переживания – неперенный атрибут интенциональной направленности субъекта во всех ситуациях человеческой жизни. Современные исследования показывают, что переживание является опосредствующим звеном во взаимоотношениях психических состояний и процессов (Фахрутдинова, 2008). Психический феномен переживания в психологии человеческого бытия является одним из центральных. Это естественно, потому что «переживание представляет собой „точку пересечения“ („точку соприкосновения“) внутреннего и внешнего мира. Оно являет собой основу, на которой человек формирует свою жизнь и преодолевает все возможные препятствия в мире конкретных условий, возможностей и требований. Поэтому правильный подход к переживанию – это важное условие для экзистенции: для индивидуально формируемой, диалогически открытой жизни в „мире“» (Лэнгле, 2007, с. 48–49). В переживании как динамической единице сознания, его субъективной составляющей (Фахрутдинова, 2008) проявляется мировоззренческая ценностно-смысловая направленность жизни человека. Переживания обусловлены различными объективными для разных людей обстоятельствами (как говорится в пословице: «У одних щи жидкие, у других жемчуг мелкий») и индивидуальным отношением к ним, личностной смысловой оценкой.

Переживания, так же как психические состояния, регулируются личностными и операциональными смыслами. Смысловая регуляция психических состояний проявляется, прежде всего, в избирательности: актуализации неодинаковых ценностно-смысловых образований личности для позитивного и негативного оценивания разных ситуаций человеческого бытия. «Степень актуализации отдельных смысловых структур в тех или иных ситуациях бытия, их сочетание и взаимоотношения в смысловой системе в процессе

опосредствования ситуационных влияний находит отражение в разнообразии состояний. Смысловые структуры, образующие динамические смысловые системы, обуславливают возникновение и изменение психических состояний разного качества, модальности, знака, интенсивности, длительности и др.» (Прохоров, 2009, с. 54). Следовательно, интенциональные субъективные состояния непосредственно зависят от ценностно-смысловых образований, истоки которых следует искать в глубинах мотивационно-побудительной сферы формирования и развития психики. Иначе говоря, там же, где формируется экзистенциальный опыт субъекта.

Психологический анализ феномена переживания занимает важное место в психологии человеческого бытия. Это следует, в частности, из цикла исследований Т.Л. Крюковой. В них предпринята успешная попытка реализации комплексного подхода к изучению переживания человеком трудных ситуаций и совладания с ними, основанная на методологии субъектно-деятельностного подхода. Анализ переживания субъектом сложных жизненных ситуаций проливает свет на такие важные психологические механизмы совладающего поведения, как, например, внутренние и внешние ресурсы совладания (Крюкова, 2004).

Переживания особенно важны при совладании с критическими жизненными ситуациями. Применительно к ним возможна реализация двух психологических механизмов – контаминации и завершения, решения проблемы. Один путь развития переживаний обусловлен механизмом контаминации: хорошее, позитивное событие или состояние постепенно становится плохим, негативным. Положительное психическое состояние замещается негативным, которое начинает преобладать, разрушать или разъедать результаты предыдущей позитивности. Вот пример из статьи американских психологов: «Я всегда жил в Нью-Йорке, и эти башни присутствовали во мне с самого начала сознательной жизни. Еще ребенком я видел, как их строили. Их потеря для меня, как потеря ребенка для отца или матери. Мне также кажется, что в тот день наша страна утратила какое-то чувство невинности. Теперь я каждый день просыпаюсь с мыслью, что снова может случиться что-нибудь страшное» (Adler, Poulin, 2009, p. 915). У этого человека теплое отношение к разрушенным башням-близнецам и упоминание о «невинности» страны до терактов перемежается с ощущением потери и страха. Другой путь формирования переживаний неразрывно связан с когнитивными механизмами принятия завершеного решения:

«Это был странный день. Обычно я не смотрю новости по телевизору, но в то утро я говорила с мужем по телефону и включила телевизор. Я всегда и везде чувствовала себя в безопасности, но с тех пор как произошла атака, я все-таки по-прежнему неколебимо доверяю нашим службам государственной безопасности» (там же). В этом случае женщина, описывая ситуацию включения новостной телевизионной программы как случайное стечение обстоятельств, указывает на то, что в итоге она реагирует осознанно, разрешая проблему.

Переживания, даже эмоционально негативные, нужны человеку: они способствуют личностному росту и формированию экзистенциального опыта. Отсутствие переживаний порождает феномен «отчуждения своего опыта», когда отдельные прожитые эпизоды не становятся событиями жизни. Еще в начале 1990-х годов Е. О. Смирнова и А. Е. Лагутина исследовали его на материале осознания своего опыта наблюдения за поведением детей из семей и из детского дома. Один из их экспериментов относился к игре, в которой дети дарили друг другу подарки. У семейных детей узнавание внешних предметных характеристик игры порождало воспоминания о своих действиях и переживаниях. Узнавание было связано с их внутренней, субъективной жизнью. Они всегда рассказывали от первого лица о своих действиях и переживаниях, например: «Я подарил утенка Павлику, он ему не понравился, тогда я ему дал своего волка, и он обрадовался». Воспитанники детского дома обычно рассказывали об игре не от первого лица, а в безличной форме или во множественном числе: «Нужно взять игрушку и отнести кому-нибудь», «В коробочку клали и давали детям». Как показали дополнительные вопросы взрослого, они вообще не помнили, кому и что подарили сами и что подарили им. Главным в их воспоминаниях были правила игры, которые объяснял взрослый и которые они старательно соблюдали (Смирнова, Лагутина, 1991). Очевидно, что у детей из семей воспоминания об игре имеют шанс стать экзистенциальным опытом, а у их сверстников из детского дома – нет.

2.5.4. Когнитивное и аффективное бессознательное в опыте

В современной психологии большое внимание уделяется анализу проблем, которые нельзя понять на основе только рационального знания, когнитивного и ментального опыта. Именно к таким проблемам относятся моральные дилеммы.

Цель раздела – проанализировать роль когнитивного и аффективного бессознательного в понимании людьми моральных дилемм. Я обосную, что в понимании важную роль играют не только осознанные рациональные знания субъекта, но также бессознательное и житейские понятия. Акцент будет сделан на исследовании когнитивного и аффективного бессознательного – непонятных иррациональных компонентов понимания. Доказывается, что существуют такие сферы человеческого бытия, которые вообще не приемлют рационального познания. В подобных сферах есть коренное противоречие между рациональным знанием, объяснением и глубинными эмоциями, переживаниями. Глубинные установки и предубеждения не опираются на разумные суждения, и потому их невозможно разрушить обычной логикой. Главный вопрос, на который сделана попытка дать ответ, заключается в следующем: почему при узнавании факта сожжения Корана или поступка девушек из группы «Пусси Райот» не только осознанные рациональные объяснения, но и бессознательные компоненты поведенческих реакций людей, говорящих на разных языках и проживающих в разных странах, оказываются очень похожими? Объяснение этого феномена в разделе развивается в трех направлениях. Во-первых, приводятся данные о том, что многие моральные и религиозные решения субъект принимает автоматически, интуитивно, бессознательно. Во-вторых, из исследований Ж. Пиаже следует, что некоторые операциональные схемы действий могут противоречить идеям, которые субъект сознательно уже сформулировал. Эти идеи занимают более приоритетное значение, чем схемы действия, и блокируют их интеграцию в сознательное мышление. В-третьих, со ссылкой на результаты психофизиологических исследований обосновывается существование в сознании фильтров, актуализирующихся при соотнесении древних и недавно сформированных культурных феноменов с менее и более дифференцированными мозговыми системами.

В психологической литературе и новейшей истории описано немало событий и ситуаций, понимание которых невозможно без актуализации экзистенциального опыта субъекта. Одним из трех основных компонентов такого опыта является этический, имеющий непосредственное отношение к морали и нравственности. Сегодня человечество живет в условиях серьезных конфликтов между религиозными ценностями (в частности, христианскими и мусульманскими), в значительной мере основанными на принципиально различных моральных представлениях людей. Анализ конфликтов

позволяет утверждать, что существуют такие сферы человеческого бытия, которые вообще не приемлют рационального познания. В подобных сферах есть коренное противоречие между рациональным знанием, объяснением – и глубинными эмоциями, переживаниями.

Напомню, что в XXI в., пожалуй, все началось в 2005 г. с карикатур на пророка Мухаммеда, выполненных датским художником. Эти карикатуры вызвали бурное возмущение мусульман во всем мире. Министерства иностранных дел одиннадцати исламских государств потребовали от датского правительства извинений за публикацию. Некоторые из них, не получив извинений, в знак протеста закрыли свои посольства в Дании. За дипломатическими протестами последовал бойкот датских товаров. В марте 2011 г. в американском штате Флорида пастор-евангелист публично сжег экземпляр Корана. Он и его соратники провели импровизированный суд над Кораном. Посовещавшись несколько минут, они признали книгу виновной в многочисленных преступлениях и приговорили ее к воображаемой смертной казни. Эта акция вызвала переживания, возмущение и протесты мусульман во всем мире (в частности, в Афганистане, были жертвы). Наконец, хорошо известный россиянам случай: 21 февраля 2012 г. прошла акция феминистской группы «Pussy Riot» в столичном храме Христа Спасителя. Девушки, одетые в маски и карнавальные костюмы, устроили импровизированный концерт, исполнив песню «Богородица, Путина прогони». Вскоре они были выдворены из храма.

Все эти события вызвали негативные эмоции у миллионов людей и породили острые дискуссии в СМИ. Во многих дискуссиях приводились разумные, рациональные объяснения причин описанных выше поступков. Например, такие. В сентябре 2012 г. по всему миру, в том числе по Франции, прокатилась новая волна выступлений сторонников ислама против создателей фильма «Невинность мусульман». Реакцией на эти выступления стала публикация в одном из французских сатирических журналов новых карикатур на пророка Мухаммеда. Французский премьер-министр Жан-Марк Эйро сказал, что не считает их опасными, потому что французы живут в стране, где защищается право на выражение собственного мнения. В частности, гарантируется свобода проявления себя в таком жанре изобразительного искусства, как карикатура. Ранее президент США Б. Обама объяснил, что оскорбительное для мусульман видео не удалили из Интернета из-за американской конституции, защищающей право на свободу слова. В противоположность этому

президент Афганистана Х. Карзай, выступая в ООН, призвал западные страны бороться с исламофобией. Он заявил о недопустимости попыток оправдать оскорбление религиозных чувств свободой слова. Он сказал, что такие акты никогда не могут быть оправданы свободой слова... В той же степени они не могут послужить поводом для протестов, которые используются для разжигания насилия и хаоса с ужасными потерями невинных жизней. Но ни один из этих аргументов не успокоил мусульман и не остановил беспорядков на почве межрелигиозной вражды.

Факты таковы, что во всех этих случаях участники массовых возмущений с самого начала не слушали рациональных доводов, основывались на плохо осознаваемых, невербализуемых аргументах, обращались к экзистенциальным переживаниям и по-прежнему продолжают это делать. Отсюда следует, что в мире человека есть экзистенциальные сферы бытия, в которые вообще не следует погружаться даже с самыми благими намерениями. Из этого я делаю вывод, который очевиден, но трудно научно доказуем. Вывод такой: в нашей жизни есть экзистенциальные сферы бытия, в которые вообще не следует погружаться даже с самыми благими намерениями. Описанные протестные настроения и переживания не соприкасаются с разумом. Глубинные установки и предубеждения невозможно преодолеть обоснованными доводами: они не опираются на разумные суждения, и потому их невозможно разрушить обычной логикой. В частности, с этой позиции к обсуждаемой проблеме не имеет прямого отношения вопрос о юридической ответственности за содеянное девушек из группы «Pussy Riot»: какими бы ни были мотивы их поступка, они в любом случае оскорбили бы религиозные чувства православных верующих.

Фундаментальный вопрос, на который должна ответить психологическая наука, заключается в следующем: почему не только осознанные рациональные объяснения, но и бессознательные компоненты поведенческих реакций людей, говорящих на разных языках и проживающих в разных странах, оказываются очень похожими?

Приведу четыре аргумента, которые целесообразно использовать при анализе понимания моральных дилемм в экзистенциальных сферах человеческого бытия, подобных описанным выше.

1. *Религиозное и моральное сознание.* В психике миллионов людей религиозные понятия неразрывно связаны с моральными. В частности, «для многих в Соединенных Штатах моральные нарушения равнозначны нарушениям религиозных норм, действиям, которые

попирают слово Господа» (Хаузер, 2008, с. 32). Особенно отчетливо внутреннее психологическое родство религиозных и моральных представлений проявляется в дискуссиях о допустимости/недопустимости прерывания жизни (аборты, эвтаназия, единичные и массовые убийства и т. п.). Между тем в науке уже есть немало данных о том, что очень многие моральные решения субъект принимает автоматически, интуитивно, бессознательно (Waldmann, 2006; и др.). «Экспериментальные данные показывают, что индивиды оценивают события с моральной точки зрения «автоматически» (Moll et al., 2005, с. 803), выбирают поведение в соответствии с моральными нормами, не вербализуя их и не формулируя каких-либо обоснований (Hauser, 2006a)» (Александров, Александрова, 2009, с. 178).

Большой вклад в психологическое обоснование этой точки зрения внес М. Хаузер. Он выступает против рационалистов, считающих, что моральное решение является следствием рассудочного выбора. Хаузер полагает, что господствующее представление о нравственном решении как результате рассудочного выбора ведет к ошибкам в сфере политики, права и образования (Хаузер, 2008, с. 33). В защиту правомерности своей позиции он приводит данные проводимого по его программе масштабного кросс-культурного исследования. Результаты свидетельствуют о том, что люди разных стран, национальностей, вероисповеданий, сталкиваясь с моральными дилеммами, не имеющими однозначного решения, интуитивно делают сходный выбор (там же).

Однако, выясняя причины одинаковости понимания одних и тех же событий и ситуаций миллионами людей, необходимо анализировать не только сходство религиозного и морального сознания. Сознание религиозных людей имеет и специфические особенности, отличные от мировоззрения атеистов. Эти различия обнаруживаются, в частности, в исследованиях имплицитных представлений российских студентов. Верующим студенты приписывают межличностные и духовные добродетели (способность прощать, чувство благодарности, доброту, скромность), а атеистам – когнитивные и связанные с деятельностью положительные психологические характеристики – лидерство, гибкость мышления, любопытство, креативность, интерес к учению (Кошелева, Осин, 2012). По данным М. Фридмана, убежденные американские верующие отличаются от атеистов меньшей когнитивной сложностью и критичностью в размышлениях об экзистенциальных проблемах, связанных с верой (например, о смерти любимого человека или моральной до-

пустимости аборта). Однако различия в сложности рассуждений о других проблемах (например, об охране окружающей среды) отсутствуют (Friedman, 2008).

В этом контексте требует проверки гипотеза, с помощью которой можно было бы объяснить интуитивный, иррациональный, аналитически не расчлененный характер понимания субъектом других людей. Это гипотеза о преимущественно холистическом, а не аналитическом характере религиозного мышления и мировоззрения. В первом случае континуальность рассматривается как принципиальное свойство мира, нередко наблюдается пренебрежительное отношение к формальной логике и более выражена терпимость к противоречиям. Во втором – преобладает аналитическое мышление, мир представляется дискретным, состоящим из обособленных объектов. Соответственно характеристики объектов объясняются принадлежностью к определенным категориям (Nisbett et al., 2001). Гипотеза о холистичности религиозного мышления частично подтвердилась в интересном исследовании М. Е. Пирс (Pierce, 2007), но пока этого явно недостаточно.

2. *Аффективное и когнитивное бессознательное.* Анализируя причины удивительного сходства понимания событий и поведенческих реакций людей в экзистенциальной реальности, нельзя не упомянуть о «коллективном бессознательном» К. Г. Юнга. Однако, к сожалению, из-за метафоричности и невозможности научного доказательства существования этого феномена я как академический психолог вынужден отказаться от обсуждения этой категории.

Несомненно, более научно обоснованными являются представления Ж. Пиаже о существовании аффективного бессознательного и когнитивного бессознательного (Пиаже, 1996). За почти полвека с тех пор, как Пиаже сформулировал эти идеи, в современной науке появилось множество исследований, направленных преимущественно на психологический анализ содержания и функциональных механизмов когнитивного бессознательного. «На сегодняшний день под общим понятием когнитивного бессознательного объединяются практически все психологические феномены, которые так или иначе могут свидетельствовать о возможности неосознаваемой переработки информации. Среди явлений, относимых к сфере когнитивного бессознательного, можно назвать имплицитное научение, имплицитную память, подпороговое восприятие, прайминг-эффекты, автоматичность, экспертное знание, установку, интуитивные компоненты мыслительной деятельности» (Аллахвердов и др., 2008, с. 10).

Пиаже пишет о том, что обычно субъект не знает, ни откуда приходят его чувства, ни почему. Человек также не осознает структур или функций внутренних механизмов, направляющих его мышление, – ему ясны лишь результаты. Именно эти внутренние механизмы Пиаже называет когнитивным бессознательным. Основополагающим понятиями для объяснения структуры и функций когнитивного бессознательного в концепции Пиаже являются «сенсомоторные схемы» и «операциональные схемы». Он пишет: «Следовательно, проблема может быть сформулирована следующим образом: почему некоторые сенсомоторные схемы становятся осознанными (т. е. принимают репрезентативную, в частности вербальную, форму), в то время как другие остаются бессознательными? Причина этого лежит, по-видимому, в том, что некоторые схемы действий противоречат идеям, которые субъект сознательно уже сформулировал. Ситуацию можно сравнить с аффективным вытеснением: когда чувство или побуждение противоречит эмоции или тенденции более высокого порядка (например, идущей от Суперэго), они устраняются сознательным или бессознательным вытеснением. Таким образом, в познании можно наблюдать механизм, аналогичный бессознательному вытеснению» (Пиаже, 1996, с. 128). По его мнению, осознание – это следствие реконструкции на высшем – сознательном – уровне элементов, которые до этого уже были организованы иным образом на низшем – бессознательном уровне.

3. *Фильтры в сознании.* Мысль о том, что идеи «высшего» уровня могут служить фильтром, препятствием на пути осознания некоторых событий, ситуаций, поведенческих схем действий, получила продуктивное развитие в современных исследованиях формирования субъективного опыта в культуре (Александров, Александрова, 2009). Психолог Ю. И. Александров изучает соотношение мозговых систем на нейронном уровне и культурных влияний как факторов формирования опыта. При этом общая системно-эволюционная закономерность состоит в переходе от менее дифференцированных к более дифференцированным формам. Новые дифференцированные системы сосуществуют с ранее возникшими, менее дифференцированными. С этой позиции мораль сопоставляется с древними рано сформированными элементами мозговых систем, существующих в культуре. Более новыми, дифференцированными являются законодательные нормы и правила. «Из такого представления логически следует, что низкодифференцированные системы общи для разных людей, эпох и ситуаций: масса самых разно-

образных единиц на протяжении всего развития культуры имеет основанием ограниченное число общих низкодифференцированных систем. Они должны быть общими не только для разных эпох, для разных степеней дифференциации культуры, но и для разных культур» (Александров, Александрова, 2009, с. 211). Пока мораль как недифференцированная и, условно говоря, общечеловеческая система выступает в роли внутреннего регулятора поведения, она бесконфликтно существует в психике множества людей и не требует осознания, вербализации. Однако при попытке вербального оформления невербализуемых моральных правил поведения во внешние нормы «они начинают быть соотносимыми с высокодифференцированными системами, приобретая статус внешних законов со всеми вытекающими из этого статуса последствиями. Например, отношение к ним как к правилам, которые могут быть нарушены при возможности избежать наказания, купить безнаказанность за деньги (индальгенция), наличие ситуативной зависимости и пр. Коротко говоря, в такой форме они теряют статус категорического императива» (там же, с. 215). Ясно, что малодифференцированные моральные представления противоречат необходимости осознания и принятия моральных норм и образцов. Это становится одним из психологических механизмов общего для множества людей такого интуитивного понимания-постижения событий в экзистенциальной реальности, которое нельзя превратить в понимание-знание или понимание-интерпретацию.

4. *Коллективное надсознательное.* Необходимо ответить на вопрос: почему на сожжение Корана или поступок участниц группы «Pussy Riot» у тысяч или даже миллионов людей возникают очень похожие реакции? Подобные реакции всегда имеют интересубъектный характер, потому что являются поведенческим проявлением имплицитного интересубъектного содержания экзистенциального опыта людей. Сегодня, исследуя сознание и бессознательное, психологи ищут истоки их формирования не только во внутреннем мире человека, но и в пространстве межсубъектных взаимодействий, на стыке разных ценностно-смысловых позиций общающихся людей. Отличительная особенность современной научной методологии заключается в стремлении ученых снять главное противоречие картезианской картины мира, в которой субъект противостоит объектам, событиям и ситуациям реальной действительности, а опыт и сознание одного человека – коллективному опыту и общественному сознанию. Противоречие снимается путем признания невозможности

описания сознания и опыта конкретного человека только как составляющих его внутреннего мира. Вот как об этом пишет Т.Д. Марцинковская: «Однако если личностный опыт еще может быть получен человеком в собственной индивидуальной деятельности (хотя и трудно представить таковую – совсем без со-действия, интеракции с другими), то появление надличностных феноменов сознания невозможно без общения с другими» (Марцинковская, 2007, с. 37).

Итак, в психологии уже имеется немало доказательств неосознанности и интерсубъектности экзистенциального опыта, лежащего в основе понимания субъектом событий, происходящих в экзистенциальной реальности. Сложные для понимания экзистенциальные моральные дилеммы никогда не смогут пониматься людьми только на основе достоверного верифицируемого научного знания. Такие дилеммы в принципе не имеют однозначного решения. Понимая их, разные люди обращаются к принципиально различным компонентам своего тезауруса, неявного знания и актуализуют индивидуально-личностное аффективное бессознательное, когнитивное бессознательное, а также коллективно-надсознательное. Проведенный анализ также подтверждает то, что юнговское коллективное бессознательное для современной науки оказалось просто ничего не объясняющей красивой метафорой. Коллективного бессознательного как такой формы неосознаваемой психической деятельности, которая является продуктом наследуемых структур мозга и едина для больших групп людей общества в целом, не существует. Люди в разное время и в различных частях света ведут себя сходным способом не потому, что у них какое-то особое коллективное сознание и бессознательное, а потому, что они *люди*. Это значит, что их мозг и психика имеют много общего: операциональные схемы, моральные суждения, фильтры в сознании, бессознательное и надсознательное. Очевидно, что дальнейшее изучение названных феноменов значимо и перспективно как для психологии понимания, так и для психологии человеческого бытия.

2.5.5. *Свое и чужое в экзистенциальном опыте субъекта*

Обозначенная в заголовке проблема в современном мире является чрезвычайно острой и актуальной. В этой связи я раскрою ее содержание, проанализировав характерную для современного мира тенденцию конфликтного противостояния христианских и мусульманских ценностей, а также психологические исследования форми-

рования образа врага. Три описываемых ниже эмпирических исследования, проведенных в семи городах России, объединены общей темой «Образ врага как психологическое основание понимания россиянами мусульманских террористов». В одном изучались представления о мировоззрении и человеческих качествах мусульманских террористов у испытуемых, принадлежащих к разным этнорелигиозным группам. Второе исследование было направлено на анализ отношения к мусульманам у людей, различающихся по личностным характеристикам. В третьем анализировались территориальные различия в отношении к мусульманам и к стратегии государства в борьбе с терроризмом.

Современный мир стремительно меняется: взрывы народного недовольства в Египте, Сирии, Ливии и других странах, «оранжевая» и другие революции, кампания «Оккупируй Уолл-стрит», финансовые потрясения в Европе. В этих условиях образ врага вновь стал одной из значимых составляющих массового сознания, а при попытках его конкретизации многие люди все чаще указывают на мусульман. В наши дни проблема противостояния и якобы несовместимости христианских и мусульманских ценностей переместилась из культурной плоскости в политическую и социально-психологическую, в которых главным становится со-бытие людей и их толерантное отношение друг к другу. Как научные исследования, так и политические тенденции развития современного мира обнаруживают явное неблагополучие в этой сфере.

В США в 2005 г. были опубликованы результаты исследования установок американских христиан по отношению к проживающим в этой стране мусульманам, обнаружилось наличие неявного, выявляемого только с помощью «Теста имплицитных ассоциаций» (Greenwald et al., 1998) предубеждения христиан по отношению к мусульманам. Чем хуже христиане относятся к мусульманам, тем в большей степени у них проявляются антиарабский расизм, авторитаризм правого толка и религиозный фундаментализм (Rowatt et al., 2005). Сходные тенденции развития интолерантности наблюдаются в Европе. 18 октября 2010 г. канцлер Германии А. Меркель сделала заявление, ставшее мировой сенсацией. Обращаясь к участникам конференции христианско-демократической молодежи, глава германского правительства объявила об «абсолютном крахе» политики мультикультурализма. Это произошло после выхода в свет книги главы Бундесбанка Т. Саррацина «Германия самоликвидируется. Как мы ставим на карту нашу страну» (Sarrazin, 2010). В ней

автор открыто говорит об угрозах для Германии, которые несут мигранты-мусульмане. В феврале 2011 г. президент Франции Н. Саркози также признал провал политики мультикультурализма, которая была направлена на сохранение и развитие культурных и религиозных различий во французском обществе.

Однако за неудачу в построении многонационального и многоконфессионального государства ответственны не только мусульмане, но и христиане. По результатам опроса, проводившегося в 2006 г., 98% немцев связывают ислам с террором и насилием, 83% характеризуют мусульман как религиозных фанатиков, 61% немцев сомневаются в том, что ислам может сосуществовать в мире с христианством, и только 6% высказывают по отношению к исламу симпатию (Pötzl, 2008, с. 11). Вместе с тем фатальными для интеграции общества являются такие речи, как, например, произнесенная в Кельне перед 20 тыс. восторженных слушателей – эмигрантов из Турции турецким премьер-министром Р. Т. Эрдоганом: «Никто не может ожидать от вас, что вы ассимилируетесь. Ассимиляция – преступление против гуманности» (там же). Не лучше, чем в Европе, с преодолением атмосферы вражды дело обстоит и в исламском мире. В 2011 г. ученые из Стамбульского университета провели исследование среди молодежи с целью определить уровень радикальных и экстремистских взглядов. Было опрошено более 1,5 тыс. молодых людей из разных городов Турции в возрасте от 17 до 25 лет. Результаты опроса показали, что около 60% опрошенных не хотели бы видеть своими соседями евреев и более 52% – христиан.

Усиление исламского фактора в общественно-политической жизни, нередко сопровождающееся проявлениями экстремизма, наблюдается во многих регионах мира. Типичный пример – серия террористических атак в Нигерии, направленных против прихожан, которые выходили из храмов после праздничной службы. 25 декабря 2011 г. в разных городах страны были взорваны пять христианских церквей, где проходили рождественские богослужения. Ответственность за теракты взяла на себя радикальная исламистская группировка «Боко Харам». Название этого политического объединения в расширительном смысле можно перевести как «запрет западного (не мусульманского) образа жизни». Оно добивается введения шариата на всей территории самой многонаселенной (почти 150 млн человек) страны Африки.

Процессы возрождения ислама наблюдаются и в России. У нас в стране это проявляется, в частности, в том, что «здесь окрепло ис-

ламистское фундаменталистское движение, основанное на принципах салафийи (направления, выступающего с призывом ориентироваться на образ жизни и веру ранней мусульманской общины и квалифицирующего как порицаемое заблуждение все нововведения), ориентирующее на политическую борьбу, захват власти, построение исламского государства на всем Северном Кавказе» (Буттаева, 2011, с. 3–4). Неудивительно, что многих известных общественных деятелей и ученых беспокоит то, что негативной стороной исламизации во многих регионах современного мира оказывается такое смещение в представлениях об общечеловеческих ценностях, на основании которого становятся допустимыми теракты и другие проявления массового насилия. Например, В. Ф. Петренко пишет: «В наших послылках мы исходим из того, что террористические акты 11 сентября идеологически являются патогенной мутацией ислама, который как одна из мировых религий содержит в своей основе некие общечеловеческие ценности, и как мутация могут произойти и в рамках иного религиозного или квазирелигиозного сознания» (Петренко, 2010, с. 258).

В психологической науке более общим контекстом по отношению к решению проблем конфликтного противостояния христианских и мусульманских ценностей является анализ внешних и внутренних психических условий формирования образа врага. Последнее как политическая и социально-психологическая проблема очень актуально для нашей страны. В современной России дихотомическое деление людей по признакам «мы – они», «свои – чужие», «друзья – враги», к сожалению, стало повседневной реальностью. Все политики и общественные деятели на словах стремятся к всеобщему благоденствию и справедливому социальному устройству. Однако, не зная основ общественной психологии, нередко они выбирают средства достижения этих целей, способствующие нарастанию социальной вражды, разжиганию межнациональной и межконфессиональной розни. Примером может служить главный лозунг «За русских!» одной из парламентских партий.

Сегодня дискурс публичных обсуждений включает множество высказываний, в которых упоминаются названия политических партий, движений, религиозных конфессий, явно неудачные с точки зрения провозглашаемой их сторонниками направленности на объединение российского общества: «Наши», «Общенациональный народный фронт», «Народное ополчение», «Мусульманский терроризм» и т. п. Участие больших групп молодежи в движении

«Наши» основано на социальном представлении о существовании «ненаших». Выражение «мусульманский терроризм», политически некорректное и неверное по существу, разделяет мусульман (в их не менее 20 млн) и россиян, исповедующих другие религии, а также атеистов. В мирное время в невоюющей стране странно слышать об ополчении – военном формировании, создающемся во время войны и предназначенном для пополнения действующей армии. Назвав новое политическое движение «Общенациональным народным фронтом», его создатели наверняка имели в виду одно из переносных значений слова: «Фронт – объединение общественных сил для действий в каком-нибудь направлении» (Ожегов, 1988, с. 701). Между тем большинство основных словарных значений этого понятия указывают на место, район военных действий, разделяющих воюющих *противников*.

Можно предположить, что в нашей стране с ее богатой военной историей у людей, далеких от политики, актуализируется, прежде всего, прямое значение слова «фронт», связанное с войной и противостоянием. Предварительное эмпирическое подтверждение этого мнения можно получить путем элементарных опросов. Например, летом 2011 г. я попросил 50 человек из семи городов назвать три слова, ассоциирующихся со словом «фронт». Из 150 ассоциаций 127 были связаны с противостоянием в социальном и природном мире: «борьба», «враги», «смерть», «грозовой», и только в 23 случаях были названы «общественное объединение», «народный», «коррупция», «Рот Фронт». Очевидно, что у этих 50 человек значимо преобладают ассоциации, связанные с основными значениями обсуждаемого понятия ($p < 0,001$). Следовательно, использование лексики, подобной приведенной выше, явным, а еще в большей степени – неявным, неосознаваемым образом способствует не объединению, а, наоборот, разъединению людей по различным основаниям.

Все сказанное выше о дихотомиях можно было бы считать недоразумением, если бы названные дискурсивные оппозиции не порождали конфликты в сознании многих россиян. А поскольку сознание неразрывно связано с действием, то конфликтные представления, существующие у больших социальных групп, нередко проявляются в поступках, направленных против тех, кого они не только внутренне не принимают, но и на поведенческом уровне отвергают. Достаточно вспомнить беспорядки в карельском городе Кондопога в сентябре 2006 г., 11 декабря 2010 г. на Манежной площади в Москве, нападение на участников пикетов движения «Наши» со стороны

защитников Б. Немцова рядом со следственным изолятором, в котором его содержали в январе 2011 г.

Основная задача заключалась в том, чтобы выяснить, связывается ли в обыденном сознании россиян образ врага с человеком, исповедующим ислам, и причисляют ли они граждан нашей страны, совершающих теракты, к мусульманским террористам.

Для реализации этой цели было проведено три исследования.

Этнорелигиозная принадлежность испытуемых и их представления о террористах. В научной литературе распространено суждение об этнорелигиозной природе терроризма: большинство терактов совершают исламские радикальные фундаменталисты и, следовательно, мусульманское религиозное мировоззрение якобы является одним из источников, питательной средой для взращивания террористов. В этой связи цель *первого* этапа исследования заключалась в определении того, согласны ли с этим суждением россияне. В нем приняли участие 661 житель Москвы, Самары, Саранска и Краснодарского края (Сочи, Майкоп, Краснодар) – 423 женщины и 238 мужчин в возрасте от 17 до 85 лет ($M = 27,7$ года, $SD = 12,1$).

Методика. Испытуемые анонимно отвечали на пять вопросов. Первый относился к мнению участника исследования о том, представители какой этнорелигиозной группы чаще других совершают теракты на территории нашей страны. Выбор осуществлялся из официально признанных в России девяти конфессий: христиане-православные; христиане-католики; христиане-протестанты; поволжские мусульмане (татары, башкиры и др.); северокавказские мусульмане (чеченцы, дагестанцы, ингуши и др.); среднеазиатские мусульмане (таджики, узбеки и др.); «внешние» мусульмане (постоянно проживающие в России арабы, турки, курды и др.); иудеи (приверженцы еврейских религиозных и культурных традиций); буддисты – и неверующие, атеисты.

Затем по шестибальной шкале (от «полностью согласен» до «совершенно не согласен») испытуемые указывали степень своего согласия/несогласия с тремя следующими утверждениями:

- «Люди из этой этнорелигиозной группы составляют значительную часть населения России, они имеют такое же право на свою религиозную веру (в том числе на исполнение религиозных обрядов в предназначенных для этого культовых зданиях и сооружениях), как и я»;

- «Не террорист, а любой другой представитель этой этнорелигиозной группы вполне может быть хорошим добрым человеком»;
- «Люди из этой этнорелигиозной группы могут быть моими друзьями».

В завершение следовал вопрос об этнорелигиозной самоидентификации: «Укажите, к какой из перечисленных выше групп вы относите себя».

Статистическая обработка данных осуществлялась методом χ^2 и с помощью непараметрического критерия Манна–Уитни.

Результаты. Из 661 человек 545 считают, что теракты чаще всего совершают северокавказские мусульмане ($p < 0,001$). Значение статистического критерия Хи-квадрат с вероятностью ошибки 0,1% позволяет утверждать, что это – не случайное, а закономерное мнение данной выборки испытуемых. В исследовании приняли участие 90 человек, отнесших себя к северокавказским мусульманам, 67 из них тоже разделяют мнение о том, что именно мусульмане с Северного Кавказа чаще всего совершают теракты, и оно неслучайно ($p < 0,001$).

Две наиболее многочисленные части выборки составили православные христиане (443 чел.) и северокавказские мусульмане (90 испытуемых). Чем различаются ответы двух указанных групп? Христиане скорее не согласны, а мусульмане скорее согласны с правом террористов на свою религиозную веру ($p < 0,001$). Христиане в меньшей степени, но все-таки согласны с тем, что мусульманин может быть хорошим человеком ($p < 0,004$).

Однако если проанализировать результаты всей выборки, то становится ясно, что в целом испытуемые проявили религиозную терпимость: 458 из них согласны с правом террористов на религиозную веру и только 203 не согласны ($p < 0,001$). Сравнение 458 согласных и 203 несогласных показывает, что согласные в большей степени верят в возможность доброты народа, к которому принадлежат террористы ($p < 0,001$). Несогласные, в отличие от согласных, не хотят иметь друзей из этой этнорелигиозной группы ($p < 0,001$). Итак, во-первых, нет сомнений в том, что в сознании значительной части россиян теракты ассоциируются с мусульманским терроризмом. Во-вторых, мировоззренческое принятие или отвержение северокавказских мусульман как потенциальных террористов распространяется на всю эту этнорелигиозную группу: на специфику понимания ее отдельных представителей как хороших добрых людей и потенциальных друзей испытуемых.

Отношение к мусульманам и личностные характеристики испытуемых. Цель *второго* этапа исследования заключалась в определении личностных особенностей людей, более и менее позитивно относящихся к мусульманам. В нем приняли участие 153 жителя Москвы, Самары и Орла (91 женщина и 62 мужчины) в возрасте от 17 до 58 лет ($M = 30,4$ года, $SD = 12,9$).

Методика. Сначала испытуемые анонимно заполняли опросники: «Тест жизнестойкости» в адаптации Д. А. Леонтьева и Е. И. Расказовой; «Личностный дифференциал» (Е. Ф. Бажин, А. М. Эткин); «Шкала тревоги смерти DAS» Д. Темплера в адаптации Т. А. Гавриловой (с точки зрения литературных норм русского языка опросник правильнее было бы перевести название данного опросника как «Шкала страха смерти»). Затем по шестибалльной шкале (от «полностью согласен» до «совершенно не согласен») испытуемые отвечали на 12 вопросов. Они касались четырех предметных областей: представлений испытуемых о личностных и социально-демографических характеристиках террористов, оценки вероятности стать жертвой теракта, отношения к методам проведения контртеррористических операций, отношения к мусульманам. Здесь проанализируем только ответ на ключевой вопрос из последней группы: «Русским людям трудно так же хорошо относиться к мусульманам, как к православным христианам».

Результаты. Основная задача состояла в выявлении личностных различий между испытуемыми, согласными с тем, что к мусульманам трудно относиться так же, как к православным, и не согласными с этим. Первая группа (84 человека) не отличается от второй (69 испытуемых) по полу, но немного младше: $M = 27,9$ года и $M = 33,5$ года, $p < 0,03$. По критерию χ^2 различия между числом членов в группах статистически не значимы. Значит, нельзя утверждать, что в выборке преобладают «согласные» или «несогласные». Однако различаются ли они по личностным характеристикам?

У согласных с трудностью принятия мусульман выше самооценка своих нравственных качеств по шкале *оценка* из методики «Личностный дифференциал» ($p < 0,00$) и волевых качеств (*сила*: $p < 0,002$). Вместе с тем по «Шкале DAS» у них выше показатели осознания быстротечности времени жизни ($p < 0,007$) и озабоченности болью и стрессом ($p < 0,01$). У них также ниже общий показатель жизнестойкости из методики «Тест жизнестойкости» ($p < 0,05$) и оценки по шкале этого опросника *вовлеченность* ($p < 0,03$).

Следовательно, мировоззренческое убеждение в трудности формирования хорошего отношения к мусульманам связано с психологическими особенностями личности человека. У тех, кто согласен с утверждением, более высокая самооценка, сочетающаяся с осознанием быстротечности жизни, неизбежно приближающей субъекта к смерти, и озабоченностью физической болью и стрессом, которые могут возникнуть при смертельных заболеваниях. Люди, лучше относящиеся к мусульманам, характеризуются большей жизнестойкостью, препятствующей возникновению внутреннего напряжения в стрессовых ситуациях (за счет стойкого совладания со стрессами и восприятия неприятных событий как менее значимых). Им присуща убежденность в том, что вовлеченность в происходящее дает максимальный шанс найти нечто стоящее и интересное для себя.

Связь личностных качеств испытуемых с существующими в их сознании образами мусульманских террористов соответствует результатам проведенных ранее исследований понимания и переживания россиянами террористической угрозы. Макиавеллисты в меньшей степени, чем немакиавеллисты, переживают возможность стать жертвой теракта. Они понимают теракты прежде всего как способы решения задач, достижения определенных целей террористами и теми, кто за ними стоит: «Попытка решить свои проблемы за чужой счет». Испытуемые с высоким уровнем контроля ситуации по Шкале базисных убеждений понимают теракты как средство достижения политических, религиозных и других целей психически неуравновешенными людьми, которые не видят иных способов решения проблем: «Теракты совершают люди, которые боятся (и потому бьют из-за спины), но не знают других методов».

Таким образом, исследование религиозных, конфессиональных предпочтений людей в контексте понимания террористической угрозы, безусловно, должно включать психологические компоненты.

Территориальные различия в отношении к мусульманским террористам. На третьем этапе исследования анализировались различия в отношении россиян, проживающих в разных регионах страны, к стратегии государства в борьбе с терроризмом. Цель *третьего* этапа – сравнить результаты жителей Казани с данными, полученными в Москве и Саранске. Больше половины жителей Казани составляют татары (Ванюхина, Григорьева, 2011): можно предположить, что процент мусульман среди них выше, чем в двух других городах. На этом этапе в исследовании приняли участие 391 житель

Москвы, Саранска и Казани (242 женщины и 149 мужчин) в возрасте от 17 до 74 лет ($M = 25,3$ года, $SD = 11,4$).

Методика. Испытуемые отвечали на те же 12 вопросов, что и на втором этапе. Анализировались ответы испытуемых из разных городов по блоку отношения к методам проведения контртеррористических операций. Этот блок включал три вопроса: «По вопросу переговоров с террористами российское правительство, в отличие от западных стран, занимает очень жесткую позицию: мы никогда не будем вести переговоров, с террористами нужно не договариваться, а уничтожить их. Вы согласны с такой точкой зрения?»; «Теракты, осуществленные на территории Российской Федерации, стали возможными в основном вследствие неэффективной работы правоохранительных органов»; «Государство должно бороться с террористами правовыми методами: не уничтожать их, а арестовывать и судить. Например, если боевики засели в окруженном правоохранительными органами доме, то надо не расстреливать и разрушать дом, а предпринять длительную осаду (пока у них не закончатся продукты)».

Результаты. Казанцы не согласны с тем, что террористов нужно уничтожать, а не договариваться с ними; саранцы, наоборот, считают переговоры ненужными ($p < 0,01$). Москвичи присоединяются к мнению саранцев и также отличаются от жителей Казани ($p < 0,001$). Ни одна из групп испытуемых не согласна с тем, что с террористами следует бороться исключительно правовыми методами. Однако москвичи и саранцы более категоричны в своем несогласии, чем казанцы ($p < 0,02$). С неэффективностью работы правоохранительных органов согласны все испытуемые, значимых различий между ними нет.

Итак, по мнению многих россиян, главная задача нашего государства состоит в том, чтобы уничтожить террористов, а не арестовывать и судить их. Мне с таким мнением согласиться трудно, все-таки цивилизованное государство должно ориентироваться на законы, а не на эмоции и инстинкт самосохранения. Подводя итог анализу территориальных различий, можно сказать, что жители Казани, среди которых предположительно больше мусульман, считают, что с мусульманскими террористами необходимо вести переговоры. Они в меньшей степени, чем москвичи и саранцы, убеждены в невозможности борьбы с террористами исключительно правовыми методами. Вероятно, дело здесь не в оправдании людей, совершающих теракты, а в лучшем понимании мотивов их поведе-

ния. Можно предположить, что жители Казани, знающие исламский мир, его социокультурные традиции лучше, чем москвичи и саранцы, осознают то, что террористов следует понимать как людей с иными, отличными от их собственных мировоззрением и поведением.

Общее обсуждение. В XX в. понимание и принятие другого стало чуть ли не главной проблемой современного мира. Неудивительно, что изучением национальных, социальных, психологических закономерностей принятия и отвержения людьми «экзистенциального Другого» активно занимаются ученые самых разных специальностей, в том числе психологи. Другой, утверждающий свой субъектный статус путем противопоставления окружающим (членам коллектива, представителям власти и т. п.), – это, как правило, человек с драматической судьбой. «Утверждая себя через оппозицию «Я» и «Не-Я», этот субъект рассматривает весь мир как тотальное «Не-Я», являясь в свою очередь вечным Другим по отношению к коллективному субъекту. Такой Другой – личность, не вписывающаяся в общество, противопоставляющая себя общепринятой системе норм и творящая свой собственный универсум по своим собственным правилам, – всегда был основой многочисленных репрезентаций. В основе противопоставления такой необычной личности культуре большинства лежит оппозиция «Мы» и «Я», коллективная или групповая идентификация в противовес индивиду, который находит в себе смелость остаться за пределами сообщества» (Шапинская, 2009, с. 49).

В наше время ярким, привлекающим всеобщее внимание примером «экзистенциального Другого» является выдающийся российский математик Г. Перельман, первым доказавший гипотезу Пуанкаре. В 1996 г. он был удостоен премии Европейского математического общества для молодых математиков, но отказался ее получать. В 2006 г. он отказался от медали Филдса, в 2010 г. – от премии в размере миллиона долларов за решение одной из семи проблем тысячелетия. Перельман не проявляет интереса к научной карьере, живет с матерью, ведет замкнутый образ жизни, игнорирует прессу. Не поддающаяся рациональному объяснению неординарность мышления и выходящая за рамки повседневного опыта «инаковость» поведения выдающегося ученого привлекли к нему повышенное внимание СМИ и многих обывателей. М. Гессен была предпринята интересная и весьма правдоподобная попытка описания личности и объяснения мотивов поступков Г. Перельмана (Гессен, 2011). Од-

нако ее книга только подтвердила очевидное: имея дело с «экзистенциальным Другим», невозможно достичь понимания, основанного на знании. В результате исследователю приходится довольствоваться во многом интуитивным постижением.

Еще более отчетливо отвержение другого человека выражено тогда, когда понимающий субъект считает его чужим. В нашем исследовании подавляющее большинство испытуемых были убеждены в том, что теракты чаще всего совершают северокавказские мусульмане, исповедующие ислам. В США аналогичный результат получен Дж. Парк с соавт.: наиболее значимым атрибутом, понятием, ассоциирующимся с арабами-мусульманами, является «терроризм». Это неудивительно, потому что в XXI в. для американцев оценка возможной террористической угрозы стала одним из приоритетов личной и национальной безопасности (Park et al., 2007).

В этом контексте сегодня очень значимым является научный анализ двух психологических и социокультурных проблем – закономерностей формирования образа чужого, в частности врага, и идентификации, умения посмотреть на мир глазами другого, поставить себя на его место. Я попытаюсь обосновать, что две названные проблемы тесно связаны между собой, научный анализ одной невозможен без углубленного изучения другой.

Проблемы стары, как мир: греки противопоставляли себя варварам, христиане – язычникам, Запад – Востоку. В основании этих и других оппозиций лежит «негативная идентичность»: стремление не понять своеобразие, инаковость другого, а интерпретировать его как искаженное свое. Еще Геродот, описывая греко-персидские войны, использовал по отношению к персам набор негативных штампов: они корыстны, коварны, порочны, малокультурны; если они побеждали, то лишь благодаря своей несметной численности, победы греков обусловлены их мужеством и воинской выучкой. В наше время широкую известность приобрела книга Э. Саида об ориентализме как западной модели отношения к другим культурам (Саид, 2006). Ее основной тезис заключается в том, что западные исследования избобилуют стереотипами об инаковости и отсталости Востока, особенно исламского мира. В то же время они лишают его идентичности и суверенности (Саид, 2006). В такой интерпретации весь восточный мир в значительной степени понимается как искаженный, неправильный, недоразвитый западный.

Однако негативная проекция вместо идентификации и стремления постигать психологию других не только способствует поро-

дению образов врагов, но и мешает самопониманию западных людей. Это обусловлено тем, «что «не-Я», чужое, все равно останется конструкцией нашего Я, поскольку мы будем выделять в нем именно то, что так или иначе перекликается с нашим «Я». То есть наш «Я-образ» уже заложен в саму модель чужого. Из этого вытекает четвертый принцип (ксенологии. – В. 3.): образ чужого в той или иной культуре (равно как и для той или иной личности) может служить важным показателем уровня ее собственного развития: скажи мне, какой твой чужой, и я скажу тебе, какой ты! Ибо образ чужого может быть инструментом как самоутверждения (чаще всего), так и самопонимания, самооценки, самокритики и даже самосовершенствования! Иными словами, образ чужого сделан из «материала заказчика» – «Я-образа», его страхов, ожиданий, комплексов, ревности, любви, ненависти, чувства справедливости и т. п.» (Лысенко, 2009, с. 62–63). Однако в современном мире чужой превратился в потенциального нарушителя культурной безопасности (Романова и др., 2013), особенно если он – террорист. Между тем уже давно научно доказано, что враждебность субъекта по отношению к чужому, нередко проявляющаяся в криминальном и девиантном поведении, в конечном счете негативно влияет на формирование когнитивной и аффективной сферы его собственной личности (Ениколопов, 2007).

Из культурологических исследований также известно, что «отличие, инаковость – неотъемлемая часть нашего собственного существования, и иногда они становятся прямым условием нашей идентичности и образуют своего рода онтологическое единство. «Чужой» нередко является частью нас самих» (Шулакевич, 2008, с. 112). Для того чтобы быть собой и понимать свой экзистенциальный опыт, мы должны осознавать неизбежность и закономерность обращения к опыту других, потому что наш опыт в значительной степени является его превращенной формой. Тем не менее распространенная в современном мире конфликтная практика межконфессиональных отношений, проявляющаяся в «мусульманском» терроризме, обнаруживает, что у представителей и христианского, и исламского мира вместо идентификации и стремления постигать психологию друг друга нередко наблюдается негативная проекция, способствующая порождению образа врага и мешающая самопониманию.

В современной науке заметное место занимают исследования проблем формирования представлений о чужом человеке и образе врага (Альперович, 2010; Тулинова, 2005; Цепцов, 2007; Hess-Lüttich, 2009; Oppenheimer, 2010; Post, 2005б). В российской психологии цен-

ностно-смысловая и возрастная динамика различения своего и чужого представлена в исследованиях самоактуализации личности в процессе общения с другим (Рябикина, Сомова, 2001), идентификации другого человека в качестве врага или друга (Тулинова, 2005), трансформации социально-психологических характеристик представлений о друге и враге (Альперович, 2010). В социальной психологии показано, что в общении идентификация другого человека в качестве врага осуществляется на основе комплекса межличностных отношений. Образ врага имеет устойчивое ядро и периферию, которые незначительно различаются по своим психологическим качествам у мужчин и женщин (Лабунская, 2013).

Один из социально значимых эмпирических контекстов изучения названных проблем – психологический анализ буллинга (Fitzpatrick M. E. et al., 2011), частным проявлением которого является «школьная травля». Исследовавшие этот феномен В. С. Собкин и О. С. Маркина отмечают, что «высказывания всех участников буллинг-поведения указывают на проблему «инаковости»: «новенькие», «глупые», «наивные и доверчивые», «интриганы» и «выделяющиеся из толпы» дети становятся жертвами преследования. Они воспринимаются членами группы как «чужие», инакомыслящие, отвергающие свою групповую идентичность и получают клеймо «чуждого элемента общества»» (Собкин, Маркина, 2009, с. 51).

Теоретическое обоснование различения своего, чужого (пока не своего, но могущего стать таким) и чуждого, не приемлемого субъектом ни при каких обстоятельствах, ясно и понятно представлено в тезаурусной концепции организации субъектного знания (Луков, Луков, 2008) и в модели восприятия чужого Б. Шефера и Б. Шлёдера (Шефер Б. и др., 2004). В названной модели понятие чужого (человека) характеризуется посредством соотношения трех переменных – знания, опыта и идентичности (как неизвестного, неопытанного и «не своего»).

Чужое как неизвестное. В этом случае под чужим понимается все в другом, что человеку неизвестно, к чему он безразличен либо испытывает опасение или даже антипатию. Отсутствие знаний компенсируется стереотипами: в процессе понимания людьми критических ситуаций человеческого бытия социальные стереотипы нередко формируются по принципу «у страха глаза велики». Например, в наших предыдущих исследованиях контекстом, семантическим фоном понимания были стереотипные, не соответствующие действительности представления о террористах как необразованных, психичес-

ки неуравновешенных агрессивных фанатиках, для которых чужая жизнь ничего не стоит. Без преувеличения можно сказать, что 99% испытуемых понимают психологию террористов так: «ожесточенные, затаившие обиду психически больные люди»; «не любящие свой народ, бедные умом, безнравственные, бесчувственные, потерянные, озлобленные, запрограммированные на смерть»; «религиозные фанатики, не способные контролировать свои действия из-за психологического или иного воздействия на их волю, им плевать на человеческие жизни в угоду денег»; «люди, которые ненавидят весь мир»; «самоубийцы, не задумывающиеся о других людях, о чужих жизнях, потерявшие веру в добро и мир на земле». Однако такой психологический портрет террориста совершенно не соответствует многочисленным научным данным. Согласно исследованиям, у исполнителей терактов нет высокого уровня психопатологии (Moghaddam, 2005), они религиозны, вежливы, серьезны, спокойны, целеустремленны, отчужденны и немногословны (Grimland et al. 2006). Такой портрет весьма отличается от стереотипа импульсивного жестокого мусульманского террориста. Тем не менее большинство наших испытуемых склонны искать причины терактов, прежде всего, в психологическом облике и целях организаторов и исполнителей взрывов (в частности, в московском метро).

Чужое как неиспытанное. «Явления, о которых у человека имеются знания, но которые им не освоены, тоже могут восприниматься как чужие....В этом случае свойства и формы поведения постороннего объекта известны, однако в конкретных условиях они не испытаны и не пережиты» (Шефер и др., 2004, с. 24). В наших исследованиях эта форма понимания чужого проявлялась в таком знании о мусульманских террористах, которое недостаточно осмыслено людьми. Жители Самары, Орла и других городов не имели конкретного опыта понимания и переживания терактов, поэтому такие знания не стали частью их экзистенциального опыта. Благодаря приобретению нового знания и его переживанию чужое может либо стать своим, либо окончательно превратиться в чуждое, «не свое», несовместимое с ценностями субъекта.

Чужое как «не свое». Не свое, чуждое – это то, что противоречит ценностям, нормам, принципам и жизненным ориентациям субъекта. «Не свое» в обсуждаемой модели определяется как такое несоответствие главным особенностям человека, восприятие которого связано с отрицательной эмоциональной валентностью, а своего – с положительной.

«Особая проблематика восприятия чужого возникает в результате определенной констелляции трех переменных – неизвестного, освоенного и отношения к «своему». Чужое в более специфическом и узком смысле как просто неизвестное и неиспытанное означает, что данное положение вещей пока воспринимается как «свое», но процесс познания еще не продвинулся настолько далеко, чтобы «другой» был бы провозглашен «своим». Это состояние обозначается как угроза идентичности, связанная с противоречивыми чувствами» (Шефер и др., 2004, с. 29).

Исследование, проведенное нами на взрослых испытуемых, показало, что в основе понимания террориста лежит образ врага – чужого, который скорее внушает страх и актуализирует мысли о собственной смертности, чем побуждает к рациональному осмыслению проблем, связанных с террором. В представлениях о враге центральное место занимают эгоистичность, агрессивность и подозрительность. «Чем интенсивнее выражен комплекс отношений (враждебности, доминирования, агрессивности, подозрительности, эгоистичности), тем выше уровень маскулинизации врага и тем ниже оценка характеристик его внешнего облика»» (Тулинова, 2005, с. 8).

Контрастными по отношению к российским являются данные, полученные Л. Оппенгеймером на голландских детях и подростках 7–13 лет. В его исследовании показано, что образ врага у старших детей отличается от образа у младших большей когнитивной сложностью. Старшие приписывают больше положительных качеств врагу, что может быть связано с развитием способности поставить себя на место другого. На вопрос о том, есть ли различия между врагом и самим респондентом, во всех возрастных группах большинство детей отвечали утвердительно. Однако с возрастом дети становятся все менее уверены в различии: если у семилеток таких детей 96%, то среди тринадцатилетних сохраняют уверенность уже только 59% (Oppenheimer, 2010). Эти данные говорят о возрастной динамике развития когнитивной сложности межличностного понимания и идентификации, способности взглянуть на мир глазами другого (даже если он враг).

Наше исследование показало, что понимание террористической угрозы и отношение к террористам у жителей разных регионов страны неодинаково: точку зрения, близкую к суждениям голландских детей, способны высказать не все испытуемые, а только те, кто ближе к мусульманской среде. Чем в большей степени человек погружен

в мусульманские культурные традиции, больше знает о них, тем реалистичнее его понимание причин терактов и природы исламского терроризма. Различия в понимании одних и тех же событий представителями мусульманской культуры и других российских культурных традиций, в том числе ориентированных на западное мировоззрение, следует искать в неодинаковости способов осмысления мира, придании разного значения когнитивному осознанию и иррационально-чувственному переживанию. Одни и те же события представители мусульманской культуры и других российских культурных традиций понимают по-разному (Кирабаев, 2002). Важную роль в понимании терроризма и террористической угрозы играют принципиально различные типы человеческого бытия, порождающие неодинаковый опыт и знания людей. Например, чем в большей степени американские студенты-христиане знакомы с исламскими духовными текстами, тем меньше они согласны с тем, что их сограждане-мусульмане склонны с пренебрежением относиться к христианству и готовы осквернять его святыни (Abu Raiya H. et al., 2008).

Работы западных психологов, проводящих исследования с позиций идентификации, попыток взглянуть на проблему изнутри, глазами самих террористов, выявляют отличный от европейского взгляд на проблему (Мохаддам, 2011; Post, 2005a). Как выяснил Дж. М. Пост, который интервьюировал исламистов, осужденных за совершение терактов, большинство из них отнюдь не являются психически неуравновешенными одиночками. Напротив, они жили в условиях поддержки общины и уважения со стороны входящих в нее людей. Семьям террористов, которые были ранены, взяты в плен или убиты, оказывалась значительная экономическая помощь. Участники вооруженных атак считались героями. Юноша, принадлежавший к движению Хамас или Фатх, считался выше по статусу, чем его сверстник, не принадлежащий к какой-либо группировке (Post, 2005a).

В последнее время в Европе камнем преткновения во взаимном непонимании мусульман и христиан стал вопрос о женских платках, закрывающих лицо. В нем особенно отчетливо видна тенденция христиан принимать решение о недопустимости ношения женщинами таких элементов одежды в публичных местах преимущественно на основании проекции, а не идентификации. Например, после 11 сентября 2001 г. авторы статей в журнале «Шпигель» стали значительно более критически относиться к платку как сим-

волу исламской интолерантности, фундаментализма, терроризма, политического ограничения, притеснения женщин, как препятствию на пути интеграции мусульман в Германии (Hess-Lüttich, 2009). Иначе говоря, кусок ткани превратился в явный признак врага. Многие европейские политические деятели говорили, что такая одежда унижает достоинство женщин, ограничивает их свободу, нарушает права человека. Однако мусульманки (Ф. Лудин и др.) утверждают, что, наоборот, предписания, касающиеся того, что можно носить, а что нет, – это и есть ограничение свободы и унижение достоинства (Hess-Lüttich, 2009). В Бельгии одна из клиенток адвоката И. Вутерс, мать четырех детей, требует аннулировать закон, запрещающий закрывать лицо в публичных местах. Она аргументирует это тем, что никто ее не принуждал носить паранджу, и она не понимает, почему ее нужно снять. По ее мнению, она больше не может быть свободной женщиной, выходящей из дома, например, в магазины, так как стала узницей этого закона.

С одной стороны, аргументы представителей власти выглядят вполне убедительно: по правилам общественной безопасности абсолютно неприемлемо, когда кто-то выходит на улицу, замаскировав лицо так, что невозможно установить личность. С другой стороны, видно, что некоторые европейцы и американцы отличаются незнанием восточных культурных традиций и искренним «ориенталистским» (Саид, 2006) убеждением в том, что только их понимание достоинства и прав человека является истиной в последней инстанции. С психологической точки зрения это проекция без каких-либо попыток идентификации. Очевидно, что на таких основаниях можно сформировать образ врага, но нельзя прийти к взаимопониманию и согласию с другими.

Итак, понимание чужого, инакомыслящего как врага – общеловеческая и, в частности, общепсихологическая проблема. В контексте понимания террористической угрозы важную роль играют психологические исследования религиозных, конфессиональных, личностных предпочтений людей. Такие исследования обязательно должны включать анализ самопознания и самопонимания, потому что ответы на вопросы о том, чем я отличаюсь от чужого, могут препятствовать отрицанию и негативной идентификации людей с иным, отличным от нашего образом мышления. Значительный вклад в понимание личности и мотивов поведения мусульманских террористов вносят и знания об обычаях и нормах поведения в мусульманской социокультурной среде, исламском мире.

Проведенные исследования ставят перед психологами множество вопросов и главный из них – зачем вообще нужно изучать, как люди понимают мировоззрение и личность террористов? Ответ на него простой: без знаний об общих и территориально специфических особенностях понимания невозможно разработать эффективные программы профилактики терроризма и экстремизма. И задача здесь заключается в том, чтобы от понимания террориста как чуждого перейти к пониманию его как чужого, «экзистенциального Другого» (Шапинская, 2009). Понять – не значит принять. Однако если не увидеть в террористе субъекта, хотя и с чуждым, неприемлемым для нас мировоззрением, но обладающим именно человеческими чертами, то нельзя надеяться на продуктивное и эффективно-действенное понимание современной ситуации терроризма.

Таким образом, представления о своем и чужом во внутреннем мире, экзистенциальном опыте субъекта, общающегося с другими людьми, несомненно, сказываются на его понимании их психологического облика.

2.6. Экзистенциальные события и критические ситуации человеческого бытия

Человеческое бытие наполнено событиями, отсутствие событий – признак биологической смерти или психологического умирания. Событие в самом общем виде можно определить как «локальное структурирование бытия в сжатые промежутки времени – в данный момент, здесь и сейчас... Событие – не просто место, занимаемое в течении бытия, а совершение самого бытия, его фрагмент или эпизод» (Барабанщиков, 2002, с. 13). «Событие – плод стечения обстоятельств, когда возможное становится фактом бытия. В этом смысле оно неповторимо и необратимо. Выполнив свое назначение или роль, событие переходит в инобытие: преобразуется и существует в латентной форме – прошлого в настоящем» (там же, с. 14).

В психологии человеческого бытия события и ситуации рассматриваются как интегративные единицы. Одна их отличительная особенность заключается в смысловой насыщенности и ценностной значимости для субъекта. Другая характеристика событий и ситуаций как единиц анализа в психологии человеческого бытия связана с невозможностью их описания с помощью логически непротиворечивого и вербально выражаемого знания. Поступок или происшествие становятся для человека субъективно значимым событием только

в результате осмысления, освоения его на основе экзистенциального опыта. Естественно, что психологически событие формирует-ся где-то на границе достоверного осознаваемого вербализованно-го знания и экзистенциального опыта субъекта.

Применительно к построению автобиографического нарратива эта особенность события точно подмечена Е. Е. Сапоговой: «Событие может рассматриваться как когнитивный конструкт, играющий роль посредника, „медиума“ между опытом и языком, но строго не принадлежащий ни к опыту, ни к языку. Одновременно событие есть и герменевтический инструмент для преобразования недифференцированного континуума „сырых“ данных опыта или воображения в вербальные структуры (в том числе метафоры), которые человек использует для того, чтобы говорить об опыте в своих повествованиях и таким образом его осмысливать, упорядочивать и транслировать. Авторизованное таким образом событие демонстрирует меру „присвоения“ конкретным субъектом реально случившегося (жизненного опыта). Без этой нарративной, герменевтической активности субъекта, насыщающей события смыслами, трансформирующей значения в персональные смыслы, биографический текст был бы не чем иным, как перечнем застывших бинарных оппозиций (Ю. М. Лотман), и тогда о жизни нельзя было бы поведать по-человечески, т. е. превращая действия во взаимодействия» (Сапогова, 2005, с. 69).

В психологии человеческого бытия события и ситуации изучаются как неразрывно связанные друг с другом интегративные единицы опыта человека. Как отмечает М. М. Кашапов, ситуация тогда приобретает событийное значение, если она воспринимается как значимая и эмоционально переживаемая человеком. Событийность следует понимать как одну из важнейших характеристик совместной жизни людей в обществе, их со-бытия. Событийность характеризуется насыщенностью эмоционально окрашенными переживаниями и открытиями, значимыми для конкретной личности. М. М. Кашапов (Кашапов, 2012, с. 93–94) выделяет пять параметров событийности ситуации: содержательный («что это такое?»), структурный («из чего состоит?»), динамический («как изменяется?»), временной («когда начинается и завершается?»), функциональный («для чего служит?»).

Итак, целостный континуум событий и ситуаций – предмет исследования в психологии человеческого бытия. Ученые, работающие в этой области психологической науки (Н. В. Гришина, В. А. Лабунская, А. О. Прохоров, З. И. Рябикина, Е. А. Сергиенко и др.), исследу-

ют классические проблемы так называемой вершинной психологии: смысла жизни, надежды, пиковых переживаний и т. п.. Вместе с тем в фокусе их внимания находятся классические экзистенциальные проблемы: одиночества, осмысленности или абсурдности бытия, отношения субъекта к жизни и смерти.

Мы живем в таком мире, в котором психологические исследования критических изменяющих жизнь событий приобретают большое не только научное, но и практическое значение. Критические события в жизни каждого из нас имеют очень значимый субъективный смысл. Событие можно назвать критическим, если оно характеризуется следующими признаками (Перре, Лайрейтер, Бауман, 2002): 1) оно всегда локализовано во времени и пространстве; 2) оно внезапно и коренным образом изменяет привычное течение жизни и потому требует от человека принятия решений о качественной реорганизации его бытия; 3) произошедшие изменения сопровождаются стойкими аффективными реакциями, а не только кратковременными эмоциями. Критические изменяющие жизнь события называются нормативными, если их можно предсказать (поступление в школу), и они почти всегда наступают у всех членов определенного культурного сообщества. «Соответственно ненормативные критические изменяющие жизнь события отличаются внезапностью и непредсказуемостью, например, неожиданная смерть кого-то из близких» (Перре и др., 2002, с. 362).

Трудность и неоднозначность понимания людьми ненормативных критических событий проявляется во многих сферах человеческого бытия, в которых присутствует конфликт фактов и оценочных суждений. Главная проблема состоит в том, что очень часто факты и мнения невозможно четко дифференцировать, точно определить то и другое. Примерами ненормативных критических событий избилует медицинская этика: пересадка органов, реанимация пациентов, умирающих от старческого слабоумия, и т. п.

Особое и, пожалуй, центральное место в психологии человеческого бытия имеют события, возникающие в критические периоды жизни субъекта, т. е. тогда, когда происходит разрыв привычного существования. Это бывает при опасной болезни, утрате близких, страхе смерти у летчиков-испытателей или обычных людей, которые оказались на месте теракта или техногенной катастрофы. Научно значимыми в этом контексте являются исследования понимания разными категориями людей моральной допустимости эвтаназии (Harvath et al., 2006), рациональных и эмоциональных оснований

выбора у женщин, принимающих экзистенциально трудное решение об искусственном прерывании беременности (Grimes, Creinin, 2004; Modi, 2002), самопонимания хирургов, выполнивших неудачную операцию (Gerber, 1990), и т. п.

Ситуация – также целостная интегративная единица человеческого бытия. Любая ситуация не дается человеку извне, в ней объекты не существуют отдельно от наблюдателя. Безусловно, люди и, например, море существуют. Однако ситуация «человек, смотрящий на море» возникает только в опыте субъекта, наблюдающего, понимающего, переживающего мысли и чувства, возникающие у него при встрече с морем. Ситуация приобретает психологическое содержание в результате того, как человек ее воспринимает, категоризирует, понимает и, соответственно, как себя в ней ведет.

Исследования в области психологии субъекта и психологии человеческого бытия побуждают психологов заново переосмысливать содержательное наполнение и типы социальных ситуаций: «Разработка категории субъекта и субъектно-деятельностного подхода в психологии, позволяющая продуктивно обсуждать фундаментальную проблему соотношения человека и окружающего его мира, предоставляет новые возможности для осмысления сущности понятия „ситуации“ с точки зрения преобразовательной активности самого человека. Субъектный уровень бытия человека, являющийся системообразующим фактором его целостной организации, проявляется в процессе активной интерпретации им социального мира, конкретных ситуаций взаимодействия, а также в деятельностном взаимоотношении с миром, преобразующем как окружение, так и его самого» (Улько, 2005, с. 294).

В научной психологии такая интерпретация категории „ситуация“ соответствует методологическим рассуждениям о том, что „предмет и метод не отделены друг от друга; предмет не существует до того, как он начинает изучаться“ (Корнилова, Смирнов, 2006, с. 42). Интересная и продуктивная попытка рассмотрения соотношения термина «жизненная ситуация» со смежными понятиями была предпринята Е. Ю. Коржовой. Она отмечает, что всякая социальная ситуация, например, конфликтная, является жизненной, так как она включена в контекст жизненного пути, человек непосредственно «соприкасается» с ней. Однако жизненная ситуация не всегда бывает социальной, если рассматривать последнюю в узком смысле – как ситуацию общения; в широком смысле они тождественны. Любая критическая ситуация является жизненной,

но не всякая жизненная ситуация – критической, потому что в жизни человека есть и эмоционально положительно окрашенные ситуации. Жизненная ситуация, в которой человек видит противоречие, выделяется им как проблемная, но не все жизненные ситуации проблемны (Коржова, 2006). Таким образом, обсуждаемое понятие оказывается многозначным, в частности, вследствие того, что «жизненная ситуация» обогащается смыслами смежных с ней категорий.

Не менее неоднозначно обстоит дело с определением трудности жизненной ситуации. Согласно психологии человеческого бытия трудная ситуация – это не субъект и внешние обстоятельства жизни, воздействующие на него, а человек, находящийся внутри ситуации и оценивающий, интерпретирующий, понимающий ее как трудную для себя. Будет ли ситуация понята как трудная, зависит, во-первых, от индивидуальной специфики ее субъективного отражения в сознании субъекта и, во-вторых, от его личностных качеств (тревожность, стрессоустойчивость и т. д.). Ситуация понимается субъектом как трудная, если она обладает для него такими признаками, как значимость, неподконтрольность, неопределенность, малая прогнозируемость, динамичность, стрессогенность, а также недостаточное соответствие собственных ресурсов требованиям ситуации (Битюцкая, 2007).

Вместе с тем следует признать, что для осмысления субъектом серьезных экзистенциальных проблем ему не обязательно оказываться в критических ситуациях. Обычно человек живет такой привычной жизнью, в которой он иногда невольно оказывается не субъектом, а объектом действий и решений со стороны других людей. (Например, предельным, но, к сожалению, весьма распространенным в нашей стране случаем является жизнь женщины с мужем-алкоголиком, которая ради сохранения семьи терпит унижения и побои. В семейной обстановке такие женщины утрачивают способность к выражению своего Я, подчиняются любым прихотям мужа, под воздействием алкоголя теряющего контроль за поведением.) Однако в особые «часы ясности» человек склонен задумываться о своей жизни. Перед ним встают вопросы: «Зачем жить?» и «Как жить?». Отвечая на них, он должен обратиться к собственным внутренним ценностям, иначе он не сможет стать свободным, ответственным и самостоятельным субъектом. Как известно, вопросы о смысле жизни возникают у каждого человека еще в подростковом возрасте, а отвечает он на них в течение всей жизни, вплоть до глубокой старости.

Критические события и трудные жизненные ситуации являются основным предметом исследования в психологии совладающего поведения, которая в последние годы интенсивно развивается в отечественной психологической науке. Без преувеличения можно сказать, что это происходит главным образом благодаря усилиям костромских психологов – Т.Л. Крюковой (Крюкова, 2004) и ее учеников (Куфтяк, 2011; Сапоровская, 2013; Хазова, 2014). В их исследованиях предпринята продуктивная попытка реализации комплексного подхода к изучению переживания человеком трудных ситуаций и совладания с ними. Проведенный анализ переживания субъектом трудных жизненных ситуаций привел к получению научно значимых результатов о психологических механизмах совладающего поведения (в частности, внутренних и внешних ресурсах совладания), а также к интеграции представлений о закономерных тенденциях развития сложного и многомерного феномена совладания. В этих исследованиях феномен совладающего поведения проанализирован с позиций психологии субъекта (Брушлинский, 2003, 2006). При этом внимание исследователей фокусировалось на том, как субъект осуществляет выбор стратегий и стилей совладающего поведения. Под выбором определенного поведения субъектом в данном случае имеется в виду то, как человек – источник собственной активности и самоорганизации – взаимодействуя с трудной ситуацией, осознанно выбирает один из нескольких альтернативных вариантов поведения. В этом контексте особую значимость приобретает определение и описание признаков трудной жизненной ситуации. Очевидно, что феномен трудной жизненной ситуации, являющийся предметом изучения и в психологии человеческого бытия, и в неразрывно связанной с ней психологии совладающего поведения, требует от психологов еще немало усилий, направленных на его тщательное исследование и более глубокий психологический анализ.

Содержательная связь понимания трудных жизненных ситуаций и критических событий с экзистенциальным опытом субъекта несомненна. Вместе с тем ясно и то, что число экзистенциальных событий и ситуаций в нашей жизни значительно превышает количество трудных и критических. Например, значимыми для психологической науки экзистенциальными проблемами являются понимание мудрости, моральных дилемм и др. Их теоретический анализ изложен ниже.

ГЛАВА III

МЫШЛЕНИЕ, ЗНАНИЕ И ПОНИМАНИЕ

3.1. Два психологических механизма мышления, познания и понимания

Понимание не только направлено на многомерный мир, оно еще и само многоуровнево: в психике субъекта этот феномен проявляется в самых разных процессах (восприятии, памяти и др.) и сферах внутренней жизни личности. В этой связи необходимо проанализировать общие для мышления, познания и понимания психологические закономерности преобразования знаний и опыта.

Исследования обработки информации человеком свидетельствуют о том, что иногда она основана на интуитивном опыте, иногда на логически обоснованном знании. Согласно теории двойственности процессов рассуждений (*dual-process theories of human thinking*), у человека есть две отличные, но взаимодействующие системы для обработки информации. Одна система ориентирована на эвристики, приводящие к интуитивным ответам, а другая основана на аналитической обработке. Их описания соответствуют представлениям психологов о когнитивно-опытной теории личности (CEST) С. Эпштейна и двух познавательных стилях – рациональном и интуитивном. Такие научные представления неразрывно связаны с существованием целостного континуума способов понимания мира: от парадигматического к нарративному и затем к тезаурусному.

Одной из важнейших тенденций развития методологии психологической науки в последние три десятилетия является анализ двойственности механизмов обработки информации в человеческом мышлении. Двойственность мышления, с одной стороны, отражает многомерность мира человека, принципиальные различия в типах проблем, которые субъект должен решать в эмпирической,

социокультурной и экзистенциальной реальностях. С другой стороны, в названной тенденции развития методологии психологической науки как в имплицитном, так и эксплицитном виде выражено соотношение сознательных и бессознательных, логических и интуитивных компонентов человеческих рассуждений. Пожалуй, в наиболее ясном и обоснованном виде неразрывная связь рационального и иррационального представлена в когнитивно-опытной теории личности (CEST) С. Эпштейна (Epstein, 2003). В когнитивно-опытной теории влияние опытной системы на рациональную напоминает взаимодействие бессознательного и сознания в психоанализе, однако в CEST их взаимоотношения описываются в контексте, уже более согласующемся с современными данными эволюционизма и когнитивизма. С этой позиции можно объяснить и обратный процесс: как рациональная система может способствовать коррекции проблем, порожденных опытной системой. Для меня эта теория важна как возможное и вполне вероятное объяснение функционирования понимания на разных уровнях человеческого бытия – от осознаваемого, описываемого в категориях вербальных логически достоверных знаний до бессознательного, связанного с опытом и постижением.

Закономерность и оправданность существования теорий двойственности процессов рассуждений представлена в публикациях зарубежных и российских ученых.

С. А. Сломэн выделяет две системы мышления – ассоциативную и основанную на правилах. Первая система ассоциативна потому, что ее функционирование направлено на отражение подобных структур и отношений пространственно-временной смежности. Вторая система основана на правилах, она оперирует символическими структурами, содержание и свойства которых обеспечивают логически правильные рассуждения. Две системы анализируются автором как обладающие взаимодополняющими функциями, обеспечивающими мыслящему субъекту возможность одновременно осуществлять разные варианты решения задачи (Sloman, 1996).

Многие психологи различают два типа познавательных процессов: осуществляемых быстро при незначительном участии сознания и более рефлексивных, но протекающих медленнее. К. Е. Станович и Р. Ф. Уэст назвали их процессами Системы 1 и Системы 2 (Stanovich, West, 2000). Процессы Системы 1 возникают спонтанно и не требуют большого количества ресурсов внимания. Распозна-

ние того, является ли входящий в аудиторию человек вашим учителем по математике, задействует процессы Системы 1. Узнавание этого человека осуществляется мгновенно, без приложения усилий и не зависит от интеллекта, мотивации или сложности решаемой задачи. Вычисление без калькулятора квадратного корня из числа 19163 задействует процессы Системы 2 – ментальные операции, требующие усилий, мотивации, концентрации внимания и следования ранее выученным правилам. При вычислении квадратного корня Система 1 не играет никакой роли, потому что эта задача не предполагает интуитивного решения. Только человек, достаточно мотивированный и знающий алгоритм, может получить правильный ответ (Frederick, 2005).

Итак, согласно теории двойственности процессов рассуждений, у человека есть две отличные, но взаимодействующие системы для обработки информации. Одна (Система 1) ориентирована на эвристики, приводящие к интуитивным ответам, в то время как другая (Система 2) основана на аналитической обработке. Обе системы могут время от времени функционировать параллельно. Однако, когда доступны познавательные ресурсы и активированы аналитические цели, Система 2 обычно доминирует и закрывает познающему субъекту вход в Систему 1 (Gervais, Norenzayan, 2012). Главное различие между рациональной и интуитивной, основанной на опыте системами рассуждений заключается в том, что в первом случае информация обрабатывается аналитическим, а во втором – холистическим способом. К. Кушлев и Э. У. Данн считают, что рациональная система подобна судье, беспристрастно оценивающему имеющиеся улики, а опытная – адвокату, более мотивированному, пристрастному и стремящемуся выстроить историю, соответствующую желаемому результату (Kushlev, Dunn, 2012, p. 280).

Дж. С. Б.Т. Эванс предпринял попытку систематизировать отличительные признаки двух систем мышления, представленные в статьях разных психологов. Систему 1 характеризуют: автоматичность, эвристичность, эмпирический опыт, имплицитное неявное знание, ассоциативность, интуитивность, бессознательность, импульсивность, холистичность. Такой стиль мышления отличается интуитивностью принимаемых решений, высокой скоростью мыслительных процессов при минимальной их осознанности. Система 2, наоборот, во время мышления проявляется в контролируемости, систематичности, рациональности, эксплицитности знания, логичности, осознанности, рефлексивности, аналитичности. Реали-

зующее Систему 2 мышление оказывается целенаправленным, логически обоснованным и осознанным (Evans, 2008).

Гораздо раньше западных психологов к глубоким и содержательным выводам о двойственной природе человеческого мышления пришел отечественный психолог Я. А. Пономарев. Исследуя мышление и творчество, он различал логический и интуитивный опыт. Сознательный логический опыт всегда связан с целями мыслительной деятельности (предвосхищаемыми результатами действий, которые субъект может высказать словами). Интуитивный опыт, основанный на неосознаваемом знании, формируется вне и независимо от целей. Соответственно мыслящий субъект не осознает такое знание, и потому бессмысленно спрашивать его о характеристиках и свойствах интуитивного опыта. По Я. А. Пономареву, превращение неосознаваемого знания в осознанное возможно только с помощью действий: чтобы реализовать в мышлении интуитивный опыт, субъект должен осуществить определенные умственные действия. Он писал: «Говоря иначе, ход удовлетворения потребности в новом знании всегда предполагает интуитивный момент, вербализацию и формализацию его эффекта; то знание, которое с полным правом можно назвать творческим, не может быть получено непосредственно путем логического вывода.

Интуитивный момент при этом понимается нами как момент познавательной деятельности, протекающей на базальном уровне. Здесь деятельность непосредственно контролируется предметами оригиналами (в функции которых могут выступать и модели). Этот момент противопоставляется логическому структурному уровню организации познания, представленному системой знаковых моделей» (Пономарев, 1976, с. 206).

Д. В. Ушаков, развивая эти идеи, уточняет: «Люди могут функционировать в различных режимах. В хорошо осознанном логическом режиме они не имеют доступа к своему интуитивному опыту. Если же в своих действиях они опираются на интуитивный опыт, то тогда они не могут осуществлять сознательный контроль и рефлексию своих действий» (Ушаков, 2006, с. 37). Очевидно, что здесь уже отчетливо просматривается попытка осмысления психологических механизмов двойственности мышления, анализа сфер реализации Системы 1 и Системы 2.

Сегодня идеи о двойственности познания и мышления в российской психологии интенсивно развиваются в исследованиях имплицитного научения (Морошкина и др., 2015). В частности, молодые

российские психологи пытаются получить ответ на вопрос: «Почему при переходе испытуемого с интуитивного на логический режим функционирования мышления изменяется критерий принятия решения и происходит переключение с одной системы репрезентаций на другую, т. е. с декларативных знаний на процедурные?» Они отвечают на этот вопрос так: «Следовательно, сама база знаний, которая используется для решения целевой задачи в случае логического и интуитивного режимов не идентична. То, что положение критерия коррелирует с уровнем точности принимаемых решений только в ситуации логического режима, также может быть объяснено. В этом случае испытуемый прекрасно осознает, на какие знания он опирается, когда принимает то или иное решение. В ситуации интуитивного режима у испытуемого нет осознанного доступа к знаниям, которые он тем не менее использует. Субъективно он может даже считать, что дает ответы наугад» (Морошкина и др., 2015, с. 89). Согласно данным этого и других подобных исследований, логический и интуитивный режимы познания и мышления можно рассматривать с позиции переключения между двумя системами знаний – имплицитной и эксплицитной, декларативной и процедурной. Соотношение между ними следует рассматривать как устойчивую индивидуальную переменную. Все люди в принципе могут действовать в обоих режимах, но некоторые чаще, чем другие, стараются обосновывать свои решения с помощью имеющихся у них эксплицитных знаний. В результате при решении одной и той же задачи разные люди в неодинаковой степени опираются на приобретенное ими имплицитное знание (там же).

Рациональные и интуитивные стили мышления изучаются также в исследованиях принятия управленческих решений. В них «интуиция в управленческих решениях понимается как взаимодействие между опытным знанием (интуиция-как-экспертиза) и чувствованием (интуиция-как-чувство). Кроме того, интуицию и рациональный анализ рассматривают как две параллельные системы познания, дополняющие друг друга, а не оппозитные и взаимоисключающие» (Маничев, Смолко, 2015, с. 44).

Еще одно направление исследований – интуитивное понимание смысла пословиц. Психологи обнаружили, что «осознаваемый вербальный уровень понимания пословиц и интуитивное понимание их смысла относительно независимы. Возможно интуитивное понимание смысла пословиц и их применение при актуальной неспособности их адекватного словесного толкования» (Арестова, 2011,

с. 137). При этом содержание заключенного в пословице суждения может быть представлено в психике понимающего субъекта на различных уровнях понимания – от интуитивного, мало осознанного, до понятийного, осознанного, более дифференцированного.

Из двойственности механизмов мышления, познания и понимания следует, что изучение не только логически обоснованных и осознанных субъектом знаний, но и опыта (ментального и экзистенциального) – это, безусловно, перспективное направление психологических исследований. Изучение опыта расширяет горизонты исследовательского поля, позволяет психологам фокусировать внимание на анализе принципиально новых проблемных ситуаций – постижения непостижимого, тайны и др. Кроме того, такой анализ углубляет содержательные представления ученых о существенных различиях в осмыслении субъектом характерных особенностей эмпирической, социокультурной и экзистенциальной реальностей. Рассуждая более широко, можно утверждать, что два описанные выше психологические механизма мышления имеют непосредственное отношение к преимущественно аналитическому или холистическому стилям мышления человека. Их характерные особенности представлены в следующем разделе.

3.2. Аналитический и холистический стили мышления понимающего мир субъекта

Одной из самых заметных методологических тенденций современной психологии является смещение фокуса внимания ученых с когнитивистской ориентации, доминировавшей в нашей науке во второй половине XX в., к метакогнитивным, метааналитическим, герменевтическим и экзистенциальным подходам к изучению психики человека. В психологии субъекта эта тенденция проявилась в переходе от микросемантического к макроаналитическому методу познания психического (Брушлинский, 2006). В психологии интеллекта – в обращении к метакатегории ментального опыта, представленного в трех основных формах, таких, как ментальные структуры, ментальное пространство и ментальные репрезентации (Холодная, 2002). При изучении психологических основ профессионализации субъекта такой подход проявляется в метакогнитивном понимании структурно-динамических характеристик творческого профессионального мышления (Кашапов, 2012). Именно к таким метакатегориям, обозначающим психологические феномены, играющие

определяющую роль в становлении субъектных качеств человека, относится аналитичность/холистичность мировоззрения каждого из нас. Исследования аналитического и холистического стилей мышления – интересное и перспективное направление развития современной психологической науки. Аналитичность и холистичность постулируются как два ключевых способа осмысления человеком познавательных и социальных ситуаций. Аналитический стиль переработки связывается, прежде всего, с направленностью субъекта на вычленение элементов, из которых состоит целое. Он характеризуется последовательностью анализа, логической обоснованностью и осознанностью. Холистический стиль мышления проявляется в стремлении субъекта сначала оценить целостный характер ситуации. Такой стиль характеризуется интуитивным характером принимаемых решений, высокой скоростью мыслительных процессов при минимальной их осознанности.

Начиная со второй половины XX в., аналитический и холистический стили мышления людей находятся в фокусе внимания психологов, работающих в самых разных областях нашей науки. Их исследования охватывают широкий диапазон проблем – от онтогенеза индивидуального развития до кросс-культурного сравнения мировоззрений жителей Восточной Азии, Западной Европы и Северной Америки.

В исследованиях раннего когнитивного развития показано, что информация в субъективном опыте ребенка репрезентируется посредством двух типов кодов: амодального и модального. Глобальные амодальные коды осуществляют обработку информации по холистическому принципу типизации. Например, выявление пола новорожденных по их лицам носит холистический характер и опирается на механизм прототипа. Локальные модальные коды работают по аналитическому принципу классификации. Амодальные и модальные коды вначале рассматривались как механизмы переработки образной и вербальной информации. Затем они стали интерпретироваться в качестве общих принципов ментальной репрезентации – ее холистичности и аналитичности (Сергиенко, 2006).

В социальном познании аналитичность и холистичность постулируются как два ключевых способа осмысления человеком социальных ситуаций. Аналитический стиль переработки связывается, прежде всего, с направленностью субъекта на вычленение элементов, из которых состоит целое. Он характеризуется последовательностью анализа, логической обоснованностью и осознанностью. Хо-

листический стиль мышления проявляется в стремлении субъекта сначала оценить целостный характер социальной ситуации. Такой стиль характеризуется интуитивным характером принимаемых решений, высокой скоростью мыслительных процессов при минимальной их осознанности (Evans, 2008).

Исследование аналитического и холистического стилей мышления проводилось применительно не только к социальному познанию, но и к психологии творчества. Результаты показали, что фактор аналитической переработки информации взаимосвязан с фактором общего интеллекта, в то время как фактор холистической переработки – с эмоциональным интеллектом. В исследовании не было выявлено связи аналитичности и холистичности с креативностью (Белова и др., 2012). Вместе с тем в целом ряде других работ утверждается, что креативные субъекты явно предпочитают холистический стиль мышления и способ решения задач (Zhang, 2002).

Стратегия преимущественно аналитического мышления может являться источником религиозного неверия. Искренне верующие люди проявляют больше положительных эмоций в ситуациях, актуализирующих естественный для человека страх смерти. При обсуждении проблем, связанных с религиозными убеждениями (в частности, эвтаназии, аборт и др.), они обнаруживают меньшую когнитивную сложность, чем атеисты. Однако при решении иных проблем (например, охрана окружающей среды) когнитивная сложность рассуждений холистов становится такой же, как у аналитиков (Friedman, 2008).

Междисциплинарность научного исследования двух названных конструкторов на макроаналитическом уровне анализа сегодня отчетливо проявляется в поисках взаимозависимости структур субъективного опыта, типов ментальности людей, живущих в разных странах, и институциональных общественных структур. Институциональные матрицы представляют собой исторически сложившиеся комплексы институтов государства, регулирующих функционирование основных общественных сфер: экономики, политики и идеологии. Исследования взаимосвязей типов ментальности и институциональных матриц осуществляются с единых системных позиций в рамках самоорганизационной парадигмы (Александров, Кирдина, 2012).

В последние годы в научной литературе появилось большое количество публикаций специалистов по кросс-культурной психологии. Из их работ следуют три главных вывода.

1. У жителей Восточной Азии в целом преобладает холистический стиль мышления, а у представителей западной культуры – аналитический (Jinkyung et al., 2010).
2. Аналитичность/холистичность представляет собой не дискретные полюса, отражающие разные стили мышления, а некоторый недизъюнктивный континуум, внутри которого можно говорить о неодинаковых «удельных весах» склонности субъектов к использованию аналитических и холистических способов размышлений. Согласно этой точке зрения, применительно к степени выраженности аналитичности и холистичности можно изучать различия не только между людьми из разных стран, но и внутри одной страны, национальности, вероисповедания и т. п. (Choi et al., 2007). В любых рассуждениях людей о природном и социальном мире аналитичность диалектически взаимосвязана с холистичностью, т. е. один стиль мышления дополняет другой. Тем не менее индивидуальные вариации предпочтений аналитического или холистического стилей мышления настолько велики, что есть люди, предпочитающие в качестве универсального средства решения когнитивных и социальных задач аналитические способы рассуждений, и есть другие – склонные к выбору холистических способов. Первых условно можно назвать аналитиками, а вторых холистами.
3. Современные научные представления об аналитичности/холистичности обобщены в теоретической модели, разработанной Р. Е. Нисбеттом с коллегами (Nisbett et al., 2001). Модель включает четыре основных признака аналитического и холистического типов мышления и понимания субъектом мира: фокус внимания, отношение к противоречиям, восприятие изменений и каузальная атрибуция.

Внимание: целостное поле или части? При смысловом восприятии социальных ситуаций холисты обычно прежде всего обращают внимание на отношения между объектами и областью, которой они принадлежат. Напротив, аналитический стиль мышления способствует направленности внимания скорее на сами объекты, чем на область, которой они принадлежат. Холисты более полезависимы, чем аналитики, им труднее отделить объект от области, в которую он включен. Зато холисты лучше, чем аналитики, справляются с обнаружением отношений среди объектов на фоне поля.

Толерантность к противоречиям: наивная диалектика или формальная логика. В неоднозначных социальных ситуациях холисты

обычно пытаются достичь компромисса. Они основываются на предположении, что противоположные суждения могут быть верными одновременно и что каждое, в конечном счете, может быть преобразовано в свою противоположность. Такой подход в современной науке называется наивным диалектизмом. Он уходит корнями в Инь–Ян (в китайской философии этим термином обозначается описание в качестве взаимосвязанных и взаимозависимых таких явлений, которые кажутся дихотомическими, противоположными, например: свет и тьма, добро и зло). В нем противоречия согласуются, и потому два противоположных суждения могут быть одновременно приняты как потенциально правильные. Напротив, формальный логический подход аналитиков проявляется в их направленности на решение противоречий путем выбора одного из двух противоположных суждений.

Восприятие изменений описывает убеждения субъекта в стабильности или закономерной изменчивости природного и социального мира. Холлисты полагают, что все в мире связано друг с другом. Они рассматривают объекты, явления как нестатичные и ожидают, что из-за сложных паттернов взаимодействий элементов существует состояние постоянного изменения. Аналитики, напротив, воспринимают большинство объектов как независимые. Из этого следует, что сущность объектов не изменяется в течение долгого времени, потому что она не подвержена влиянию других факторов.

Каузальная атрибуция: интерпретируя причины поведения других, люди обычно сводят объяснения либо к ситуативным факторам, либо к диспозициональным (чертам личности, предрасположенности реагировать сходным образом в различных ситуациях). Аналитики обычно нацелены на поиск диспозициональных причин, в то время как холлисты включают в объяснение также и ситуативные факторы. Прежде чем сделать заключение, холлисты рассматривают большее количество информации, чем аналитики. В результате они реже делают фундаментальные ошибки каузальной атрибуции (Choi et al., 2007; Mei-Hua, 2008; Pierce, 2007).

Современный мир сложен и многомерен. Неудивительно, что, исследуя психику живущих в нем людей, психолог должен гибко сочетать в себе аналитические способы рассуждений с холистическими. Именно такая гармония отчетливо видна в научных мировоззрениях двух моих Учителей – А. В. Брушлинского и О. К. Тихомирова. Они были крупными учеными, их научное мировоззрение отражало и продолжает отражать передовые тенденции развития

современной психологии (показателем этого является, например, их неизменно высокий индекс цитирования в течение последнего десятилетия, когда они уже ушли из жизни). Одна из таких тенденций – гармоничное сочетание аналитического и холистического стилей мышления у психолога. Чем крупнее ученый, тем отчетливее такая гармония проявляется в замысле психологического исследования, описании и интерпретации его результатов.

Цель раздела – проанализировать, какое воплощение в трудах А. В. Брушлинского и О. К. Тихомирова нашло сочетание перечисленных выше четырех признаков мышления и мировоззрения. Обсуждая проблему аналитичности/холистичности, я буду использовать дедуктивный метод рассуждений – от общей характеристики проявления разных стилей мышления к описанию их четырех конкретных признаков.

Два стиля мышления и мировоззрения ученых

Говоря об аналитичности/холистичности как важных характеристиках научного мировоззрения двух ученых, необходимо сразу сказать, что какие-то проявления этих стилей мышления представлены в их работах в явном виде, в то время как другие можно эксплицировать только путем научной реконструкции. С этой точки зрения легче определить аналитизм и холизм как неотъемлемые компоненты научных рассуждений А. В. Брушлинского, потому что психологический механизм анализа через синтез является основанием его континуально-генетической, недизъюнктивной теории психического развития. Анализ через синтез обеспечивает прогнозирование субъектом искомого и творческую порождающую природу мыслительной активности. В процессе ее осуществления познаваемый объект начинает проявляться в новых свойствах и качествах, ранее не представленных индивидуальному сознанию. Связь совокупности психических операций и действий (направленных на всестороннее изучение объекта познания и называемых в научной школе С. Л. Рубинштейна анализом) с аналитичностью мышления субъекта несомненна. «С. Л. Рубинштейн выделял различные формы основных мыслительных операций: анализ-фильтрация (при отсеивании одной за другой не оправдавших себя проб решения) и направленный анализ через синтез, когда самый анализ определяется и направляется к определенной цели через синтетический акт соотнесения условий с требованиями поставленной задачи» (Тихомиров, 1969, с. 53).

Роль синтеза в порождении целостного, холистического взгляда на события и явления также фундаментально обоснована: это убедительно показано в книге А. В. Брушлинского о логико-психологическом анализе мышления и прогнозирования (1979). В процессе мышления холистичность синтеза проявляется в расширении целостного контекста, в котором субъекту следует рассматривать познаваемый объект, во включении его в новые связи и отношения. В мыслительном процессе анализа через синтез объект мысленно включается в разные системы связей и проявляет в них различные качества. Взаимодействуя с объектом, субъект «вычерпывает» из него все новое и новое содержание, расширяя свои представления об объективной картине мира. Однако отнесение содержания знаний о мире к объекту познания не означает исключения из психологического анализа субъективных составляющих познавательной деятельности. Без субъекта, его активности не может идти речь ни о каком содержании, потому что знание не включено в объект, оно порождается только во взаимодействии, в процессе соприкосновения объективного и субъективного миров. Точно так же можно утверждать, что в закрытой книге или выключенном компьютере нет никакой информации, она возникает тогда, когда читатель открывает книгу, а пользователь включает компьютер.

Между тем некоторые научные оппоненты А. В. Брушлинского как раньше, так и сегодня приписывают его концепции то, чего в ней нет и не было: такой концентрации на анализе объекта, которая оставляет в тени субъективные составляющие психики. Особенно явно это проявляется в дискуссиях о соотношении значения и смысла. Вот, к примеру, позиция одного из методологически грамотных современных психологов: «С его точки зрения (Брушлинского. – В. З.), подлинное решение этой проблемы должно исходить из фундаментального положения о непрерывности взаимодействия человека с миром (субъекта с объектом, с другим субъектом и т. д.). И поскольку одним из психологических механизмов такого взаимодействия является анализ через синтез, то значение и смысл выступают прежде всего как постепенно раскрываемые субъектом *разные качества* одного и того же объекта (события), включаемого в разные системы связей и отношений. Позитивным здесь было то, что смыслы в этой теории „переехали в объект“, выступили как „постепенно раскрываемые качества“ объектов и явлений внешнего мира. Эти качества только раскрывались с помощью анализа и синтеза, а это значит, что они уже исходно были в объекте, т. е. всегда существо-

вали в нем безотносительно того, имеет ли он субъективную значимость для человека или нет» (Клочко, 2013, с. 58).

Такой тип аргументации свидетельствует об аналитическом, а не холистическом взгляде на концепцию А. В. Брушлинского, при котором субъективные компоненты мыслительной деятельности сознательно устраняются из процесса познания. Смыслы, конечно, не могут не отражать содержания познаваемого объекта, но порождаются они только в психике вступающего с ним во взаимодействие субъекта. Существование разных качеств объекта, его содержания не означает прямого придания им статуса смыслов. Смыслы – это не содержание знания, а познавательное и эмоциональное отношение субъекта к различным качествам объекта (представленным в знании). Иначе говоря, какое-то событие или явление приобретает для нас смысл только тогда, когда мы выявляем его объективное содержание и проявляем свое субъективное отношение к нему.

Таким образом, синтетический акт расширения целостного контекста осмысления когнитивных и социальных задач, безусловно, затрагивает и субъективные составляющие познавательного процесса.

В научном мировоззрении О. К. Тихомирова аналитичность и холистичность тоже играют значимую роль. Однако взаимодействие этих способов мышления не всегда лежит на поверхности, а становится очевидным только при выявлении глубинных смыслов многих его исследований. Олег Константинович как творческий человек любил парадоксы и именно с их помощью объяснял себе и другим сложнейшие проблемы психологии. Вслед за детальным анализом проблемы, чаще всего основанным на экспериментальном исследовании, он нередко обращался к такому ее целостному контексту, который читателем и сегодня сначала воспринимается как парадоксальный – непривычный, противоречащий исходным посылкам, традиционным взглядам. Это можно проиллюстрировать на примере его рассуждений о принципе единства сознания и деятельности. В соответствии с трактовкой А. Н. Леонтьева, последователем которого был О. К. Тихомиров, сознание и деятельность различаются как образ и процесс его формирования. Образ при этом является накопленным движением, свернутыми действиями.

По О. К. Тихомирову, сознание возникает, функционирует и развивается в деятельности, а выражается в форме предвосхищения ее будущих результатов. Он проделал огромную исследовательскую работу, направленную на анализ того, в каких конкретных формах образы будущих результатов существуют в мыслительной деятель-

ности. Экспериментально были проанализированы промежуточные и конечные цели, результаты, оценки, операциональные и личностные смыслы решаемых задач. Анализ доказал несомненность существования связи между сознанием и деятельностью. Однако позднее в брошюре «Понятия и принципы общей психологии» (Тихомиров, 1992) он указывает на научную значимость также и противоположного тезиса: между сознанием и деятельностью может быть не только единство, но и противоречие. Этот тезис обосновывается тем, что человек может выполнять работу, но не понимать ее смысла. Кроме того, существуют особые виды деятельности, направленные против сознания отдельного человека, например, фальсификация и манипуляция. Холистичность таких размышлений об обсуждаемой проблеме очевидна: рассматривая ее под парадоксальным углом зрения, психолог существенно расширяет возможности ее изучения в новом более широком целостном контексте.

Направленность внимания на объекты и на целостную ситуацию

Этот признак аналитичности/холистичности мышления в эволюционном изменении психологического содержания работ А. В. Брушлинского прослеживается в переходе от микросемантического к макроаналитическому методу познания психического, а также в целостном системном характере исследования динамического, структурного и регулятивного планов анализа психологии субъекта. Вершина его творчества – психология субъекта, безусловно, холистична. По его мнению, категория субъекта позволяет в психологическом исследовании перейти от частей к целому, от изучения способностей, темперамента, характера и т. п. к анализу целостной индивидуальности человека. Целостность субъекта есть основание для системности, интегративности всех его психических качеств.

Формулирование основных положений холистической психологии субъекта было бы невозможно без предыдущего цикла исследований психологических закономерностей мыслительной деятельности. Обобщающий итог этих исследований состоит в том, что даже если по каким-то причинам субъект сначала вынужден фиксировать внимание на отдельном объекте, то в процессе мышления «вычленивание» нового содержания происходит посредством расширения контекста, рассмотрения того, какое место он в нем занимает. Примером может служить то, в какой степени преступление обусловлено не только личностными чертами и мотивами преступника, но и обстоятельствами, в которых оно совершено. В 1990-х годах А. В. Брушлинский (2006, с. 559–570) изучал эту проблему на при-

мере отношения россиян к смертной казни. В этом и заключается познавательная деятельность: объект включается в новые связи и отношения, которые сами начинают влиять на него, наполняя познание новым содержанием. Следовательно, изучение психического развития субъекта невозможно без учета взаимодействия фактов, событий, явлений с целостным контекстом социальных и природных ситуаций, в которые они включены.

О. К. Тихомиров в конце своего творческого пути ставил вопрос о необходимости расширения методологических оснований психологии для междисциплинарного изучения психики человека. Он легко оперировал не только психологическими, но и социальными категориями, требующими соотнесения частного и общего, потому что за его плечами был огромный опыт экспериментальных исследований мыслительной деятельности. В них обнаружено, что «испытуемый оперирует первоначально свойствами элементов, которыми они могли бы обладать лишь после некоторого изменения наличной ситуации. Это взаимодействие устанавливается без выяснения реальных свойств элементов наличной ситуации, основываясь на которых испытуемый мог бы прийти к первоначально обнаруживаемому взаимодействию. Вслед за установлением взаимодействия, практически возможного лишь при определенных изменениях в позиции, осуществляются поисковые движения, ведущие к нахождению элемента, который может в случае, если он будет обладать определенными свойствами, делать требуемое изменение ситуации возможным (Тихомиров, 1984, с. 53). Иначе говоря, оперирование изолированными объектами невозможно без учета характеристик ситуации, которой они принадлежат.

По О. К. Тихомирову, решение задачи, в частности шахматной, – это всегда такая первичная дифференциация (ходов, предвосхищений, мотивов), за которой следует интеграция. Интеграция означает качественно новый уровень мышления, на котором решаемая проблема, целостная позиция наполняется для субъекта еще и ценностно-смысловым содержанием. Динамика ценностно-смысловой структуры ситуации обусловлена изменяющимися в процессе мыслительной деятельности поисково-познавательными потребностями мыслящего субъекта (Тихомиров, 1984).

Толерантность к противоречиям

Применительно к научному мировоззрению А. В. Брушлинского этот феномен, пожалуй, проще всего проиллюстрировать на примере решения им фундаментальной проблемы детерминации соци-

ально-исторического развития психики. Сначала он с присущей ему тщательностью и даже педантичностью рассматривает две крайние позиции, которые характеризует как односторонние и противоположные: материалистическую (бытие определяет сознание) и идеалистическую (сознание, вообще психическое определяет бытие). Затем он намечает типично холистический путь преодоления противоречий: «По отношению к обоим указанным крайностям есть наиболее перспективный, как бы „третий путь“ (не золотая середина!) в решении столь фундаментальной общей проблемы детерминизма. Не психическое и не бытие сами по себе, а субъект, находящийся внутри бытия и обладающий психикой, творит историю» (Брушлинский, 2006, с. 544).

Впоследствии он таким же холистическим способом решает проблему соотношения психики субъекта с духом, духовностью и душой человека. Подчеркивая, что он с глубоким уважением относится к верующим и религиозной вере, Андрей Владимирович указывает на принципиальные различия между научным знанием и религиозной верой. Различия можно и нужно изучать, не забывая при этом, что проблема души, духа, вообще психики ставится и решается в обоих этих случаях существенно по-разному. «Для научной психологии человека... душа, дух, душевное, духовное и т. д. это не надпсихическое и не „наднебесное“, а разные качества *психического* как важнейшего атрибута *субъекта* (т. е. людей, но не животных, не машин и не Бога)» (Брушлинский, 2006, с. 589).

Для А. В. Брушлинского противоречия в психологии человека были одной из аксиом, лежащих в основании психологии субъекта: «Противоречивость, двойственность индивида как субъекта проявляется, прежде всего, в том, что он всегда неразрывно связан с другими людьми и вместе с тем автономен, независим, относительно обособлен. Не только общество влияет на человека, но и человек как член общества на это последнее. Он – и объект таких влияний, и субъект, в той или иной степени воздействующий на общество. Здесь не односторонняя, а именно двусторонняя зависимость – с приоритетом личности по отношению к государству и обществу» (там же, с. 596).

У О. К. Тихомирова проблема противоречий в обыденном и научном мышлении особенно явно вышла на передний план его исследований тогда, когда он приступил к анализу трудов К. Поппера (Тихомиров, 1995). Он отмечал важное значение вводимого К. Поппером различения догматического и критического мышления. В кон-

тексте изучения соотношения творческого и нетворческого мышления эта проблема имела для Олега Константиновича не только большое значение, но и личностный смысл. Догматическое мышление О.К. Тихомиров рассматривал как один из вариантов репродуктивного (с его существованием не соглашался А.В. Брушлинский, считавший всякое мышление творческим). Он полагал, что догматическое мышление, основанное на поисках мыслящим субъектом закономерностей, повторяемости, норм, как это ни парадоксально, может оказаться полезным при попытках построения теорий, их применения и подтверждения. В общественной жизни догматическое, репродуктивное, основанное на шаблонах и стереотипах мышление нередко проявляют бюрократы.

В основе критического мышления, напротив, «лежит критическая установка, для которой характерна готовность изменять, проверять, опровергать, фальсифицировать. Критическая установка принимает некоторую „схему ожидания“ (миф, предположения, гипотезы), однако готова модифицировать, исправлять, отбрасывать эти ожидания» (Тихомиров, 1995, с. 116). Критичность О.К. Тихомиров считал важнейшей характеристикой научного мышления, связанной с выявлением противоречий и несоответствий. Противоречия, например, в научной дискуссии, согласуются и, в конечном счете, устраняются посредством критики и самокритики. Психологическим основанием согласования противоречивых суждений является представление о различии между логическим и интуитивным мышлением, порождающее плюрализм способов обработки данных, сведений и т.п. Обоснование этой мысли содержится, в частности, в таком высказывании: «Если внимательно посмотреть, то ведь в реальной жизни даже профессионалы рассуждают на уровне не строго понятийном, а на уровне комплексных, ситуативных обобщений» (Тихомиров, 1992, с. 63).

Убеждения в стабильности или изменчивости мира

Для А.В. Брушлинского диалектическая изменчивость природного и социального миров (включающих, в частности, и не изменяющиеся в течение какого-то времени объекты) была аксиомой. Неудивительно, что он рассматривал мышление как «отражение непрерывно меняющихся существенных условий жизни» (Брушлинский, 2006, с. 374). По А.В. Брушлинскому, живой, реальный мыслительный процесс всегда есть непрерывное взаимодействие осознанного и неосознанного. Сначала он воплощал эту идею в микросемантическом анализе решения испытываемым задачи (будет ли

гореть свеча в космическом корабле в условиях невесомости?). Затем использовал ее, применяя макроаналитический метод, при котором психолог вычленяет в качестве единиц анализа психического интегративные образования, отражающие обобщенные схемы трансформированного в течение жизни индивидуального и коллективного опыта человека (такими единицами являются события и ситуации).

Изучая психологию субъекта в изменяющемся обществе, А. В. Брушлинский обращал пристальное внимание на события и явления общественной жизни: «Уходящий в историю XX век – наиболее динамичный и самый насыщенный величайшими событиями. Эпохальные научные открытия и технические достижения, гибель в результате войн и террора сотен миллионов людей, развитие демократии (в одних странах) и тоталитаризма (в других), сложнейшие взаимоотношения между так называемым „золотым миллиардом“ и другими миллиардами людей, населяющих нашу планету, опасность глобальной экологической катастрофы, принятие Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 г. Всеобщей Декларации прав человека, информационные войны и т. д. – вот лишь некоторые из многочисленных особенностей заканчивающегося столетия. Еще более событийным оно было для нашей страны: войны и революции, победа над гитлеровским фашизмом, распад Советского Союза, неоднократная и резкая смена власти, собственности, идеологии и т. д.» (Брушлинский, 2000, с. 43).

О. К. Тихомиров тоже всю свою творческую жизнь проводил психологические исследования на основе парадигмы изменчивости (как психических процессов, так и мира в целом). При изучении решения мыслительных задач важнейшими аспектами психологического анализа стали неоднократные переобследования испытуемым проблемного поля. Процессуальная динамика мышления формируется как совокупность нескольких составляющих: а) акта принятия задачи, означающего связывание ее с системой ранее сформированных мотивов и установок мыслящего субъекта; б) развертывания операциональных и личностных смыслов; в) порождения новых потребностей и мотивов; г) целеобразования, формирования заранее незадаанных промежуточных целей; д) регулирующих избирательность мыслительного поиска эмоциональных оценок, которые могут порождаться и неоднократно меняться в ходе актуального решения задачи (Тихомиров, 1981).

В публикациях последнего десятилетия своей жизни О. К. Тихомиров часто обсуждал не конкретно-психологические, а общие

проблемы, связанные с изменением методологических оснований науки и местом психологии в изменяющемся обществе: плюрализм мышления, инакомыслие личности и др. Центральной идеей, красной нитью проходящей через большинство его трудов, стала мысль о необходимости исследования закономерностей появления новообразований в психической деятельности. Он писал: «Новое – всегда противоположность старого, это две связанные категории. В новом педагогическом мышлении (Амонашвили) новизна может быть связана с безоценочностью. Я психологический механизм любого нового мышления, в том числе и педагогического, связываю с применением новых способов, с постановкой новых задач в педагогическом процессе, с новыми мотивами, ценностями, которые он утверждает. Если хотя бы один из этих трех параметров присутствует, то тогда можно говорить о новом педагогическом мышлении. Это – не лозунг, а реальность» (1992, с. 71).

Сознательное и бессознательное в объяснении причин поведения

У А. В. Брушлинского проблема причинности, например каузальной атрибуции, – частный случай принципа детерминизма, заключающегося в том, что внешние причины всегда действуют только через внутренние условия. Соответственно не только осознаваемые, но и неосознаваемые психические явления – это важные составляющие психического развития субъекта. Анализ через синтез, сочетание аналитического стиля мышления с холистическим играли особую роль в его исследованиях личности как субъекта нравственных отношений. Исследования проводились на материале моральных дилемм Л. Колберга, задачи о смертной казни как высшей меры законного наказания и других проблем. Главный вывод из них такой: «Экспериментальное исследование ситуаций, содержащих формальные признаки морального выбора, показало, что выбора с психологической точки зрения здесь не происходит» (Брушлинский, 2006, с. 569).

Для О. К. Тихомирова проблема каузальной атрибуции была особенно важна при обсуждении соотношения мышления и общения. Он отмечал, что межличностное познание включает в себя причинную интерпретацию поведения людей. Интерпретация может быть направлена на поиск и выявление истинных причин поведения другого человека или на приписывание их ему. «Собственно проблематика мышления выступает в тех случаях, когда рассматривается порождение новых атрибутивных схем. Наиболее слож-

ной задачей межличностного познания является познание истинных мотивов поступков другого человека, подлинного смысла его деятельности» (1982, с. 150). В частности, в научных дискуссиях нередко можно обнаружить случаи приписывания оппоненту своих взглядов, за которые затем соперник подвергается разгромной критике (Тихомиров, 1992, с. 67).

Проблемы каузальной атрибуции О. К. Тихомиров включал в более широкий контекст соотношения осознаваемого и неосознаваемого в теоретическом, эмпирическом, реалистическом, аутистическом и эгоцентрическом мышлении, а также сопоставления рассудка с разумом человека. «Рассудок – уровень более элементарный, связанный с эмпирическим обобщением, с индуктивным подходом, а разум – высшая форма интеллектуальной деятельности. У некоторых авторов всегда приоритет разума по отношению к рассудку. А в жизни иногда наоборот. Проблема заключается в том, что есть два вида мышления, каждый из них имеет свои сильные и слабые стороны. У рассудка преимущество в том, что он имеет более широкое поле применения. Там, где разум еще не выработал категориальный подход, рассудок уже позволяет человеку ориентироваться. Разум же связан с более глубоким, более обоснованным, более научным отношением к действительности» (Там же, с. 65). По существу, исследования мыслительной деятельности, в которых был выявлен невербализованный операциональный смысл как одна из единиц бессознательного, направлены на психологический анализ рассудка. Именно рассудок, характеризующийся противоречивым диалектическим взаимодействием логического и психологического, сознательного и бессознательного, представляет собой реальное мышление человека в большинстве жизненных ситуаций.

Заключение

У обоих психологов на протяжении всей творческой жизни проблема фокуса внимания на объектах и контекстах их существования воплощалась в предмете исследования: от конкретно-психологического анализа решения мыслительных задач до глобальных закономерностей формирования «нового мышления», инакомыслия личности (Тихомиров, 1992), характеристик гуманистичности психологической науки (Брушлинский, 2000а) и тоталитаризма (Брушлинский, 2003).

Толерантность к неопределенности и противоречиям, которую проявляли оба психолога, вполне соответствует специфике россий-

ского научного мышления и вообще русской традиции жить в условиях неопределенности и двойственности, не чувствуя при этом дискомфорта (Юревич, 2001, с. 306). На одно из психологических обоснований этого феномена указывает Т. В. Корнилова, ссылаясь на своего учителя О. К. Тихомирова: «В исследованиях интеллектуальных стратегий на основе деятельностного понимания мышления в отечественной психологии была верифицирована теоретическая гипотеза о роли процессов преодоления *субъективной неопределенности* как составляющей субъектного опосредствования структур мышления» (Корнилова и др. 2010, с. 42–43). Личностная готовность действовать при недостатке информации и принимать решения в условиях неопределенности ведет к продуктивному решению конструктивных задач, пониманию и переформулированию целей своей деятельности (там же, с. 164). Такая готовность у двух этих ученых, несомненно, была.

В научном мышлении обоих психологов аналитичность диалектически сочеталась с холистичностью таким образом, что при обнаружении противоречий они не отбрасывали ни одну из возможных альтернатив как абсолютно неприемлемую. Они признавали, что противоречивые свойства познаваемого являются хотя и полярными, но тем не менее неотъемлемыми качествами познавательных и социальных ситуаций. В современном мире другой, явно аналитический стиль мышления ясно виден, например, в рассуждениях и поступках мусульманских террористов, категорически отвергающих христианские ценности.

Говоря об активном интересе обоих психологов к динамике, изменчивости, недизъюнктивности природного и социального мира, можно утверждать, что они в значительной мере предвосхитили те тенденции, которые сегодня становятся ведущими в методологии социогуманитарного познания. Применительно к социальному миру необходимо отметить, что в основании новой парадигмы лежит революционная мысль о том, что мир человека состоит не из стабильных объектов, а из динамично развивающихся событий. Социальная реальность представляет собой «не статическое состояние, а динамический процесс, она происходит, а не существует, она состоит из событий, а не из объектов» (Штомпка, 1996, с. 266). При таком взгляде на социальный мир фокус внимания исследователей смещается с описания фактов на анализ событий. На рубеже веков радикально изменился взгляд на соотношение стабильного и динамичного в мире человека: как утверждает З. Бауман, наше время –

время текущей современности. «Было бы опрометчиво отрицать или даже преуменьшать глубокие изменения условий человеческой жизни, связанные с наступлением „текущей современности“. Отдаленность и недостижимость системной структуры в сочетании с неструктурированным, текучим состоянием непосредственных обстоятельств реализации жизненных принципов радикально изменяет эти условия и требует пересмотра старых понятий, которые использовались в качестве рамок при их описании» (Бауман, 2008, с. 14).

В исследованиях А. В. Брушлинского и О. К. Тихомирова, направленных на изучение соотношения сознательного и бессознательного в мыслительной деятельности, эта идея неоднократно получала экспериментальное подтверждение. Достаточно вспомнить выявленные ими феномены немгновенного инсайта и операционального смысла.

* * *

Итак, анализ творчества двух замечательных российских психологов показал, что научное мировоззрение каждого из них далеко от полярных проявлений аналитичности и холистичности. Напротив, публикации А. В. Брушлинского и О. К. Тихомирова свидетельствуют об осознании ими продуктивности использования как аналитического, так и холистического способов рассуждений при исследовании большинства психологических проблем. И такая позиция соответствует передовым тенденциям развития не только психологической науки, но и общей методологии социогуманитарного познания.

3.3. Мышление, познание и самопонимание

Более четверти века назад мы с О. К. Тихомировым поставили перед собой задачу переосмыслить ответ на парадоксальный вопрос, сформулированный еще М. Вертгеймером: что лучше – мыслить или знать? (Тихомиров, Знаков, 1989). Для того чтобы решить задачу, поставленную Вертгеймером, нам пришлось сформулировать и ответить на несколько дополнительных вопросов, относящихся к соотношению мышления, знания и понимания. Существует ли понимание, совершающееся без участия мышления? И наоборот: возможно ли мышление без понимания? Существует ли специфический процесс понимания, отличный от процесса мышления, неоднократно изучавшегося в психологических исследованиях? Можно ли говорить о понимании как специфическом виде мышления?

В чем сходство и различие психологического содержания двух проблемных областей, которые условно можно назвать «знать и понимать» и «познавать и понимать»?

Результаты наших теоретических размышлений и эмпирических исследований, предельно обобщая, можно свести к следующему.

Понимание не является самостоятельным психическим процессом, таким, как внимание, память и т. п. Оно представляет собой результат мышления, но одновременно и один из его процессов, участвующих в обеспечении успешности решения задачи. Мышление направлено на поиск и переработку новых знаний, а понимание – на порождение смысла знаний, полученных субъектом в ходе мыслительной деятельности. Понимание всегда основывается на знании, полученном как в текущей, так и предыдущей мыслительной деятельности. В свою очередь, любое знание содержит в себе потенциальные возможности его понимания. Связующим звеном между знанием и пониманием в процессе мышления является смысл отраженного в знании фрагмента предметного мира. Адекватное отражение человеком предметного мира в знании происходит в процессе оперирования объектами, из которых состоит мир. Мышление представляет собой познавательную деятельность, в ходе которой субъект, взаимодействуя с объектом, выявляет некоторые неизвестные ранее стороны, свойства последнего, получает новое знание о нем. Понимание отличается от знания прежде всего тем, что представляет собой осмысление знания, действия с ним.

При этом ключевую роль играют мыслительные действия, направленные на постановку и решение вопросов о содержании знания, его строении, внутренней структуре, а также связях с другими, не отраженными непосредственно в нем сторонами действительности. Еще в XIX в. об этом писал В. В. Розанов: «Знание и понимание различаются по природе и происхождению. Первое ограничивается простым сознанием, что объект его существует; причем ни один из вопросов, которые могут быть предложены относительно этого объекта, не находит разрешения и, что касается до чистого знания, даже не возбуждается; так как это возбуждение вопросов, идущих дальше сознания простого существования, и стремление их разрешить есть переход к пониманию. Последнее же включает в себе сознание, что то, что существует, и не может не существовать; причем совокупность всех вопросов, которые могут быть предложены относительно его объекта, получает разрешение» (Розанов, 1996, с. 14). Он проиллюстрировал различие между знанием и понима-

нием на таком примере: физические тела при нагревании расширяются. По Розанову, знание есть простое сознание существования того, что мы видим: изменение температуры тел и их объема. Знание ограничивается внешними признаками и формами явления, непосредственно наблюдаемыми. В отличие от знания для возникновения понимания необходимо сформулировать и ответить на два вопроса: «как?» и «почему?», т. е. какой внутренний процесс происходит при нагревании тела и увеличении его объема и почему тело, нагреваясь, увеличивается? «Оба эти вопроса в разбираемом знании остаются без ответа: в нем мы имеем указание на два явления, из которых одно следует за другим, но почему это так и что именно происходит при этом в телах, это остается неизвестным, а потому и самое явление – непонятным» (там же, с. 16).

Возвращаясь к современной психологии мышления и понимания, следует сказать, что действуя, мысленно преобразуя отраженный в знании фрагмент действительности, человек выходит за его непосредственные границы. Например, понимая художественное произведение, картину, зритель (соучастник творчества) включает его объективное содержание в контекст своего опыта и пытается определить замысел художника. Осуществляя выводы, выдвигая гипотезы, совершая другие мыслительные действия по преобразованию объекта познания, субъект получает новое знание о нем. Вследствие этого в акте понимания субъекту нередко открываются такие стороны объекта, которые не были в явном виде представлены в исходном знании.

Такая трактовка знания в 1990-е годы дала мне возможность определить признаки, по которым можно различать знание и понимание: «Понимание отличается от знания прежде всего тем, что представляет собой осмысление знания, действия с ним. Однако следует подчеркнуть: человек понимает не знание, а отраженный в нем предметный мир. Знание – это не цель понимания, а средство. Разнообразные знания подобны стеклам очков: в познании и общении они играют роль линзы, с помощью которой мы лучше видим и понимаем окружающее» (Знаков, 1994, с. 67). Сегодня метафору очков продуктивно используют многие психологи. Например, Дж. Холлис пишет: «Любая реальность в определенной мере формируется очками, через которые мы на нее смотрим. Родившись на свет, мы сразу становимся обладателями множества очков: генетическая наследственность, пол, особенности культуры и разнообразие нашего семейного окружения – все эти факторы формируют наше ощущение

ние реальности. Спустя какое-то время, оглядываясь назад, приходится признать, что наше видение реальности не соответствовало истинной природе вещей: мы видели реальность сквозь эти очки» (Холлис, 2013, с. 14–15).

Процесс познания представляет собой постановку человеком вопросов об интересующих его сторонах действительности и поиск ответов на них, формулирование проблем, задач и их решение. В результативном плане познание – это совокупность знаний, возникающих вследствие ответов на вопросы и решения задач. Акты познания, в том числе и те, которые впоследствии приобретают общественную форму и определяют прогресс человечества, совершаются в головах конкретных людей в процессе их мышления. Отношения между познанием и мышлением сложны и противоречивы. Познание переходит в мышление и практически перестает быть самим собой, когда продукт взаимодействия субъекта с объектом, т. е. знание, превращается в процесс (Пономарев, 1967). Включаясь в процесс мышления, знание становится дополнительным стимулом его развития и источником получения нового знания о действительности. В момент получения нового знания завершается один из циклов мыслительной деятельности. В этот момент мышление – поиск нового, неизвестного – снова на мгновение превращается в познание: человек узнает то, к чему стремился. Затем начинается следующий цикл взаимодействия человека с миром, образованный переходом познания в мышление и последнего снова в познание.

Какое место в диалектике отношений познания и мышления занимает понимание? Как в теории познания, так и в психологии мышления давно известно, что во время решения познавательной задачи субъект неоднократно переформулирует ее исходные условия. В каждой новой формулировке задачи уже в какой-то мере заключено неявное знание, являющееся решением этой задачи. У человека сформируется операциональный смысл последовательности шагов мыслительного поиска, он поймет переформулированную задачу и решит ее, если сделает такие предположения и выводы из изменившейся ситуации, которые не противоречат объективным условиям задачи и соответствуют целям познающего субъекта (например, если шахматист догадается, что размен ферзя может повлечь за собой утрату инициативы и в конечном счете привести к проигрышу). Функция понимания в познании состоит в осмыслении, анализе знания, имеющего для субъекта проблемный характер, в раскрытии его происхождения и потенциальных возможностей.

Проблемное знание отражает область тех неизвестных человеку закономерностей или способов действия, которые он не может раскрыть, опираясь только на прошлый опыт и достигнутый уровень способов действия. Анализируя непонятные события или ситуации, отраженные в проблемном знании, человек определяет, какие предположения и умозаключения можно сделать, какие ответы возможны на вопросы по проблемному знанию на разных стадиях решения задачи. Совершенные догадки, предположения, умозаключения, найденные ответы на вопросы и образуют различные конкретные операциональные смыслы знания для познающего субъекта.

В современной психологии исследования понимания как решения познавательных задач проводятся, например, применительно к изучению информационных знаков, в частности, дорожных. В этом контексте процессы и результаты восприятия и осмысления знаков анализируются как действующая психологическая модель когнитивных процессов, обеспечивающих работу социального интеллекта в повседневных ситуациях межличностного взаимодействия. Авторы одного из исследований отмечают, что помещение знака в неожиданный контекст позволяет проследить, как реципиент строит смысловые связи, пытаясь увязать два ментальных пространства, далеко отстоящие одно от другого в его опыте (Осори́на, Целяева, 2014).

Аналогичная трактовка понимания распространена и в исследованиях понимания переносного смысла метафор (Аванесян, 2015). В этом случае ключевой категорией тоже оказывается категория «ментального пространства». В теории концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера для описания событий и ситуаций используется конструкт «ментального пространства», состоящего из концептуальных структур мыслящего субъекта. В процессе понимания метафор их смысловая репрезентация возникает в психике понимающего субъекта в результате наложения нескольких ментальных пространств, объединяемых понятиями метафоры (Fauconnier, Turner, 2008). Теория ментальных пространств (*mental spaces theory*), разработанная Ж. Фоконье, впоследствии была развита М. Тернером. Методологическим основанием теории стала логика возможных миров. Смысл предложения рассматривается как порождение возможного мира, в котором описанная ситуация воспринимается как реальность. Согласно теории, смысл любого предложения может быть порожден посредством анализа ментальных пространств понимающего мир субъекта. Ментальное пространства – это когнитивные

структуры или сценарии, которые при чтении текста спонтанно и неосознанно актуализируются в уме рецензентов. Ж. Фоконье выделял ментальные пространства двух типов: пространства базы (они включают объекты, понятные всем собеседникам) и пространства-конструкторы, содержащие объекты, на основании которых люди могут порождать новые пространства. Именно такие пространства используются для выхода за рамки реальной действительности и стимулируют воображение, гипотезы, фантазии.

Ментальные пространства в виде сценарных репрезентаций играют большую роль также при понимании переносного смысла шуток. В современной психологии юмор рассматривается как неотъемлемая составляющая творческого мышления, потому что «процессы, лежащие в основе понимания и продукции юмора, по многим признакам сходны с процессами решения творческих (инсайтных) задач» (Коровкин, 2015, с. 174). Как и для решения творческой задачи в целом, для понимания юмора мыслящему субъекту необходимо почти мгновенно переструктурировать репрезентацию отраженной в шутке или задаче ситуации. В результате и понимания юмора, и решения творческих задач возникает инсайт (Kozbelt, Nishioka, 2010). Переструктурирование необходимо потому, что и в шутках, и особенно в анекдотах наблюдается смысловое противоречие между сценариями. Понимание связано с поиском таких способов разрешения противоречия, которые проявляются в виде «внезапной» смены репрезентаций, сценариев, фреймов. (Говоря о кажущейся мгновенности возникающего понимания, не следует забывать о феномене немгновенного инсайта, открытом в психологии мышления Брушлинским – 2006.)

Обсуждая противоречивые концептуальные репрезентации, одни психологи говорят о двух ментальных пространствах (Щербакова, 2010), другие пишут о необходимости для понимания переключения с одного фрейма на другой (frame switching – Hong et al., 2000). Конфликтное сосуществование в любом юмористическом высказывании двух противоречащих друг другу концептуальных репрезентаций можно проиллюстрировать на примере новогодней шутки: «Дорогая редакция, скажите, пожалуйста, Дед Мороз существует или нет? А то мама говорит, что существует, а жена смеется». Начало шутки отсылает читателя к привычному для любого взрослого ментальному пространству, фрейму детского вопроса, а чтение конца парадоксальным образом обнаруживает, что сам вопрошающий вовсе не является ребенком. Понимание вопроса не как серь-

езного, а именно как юмористического происходит путем перехода внутри ментальных пространств, переключения с одного фрейма на другой.

Итак, понимание как один из компонентов решения задачи в частности и познания в целом связано не столько с процедурами получения нового знания (операциями и действиями по преобразованию наличной ситуации, переформулированию исходных условий задачи, поисками новых способов решения и т. п.), сколько с процедурами его осмысления, порождения смысла. С этой точки зрения понимание представляет собой не простую констатацию наличия проблемного знания в мыслительной деятельности. Понимание включает выяснение того, почему что-то непонятно, почему в процессе мышления получено именно такое знание, а также на какие потенциальные вопросы оно может ответить, какую роль сыграть в решении задачи. Понимая, мыслящий субъект исходит из своих целей деятельности и, кроме того, учитывает конкретные особенности понимаемой ситуации. В зависимости от этих факторов он устанавливает связи анализируемой ситуации либо с прошлым, известными ситуациями (выбираемыми в качестве образцов, ценностных ориентиров), либо с будущим, прогнозируемыми ситуациями (они также становятся эталонами для сравнения). В первом случае понимаемое приобретает для субъекта смысл понимания-узнавания, во втором – понимания-гипотезы (см. раздел 4.6).

Творческий, преобразовательный характер понимания побуждают психологов задуматься над тем, что, вероятно, прав был российский мыслитель А. Ф. Лосев, который писал: «Мышление и понимание – принципиально различные сферы сознания... Мышление есть как бы некий механизм, превращающий неоформленное сырье в данные технически оформленные вещи. Понимание же заново перекраивает и переделывает эти вещи, придавая им новый стиль и новое единство, какого там, в первоначальном их появлении, совсем не было... Понимание даже не есть процесс чисто интеллектуальный, каковым, несомненно, является мышление» (Лосев, 1997, с. 49). Истинность последнего утверждения становится очевидной и неоспоримой сразу же, как только современный исследователь вспоминает о том, что понимание является не только когнитивным феноменом, но и экзистенциальным (Бакеева, 2002; Знаков, 2005).

Описанные выше научные представления о мышлении, знании и понимании дают современным психологам основания для развития идей О. К. Тихомирова о соотношении мышления и самосозна-

ния субъекта. В конспективной форме они были изложены в монографии «Психология мышления» (Тихомиров, 1984, с. 201–211). Он писал о том, что человек осознает и познает не только предметы окружающего мира, но и особенности людей, включая себя, свои психические процессы, свойства и состояния. В последнем случае речь идет об исследованиях самосознания и таких важных его составляющих, как самопознание и самопонимание. Тихомиров, как и другие психологи, отмечал, что в самосознании обычно различают образный и понятийный компоненты, говорят о «Я-образе» и «Я-концепции»: образ себя и знания о себе. Однако он сделал еще один шаг вперед на пути анализа и дифференциации психологического содержания самосознания. Он писал о том, что поскольку «необходимо различать мышление и знание, поэтому наряду с традиционным термином „Я-концепция“ мы вводим менее привычный термин „Я-мышление“, имея в виду процесс выработки человеком знаний о самом себе, которые образуют (или преобразуют) его „Я-концепцию“, процесс осознания, в котором человек как личность, индивид, индивидуальность является не только субъектом, но и объектом мышления» (Тихомиров, 1984, с. 201). Естественно, что в соответствии со смысловой теорией мышления для О. К. Тихомирова процессы осознания субъектом себя были неразрывно связаны с формированием операциональных смыслов.

Смысл в значительной степени является не когнитивным, а экзистенциальным образованием. В отличие от знаний, получаемых в результате мыслительной деятельности, смысл – это такое порождение экзистенциального опыта субъекта, которое основано на осознании им ограниченности когнитивных рациональных схем знаний о мире. Именно поэтому глубинные смыслы Я в большей степени доступны самопониманию, чем самопознанию. Процесс самопонимания дает субъекту возможность перехода к другим интерпретационным схемам, выхода на метауровень анализа себя, обращения как к глубинам, так и вершинам своего Я. В результате человек становится способным выйти за свои пределы, в более широком, чем раньше, контексте представить и оценить себя. Такое самопонимание, с одной стороны, характеризуется меньшей осознанностью, но, с другой – более явным субъективным ощущением глубины, невысказанности и потенциальных возможностей развития собственного Я.

Психологический анализ выхода за пределы себя важен не только с познавательной точки зрения, т. е. выявления тех умственных

операций и действий, посредством которых субъект познает и понимает себя. В бытийном плане смысложизненные ориентации имеют для каждого человека не только конкретное адаптационное значение, но и более глубокий экзистенциальный смысл. К «пониманию себя в мире», «экзистенциальным размышлениям о себе» субъект приходит благодаря ретроспективному и антиципирующему интересу к своему внутреннему миру. Они направлены на поиск смысла своего существования, своих поступков и мысленного выхода за пределы не только конкретной коммуникативной ситуации, но и собственной жизни, включения ее в иную систему координат, в которой жизнь наделяется смыслом. Экзистенциальные составляющие психики воплощаются не столько в научно достоверных знаниях и познавательной деятельности, сколько в смыслах и приобщении к разнообразным ценностям. С этой точки зрения понять – значит приобщиться к понимаемому, представляющему определенную ценность для понимающего субъекта и соотносённому со смысловыми образованиями его личности. К примеру, «Давида» Микеланджело можно проанализировать физическими, химическими и другими методами, но они не позволят понять смысл шедевра эпохи Возрождения. Понимание наступит только тогда, когда человек посмотрит на статую не как на каменную глыбу, а как на предмет культуры, имеющий общечеловеческую ценность.

Согласно современной экзистенциальной традиции бытие непроницаемо для мышления и, следовательно, не может быть описано в понятиях: экзистенция есть то, что всегда ускользает от рационального понимания (Большов, 1999). В экзистенциальной традиции проблема соотношения знания и понимания ставится иначе, чем в когнитивной и герменевтической. С когнитивной точки зрения знание, в котором отражается внешний и внутренний мир, служит человеку основанием для рациональной деятельности. С герменевтической точки зрения понимание не только основывается на знании. Понимание порождается умственным действием, интерпретацией: путем выхода за пределы содержания знания, включения его в некоторый уже известный понимающему субъекту и актуализуемый им из памяти контекст. В экзистенциальной традиции контекст нередко оказывается принципиально непознаваемым, существующим как некое непостижимое и неизреченное единство человека с миром.

В основе экзистенциальной интерпретации понимания лежит неоднократно высказываемая многими философами мысль о труд-

ности постижения и даже неуловимости истины для разума. Главная причина интеллектуальной непостижимости истины заключается не только в ее неисчерпаемости и бесконечности, но и в несказанности. Истина оказывается гораздо больше, выше, масштабнее всего, что можно поименовать, высказать словами: в неосознаваемости истины всегда в свернутом виде, неявным образом содержится знание о ней.

Учитывая сказанное, неудивительно, что с экзистенциальной точки зрения задача понимания для субъекта состоит в том, чтобы интуитивно постичь целое еще до ясного осознания его частей. Процесс понимания, предшествуя знанию, порождает плохо осознаваемый понимающим субъектом контекст понимаемого. И чем отчетливее человек осознает ограниченность своего знания, его слитность с непознаваемым контекстом, тем, как это ни парадоксально, он осмысленнее им оперирует.

Одной из главных причин трудностей, возникающих у субъекта при постижении глубинных смыслов Я, является непрозрачность отношений между осознаваемым и неосознаваемым. При психологическом анализе смыслообразования преодолевать эти трудности следует путем обращения к результатам уже проведенных психологических исследований. Особенно значимый вклад в анализ соотношения осознаваемого и неосознаваемого в психике внесли выдающиеся отечественные психологи О. К. Тихомиров и А. В. Брушлинский. Тихомиров, развивая смысловую теорию мышления, установил, что в мыслительной деятельности важное значение имеют не только рефлекслируемое субъектом знание, но и невербализованные операциональные смыслы, установки, эмоциональные предвосхищения (Тихомиров, 1981). Брушлинский, осуществляя микросемантический анализ личностного и процессуального планов мыслительной деятельности, показал их отношение к сознанию и бессознательному. Он писал: «Мышление в личностном своем аспекте осуществляется в основном, но не полностью на уровне сознания, а мышление в процессуальном аспекте формируется преимущественно, но не полностью на уровне бессознательного (отчасти на уровне интуиции)» (Брушлинский, 2006, с. 549).

Сегодня в гуманитарных науках все большее распространение получает точка зрения, согласно которой понимание одновременно является и самопониманием. Такая трактовка соотношения понимания и самопонимания вполне соответствует современной тенденции интерпретации природы гуманитарного знания. Характерная

особенность этой тенденции состоит в стремлении ученых-гуманитариев расширить критерии рациональности за счет включения в структуру научного знания так называемого невербализованного «живого знания», предшествующего в повседневной жизни логически осознанному объяснению понятых субъектом фактов, событий, явлений. Метафора живого знания (Зинченко, 1998) хорошо вписывается в представления психологов о процессуальности познания мира человеком. Вместе с тем она ясно указывает на неодинаковость, нетождественность самопознания и самопонимания. Познавая мир и себя в мире, субъект получает знания путем ответа на *констатирующие* вопросы типа «Что это такое?» или «Что это означает?» Ответы на такие вопросы приводят нас к узнаванию чего-то нового, но не обязательно понятного. И это справедливо даже в том случае, если субъект, отвечая на вопрос «Кто я?», осознает подвижность своей личностной или этнической идентичности, ее неоднозначность и принципиальную множественность (Bamberg, 2011). Вследствие этого оказывается возможной такая парадоксальная ситуация, при которой человек может достаточно хорошо знать, но не понимать себя. В процессе самопонимания мы отвечаем на вопросы другого типа – *причинные*: «Зачем я так поступил?», «Почему этот человек так добр ко мне?» Причинное знание по своей сути есть отражение углубления в сущность предметов и явлений, и потому оно никогда не оставляет прежней психику получающего это знание субъекта. Не удивительно, что, понимая что-то во внешнем мире, мы и углубляемся в себя, и возвышаемся над собой.

Самопознание имеет дело с поиском знаний, накоплением, анализом, категоризацией информации о себе. Самопонимание же относится скорее к осмыслению этой информации, приданию ей смысла, ее объяснению, рассмотрению возможных причин и следствий. Необходимо уточнить, к каким сферам бытия человека в мире может быть применимо самопонимание. Во-первых, субъект может понимать свои индивидуально-психологические особенности – знания, умения, мотивы, достижения, планы и т. п. Во-вторых, понимать свое отношение к неодушевленным элементам человеческого мира – труду, деньгам, вещам и т. п. В-третьих, понимать тип своего отношения к другим людям. В-четвертых, у него может быть рефлексивное отношение к тому, как его оценивают другие. В-пятых, субъект должен знать, на какие духовные (интеллектуальные, моральные и эстетические) образцы он ориентируется в жизни, а также понимать, в какой мере он соответствует этим образцам.

Самопознание и самопонимание объединяет рефлексивный характер психической деятельности субъекта. Рефлексия выступает в роли самоорганизации и саморегуляции внутреннего мира субъекта. Рефлексивное обращение субъекта внутрь себя способствует саморегуляции достижения целей самореализации и самосовершенствования его субъектных и личностных качеств. Именно саморегуляция обеспечивает пропорциональность усилий, соответствие активности субъекта требованиям деятельности, согласование ее с действиями других людей путем выбора необходимого уровня этой активности (Моросанова, 2010).

С позиций психологии человеческого бытия понимание нужно человеку для того, чтобы понять самого себя, определить, что он есть, какое место занимает в мире. В конечном счете смысл нашего бытия действительно состоит в понимании, а главное предназначение субъекта – искать смысл жизни, понимать ее. Понимая мир, человек должен понять себя не как объект, а осознать изнутри, со стороны смысла своего существования.

Почему понимание одновременно является выходом вовне и таким актом самопонимания, который оказывается изменением психической реальности понимающего субъекта, возвышающим его над «бренной телесной оболочкой»? Для специалистов по психологии понимания ответ на этот вопрос очевиден. Разнообразные познавательные подходы к изучению понимания внесли существенный вклад в раскрытие психологических механизмов этого феномена, но вместе с тем уже почти исчерпали себя. Сегодня мы немало знаем об основных условиях возникновения понимания, различных формах, в которых оно проявляется, свойствах личности, детерминирующих специфику понимания. Однако эти знания мало способствуют уяснению сути духовного Я понимающего мир человека. Я имею в виду то невыразимое в познавательных категориях возвышенное состояние, которое возникает в самые творческие мгновения акта понимания. Поиски психологических оснований духовного Я понимающего субъекта бессмысленны в рамках когнитивной психологии, потому что такие основания скорее соответствуют психологии человеческого бытия.

В психологии на взаимосвязь понимания и самопонимания указывают многие ученые. В частности, по мнению Ф. Фролиха, самопонимание субъекта является обязательным условием понимания других людей (Frohlich, 2005). Понимание другого, по сути, есть обнаружение Я в Ты. Эта мысль выражена в рекламе «Радио России»:

«Когда вы слушаете „Радио России“, вы слышите себя». Навыки понимания объектов, явлений неживой природы также способствуют пониманию других, что, в свою очередь, позволяет нам лучше понимать себя. В каждом акте понимания человек осмысливает себя через *проекцию собственных возможностей*. То, что мы понимаем о ситуациях человеческого бытия, нельзя отделить от того, как мы *видим нас самих* в свете этих ситуаций. А то, как мы видим себя, в свою очередь, обуславливает то, как мы интерпретируем контексты, в которые вовлечены (Kerdeman, 1999). Например, психологические исследования показывают, что конкретный характер самопонимания в значительной степени зависит и от того, к какой социальной или этнической общности относит себя человек, с какой позиции он пытается получить ответы на жизненно важные вопросы (Тучина, 2013).

Отсутствие навыков самопознания и самопонимания сегодня составляет не только научную, но и общественно-политическую проблему. В современном обществе нежелание, неумение, боязнь многих людей осознавать и понимать себя наблюдается не только в межличностных отношениях, но и на уровне массовых проявлений социальной активности. Например, за поступками многих так называемых борцов за социальную справедливость, членов различных партий, обещающих народу лучшую жизнь, ясно видна их неспособность обратить внимание на самих себя, сосредоточиться на решении своих личных проблем. Неудивительно, что, не понимая себя, такие политические деятели плохо понимают избирателей; это – одна из причин того, что они выдвигают нереальные, несуществимые политические и социальные программы. Однако, как отмечает немецкий психолог В. Келер, самопонимание является серьезной проблемой еще и потому, что человек даже при наличии желания, соответствующей мотивации может не понимать себя. Истоки проблемы самопонимания следует искать в расхождении между тем, как анализирующий себя человек действительно понимает себя, и тем, как он *должен* понимать, т. е. как ему следовало бы понимать себя в соответствии со своим настоящим, подлинным бытием. Немалые сложности возникают вследствие существования *трех* не совпадающих типов представлений о себе: 1) реального, по мнению субъекта, образа Я; 2) такого, каким он хотел бы быть (желаемого Я); 3) образа того, чего он о себе реально не знает (образа, соответствующего его сущности, подлинному бытию) (Köhler, 2004).

Что касается экзистенциального самопонимания, то оно более трансцендентно, чем когнитивное. Такое самопонимание основано на большем принятии субъектом противоречий в своем Я, меньшем стремлении всему найти рациональное объяснение, понимании ограниченности когнитивных, рациональных способов объяснения стабильности своего внутреннего мира и осознании динамики изменяющихся, временных ценностно-смысловых образований Я. В формировании таких образований существенную роль играет плохо поддающаяся рефлексии структура личностного знания человека, включающая наряду с достоверным знанием и совсем неосознаваемые компоненты. Формирование самопонимания происходит посредством взаимодействия и изменения когнитивных репрезентаций себя в мире и экзистенциального опыта субъекта, приобретаемого им в разнообразных ситуациях человеческого бытия. Естественно поэтому, что именно сочетание когнитивных и экзистенциальных способов анализа представляется мне наиболее перспективным и современным направлением психологического исследования проблемы самопонимания.

Особенно отчетливо это видно в работе У. Д. Блаттнера (Blattner, 1996). Он анализирует разницу между устойчивыми физическими (объективными) характеристиками (*physical state-characteristics*) и возможными интерпретациями себя (*self-interpretive ability-characteristics*). Блаттнер приводит такой пример: Джина – женщина. Это ее природная характеристика, биологический пол. Однако то, каким образом Джина воспринимает себя как женщину, – это уже специфика ее интерпретации себя. В частности, фемининность Блаттнер называет характеристикой возможных интерпретаций себя: то каким образом женщина описывает свой биологический пол. Второй пример, который он приводит для объяснения различий между двумя категориями характеристик: иметь рост два метра – это биологическая характеристика. А вот понимать, что ты очень высокий – характеристика возможной интерпретации себя. Более того, обладатель двухметрового роста может осознавать свое бытие высокого человека как нечто негативное (в этом случае он будет ощущать себя неуверенно, сутулиться, бояться задеть дверной проем). В позитивном варианте самоинтерпретации он будет ходить, расправив плечи, гордо «возвышаясь» над остальным миром.

Таким образом, возможностей для интерпретаций той или иной физической особенности у человека великое множество. Следовательно, по Блаттнеру, самопонимание является интерпретацией,

осмыслением своего бытия во всех его природных и социальных проявлениях, выбором одного варианта интерпретации из множества альтернативных. Такая трактовка самопонимания фокусирует внимание психологов на соотношении знания и интерпретации. Человек в процессе самопознания формирует новые знания о себе (например, к какому биологическому полу он/она принадлежит), но любое знание может быть интерпретировано множеством различных способов. Мир предлагает человеку большое количество таких потенциалов, а его задача заключается в том, чтобы выбрать из них единственную интерпретацию, отбросив альтернативные. Причем это вовсе не означает наилучшего для него выбора, наиболее приемлемой интерпретации того или иного знания о себе. Выбранная интерпретация может оказаться для субъекта губительной, более того – приносить ему страдания (Blattner, 1996).

* * *

Итак, с точки зрения психологии человеческого бытия именно в исследованиях самопонимания, во-первых, наиболее органично сочетается анализ когнитивных и экзистенциальных компонентов психики человека. Во-вторых, логика таких исследований побуждает психологов изучать понимающего субъекта внутри бытия. С этой позиции испытуемый анализируется как человек, стремящийся выйти за свои пределы, узнать правду о себе и приходящий к выводу об ограниченности когнитивных, рациональных способов объяснения стабильности своего внутреннего мира.

3.4. Понимание мудрости и мудрость постижения себя и других

В наше время проблема мудрости снова становится одним из важнейших предметов исследования в психологической науке, значимость которой признают как когнитивисты, так и экзистенциальные психологи. В российской психологии существенный вклад в развитие исследований мудрости внесла Л. И. Анцыферова. Основываясь на ее трудах, я проанализирую взаимосвязь понимания мудрости и мудрость постижения себя и других как характеристику личности этого известного отечественного ученого.

Цель раздела – проанализировать взаимосвязь содержания феноменов мудрости и постижения в исследованиях Л. И. Анцыферовой.

В конце XX в. ученые, изучающие психологию мудрости, пришли к заключению, что ее нельзя связывать только с когнициями, в частности, с высокими интеллектуальными достижениями. Большое предсказательное значение играют личностные факторы: открытость опыту, интерес к другим, особенно более молодым людям («генеративность» по Э. Эриксону: стремление взрослого человека психологически увековечить себя путем осуществления долговременного и значимого вклада в окружающий мир), креативность (Baltes, Kunzmann, 2003). В динамическом плане мудрость рассматривается современными учеными как «поиск лучших мнений в отсутствие точных знаний» (Эпштейн, 2004, с. 794). В структурном плане мудрость – это особым образом организованное сочетание ума и добродетелей (Baltes, 2004). Мудрые люди отличаются ориентацией на максимизацию общего блага, а не индивидуального благосостояния. Они толерантны, осознают релятивизм человеческих ценностей, чувствительны к отличиям других от себя. Понимая, что не все может быть определенным, их усилия направлены на оптимизацию способов жизни в условиях неопределенности (Baltes, Kunzmann, 2003). Вследствие этого можно утверждать, что мудрость экзистенциальна в широком смысле этого слова: она представляет собой «такое знание, которое становится способом существования, это знание не того, что существует, а того, как существовать» (Эпштейн, 2004, с. 797).

У Л. И. Анцыферовой была своя, оригинальная точка зрения на проблему мудрости. Ее своеобразие заключается в концентрации, фокусе внимания главным образом на двух характеристиках этого феномена. Первая характеристика – возрастной аспект мудрости, попытка дать собственный ответ на вопрос: можно ли утверждать, что мудрость это прерогатива людей пожилого возраста? Вторая анализируемая сторона мудрости состоит в том, что ее психологическим основанием является дар предчувствия, предугадывания, чувствительность к близости неожиданного. Это значит, что в условиях присущей миру неопределенности принятие мудрых оптимальных решений требует от субъекта интуиции, таких предсказаний возможных вариантов развития понимаемых ситуаций, которые основаны не только на знании, но и на чувственном постижении мира и себя в мире.

Как и другие психологи (Леонтьев, 2011), Л. И. Анцыферова начинает исследование проблемы с анализа «Берлинской парадигмы мудрости» П. Балтеса и его учеников (Baltes, Kunzmann, 2003; Baltes,

2004 и др.). В рамках этой парадигмы к обобщенным критериям мудрости относятся глубокое проникновение в развитие человека и в суть его жизненно важных проблем, а также взвешенные суждения и советы при интерпретации трудных жизненных ситуаций. Более специализированными критериями считаются: обширный репертуар знаний жизненных фактов, относящихся к разным ситуациям; процедурное знание стратегий и умений, позволяющих выносить зрелые суждения и давать обоснованные советы; контекстуальность: знания о том, что жизнь осуществляется в разных социальных, общественных, межличностных контекстах и на разных уровнях индивидуального развития; релятивизм: знание о том, что разные люди и различные социальные группы обладают значительно отличающимися друг от друга ценностями, целями и приоритетами; неопределенность: знание об относительной индетерминированности и непредсказуемости жизни, порождающее разные способы управления ею (Анцыферова, 2004, с. 18).

Важной психологической характеристикой мудрого человека является его эмоциональная зрелость, устойчивость и уравновешенность. Последняя означает отсутствие склонности к активному выражению положительных и отрицательных эмоций. О такой характеристике мудрого поведения людей много лет назад писал Б. Спиноза: «Итак, мысленно обращаясь к политике, я не имел в виду высказать что-либо новое или неслыханное, но лишь доказать верными и неоспоримыми доводами или вывести из самого строя человеческой природы то, что наилучшим образом согласуется с практикой. И для того чтобы относящееся к этой науке исследовать с тою же свободой духа, с какой мы относимся обыкновенно к предметам математики, я постоянно старался не осмеивать человеческих поступков, но огорчаться ими и не клясть их, а понимать» (Спиноза, 1970, с. 405).

В наше время психологические исследования, проведенные за последние четверть века, опровергли распространенное мнение о том, что мудрость – это редкое свойство личности, обретаемое человеком в пожилом возрасте и старости. В этом контексте уместно вспомнить, что коллега Л. И. Анцыферовой А. В. Брушлинский неоднократно в разных ситуациях повторял шутку: «Говорят, что мудрость приходит со старостью, но иногда старость приходит одна».

Сама Л. И. Анцыферова высказывает два соображения, принципиальные для понимания психологических механизмов мудрости. Во-первых, она указывает, что опыт работы К. Г. Юнга и других пси-

хологов «дают основание полагать, что развитие мудрости в период поздней взрослости опирается на растущую целостность личности, на расширение ее психологической масштабности» (Анцыферова, 2004, с. 22). Важно подчеркнуть, что целостность и масштабность личности может проявиться уже в молодости: «У одной личности мудрость может появиться в ранние годы, у другой – на пороге средней взрослости, а может быть, и позднее» (Анцыферова, 2005, с. 12). Во-вторых, отрицая жесткую причинную связь возраста человека и поведенческих проявлений мудрости, она пишет: «Я придерживаюсь определения мудрости как вершинного образования целостной личности, но это образование особого рода. При слове „вершина“ обычно в уме возникает образ горы, за высшей точкой которой следует крутой спуск. Но за понятием „мудрость“ стоит представление о вершине мощного дерева, которое непрерывно растет. Его вершинные образования погибают только вместе с гибелью дерева... От всех достигнутых вершинных образований личности мудрость отличается, помимо целостности и конгруэнтности проанализированных ее свойств, присущей ей способностью к непрерывному росту, развитию, образованию новых способов осуществления жизни в радикально меняющихся социальных обстоятельствах, неожиданных переменах своего психоорганизмического жизненного опыта. Мудрость – это растущее вершинное образование интегрированной личности» (Анцыферова, 2005, с. 12).

Вторая характеристика мудрости все время является объектом пристального внимания и предметом глубоких размышлений Л. И. Анцыферовой. По ее мнению, мудрый субъект отличается от других людей не только более дифференцированным постижением мира, но и углубленной интерпретацией жизненного опыта – своего и чужого. Ссылаясь на К. Роджерса, она подчеркивает необходимость и важность понимания себя: без этого психотерапевт не может давать советы пациенту или обучать его приемам постижения своего истинного Я – того, кем он является в действительности. К аналогичному выводу она приходит, анализируя труды С. Кьеркегора: «Мудрость – прежде всего глубокое постижение индивидом своей истинной природы и призвания» (там же, с. 8). Постигание себя и других как необходимый компонент мудрости упоминается в ее работах чуть ли не на каждой странице: «Несомненно, что человек, обладающий (в той или иной мере) даром мудрости, должен эмпатически, на интуитивном уровне чувствовать не только то, что сам обращающийся за советом не осознает в себе, но и постигать его

уникальность. Таким образом, в проблемном поле мудрости органично выделяются вопросы понимания человеком того, кем он является на самом деле, каковы проявления рассогласования между осознаваемым, но не истинным, и истинным Я, каковы некоторые приемы постижения индивидом своей природы» (там же, с. 8). Постигание нужно там, где мудрость не может основываться на логически обоснованном знании и где недостаточно интегрированного жизненного опыта, а нужно предугадывание, интуитивное чувствование и т. п. Важно понимать, что часто постижение – не осознанный субъектом выбор или даже произвол, а единственный способ жизни в неопределенном мире.

Итак, мудрость и постижение были для Л. И. Анцыферовой не только научными проблемами, но и неявными и, скорее всего, даже неосознаваемыми векторами ее собственной жизни. Она понимала, что решения, принимаемые людьми в трудных жизненных ситуациях, основаны как на разуме, рациональных рассуждениях, так и на интуитивном внепонятийном постижении. Будучи мудрым человеком, Л. И. Анцыферова осознавала это лучше многих других психологов (см., например, самую цитируемую ее статью о личности в трудных жизненных условиях – Анцыферова, 1995). Людмила Ивановна, вероятно, очень удивилась бы, если бы услышала, что кто-то называет ее мудрой. Между тем она была мудрецом в классическом историко-научном значении этого слова. Мудрец говорит то, что есть, о бытии мира и вещей, он высказывает истину от первого лица, от своего имени. Обычно мудрец «хранит свою мудрость в уединении, по крайней мере, для него важно хранить ее. В сущности, мудрец мудр и сам по себе, ему не нужно говорить. Ничто не понуждает его говорить, ничто не обязывает его распространять свою мудрость, учить ей или выказывать ее. Этим объясняется то, что мудрец, так сказать, структурно молчалив. А если и говорит, так только если кто-то обратился к нему с вопросом или если в государстве чрезвычайная ситуация» (Фуко, 2014, с. 27). Но главное – в науке мудрец всегда является носителем и продолжателем определенной традиции. Эпистемологическая позиция Л. И. Анцыферовой представляет собой оригинальную, отличную от позиции А. В. Брушлинского и других учеников и продолжателей рубинштейновской традиции линию изучения человеческой психики. Неудивительно, что ее исследования по психологии личности и психологии мудрости до сих пор остаются образцом научной эрудиции, глубины и тщательности анализа изучаемых проблем.

3.5. Понимание моральных дилемм*

Проблема соотношения морали и нравственности для современной российской психологии имеет первостепенное значение. Пожалуй, главная причина этого заключается в том, что происходящие в нашей стране в последние два десятилетия изменения (форм собственности, национального сознания, правовых норм и т. п.) коренным образом изменяют отношения между людьми. Вследствие этого чрезвычайно актуальными становятся проблемы не только соблюдения моральных норм, но и различий в их понимании разными социальными и этническими группами.

Понятия «мораль» и «нравственность» различны по объему и содержанию. В большинстве языков, на которых говорят люди в западных странах, например английском, есть слово «мораль», но нет понятия «нравственность» (в русском и немецком они есть и различаются по содержанию). Неудивительно, что в большинстве этических учений нравственность отождествляется с моралью: «Нравственность – понятие, являющееся синонимом морали (русский вариант латинского термина мораль происходит от слова «нрав»)» (Словарь..., 1989, с. 223). В зарубежной психологии морали вопрос о существовании нравственной позиции человека, нравственного поступка, нравственного сознания и т. п. вообще не возникает: западные психологи употребляют такие понятия, как «моральное познание», «моральный поступок» (Blasi, 1980), «моральная личность» (Montada et al., 1986) и др.

Вместе с тем для многих исследователей очевидно, что нужно различать мораль как форму общественного сознания (систему норм, требований к правилам поведения и межличностных отношений, предъявляемых человеку обществом) и нравственность как характеристику психологической структуры личности (отвергающей или принимающей эти требования, осознающей их необходимость и испытывающей внутреннюю потребность в исполнении моральных норм, следовании им).

В российской психологии существует две доминирующие точки зрения на соотношение морали и нравственности.

Первая наиболее ясно и отчетливо выражена Б. С. Братусем. По его мнению, категория «нравственность» по объему и содержанию шире понятия «мораль». Во-первых, он считает нравственность общечеловеческой характеристикой, присущей всем людям.

* Раздел написан совместно с Ю. И. Александровым и К. Р. Арутюновой.

Во-вторых, связывает мораль с разными уровнями развития личности – эгоцентрическим, группоцентрическим, просоциальным (гуманистическим) и духовным (эсхатологическим). Более частное по отношению к нравственности содержание морали проявляется в существовании корпоративной классовой, групповой, партийной морали и т. п. (Братусь, 1993).

Вторая точка зрения хотя и не строго логически, но все-таки противоположна первой: мораль – это форма общественного сознания, а о нравственности уместно говорить применительно к конкретному субъекту – как он усваивает известные всем моральные нормы, например десять заповедей. Для многих исследователей очевидно, что нужно различать мораль как форму общественного сознания (систему норм, правила поведения и межличностных отношений, предъявляемые человеку обществом), и нравственность как характеристику психологической структуры личности (отвергающей или принимающей эти требования, осознающей их необходимость и испытывающей внутреннюю потребность в исполнении моральных норм, следовании им). В операциональном смысле, т. е. по экспериментально-психологическим возможностям изучения индивидуальных особенностей нравственного сознания, эта позиция нам представляется более конструктивной для психологического анализа понимания моральных дилемм.

У морали и понимания есть общий базис – долженствование. Мораль как форма общественного сознания включает зафиксированные в нормах обобщенные представления о том, как можно и как нельзя вести себя в обществе. В свою очередь, психологические механизмы понимания неразрывно связаны с долженствованием. Один из двух главных отличительных признаков этого феномена состоит в том, что понимание – это всегда процесс и результат сопоставления существующего с должным (другой признак – выход за непосредственные границы содержания понимаемого и включение его в более широкий контекст личностного знания). Рассмотрение понимания и морали как долженствования приобретает особенно важное значение в таких экзистенциальных общечеловеческих ситуациях, в которых субъект не может сделать выбор, оцениваемый всеми людьми как однозначно правильный. Типичной в этом отношении является ситуация необходимости принятия решения о моральной допустимости аборта.

Мораль наряду с правом и обычаями принадлежит к основным типам нормативной регуляции действий человека. Принципы морали

не допускают исключений и претендуют на абсолютность. В общении принятый субъектом абсолютизм моральных ценностей проявляется у некоторых людей в предрасположенности к морализированию, т. е. в склонности смотреть на мир сквозь призму моральных норм, оценивать вещи как морально «правильные» и «неправильные». Морализирование всегда основывается на доводах типа «правильно»– «неправильно» и обращается к чувству ответственности каждого человека по отношению к другим. Морализирование включает моральные высказывания, категории хорошего и плохого, вины и невинности. Непокколебимая уверенность в таких правилах приводит морализирующего субъекта к чрезмерному осуждению тех, кто не соглашается с ним. Морализаторы одновременно и слишком уверены, и слишком резки в своих суждениях о других (Keenan, 2002).

Предрасположенность к морализированию может быть выражена в поведении не только отдельного человека, но и больших социальных групп и даже государств. В частности, после теракта 11 сентября 2001 г. США стали «морализирующей нацией» (Janoff-Bulman, Sheikh, 2006). Дискурс морализирования стал в американских СМИ повседневным: это проявилось в росте выступлений против разводов, наркотиков, проституции, геев. Заметное место в политических дискуссиях, газетных и научных публикациях заняла проблема аборт. В это время в Соединенных Штатах явно усилилась тенденция смотреть на мир посредством моральных критериев, что стало особенно очевидным на президентских выборах 2004 г. Во многих газетах тогда писали, что Буш победил главным образом благодаря апелляции к моральным ценностям (Lovett, Jordan, 2005).

Морализация нередко оказывается проявлением мнимого, основанного на обращении к шаблонным мировоззренческим схемам, а не подлинного решения моральных дилемм. Особенно часто это проявляется при обсуждении вопросов, связанных с лишением человека жизни, – ситуаций эвтаназии, досудебного уничтожения террористов, смертной казни, моральной допустимости абортов. Как известно из западной психологии морали (Nucci, 1996) и отечественной психологии нравственности (Психология нравственности, 2010), должное и фактически принятое в обществе, т. е. общепринятые моральные нормы, с одной стороны, и нравственные представления и поведение людей, с другой стороны, могут расходиться.

С этической точки зрения некоторые человеческие поступки (обман, безответственность, беспринципность и др.) являются не чем иным, как моральными проступками. Между тем всем из-

вестно, что в жизни такие проступки совершаются довольно часто, они составляют неотъемлемую часть психологической реальности – нравственного сознания и поведения очень многих людей. Субъект может нарушать моральные нормы, не понимая, в чем состоит его моральный долг перед другими людьми, или понимая, но подыскивая для себя убедительные, по его мнению, психологические оправдания проступка. Вследствие этого моральный проступок нельзя отождествлять с нравственным проступком: о последнем речь может идти только в том случае, если человек осознает свою вину и раскаивается в содеянном.

Задачей настоящего исследования является выяснение того, как мораль и нравственность соотносятся со структурами культуры и индивидуального опыта.

Вначале мы кратко рассмотрим системную структуру индивидуального опыта и приведем аргументы в пользу необходимости учета его культурной обусловленности. Затем проанализируем мораль и нравственность как характеристики соответствующих структур. Результат анализа мы используем для разработки модели эмпирического исследования нравственности в современном российском обществе. Формирование новой системы, направленной на достижение полезного приспособительного результата, – системогенез, рассматривается нами как фиксация этапа индивидуального развития – формирование нового элемента индивидуального опыта в процессе научения.

Вновь сформированные, все более дифференцированные системы не заменяют ранее сформированных, а «наслаиваются» на них. Таким образом, индивидуальный опыт индивида представляет собой структуру, образованную системами разного «возраста». Осуществление поведения обеспечивается не только путем реализации новых систем, сформированных при обучении актам, которые составляют это поведение, но и одновременной актуализацией множества более старых систем, сформированных на предыдущих этапах индивидуального развития. Совокупность поведенческих актов есть реализация истории формирования поведения, т. е. множества систем, каждая из которых фиксирует этап становления данного поведения. При этом минимально необходимый набор систем разного возраста, актуализация которых обеспечивает достижение результата отдельного поведенческого акта, может быть рассмотрен как *единица*, а отдельная система – как *элемент* индивидуального опыта (см.: Александров, 1989, 2004; Швырков, 2006).

Культурная обусловленность индивидуального опыта

Научение, или формирование индивидуального опыта в процессе системогенеза, которое происходит в культуре, оказывается как культуро-, так и одновременно генетически детерминированным (через индивидуальные характеристики специализирующихся в процессе системогенеза нейронов). Зависящими от культуры оказываются не только формирование у людей сложных концепций (таких, например, как представление о целомудрии, бережливости или об умном человеке – Уайт, 2004), но и опыт, опосредующий «простое» поведение (например, ходьба, активность позы, мимика – Стефаненко, 2004; Ingold, 2000). Показано, что особенности перцептивной активности и мышления культурно обусловлены (Коул, 1997; Sebanz et al., 2006; и др.). Обнаружена кросс-культурная ковариация различий в языке и когнитивных стратегиях, относящихся к пространственной ориентации (Haun et al., 2006), к решению задач различения характеристик объектов, в том числе цветов (Скотникова, 2008; Tan et al., 2008; Winawer et al., 2007), к восприятию мимических выражений эмоций (Barrett et al., 2007), к оценке риска (Hsee, Weber, 1999). Мир, в котором мы себя обнаруживаем, есть, по выражению У. Р. Матурана и Ф. Х. Варела, «не определенный, а некий мир», который мы создаем вместе с другими членами культурного сообщества (Матурана, Варела, 2001, с. 216).

Результаты анализа подобных данных свидетельствуют в пользу необходимости учета культуры как фактора, определяющего развитие психики. Подобный учет, как справедливо считает М. Дональд (2000; см. также: Sebanz et al., 2006), совершенно необходим для того, чтобы избежать довольно распространенного «когнитивного солипсизма», выражающегося в рассмотрении когнитивных процессов в связи с мозгом, но в отрыве от культуры. М. Дональд подчеркивает, что Л. С. Выготский был одним из первых, кто осознал существование «симбиоза» развивающейся психики и культуры.

Структура культуры

Структура культуры, как и структура индивидуального мира, может быть проанализирована с позиций системного подхода (Иванченко, 1999; Alexandrov, 2001, 2002; Kitayama, 2002; White, 1959; и др.). Оценивая результаты любых своих поведенческих актов, человек, даже находясь наедине с собой, смотрит на себя «глазами общества» и «отчитывается» ему, используя язык. Говоря здесь об оценке результатов, мы имеем в виду как «внешнее» (overt), так

и «внутреннее» (covert) поведение. Культуру сообщества можно рассмотреть как структуру, представленную набором элементов (систем) и единиц, которые символизируют пути достижения коллективных результатов в данном сообществе на данном этапе его развития. Если накопленное в культуре знание в узком смысле слова – идеи, теории, концепции, правила и пр. – выступает в качестве набора инструкций (записанных или устных) по достижению тех или иных целей сообщества, то и артефакты являются указаниями, фиксирующими способы получения результатов, важных для сообщества.

Следует подчеркнуть, что если говорить о человеке, развивающемся в культуре, то для него инструкции выступают в виде условий, влияющих на научение, достижение определенных результатов, а не в виде конкретных указаний, напоминающих инструкцию к бытовому прибору. Люди, живущие в одной культуре, специализированы, а их геномы комплементарны. «Культурную специализацию» можно рассмотреть как формирование в данной культуре такой структуры индивидуального опыта, которая комплементарна структурам опыта других индивидов. Культурная специализация индивидов и связанные с ней особенности индивидуального опыта обнаруживают себя при исследовании мозгового обеспечения поведения (Gauthier et al., 2000; Elbert et al., 1995; Musacchia et al., 2007; Maguire et al., 2000).

Представление о культурной комплементарности индивидуальных геномов делает логичным предположение, что генетическое разнообразие людей можно рассмотреть как важный фактор, обуславливающий возможность лучшего подбора комплементарных вариантов. В пользу этого предположения свидетельствуют экспериментальные данные (Mattila, Seeley, 2007).

Дифференциация индивидуального опыта и культуры

Развитие и субъекта опыта, и культуры осуществляется как переход от менее дифференцированных форм к более дифференцированным. При исследовании индивидуального развития рядом авторов, находящихся на разных позициях, были приведены аргументы в пользу того, что развитие (как оното-, так и филогенетическое) может быть рассмотрено как нарастающая дифференциация и сложность в соотношении индивида со средой (Александров, 1989; Камшилов, 1978; Сергиенко, 2006; Чуприкова, 1997; Шмальгаузен, 1982; Alexandrov, 1999a, b; Alexandrov, Sams, 2005; Tononi, Edelman,

1998; Werner, 1962; Werner, Kaplan, 1956). В случае культуры дифференциация проявляется в переходе от слитности и необособленности к стадии расчленения и дифференциации общественной жизни, в возрастающей сложности общественных связей и норм их регулирования (Вебер, 1990), в увеличении числа различных «культурных специализаций» и уменьшении «доли культуры», осваиваемой человеком. Системная дифференциация опыта может быть рассмотрена как движение от эмоций к сознанию (Александров, 2006; Alexandrov, 1999a, b; Alexandrov, Sams, 2005), а культуры – от морали к закону. Первое важно для нас лишь в аспекте сопоставления со вторым, поэтому, охарактеризовав его кратко, более подробно остановимся на проблеме морали и нравственности.

От эмоции к сознанию

Дизъюнктивный подход вписывается в аристотелевскую логику, оперирующую оппозиционными парами, такими, как «земной–небесный», «нормальный–патологический», «когнитивный–аффективный» и т. п. В то же время, как подчеркивал С. Л. Рубинштейн (1989), различение интеллектуальных и эмоциональных процессов, не предполагающее никакого дизъюнктивного деления, возможно. Недизъюнктивный подход (Брушлинский, 2003) к пониманию сознания и эмоций разработан в единой концепции сознания и эмоций (Александров, 1995, 2006; Alexandrov, 1999a, b; Alexandrov, Sams, 2005). Как уже было отмечено, формирование новых систем в процессе индивидуального развития обуславливает прогрессивное увеличение дифференцированности в соотношении организма и среды. Системы, формирующиеся на самых ранних стадиях онтогенеза, обеспечивают минимальный уровень дифференциации: хорошо – плохо; приближение (approach) – избегание (withdrawal). Это разделение применимо ко всем живым существам (Schneirla, 1959). Оно связывается со стремлением к удовольствию и с избеганием неудовольствия. В единой концепции сознания и эмоций эмоция связывается именно с упомянутыми наиболее древними и низкодифференцированными уровнями организации поведения (см. сопоставимые в этом аспекте взгляды: Анохин, 1978; Швырков, 1984; Berntson et al., 1993; Cacioppo, Gardner, 1999; Davidson et al., 1990; Panksepp, 2000; Schneirla, 1939, 1959; Zajonc, 1980).

Центральное положение концепции: сознание и эмоции являются характеристиками разных, одновременно актуализируемых уровней системной организации поведения. Они представляют со-

бой трансформированные этапы развития, соответствующие различным уровням системной дифференциации.

Континуальность в единой концепции сознания и эмоций означает, что в развитии нет критического момента появления сознания или исчезновения эмоций. На каждом этапе развития, на каждом уровне системной дифференциации поведение может быть охарактеризовано с применением обеих характеристик: сознание и эмоции. В процессе развития осуществляется постепенный недизъюнктивный переход от формирования систем, для которых максимально выражена эмоциональная характеристика, к формированию систем, реализация которых характеризуется как проявление сознания. Причем высокодифференцированные системы не заменяют низкодифференцированные, а «прибавляются» к ним. Поведение любого индивида обладает обеими этими характеристиками. Поскольку в обеспечение поведения с необходимостью вовлекаются наиболее рано сформированные низкодифференцированные системы, то эмоция той или иной интенсивности включена в любое поведение.

В процессе индивидуального развития отмечается направленность движения от эмоций к сознанию. В раннем онтогенезе ребенок менее дифференцированно соотносится со средой и более эмоционален, чем на более поздних стадиях (Fraisie, Piaget, 1963; Gross et al., 1997; Panksepp, 1994).

Мораль и нравственность

Мораль может быть сопоставлена с характеристиками наиболее древних и минимально дифференцированных базовых элементов культуры. Эти элементы, находящиеся в основании доменов «хорошего» («правильного») и «плохого» («неправильного») поведения, явились основой для дальнейшей эволюции и дифференциации культуры. Выше было отмечено, что наличие коллективной цели неизбежно связано с делением поведения индивидов на «хорошее», разрешенное и «плохое», запрещенное. Если эмоция в структурном плане характеризует принадлежность единиц индивидуального опыта к «положительному» или «отрицательному» домену (approach и withdrawal – Александров, 2006; Alexandrov et al., 2007; Alexandrov, Sams, 2005), то мораль также характеризует множество разных единиц, но не опыта, а культуры, принадлежащих к «положительному» или «отрицательному» ее домену.

Моральное воспитание, обучение, развитие (Eisenberg, 2000; Kohlberg, 1982; Mead, 1908; Moll et al., 2005; Tappan, 1997) человека

в обществе есть формирование нравственности. Дж. Молл с коллегами (2005, 2002) подчеркивают, что при столкновении с каким-либо социальным явлением человек автоматически (бессознательно) и быстро прикрепляет ему ярлык моральной оценки. Таким образом, акты, совершаемые индивидом и входящие в его индивидуальную память, получают ярлык, являющийся частью социальной коллективной оценки результата каждого из совершенных действий.

Мы полагаем, что нравственность характеризует отношения между элементами опыта, актуализация которых обеспечивает реализацию разных действий индивида. Эта характеристика соотносима с моральной оценкой событий и действий и обобщает множества единиц опыта по критерию этой оценки: приемлемы они или нет. Данная характеристика феноменологически соответствует свойствам семантической памяти в отличие от эпизодической (Tulving, 1985). Семантическая память соотносима с более низким уровнем сознания, чем эпизодическая. Существует множество как экспериментальных, так и теоретических аргументов в пользу имплицитного характера семантической памяти, связывания ее со «знанием без осведомленности» (Nadel, Moscovitch, 1997; Schacter, Tulving, 1994). Мораль, характеризующая низкодифференцированные системы культуры, не проявляется в индивидуальном плане в качестве четких законов и инструкций, она основана на «чувствовании», а не на «знании» (Разин, 2002). Люди оценивают события с моральной точки зрения интуитивно, автоматически, как правило, не вербализуя обоснований (Hauser, 2006a, b; Moll et al., 2005). Люди не обучаются специально «моральному поведению», не потому, что оно изначально заложено в наших генах (подробнее критику этого представления см.: Александров, 2008), а потому, что нравственность появляется как следствие формирования структуры индивидуального опыта.

Мораль сопоставлена нами с наиболее древними, рано сформированными элементами. Закон же связан с более дифференцированными системами. Любая единица культуры включает как рано сформированные элементы, так и новые, дифференцированные, часть из которых может быть сопоставлена с законом. Любое знание субъекта о мире, формирующееся в культуре, соотносимо одновременно с моральными нормами и законом (Знаков, 2005). Формирование поведения в культуре, связанное с актуализацией ее целостных единиц, нормируется *одновременно* морально и юридически. Оказывается, что «право всегда включает в себя элементы обычая

и традиции» (Дробницкий, 2002, с. 239), связанные с более старыми элементами культуры и что согласие данного действия с юридическим законом есть его «законность», а с моральными нормами – его же «моральность» (Kant, 1785/1887).

Соотнесение морали с низко-, а закона с высокодифференцированными элементами культуры согласуется с пониманием морали в интуитивистском подходе (Haidt, 2001). В то же время, как подчеркивают Дж. Грин с соавт. (Greene, 2001, p. 2105), традиционно в психологии морали подчеркивалась роль разума в вынесении моральных суждений. Лишь в последнее время внимание вновь было обращено на вовлеченность эмоций в этот процесс и его интуитивный характер (Eisenberg, 2000; Haidt, 2001; Moll et al., 2002), хотя рационализм остается еще «правлящим» подходом в этой области (Haidt, 2001, p. 816).

Как нам представляется, проведенный анализ позволяет сделать следующие промежуточные выводы, существенные для формулировки задачи и дизайна эмпирического исследования. Необходимо исследовать особенности нравственности как принципиальной характеристики структуры индивидуального опыта, ее специфику в разных группах населения. Поскольку люди могут иметь разные структуры индивидуального опыта, постольку нравственность как характеристика этих структур также различается. Эти различия чрезвычайно интересно рассмотреть с позиции представления о комплементарности: в какой мере указанные гипотетические различия способствуют или препятствуют комплементарности? Каким образом различия связаны с возрастом, уровнем образования, религиозностью, профессией, национальной принадлежностью, местом обитания?

Особое значение имеет подобное исследование для России, в культуре которой принято давать ценностную характеристику любому или почти любому поступку (подробнее см.: Александров, Александрова, 2009). В многочисленных исследованиях российского менталитета показано, что морально-этическая характеристика присуща всем социальным представлениям (Абульханова, 2002), даже таким, казалось бы, ценностно нейтральным (в западной культуре), как представление об умном человеке (Александров, Александрова, 2009; Александрова, 2007). Сказанное выше свидетельствует в пользу того, что при планировании методики должен быть учтен и имплицитный характер решения нравственных проблем. В пользу необходимости этого учета свидетельствуют также следующие дополнительные аргументы.

В этике уже в течение многих столетий господствует точка зрения, согласно которой главным механизмом принятия моральных решений является выбор альтернатив. При этом под альтернативами понимаются уже готовые, данные извне, сформированные способы разрешения ситуаций. На принципе выбора построена и одна из наиболее известных психологических концепций в западной психологии морали – теория стадий развития нравственного сознания Л. Колберга (Анцыферова, 1999). Однако в ряде случаев при формальной возможности выбора реально, психологически он не совершается. Как показал А. В. Брушлинский, решая математические, физические и другие предметные задачи, в которых объективно возможны два или несколько способов решения, субъект никогда не начинает мыслительный поиск с выявления альтернатив и выбора одной из них. Для мыслящего субъекта альтернативы никогда не являются содержательно равноценными, равновероятными и требующими предпочтения только одной из них (Брушлинский, 1979). Если так обстоит дело с решением математических, физических и других четко определенных задач, то еще в большей степени подобные механизмы мышления реализуются при решении человеком нравственных задач, потенциально содержащих ситуации морального выбора (Брушлинский, Темнова, 1993). Итак, исследования ясно показывают, что в ряде случаев моральные дилеммы вполне могут решаться без перебора вариантов, без выбора альтернатив. Однако выявление таких случаев в психологических исследованиях возможно только с помощью специальных, требующих больших временных затрат, процедур микросемантического анализа. Он применялся А. В. Брушлинским для исследования *единичных случаев*. В современной психологии морали, когда нужно выявить специфику решения не одной, а нескольких моральных дилемм, психологи обычно ставят испытуемого в ситуацию вынужденного выбора: ему предлагается согласиться с одним из вариантов решения. По этому пути пошли и мы (см. описание метода ниже). С одной стороны, он дает возможность получить больше информации, проверить большее количество гипотез. С другой стороны, мы ясно осознаем, что некоторые важные моменты принятия моральных решений могут оказаться упущенными.

Первый фактор, который психологи не могут игнорировать, изучая решение моральных дилемм, – это половые различия в формировании нравственного сознания мужчин и женщин. Особенно отчетливо они проявляются в понимании справедливости, которое

различно у разных людей (Montada et al., 1986) По данным К. Джиллиган, в ситуациях морального выбора мужчины и женщины понимают справедливость по-разному: для мужчин наиболее значимыми в суждениях о другом человеке являются обоснованность и беспристрастность (equity), в то время как женщины ориентируются на принцип участия и заботы (care) (Gilligan, 1982).

Другим фактором, влияющим на формирование у испытуемых представлений о справедливости, является ориентация на успех. Психологические исследования показывают, что стремление личности к достижению внешнего успеха тесно взаимосвязано с верой в «справедливый мир»: убеждением субъекта в том, что он живет в таком мире, где каждый, в конечном счете, получает то, что заслужил (Lerner, 1980). Даже простой факт попадания человека в ситуацию достижения отрицательно сказывается на проявлении у него склонности к альтруистическому поведению, готовности к оказанию помощи тем, кто в ней нуждается (Нартова-Бочавер, 1992).

Наконец, третий фактор, от которого зависит формирование и развитие справедливости как психологического ядра нравственной личности, – адекватность используемых субъектом принципов справедливости тем социальным контекстам и областям человеческих отношений, на которые, по его мнению, эти принципы могут быть распространены (Montada et al., 1986).

Еще один аспект проблемы, который нельзя игнорировать при изучении решения моральных дилемм россиянами, заключается в наличии отличительных особенностей в структуре нравственного сознания россиян, принадлежащих к разным этническим группам (см., например: Хвостов, 1999, 2001, 2002).

Современные подходы в области исследований морали, следуя сложившейся философской традиции, разделяют на рационалистские и интуитивистские. С точки зрения сторонников рационалистских подходов, мораль является результатом научения, усвоения человеком в процессе развития общественных правил и норм, в том числе и моральных (Kohlberg, 1982; Power et al., 1989; Eisenberg, 2000; Moll et al., 2005). Многие исследования демонстрируют серьезные различия в том, что является разрешенным, а что запрещено с точки зрения морали в разных культурах и в разные исторические периоды развития общества (Nisbett, Cohen, 1996; Henrich et al., 2006, 2010).

Интуитивистские направления особое внимание уделяют процессу формирования человеком моральных суждений, который

происходит как бы автоматически, т. е. бессознательно, и не зависит от принятых в обществе правил и норм поведения (Dwyer 1999, 2006; Haidt, 2007; Hauser, 2006a; Mikhail et al., 1998; Mikhail, 2007; Greene, 2001, 2004; Rai, Fiske, 2011). Исследования свидетельствуют о том, что некоторые аспекты морального поведения являются универсальными для людей из разных культур (Hauser, 2006b; Cushman et al., 2006, Hauser et al., 2009; Abarbanell, Hauser, 2010; и др.).

Взрослые люди, воспитанные и живущие в обществе, обычно имеют представление о действующих в нем моральных нормах и правилах, а также о том, какие последствия могут возникнуть в случае их нарушения. При этом многие из этих моральных правил являются имплицитными и не осознаются при попытках объяснения людьми своего морального выбора в конкретных ситуациях (Hauser, 2006; Haidt, 2007; Mikhail et al., 1998; Mikhail, 2007; Green, 2001, 2004; Cushman et al., 2006; и др.) В рамках данного исследования мы исходим из того, что моральный выбор в значительной степени совершается человеком интуитивно и связан с эмоциональной оценкой ситуации в терминах «хорошо»/«плохо». Однако моральная оценка в виде комплексного морального суждения требует большего, чем простой интуитивный выбор. В частности, она включает в себя обоснование, которое человек формулирует на основе собственного опыта, сформированного в определенной культурной среде. Таким образом, мы рассматриваем интуитивный моральный выбор и его рациональное обоснование как две неотъемлемые составляющие морального суждения, которые требуют как изучения универсальных общепсихологических механизмов, так и описания возможных культурно-специфических особенностей.

Целью раздела был анализ общих закономерностей и культурных особенностей морального выбора в современном российском обществе. Обладая важными характеристиками незападных культур (Александров, Александрова, 2009, 2010; Tower et al., 1997; Matsumoto et al., 1998; Varnum et al., 2009; Grossmann, Varnum, 2011), наше общество представляет особый интерес для поиска культурных особенностей формирования моральных суждений в сопоставлении с западными культурами. Эти особенности могут быть связаны с различиями в социальных ориентациях, когнитивных свойствах, исторических и религиозных основаниях культуры и др.

В данном исследовании использовался методологический подход, широко применяемый в кросс-культурных исследованиях моральных суждений (Хаузер, 2008; Cushman et al., 2006; Hauser et al.,

2009; Abarbanell, Hauser, 2010). Россиянам предлагалось дать оценку действиям героев в ряде моральных дилемм, которые представляли собой абстрактные ситуации причинения вреда одному индивиду для спасения многих. Эти ситуации были составлены на основе трех принципов, различающих в разной степени допустимые действия и бездействие, цели и побочные эффекты достижения целей, а также применение физического контакта и его отсутствие. Оценки моральных дилемм, вынесенные российскими участниками, были проанализированы на нескольких уровнях и сопоставлены с оценками участников из ряда западных стран. Полученные сходства и различия моральных суждений в российском обществе обсуждаются в контексте его культурно-исторических, социальных и психологических особенностей.

Методы эмпирического исследования моральных суждений

Особенности морального выбора людей, принадлежащих к российской популяции, изучались с помощью процедуры интернет-опроса, в котором участвовало более тысячи человек. Потенциальные участники исследования заходили на страницу специального вебсайта (<http://www.rusmoral.ru>), на котором они могли ознакомиться с правилами исследования. Посетители сайта, принявшие решение участвовать в исследовании, сначала заполняли демографическую анкету, а затем им в случайном порядке предъявлялись сценарии 32 моральных дилемм. Участники исследования, ознакомившись с ситуациями, выносили суждения относительно поступка главного героя. Каждое действие (или бездействие) героя моральной дилеммы предлагалось оценить по шкале от 1 до 7 (от «запрещено» до «обязательно»). Далее приводится пример одного из сценариев использованной в данном исследовании моральной дилеммы.

Стоя рядом с рельсами, Володя увидел, что пустой неуправляемый вагон вот-вот собьет пять человек. Рядом с Володей находится рычаг, потянув за который можно опустить перила на пешеходном мосту. Если он это сделает, то один человек, стоящий на мосту, упадет на рельсы, где его собьет вагон. Из-за этого вагон замедлится, и пять человек успеют спастись. Если Володя потянет за рычаг, то один человек упадет на рельсы и попадет под вагон, а пять человек выживут. Если Володя не потянет за рычаг, то вагон поедет дальше, собьет пять человек, а один человек на мосту останется в живых. Володя решает потянуть за рычаг.

Все тестовые сценарии моральных дилемм, использованные в данном исследовании, составляли контролируемые пары, каждая из которых была сформулирована на основе одного из трех моральных принципов (Хаузер, 2008):

1. *Принцип действия*: причинение вреда действием хуже, чем причинение такого же вреда бездействием.
2. *Принцип цели*: причинение вреда, задуманное как средство достижения цели, хуже, чем причинение того же вреда, предвиденного как побочный эффект достижения цели.
3. *Принцип контакта*: использование физического контакта для причинения вреда человеку хуже, чем причинение того же вреда без физического контакта.

Каждая пара сценариев строго контролировалась на предмет использования одних и тех же слов; единственное отличие состояло в том, являлось ли следствие поступка главного героя результатом его действия или бездействия, цели или побочного эффекта достижения цели и использования или неиспользования физического контакта. Таким образом, было составлено 18 пар сценариев, по 6 пар на каждый из трех изучаемых принципов. Два из 32 сценариев были контрольными, в них не содержалось дилеммы, т. е. ответ на них был очевиден. Эти сценарии использовались для проверки понимания участниками правил исследования и последующего отсева тех участников, которые с ними не справились. Для дальнейшего анализа были отобраны ответы тех участников исследования, которые полностью заполнили демографическую анкету, ответили на все сценарии моральных дилемм и корректно оценили поступки героев в двух контрольных сценариях. Таким образом, были проанализированы данные 303 участников исследования в возрасте от 16 до 69 лет ($M = 27$; $SD = 10$), 74% из которых были женщины. Все участники исследования свободно говорили по-русски.

Суждения россиян относительно трех моральных принципов: универсальность и культурная специфика

Результаты исследования показали, что российские участники оценивали предложенные им моральные дилеммы в соответствии с описанными выше тремя принципами. Они расценивали причинение вреда действием как худшее по отношению к причинению такого же вреда бездействием. Причинение вреда, задуманного как средство достижения цели, они считали худшим, чем причине-

ние того же вреда, предвиденного как побочный эффект достижения цели, а использование физического контакта для причинения вреда человеку – худшим, чем его причинение без физического контакта. Такие результаты соответствуют результатам аналогичных исследований, проведенных в ряде стран Западной Европы и Северной Америки (Cushman et al., 2006; Hauser et al., 2009). Это свидетельствует в пользу гипотезы об универсальности некоторых принципов, лежащих в основе моральных суждений людей, принадлежащих к целому ряду культур (Хаузер, 2008).

Из всех использованных нами пар экспериментальных сценариев только две не показали значимых различий в оценках, и обе эти пары были составлены на основе противопоставления действия и бездействия. При сопоставлении оценок российских участников исследования с оценками участников из ряда англоговорящих стран, полученными в аналогичном исследовании (Cushman et al., 2006), наблюдались значимые корреляции (по Спирмену) между выборками по принципам цели (0,94; $p < 0,005$) и контакта (0,94; $p < 0,005$), но не по принципу действия (0,55; $p > 0,25$). Данное расхождение может быть связано с культурными особенностями, имеющими отношение к чувству социальной ответственности. Как отмечалось выше, российская культура обладает важными особенностями незападных культур (Александров, Александрова, 2009, 2010; Tower et al., 1997; Matsumoto et al., 1998; Varnum et al., 2009; Grossmann, Varnum, 2010), которые характеризуются коллективистской социальной направленностью в отличие от западных индивидуалистских культур (Nisbett et al., 2001; Varnum et al., 2009; Grossmann, Varnum, 2011). Принадлежность к незападным коллективистским культурам также связана с некоторыми когнитивными особенностями, такими, как тенденция к использованию холистического мышления и диалектики в отличие от свойственного Западу аналитизма и формальной логики (Nisbett et al., 2001, Varnum et al., 2009). Другой признак заключается в тесной социальной взаимосвязи, обязательствах и ответственности людей. Если в индивидуалистских культурах человек рассматривает себя отдельно от других членов общества, то в коллективистских культурах люди оценивают себя в контексте тесных социальных связей и отношений (Markus, Kitayama, 1991; Varnum et al., 2009). Экспериментально доказано, что россияне демонстрируют более высокие показатели коллективизма, чем, например, американцы (Matsumoto et al., 1998; Varnum et al., 2009) и немцы (Naumov, 1996). Таким образом, участники нашего исследования

могли рассматривать действия героев моральных дилемм в контексте взаимосвязанной сети социальных отношений, в которых различие вредоносного действия и бездействия с моральной точки зрения могло размываться под давлением чувства ответственности перед другими членами общества.

Литературные данные о моральных суждениях людей разных культур являются довольно противоречивыми: некоторые из них демонстрируют разделение поступков по принципу действия и бездействия (Hauser et al., 2009; Cushman et al., 2006; Baron, Ritov, 2004; Haidt, Baron, 1996), другие такого разделения не обнаруживают (Abarbanell, Hauser, 2010; Connolly, Reb, 2003; Tanner, Medin, 2004). При этом известно, что принцип действия осознается людьми в большей степени, чем принципы контакта и цели (Cushman et al., 2006), а следовательно, может быть более чувствителен к культурным вариациям.

Крайние моральные суждения

Для более глубокого анализа моральных суждений россиян нами был посчитан и сопоставлен процент оценок на концах шкалы, т. е. 1 – «запрещено» и 7 – «обязательно». Оказалось, что в целом российские участники *реже* высказывали крайние моральные суждения, чем участники из западных стран (Cushman et al., 2006), тем самым продемонстрировав тенденцию выбора ответов в середине шкалы (тест Вилкоксона, $p < 0,001$).

Данную тенденцию можно обсуждать в свете двух противоречивых характеристик, свойственных российской культуре: выраженная полярность суждений и диалектическое мышление. Эти характеристики проявляются по-разному в зависимости от ситуации. Например, кросс-культурные исследования перцептивных оценок показали, что российские участники выражают наибольшую уверенность в своих суждениях по сравнению с американцами, канадцами, немцами и скандинавами (Скотникова, 2008). Выраженная полярность суждений как свойство, в некоторой степени характерное для средневековых обществ, прослеживается в российской культуре с древних времен до наших дней. Нейтральность в оценках встречается реже, в то время как в западной культуре существуют представления о нейтральном поведении, которое нельзя назвать ни «хорошим», ни «плохим». Данная черта российской культуры отражена в языке. Мы считаем, что наблюдаемая в данном исследовании тенденция российских участников избегать крайних оце-

нок в предложенной им моральной задаче не может быть обусловлена общей неуверенностью в собственных суждениях. Напротив, мы полагаем, что полученные нами данные отражают культурную специфику именно моральных суждений, а не суждений как таковых. В пользу такого предположения свидетельствуют результаты исследования моральных суждений людей об абортах. В нем показано, что россияне в сопоставлении с американцами выражаются менее определенно, избегая ясных и конкретных ответов.

Отнесение российской культуры скорее к восточному, а не к западному типу связано с пониманием присущих россиянам характеристик мышления. В отличие от западных культур, в которых мышление людей в большей степени основано на логике, представители восточных культур в большей мере используют диалектику. Диалектика как способ мышления включает в себя согласование и принятие видимых противоречий, что предполагает возможность истинности одновременно двух противоположных суждений (Nisbett et al., 2001; Nisbett, Masuda, 2003). В отличие от формальной логики, в которой четко разделяются альтернативы «истина» и «ложь», диалектика стремится к компромиссу. Применительно к использованной нами задаче оценки «запрещено» и «обязательно», с формальной точки зрения являясь взаимоисключающими, могли восприниматься российскими участниками с диалектической точки зрения. Вследствие этого в поисках «золотой середины» они склонялись к ответу «допустимо», избегая, таким образом, крайних моральных суждений.

Вероятно, данная тенденция не проявилась в задачах принятия перцептивных и когнитивных решений, о которых упоминалось выше (Скотникова, 2008), поскольку они не требовали от испытуемых понимания и решения сложных проблем. В отличие от подобных задач моральные дилеммы являются комплексными ситуациями, которые требуют понимания не только расположения и соотношений объектов во времени и пространстве (размер, расстояние и т. п.). Они также включают моральный и социальный компоненты, вовлекая логические и диалектические основания мышления. Заметим при этом, что нравственная компонента входит в состав большинства социальных представлений граждан России (Александров, Александрова, 2009).

Существует два фактора, обусловивших выход на передний план именно диалектического способа мышления, а не общей полярности суждений российских участников. К первому фактору мы отно-

сим слабость системы правосудия и историческое недоверие к власти (измеренное, как уровень доверия суду, полиции и т. д.). Первый фактор коррелирует со вторым – такой характеристикой общества, как уровень выраженности «антисоциального наказания» (anti-social punishment). В России испытуемые с высокой вероятностью склонны наказывать тех членов общества, которые способствуют достижению общих коллективных целей в большей степени, чем они сами (Henrich et al., 2006, 2010). Таким образом, свойственные российской культуре внутренний страх антисоциального наказания и непредсказуемость возможных последствий морального выбора, которая исходит от системы правосудия, могли повлиять на степень их уверенности в собственных моральных суждениях.

Преобладание «запретов» над «обязательными действиями» в крайних оценках россиян

При дальнейшем анализе крайних моральных суждений оказалось, что если англоговорящие участники чаще высказывали крайние оценки в случае «обязательного» поведения (тест Вилкоксона, $p < 0,001$), то россияне – в случае «запрещенного» поведения (тест Вилкоксона, $p < 0,019$). Процентное соотношение крайних суждений российских участников также значимо демонстрирует преобладание таких оценок по отношению к запрещенному поведению по сравнению с обязательными (тест Вилкоксона, $p < 0,011$).

Подобное распределение крайних суждений также может быть связано с культурными факторами. Обсуждавшиеся ранее характеристики культуры – индивидуализм и коллективизм, социальная взаимосвязанность и независимость – коррелируют с религиозной верой (Sampson, 2000). Как отмечалось выше, исторически российская культура развивалась в условиях сильного влияния православной церкви, в то время как Северная Европа и Америка исторически находились под влиянием протестантизма. Согласно протестантской этике, люди являются независимыми автономными существами, которые сами несут ответственность за свои действия, победы и поражения. Особенно поощряется продуктивная деятельность, уверенность в себе и собственных силах (Weber, 1930; Merton, 1957). Значимость продуктивности и ориентация на действие отражены во многих сферах западной культуры, включая поэзию. Как пример привожу отрывок из стихотворения О. Ф. Нэша «Портрет художника в преждевременной старости» (*O. F. Nash. Portrait of the Artist as a Prematurely Old Man*) о двух видах греха (перевод И. Комаровой).

Давно известно каждому школьнику –
и даже каждой ученой женщине,
если она к науке не глуха,
что на свете существует два вида греха.
Первый вид называется Грех Совершения,
и грех этот важный и сложный.
И состоит он в совершении того,
чего совершать не положено.
Второй вид греха – полная противоположность первому,
и зовется он Грех Упущения,
и грех этот столь же тяжкий,
что передовыми праведниками всех времен –
от Билли Санди до Будды – авторитетно доказано.
И он заключается в несовершении того,
что вы делать должны и обязаны.

<...>

И хоть все мы ожидаем от жизни благ –
нам просто вынь да положь их, –
у нас бывает гораздо больше мороки
от не совершенных нами хороших поступков,
чем от совершенных нами нехороших.
Итак, если вы меня спросите,
я скажу, что, наверное,
лучше совсем не грешить,
но уж если согрешить доведется без спроса вам,
грешите предпочтительно первым способом.

В отличие от протестантизма, гарантирующего спасение деятельным продуктивным людям через личную веру в Христа (принцип оправдания верой), русское православие основано на покорности личности перед Божьей волей, послушании и смирении, надежде на помощь свыше. Понятия смирения и терпимости, уходящие корнями в православную этику (Benz, 1963), характерны для русской культуры и нашли отражение в русской философской мысли, литературе и искусстве (Rancour-Laferriere, 1995). В отличие от протестантизма центральным мотивом православия является не Божье правосудие, но Его любовь, поэтому основная православная позиция отражена в концепции греха (Benz, 1963). Совершение греховного поступка как действие, противоречащее Божьим заповедям, отдаляет человека от Бога. Если западный разум определяет грех как нарушение законного договора между Богом и человеком, вос-

точный православный разум определяет его как падение или потерю духовности, искажение истинного образа Бога (там же).

Таким образом, запреты, лежащие в основе христианских заповедей, могли сыграть очень важную роль в русском нравственном сознании. Имея в виду эти аспекты российской истории и культуры, мы предполагаем, что при вынесении моральных суждений российские испытуемые могли чувствовать большую уверенность относительно «запрещенных» действий, чем действий «обязательных». Вследствие этого они реже выбирали оценку «обязательно», в целом склоняясь к середине шкалы.

В 2015 г. К. Р. Арутюнова и Ю. И. Александров провели дополнительный анализ половозрастных различий в понимании дилемм (Арутюнова, Александров, 2016). Они анализировали понимание российскими испытуемыми моральной дилеммы, в которой главный герой стоял перед выбором спасения пятерых незнакомых людей за счет нанесения смертельного вреда одному другому незнакомому человеку. Герой дилеммы всегда совершал «утилитарный» выбор, т. е. решал спасти пятерых за счет смерти одного. Участникам исследования предлагалось оценить допустимость его утилитарного действия (или бездействия) по той же шкале «запрещено» – «обязательно».

Различия в моральных суждениях мужчин и женщин. Было выявлено, что в целом ряде ситуаций мужчины чаще считают более допустимым нанесение смертельного вреда одному человеку для спасения пятерых по сравнению с женщинами. В сходных исследованиях, проведенных в странах западной культуры (США, Канада, Великобритания и др.) наблюдался аналогичный феномен – мужчины выносят больше утилитарных суждений, чем женщины (Banerjee et al., 2010; Fumagalli et al., 2010). Таким образом, результаты, полученные в российской популяции, позволяют расширить применимость данного феномена на незападные культуры. Они свидетельствуют в пользу предположения об универсальности наблюдаемых половых особенностей моральных суждений в разных культурах. Разница социальных ролей мужчин и женщин в изучаемых культурах находит отражение в их моральных оценках социально значимых ситуаций. Одно из возможных объяснений полученных результатов следует из предположения К. Джиллиган о том, что мужчины в своих оценках исходят из принципов справедливости и пользы, а женщины – принципов заботы и социальной ответственности (Gilligan, 1977, 1982). Разница в процессах социализации

мальчиков и девочек, усвоения ими в ходе развития общественных и культурных норм (Берн, 2004) отражается в структуре их опыта. Например, гендерные различия в эмоциональном развитии могут в дальнейшем обуславливать полоролевые особенности поведения и адаптации к различным социокультурным особенностям среды (Brody, 1985). Кроме того, феномен большей утилитарности суждений мужчин связывают с тем, что мужчины демонстрируют меньшую по сравнению с женщинами способность к эмпатии (Fumagalli et al., 2010).

Следовательно, можно предположить, что женщины при вынесении моральных суждений в большей степени ориентируются на эмоциональную оценку межличностных взаимодействий, согласно которой нанесение вреда другому человеку – это «плохо». По этой причине они оценивают подобные действия более негативно, несмотря на то, что в данной ситуации нанесение вреда одному человеку может быть целесообразно с точки зрения спасения большего количества людей. Мужчины же подходят к моральным дилеммам с более абстрактных позиций. Они рационально оценивают контекстную информацию о ситуации и выбирают более прагматичные решения: спасение пятерых – лучше, чем одного.

Возрастные различия. Самые младшие участники исследования чаще выносили утилитарные моральные оценки допустимости нанесения смертельного вреда одному человеку для спасения пятерых. Они также реже других возрастных групп использовали крайние оценки в случае запрета на утилитарные просоциальные действия. Более того, выявлены две возрастных тенденции – снижение с возрастом утилитарности моральных оценок, а также увеличение числа неутилитарных крайних оценок («запрещено»). Участники 20 лет и старше выносили больше неутилитарных крайних оценок по сравнению с утилитарными («обязательно»). Только в самой младшей группе (16–19 лет) количество утилитарных и неутилитарных крайних оценок значимо не различались.

Как отмечалось ранее, более частое использование крайних моральных оценок в случае запрета на утилитарные просоциальные действия – характерная черта моральных суждений в российской культуре по сравнению с западной (Arutyunova et al., 2013). В связи с этим наблюдаемая возрастная тенденция может быть связана с накоплением социокультурного опыта, научением культурным представлениям о том, что в данном обществе хорошо, а что плохо с точки зрения морали. Данный феномен может быть связан и с ко-

гортными особенностями. В условиях изменения социокультурной среды и сдвига в сторону «вестернизации» в постсоветской период (см.: Александров и др., 2011), участники, родившиеся и воспитывавшиеся в новых условиях, по-другому оценивают моральный аспект поведения людей. И это нашло отражение в их оценках утилитарных просоциальных действий. Если отмеченная тенденция является феноменом социокультурного развития, то же должно наблюдаться и в других культурах, например, в западной. Эта гипотеза будет проверена в дальнейших экспериментах.

Возрастные особенности моральных суждений, выявленные в данном исследовании, а также литературные данные могут свидетельствовать в пользу того, что с возрастом люди больше эмоционально вовлекаются в социальные ситуации и принимают во внимание последствия действий для других людей и их чувств. Это может быть связано с накоплением в опыте актов, прошедших соответствующую моральную оценку. Вследствие этого нанесение вреда другому человеку, пусть и с благой целью спасения большего числа людей, оценивалось старшими участниками исследования как менее допустимое, и число «запретов» на такое поведение увеличивалось с возрастом.

Половые и возрастные особенности в контексте проблемы соотношения интуитивных и рациональных основ моральных суждений: взгляд с позиций системно-эволюционного подхода. Как отмечалось ранее, рассматривались два компонента процесса формирования морального суждения – интуитивный и рациональный. В этом контексте уместно вспомнить о большом цикле исследований, направленных на подтверждение теории двойственности процессов рассуждений (dual-process theories of human thinking). Согласно теории, у человека есть две разные, но взаимодействующие системы для обработки информации. Одна система ориентирована на эвристики, приводящие к интуитивным ответам, а другая основана на аналитической обработке – Frederick, 2005; Sloman, 1996; Stanovich, West, 2000). По существу, они направлены на то же, что в контексте исследования понимания моральных дилемм называется интуитивным и рациональным процессами принятия нравственных решений. Роль и соотношение интуитивных и рациональных компонентов определяется тем, какая проблема решается человеком. Я. А. Пономарев обосновал позицию, согласно которой формирование нового опыта соотношения со средой начинается с интуитивного типа взаимодействия и заканчивается рациональным (Пономарев, 1967).

По теории Ж. Пиаже, в онтогенезе мышление развивается от интуитивного к логическому, или рациональному. В системно-эволюционных представлениях (Александров, 1989) опыт формируется путем системной дифференциации и отражает историю соотношения индивида со средой: старые, сформированные на ранних этапах индивидуального развития, сравнительно низко дифференцированные системы лежат в основе формирования новых и более дифференцированных. При этом существуют экспериментальные и теоретические аргументы в пользу того, что актуализация старых систем преимущественно связана с интуитивным способом взаимодействия со средой, характеризующимся большей эмоциональностью, а актуализация новых – преимущественно с рациональным. В специальных исследованиях было показано, что рациональный и интуитивный типы решения задач связаны с активациями разных наборов мозговых структур (Kuo et al., 2009).

Однако интуиция не сводима к старым системам, так же как расуждение не сводимо к новым. Каждое действие представляет собой одновременную актуализацию множества систем (как высоко-, так и низкокодифференцированных). Множество рассматривается нами как единица опыта. Важную роль в организации индивидуального опыта и поведения играют особенности межсистемных отношений, т. е. взаимосвязи систем, входящих в структуру опыта. Приведены аргументы в пользу того, что в структуре опыта субъекта интуиция может быть сопоставлена с семантической ассоциативной сетью, формирующейся на наиболее ранних этапах становления компетенции (Максимова и др., 1998). Эта сеть характеризует одновременную актуализацию множества систем, набор и сложные отношения между которыми определяют структуру индивидуального опыта. Таким образом, в основе интуитивного морального суждения во многом лежат межсистемные отношения внутри индивидуального опыта субъекта. Отношения складываются при оценке субъектом собственных результатов действий с точки зрения их значения для достижения коллективных результатов, т. е. с позиций разрешенности или запретности действия в конкретном социуме. Мы полагаем, что указанная выше характеристика множества действий соотносима с моральной оценкой событий и действий. Такая характеристика обобщает множество единиц опыта по критерию оценки: приемлемы они или нет. Характеристика феноменологически соответствует свойствам семантической памяти, по Э. Тулвину (Tulving, 1985), и рассмотрению интуиции как свойства опы-

та, «полученного путем имплицитного научения» (Lieberman, 2000, p. 109). Рациональное решение проблемы, рассуждение может быть сопоставлено с семантической пропозициональной сетью, формирующейся позднее, которая характеризует логическую преемственность последовательных состояний структуры опыта и связана с феноменом рационального взаимодействия с предметной областью (Максимова и др., 1998).

Таким образом, можно предположить, что на начальных стадиях решения моральной проблемы субъект формирует интуитивный выбор («хорошо» или «плохо», «допустимо» или «запрещено» и т. п.). Затем человек решает проблему рационально: санкционируя или нет сделанный выбор. В последнем случае рациональное решение может не совпадать с изначальным имплицитным выбором. Здесь многое зависит от сложности и других характеристик проблемной ситуации, имеющегося у субъекта времени для принятия решения и пр. Можно предположить, что интуитивный выбор в использованных нами ситуациях соотносится с оценкой «запрещено»: нанесение смертельного вреда другому человеку – это «плохо». Однако при рациональном подходе к проблеме такое нанесение вреда и жертвование одним человеком приводит к спасению пятерых людей, что имеет практический социально значимый смысл. Следовательно, чем более утилитарны моральные оценки, тем больший вклад в моральное суждение вносит рациональный компонент.

По результатам проведенного исследования можно сказать, что женщины при вынесении моральных суждений в большей степени ориентируются на эмоциональную оценку межличностных взаимодействий и интуитивное решение, во многом основанное на актуализации древних систем индивидуального опыта и сложных межсистемных отношениях. Мужчины же подходят к моральным дилеммам с более абстрактных позиций, рационально оценивая контекстную информацию о ситуации и последовательно актуализируя более новые и высококодифференцированные системы опыта. Снижение утилитарности моральных оценок с возрастом при таком подходе к проблеме может показаться несколько противоречивым: с возрастом люди больше ориентируются на интуитивный выбор и меньше – на рациональное принятие решения. Однако накопление социокультурного опыта в течение жизни связано с усложнением и большей дифференцированностью межсистемных отношений, которые являются важными основаниями интуитивного решения задач. Взрослые люди, вероятно, склонны в большей степени дове-

рять собственной интуиции в том, что «хорошо» и что «плохо» с точки зрения морали, соответствующей обществу и культуре.

Еще раз подведем итоги исследования. В российском обществе мужчины оценивают нанесение смертельного вреда одному человеку для спасения пятерых других людей как более допустимое с точки зрения морали, чем женщины. Выявленные различия могут быть связаны со спецификой соотношения у мужчин и женщин имплицитного и рационального компонентов морального суждения. Выявлены возрастные различия в моральных суждениях людей в российской культуре: чем старше человек, тем менее утилитарны его моральные оценки и тем больше «запретов» он распространяет на утилитарные просоциальные действия. Полученные результаты могут свидетельствовать в пользу существования единых для разных культур процессов развития морального суждения, отражающих динамику соотношения имплицитного и рационально-го компонентов суждения от молодого к более старшему возрасту (Арутюнова, Александров, 2016).

Итак, результаты нашей работы по изучению различий в понимании моральных дилемм представителями современного российского общества расширяют кросс-культурную базу исследований механизмов формирования моральных суждений. Исследование выявило также специфику моральных суждений россиян: менее выраженное разделение морально обусловленного действия и бездействия, тенденцию к избеганию крайних моральных оценок, более выраженную уверенность при вынесении суждений о «запрещенном» поведении, чем об «обязательном». На наш взгляд, результаты отражают культурные свойства российского общества, обусловленные социальной ориентацией на коллективизм, преобладанием диалектического способа мышления и религиозными основами российской культуры.

3.6. Понимание критических ситуаций

Предметом моих эмпирических исследований в течение последних десяти лет было понимание людьми ненормативных критических событий человеческого бытия. Основной замысел состоял в том, чтобы осуществить анализ событий, имеющих отношение ко всему периоду онтогенеза человека – от рождения до смерти: понимание моральной допустимости аборт, террористической угрозы, эвтаназии. Ниже описаны четыре эмпирических исследования понимания людьми ненормативных критических событий человеческого бытия.

3.6.1. Нравственные и личностные основания понимания моральной допустимости искусственного прерывания беременности

Одной из общечеловеческих экзистенциальных проблем является необходимость срочного принятия решения о прерывании неожиданной и нежелательной беременности. В XXI в. проблема абортов (искусственного прерывания беременности) публично обсуждается во всем мире как общественно значимая и имеющая общечеловеческий характер. Она включает социальные, этнические, религиозные и многие другие стороны. Этот раздел посвящен только одной из них – этической: допустимы ли аборты с моральной точки зрения. Говоря о моральных основаниях обсуждения такой экзистенциальной проблемы, как искусственное прерывание беременности, я имею в виду нормативные представления, существующие в общественном сознании и регулирующие поведение очень многих членов общества. Нравственные основания понимания ситуации аборта включают в себя принятие человеком одних моральных норм и отвержение других. Кроме того, нравственность субъекта неразрывно связана с его мировоззрением и индивидуальными свойствами личности.

Сегодня большинство людей, живущих в развитых западных странах, соглашаются с тем, что искусственные аборты – одна из наиболее актуальных, важных и неоднозначных проблем общественной жизни, политики и морали (Coleman et al., 2005). Драматическое противостояние и столкновение различных точек зрения является полярным, «оно выплескивается на улицы, становится предметом массовых манифестаций, митингов и демонстраций. Одна из демонстраций по проблеме аборта, прошедшая, например, в столице США в 1992 г., собрала рекордное для Вашингтона число участников – свыше 250 тыс. человек. Многочисленные демонстрации «за» и «против» абортов проходят почти во всех странах Запада» (Коновалова, 1998, с. 154). Трудно представить такое в нашем отечестве. Между тем «первым государством, легализовавшим «аборт по просьбе», была Советская Россия» (Иванюшкин, 1998, с. 202), произошло это в 1920 г. Однако последующие девяносто лет эта проблема приобрела статус медицинского контроля над рождаемостью, относящегося к личной, интимной сфере жизни женщины. Что же касается нравственных сомнений, относящихся к прерыванию зарождающейся жизни, то, как показано в клинических исследовани-

ях высказываний российских женщин, эти сомнения до сих пор либо вообще не проявляются, либо отодвигаются на второй план рассуждениями о здоровье, отношениях с партнером, социальных условиях жизни и т. п. (Remennick, Segal, 2001). Для нашего массового сознания характерны недооценка или даже игнорирование моральных аспектов аборта: «Можно заключить, что в конце концов политика советской власти в отношении абортотворства привела к деформации психологии целых поколений женщин и мужчин в нашей стране, когда прерывание беременности для многих из них утратило смысл мучительного морального выбора, так как стало просто социальной нормой» (Иванюшкин, 1998, с. 202–203).

Осуществляя психологический анализ нравственного сознания субъекта, решающего и понимающего моральные проблемы, необходимо ответить на вопрос о том, какое отношение имеют ситуации искусственного прерывания беременности к морали и нравственности? На него невозможно ответить без рассмотрения другого вопроса: какие психологические и мировоззренческие особенности людей определяют различия в понимании ими моральной допустимости или, наоборот, недопустимости абортов?

Определение понятия «моральной допустимости» искусственного прерывания беременности в современной науке является одной из важнейших проблем современных психологических исследований абортов. В этой проблеме выделяется два главных аспекта: совокупность представлений людей о начале жизни (Hess, 2005; Singleton, 1994) и о моральном статусе плода (Коновалова 1998; Little, 2005). Одни считают началом жизни момент зачатия или достижения плодом определенного уровня развития, а аборт приравнивают к убийству человека. Другие полагают, что аборт нельзя рассматривать как убийство, потому что плод до рождения не является человеческим существом и не обладает правами, не имеет морального статуса. С. К. Крейг с соавт., анализируя сложившуюся ситуацию, утверждает, что, обсуждая возможность аборта, мы попадаем в амбивалентное, неоднозначное положение. Одни говорят о геноциде против нерожденного ребенка, а другие (сторонники прав человека) сразу же вспоминают о нарушении прав женщины, которые завоевывались в течение десятилетий (Craig et al., 2002).

М. О. Литтл, отстаивающая моральную допустимость аборта на ранних сроках беременности, пытается смягчить или даже обесценить первый аргумент. Она считает, что моральный выбор должен оцениваться не только с точки зрения решения прервать

жизнь, но и продолжить ее. Нужно проанализировать, является ли аборт активным прекращением жизни, т. е., по существу, убийством, или представляет собой лишь отказ в продолжении снабжения неавтономного плода всем необходимым для жизни (пассивное прекращение жизни). Аргументируя допустимость абортов, она приводит такой пример. По улице идет человек, и вы наносите ему сильный удар. В этом случае вы вмешиваетесь в траекторию, которой прохожий следовал независимо от вас. Тем самым вы отнимаете у человека то будущее, которое наступило бы, если бы не последовало ваше действие. Прерывая беременность, однако, вы отнимаете нечто, что и не появилось бы без вашей помощи. Переставая оказывать эту помощь, вы не нарушаете права на жизнь (Little, 2005).

Таким образом, когда я говорю о моральных основаниях обсуждения такой экзистенциальной проблемы, как искусственное прерывание беременности, то имею в виду нормативные представления, существующие в общественном сознании и регулирующие поведение очень многих членов общества. Нравственные основания понимания ситуации аборта включают в себя принятие человеком одних моральных норм и отвержение других. Кроме того, нравственность субъекта неразрывно связана с его мировоззрением и индивидуальными свойствами личности.

Итак, суждения о моральной допустимости или недопустимости аборта содержат ответы на два главных вопроса. Первый: можно ли считать, что с момента зачатия зародыш является человеческим существом? Положительный ответ на этот вопрос означает, что целью аборта является убийство существа, уже имеющего право на жизнь и, соответственно, моральный статус. Второй вопрос: имеет ли беременная женщина исключительное право контроля над своим телом? Иначе говоря, может ли она только по своему усмотрению делать аборт, рассматривая его как удаление кусочка ткани из организма, подобно тому, как поступают все люди, подстригая ногти и волосы? В этом случае положительный ответ основан на убеждении в том, что плод можно считать человеком, имеющим право на жизнь, только тогда, когда он превращается в ребенка, живущего вне организма матери.

Многочисленные психологические исследования свидетельствуют о том, что ответы на указанные вопросы, в которых отражается отношение людей к абортам, зависят от их пола, возраста, личностных особенностей, религиозных убеждений, представлений о моменте зарождения жизни человека и мн. др.

В одном из российских исследований показано, что у женщин, имеющих опыт аборта, обнаружен более высокий уровень рефлексивности, чем у тех, у кого такого опыта нет. Гиперрефлексия способствует нарушению самоидентификации себя как матери, возникновению фрустрации принятия социальной роли материнства. В целом жизненный путь беременным женщинам с опытом аборта представляется в более негативных тонах. Они имеют дисбалансированную жизненную перспективу, в которой прошлое становится основанием формирования будущих тревог (Блюм, Василенко, 2015). В исследованиях западных ученых показано, что женщины, сделавшие аборт и решившие выносить незапланированного ребенка, различаются по нескольким психологическим характеристикам. К примеру, канадские женщины, решившие прервать нежелательную беременность, описывают себя как привыкших полагаться на собственные силы, независимых, упорных и предпочитающих свободу. У. Б. Миллер пришел к выводу, что женщины, делающие аборт, как правило, не состоят в браке, независимы и склонны рассматривать аборт как приемлемый выход из положения для них самих и для членов их семьи. Приписывание вины за случившееся партнеру или чертам своего характера, таким, как импульсивность и безответственность, приводит к более тяжелым последствиям, нежели поиск источника проблемы в конкретном поведенческом акте. Женщины, не склонные обвинять в случившемся партнера и свой характер, проявляют лучшую психологическую адаптацию к случившемуся по прошествии трех и более недель после аборта (Coleman et al., 2005). Говоря о положительных последствиях аборта, исследователи отмечают автономию, личностный рост, улучшение отношений с окружающими, появление цели в жизни и самопринятие. В исследовании Г. М. Бернелл и М. А. Норфлит, проведенном на выборке 178 человек спустя полтора года после аборта, женщины отметили увеличение энергичности, улучшение внешнего вида, укрепление отношений с партнером и родителями (Burnell, Norfleet, 1987).

Важным фактором формирования отношения к абортам оказывается мнение о том, является ли зародыш с момента зачатия человеческим существом. Психологические исследования самочувствия женщин, имевших и не имевших опыт искусственного прерывания беременности, обнаружили следующее. Женщины, сделавшие аборт и рассматривавшие плод как человека, чувствовали себя значительно хуже тех, кто этого не делал. Те же, кто сделали аборт, но не рассматривали плод как человека, чувствовали себя в целом не хуже

женщин, не имевших такого опыта. Те женщины, которые считали плод прообразом человека, называя его ребенком, были подвержены реакциям постоянного расстройств или негативной переоценки. Женщины, считающие плод чем-то инородным и уж никак не человеком, либо вообще не сожалели о своем решении, либо приходили в себя согласно линейному паттерну реакции (Goodwin, Ogden, 2007). На выборке свыше 800 человек обнаружено, что женщины, прошедшие через аборт и убежденные в том, что зародыш является человеком, показали значительно более низкий уровень самооценки и удовлетворенности жизнью, чем женщины, не прерывавшие беременность. В группе женщин, сделавших аборт, но не рассматривающих зародыш как человеческое существо, такого снижения не наблюдалось (Coleman et al., 2005).

Наконец нельзя не отметить, что искусственное прерывание жизни является фундаментальной проблемой человеческого бытия. Ее экзистенциальная значимость для каждого человека проявляется, в частности, в том, что отношение к абортам включено в мировоззрение, в систему взглядов на мир и себя в мире. Одной из важных составляющих мировоззрения является религиозная. Индивидуальная религиозность – значимый предиктор отношения к абортам (Но, Penney, 2001). Разногласия и споры о моральных аспектах проблемы в современном мире приводят к возрастанию роли религии в формировании отношения к абортам. Религиозная позиция усиливается данными об отрицательных корреляциях между пониманием-принятием абортов и идентификацией себя как верующего человека, принадлежностью к традиционной церкви, регулярностью посещения церковных богослужений, личной включенностью в разнообразную религиозную активность (Woodrum, Davison, 1992). Наличие или отсутствие в мировоззрении субъекта религиозной веры оказывает очень значительное влияние на характер, специфику понимания и решения им многих моральных дилемм. При этом следует признать, что с психологической точки зрения верующие люди нередко оказываются в более «выгодном» положении, чем неверующие: они лишены мучительных нравственных размышлений и сомнений, присущих атеистам. Типичным примером является вопрос о моральной допустимости абортов. Применительно к этой проблеме можно сказать, что для искренне верующего христианина никакой моральной дилеммы здесь нет, потому что у задачи есть только одно решение: женщина не имеет права прерывать беременность, это вообще не полномочия человека – любая жизнь да-

на Богом. Однако категорическое отрицание аргументов в защиту абортов приводит к обеднению нравственного сознания субъекта, на поведенческом уровне проявляющемся в предрасположенности к морализированию.

Цель раздела – выявление психологических, социокультурных и демографических факторов, от которых зависит понимание-принятие или понимание-отвержение моральной допустимости абортов.

Методика

В исследовании приняли участие 668 испытуемых (357 женщин и 311 мужчин) из Москвы, Костромы и Саранска – студенты, представители рабочих профессий, медицинские работники, педагоги, инженеры, экономисты, менеджеры и т. п. в возрасте от 17 до 64 лет. Средний возраст участников $M = 29,08$, стандартное отклонение $SD = 9,29$, медиана $Me = 26$. Эксперименты под моим руководством проводили А. А. Андрищенко, А. Г. Власова, Ю. С. Зубарева, О. В. Клычникова, М. С. Кондрашкина, Э. А. Наумова, Т. В. Урчева.

Сначала испытуемые *анонимно* заполняли три опросника: Методику исследования макиавеллизма личности (Знаков, 2005), методику «Уровень субъективного контроля» (УСК) (Милорадова, 2003), Опросник отношения к абортам А. Хилл (Hill, 2004). Последний представляет собой модифицированный вариант методики, ранее использованной в исследовании К. Д. Эспозито и С. А. Басов (Esposito, Basow, 1995). Затем участники экспериментов по три раза продолжали незаконченные предложения: 1) Аборт – это..., 2) Люди понимают аборт..., 3) Аборт делают женщины... На завершающем этапе исследования каждый испытуемый в соответствии с предложенной ему десятизначной шкалой высказывал свое мнение о том, с какого момента начинается жизнь, а потом на шестизначной шкале указывал степень своего согласия с тем, что Бог существует.

Результаты исследования

Обработка результатов происходила в три этапа.

Первый этап анализа данных заключался в дескриптивном анализе оценок испытуемых на вопросы опросника Хилл. Был осуществлен факторный анализ (выявлены два значимых фактора – интернальный и экстернальный) и определение гомогенности, внутренней согласованности шкал опросника. Опросник состоит из 10 утверждений, описывающих конкретные ситуации (см. таблицу 1). Испытуемый должен выразить меру своего согласия или несогласия с каждым из 10 утверждений по семибалльной шкале – от 1 (совер-

шенно не согласен) до 7 (полностью согласен). На этой шкале 4 означает «затрудняюсь ответить». Общий показатель отношения к абортам получается в результате суммирования оценок по всем пунктам. Диапазон оценок – от 10 до 70 с медианным значением $Me = 40$. Тогда сумма оценок меньше 40 означает отвержение человеком абортов, 40–49 – выражение отсутствия определенного мнения по этому вопросу, а 50 и выше – принятие абортов. В целом по выборке, состоящей из 668 испытуемых, среднеарифметический показатель по методике Хилл $M = 38,5$, а медиана $Me = 38,0$. Оценки от 10 до 39 обнаружены у 363 испытуемых, 40–49 у 177, 50 и выше – у 128. Отвергающие аборты испытуемые статистически значимо преобладают в выборке, это выявляет сравнение оценок 363 субъектов, отвергающих аборты, и 305 сомневающихся, а также принимающих их ($\chi^2 = 5,04$; $p < 0,01$). Этот результат отличается от полученного в моем предыдущем исследовании на меньшей выборке (Знаков, 2010).

Усредненные оценки ответов 668 испытуемых на десять вопросов опросника представлены в таблице 2.

В интернальный фактор входят ответы на вопросы, отражающие обстоятельства, в которых решение прервать беременность зависит прежде всего от самой женщины. Экстернальный фактор: на решение об аборте влияет физическое или психическое состояние здоровья потенциальной матери и ребенка, которое в данный момент невозможно изменить. Средние оценки по интернальным вопросам опросника ($M = 3,2$) оказались значимо более *низкими*, чем по экстернальным ($M = 4,8$): $\chi^2 = 2474,6$; $p < 0,001$. Это означает, что испытуемые отвергают аборты в ситуациях, в которых решение о прерывании беременности является исключительно внутренним решением, выбором женщины. В тех случаях, когда невозможно не учитывать негативные медицинские факторы, люди гораздо чаще испытывают затруднения в принятии определенного решения (за или против аборта).

Второй этап обработки результатов заключался в кросс-культурном сравнительном анализе данных 62 американских студенток (Hill, 2004) и 668 российских испытуемых, из которых только 25 девушек были ровесницами американок (17–22 года).

Кросс-культурный анализ. Сравнение данных американских и российских испытуемых (см. таблицу 2) показало, что как в американской, так и в русской социокультурной среде люди затрудняются с принятием определенного решения об аборте в случаях

Таблица 2
Средние значения, стандартные отклонения и медианы оценок
по шкалам опросника

Шкалы опросника	Средняя	Стандартное отклонение	Медиана	Минимум	Максимум
1. Здоровье матери находится в опасности	5,15	2,10	6	1	7
2. Существует большая вероятность серьезных повреждений у ребенка	4,67	2,09	5	1	7
3. Женщина замужем и не хочет больше иметь детей	3,10	2,17	2	1	7
4. Женщина подверглась насилию	4,49	2,27	5	1	7
5. Женщина не замужем и не хочет выходить замуж за человека, от которого беременна	3,35	2,18	3	1	7
6. Женщина слишком бедна, чтобы содержать ребенка	3,47	2,02	3	1	7
7. Женщина сама приняла решение прервать беременность	3,44	2,35	3	1	7
8. Женщина уже делала аборт ранее	2,89	2,21	2	1	7
9. Женщина учится и собирается закончить учебное заведение	3,13	2,23	2	1	7
10. Женщина – умственно отсталая	4,87	2,25	6	1	7
Средняя интернальных пунктов (3, 5, 6, 7, 8, 9)	3,23	1,63	3	1	7
Средняя экстернальных пунктов (1, 2, 4, 10)	4,79	1,64	5	1	7

явного воздействия внешних факторов, не зависящих от мировоззрения и воли беременной женщины. Интересно, что по всем интернальным пунктам американские девушки в большей степени не согласны с практикой абортов, чем русские испытуемые. Иначе говоря, у американок более отчетливо сформировано категоричное мнение о том, что в случае собственного решения женщины аборт скорее морально недопустим, чем оправдан. Очевидно, что причины этого следует искать не только в психологии людей, но и в экономических, политических, религиозных и т. п. различиях в образе жизни людей в США и России.

Третий этап обработки результатов состоял в сравнительном анализе отношения к абортам испытуемых, различающихся по полу,

Таблица 3
Данные американских и русских испытуемых

Шкалы опросника	62 амери- канки		668 русских			25 русских девушек		
	Сред- няя	Стан- дарт- ное откло- нение	Сред- няя	Стан- дарт- ное откло- нение	Вероят- ность ошибки	Сред- няя	Стан- дарт- ное откло- нение	Вероят- ность ошибки
1. Здоровье матери находится в опасности*	4,8	1,77	5,1	2,1	p<0,27	3,5	2,27	p<0,06
2. Существует большая вероятность серьезных повреждений у ребенка*	4,5	2,07	4,6	2,09	p<0,69	3,8	1,85	p<0,16
3. Женщина замужем и не хочет больше иметь детей	1,8	1,21	3,1	2,17	p<0,001	4,0	2,23	p<0,001
4. Женщина подверглась насилию*	4,6	2,09	4,4	2,27	p<0,55	4,1	2,46	p<0,26
5. Женщина не замужем и не хочет выходить замуж за человека, от которого беременна	2,0	1,57	3,3	2,18	p<0,001	4,9	2,12	p<0,001
6. Женщина слишком бедна, чтобы содержать ребенка	2,8	1,93	3,4	2,02	p<0,04	3,7	2,05	p<0,07
7. Женщина сама приняла решение прервать беременность	2,8	2,01	3,4	2,35	p<0,03	4,2	2,27	p<0,001
8. Женщина уже делала аборт ранее	1,9	1,42	2,9	2,21	p<0,001	4,8	2,32	p<0,001
9. Женщина учится и собирается закончить учебное заведение	2,6	1,85	3,1	2,23	p<0,10	4,7	2,29	p<0,001
10. Женщина – умственно отсталая*	3,3	1,93	4,8	2,25	p<0,001	3,8	2,37	p<0,35

* – вопросы, входящие в экстернальный фактор; полужирным шрифтом отмечены значимые различия.

возрасту, региону проживания, личностным и мировоззренческим особенностям. Статистический анализ различий проводился с использованием непараметрических критериев Колмогорова–Смирнова, Манна–Уитни, биномиального критерия, χ^2 .

Проводились также качественная обработка и контент-анализ ответов испытуемых на незаконченные предложения. В ходе контент-анализа подсчитывались характеристики разной эмоциональной направленности (нейтральные, позитивные, негативные), а также выделялись группы, по которым можно распределить высказываемые испытуемыми суждения («просто медицинская процедура», «зло», «вынужденная мера» и др.). Совокупность ответов рассматривалась как семантическое пространство понимания обсуждаемой ситуации: что именно испытуемые понимают под «абортами», как оценивают женщин, их совершающих, и как относятся к процедуре прерывания беременности (оценивают ли ее нейтрально как безобидную операцию, эмоционально негативно или позитивно). В множестве ответов на вопросы опросников и в продолжениях незаконченных предложений в проявлялась нравственная позиция испытуемого: морально допустимы аборты или нет. Указанные два варианта отношения включены в два типа понимания ситуации искусственного прерывания беременности – понимание-принятие и понимание-отвержение.

Проанализирую данные российских испытуемых.

Пол. 357 женщин в выборке по возрасту не отличаются от 311 мужчин ($M = 29,0$ лет). Результаты женщин по общему показателю методики Хилл значимо не отличаются от оценок мужчин ($p > 0,10$), но у них выше оценки по интернальной шкале ($p < 0,02$). Следовательно, женщины чаще, чем мужчины, считают аборт оправданным в ситуациях, в которых принятое решение является собственным выбором субъекта. Это проявляется в оценках ситуаций: «Женщина слишком бедна, чтобы содержать ребенка» ($p < 0,01$); «Женщина учится и собирается закончить учебное заведение» ($p < 0,01$); «Женщина замужем и не хочет больше иметь детей» ($p < 0,03$).

У женщин ниже многие показатели по методике УСК: интернальности в области достижений ($p < 0,01$), неудач ($p < 0,05$), семейных отношений ($p < 0,05$), межличностных отношений ($p < 0,05$), здоровья ($p < 0,03$). Вместе с тем женщины относят зарождение жизни человека к более раннему периоду ($M = 2,3$ месяца и $M = 3,7$ месяца; $p < 0,01$). Они в большей степени, чем мужчины, уверены в существовании Бога ($p < 0,01$) и чаще посещают церковь ($p < 0,03$).

Определяя обсуждаемую ситуацию по типу понимания-принятия, женщины констатируют, что «люди понимают аборты как вынужденную меру», «как попытку сохранить семью, работу, статус». Как показывают психологические исследования (Gilligan, 1982), женщины стремятся определять себя в связи с окружающими людьми, их этический, нравственный опыт базируется на чувстве сплоченности, близости, сочувствия («Я знаю женщин, делавших аборт, лично и близко. Я понимаю, что они чувствовали»). Соответственно для них важно следование социальным и моральным образцам поведения («Люди понимают аборты, потому что сами поступили бы так же»).

Мужчины, понимающие ситуацию по типу понимания-отвержения, чаще, чем женщины, приводят в поддержку своей позиции общенаучные, биологические, демографические аргументы («Аборт – это предотвращение рождения человека, которого в должной мере не смогут или не хотят воспитать и вырастить родители и государство. Это возможность отказаться от ребенка с нежелательным генотипом при достаточном развитии технологий – при возможности расшифровать ДНК до рождения, т. е. возможность предотвратить некоторые наследственные болезни. Аборт – это средство контроля, уменьшения рождаемости, например, при перенаселении»). Из этого следует закономерный вывод о том, что «люди понимают аборты как средство исправить ошибку – природы или свою». Не остаются без внимания и моральные аргументы («Аборт – это один из эффективных способов решения личных проблем, широко распространенный в век упадка нравственности всего человечества»). Понимание-отвержение проявляется и в апелляции к своему ментальному и экзистенциальному опыту («Люди понимают аборты, а я – нет»).

Возраст. Возрастных различий в отношении к абортам по общему показателю опросника Хилл не выявлено, однако они есть при сравнении интернальных и экстернальных пунктов. У 186 человек из нижнего квартиля распределения ($M = 20,5$ лет) *ниже*, чем у 169 испытуемых из верхнего ($M = 42,7$ года), оценки по экстернальным пунктам ($p < 0,01$), но *выше* по интернальным ($p < 0,02$). Противоположная направленность оценок двух шкал опросника нивелирует, устраняет различия в общем показателе. Следовательно, отношение к абортам у молодых людей по сравнению с взрослыми чаще выражается в понимании-отвержении моральной допустимости искусственного принятия беременности в таких ситуациях, в которых существует угроза физическому или психическому состо-

нию здоровья потенциальных матери и ребенка. Особенно следует подчеркнуть тот факт, что молодые значимо *реже*, чем взрослые, согласны с моральной допустимостью аборта тогда, когда существует большая вероятность серьезных отклонений у ребенка ($p < 0,05$). Вместе с тем молодые *чаще*, чем взрослые, согласны с моральной допустимостью аборта, понимают ситуации по типу понимания-принятия тогда, когда решение определяется преимущественно собственным выбором женщины.

Следует отметить и то, что, по-видимому, определяется преимущественно экзистенциальным опытом: чем люди старше, тем чаще они оценивают аборт как право женщины и реже рассматривают его как преступление. Для испытуемых старше 35 лет характерно также стремление найти оправдания планируемой или совершенной прерванной беременности («Аборт делают женщины, у которых хватает сил принять такое решение»). У молодых, особенно мужчин, чаще встречаются категоричные суждения («Если женщина согласна на аборт, значит, она своего ребенка недостойна»).

Моральная допустимость аборта при нарушении в развитии плода. Второй вопрос, ситуация из методики Хилл формулируется так: «Существует большая вероятность серьезных повреждений у ребенка». Из выборки в 668 человек 205 испытуемых не согласились ($M = 1,9$) и 382 согласились ($M = 6,3$) с необходимостью и моральной оправданностью аборта. Чем эти две группы испытуемых отличаются по демографическим и личностным характеристикам? Между ними нет половых различий, т. е. ни про одну из групп нельзя сказать, что в ней преобладают мужчины или женщины. Несогласные с практикой абортотворения немного младше ($M = 27,4$ и $M = 30,1$; $p < 0,001$). У них ниже показатель интернальности в области межличностных отношений ($p < 0,01$), они считают, что о плоде как человеке можно говорить уже на третьем месяце беременности (вторая группа – на четвертом) ($p < 0,03$).

Поскольку отличий по демографическим и личностным характеристикам явно немного, то причины понимания-отвержения и понимания-принятия аборта плода с отклонениями в развитии, вероятно, следует искать в мировоззренческих ценностно-смысловых позициях испытуемых.

Региональные различия. 201 житель Москвы и 467 испытуемых из Саранска и Костромы: статистически значимых различий по полу нет, возраст москвичей немного *ниже* ($M = 28,2$ и $M = 29,4$; $p < 0,001$). У москвичей *выше* общий показатель по методике Хилл

($M = 40,6$ и $M = 37,6$; $p < 0,005$). Значит, жители этих двух регионов в среднем понимают предлагаемые им десять ситуаций из методики Хилл по типу понимания-отвержения, а большинство москвичей из обследованной выборки колеблются в принятии решения. У жителей регионов значительно более низкий, чем у москвичей, общий показатель интернальности ($p < 0,001$). Они в большей степени верят в Бога ($p < 0,03$) и понимают аборт по типу понимания-отвержения ($p < 0,005$). Кроме того, жители Костромы и Саранска отличаются от москвичей меньшими показателями макиавеллизма личности ($p < 0,05$), по опроснику УСК – интернальности в области неудач ($p < 0,001$) и производственных отношений ($p < 0,001$).

Понимание ситуации искусственного прерывания беременности жителями регионов, безусловно, основано на моральных и религиозных убеждениях. Однако заметное отличие от москвичей состоит в более частом упоминании социальных условий, вынуждающих женщин к принятию решения («Аборты делают женщины, чтобы скрыть свой позор»; «У которых нет средств на существование вместе с ребенком»; «Это лучше, чем отдать ребенка в приют»). Испытуемые мужского пола склонны рассматривать проблему в более широком социальном контексте («Аборт – это проблема современного общества»; «Способ ухода от ответственности»; «Несамоостоятельность в действиях и поступках»; «Аборт делают женщины, желающие закончить институт и сделать карьеру»; «Потому что никто не запрещает это делать, это легко доступно»). Испытуемые женского пола склонны к оценкам личностных качеств и мировоззрения тех, кто делает аборт. Они «неблагополучные, малодушные», «Ни о чем не думающие, склонные к опрометчивым решениям», «Не умеющие планировать собственную жизнь», «Запутались, боятся будущего», «Просто не доросли для того, чтобы стать матерью».

В понимании ситуации москвичами на передний план выходят не моральные рассуждения о праве неродившегося человека на жизнь, а мнение том, что каждый сам вправе решать, как ему поступать и как себя вести («Да, аборт – прерывание жизни. Но ребенок – это такая степень ответственности, что взять ее на себя означает кардинально изменить свою жизнь, и, мне кажется, женщина вправе решать, потому что решает она и для себя тоже»).

Представления о начале жизни. По этому показателю значимые различия обнаружены только в группе, состоящей из 311 мужчин. В женской группе таких различий (357 испытуемых) не обнаружено. Сравнивались результаты опроса 213 мужчин, которые

считают, что жизнь человека зарождается в первом триместре беременности, и 79, полагающие, что это происходит во время последнего триместра или в момент рождения ребенка. Оказалось, что у первых *ниже* общий показатель интернальности ($p < 0,05$). Они также в *меньшем* количестве ситуаций считают аборт морально допустимыми, чем вторые ($p < 0,10$), однако различия не значимы.

Люди, считающие, что жизнь начинается в первом триместре беременности («Если даже молекула является биологически „живой“, то почему бы не быть живым ребенку в момент зачатия?») чаще называют аборт убийством («Я считаю, что в независимости от срока беременности в утробе находится живой человек: это даже не обсуждается. В любом случае аборт – это убийство»). Те, кто полагают, что жизнь начинается на более поздних сроках беременности, склонны оценивать аборт как допустимую процедуру («Недоразвитый набор клеток нельзя назвать живым организмом»).

Однако самая сложная задача, которую вынуждены решать испытуемые, состоит в содержательном различении понятий «жизнь» и «жизнь человека». В методике именно для того, чтобы побудить их порассуждать на эту тему, я использовал первую категорию, а не вторую. Главный вопрос здесь заключается в том, когда, с какого момента зародыш можно называть человеком («Это большой вопрос – когда речь идет просто о прерывании жизни, а когда – о прерывании жизни одушевленного существа, т. е. уже наделенного бессмертной душой»). Одна точка зрения: «Душа человека появляется в момент зачатия, значит, оплодотворенная яйцеклетка – уже живое существо». Другая позиция: «Жизнь физического тела начинается с первого дня беременности, но душа приходит в момент рождения). Наконец третья – «Жизнь начинается тогда, когда ее осознаешь», т. е. после рождения.

Ни одна из названных точек зрения не может претендовать на абсолютную истинность, они выражают лишь разные варианты понимания проблемы. А понимание, как известно, всегда поливариативно и в отличие от познания не имеет прямого отношения к истинности понимаемых суждений.

Индивидуальная религиозность. Сравнивались результаты 539 испытуемых, в разной степени согласных с утверждением «Я верю, что Бог существует» и 128 не согласных с ним. Применительно к этой выборке в соответствии и с биномиальным критерием и с критерием χ^2 с вероятностью ошибки $p < 0,001$ можно утверждать, что согласные с утверждением преобладают. У не верящих

в существовании Бога значимо более высокие оценки по общим показателям шкалы интернальности ($p < 0,005$) и методики Хилл ($p < 0,03$). Следовательно, если неверующие колеблются, то верующие оценивают искусственное прерывание беременности по типу понимания-отвержения.

Исследование выявило немало конкретных случаев, свидетельствующих о понимании-отвержении абортов верующими людьми. Не соглашаясь с их моральной допустимостью («Аборты – это аморальное явление современности»), они понимают искусственное прерывание беременности как зло, за которое надо наказывать («Аборт – это преступление, за которое в Российской Империи отправляли на каторгу»). Такое понимание иногда приводит к парадоксальному противоречию между реалиями российской социальной действительности и мнением о моральной недопустимости прерывания беременности. В результате человек имеет высокие оценки по методике Хилл, но внутренне содрогается даже при упоминании о прерывании беременности («Когда я слишком подробно вспоминаю о таком предмете, как аборт, меня, честно говоря, начинает слегка подташнивать: уж больно хорошо я ощущаю как бы в себе эту самую прерывающуюся жизнь. Это очень страшно: как будто отрывается что-то от тебя, причем не ты, а твой ребенок, его уничтожение»). С точки зрения религиозной морали за свои поступки человек отвечает не только перед собой («Аборт – это грех в очах Бога»). Греховность аборта в значительной мере определяется тем, что в сотворении новой жизни участвуют не только люди («Жизнь – это великий дар, данный Богом человеку, который начинается сразу же после слияния мужской и женской половых клеток»).

Понимание-принятие ситуации аборта у неверующих, наоборот, основано на вере в себя, привычке полагаться на собственные силы («Я не верю в Бога, и считаю, что человек должен верить только в себя. Принимая важные решения, он должен быть сильным духом. Не стоит совершать необдуманные поступки. Но если женщина намерена прервать жизнь, сделать аборт, уничтожить частичку своей же плоти и крови – она имеет право сделать то, что решила и обдумывала»). Вера в себя сочетается у них с положительной оценкой психологических качеств людей, решившихся на искусственное прерывание беременности («Аборт делают женщины достойные и умные. У них развита логика, они отвечают за свои поступки, осознают значимость корректного и правильного воспитания ребенка и среды, в которой ему расти»).

С целью уточнения качественных характеристик понимания людьми нравственных оснований моральной допустимости искусственного прерывания беременности было проведено дополнительное исследование.

Процедура и методы исследования

Испытуемые. В исследовании, проводившемся под моим руководством Д. А. Ребрушкиной, приняли участие 157 испытуемых (88 женщин и 69 мужчин). Испытуемыми были студенты и преподаватели Мордовского государственного университета, медицинские работники, педагоги, экономисты, инженеры в возрасте от 17 до 55 лет. Средний возраст участников – $M = 23,3$ года, стандартное отклонение – $SD = 8,5$.

Методики. Сначала испытуемые анонимно заполняли четыре опросника: «Шкалу общей самооффективности» Р. Шварцера и М. Ерусалема в адаптации В. Ромека; «Личностный дифференциал», разработанный Е. Ф. Бажиным и А. М. Эткингом; «Шкалу базисных убеждений» Р. Янофф-Бульман в адаптации М. А. Падун; «Опросник отношения к абортam» А. Хилл в адаптации В. В. Знакова. Затем участники эксперимента читали два текста – отрывок из книги М. Фриша «Homo faber», в котором аборты оправдываются, и отрывок из статьи И. Медведевой и Т. Шишовой «Безмолвный крик», направленной на осуждение абортов. После этого по 6-балльной шкале они указывали степень своего согласия или несогласия с 8 утверждениями, содержащимися в каждом тексте. О согласии или несогласии испытуемого с моральной допустимостью искусственного прерывания беременности свидетельствовали суммарные показатели ответов на вопросы к текстам, условно названным «За аборты» и «Против абортов». Иначе говоря, показатели выражали понимание-принятие или понимание-отвержение моральной допустимости абортов. Использование в исследовании текстов было обусловлено следующим соображением. Проводя психологический анализ понимания людьми моральной допустимости абортов, нельзя ограничиваться исследованием только их личностных характеристик. Люди принимают решение о принятии или отвержении искусственного прерывания беременности в реальных жизненных ситуациях. Следовательно, необходимо изучить понимание моральной допустимости абортов при помощи ситуаций, в которых явным образом были бы представлены обе позиции, касающиеся моральной допустимости искусственного прерывания беременности («за аборт»

или «против аборта»). В нашем исследовании подобные ситуации отражены в двух названных выше текстах. Совокупность ответов испытуемых можно рассматривать как семантическое пространство понимания обсуждаемой ситуации. Я имею в виду: что именно испытуемые понимают под «абортами», как оценивают женщин, делающих их, и как относятся к процедуре прерывания беременности (оценивают ли ее нейтрально как безобидную операцию, эмоционально негативно или позитивно). Во множестве ответов на вопросы опросников, относящихся к этой тематике, продолжения незаконченных предложений в конечном счете проявляется нравственная позиция испытуемого: считает он аборт морально допустимыми или нет. Указанные два варианта отношения включены в два типа понимания ситуации искусственного прерывания беременности – понимание-принятие и понимание-отвержение.

Результаты и их обсуждение

У мужчин выше суммарный показатель ответов на вопросы к тексту «За аборт» ($p < 0,05$). Соответственно среди принимающих аборт больше мужчин, чем женщин ($p < 0,03$). Следовательно, мужчины чаще, чем женщины, понимают ситуацию аборта по типу понимания-принятия.

Выявлены значимые возрастные различия в отношении к ситуации аборта по общему показателю методики Хилл. В старшей группе (от 21 года до 55 лет) этот показатель выше, чем у молодых 17–20 лет ($p < 0,02$). Иначе говоря, молодые люди чаще, чем взрослые, определяют аборт по типу понимания-отвержения. Понимание-отвержение моральной допустимости искусственного прерывания беременности у молодых людей чаще, чем у взрослых, и особенно отчетливо проявляется применительно к таким ситуациям, в которых существует угроза физическому или психическому состоянию здоровья потенциальных матери и ребенка.

В исследовании выявлены интересные личностные различия между оценками испытуемых, понимающих ситуации искусственного прерывания беременности по типам понимания-принятия и понимания-отвержения.

Испытуемые, у которых высокий (выше медианы) суммарный показатель по тексту «Против абортов», имеют более низкие значения оценки по методике «Личностный дифференциал» ($p < 0,002$), чем испытуемые с низким показателем. В соответствии с методикой это означает, что у них низкая самооценка себя как носителя пози-

тивных нравственных качеств и социально желательных характеристик, они проявляют неудовлетворенность собственным поведением, уровнем достижений, особенностями личности. Кроме того, у таких испытуемых по «Шкале базисных убеждений» ниже оценки «справедливости» (убежденности субъекта в том, что хорошие и плохие события распределяются между людьми по принципу справедливости и каждый человек получает то, что заслуживает) ($p < 0,001$). У них также ниже «способность контролировать ситуацию» (убеждение субъекта в том, что он может контролировать происходящие с ним события и поступать так, чтобы ситуация складывалась в его пользу) ($p < 0,005$).

Следовательно, у людей, которые понимают аборт по типу понимания-отвержения, в меньшей степени, чем у испытуемых, понимающих ситуацию аборта по типу понимания-принятия, выражены социально одобряемые личностные характеристики. Они ниже оценивают свои нравственные качества, у них нет уверенности в справедливости окружающего мира и своей способности справляться с возникающими трудностями и препятствиями на жизненном пути.

Выявлены также различия в мировоззренческих установках двух групп испытуемых. Те, кто в меньшей степени принимает аборт, более согласны с тем, что Бог существует ($p < 0,04$). Они также имеют более высокие оценки частоты посещения церкви ($p < 0,01$). Кроме этого, с тем, что Бог существует, в большей степени согласны и те испытуемые, которые имеют более низкие оценки по общему показателю методики Хилл, т. е. в большей степени отвергающие аборт ($p < 0,002$). Результаты и методики Хилл, и методик «За аборты» и «Против абортов» показали, что те испытуемые, которые понимают аборт по типу понимания-отвержения, являются в большей степени религиозными, чем те, кто более понимает искусственное прерывание беременности по типу понимания-принятия. Это неудивительно, потому что для подлинно верующего человека в вопросе о возможности аборта вообще нет никакой моральной дилеммы. Ответ на этот вопрос однозначно отрицательный: жизнь человеку дана Богом и не человеческое дело принимать решение о ее продлении или прерывании.

Общее обсуждение результатов

Во многих публикациях западных ученых показано, что в отношениях людей к абортам не выявлено половых различий (Esposito, Basow, 1995; Carlton et al., 2000; Но, Penney, 2001). По общему пока-

зателю методики Хилл такой же результат получен в нашем исследовании. Однако российские мужчины чаще, чем женщины, понимают ситуацию аборта на уровне понимания-отвержения тогда, когда решение зависит прежде всего от самого субъекта. Объяснить это можно по крайней мере двумя социокультурными причинами: меньшей включенностью российских мужчин в обсуждение проблем искусственного прерывания беременности и, соответственно, меньшей осведомленностью о них. Мнения современных россиян совпадают с мнениями американцев тридцатилетней давности: тогда женщины тоже проявляли более положительное отношение к абортам, чем мужчины (Shostak, 1980). Исследования западных психологов показывают, что при близких отношениях мужчины считают, что они обязаны эмоционально включаться в появившуюся экзистенциальную ситуацию и участвовать в принятии решения об искусственном прерывании беременности (Rosenwasser et al., 1987). Обнаружено, что в такой ситуации мужчины чувствуют даже большую ответственность за решение, чем предполагают женщины (Nelson, Coleman, 1997). В таких условиях мужчины приобретают больше знаний об этой проблеме и ее понимание не имеет качественных отличий от понимания абортотворения женщинами. В современном обществе половые различия, по существу, всегда являются гендерными: в неявном виде в них представлены взгляды людей на полоролевые стереотипы, а также маскулинные и феминные базовых ценностях. Неудивительно, что социальные роли и ценностные ориентации влияют на формирование суждений о моральной допустимости искусственного прерывания беременности. В частности, в одном из исследований обнаружено, что работающие люди более лояльно относятся к абортам, чем домохозяйки (Jelen, Damore, Lamatsch, 2002).

Вывод о том, что по уровню макиавеллизма личности можно предсказывать отношение человека к абортам, представляется мне вполне закономерным, потому что он соответствует результатам других исследований. Макиавеллисты в большей степени принимают эвтаназию, чем немакиавеллисты (Знаков, 2005), а между принятием абортотворения и активной эвтаназией существует положительная корреляционная связь (Ho, Repppey, 2001). Макиавеллисты склонны к манипуляции, в том числе человеческой жизнью, что, в частности, проявляется в согласии прервать ее.

Отсутствие возрастных различий в отношении к искусственному прерыванию беременности соответствует результатам большинст-

ва западных исследований, хотя в некоторых из них отмечается более позитивная оценка абортов представителями старшего поколения (Esposito, Vasow, 1995). Однако отсутствие различий не означает качественного тождества. Как показано в работе Ф. Шнелл и Дж. Т. Макконата, в разных возрастных когортах психологическим основанием отношения к абортам становятся различные ценности – свободы, равенства, счастья, спасения души и др. У старшего поколения более выражена ориентация на представления о равенстве людей и на религиозные ценности. Молодежь при объяснении отношения к абортам реже ссылается на общечеловеческие ценности, у молодых людей в этом вопросе преобладают личные интересы (Schnell, McConatha, 1996).

Более выраженное понимание-отвержение молодыми российскими испытуемыми моральной допустимости аборта при нарушениях в развитии плода соответствует данным исследования, проведенного в Э. Ли Великобритании (Lee, 2000). Пожалуй, главное достоинство этого исследования состоит в экспликации причин, по которым молодые британцы в большинстве случаев считают недопустимым аборт плода с нарушениями в развитии. Они полагают, что с моральной точки зрения в этом случае принятие решения об искусственном прерывании беременности оказывается более сложным, чем тогда, когда нарушений нет. Один аргумент против аборта заключается в том, что он может оказаться следствием предрассудков по отношению к людям с особенностями в развитии, что может привести к дискриминации по отношению к ним. В этой связи испытуемые говорят о генетическом отборе по таким признакам, как пол или цвет кожи, а также социальной политике сексизма или расизма: «Я думаю, что невозможно ограничить женщину, в каком случае она может сделать аборт, а в каком не может. Было бы рискованно, конечно, просить правительство решать, но есть определенный моральный долг учить людей. Опасность в том, что выбор может стать вообще неограниченным... Это значит люди смогут проявить все свои предрассудки о том, что же такое „хороший“ человек. Например, будут заводить только белых детей с гетеросексуальной ориентацией» (там же, с. 398). Опасность таится еще и в том, что норма и патология определяются социальными институтами и потому могут изменяться с изменением политической конъюнктуры. Кроме того, в течение жизни человека с ограниченными возможностями могут появиться новые лекарства, которые помогут ему вылечиться от недуга.

Другой аргумент, приводимый молодыми британцами, воспитанными на традициях прав человека и общества потребления, основан на рефлексии и сомнениях в том, что право выбора – это безусловное благо: «Я не знаю, почему люди должны иметь право всюду выбирать. Это все ценности общества потребления – ты можешь получить именно то, что ты хочешь... Почему людям должно быть позволено поступать так? Я думаю, нельзя одобрять людей, которые хотят получить идеал» (там же). Неограниченный выбор рассматривается как еще одна опасность, ведущая к содержательному расширению оснований моральной допустимости аборт (например, родители могут хотеть иметь ребенка с голубыми глазами и не соглашаться на рождение младенца с карими).

Конечно, с позиций изучения проблемы важно было узнать, что российские молодые люди, отвечая на вопросы методики Хилл, выражают такое же мнение, как и британские. Однако, к сожалению, моя схема исследования не позволяла провести качественный анализ причин формирования указанного мнения – это дело будущего.

Выявленные региональные различия соответствуют результатам многих исследований, согласно которым отношение к абортам неодинаково как у людей внутри одной страны, так и у граждан разных государств (Brown et al., 2000; Sahar, Karasawa, 2005). На него влияют социокультурные, этнические, политические и другие факторы.

Что касается категоричных выводов об отношении к аборт (людей с различной индивидуальной религиозностью, то пока их делать явно рано. Надо использовать корректные методики, выявляющие количественную меру и качественные содержательные особенности религиозности человека (насколько мне известно, в российской психологии за редким исключением – Смирнов, 2001 – они отсутствуют). Однако между степенью индивидуальной религиозности и пониманием ситуаций аборт нет однозначной связи. Важную роль в понимании моральной допустимости аборт играет, в частности, социальная идентификация субъекта. Например, на понимание этой проблемы французскими католиками влияет «эффект черной овцы»: при сильной религиозной идентификации аборт, совершенный членом своей группы осуждается, тот же поступок представительниц других групп оценивается более нейтрально (Vegue, 2001). Вместе с тем очевидно, что идентификация является далеко не единственным фактором, влияющим на специфику понимания ситуаций, связанных с возможностью или необходимостью искусственного прерывания беременности.

Несмотря на то, что с общечеловеческой точки зрения решения о прерывании беременности в значительной степени основываются на моральных соображениях, пока в психологических публикациях отсутствуют данные об индивидуальных особенностях нравственного сознания людей, понимающих аборт по типу понимания-принятия или понимания-отвержения. Очевидно, что это перспективное направление психологических исследований нужно продолжать и развивать. И надо признать, что первые шаги в этом направлении уже сделаны.

Экзистенциальная ситуация, в которой женщина или супружеская пара вынуждены срочно принимать решение о том, делать ли аборт, для большинства людей оказывается критической. Психологам хорошо известно, что в кризисных ситуациях, особенно связанных с моральными дилеммами, люди становятся более подверженными внешним влияниям. В таких ситуациях субъект начинает меньше доверять своему мнению и способности принять правильное решение. В результате он в большей степени полагается на мнение других, особенно авторитетных лиц. В кризисных ситуациях люди колеблются, меняют свою точку зрения на другую, иногда прямо противоположную. Кроме того, «они часто ощущают усталость, безразличие, безнадежность, несостоятельность, замешательство, тревогу и неспособность к самоорганизации. Именно поэтому они чаще отказываются от своей точки зрения и позволяют решать за себя другим вместо того, чтобы защититься от решений, которые принимаются без учета их интересов» (Берк, Риардон, 2010, с. 263). В результате женщины нередко делают аборт, не дав себе времени осознать пробуждающиеся материнские чувства. И только прервав беременность, они понимают, насколько сильно хотели ребенка. Это влечет целый комплекс психологических последствий, называемых «постабортным синдромом». Следовательно, нельзя не признать, что в понимании ситуации аборта бессознательные компоненты играют важную и далеко не последнюю роль.

Т. Берк и Д. Риардон, пытаясь ответить на вопрос «Имеет ли женщина право распоряжаться своим телом и, следовательно, обладает свободой выбора?», пишут, что «идея беспрекословной «свободы выбора» при принятии решения об аборте является очень опасной. Она основана на образе идеальной женщины, которая обладает всей необходимой информацией, независима и эмоционально устойчива. Такую женщину невозможно встретить в реальной жизни. На самом деле большинство женщин не имеют достаточной информации

о том, какой вред может нанести аборт их душевному и физическому здоровью. Более того, многие женщины не являются по-настоящему «свободными». Напротив, они эмоционально зависимы от родителей, любовников, мужей, психиатров, работодателей и многих других людей и легко поддаются их влиянию. Иногда решение сделать аборт намного больше соответствует интересам окружающих, нежели желанию самой женщины. И наконец, многие женщины, принимающие решение об аборте, недостаточно эмоционально устойчивы и из-за этого склонны к спешным, непродуманным и губительным решениям» (Берк, Риардон, 2010, с. 260–261). Неудивительно, что решение сделать аборт нередко более соответствует интересам окружающих, чем желанию самой женщины.

* * *

Теоретико-эмпирический анализ результатов наших исследований показывает следующее. Понимание представляет собой особый тип бытия человека в мире, интегрирующий чувственные и рациональные компоненты, позволяющий сопоставить жизненные ситуации с представлениями о должном. Принципиальная поливариативность понимания, разнообразие интерпретаций понимаемого события позволяют объяснить неодинаковость моральных выборов субъектов общения. Из возможности множества вариантов понимания любого события следует, что некорректно говорить об однозначности принятия решения о моральной допустимости аборта. Понимание-принятие или понимание-отвержение субъектом аборта никогда не формируется на основе только рациональных рассуждений, большую роль при этом играет невербализуемый экзистенциальный опыт. Семантическим антиподом такого ненормативного критического события, как аборт, является материнство. Рассуждения и мнения людей о материнстве принципиально не могут быть рациональными вследствие иррациональности самого желания иметь детей: «Желание материнства может быть доминирующей движущей силой, которая, однако, только частично выражима словами или объяснима» (Sevón, 2005, p. 472). Понимание целостной ситуации аборта основано на экзистенциальном опыте субъекта, включающем ценностно-смысловые образования и моральные представления о должном, связанные с базовыми человеческими ценностями (Jelen et al., 2002). Понимание аборта – это не понимание-знание, которому соответствует оценка истинности суждения о моральной допустимости или, наоборот, недопустимости искусственного пре-

рывания беременности. Результатом понимания ненормативного критического события оказывается понимание-интерпретация, соотносимое с оценками правильности-неправильности мнений. Большую роль играет также актуализация интуитивных образований, глубинных личностных смыслов и ценностей, в результате которой возникает понимание-постижение, основанное на представлениях общающихся людей о правдивости или неправдивости.

Проблема понимания моральной допустимости искусственно прерывания беременности является не только общечеловеческой, но и конкретно-научной. Можно назвать несколько перспективных направлений ее психологического анализа. Одно из них – определение специфики понимания обсуждаемой ситуации людьми, знающими и не знающими биологические и психофизиологические основы внутриутробного созревания человека: от стадии зародыша к стадии эмбриона, а затем плода. Другое направление исследований – выявление суждений о моральной оправданности или недопустимости аборт в случаях нормального протекания беременности и обнаруженной аномалии в развитии плода. Судя по некоторым зарубежным публикациям, молодые и взрослые люди понимают эти ситуации по-разному. Очевидно, что, кроме названных, существуют и другие интересные научно и практически значимые вопросы, на которые следует ответить психологам.

*3.6.2. Понимание и переживание россиянами террористической угрозы**

Проблема. Терроризм – глобальная проблема современного общества – приобретает все более угрожающие масштабы. Террористические акты ведут к массовым человеческим жертвам, сеют вражду между государствами, провоцируют войны, порождают между социальными и национальными группами недоверие и ненависть, которые иногда невозможно преодолеть в течение жизни целого поколения. Если раньше терроризм был локальным явлением, то уже к началу третьего тысячелетия он охватил большую часть мира. Еще в середине прошлого столетия жертвами террора становились отдельные личности, выбранные из тысяч и миллионов других людей, а теперь каждый житель планеты может стать его жертвой.

Сегодня ни одна страна, ни один народ не защищены от этой «чумы» XXI в. Именно поэтому изучение психологии терроризма –

* Раздел написан совместно с Е. М. Турок.

ныне практически одна из наиболее значимых областей психологической науки. Она включает в себя исследования не только психологии террористов, но и посттравматических стрессовых расстройств у прямых и косвенных жертв терактов. Теракты всегда вызывают у населения всплеск беспокойства, тревоги и страха. После 11 сентября 2001 г. около половины опрошенных американцев указали на появившееся у них беспокойство по поводу безопасности – своей и близких (Schuster et al., 2001). С научной точки зрения это неудивительно и давно известно. Или другой пример: в Мадриде в 2004 г. после серии взрывов на железной дороге, в которых пострадали более 2000 человек, население куда активнее, чем раньше, начало демонстрировать свои антиарабские и антисемитские предубеждения, проявлять авторитаризм и приверженность консервативным ценностям; приверженность либеральным ценностям, наоборот, понизилась (Echebarria-Echabe, Fernandez-Guede, 2006).

В современном мире терроризм приобрел такие масштабы, что представляет собой угрозу существованию всего человечества. По определению Министерства обороны США, терроризм – это «преднамеренное использование насилия или угрозы насилия для того, чтобы внушить страх, предназначенный для запугивания (принуждения) правительства или общества, достижения целей, которые, как правило, являются политическими, религиозными или идеологическими» (Todd et al., 2005, p. 184). Неудивительно, что сегодня психология терроризма – одна из наиболее научно и практически значимых областей психологической науки. Она включает исследования психологии террористов, изучение посттравматических стрессовых расстройств у прямых и косвенных жертв терактов, анализ роли СМИ в формировании образа врага по отношению к членам террористических организаций, рассмотрение терроризма как способа общения (в виде психологического насилия), направленного на запугивание, т. е. актуализацию страха у населения и у власти.

В этом разделе мы рассмотрим только один аспект многогранной и сложной проблемы терроризма: как понимают и переживают *террористическую угрозу* (ТУ) люди в небольших городах центральной России, в которых не было терактов. Под пониманием и переживанием ТУ вслед за Ю. В. Быховец и Н. В. Тарабриной мы будем иметь в виду субъективную оценку риска стать жертвой теракта. Психологическая структура понимания и переживания ТУ состоит из трех компонентов – когнитивного, эмоционального и поведенческого.

Когнитивный – это антиципация и репрезентация осознаваемого уровня реальности угрозы, ее вероятности и возможных последствий. Эмоциональный компонент может быть как осознанным, так и неосознаваемым; он проявляется в возникновении психологического состояния, заключающегося в ощущении утраты контроля над обстоятельствами, значимыми для жизни субъекта. Поведенческий компонент проявляется, например, в увеличении потребления наркотических средств, алкоголя и сигарет после терактов (Быховец, Тарабрина, 2010).

Исследование понимания и переживания ТУ ставит перед психологами две взаимосвязанные проблемы: 1) как люди преодолевают страх смерти, неизбежно возникающий при упоминании о терактах (в СМИ или даже в условиях психологического эксперимента) и 2) в каких смысловых единицах они структурируют свое понимание мира, изменяющееся в результате терактов.

Первая проблема изучается преимущественно в рамках теории управления страхом смерти. Эта теория стала особенно актуальной после 11 сентября 2001 г. (Landau et al., 2004). Понимание неизбежности собственной смерти – одна из главных экзистенциальных проблем человеческого бытия. Можно рационально осознавать, что мир опасен и несправедлив, но на более глубоком подсознательном уровне чувствовать, что ты в безопасности, способен избежать неудачи. В данной теории утверждается, что подчинение культурным стандартам и ценностям предохраняет субъекта от чувства тревоги, возникающего вследствие понимания собственной уязвимости и смертности. Принятие общечеловеческих ценностей позволяет ему почувствовать себя необходимым, включенным в сообщество людей, соблюдающих примерно одинаковые социальные и моральные нормы. После резких катастрофических изменений люди ищут ответ на вопрос: может быть, то, что с нами произошло, – следствие несоблюдения или искажения моральных норм (распространенности однополых браков, проституции, абортов и т. п.)? Неудивительно, что после сентября 2001 г. некоторые ученые стали называть США «морализирующей нацией» (Janoff-Bulman, Sheikh, 2006).

Вторая проблема заключается в том, что понимание как ценностно-смысловое структурирование мира не может анализироваться без обращения к специфике ментального (Холодная, 2002) и экзистенциального опыта понимающего субъекта. Поскольку понимание ТУ рядовыми гражданами основывается не на достоверных знаниях (которыми могут располагать только сотрудники спецслужб,

да и то в редких случаях), то можно предположить, что ментальный, умственный опыт субъекта задействован при этом в минимальной степени. Основную роль в понимании ТУ играет экзистенциальный опыт. Именно такой опыт становится семантическим основанием, внутренними неосознаваемыми условиями понимания субъектом ТУ. В частности, в работе Дж. Парк с соавт. показано, что у белых американцев только использование теста скрытых ассоциаций (и непосредственно после предъявления информации о терроризме) позволяет выявить неосознаваемые негативные установки по отношению к арабам-мусульманам. До этого, соблюдая политкорректность и социальную желательность, испытуемые не осознавали, что связывали с терактами именно мусульман (Park et al., 2007). Установки являются частью экзистенциального опыта субъекта, того ценностно-смыслового основания неявного знания о мире, на котором строится трудно описываемое словами иррациональное чувство, что ты можешь стать жертвой теракта.

Цель эмпирического исследования состояла в выявлении психологической специфики понимания и переживания ТУ испытуемыми, различающимися по полу, возрасту и личностным свойствам.

Выборка. В исследовании приняли участие 698 испытуемых (353 женщины и 345 мужчин) из Саранска и Смоленска – городов, в которых не было терактов. Испытуемые – студенты, работники сферы обслуживания, инженеры, сотрудники ГУИН в возрасте от 17 до 57 лет (средний возраст $M = 24,3$ года, стандартное отклонение $SD = 7,87$). В обоих городах женщины и мужчины были представлены равномерно (количественные различия статистически не значимы): Саранск – соответственно 210 и 190, Смоленск – 143 и 155.

Авторы благодарят О. О. Полякову, Н. С. Полутину и СИ. Соболеву, участвовавших в проведении исследования.

Методика. На первом этапе исследования испытуемые анонимно заполняли пять опросников: шкалу базисных убеждений (ШБУ) (Падун, Тарабрина, 2004), опросник Спилбергера – Ханина на личностную тревожность (Бурлачук, Морозов, 2004), методику исследования макиавеллизма личности (Знаков, 2001), опросник смысложизненных ориентации (СЖО) (Леонтьев, 2000), опросник переживания террористической угрозы (ОПТУ) (Быховец, 2007; Быховец, Тарабрина, 2010).

На втором этапе испытуемые по три раза продолжали каждое из трех незаконченных предложений: 1) Террористический акт – это...; 2) Люди понимают террористическую угрозу...; 3) Теракты со-

вершают люди... Результаты подвергались качественной обработке и контент-анализу. В ходе контент-анализа подсчитывались характеристики разной эмоциональной направленности (нейтральные, позитивные, негативные), а также выделялись группы, по которым можно распределить высказываемые испытуемыми суждения («Страх, боль, страдание», «Спланированная акция», «Насилие, направленное на запугивание», «Религиозные фанатики, психически нездоровые люди»).

Итоговые результаты по методике ОПТУ анализировались как показатели *переживания* испытуемыми ТУ. Совокупность продолженных предложений рассматривалась как выражение семантического пространства *понимания* обсуждаемой ситуации: что именно испытуемые понимают под угрозой террористического акта, как оценивают совершающих теракты людей, считают ли, что в современном мире теракты неизбежны, часто ли задумаются над тем, как избежать участи жертвы. Во множестве ответов на пункты опросников и в продолжениях незаконченных предложений, в конечном счете, проявлялись семантические основания, внутренние и внешние условия понимания субъектом ТУ.

Обработка. Статистический анализ данных проводился с использованием непараметрических критериев Колмогорова–Смирнова, Манна–Уитни, биномиального критерия, χ^2 , а также корреляционного и регрессионного анализов.

Результаты. Рассмотрим полученные в исследовании половые, возрастные, личностные различия испытуемых в понимании и переживании ТУ.

Половые различия. По общему показателю ОПТУ (переживанию ТУ) результаты 353 женщин значимо выше результатов 345 мужчин ($p < 0,01$). Личностная тревожность у женщин также выше, чем у мужчин ($p < 0,001$). Вместе с тем по ШБУ у женщин ниже, чем у мужчин, «контролируемость» – убеждение в том, что люди могут контролировать происходящее с ними и способны предотвращать нежелательные последствия событий ($p < 0,001$), а также «способность контролировать ситуацию» – убеждение в том, что можно не только осознавать происходящее с тобой, но и поступать так, чтобы ситуация складывалась в твою пользу ($p < 0,001$).

Неудивительно, что, продолжая незаконченные предложения, женщины подчеркивают то, что нельзя контролировать: «Террористический акт – это акт агрессии психологически неуравновешенных людей с целью доказательства своего мнимого превосходства»;

«Люди понимают террористическую угрозу как какое-то ужасное действие, которое никто не в силах предотвратить». Противостоять террору невозможно, потому что его основой является «психологический срыв, страх». У мужчин проявилась оценочная идентификация себя с террористами по качеству силы/слабости: «Угроза слабых мужиков с оружием беззащитным людям». Они также чаще указывают на социальную подоплеку, действительные, но скрытые причины терактов: «Насажение угрозами и насильственными методами чьих-то идей».

Возрастные различия. Сравнение 190 молодых испытуемых из нижнего квартиля распределения по возрасту ($M = 18,8$ года) и 184 взрослых испытуемых из верхнего квартиля ($M = 35,4$ года) обнаружило, что у младших выше, чем у старших, показатель ОПТУ ($p < 0,01$), тревожность ($p < 0,01$) и макиавеллизм ($p < 0,001$). Однако у младших ниже оценки по базисным убеждениям в доброжелательности мира (мир в целом – достойное место для жизни, неудачи в нем происходят довольно редко, а субъекта окружают в основном порядочные, достойные доверия люди, которые при необходимости придут на помощь) ($p < 0,01$); по справедливости (убеждение в том, что хорошие и плохие события распределяются между людьми по принципу справедливости: каждый получает то, что заслуживает) ($p < 0,04$); по общему показателю СЖО ($p < 0,005$).

Продолжая незаконченные предложения, девушки нередко подчеркивают несамостоятельность принятия решения террористами, невозможность противостоять чужой воле: «Теракты совершают люди под влиянием кого-либо, лидера, которому не могут сопротивляться; они слабые и поддающиеся уговорам, внушению». Для юношей важно нарушение своего понимания современной социальной действительности: «Люди понимают террористическую угрозу как непонимание действий тех, кто совершает такие поступки».

Личностные различия. Регрессионный анализ показал, что двумя значимыми предикторами, по которым можно предсказать оценки по суммарному показателю ОПТУ для всей выборки (698 человек), являются личностная тревожность ($Beta = 0,40$, $p < 0,001$) и макиавеллизм ($Beta = -0,15$, $p < 0,001$). Эти результаты дали новое направление обработки данных: выяснение того, чем различаются испытуемые с высоким и низким уровнем выраженности названных личностных черт.

Сначала сравнивались данные 180 испытуемых из нижнего ($M = 56,2$) и 189 из верхнего ($M = 86,6$) квартиля распределения

по шкале макиавеллизма. У первых выше оценки по шкале «Антиципация» ОПТУ ($p < 0,03$). Входящие в эту шкалу утверждения позволяют оценить уровень предвосхищения субъектом новых терактов: насколько вероятным он считает их повторение и прогнозирует возможность их осуществления. Антиципация в значительной степени связана с когнитивной оценкой, осознанием и пониманием угрозы риска стать жертвой теракта. Она проявляется в согласии испытуемых, например, с такими утверждениями: «В общественных местах я стараюсь обращать внимание на подозрительных лиц, похожих на террористов»; «У меня возникают мысли о том, что теракты будут повторяться»; «Из-за угрозы терактов лучше не строить планы на будущее». Очевидно, что такие ответы испытуемых основаны на общих знаниях о терроризме и понимании конкретных социальных ситуаций, в которых можно оказаться. Судя по оценкам по шкале «Антиципация», возможные теракты реже оказываются предметом осознания, размышления и понимания макиавеллистов, чем немакиавеллистов. По-видимому, первые в меньшей степени переживают возможность стать жертвой теракта (общие показатели ОПТУ: $M = 49,7$ и $M = 51,4$, различия не значимы).

Фундаментальная характеристика мировоззрения макиавеллистов – представление о необходимости и универсальности манипуляции в общении. Они понимают теракты, прежде всего, как способы решения задач, достижения определенных целей самими террористами и теми, кто за ними стоит: «Попытка решить свои проблемы за чужой счет», «Фанатики, управляемые умными людьми», «Умышленное масштабное причинение вреда экономике и людям в той или иной стране по политическим или идеалистическим взглядам». Макиавеллисты полагают, что теракты в современном мире неизбежны: «Это угроза обществу, которую нельзя предотвратить». В качестве причин терактов называют власть, религиозную веру, деньги. Немакиавеллисты, указывая на недопустимость такого мировоззрения и поведения, считают, что «террор – один из самых грязных способов заработать деньги». У них выше, чем у макиавеллистов, общий показатель СЖО ($p < 0,001$), но ниже тревожность ($p < 0,005$).

В отличие от антиципации тревожность тесно связана с эмоциональной сферой личности и может не осознаваться. Высокотревожные люди более интенсивно реагируют на события или обстоятельства, которые потенциально содержат возможность неудачи или угрозы. Сравнение результатов 187 испытуемых с высокой тревожностью ($M = 53,8$) и 176 с низкой ($M = 31,3$) показало, что у высо-

котревожных выше оценки по общему показателю ОПТУ ($p < 0,001$) и уровень макиавеллизма ($p < 0,001$), но зато значительно ниже общий индекс СЖО ($p < 0,001$). Следовательно, высокотревожные люди сильнее низкотревожных переживают ТУ, более склонны к манипуляции, подозрительности и враждебности. Однако они менее удовлетворены осмысленностью, эмоциональной насыщенностью, целенаправленностью и управляемостью своей жизни.

Понимание ТУ высокотревожными испытуемыми сфокусировано на эмоционально-иррациональных сторонах этого явления: «Террористический акт – это глобальное уничтожение, страх смерти, страх за своих близких»; «Смерть, боль, страдание». Низкотревожные считают, что люди должны знать о терактах, «но не должны об этом думать постоянно». Если уж трагедию невозможно предотвратить, то нельзя забывать о необходимых мерах безопасности: «Нужно продолжать жить, пока жизнь есть, и надо принимать определенные меры предосторожности».

С позиций психологии понимания, несомненно, важно выявить индивидуально-психологические особенности испытуемых, различающихся по «способности контролировать ситуацию» ШБУ. Такая способность построена на когнитивном моделировании, осознании и понимании происходящего. Сравнивались данные 198 испытуемых с низкой способностью к контролю ($M = 13,5$) и 227 с высокой ($M = 20,4$). Низкой способности к осознанию и контролю соответствует более высокий уровень ОПТУ, а высокой – более низкий уровень ($p < 0,01$).

Испытуемые, более способные к контролю, в большей степени согласны с утверждением: «В общественных местах я стараюсь обращать внимание на подозрительных лиц, похожих на террористов» ($p < 0,025$). Однако они не согласны с тем, что «из-за угрозы терактов лучше не строить планы на будущее» ($p < 0,05$).

При осмыслении обсуждаемой проблемы испытуемые с высоким контролем подчеркивают запланированность терактов и целенаправленность действий причастных к ним людей. Террористический акт – это «подготовленное событие», «спланированное мероприятие», «действия, направленные на ухудшение жизни людей», «ошибка служб безопасности». Они понимают теракты как средство достижения политических, религиозных и других целей: «Теракты совершают люди, которые боятся (и потому бьют из-за спины), но не знают других методов». Испытуемые с низким контролем, наоборот, отказываются признать последовательность и целенаправленную

успешность действий террористов. «Террористический акт – это бессмысленные смерти людей, он не приводит к какой-то нужной цели». Если же плановый характер действий признается, то отрицается достижение желаемого эффекта: «Это хорошо спланированная акция, но бессмысленная, так как сила не всегда приносит желаемый результат».

Обсуждение результатов. Общим контекстом, «семантическим фоном» понимания российскими испытуемыми ТУ являются стереотипные и не соответствующие действительности представления о террористах как необразованных, психически неуравновешенных агрессивных фанатиках, для которых чужая жизнь ничего не стоит. Без преувеличения можно сказать, что 99% из 698 испытуемых понимают психологию террористов так: «Ожесточенные на кого-то, затаившие обиду психически больные люди»; «Не любящие свой народ, бедные умом, безнравственные, бесчувственные, потерянные, озлобленные, запрограммированные на смерть»; «Религиозные фанатики, не способные контролировать свои действия из-за психологического или иного воздействия на их волю, им плевать на человеческие жизни в угоду денег»; «Люди, которые ненавидят весь мир»; «Самоубийцы, не задумывающиеся о других людях, о чужих жизнях, потерявшие веру в добро и мир на земле».

Такой психологический портрет террориста совершенно не соответствует научным данным. Анализ фактов показывает неверность утверждений о том, что у террористов высокий уровень психопатологии (Moghaddam, 2005). Наоборот, М. Криншоу «пришла к выводу, что «самой общей характеристикой террористов является их нормальность». К аналогичным выводам пришел К. Хескин, который изучал членов Ирландской республиканской армии. Эмоционально неустойчивых людей или людей с расстройствами среди них обнаружено не было» (цит. по: Соснин, Нестик, 2008, с. 116). Как отмечает М. Гримланд с соавт., типичный палестинский террорист-смертник религиозен, нормален, вежлив и серьезен. Его действия главным образом мотивированы военно-стратегической эффективностью суицидального терроризма, ненавистью к Израилю и США, а также необходимостью отомстить за национальное и личное унижение. Руководители террористических акций нередко проводят целенаправленную работу по исключению психически нестабильных людей из списка кандидатов в террористы-смертники. Одним из последствий этого оказалось то, что нападавшие 11 сентября 2001 г. на башни-близнецы оставались спокойными и целеустремленными».

ми в течение долгого времени до совершения теракта. Наблюдатели описывали их как тихих, отчужденных и немногословных людей, что весьма отличается от стереотипа импульсивного жестокого террориста (Grimland et al., 2006).

Не соответствует действительности и суждение о том, что террористами становятся представители беднейших слоев населения, имеющие низкий уровень образования. Например, Умар Фарук Абдулмуталлаб, 25 декабря 2009 г. пытавшийся взорвать летевший из Европы в США пассажирский лайнер, – сын известного нигерийского банкира, получивший высшее образование в Лондоне. М. Ата, руководивший в 2001 г. нападением на торговый центр в Нью-Йорке, и двое членов его террористической группы имели высшее образование (получили степень магистра в техническом университете в Гамбурге). Большинство членов этой группы происходили из обеспеченных семей среднего класса Саудовской Аравии и Египта. Они были уже сформировавшимися взрослыми людьми, подчинившими свою индивидуальность организации (Post, 2005б).

Таким образом, у наших испытуемых наблюдается весьма искаженное понимание психологического облика и мотивов поступков террористов. В основе понимания лежит образ врага – *чужого*, который скорее внушает страх и актуализирует мысли о собственной смертности, чем побуждает к рациональному осмыслению проблем, связанных с террором. Очевидно, что отсутствие достоверных знаний препятствует использованию ментального опыта (Холодная, 2002), построению правдоподобных когнитивных схем, которые могут стать основой понимания ситуаций ТУ. Понимание строится преимущественно на экзистенциальном опыте испытуемых, осуществляющем ценностно-смысловую регуляцию и направляющем весь ход жизни человека. Можно предположить, что незначительный, явно недостаточный для понимания проблем терроризма ментальный опыт испытуемых обусловлен не только отсутствием достоверных знаний, но и нежеланием задумываться, психологической отдаленностью ТУ от их реальной жизни. Иначе обстоит дело в тех регионах нашей страны, в которых нередко происходят теракты. В опросе об отношении к терроризму, проведенном среди студентов Дагестанского госуниверситета, почти каждый пятый из опрошенных давал положительные оценки терроризму: «Это способ защиты своей земли и своего народа», «Мечь за родных и близких», «Борьба за свободу, свою веру». Разные варианты позитивных ответов составили 32% у юношей и 15% у девушек (Собкин и др., 2004).

Очевидно, что в ментальном опыте жителей тех регионов, для которых ТУ – печальная правда повседневной жизни, содержится больше знаний о политических, религиозных и экономических основаниях терактов. Такие знания приводят к иному, отличному от выявляемого у жителей центральной России, пониманию проблем, связанных с ТУ.

Перейдем к анализу половых различий. Полученные данные о более интенсивном переживании ТУ женщинами, чем мужчинами, соответствуют результатам других исследований, в частности, проведенных Ю. В. Быховец и Н. В. Тарабриной (Быховец, Тарабрина, 2010). В диссертации Н. В. Родионовой (Родионова, 2004) обнаружено, что женщины склонны приписывать себе более высокие оценки возможности пострадать от действия радиации, причем это относится как к объективно опасным, так и объективно неопасным ситуациям. Женщины более эмоциональны, чем мужчины, и менее устойчивы по отношению к экстремальным ситуациям (Grossman, Wood, 1993). События 11 сентября 2001 г. американские женщины описывают психологам в более эмоциональных терминах и чаще общаются об испытываемом дистрессе. Одно из правдоподобных объяснений страха женщин перед терактами заключается в том, что они считают себя более уязвимыми и чаще видят в качестве жертв социальной несправедливости (Chu et al., 2006). Отношение к опасностям по-разному представлено в картине мира мужчин и женщин. Мужчины в целом расценивают как опасные меньшее количество ситуаций. У женщин «более широкий спектр объектов опасности, а кроме того, они в большей степени беспокоятся не только за себя, но и за благополучие своих близких. Женщины больше подвержены социальным страхам, например, в отношении предательства и одиночества» (Лаврова, 2009, с. 73).

Ни в отечественных, ни в зарубежных исследованиях нам не удалось найти ответа на вопрос: почему молодые люди переживают ТУ в большей степени, чем взрослые? Пока единственную причину можно увидеть в различии личностных качеств. Как и в общей выборке, предикторами ОПТУ является тревожность, однако у молодых величина коэффициента ниже, чем у взрослых ($Beta = 0,323$ и $Beta = 0,473$; $p < 0,001$). На первый взгляд это парадоксально, потому что в молодежной выборке преобладают девушки (113 и 77, $p < 0,01$), у которых личностная тревожность значительно выше, чем у юношей ($p < 0,005$). У взрослых 79 женщин тревожность также выше, чем у 105 мужчин ($p < 0,005$). Однако причину разницы в величине

показателей переживания ТУ, по-видимому, следует искать в неодинаковости системы связей всех анализировавшихся личностных характеристик у молодых и взрослых испытуемых. У первых показатель ОПТУ не связан ни с чем, кроме тревожности. У взрослых он связан с теми личностными чертами, которые еще на этапе планирования исследования выделялись нами как содержательно включенные в когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты переживания и понимания ТУ. У них ОПТУ отрицательно связан с общим показателем СЖО ($r = -0,26$) и убежденностью в возможности контролировать окружающее ($r = -0,23$). Вместе с тем показатель СЖО отрицательно связан с макиавеллизмом ($r = -0,35$) и тревожностью ($r = -0,54$).

Теперь обсудим связи личностных характеристик с пониманием и переживанием ТУ, установленные на всей выборке. В работе обнаружен закономерный факт понимания макиавеллистами терактов как способов решения коммуникативных задач, достижения конкретных целей. Это соответствует мировоззрению макиавеллистов, основанному на представлении о неизбежности манипуляции в общении, в том числе человеческой жизнью. Понимание-принятие макиавеллистами моральной допустимости манипуляции жизнью человека, в том числе собственной, выявлялось уже в нескольких исследованиях.

Неудивительно, что индекс переживания ТУ выше у испытуемых с высокой личностной тревожностью. «Тревожность – индивидуальная психологическая особенность, состоящая в повышенной склонности испытывать беспокойство в различных жизненных ситуациях, в том числе и тех, объективные характеристики которых к этому не располагают» (Бурлачук, Морозов, 2004, с. 309). Субъективный, индивидуально-личностный характер переживания ТУ не вызывает сомнения: вряд ли объективные обстоятельства жизни людей в Смоленске и Саранске можно назвать располагающими к навязчивым мыслям о возможности стать жертвой теракта. Более того, как показало проведенное исследование, саранские студенты плохо осознают и понимают истинные цели террористов. В их суждениях о террористической угрозе преобладают эмоции и переживания (Полякова, 2011).

Переживания – неременный атрибут интенциональной направленности субъекта во всех ситуациях человеческой жизни. Современные исследования показывают, что переживание является опосредствующим звеном во взаимоотношениях психических состо-

яний и процессов (Фахрутдинова, 2008). В понимании ТУ психический феномен переживания – один из центральных. Переживание как идентификация познающего субъекта с познаваемым объектом дает возможность преодолеть барьеры, встающие на пути познания внешнего мира (Марцинковская, 2004). Именно посредством идентификации переживание может способствовать пониманию причин терроризма («Теракты совершают люди, отстаивающие свои права», «Террористический акт – это протест против чего-либо»).

Значимым и важным нам представляется и такой обнаруженный в исследовании факт: высокому уровню способности контролировать ситуацию соответствует низкая степень выраженности переживания ТУ. Этот факт подтверждается данными зарубежных исследований. В частности, А. Тодд с соавт. показала, что способность к контролю может способствовать снижению страха стать жертвой теракта; у интерналов этот страх меньше, чем у экстерналов (Todd et al., 2005).

Итак, исследование показало, что террористическая угроза неодинаково понимается и переживается людьми, различающимися по полу, возрасту и психологическим свойствам личности.

3.6.3. Понимание и переживание террористической угрозы москвичами

В современном мире, в частности в России, теракты стали повседневной реальностью, и потому актуальность изучения причин и последствий терроризма ни у кого не вызывает сомнения. Неудивительно, что, как и ученые других специальностей, психологи активно исследуют проблемы террористической угрозы. Психология терроризма – одна из наиболее научно и практически значимых областей современной психологической науки. Она включает в себя исследования психологии террористов, изучение посттравматических стрессовых расстройств у прямых и косвенных жертв терактов, анализ роли СМИ в формировании образа врага по отношению к членам террористических организаций, рассмотрение терроризма как способа общения (в виде психологического насилия), направленного на запугивание, т. е. актуализацию страха у населения и власти. Одна из важных сторон психологических исследований терроризма заключается в том, как понимают и переживают террористическую угрозу люди, которые потенциально могут стать жертвами терактов.

Понимание и переживание угрозы основано на субъективной оценке риска пострадать в результате взрыва или другого способа убийства людей. Психологический анализ специфики понимания и переживания угрозы теракта предполагает фокусирование внимания ученых на том, в каких смысловых единицах люди структурируют свою картину мира, изменяющуюся в результате терактов. Понимание как ценностно-смысловое структурирование мира не может анализироваться без обращения к специфике ментального и экзистенциального опыта понимающего субъекта. Поскольку понимание угрозы терактов рядовыми гражданами основывается не на достоверных знаниях (которыми могут располагать только сотрудники спецслужб, да и то в редких случаях), то можно предположить, что ментальный, умственный опыт субъекта задействован при этом в минимальной степени. Основную роль в понимании террористической угрозы играет экзистенциальный опыт. Именно такой опыт становится семантическим основанием установок, внутренними неосознаваемыми условиями понимания субъектом теругрозы. Установки являются частью экзистенциального опыта субъекта, того ценностно-смыслового основания неявного знания о мире, на котором строится трудно описываемое словами иррациональное чувство, что ты можешь стать жертвой теракта.

Теракты являются типичными критическими событиями человеческого бытия. Такие события, во-первых, обычный гражданин не может предсказать и предотвратить; во-вторых, критические события внезапно и коренным образом изменяют привычное течение жизни и потому требуют от человека принятия решений о качественной реорганизации его бытия; в-третьих, произошедшие изменения сопровождаются стойкими аффективными реакциями, а не только кратковременными эмоциями.

В психологии терроризма одной из важных, но малоизученных проблем является анализ различий в понимании угрозы терактов людьми, различающимися по полу, возрасту, личностным характеристикам, этнорелигиозной принадлежности.

Целью исследования было выявление сходства и различий в понимании и переживании террористической угрозы у двух групп москвичей: первую составили опрошенные до взрывов в метро 29 марта 2010 г., вторую – после.

Методика. Исследование проходило в два этапа: I – с сентября 2008 г. по март 2010 г.; II – в течение апреля 2010 г., после взрывов 29 марта на станциях метро «Лубянка» и «Парк культуры». Месяч-

ный период исследования после взрывов был обусловлен известными данными об убывании со временем посттравматических стрессовых реакций. Например, «распространенность ПТСР среди жителей 110-й улицы Манхэттена спустя 1 месяц после террористических событий 2001 г. составляла 7,5%, спустя 4 месяца – 1,7% и 0,6% спустя 6 месяцев» (Быховец, Тарабрина, 2010, с. 25).

На I этапе в исследовании приняли участие 212 жителей Москвы со средним и высшим образованием (101 женщина и 111 мужчин) в возрасте от 19 до 60 лет ($M = 30,9$ года, $SD = 9,98$; $Me = 26$ лет). Участниками II этапа стали 222 москвича (123 женщины и 99 мужчин) в возрасте от 17 до 75 лет ($M = 34,6$ года, $SD = 13,87$; $Me = 30,5$ года). Во второй группе (она получила название «После терактов»), как и в первой («До терактов»), были люди самых разных профессий, в том числе 51 сотрудник дорожно-постовой службы ГИБДД г. Москвы. В обеих группах различия между числом мужчин и женщин по критерию χ^2 статистически не значимы. Исследование под моим руководством проводили Д. А. Дегтярева, А. С. Знаменский, А. А. Милорадова, Д. А. Талалаева и В. А. Федорченко.

На каждом этапе исследования испытуемые анонимно заполняли пять опросников: шкалу базисных убеждений (ШБУ) (Падун, Тарабрина, 2004), опросник Спилбергера – Ханина на личностную тревожность (Бурлачук, Морозов, 2004), методику исследования макиавеллизма личности (Знаков, 2005), опросник смысловых ориентаций (СЖО) (Леонтьев, 2000), опросник переживания террористической угрозы (ОПТУ) (Быховец, Тарабрина, 2010). Затем испытуемые по три раза продолжали каждое из трех незаконченных предложений: 1) «Террористический акт – это...»; 2) «Люди понимают террористическую угрозу...»; 3) «Теракты совершают люди...». Результаты подвергались качественной обработке и контент-анализу. В ходе контент-анализа подсчитывались характеристики разной эмоциональной направленности (нейтральные, позитивные, негативные), а также выделялись группы, по которым можно распределить высказываемые испытуемыми суждения («страх, боль, страдание», «спланированная акция», «насилие, направленное на запугивание», «религиозные фанатики, психически нездоровые люди»).

Итоговые результаты по методике ОПТУ анализировались как показатели *переживания* испытуемыми террористической угрозы. Совокупность продолженных предложений рассматривалась как выражение семантического пространства *понимания* обсуждаемой ситуации: что именно испытуемые понимают под угрозой терро-

ристического акта, как оценивают совершающих теракты людей, считают ли, что в современном мире теракты неизбежны, и часто ли задумаются над тем, как избежать участи жертвы. Во множестве ответов на пункты опросников и в продолжениях незаконченных предложений, в конечном счете, проявлялись семантические основания, внутренние и внешние условия понимания субъектом террористической угрозы.

Статистический анализ данных проводился с использованием непараметрических критериев Колмогорова–Смирнова, Манна–Уитни, биномиального критерия, χ^2 , а также корреляционного и регрессионного анализов.

Результаты исследования

Рассмотрим полученные в исследовании половые, возрастные, личностные различия в понимании и переживании террористической угрозы испытуемыми, принимавшими участие в двух исследованиях, – до и после терактов.

Сравнение групп «До терактов» и «После терактов». У 212 человек из первой группы значимо выше, чем у 222 испытуемых из второй, оценки по показателю справедливости методики ШБУ (убеждению субъекта в том, что хорошие и плохие события распределяются между людьми по принципу справедливости: каждый человек получает то, что заслуживает) ($p < 0,005$). Также выше у них оценки по показателю самооценности (представлении о себе как порядочном, соблюдающем требования морали человеку, достойном любви и уважения) ($p < 0,001$). Кроме того, в первой группе выше средние оценки макиавеллизма (убеждения субъекта в том, что в любой ситуации он успешно, т. е. с пользой для себя, способен манипулировать окружающими) ($p < 0,005$). Например, молодой мужчина с высоким уровнем макиавеллизма характеризует теракты как «самоутверждение за счет других». У тех москвичей, которые участвовали в исследовании после взрывов в метро, выше общий индекс по ОПТУ ($p < 0,001$). Некоторые из них говорили, что испытывают «постоянное внутреннее напряжение и беспокойство за жизнь детей и близких», «страх выходить из дома».

Во время анализа меня, естественно, очень интересовали ответы испытуемых, семантически связанные с пониманием. К ним, в частности, относятся ответы на вопросы шкалы «Антиципация» ОПТУ. Входящие в эту шкалу утверждения позволяют оценить уровень предвосхищения субъектом новых терактов: насколько вероятным он считает их повторение и прогнозирует возможность их осуществ-

ления. Антиципация в значительной степени связана с когнитивной оценкой, осознанием и пониманием угрозы риска стать жертвой теракта. Она проявляется в согласии испытуемых, например, с такими утверждениями: «В общественных местах я стараюсь обращать внимание на подозрительных лиц, похожих на террористов»; «У меня возникает беспокойство, когда я вижу в общественных местах бесхозные вещи»; «У меня возникают мысли о том, что теракты будут повторяться». Очевидно, что такие ответы испытуемых основаны на общих знаниях о терроризме и понимании конкретных социальных ситуаций, в которых можно оказаться. Результаты показали, что во второй группе оценки антиципации возросли ($p < 0,001$). Актуализация мыслей о возможной опасности, более частое осмысление подобных ситуаций дает основание надеяться на постепенное улучшение понимания москвичами признаков, свидетельствующих о возможной террористической угрозе.

Следовательно, в группе «После терактов» снизились оценки справедливости окружающего социального мира, самооценности, макиавеллизма, но возрос индекс ОПТУ, включающий когнитивное понимание, антиципацию и репрезентацию осознаваемого уровня реальности угрозы.

Цель терроризма как политического, социального, психологического и т. п. явления в современном мире – внушать людям страх, увеличивать их субъективную оценку риска стать жертвой теракта, изменить мнение людей, узнающих об обстоятельствах и последствиях терактов, что они сами контролируют свою жизнь и способны справляться с возникающими трудностями. На первый взгляд, взрывами в московском метро указанная цель была достигнута: об этом свидетельствуют приведенные выше цифры. Сегодня благодаря многочисленным научным исследованиям мы знаем, что появление страха и чувства потери контроля – обычные реакции людей после терактов. Однозначный вывод о достижении террористами своих целей был бы слишком обобщенным и поверхностным: необходимо выяснить, у каких социально-демографических групп после терактов произошли наиболее выраженные изменения, а у каких они минимальны или, может быть, изменения отсутствуют.

Сравнительные результаты мужчин в группах «До терактов» и «После терактов». Средний возраст 111 испытуемых первой группы (32,7 года) значительно не отличается от возраста 99 мужчин из второй (33,9 года). Между данными двух групп выявлены только два значимых различия.

1. Во второй группе *понизились* оценки макиавеллизма ($p < 0,05$). Мужчины с высоким уровнем макиавеллизма из группы «До терактов» явно соотносят себя, свои психологические особенности с террористами и характеризуют их пренебрежительно: «Они слабые и неуверенные в себе, более того, в своей правоте». Испытуемые из второй группы описывают террористов иначе: «Это специально обученные люди, ясно понимающие, чего они хотят, и получающие за это финансирование». Понижение уровня макиавеллизма личности означает уменьшение убеждения мужчин в том, что в любых сложных обстоятельствах они смогут эффективно использовать манипулятивные навыки воздействия на окружающих, контролировать коммуникативную ситуацию и в конечном счете получить моральную или материальную выгоду.
2. Во второй группе *повысился* общий индекс переживания террористической угрозы ($p < 0,05$). Этот факт труднее поддается объяснению статистическими методами, потому что в регрессионном уравнении в качестве значимых предикторов ОПТУ макиавеллизма вообще не оказалось (с небольшими отрицательными коэффициентами в него вошли самооценność и общий индекс смысловых ориентаций).

Данные женщин в группах «До терактов» и «После терактов». Средний возраст 101 женщины из первой группы немного ниже, чем у 123 из второй: $M = 28,9$ года и $M = 35,1$ года; $p < 0,01$. Индекс ОПТУ во второй группе после теракта значительно выше ($p < 0,01$). Результаты регрессионного анализа во всех трех женских выборках (общей, «до» и «после») оказались одновременно и однозначней, и парадоксальней, чем в мужских. Во всех выборках единственным значимым предиктором ОПТУ является только личностная тревожность ($p < 0,001$). Парадокс же заключается в том, что указанный предиктор в первой группе гораздо слабее коррелирует с ОПТУ ($r = 0,27$; $p < 0,05$), чем с самооценностью ($r = -0,50$; $p < 0,05$) и общим показателем СЖО ($r = -0,59$; $p < 0,05$). Пятидесятилетняя женщина из группы «До теракта» с высоким уровнем тревожности и низким показателем самооценности считает, что теракты совершают «люди психически больные, неменяемые, религиозные фанатики», – и это распространенное мнение.

После взрывов статистический уровень связи тревожности с ОПТУ возрастает ($r = 0,41$; $p < 0,05$), коэффициент корреляции показателя переживания угрозы с самооценностью сильно понижается

($r = -0,17$; $p < 0,05$), как и с СЖО ($r = -0,26$; $p < 0,05$). Кроме названных личностных характеристик во второй группе ниже показатели справедливости ($p < 0,005$) и способности контролировать ситуацию (она отражает убеждение человека в том, что он может контролировать происходящие с ним события и поступать так, чтобы ситуация складывалась в его пользу) ($p < 0,02$). Женщины с низкими оценками по шкалам ШБУ, отражающим способности контролировать ситуацию и справляться с внезапно возникающими трудностями, склонны рассматривать теракты как «неотвратимость», «неконтролируемую угрозу» и «как высшую степень своей беспомощности». Психологической противоположностью названных черт личности является более высокая самооценка удачи (убеждения в том, что даже если субъект полагает, что события, происходящие в мире, не подвластны контролю и распределяются между людьми случайно, то он может считать себя просто везучим человеком и таким образом поддерживать чувство собственной неуязвимости) ($p < 0,05$).

Следовательно, женщины из второй группы, у которых повысилась тревожность и понизилось чувство самооценности, в большей степени стали надеяться на удачное стечение обстоятельств, которые сами они изменить не могут.

Теперь для формирования более ясного представления о психологических особенностях понимания и переживания москвичами угрозы стать жертвами терактов рассмотрим социально-демографические и личностные характеристики людей, обследованных после взрывов в метро.

Результаты, полученные по группе «После терактов»

Половые различия. По общему показателю ОПТУ результаты 123 женщин значимо выше результатов 99 мужчин ($p < 0,001$). Люди из этой группы уже ясно понимают, что «это может произойти в любое время, в любом месте, никто от этого не застрахован, но многие недостаточно серьезно относятся к этому». Мужчины пытаются найти какие-то рациональные основания терроризма: «Такие взрывы совершают люди, которые были унижены государством или обществом»; «Ответы вахабитов на наши действия». Понимание причин терактов женщинами в большей степени основано на рефлексии, идентификации и даже некоторой эмпатии: «Расплата за наши грехи», «Отчасти это дает нам основание не винить себя за русский фашизм в России по отношению к другим национальностям»; «Теракты совершают шахидки, которые пытаются отомстить за смерть своих близких».

Личностная тревожность у женщин также выше, чем у мужчин ($p < 0,001$). Вместе с тем по ШБУ у женщин ниже, чем у мужчин, контролируемость (убеждение в том, что люди могут контролировать происходящее с ними и способны предотвращать нежелательные последствия событий) ($p < 0,001$), а также способность контролировать ситуацию (убеждение в том, что можно не только осознавать происходящее с тобой, но и поступать так, чтобы ситуация складывалась в твою пользу) ($p < 0,001$). Женщины с низкими оценками по ШБУ (доброжелательности, справедливости, контролируемости, самооценности и т. п.) прямо говорят о том, что понимают террористическую угрозу «как высшую степень своей беспомощности».

Возрастные различия. Сравнение 107 молодых испытуемых, возраст которых ниже медианы ($M = 22,9$ года), и 115 тех, средний возраст которых составляет $M = 54,4$ года, обнаружило, что у первых ниже показатель ОПТУ ($p < 0,01$). У молодежи понимание угрозы теракта чаще основано не на ментальном опыте, знаниях о мировом терроризме, а на эмоционально окрашенных иррациональных стереотипах непостижимого и страшного «чужого». Террористы «беспринципные, с неуравновешенной психикой, подверженные чужому влиянию», «фанатики, террористы, наркоманы». Девушки особенно часто подчеркивают, что шахидками-смертницами становятся те, кто не может противостоять чужой воле: «Шахидками становятся женщины, которым внушили, что они делают хорошее дело», «Утратившие смысл жизни, их тяжело назвать людьми и ими легко управлять». Экзистенциальный опыт взрослых людей, даже очень тревожных и боящихся терактов, все-таки способствует формированию у них более реального, соответствующего и реалиям современной жизни, и результатам научных исследований, понимания мотивов поведения и мировоззрения организаторов и исполнителей терактов. Типичными являются высказывания 55-летней женщины с очень высокой личностной тревожностью и максимальным показателем ОПТУ: «Терроризм – это результат гражданской войны на Кавказе, повод быть бдительным и осторожным; и еще – необходимость объединяться».

У молодых также ниже оценки показателя закономерности по методике ШБУ, т. е. убеждения в минимальной роли случайностей в жизни человека; это убеждение включено в принцип распределения хороших и плохих событий в терминах случайности/закономерности; согласно ему, с человеком ничего не происходит случайно, всегда существует определенная закономерность и особый смысл

происходящих событий ($p < 0,01$), ниже личностная тревожность ($p < 0,005$), однако выше макиавеллизм ($p < 0,05$) и самооценность ($p < 0,001$). Вполне вероятно, что неверие молодых людей в закономерный характер условий их жизни компенсируется убеждением, что чувство собственной человеческой значимости и успешности, а также развитые манипулятивные навыки помогут эффективно преодолевать неопределенность множества социальных ситуаций.

Итак, и у мужчин, и у женщин после взрывов возросли индексы переживания террористической угрозы, причем у взрослых в большей степени, чем у юных. В таком случае, может быть, возраст является фактором, вносящим наибольший вклад в формирование понимания и переживания террористической угрозы? Статистический анализ распределения возраста 222 испытуемых позволил выделить четыре квантили; сравним данные 67 женщин ($M = 46,5$ года), 56 девушек ($M = 21,5$ года), 58 мужчин ($M = 41,4$ года) и 41 юноши ($M = 23,2$ года). Величины индексов переживания террористической угрозы в этих демографических группах убывают именно в такой последовательности: $M = 58,1$; $M = 56,2$; $M = 50,8$; $M = 46,6$. Иначе говоря, больше всего опасаются стать жертвой теракта женщины, а меньше – юноши. При этом необходимо отметить, что, возможно, из-за небольших выборок различия между данными женщин и девушек, а также мужчин и юношей статистически не значимы (однако в женской выборке в целом средний показатель ОПТУ выше, чем в мужской).

У девушек *ниже*, чем у женщин, тревожность ($p < 0,001$), а также показатель закономерности по ШБУ ($p < 0,02$), однако *выше* оценки контролируемости ($p < 0,02$), локуса контроля – жизнь (управляемость жизни) по СЖО ($p < 0,03$) и макиавеллизма ($p < 0,03$). Приведенные результаты исследования свидетельствуют о том, что девушки лучше справились с психологическими последствиями терактов, чем женщины. У юношей *ниже*, чем у мужчин, личностная тревожность ($p < 0,05$), но *выше* макиавеллизм ($p < 0,02$). Учитывая еще и различия в индексах ОПТУ, можно сделать аналогичный вывод: юноши лучше справились с психологическими последствиями терактов, чем мужчины.

Степень личной причастности к взрывам в метро. Во время исследования испытуемых просили указать степень своей причастности, близости столкновения с угрозой террористического акта. Они должны были выбрать один из вариантов ответа: «Ни я, ни мои близкие или знакомые не были свидетелями терактов»; «Я был(а) свиде-

телем»; «Был кто-то из близких»; «Был кто-то из знакомых». В первую категорию попали 167 москвичей, во вторую – 4, в третью – 8, в четвертую – 43. Сравнительный анализ 167 и 55 испытуемых, значимо не различающихся по полу и возрасту, показал, что у первых индекс ОПТУ *ниже*, чем у вторых ($p < 0,03$). Иначе говоря, опасность стать жертвой теракта сильнее переживают не те, кто узнал о взрывах в метро из СМИ или других источников, а те, кто непосредственно соприкоснулся с трагедией.

Обсуждение результатов. Проведенное исследование выявило целый ряд проблем, имеющих отношение не только к психологии, но и к профилактике терроризма. Пожалуй, главные из них – незнание москвичами сущностных характеристик терроризма как глобальной мировой проблемы и искаженное понимание мировоззрения и мотивов поведения организаторов и исполнителей терактов. Научные исследования свидетельствуют о том, что у исполнителей терактов нет высокого уровня психопатологии (Moghaddam, 2005), они психически нормальны (Grossman, Wood, 1993), религиозны, вежливы, серьезны, спокойны, целеустремленны, отчуждены и немногословны (Grimland, Apter, Kerkhof, 2006). Ясно, что такой психологический портрет весьма отличается от стереотипа импульсивного жестокого террориста. Тем не менее москвичи, особенно из первой группы, допускают фундаментальную ошибку каузальной атрибуции: недооценивают роль ситуационных факторов и переоценивают роль личностных. Подавляющее большинство испытуемых склонны искать единственные причины взрывов в психологическом облике и целенаправленных действиях организаторов и исполнителей взрывов в метро.

В основе понимания террориста лежит образ врага – *чужого*, который скорее внушает страх и актуализирует мысли о собственной смертности, чем побуждает к рациональному осмыслению проблем, связанных с террором. Результаты психологических исследований, проведенных под руководством В. А. Лабунской, свидетельствуют о том, что в сознании участников общения враг имеет негативный внешний облик, лишен моральных принципов и положительных нравственных качеств. В представлениях о враге центральное место занимают эгоистичность, агрессивность и подозрительность. Очевидно, что отсутствие у москвичей достоверных знаний о социокультурной среде, порождающей террористов, препятствует построению правдоподобных когнитивных схем, которые могут стать основой понимания ситуаций террористической угрозы. Например,

«слово «шухада» (акт суицидального террора) имеет обязывающее значение для большинства палестинских детей и для всей исламской общины, причем оно отнюдь не означает безвременного ухода из жизни. Посредством такого действия ребенок может стать активным участником «интифады»» (Природа..., 2008, с. 45).

В апреле 2001 г. сотрудники Исламского университета провели социологический опрос, в котором учитывались мнения тысячи подростков в возрасте от 9 до 16 лет, проживающих в секторе Газа. «Среди опрошенных 49% уже принимали активное участие в «интифаде» и 73% заявили о своем желании стать «шахидами» (мучениками). Подобные статистические выкладки наглядно свидетельствуют о том, что в настроениях детей и подростков на палестинских территориях преобладают экстремистские тенденции и такие дети представляют собой идеальную вербовочную базу для организаторов антиизраильской террористической кампании» (там же).

Иначе, чем москвичи, понимают природу терроризма также и жители тех регионов нашей страны, в которых нередко происходят теракты. Очевидно, что в ментальном и экзистенциальном опыте жителей тех регионов, для которых угроза терактов – печальная правда повседневной жизни, содержится больше знаний о политических, религиозных и экономических основаниях терактов. Такие знания приводят к иному, отличному от проявляющегося у москвичей, пониманию проблем, связанных с террористической угрозой.

Есть данные о существовании у жителей некоторых регионов нашей страны, принципиально отличных от московского, психологических портретов террористов. С. П. Политова, используя методику диагностики межличностных отношений Т. Лири, анализировала представления о личности террориста у 235 студентов Казанского государственного университета. Результаты исследования показали, что «портрет личности террориста в социальном представлении о нем выглядит следующим образом: это хороший руководитель, наставник и организатор, уверенный, независимый, любящий соперничество, искренний, непосредственный, настойчивый в достижении целей, неконформный, скептически настроенный, при этом у него практически отсутствуют такие качества, как повышенное чувство вины, зависимость от мнения окружающих, дружелюбие, готовность помогать и сочувствовать окружающим, альтруизм и т. д.» (Политова, 2007, с. 555). По моему мнению, такой портрет не только ничем не напоминает психически неуравновешенного бесчеловеч-

ного фанатика, но может характеризовать некоторые вполне социально адаптированные группы российского общества.

Следовательно, различия в понимании одних и тех же событий представителями мусульманской культуры и других российских культурных традиций, в том числе ориентированных на западное мировоззрение, следует искать в неодинаковости способов осмысления мира, придании разного значения когнитивному осознанию и иррационально-чувственному переживанию. «Одной из важных характеристик классической мусульманской культуры является то, что ее основными структурными элементами выступают не столько науки (как в западноевропейской мысли), сколько ценностно-идеологические течения, которые определяют характер познания, интерпретации и сферу допустимого понимания гносеологической картины мира» (Кирабаев, 2002, с. 318). Когда я говорю, что для понимания корней терроризма необходимы знания о порождающей его социокультурной среде, то, конечно же, имею в виду не только рациональное мышление и когнитивные репрезентации мира. Не менее важную роль в понимании терроризма и террористической угрозы играют принципиально различные типы человеческого бытия, порождающие неодинаковый ментальный и экзистенциальный опыт людей.

Еще одна проблема, значимость которой стала очевидна в результате исследования, заключается в необходимости психологического анализа различий в качественной специфике понимания террористической угрозы, формирующегося под воздействием СМИ и на основе личного экзистенциального опыта. Личностная включенность в события, связанные с терактами, центрация на собственных переживаниях ведут к трансформации пережитого опыта и снижению достоверности воспоминаний о происшедшем. Сообщения СМИ только способствуют этому, направляя наше внимание преимущественно на социально значимые стороны ненормативных критических событий. «Социальное воздействие (способ презентации события СМИ) меняет естественный порядок отражения хода события в памяти. Если в свободной от социального воздействия (перцептивного и когнитивного принуждения) ситуации люди склонны лучше воспроизводить релевантный индивидуальный опыт, под влиянием СМИ наиболее доступными оказываются содержания, которые расцениваются как общезначимые» (Нуркова, Бернштейн, Лофтус, 2003, с. 71). Тем не менее сообщения СМИ, особенно телевизионные программы новостей с травматическим содержанием,

не с вымышленными (как в боевиках, триллерах и т. п.), а с реальными событиями могут способствовать повышению ситуативной тревожности, появлению страхов, возникновению подавленного настроения: «Влияние новостей на человека зависит не только от объективных, но и от субъективных факторов. Уровень личностной тревожности, травматические переживания в недавнем прошлом усиливают влияние новостей» (Лаврова, 2009, с. 72).

Последняя проблема, методическая, взаимосвязана с только что описанной. Анализируя понимание террористической угрозы, психологу нужно тщательно изучать специфику внешнего и внутреннего миров и в зависимости от этого выбирать соответствующие им методики. В частности, результаты проведенного исследования показывают, что в контексте изучения обсуждаемой проблемы некоторые методики уже исчерпали свой потенциал. Обоснованно можно ожидать, что вследствие более высокой личностной тревожности индексы ОПТУ у женщин и в будущем окажутся выше, чем у мужчин. Выявленные в исследовании половые различия подтверждаются результатами других психологов (Chu et al., 2006; Grossman, Wood, 1993). Закономерен также факт понимания макиавеллистами терактов как способов решения коммуникативных задач, достижения конкретных целей. Это соответствует мировоззрению макиавеллистов, основанному на представлении о неизбежности манипуляции в общении, в том числе человеческой жизнью. Понимание-принятие макиавеллистами моральной допустимости манипуляции жизнью человека, в том числе собственной, выявлялось уже в нескольких исследованиях (Знаков, 2005) и вряд ли требует дальнейших доказательств.

Используемый арсенал будущих психологических исследований, видимо, должен включать методики, направленные на выявление индивидуальных различий в жизнестойкости людей, по-разному понимающих террористическую угрозу, меру их когнитивной сложности, временные перспективы жизни, содержание ментального и экзистенциального опыта и т. п. Сейчас уже можно наметить также примерные контуры теоретических оснований будущих исследований понимания ненормативных критических событий: их следует искать в теории управления страхом смерти, психологии человеческого бытия, психологии понимания. Опираясь на типологию жизненных миров и кризисных ситуаций (Василук, 1995), проблему понимания и переживания террористической угрозы можно будет сформулировать в категориях соотношений легкого или трудного

внешнего мира и простого или сложного внутреннего мира людей, которые оценивают вероятность стать жертвами терактов.

Наконец, из проделанной работы следует, что в современных условиях профессиональный долг психологов заключается не только в научном анализе обсуждаемых проблем, но и участии в профилактике терроризма. Оно может проявляться, в частности, в проведении тренингов, направленных на коррекцию понимания ненормативных критических событий человеческого бытия. Целью коррекции, например, может быть изменение поведенческих реакций в террористических ситуациях. Как следует из результатов исследования, содержание тренингов должно различаться в группах мужчин и женщин, взрослых и молодых людей.

3.6.4. Понимание россиянами активной и пассивной эвтаназии

Понимание неизбежности собственной смерти – одна из главных экзистенциальных проблем человеческого бытия. В теории управления страхом смерти (Harmon-Jones et al., 1997) утверждается, что подчинение культурным стандартам и ценностям предохраняет субъекта от чувства тревоги, возникающего вследствие понимания собственной уязвимости и смертности. Принятие общечеловеческих ценностей позволяет ему почувствовать себя необходимой, хотя и небольшой, но, безусловно, ценной частью Вселенной. Сторонники теории полагают, что стремление к самоуважению, а также вера в «культурный мировой взгляд», достигаемая путем осознания себя частью цивилизации, оправдания смысла своего существования посредством соблюдения общечеловеческих норм и ценностей – два важных средства, помогающих субъекту справиться с тревогой, связанной с мыслями о будущей смерти.

Согласно теории управления страхом, понимание неизбежной конечности индивидуального бытия «запускает» в действие двойной механизм защиты от мыслей, связанных со смертью: периферическую (отдаленную) защиту и проксимальную (ближайшую). Та или иная тактика защиты используется, чтобы справиться с осознаваемыми и неосознаваемыми аспектами человеческой смертности. Так, от *осознаваемого* понимания неизбежности смерти человек защищается с помощью рациональных защитных механизмов. Их суть состоит в том, что люди стараются отвлечься от мыслей, связанных со смертью, используют познавательные искажения, отодвигают размышления о смерти в отдаленное будущее, отрицают свою уязви-

мость по отношению к чему-то, что может угрожать жизни. А поиски самоуважения и вера в «мировой культурный взгляд», напротив, необходимы для защиты от *неосознаваемых* знаний о неизбежности смерти. Теория двойного процесса защиты от тревоги, связанной со смертью, утверждает, что проксимальная защита активизируется тогда, когда человек думает о своей смерти, когда такие мысли отчетливо осознаваемы. Однако как только эти размышления прекращаются, а мысли отодвигаются на задний план сознания, проксимальная защита больше не нужна. Главную роль начинает играть периферическая защита, предназначенная для того, чтобы препятствовать актуализации неосознаваемого знания о неизбежности смерти (Greenberg et al., 2000).

Серьезной экзистенциальной проблемой для любого человека является ситуация смертельного заболевания, например онкологического. «Специфика заболеваний, угрожающих жизни, заключается в том, что они воздействуют на психику как «невидимый» информационный стрессор, отражающий угрозу для жизни в эмоционально-когнитивных структурах, содержащих информацию о болезни. Поэтому восприятие и совладание с последствиями заболевания в большей степени осуществляется посредством когнитивной переработки. Исследования показывают, что когнитивные факторы оказывают значимое влияние не только на качество жизни онкологических больных (способны усугублять и хронифицировать негативное психологическое состояние), но и на прогноз заболевания. Негативные когнитивные схемы и убеждения также связаны с возникновением депрессивной симптоматики, играют роль в формировании психопатологических и посттравматических нарушений» (Ворона, 2005, с. 8).

Если же заболевание сопровождается периодическими сильными болями, то жизненная ситуация превращается для больного в критическую. В подобной ситуации человек оказывается перед такими экзистенциальными проблемами, как необходимость принятия смерти, переосмысление жизни, осознание ответственности за свершенное и размышление о том, что он еще обязан успеть сделать. Все эти проблемы связаны с ответом на главный вопрос: есть ли смысл стремиться хотя бы ненадолго продлить жизнь, преодолевая страдания? Люди неодинаково могут относиться к ситуации, к примеру, онкологического заболевания. Она может восприниматься либо как возможность личностного роста и развития, либо как бессмысленное страдание, продлить которое не имеет смысла.

Соответственно, в этих двух случаях человек по-разному решает вопрос о допустимости эвтанази.

В переводе с греческого языка «эвтаназия» означает «хорошая, благая» смерть. Различают две ее основные формы: пассивную и активную. Пассивной эвтаназией называется отказ начинать жизнеподдерживающую терапию или ее прекращение (выключение аппарата искусственного кровообращения или искусственной вентиляции легких; выписка неизлечимо больного пациента домой и т. п.). Активная эвтаназия – это безболезненное умерщвление врачом безнадежно больного пациента. Активная эвтаназия, в свою очередь, подразделяется на три вида: убийство из сострадания к пациенту (осуществляется без учета мнения больного, как правило, когда он не может выразить своего согласия, находясь в коматозном состоянии); умерщвление пациента по его просьбе; самоубийство при помощи врача (врач дает смертельное средство в руки больного).

Проблема эвтаназии является одной из самых острых и неоднозначных проблем биоэтики, причем в большей степени моральной, чем медицинской. Из научной литературы, посвященной проблеме эвтаназии, следует, что в общем и целом врачи и юристы пока не имеют однозначного мнения по вопросу о медицинской, юридической и этической оправданности прерывания жизни безнадежно больных людей. Впрочем этого нельзя сказать о нашем государстве с его исторически сложившейся склонностью ко всяческим запретам. Как отмечают С. В. Быкова, Б. Г. Юдин и Л. В. Ясная, «в отечественных пособиях по медицинской деонтологии эвтаназия расценивается резко отрицательно, а законодательство запрещает подобную практику» (Биоэтика..., 1998, с. 366). У нас в стране на эту тему выполнены единичные социологические опросы, а серьезных психологических исследований, насколько известно, вообще нет. Опрос, проведенный несколько лет назад среди 316 московских врачей, выявил, что около 35% из них «считают, что, вопреки официально провозглашенным юридическим и этическим нормам, эвтаназия в каких-то ситуациях допустима» (там же, с. 367). При этом было обнаружено, что согласны с необходимостью применения эвтаназии чаще молодые врачи в возрасте 21–30 лет, а в более старших возрастных категориях (41–50 и 51–65 лет) доля считающих эвтаназию этически оправданной убывает.

Было проведено психологическое исследование, в котором в качестве примеров ситуации экзистенциального выбора использова-

лись краткие описания ситуаций убийства из сострадания и активной эвтаназии по просьбе пациента.

Цель проведенного мною эмпирического исследования заключалась в нахождении связи между возрастом, полом, мировоззренческими установками, личностными свойствами людей и пониманием-принятием или пониманием-отвержением ими ситуаций, включающих эвтаназию.

В исследовании проверялись четыре гипотезы.

Первая гипотеза заключалась в том, что юноши и девушки в большей степени согласны с применением эвтаназии, чем мужчины и женщины второго периода взрослости (Ананьев, 1968).

Вторая гипотеза – мужчинам присуще понимание-принятие эвтаназии, а женщинам – понимание-отвержение.

Третья гипотеза – испытуемые, верящие в Бога, в меньшей степени согласны с применением эвтаназии, чем неверующие.

Четвертая гипотеза – люди с высоким уровнем макиавеллизма личности и низкими показателями осмысленности жизни в большей степени принимают эвтаназию, чем субъекты с низким уровнем макиавеллизма и высокими оценками по методике смысловых ориентаций.

Описание выборки. Исследование проводилось в Смоленске и Самаре на 285 испытуемых (165 женщин и 120 мужчин) в возрасте от 16 до 66 лет (в проведении экспериментов принимали участие А. В. Мазина и М. Ю. Пелёвин). Средний возраст участников $M = 25,7$, стандартное отклонение $SD = 9,97$.

Методики исследования

Сначала испытуемые заполняли два опросника: Мак-шкалу (Знаков, 2001) и методику смысловых ориентаций (Леонтьев, 2000). Затем каждый из испытуемых по 6-балльной шкале (от «полностью согласен» до «совершенно не согласен») должен был выразить степень своего согласия с тремя утверждениями:

1. «Я верю, что Бог существует».
2. «Если пациент неизлечимо болен и испытывает непереносимые боли, то врач может принять решение ввести ему смертельную дозу лекарства».
3. «Если бы я был неизлечимо болен и постоянно испытывал сильные боли, то я скорее предпочел бы умереть (попросил бы врача ввести смертельное лекарство), нежели продолжать жить».

Статистический анализ различий между среднеарифметическими результатов разных групп испытуемых проводился с использованием непараметрических критериев Колмогорова–Смирнова и Манна–Уитни, а также χ^2 Пирсона.

Результаты исследования

Возрастных различий в ответах на два вопроса об эвтаназии не обнаружено: ни при разделении выборки по медиане, ни при сравнении 101 испытуемого из нижнего квартиля ($M = 18,7$) и 75 из верхнего ($M = 39,5$). Таким образом, первая гипотеза не подтвердилась.

При разделении выборки по полу были выявлены значимые различия в ответах испытуемых на третий вопрос: мужчины в большей степени, чем женщины, согласны с применением эвтаназии по отношению к себе ($p < 0,05$). Однако о статистически значимом согласии можно говорить только про мужчин: 85 из них попали в группу «согласных» и только 35 – «несогласных» ($\chi^2 = 20,83$, $p < 0,001$). Из 165 женщин 78 согласились с применением эвтаназии по отношению к себе, 87 – не согласились (различия незначимы). Эти результаты свидетельствуют о том, что мужчины понимают-принимают ситуацию эвтаназии. Про женщин такого заключения сделать нельзя: нет достаточных статистических оснований для суждений ни о понимании-принятии, ни о понимании-отвержении. Половых различий в ответах на вопрос о принятии решений врачом не выявлено. Следовательно, вторая гипотеза о понимании-принятии эвтаназии мужчинами и понимании-отвержении женщинами подтвердилась не полностью, а частично.

Следующим шагом в анализе данных было сравнение результатов испытуемых, с разной степенью уверенности убежденных в существовании или отсутствии Бога. Интересно, что в первую группу («согласных») попали 241 человек, а во вторую («несогласных») – только 44. Верующие люди в меньшей степени согласны с эвтаназией применительно к себе, чем неверующие ($p < 0,03$). И обратная картина: испытуемые, несогласные с применением эвтаназии в отношении себя, в большей степени верят в Бога, чем те, кто согласен ($p < 0,001$). В отношении других людей установлено то же: они скорее не согласны, чем согласны, с утверждением, содержащимся в вопросе № 19 Мак-шкалы: «Неизлечимо больные люди могут быть умерщвлены с их согласия» ($p < 0,03$). Однако значимых различий в вопросе о принятии решения самим врачом обнаружено не было.

Эти данные частично подтверждают третью гипотезу: верующие люди в меньшей степени согласны с применением эвтаназии,

поскольку для них такой уход из жизни считается несправедливым и недопустимым. Качественный анализ суждений испытуемых показывает, что многие верующие считают, что такая смерть – «это грех большой»; что «это может решать только Бог», что «человек должен терпеть все, что пошлет ему Бог» и т. д. Приведу типичное высказывание: «Если Бог дал тебе что-то, что ты должен пройти и вытерпеть, то ты должен с этим смириться и пережить это. Можно облегчить страдания, но жизнь отбирать никто не вправе».

Таким образом, можно заключить, что верующие люди в ситуациях экзистенциального выбора, связанных с жизнью и смертью человека, склонны опираться на принципы религиозной морали, предоставляя как само решение вопроса, так и ответственность за него некоему трансцендентному существу, которое, как они считают, управляет их жизнью.

Четвертая гипотеза была направлена на выявление связей личностных характеристик испытуемых с индивидуальными различиями в понимании-принятии или понимании-отвержении ими ситуации эвтаназии.

Сравнение испытуемых из нижнего квартиля распределения оценок по Мак-шкале ($M = 59,1$) и из верхнего, ($M = 88,7$) показало следующее. У тех, у кого уровень макиавеллизма ниже, значительно более высокие оценки общего показателя смысложизненных ориентаций ($p < 0,01$). У них также выше средние значения локуса контроля «Я» ($p < 0,01$). Эти испытуемые в меньшей степени согласны с применением эвтаназии в отношении других людей, когда решение об этом принимает врач ($p < 0,05$). Они также менее согласны с применением эвтаназии по отношению к себе, чем люди с высоким уровнем макиавеллизма ($p < 0,001$). В то же время последние более согласны с утверждением № 19 Мак-шкалы: «Неизлечимо больные люди могут быть умерщвлены с их согласия», чем испытуемые с низкими показателями по макиавеллизму ($p < 0,001$).

Следовательно, люди с более высоким уровнем макиавеллизма в большей степени согласны на манипуляцию как чужой, так и своей жизнью, чем люди с низкими показателями по Мак-шкале. Они понимают ситуацию эвтаназии как этически более оправданную, чем люди с меньшим уровнем макиавеллизма. Объясняя причины положительного отношения к утверждению № 2, участники исследования говорят: «Жестоко смотреть на мучения человека. Нужно помочь ему» (женщина, 32 года); «Убив смертельно больного человека, поступаешь гуманно. Это лучше, чем дать ему

жить и мучиться каждый день, ожидая своей кончины» (мужчина, 22 года).

Следовательно, гипотеза о том, что испытуемые с высоким уровнем макиавеллизма личности и низкими показателями осмысленности жизни в большей степени принимают эвтаназию, чем субъекты с низким уровнем макиавеллизма и высокими оценками по методике смысловых ориентаций, полностью подтверждается результатами эмпирического исследования.

Обсуждение результатов

Исследование показало, что в вопросе о применении эвтаназии макиавеллисты игнорируют мнение самого больного. Обосновывая такое понимание ситуации благими намерениями, они рассматривают ее исключительно со своей точки зрения. Обосновывая гуманными мотивами не только допустимость, но и моральную оправданность манипуляции жизнью больного, они фактически перестают видеть в нем субъекта. Субъекта, который, возможно, понимает ситуацию иначе, но вследствие слабости здоровья не в силах сказать об этом. Вероятно, основная причина такого понимания ситуации эвтаназии заключается в том, что люди с высоким уровнем макиавеллизма в общении ориентируются не на собеседника, а на себя. При принятии решений эти испытуемые нередко игнорируют мнения других. Видимо, поэтому они соглашались на манипуляцию чужой жизнью. Таково рациональное объяснение возможных причин положительного ответа на вопрос № 2 испытуемыми с высоким уровнем макиавеллизма личности.

Труднее объяснить, почему макиавеллисты, склонные к самостоятельному принятию решений и оценивающие себя как субъектов собственной жизни, согласны на применение эвтаназии также и по отношению к себе. Иначе говоря, почему они проявляют готовность стать объектом манипулятивных действий со стороны медицинского персонала. Психологический анализ ответа на этот вопрос требует как когнитивных способов объяснений, так и обращения к экзистенциальной плоскости жизни людей, рассмотрения проблемы с позиций психологии человеческого бытия.

В качестве возможного теоретического объяснения полученных в исследовании эмпирических данных целесообразно использовать представления У. Найссера о пятикомпонентной структуре Я-концепции (Neisser, 1988). По Найссеру, разнообразие мира, в котором живут люди, отражается во взаимосвязанных компонентах их Я-концепций. В фокусе самоанализа неизлечимо больного паци-

ента оказываются, прежде всего, его «экологическое Я» и «субъективное Я» (the private self). Под «экологическим Я» Найссер имеет в виду человека, обладающего телом, находящегося в конкретном месте и вовлеченного в определенную деятельность. Понятие «экологическое Я» включает не только тело, но и, в частности, одежду человека, однако, только ту, в которую он в данный момент одет. Принадлежащий субъекту, но висящий в шкафу или находящийся в химчистке пиджак не имеет прямого отношения к «экологическому Я». «Субъективное Я» отражает тот очевидный факт, что каждый из нас имеет личный опыт, который недоступен кому-то другому (к нему относятся, например, сны). Опыт включает также телесные ощущения, переживания и субъективную оценку поступков – собственных и других людей (Neisser, 1988).

«Экологическое Я» и «субъективное Я» имеют самое непосредственное отношение к внутренней картине болезни. В частности, как показано в диссертации О. А. Вороны, у женщин, прооперированных в связи с раком молочной железы, под влиянием болезни снижается самооценка, ощущение ценности, значимости собственного «Я» и, наоборот, нарастает убеждение в собственной неудачливости, неспособности контролировать происходящие с ними события (Тарабрина и др., 2010). Выявленные в описанном выше исследовании личностные характеристики испытуемых с высоким уровнем макиавеллизма очень сходны с характеристиками онкологических больных. Низкие значения показателей смысложизненных ориентаций и локуса контроля «Я» свидетельствуют о неверии человека в себя, неспособности контролировать происходящее с ним, а также строить жизнь в соответствии со своими целями и представлениями об ее смысле (Леонтьев, 2000).

Еще одним компонентом Я-концепции является «межличностное Я», под которым психологи имеют в виду того же субъекта, изучаемого с другой точки зрения его включенности в общение лицом к лицу с другими. Если «экологическое Я» относится к физической среде, то «межличностное Я» соотносимо с социальными взаимодействиями. Мы видим себя одновременно и объектом внимания другого человека, и создателем взаимодействия. Мы непосредственно воспринимаем чувства других, так как из опыта знаем, что существует соответствие между испытываемыми чувствами и их выражением (Neisser, 1993).

Медико-психологические исследования показывают, что у неизлечимо больных людей с выраженными признаками посттрав-

матического стресса «межличностное Я» изменяется. Их базисные убеждения о мире приобретают негативный оттенок: окружающих людей они считают враждебными, недоброжелательными, опасными и недостойными доверия (Тарабрина и др., 2010). Следовательно, у таких больных начинает проявляться черты типичных экзистенциальных установок, жизненных принципов макиавеллистов. Макиавеллизм как личностная характеристика в целом отражает неверие субъекта в то, что большинству людей можно доверять, что они альтруистичны, независимы, обладают сильной волей. Высокие оценки по Мак-шкале положительно коррелируют с подозрительностью, враждебностью, экстернальностью (Знаков, 2005).

На основании приведенных выше рассуждений весьма правдоподобно заключение о том, что «базисные убеждения» (Падун, Тарабрина, 2004) и личностные особенности субъектов с высоким уровнем макиавеллизма личности способствуют такому пониманию ими обсуждаемой ситуации, в соответствии с которым они готовы на эвтаназию применительно к себе. В результате понимания ситуации они могут спрогнозировать ощущение собственной беспомощности, неспособности влиять на положительное развитие событий, мнимой (а в некоторых случаях и действительной) недоброжелательности родных и близких, враждебности медицинского персонала и т. п. Вследствие этого они принимают «логичное» решение об эвтаназии по отношению к себе.

Разумеется, приведенное мной объяснение не может быть единственным и абсолютно верным – нужны дальнейшие психологические исследования.

Перспективные направления дальнейших исследований психологических аспектов проблемы эвтаназии

Проведенное исследование имело пилотажный характер. Его основная цель заключалась не в получении окончательных ответов на поставленные вопросы, а в выявлении перспективных направлений психологического анализа понимания комплекса проблем, связанных с эвтаназией. Эти проблемы определяют главные направления будущих исследований.

Одно направление психологических исследований эвтаназии очевидно: сравнение мнений неспециалистов с разными группами врачей. Суждения докторов об эвтаназии формируются на основе множества факторов, которые еще предстоит изучить. Например, молодые врачи, а также те, кто чаще имеет дело с безнадежно боль-

ными пациентами, терпимее относятся к возможности безболезненной добровольной смерти. Упомянутый выше опрос показал, что более толерантно к эвтаназии относятся те врачи-специалисты, которые ближе всех находятся к тяжелобольным пациентам и чаще других вынуждены принимать ответственные решения об их судьбе: «Чем ближе врачи к «изголовью постели» больного и чем чаще (в силу места работы, занимаемой должности или медицинской специализации) им приходится иметь дело с пациентами, чье состояние критическое, тем более терпимы они в отношении эвтаназии» (Биозтика, 1998, с. 370). А количество факторов, влияющих на формирование точек зрения на эвтаназию у специалистов, различающихся по мировоззренческим установкам, личностным, профессиональным и другим качествам, просто не поддается описанию. Все это свидетельствует о большом потенциале будущих психологических исследований.

Другое перспективное направление психологического анализа понимания ситуации эвтаназии – выявление личностных и половых различий участвующих в ней врачей и пациентов. Я исследовал только макиавеллизм личности и смысложизненные ориентации испытуемых. Вместе с тем на формирование решения об эвтаназии, по-видимому, влияет склонность субъекта к принятию на себя ответственности в разных жизненных обстоятельствах, проявляющаяся в соотношении интернальных и экстернальных качеств его личности (Gable, Dangelo, 1994). Как было показано выше, значимым компонентом понимания ситуации эвтаназии может оказаться самообман – он тоже должен стать предметом психологического анализа. Не менее важными могут оказаться навыки рефлексивного самоанализа субъекта, а также преимущественно когнитивная, конкретно-ситуативная или экзистенциальная, бытийная направленность его самопонимания.

В настоящее время в психологической литературе накоплено немало данных о половых различиях в понимании вопросов, имеющих непосредственное отношение к эвтаназии. Например, в ситуациях, когда больному необходимо сообщить неблагоприятный диагноз, женщины-врачи с большей вероятностью, чем мужчины, соглашались с тем, что правда должна быть сказана; они не склонны соглашаться с тем, что ложь допустима (Robinson et al., 1998). В целом результаты психологических исследований выявили тенденцию, в соответствии с которой женщины, как правило, получают более высокие оценки по методикам, выявляющим приверженность

этическим нормам и социальной ответственности, чем мужчины (Burton, Hegarty, 1999).

Один из аргументов, приводимых в защиту эвтаназии, называется «экономическим»: средства и усилия, направленные на спасение безнадежно больных пациентов, могут быть использованы с большей пользой. Очевидно, что «экономический» аргумент с моральной точки зрения недопустим. Такой подход к человеку как объекту манипуляции имел печальный пример в истории человечества, когда нацисты проводили программы «оздоровления нации». Кроме того, по данным специалистов, средства, затрачиваемые на умирающих больных, не столь велики, как предполагают сторонники «экономического» аргумента.

Учитывая, что в здравоохранении работает значительное число женщин, небезынтересными представляются психологические исследования половых различий в готовности к принятию ответственности. В одном из них было обнаружено, что женщины, входящие в правление компаний, менее экономичны в управлении и более ориентированы на действия по собственному усмотрению, чем мужчины. При выборе организационных воздействий они оценивают социальную ответственность как более важную, чем экономическую. Женщины демонстрируют большее внимание к неэкономическим типам ответственности, чем мужчины: у них показатели социального и морального долга перед окружающими их людьми оказываются выше, чем ответственность за экономическую выгоду предприятия (Burton, Hegarty, 1999). Эти данные позволяют предположить, что врачи женского и мужского пола вряд ли одинаково будут восприимчивы к «экономическому» аргументу.

Наконец, третье направление связано с психологией субъекта, принимающего сознательное решение о жизни или смерти. Поскольку в этой роли могут выступать и врач, и больной, то изучение различных субъектных источников активности принятия решений мне представляется интересным и научно значимым. Прежде всего, это относится к лечащим врачам. В настоящее время в медицине многих стран, в том числе в России, применяется так называемый патерналистский подход к пациенту. В медицине сложилась традиция, согласно которой именно врач определяет, что будет благом для пациента. Медицинский патернализм оправдывает действия врача, который при лечении руководствуется своими представлениями о том, что является для пациента полезным, а что может навредить. Это касается и лечения, и информирования, и консуль-

тирования. Позиция патернализма, в частности, оправдывает принуждение пациентов и утаивание от них информации. Доктор, придерживающийся патерналистских взглядов, рассматривает больного не как равноправного субъекта, а как объект, бездушную вещь, которой он профессионально манипулирует.

Однако и у безнадежно больного субъектная сущность его человеческой природы тоже может ярко проявляться в четком осознании приемлемости или, наоборот, недопустимости эвтаназии по отношению к нему. Субъектные качества пациента имеют особое значение в тех странах, где эвтаназия разрешена законом. Например, в клиниках многих штатов США за находящимися в здравом рассудке взрослыми больными законодательно закреплено право требовать или отказываться от любых форм медицинского лечения. Соглашаться или отказываться от лечения – неотъемлемое право субъекта, принявшего решение о том, предстоит ему жить или умереть.

Проблема управления жизнью человека, превращающегося из субъекта в объект манипулирования, сегодня актуальна не только в контексте анализа религиозного сознания и межличностного общения в медицинской практике. Субъектом, манипулирующим сознанием своих граждан, может быть и государство, вольно или невольно превращающее людей в бездушные винтики огромной машины – машины подавления. В условиях жизни в переходном обществе, к которому можно отнести и нашу страну, распространенными способами антисубъектного принуждения людей оказываются различные формы искажения информации – неправда, ложь, обман и др. Все они требуют тщательного исследования и психологического анализа.

ГЛАВА IV

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПОНИМАНИЯ

4.1. Моделирование понимания

Понимание как междисциплинарная проблема привлекает внимание разных ученых, которые часто пытаются моделировать структуру и функции этого феномена (см., например: Осипова, 2012). При этом понимание, следуя представлениям когнитивных психологов о психологическом содержании этого феномена (Abelson, 1979; Kintch, van Dijk, 1978; Thorndyke, 1977), чаще всего рассматривалось как умение сопоставить знания из входного сообщения с контекстом, определенной контекстуальной схемой – фреймом, сценарием, макроструктурой (Представление знаний..., 1980).

В самом общем смысле под моделью (*лат.* *modus, modulus* – мера, образ, способ, норма) в науке принято понимать аналог, заместитель исследуемого фрагмента действительности, который при определенных условиях воспроизводит интересующие исследователя свойства оригинала. Бесспорная сложность моделирования понимания определяется не только его содержательной неоднородностью, но и неопределенностью и многозначностью научных определений категории «модель». А. И. Уёмов проанализировал 37 трактовок этого понятия (Уёмов, 1971). В работах В. А. Штоффа определений еще больше, в них «модель» интерпретируется как аналог, метод, система, образец, описание, частично или полностью формализованная теория и т. д. Обобщенно говоря, по Штоффу, модель – это мысленно представляемая или материально реализованная схема. Она отображает (или воспроизводит) объект исследования и способна замещать его таким образом, что ее изучение дает новую информацию об объекте. Модель можно охарактеризовать по четырем признакам: 1) это мысленно представленная или матери-

ально реализуемая система; 2) она отражает объект исследования; 3) при определенных условиях модель может замещать объект; 4) ее изучение дает новую информацию об объекте (Штофф, 1966). М. Вартофский в разделе монографии с говорящим названием «Путаница с моделями: на пути к неумеренному реализму» обсуждает различия между моделями, теориями, аналогиями. Он утверждает, что «все они – „особи“ одного рода, а именно – „репрезентации“» (Вартофский, 1988, с. 27).

Что касается предназначения моделей, то в науке их используют для объяснения (для демонстрации уже сделанных выводов и получения новых, более обобщенных), для достижения наиболее эффективного управления, демонстрации заложенного в ней общего принципа функционирования изучаемой системы, для прогнозирования и т. п.

Как следует из всех предыдущих разделов этой книги понимание нельзя сводить только к знанию, игнорируя бессознательное, переживания, отношения и т. п. понимающего субъекта. Тем не менее в психологии, особенно когнитивной, когда говорят о моделях понимания, то первое, о чем упоминают, – знания, которые должны быть отражены в модели. В отечественной психологии когнитивный модельный подход к объяснению сложных взаимосвязей психических процессов и свойств человека одним из первых применил Б. Г. Ананьев. В его психологическом анализе человека как предмета познания основанные на знаниях теоретические модели (мысленное представление структуры взаимосвязей психического и программы их эмпирического выявления) всегда предшествовали реальным экспериментам. Затем они служили одним из основных способов объяснения результатов масштабного комплексного исследования онтогенетического развития психики. Характерным примером может служить объяснение Борисом Герасимовичем того факта, что в юношеском возрасте пики развития памяти на год предшествуют пикам продуктивности мышления. Согласно его модели, прежде чем мышление достигает пика продуктивности, способствующего эффективному решению задач, должно произойти накопление некоторой информационной базы, т. е. знаний, которые человек сумеет осмысленно применять в процессе решения (Ананьев, 1977).

В современной психологии моделирование применяется, например, в моделях изменения личностных черт для анализа сопоставления нарративных самоописаний личностных трансформаций студентов во время обучения в университете и их осознаваемых са-

моощенок (Robins et al., 2005). Широко известной в российской психологии является «модель психического», понимаемая как система знаний субъекта о своей психике и психическом мире людей (Сергиенко, 2014). Для объяснения взаимопонимания психотерапевта и клиента в психологическом консультировании разработана и эффективно используется фокусно-стратегическая модель. В ней взаимопонимание анализируется как состоящее из компонентов (фокусов): понимания участниками диалога себя, партнера и их взаимодействия в ситуации общения. Функционирование и развитие каждого из компонентов (фокусов) предполагает процесс соотнесения с другими компонентами понимания обсуждаемой проблемы субъектом со спецификой ее осмысления партнером. Взаимопонимание – это одновременно и условие, и критерий результативности (успешности, продуктивности и эффективности, выраженности) психологического консультирования, и его сущность (осмысление, преобразование и согласование ценностно-смысловых позиций и способов жизнедеятельности субъектов консультирования). Центральными для фокусно-стратегической модели взаимопонимания являются вопросы о том, как происходит согласование пониманий субъектами диалога себя и окружающего мира, как осуществляется взаимодействие и синхронизация разных пониманий, какие варианты взаимодействия приводят к успеху консультирования, а какие нет (Минигалиева, 2012).

Метод моделирования понимания текстов (Graesser, Wiemer-Hastings, 1999; Wilson et al., 1993) и вообще знаково-символических структур используется в психологии обучения. Модели дают возможность психологам осуществлять предварительный анализ текста, переводить его на знаково-символический язык, представлять вещественными или графическими средствами, соотносить разные полученные на модели результаты (Борзова, 2014). Например, Й. Брокмейер и Р. Харре считают, что нарратив следует рассматривать как модель: «Мы утверждаем, что, вместо того чтобы быть онтологической сущностью или способом репрезентации, нарратив действует как особо гибкая модель. Любая модель в очень общем смысле слова является аналогией. Она связывает неизвестное с известным, используется для объяснения (или для интерпретации) ряда явлений путем отсылки к правилам (или схемам, структурам, сценариям, рамкам, сравнениям, метафорам, аллегориям и т. п.), которые так или иначе включают в себя обобщенное знание» (Брокмейер, Харре, 2000, с. 39–40). Из «модельной метафоры» следует вы-

вод: «Рассмотренные под таким углом зрения нарративы являются одновременно моделями мира и моделями собственного «я». Посредством историй мы конструируем себя в качестве части нашего мира» (там же, с. 40). Ту же мысль иначе выражал Дж. Брунер, писавший о том, что, понимая мир, человек имеет дело не с определенной формой его репрезентации, а со специфическим способом конструирования и установления реальности. Психологи, анализируя этот способ, должны, прежде всего, обращать внимание на методы познания себя и осмысления людьми своего опыта (Bruner, 1986).

Анализ знаний, необходимых для понимания, – распространенный методический прием в современных когнитивных науках. Когнитивная традиция психологического познания основана на применении таких методов, которые выявляют знания о закономерных, как правило, повторяющихся событиях и явлениях. Закономерности в когнитивной психологии нередко отражаются в моделях. При этом считается, что понимать факт, событие или явление – значит иметь его рабочую модель. В частности, П. Н. Джонсон-Лэйрд соотносит понимание с созданием мысленных моделей и полагает, что понять фрагменты каких-либо событий или ситуаций можно, только сформировав мысленное представление, являющееся моделью целого (Johnson-Laird, 1983). Еще раньше подобную точку зрения высказывал А. А. Брудный. Он рассматривал понимание как взаимодействие понимающего субъекта «с некоторым объектом, в результате которого воссоздается работающая модель этого объекта. Понять – значит собрать работающую модель» (Брудный, 1975, с. 115).

Во второй половине XX в. существенный вклад в анализ понимания внесла западная когнитивная психология. В когнитивных моделях понимания У. Кинча и Т. А. ван Дейка (Kintch, van Dijk, 1978), П. У. Торндайка (Thorndyke, 1977) и других психологов интерпретация и переинтерпретация описываются как следствие неоднократных попыток сопоставления входной информации, объекта понимания с обобщенными схемами памяти – фреймами, сценариями, макроструктурами. Объяснение в моделях чаще всего трактуется как логическая рационализация понятых отношений, для которых нужно найти закономерность, характеризующую то общее, что в них есть. По существу, эта линия исследования обсуждаемого феномена отражает стремление ученых вписать понимание в сферу рассудочной деятельности и осознания понимающим субъектом возможности разных типов рациональных научных рассуждений.

Особенно отчетливо доминирующая роль знаний в моделировании понимания была проявлялась на начальных этапах создания систем искусственного интеллекта, в частности, компьютерных программ, предназначенных для понимания устных или письменных текстов на естественном языке. Например, изучая, как рабочий объем памяти ограничивает понимание, М. А. Джаст и П. А. Карпентер создали компьютерную модель CC READER (Capacity Constrained READER). Они применили распространенную среди разработчиков «понимающих систем» продукционную модель представления знаний, позволяющую представлять знания в виде предложений типа «Если (условие), то (действие)» (Гаврилова, Хорошевский, 2000). Эти психологи основывались на положении о том, что релевантные для обработки текста когнитивные процедуры сохраняются в памяти понимающего субъекта в форме продукционных правил. Модель отражает несколько этапов понимания: декодирование словесных образов и значений слов, определение семантико-синтаксических функций слов, семантическое соединение фраз. Продукционные правила позволяют учитывать различные стратегии обработки информации. Используя оперативную память, правила взаимодействуют друг с другом. Взаимодействие продукционных правил в модели проявляется во взаимодействии и взаимовлиянии друг на друга: например, более обобщенные процедуры распознавания фраз влияют на менее обобщенные процессы распознавания слов, и наоборот (Just, Carpenter, 1992).

Современный психологический анализ не может строиться только на когнитивных основаниях: очень многие проявления сложной психической активности (и особенно понимания) сегодня анализируются учеными как личностные ресурсы, участвующие в формировании самосознания и саморегуляции поведения людей (Моросанова, Аронова, 2007). Неудивительно, что современные модели психологических качеств человека включают познавательные, личностные, но также и экзистенциальные измерения (Расказова, 2015). В этом плане первоочередным является вопрос о соотношении не только понимания и мышления, но и понимания и бытия, т. е. о том месте, которое обсуждаемый психологический феномен занимает в жизни человека. Без этого невозможно построить удовлетворительную модель понимания. Представленная в следующих разделах книги модель понимания отвечает этому требованию. Она включает компоненты, относящиеся не только к познанию, но и к общению человека, как осознаваемые им знания, так и в значитель-

ной степени бессознательные установки и ценностные ориентации. Говоря обобщенно, – когнитивные и личностные составляющие понимания субъектом действий и поступков людей.

4.2. Теоретическая модель психологии понимания многомерного мира

Изложенные в предыдущих разделах книги теоретические основы психологии понимания мира человека построены на утверждении, что понимание фактов, событий, явлений в трех реальностях человеческого бытия происходит на неодинаковых психологических основаниях.

Моя точка зрения на структуру многомерного мира человека сформировалась в процессе научного анализа:

- реальностей, в которых живет человек, – эмпирической, социокультурной, экзистенциальной;
- традиций психологических исследований – когнитивной, герменевтической, экзистенциальной;
- способов понимания субъектом мира – парадигматического, нарративного, тезаурусного;
- оснований понимания – знания и значения, мнения и смысла, переживания и опыта;
- форм понимания – понимания-узнавания, понимания-гипотезы, понимания-объединения;
- типов понимания – понимания-знания, понимания-интерпретации, понимания-постижения.

Итог 30-летних исследований обсуждаемого феномена представлен в статье, опубликованной в журнале «Вопросы психологии». Согласно описанной в ней модели, анализ понимания явлений и феноменов, относящихся к эмпирической реальности, осуществляется психологами с позиций когнитивной традиции психологических исследований; способ понимания мира – парадигматический; основания понимания – знание и значение; форма понимания – понимание-узнавание; тип понимания – понимание-знание. Социокультурной реальности соответствует герменевтическая традиция психологических исследований; нарративный способ понимания мира; основанием понимания являются мнение и смысл; форма понимания – понимание-гипотеза; в результате появляется тип понимание-интерпретация. Экзистенциальная реальность: экзис-

тенциальная традиция; тезаурусный способ понимания; переживание и опыт; понимание-гипотеза; понимание-постижение (Знаков, 2014).

Ниже модель понимания представлена в табличной форме. Однако прежде чем переходить к ее подробному описанию и анализу, необходимо пояснить, какой смысл я вкладываю в понятие «модель». Учитывая уже сказанное в разделе 4.1 о моделях и моделировании, сделаю это предельно кратко. Теоретическая модель психологии понимания субъектом многомерного мира – это моя концептуальная система знаний об анализируемом феномене, которую я последовательно излагаю в этой книге. Зачем вообще нужна модель психологии понимания и феномена понимания в частности? Моя первая цель состоит в такой концептуализации как концентрации знаний, сжатии информации об этой проблемной области, которая сделает их обозримыми для читателя. Это своего рода реферирование, аннотация уже сказанного и того, что еще нужно сказать. Вторая цель – создать такой рабочий инструмент исследования, который даст возможность психологу одновременно обозреть основные составляющие понимания, включающие внутренние условия и внешние факторы его формирования и развития. В этом смысле модель выступает как метод опосредованного исследования оригинала (понимания). Эвристическая функция модели заключается в том, что, обладая сходством с анализируемым феноменом, она иногда может замещать его для того, чтобы открывать новые свойства понимания, возможности его углубления и наполнения иным, чем прежде, содержанием.

По своей сути модели и моделирование отражают не сами моделируемые феномены, а научные представления о них ученых. Из этого неизбежно следует, что модель не является буквальным воспроизведением понимания. В соответствии с субъектно-аналитическим подходом психологу необходимо ясно осознавать преимущественно гносеологический, а не онтологический характер модели. На начальном этапе создания модели это неизбежно, но по мере проведения эмпирических исследований понимания онтологическое существование психологических закономерностей процессов понимания становится все более очевидным. В психологическом исследовании онтология понимания начинает играть такую же значимую роль, как гносеология.

В последующих разделах подробно описаны все компоненты модели понимания, соответствующие каждой ячейке таблицы.

Таблица 4
Психологическая модель понимания субъектом
реальностей мира человека

Теоретические основания понимания	Три реальности мира человека		
	Эмпирическая	Социо-культурная	Экзистенциальная
Традиция психологических исследований	Когнитивная	Герменевтическая	Экзистенциальная
Способ понимания мира	Парадигматический	Нарративный	Тезаурусный
Основания понимания	Знание и значение	Мнение и смысл	Переживание и опыт
Форма понимания	Понимание-узнавание	Понимание-гипотеза	Понимание-объединение
Тип понимания	Понимание-знание	Понимание-интерпретация	Понимание-постижение

4.3. Традиции психологических исследований: когнитивная, герменевтическая, экзистенциальная

Проводя научное исследование, современный психолог должен ясно осознавать, что люди живут в многомерном мире. Многомерность мира не только порождает принципиально различные традиции психологических исследований, но и делает бессмысленными дискуссии на тему, является ли психология преимущественно естественной или гуманитарной наукой (примером такой дискуссии является состоявшийся 25 апреля 2007 г. методологический семинар, который был организован Институтом психологии РАН и Психологическим институтом РАО). Неоднородность мира человека приводит к тому, что естественно-научные методы исследования психики, допустимые и научно корректные в рамках когнитивной традиции, оказываются неприемлемыми при герменевтическом и экзистенциальном подходах. Необходимость разумного сочетания естественно-научных и гуманитарных методов особенно ясно видна в психологических исследованиях понимания. Это неудивительно, потому что феномен понимания является сквозным, он имеет большое значение на разных уровнях человеческого бытия. История исследований в этой области, в том числе моих собственных, – это история перехода от анализа преимущественно познавательных сторон понимания к герменевтическим и экзистенциальным. В этой свя-

зи смещение фокуса исследовательских интересов в направлении углубленного анализа постижения и опыта я считаю не только закономерным, но и перспективным.

Цель раздела состоит в описании сходства и различия трех традиций исследований психики – когнитивной, герменевтической и экзистенциальной.

Когнитивная традиция психологических исследований. Когнитивные психологи обычно рассуждают парадигматически, они ссылаются на положение дел в объективном мире и претендуют на истинность получаемого в эксперименте знания. Когнитивный план изучения психической реальности характеризуется акцентом на познании и поведении человека, стремлением ученых выявить общие закономерности психического развития, большим интересом к фактам и правилам, чем к исключениям. Когнитивные исследования в основном имеют отражательно-познавательную направленность, т. е. ориентированы на изучение того, как субъект отражает и познает окружающую действительность и свой внутренний мир. В соответствии с корреспондентной теорией истины, основы которой заложил Аристотель, истинным называется суждение о том, что действительно существует и что можно проверить опытным путем. Такое высказывание можно проверить опытным путем, для чего существуют процедуры верификации (по К. Р. Попперу, фальсификации, т. е. потенциальной возможности опровержения суждения).

Изучая эмпирическую реальность, когнитивные психологи получают знания о ней, которые с полным правом можно характеризовать как истинные или ложные. В частности, при исследовании интеллекта ответы испытуемых на вопросы методики Д. Векслера: «Кто написал „Илиаду“?» и «Назовите столицу Италии» – могут быть только истинными или ложными. Практически это означает приоритет фактуальных утверждений: если ученый ищет то, что существует, он открывает знания для себя так же, как геолог отыскивает новый минерал в горной породе. Такая научная позиция хорошо известна из экспериментов Ж. Пиаже по обнаружению ранее сокрытого, в которых ребенок находил или, наоборот, не обнаруживал конфету в закрытой коробочке. Современный психолог В. М. Аллахвердов, неоднократно подчеркивавший свою приверженность когнитивной традиции, пишет: «Психологика манифестирует естественно-научный подход к решению психологических проблем. Это означает признание того, что реальность подлежит логически непротиворечивому описанию и что само это описание должно обязательно

проверяться опытным путем. Опора на опыт вселяет уверенность, что научное знание, всегда содержащее субъективную составляющую, содержит и составляющую объективную» (Аллахвердов, 2006, с. 31). Фактически в основании такой научной позиции лежит галилеевская точка зрения: истинное знание есть знание причин.

Отражательно-познавательная направленность когнитивных исследований основана на твердом убеждении когнитивных психологов (в отличие от представителей конструктивистской, дискурсивной, нарративной психологии) в существовании такой единой для всех людей внешней реальности, которая является объектом отражения. Эта точка зрения, разумеется, в значительно модифицированном виде представлена и в современном метакогнитивизме: «Внешняя – объективная реальность (как метасистема, с которой исходно взаимодействует психика) получает в ней своего рода „двойное“ существование в виде субъективной реальности – в форме так называемого „отраженного“ (если пользоваться традиционной терминологией). Эта субъективная реальность может принимать очень разные формы, она может по-разному обозначаться и трактоваться в плане ее механизмов, структур и процессов, но сам факт ее существования неоспорим и непреложен» (Карпов, 2007, с. 8).

Когнитивные исследования, если судить по используемым методам, а не опираться только на субъективные мнения ориентированных на эту традицию психологов, фактически не затрагивают ценностно-смысловую сферу жизни человека. И целью, и результатом когнитивного исследования является получение объективного достоверного научного знания о психологии людей.

Типичные примеры употребления понятия «понимание» с когнитивных позиций (применительно к пониманию детьми эмоций, чувств, мыслей, являющихся компонентами моделей психического других людей) можно найти в работах Е. А. Сергиенко. Понимание ребенком действительности включает осознание существования у себя и окружающих моделей физического и социального мира, опосредствующих индивидуальную специфику осмысления фактов, событий и явлений. Одним из индикаторов возникновения у ребенка таких моделей является формирование в 4–5-летнем возрасте способности к обману. Обман связан со стремлением человека изменить представление собеседника о мире и основан на осознании существования у других людей психики, отличной от его собственной. По ее мнению, обман появляется как такой когнитивный феномен, который отражает организацию внутренней модели

психического. Динамика развития модели психического указывает на внутренний рост ребенка, усиление его способности понимать себя и других. Фактически в исследованиях Сергиенко и ее учеников понимание рассматривается прежде всего как *метод* познания субъектом мира, дополняющий антиципацию, объяснение и другие интеллектуальные операции и действия (Сергиенко, 2006).

Следует отметить, что в XXI в. из-за экспансии нейронаук и интенсивного развития компьютерных программ для научных исследований статус когнитивной парадигмы в целом и когнитивной психологии в частности существенно изменяется и пересматривается (Фаликман, 2015). Широкое распространение получили исследования в области нейроэкономики, занимающей мозговыми механизмами осуществления принятия решений и вторгающейся в области, традиционно считавшиеся психологическими (нравственный выбор, эгоизм, волевая регуляция, поиск нервных коррелятов сознания). Происходит сдвиг от моделей переработки информации к изучению мозгового субстрата познавательных процессов и функций. Одно из главных требований к психологическим экспериментам заключается в том, чтобы их можно было реализовать с использованием магнитно-резонансного томографа или методов регистрации переработки информации в мозге (ЭЭГ, МЭГ и т. п.). «Однако мода на эти методы, наряду с повышением их доступности, ведет к непрекращающемуся поиску мозговых коррелятов отдельных психических процессов и видов обрабатываемой информации, что в конечном итоге вырождается в „новую френологию“ (Uttal, 2001) вместо создания системного представления о мозговых механизмах решения разных классов познавательных задач» (там же).

Таким образом, расширение проблемного поля когнитивной традиции, с одной стороны, размывает границы когнитивной психологии, по существу вытесняемой нейроэкономикой и другими научными направлениями. С другой стороны, глубинная суть рассуждений о необходимости применения объективных методов в конечном счете сводится к уже давно замшелому представлению о возможности познания без познающего субъекта, привносящему в научное знание свои субъективные заблуждения и неизбежные ошибки.

Герменевтическая традиция. В человеческом мире люди постоянно попадают в ситуации, описания которых невозможно характеризовать как истинные или ложные. Например, мы говорим: «Эта женщина красивая» или «Этот человек добрый». Такие суждения являются мнениями, в которых присутствуют и объективные,

и субъективные компоненты. Мнения можно характеризовать только как *правильные* или *неправильные*. В основе квалификации высказывания как правильного лежит согласованное мнение людей о должном, о правилах и нормах поведения. Например, согласно словарю русского языка, *правильный* – это не отступающий от правил, норм, такой, как должно (Ожегов, 1988, с. 467). Представления о должном, лежащие в основе признания высказываний, текстов правильными или неправильными, формируются на основе соглашений, принимаемых большими и малыми социальными группами. Правильность всегда относится к чему-то или кому-то конкретному. Во-первых, существуют соглашения о том, какие свойства людей и предметов в конкретной ситуации следует считать допустимыми, а какие не следует. Во-вторых, в межличностном общении правильными или неправильными могут быть высказывания с позиции либо говорящего, либо слушающего. Поясню два упомянутых случая примерами.

Человеческая речь выражает и отражает действительность, включая предметы и людей с присущими им свойствами. Это проявляется, в частности, в таком своеобразном объекте понимания, как сказка. А. В. Запорожец проводил интересные исследования понимания сказок дошкольниками (Запорожец, 1948). Он обнаружил, что если типичные свойства предметов и характер производимых с ними действий нарушаются, то ребенок заявляет, что сказка неправильная, так не бывает. Например, дети не против того, чтобы чернильница оказалась в роли сторожа, с их точки зрения, в сказке это разрешено. Однако они возражают, когда им говорят, что чернильница громко залаяла на разбойника. Когда чернильница сторожит дом, она должна не лаять, а фыркать и плевать чернилами. Таким образом, квалификация правильности суждений непосредственно связана с тем, отражают ли описания предметов и людей, составляющих обсуждаемую ситуацию, типичные, внутренне присущие им качества.

Чтение и понимание литературных произведений является общением читателя с автором, которое опосредствовано текстом. Допустим, что в одном из романов Конан Дойля мы прочитали предложение: «Жена Шерлока Холмса подарила ему теплый шарф». Оно не истинное, потому что никакого Холмса не было, он – плод воображения Конан Дойля. Однако оно и неправильное, потому что правильность предполагает следование правилам. Для писателя одно из таких непреложных правил заключается в том, чтобы не допускать логических противоречий в описании вымышленного мира.

Читатель понимает текст, если он правдоподобен, внутренне непротиворечив. Названное предложение неправильно, потому что Холмс не был женат. Неправильно для кого? Для читателя, ожидавшего, что писатель стремится к правдоподобию и непротиворечивому изложению истории.

Однако неправильность понимания высказывания, текста, кинофильма и т. п. может быть обусловлена не только источником информации, но и реципиентом, искажающим в своем сознании факты, на знание которых рассчитывал автор. Типичный пример – знания современной молодежи в западных странах о Второй мировой войне. Известный писатель Д. А. Гранин в мае 2005 г. в интервью радиостанции «Свобода» рассказывал: «Я недавно был во Франции, в Париже. Меня там поразило, как учат Вторую мировую войну французские школьники. Они, например, уверены в том, что войну выиграла Америка. Они мне дали посмотреть свой учебник по истории. Я смотрел этот учебник, там действительно большинство побед приписано американцам, там подробно рассказывается о высадке союзников, о боях в Африке. А наши победы во втором периоде войны – наспех, кое-как, несколько строчек». В Советском Союзе было создано очень много кинофильмов об этой войне. Я думаю, что если некоторые из них посмотрят французские школьники, то они не смогут правильно понять смысл таких фильмов. Неправильное понимание возникнет вследствие того, что они будут интерпретировать содержание фильмов на основе известных им знаний о том, что войну выиграла США, а Советский Союз играл в ней очень незначительную роль. О каком неправильном понимании следует говорить в этом случае? Оно неправильно с точки зрения авторов, сценаристов и режиссеров, ориентированных на зрителей, которые знают о действительном вкладе нашей страны в победу над фашизмом.

В общении неправильность по отношению к говорящему может быть обусловлена не только ментальным опытом партнера, но и его эмоциональным состоянием. Известно, что человек может не понять высказывание собеседника как шутку, если у него плохое настроение.

Следовательно, в общении можно говорить о неправильном понимании сообщений партнера, основанных на противоречащих соглашениям общающихся людей интерпретациях свойств людей и предметов. Кроме того, неправильность понимания может основываться на ментальном опыте или эмоциональном состоянии реципиента.

В герменевтической традиции интерпретация рассматривается как ядро понимания, ключевой его способ. Чем большим количеством способов понимающий субъект может интерпретировать предмет осмысления или обсуждения, тем глубже он его понимает. Сама же интерпретация фактически представляет собой процесс конструирования субъектом одной из возможных моделей реальности: такой, какой он ее видит. Результатом интерпретации оказывается своего рода «возможный мир». В психологии эта трактовка «интерпретации» очень близка к конструктивизму. Понимание ситуаций человеческого бытия поливариативно. Это значит, что любая ситуация потенциально содержит в себе возможность самых разных интерпретаций. В конкретных способах интерпретации проявляется своеобразие, характерные психологические особенности понимания ситуации индивидуальными и групповыми субъектами. Например, на множественности интерпретаций строится психосемантический конструктивизм В. Ф. Петренко, особенно отчетливо это видно в его кросс-конфессиональных исследованиях религиозной картины мира людей, живущих в разных странах (Петренко, 2010).

Категория интерпретации является ключевой в герменевтическом конструктивизме, основывающемся на представлении о возможных мирах – мыслимых состояниях бытия. Постнеклассическая научная рациональность коренным образом изменила наше понимание не только того, что представляет собой социальный мир, но и вообще что такое объективная реальность. С методологической точки зрения это произошло главным образом в результате изменения понимания отношений между знанием о мире и реальностью. Например, согласно герменевтическому конструктивизму Г. Киари и М. Л. Нуццо (Chiari, Nuzzo, 1996, 2004), осмысленное знание возникает в пространстве взаимодействий субъекта с объектом. Иными словами, реальность – это не что-то «там», отделенное от нашего опыта и влияющее на его формирование. В новом реализме акцент делается на действительность как нечто такое, что невозможно построить и описать без языка и понимания. Реальность мира человека ученые обычно рассматривают как зависимую от того, каким именно образом люди совместно порождают и реализуют свои идеи. Следовательно, во-первых, существует бесконечное разнообразие социально построенных фактов. Во-вторых, для психологов понимаемые факты существуют одновременно и в самом субъекте, и в ценностно-смысловом пространстве межличностных взаимодействий.

Отношения между пониманием и реальностью – центральная проблема конструктивизма в психологической науке. Сегодня трудно найти психолога, сомневающегося в существовании объективного мира. И в то же время конструктивистов нередко обвиняют в том, что они не отражают мир, а выдумывают его. Однако конструктивисты неоднократно подчеркивали, что внешняя по отношению к наблюдателю действительность, конечно же, существует. Вместе с тем надо признать, что она известна познающему субъекту только на основе имеющихся у него мысленных конструктов. Конструкты структурируют и выстраивают картину мира в сознании понимающего субъекта. Герменевтические конструктивисты также утверждают, что внешняя действительность, которую люди знают, никогда не может быть независимой от социальных, лингвистических и культурных методов, которые используются для ее понимания (Raskin, 2002). Реальность существует, но ученые могут осознавать и понимать только собственные конструкты о ней (Chiari, Nuzzo, 1996, 2004). Иначе говоря, человеческое сознание направлено на то, что может быть выражено языком и осмыслено, понято. Только осмысленная часть действительности для каждого из нас является подлинно человеческим миром, о котором писал С. Л. Рубинштейн.

Неудивительно, что проблема интерпретации давно находится в фокусе внимания психологов. Например, в докторской диссертации Д. Н. Усковой (2007) интерпретацией называется деятельность, в процессе которой личность присваивает совокупный социальный опыт, воплощенный в явлениях культуры. Соответственно интерпретирующая способность личности представляет собой способность человека, которая обеспечивает присвоение социального опыта, зафиксированного в явлениях культуры. Понятием «интерпретирующая способность личности» обозначается индивидуальное психологическое качество, позволяющее присваивать культурно-социальный опыт и представляющее собой целостную композицию созидательных возможностей человека. На основе такой способности человек обладает целым спектром возможностей социального бытия: быть личностью, осознавать себя и другого в качестве личностей, а также индивидуально участвовать в адекватном понимании и преобразовании мира. Обеспечивая творческую активность личности, интерпретация проявляющаяся в деятельности и общении, участвует в процессах социализации и развития индивидуальности. Автор выделяет адаптивную, регулятивную, мотивирующую и креативную функции интерпретирующей способности.

Адаптивная функция связана с процессами понимания (непонимания) информации или социального опыта. Регулятивная функция связана с проявлениями человека как индивидуальности. Чем выше уровень развития интерпретирующей способности личности, чем объемнее и сложнее коммуникативная компетенция, тем личность более уникальна, а, следовательно, более индивидуально ее поведение. Мотивирующая функция обусловлена свойствами смыслов, присваиваемых человеком в процессе интерпретации. Смыслы, ставшие личностными, формируют потребности, интересы, ценности и в итоге перестраивают мотивационную сферу личности. Креативная функция обусловлена эффектом приращения смысла, возникающим в процессе интерпретации во время перекодирования информации (Ускова, 2007, с. 13–14).

С психологической точки зрения индивидуальный характер интерпретации определяется не только свойствами личности, например, читателя. Важную роль играет тип познавательной активности: те вопросы, которые он ставит не столько автору произведения, сколько самому себе. Для понимания текста нужна встречная мысль, которая выражается в вопросах. Как убедительно показано в диссертации О. А. Арутюнян, посвященной пониманию философского текста, ответы на вопросы помогают человеку решить собственные проблемы, которые возникли у него до чтения. Задавая вопросы, читатель получает различные ответы – творит смыслы. В результате получается, что понять мысль автора – значит породить собственную мысль по поводу мысли Арутюнян (2007).

Существует вид интерпретации, который нельзя игнорировать, обсуждая герменевтическую исследовательскую традицию, это *самоинтерпретация*. Она основана на вопросах, обращенных субъектом к себе, своим знаниям и эмоциональному опыту. Ответы на вопросы, безусловно, имеют отношение к самопознанию и самопониманию, но главная их цель – понимание того, что говорит (пишет, показывает) партнер по диалогу. Исследования самоинтерпретации сегодня являются одним из интересных и перспективных направлений психологической науки. Как показывают эксперименты, в человеке сосуществуют три «конструкта» – зависимая, независимая и метаперсональная самоинтерпретация, т. е. совокупность мыслей, чувств и действий субъекта, характеризующих соотношение Я с другими людьми и отличие Я от них (Singelis, 1994; DeCicco, Stroink, 2007; Mara, DeCicco, Stroink, 2010). При независимой самоинтерпретации испытуемые склонны, в первую очередь, учиты-

вать свои возможности, личностные черты и цели. Думая о других, они, прежде всего, принимают во внимание их индивидуальные характеристики. Вместе с тем, когда люди с высокоразвитой зависимой самоинтерпретацией думают о себе, то всегда помнят о том, что они неразрывно связаны с другими. Главными условиями формирования самоуважения субъектов с зависимой самоинтерпретацией являются гармоничные межличностные взаимоотношения и возможность приспосабливаться к различным социальным ситуациям (Singelis, 1994).

Метаперсональная самоинтерпретация направлена на выход за пределы внутреннего мира субъекта. Она направлена на осознание более широких сторон человеческого бытия – рассмотрение себя как частицы человечества, жизни, космоса. В процессе метаперсональной самоинтерпретации субъект осознает, что человеческую сущность можно постичь, обратив взор не только внутрь себя, но и на психологические особенности других людей, общество и универсум. Метаперсональное порождается универсальным фокусом: таким взглядом на себя и мир, который включает всю природу и жизнь в Я-концепцию субъекта. Уровень развития метаперсональной самоинтерпретации у людей положительно связан с высокой толерантностью к неопределенности, низким уровнем тревожности, более частыми проявлениями способности прощать. Последнее не удивительно, потому что прощение связано с пониманием, а понимание других является внутренней составляющей понимания себя. Вместе с тем уровень развития метаперсональной самоинтерпретации отрицательно коррелирует со склонностью к расизму. Такая самоинтерпретация не связана с традиционными религиозными убеждениями, значимостью для человека религии и религиозных обрядов, но связана с духовностью (в этом контексте она определяется как совокупность личностных мотиваций, норм поведения, ценностей и установок, направленных на поиск экзистенциального понимания жизни, ее смысла и цели) (DeCicco, Stroink, 2007). Высокий уровень метаперсональной самоинтерпретации более связан с высоким уровнем эмоционального интеллекта, чем высокий уровень независимой и взаимозависимой самоинтерпретации. Он также более значимо связан с субъективным благополучием: самооценкой жизни, включающей как внутренние (эмоциональное состояние, согласие с собой), так и внешние источники (качество общения, гармоничность отношений, социальные обязательства) (Mara, DeCicco, Stroink, 2010). Метаперсональный Я-конструкт чело-

века также является чувством идентичности, которое в социальной жизни неразрывно связано с самопониманием субъекта.

Обобщая, можно утверждать, что интерпретация – это способ понимания, порождения субъектом смысла понимаемого. Понимание всегда включает в себя потенциальную возможность разных типов интерпретации содержания понимаемого, т. е. рассмотрения его с разных точек зрения. Неудивительно, что понимание одних и тех же высказываний в диалоге, текстах, социальных ситуаций оказывается неодинаковым при их интерпретировании преимущественно на основе знаний, установок автора или читателя, а также зависимой и независимой самоинтерпретации партнеров по общению. Стремление искать адекватные способы истолкования психологических и социокультурных феноменов неизбежно приводило психологов к размышлениям о сходстве и различии конкретных научных проблем интерпретации с теорией, методологией и методами герменевтики.

Герменевтика в основном направлена на интерпретацию таких событий и явлений, которые не только происходят в мире человека, но и порождаются, конструируются людьми. Закономерности, регулирующие ход событий, соотносятся со смыслами, ценностями и выражаются в предписывающих нормах и соглашениях. Теоретическая и методическая направленность герменевтики проявляется в ее тематике: проблемах двойственности смысла символа; первичности языкового описания, впоследствии принимаемого за данность, объективную реальность; соотношении смысла и противосмысла и т. п. Вместе с тем очевидно, что наиболее перспективным направлением развития герменевтики следует признать идею взаимодополнительности логико-гносеологического и ценностно-смыслового начал интерпретации. Такая идея требует перехода от представлений о беслично-объективных основаниях интерпретации к изучению ценностно-смысловой позиции и видов активности понимающего субъекта. Соответственно это означает расширение междисциплинарных связей между психологией и герменевтикой.

В психологии типичными, выполненными в рамках герменевтической традиции, являются работы В. А. Лабунской, посвященные интерпретации невербальных признаков поведения (Лабунская, 2009), А. А. Пузыря, который проиллюстрировал два вида интерпретации на примере анализа Л. С. Выготским трагедии о Гамлете (Пузырей, 2005). Безусловно, перспективным и интересным является и недавний цикл исследований Н. К. Радиной, направленных на эксплика-

цию самих оснований герменевтики в психологической науке (Ради-на, 2014; Ради-на, Поршне-в, 2014). С позиций психологии понимания в герменевтической традиции, во-первых, понимание взаимно до-полнительно по отношению к объяснению, во-вторых, герменевти-ка дает психологам ключ к разрешению проблемы сочетания коли-чественных методов исследований с качественными (объективности анализа данных и субъективности их интерпретации). Сегодня в пси-хологии существует разрыв между аналитическим и холистическим способами рассуждений. При использовании количественных мето-дов исследований психологи обычно сосредотачиваются на объясне-нии частей изучаемого, тогда как при качественных подходах ученые сфокусированы на понимании целого. Для герменевтической тради-ции центральным является герменевтический круг, описывающий взаимообусловленность объяснения и интерпретации, с одной сто-роны, и понимания – с другой. Двусторонняя направленность гер-меневтического круга (отдельное может быть понято только из цело-го, но и для понимания целого необходимо понять его части) вполне может способствовать преодолению дизъюнктивности аналитичес-кого и холистического стилей мышления ученых, понимающих мир субъектов (Domenici, 2008; Sandage et al., 2008).

Экзистенциальная традиция исследования психической реаль-ности проявляется в направленности ученых на анализ вариантов порождения опыта, имеющего смысл для субъекта. Экзистенциаль-ные компоненты психики – это не столько конкретно-ситуативные ее составляющие, сколько бытийные, относящиеся к смысло-жизненным ориентациям. Они связаны с пониманием субъектом себя в ре-альных ситуациях человеческого бытия. В бытийном плане смыс-ложизненные ориентации имеют для каждого человека не только конкретное адаптационное значение, но и более глубокий экзистен-циальный смысл. К «пониманию себя в мире», «экзистенциальным размышлениям о себе» субъект приходит благодаря ретроспектив-ному и антиципирующему интересу к своему внутреннему миру. Они направлены на поиск смысла своего существования, своих по-ступков и мысленный выход за пределы не только конкретной ком-муникативной ситуации, но и собственной жизни, включение ее в иную систему координат, в которой жизнь наделяется смыслом. Экзистенциальные составляющие психики воплощаются не столь-ко в научно достоверных знаниях и познавательной деятельнос-ти, сколько в смыслах и приобщении к разнообразным ценностям. С этой точки зрения понять – значит приобщиться к понимаемому,

представляющему определенную ценность для понимающего субъекта и соотносенному со смысловыми образованиями его личности.

В экзистенциальной традиции проблема соотношения знания и понимания ставится иначе, чем в когнитивной и герменевтической. С когнитивной точки зрения знание, в котором отражается внешний и внутренний мир, служит человеку основанием для рациональной деятельности. Понимание не только основывается на знании. Понимание порождается умственным действием: путем выхода за пределы содержания знания, включения его в некоторый уже известный понимающему субъекту и актуализуемый им из памяти контекст. Как следует из трудов мыслителей эпохи раннего Возрождения (Кузанский, 2000), контекст нередко оказывается принципиально непознаваемым, существующим как некое непостижимое и неизреченное единство человека с миром. Затем применительно к проблеме понимания это направление мысли продуктивно развивается в русской философии. В частности, у А. С. Хомякова под пониманием «имеется в виду не понимание чего-то и даже не абстрактная способность понимать, а понимание в качестве всеединства, в качестве самопонимающего Бытия, которому, однако, не присуще сознание и самосознание» (Холодный, 2004, с. 22). Разумеется, русский мыслитель не полагает, что у понимающего субъекта отсутствуют сознание и самосознание. Его цель иная: доказать, что первоосновой познания действительности является такое непосредственное и иррациональное понимание, которому не свойственно отчуждение от себя и рефлексии своих оснований.

В основе экзистенциальной интерпретации понимания лежит неоднократно высказываемая многими философами мысль о трудности постижения и даже неуловимости истины для разума. Главная причина интеллектуальной непостижимости истины заключается не только в ее неисчерпаемости и бесконечности, но и в несказанности. Истина оказывается гораздо больше, выше, масштабнее всего, что можно поименовать, высказать словами. Однако «ученое незнание», характеризующее гениев (невольно вспоминается Ньютон, сравнивавший себя с мальчиком, перебирающим камешки на берегу океана познания), основано на рефлексии мысли о том, что в неосознаваемости истины всегда в свернутом виде, неявным образом содержится знание о ней.

Учитывая сказанное, неудивительно, что с экзистенциальной точки зрения задача понимания для субъекта состоит в том, чтобы интуитивно постичь целое еще до ясного осознания его частей.

Процесс понимания, предшествуя знанию, порождает плохо осознаваемый понимающим субъектом контекст понимаемого. И чем отчетливее человек осознает ограниченность своего знания, его слитность с непознаваемым контекстом, тем, как это ни парадоксально, он осмысленнее им оперирует. «Осмысленно оперировать знанием, одновременно отдавая себе отчет в принципиальной невозможности „знания о знании“, в состоянии только тот, кто воспринимает его вместе с непознаваемым контекстом, т. е. *не зная, понимает*» (Бакеева, 2004, с. 42).

Для средневековых мыслителей специфика такого понимания, отличная от представлений современных когнитивистов, была неразрывно связана с исповеданием веры. Понимание считалось основанным на действии отрицания знания и восхождения к неизреченному единству человека с Богом. Сегодня с позиции психологии человеческого бытия важно подчеркнуть, что восхождение осуществляется не путем усилий рационального мышления, а всем существом человека, воспаряющего к высшим духовным устремлениям и поднимающегося над смыслом отдельных слов понимаемого высказывания или письменного текста. Если субъект хочет проникнуть в суть дела, то ему нужно не задерживаться на буквальном значении отдельных слов и выражений, а стараться постичь целое.

«Требование „подняться пониманием над смыслом слов“ здесь не просто метафора, но призыв к действительному выходу в некое пространство – „пространство понимания“. Этот выход, таким образом, становится возможным только как бытийный акт, а не как мыслительная операция. Понять какое-либо высказывание означает здесь воспринять непостижимый максимум именно в том ракурсе, который и характеризуется данным высказыванием. В силу этого понимание выступает не как процесс усвоения смысла знания, но как выход в ту область (на границу знания), в которой содержатся, а вернее сказать рождаются, все возможные смыслы вообще. Именно это „пространство возможных смыслов“ и является одновременно основной проблемой, целью и результатом „науки незнания“ Николая Кузанского» (Бакеева, 2004, с. 40).

Для экзистенциальной парадигмы исследования психики типичным является понимание-постижение ситуаций человеческого бытия. Понятие «постижение», с одной стороны, по объему и содержанию является более широким, чем категории «познание» и «интерпретация». Однако, с другой стороны, оно является и значительно более размытым, трудно уловимым и поддающимся вербальному

объяснению. Основная причина этого в том, что феномен постижения является неотъемлемой частью человеческого бытия, экзистенции, не поддающейся рефлексивному анализу. Еще С. Кьеркегор противопоставлял свое мировоззрение картезианской уверенности в том, что бытие пронизуемо для мышления и, следовательно, может быть описано в понятиях. Он утверждал, что экзистенция есть то, что всегда ускользает от рационального понимания.

В современной экзистенциальной традиции экзистенция рассматривается как такое «внутреннее» в человеке, которое постоянно переходит во внешнее предметное бытие. Обретение экзистенции предполагает выбор, посредством которого человек переходит от созерцательно-чувственного способа бытия, детерминированного внешними факторами среды, к самому себе, единственному и неповторимому. Человеческое бытие по своей сути таково, что непрерывное развертывание мысли в нем оказывается невозможным. Получается, что человеческое бытие нередко оказывается чуждым мышлению. Доводя эту мысль до крайности, экзистенциалисты даже утверждают, что существование не позволяет мыслить (Больнов, 1999). Главенствующую роль играет не мышление, которое они понимают как логическое, рациональное, а постижение, основанное на интуиции, переживании, неосознаваемом знании.

Экзистенциальные представления о роли мышления в бытии существенно обогащаются благодаря результатам психологических исследований. Особенно значимый вклад в анализ соотношения осознаваемого и неосознаваемого в психике внесли выдающиеся отечественные психологи О. К. Тихомиров и А. В. Брушлинский. Тихомиров, развивая смысловую теорию мышления, установил, что в мыслительной деятельности важное значение имеют не только рефлекслируемое субъектом знание, но и невербализованные операциональные смыслы, установки, эмоциональные предвосхищения (Тихомиров, 1981). Брушлинский, осуществляя микросемантический анализ личностного и процессуального планов мыслительной деятельности, показал их отношение к сознанию и бессознательному. Он писал: «Мышление в личностном своем аспекте осуществляется в основном, но не полностью на уровне сознания, а мышление в процессуальном аспекте формируется преимущественно, но не полностью на уровне бессознательного (отчасти на уровне интуиции)» (Брушлинский, 2006, с. 549). Оба названных психолога были разносторонне образованными, философски грамотными учеными. Естественно, что их исследования основывались не только

на психологических данных, но и на методологических основаниях развития научного познания. Неудивительно, что сегодня в их публикациях легко можно обнаружить заметный вклад, который они внесли в развитие всех трех традиций изучения психики – и когнитивной, и герменевтической, и экзистенциальной.

В экзистенциальной традиции проблема соотношения знания и понимания ставится иначе, чем в когнитивной и герменевтической. С когнитивной точки зрения знание, в котором отражается внешний и внутренний мир, служит человеку основанием для рациональной деятельности. Понимание не только основывается на знании, оно порождается умственным действием, интерпретацией. Это происходит посредством выхода за пределы содержания знания, включения его в некоторый уже известный понимающему субъекту и актуализуемый им из памяти контекст.

В экзистенциальной традиции контекст нередко оказывается принципиально непознаваемым, существующим как некое непостижимое и неизреченное единство человека с миром. Психологам давно и хорошо известны понятия «скрытого знания», «молчаливого знания», «имплицитного знания». Все они характеризуют принципиальную невозможность вербализации всего того, что мы знаем. И «вследствие молчаливого характера нашего знания мы никогда не можем высказать все, что знаем, точно так же как по причине молчаливого характера значения мы никогда не можем в полной мере знать всего того, что имплицировано нашими высказываниями» (Полани, 1985, с. 140).

Итак, изучая понимание-постижение, современным ученым, разумеется, нельзя ограничиться только историко-философским анализом основных положений экзистенциального подхода – нужны более конкретные психологические данные. Предпосылки для выявления бессознательных и интуитивных компонентов понимания-постижения есть в работах А. В. Брушлинского, связывавшего интуицию с неосознаваемой активностью субъекта, а также некоторых других психологов. Очевидно, что такие исследования методически очень сложны, но, безусловно, необходимы.

4.4. Способы понимания: парадигматический, нарративный, тезаурусный

В разных реальностях у понимающего субъекта реализуются неодинаковые способы понимания. В эмпирической реальности это парадигматический способ, отчетливо проявляющийся в когнитив-

ной традиции психологических исследований. В социокультурной реальности, на исследование которой ориентирована герменевтическая традиция, основным оказывается нарративный способ понимания. Понимая экзистенциальную реальность, мы используем преимущественно тезаурусный способ. Проанализирую три указанных способа подробнее.

Парадигматический способ понимания мира. В 1986 г. Дж. С. Брунер выделил два способа мышления и понимания испытываемыми мира – парадигматический и нарративный (Bruner, 1986). Приверженцы парадигматического логико-научного способа склонны искать доказательства истинности суждений как их соответствия эмпирическим фактам. Их аргументация приобретает убедительность с помощью строгих правил, определений и положений. Парадигматический метод доказательства требует объяснения, основанного на предсказуемости, проверяемости и воспроизводимости. Парадигматический способ рассуждений является научным методом использования логической аргументации, классификации и предсказания. «Хорошие» парадигматические объяснения – те, которые соответствуют последовательному и детальному анализу действительности (Adler, 2012).

Дж. С. Брунер не только осуществил научный анализ парадигматического способа понимания мира, но и эмпирически выделил тип людей с таким типом осмысления окружающей действительности. Таких людей можно обнаружить в самых разных сферах социальной жизни. Приведу типичный пример: «Жизнь Сайкса была расписана по минутам, ибо он терпеть не мог терять время зря. Он даже в уборную ходил, прихватив с собой что-нибудь почитать. Развлечения его тоже были тщательно продуманы, будь то чтение или выбор телепрограммы. Он был так педантичен, что приходил в ярость при виде актеров с длинными волосами, игравших солдат. Не меньшей точности деталей он требовал от пьес и романов. Его жена устала спрашивать, зачем он смотрит телевизор, если каждые две минуты возмущенно взрывается, заметив очередную нелепость. В этой книге то-то написано небрежно и непрофессионально, частенько говорил он, но, каких стандартов он придерживается, так и не было ясно. Словом, он не доверял воображению. Решения должны основываться только на доказанных фактах. Для него прагматизм был всегда выше абстрактных идей. Ведь жизнь не очень-то нуждается в них (Бивор, 1987, с. 32).

Однако сказанное выше не означает, что парадигматические рассуждения – это порождение исключительно логического мыш-

ления. Дж. С. Брунер подчеркивает очень важный момент: «Творческое применение парадигматического способа мышления обеспечивает построение хорошей теории, глубокий анализ, логическую достоверность, убедительную аргументацию и построение разумных гипотез. Однако парадигматическое „воображение“ (или интуиция) не является тем же самым, что воображение писателя или поэта. Скорее, это способность увидеть возможные формальные связи прежде, чем человек будет в состоянии доказать их каким-то формальным способом» (Bruner, 1986, p. 12). Такое интуитивное видение связей отражает потенциальную возможность познающего и понимающего мир субъекта реализовать в процессе перехода от содержания (значения) к смыслу (пониманию) не только осознаваемые логические компоненты рассуждений, но и неосознаваемые, уходящие корнями в мотивационно-потребностную сферу целеобразования и смыслопорождения.

В наше время психологи применяют парадигматический анализ, например, для исследования психологических закономерностей решения мыслительных задач. Его целесообразно использовать в условиях решения хорошо определенных задач. Они характеризуются наличием четких способов проверки применимости тех или иных действий, направленных на достижение решения, а также однозначных критериев правильности полученного результата. При этом одним из исследовательских методов является построение парадигмы. «Подобное систематическое описание вариантов решения текстовой алгебраической задачи позволяет упорядочить решения одной и той же проблемной ситуации и сравнить между собой организацию процесса решения различных задач» (Спирidonov, 2012, с. 148). Парадигма предназначена для структурирования данных о задаче и задания обобщенного направления ее решения. «Парадигма включает в себя и упорядочивает все корректные уравнения, с помощью которых можно решить данную текстовую алгебраическую задачу. Она также позволяет сопоставить структуру различных алгебраических задач между собой в силу общности структурных элементов подобных проблемных ситуаций – числовых показателей и функциональных связей» (там же, с. 150).

Для психологии понимания принципиально важно, что парадигматический способ неразрывно связан с «когнитивным бессознательным» (Пиаже, 1996). Психологу-исследователю эта связь напоминает о существовании целостного континуума способов

понимания мира: от парадигматического к нарративному и затем к тезаурусному.

Особенно ясно континуум, неразрывная связь рационального и иррационального просматривается в когнитивно-опытной теории личности (CEST) С. Эпштейна (Pacini, Epstein, 1999; Epstein, 2003; Norris, Epstein, 2011). Согласно этой теории, у человека есть два стиля мышления и, соответственно, две системы обработки информации – опытная и рациональная (Epstein, 2003). Рациональная система основана на понимании человеком закрепленных в культуре правил рассуждения. Рациональная система – сознательная, относительно медленная, аналитическая, преимущественно вербальная, имеющая короткую эволюционную историю. Система, основанная на опыте, бессознательная, быстрая, автоматическая, целостная. Она, как правило, невербальна, тесно связана с аффективным, с длинной эволюционной историей. Опытная система отражает мир конкретным, ситуативно специфическим образом, а рациональная система обрабатывает информацию о событиях и ситуациях более абстрактно и обобщенно.

Опытная система основана не на логике, а на прошлом опыте. Она функционирует быстро, неосознанно, автоматически и требует минимального расхода когнитивных ресурсов. Эта система кодирует информацию в виде эмоциональных воспоминаний об отдельных событиях. Когда человек реагирует на эмоционально важное событие, опытная система автоматически и мгновенно ищет в памяти связанные с ним события, а актуализованные воспоминания и чувства влияют на его поведенческие реакции. Если вспомнились позитивные чувства, то человек автоматически думает и действует так, чтобы повторить их; если негативные, то проявляется тенденция к избеганию повторного появления этих чувств. Следует подчеркнуть, что такие действия в опытной системе происходят автоматически, и мы, как правило, о них не знаем. Опытная система ассоциативна: она автоматически соотносит результаты с предыдущими ситуациями и поведением, рассматривая их так, как будто они обусловлены причинно-следственными связями.

В отличие от опытной системы рациональная основана на понимании субъектом правил и рассуждений с доказательствами. Эта система осознанна, аналитична, она работает медленно, с энергозатратами и требует большого количества ресурсов. Рациональная система является аналитической, оценивающей причинно-следственные связи в соответствии с логическими правилами. Рациональ-

ность прямо пропорционально связана с позитивными базовыми представлениями о мире, осмысленностью жизни, представлениями об управляемости мира, а также способностью осуществлять контроль над ним. Рациональность также связана с добросовестностью, открытостью, либеральностью и отсутствием категоричного мышления. Следовательно, описание человека с рациональным типом мышления включает в себя эмоциональную уравновешенность, позитивный взгляд на себя и мир, способность к самоконтролю и контролю над происходящими событиями. Рациональный человек имеет гибкое мышление, либеральные ценности, обладает способностью отсрочивать непосредственное получение удовольствий, брать на себя ответственность. В противоположность этому описание человека с высоким уровнем опытного типа мышления включает эмоциональность, терпимость, доверие к другим людям, открытость и интуицию. Интуиция связана с экстраверсией, эмоциональной экспрессией, отсутствием категоричности в мышлении и принятием других людей.

Эти два типа мышления ортогональны, т. е. возможна картина, при которой у одного человека будут высокими оба типа мышления или, наоборот, ни один из них не будет высоко развит. Обе системы являются интерактивными, влияющими друг на друга. На первый взгляд, кажется, что рациональная система, использующая язык и мышление, лучше опытной, однако это не так. Существуют действия, для решения которых не требуется разум, он только затрудняет действие и увеличивает время реагирования. Например, простой переход улицы. Опытная система имеет также и другие достоинства, в том числе способность решать некоторые виды проблем, которые рациональная система решить не может. Путем целостного реагирования опытная система приспособительным образом может отвечать на реальные жизненные проблемы, которые слишком сложны, чтобы разбираться в их компонентах.

С. Эпштейн обсуждает две системы как присущие человеку два взаимно дополняющих друг друга стиля мышления. Развивая когнитивно-опытную теорию личности (CEST) и обсуждая конструктивную валидность нового варианта описывающего ее опросника, он пишет, что опытная шкала включает в себя интуицию, эмоциональность и воображение. По результатам опросника можно говорить о половых различиях: у женщин оказываются более высокими, чем у мужчин, оценки именно по этим субшкалам (интуиции, эмоциональности и воображения). Если рассуждать более обобщенно

и учитывать только два независимых фактора, то видно, что у мужчин более выраженным является рациональный стиль мышления, а у женщин опытный (Norris, Epstein, 2001). Вместе с тем есть основания предполагать, что с возрастом соотношение между двумя системами изменяется и «удельный вес» рациональной системы возрастает (Epstein, 2003).

В российской психологии Т. В. Корнилова применяет теорию С. Эпштейна и адаптирует его опросник, в частности, в исследованиях выраженности интуитивных и дискурсивных аналитических компонентов процесса порождения вербальных мыслительных прогнозов (Корнилова, Корнилов, 2013). Она с коллегами развивает идеи о двух познавательных стилях – рациональном, понимаемом как склонность субъекта принимать решения на основе тщательно обдумывания и развернутой ориентировки в ситуации, и интуитивном, интерпретируемом как готовность полагаться на интуицию при принятии решений и выборе действий (Корнилова, Степаносова, Григоренко, 2006).

Социокультурный и психологический контексты человеческого бытия долгое время остаются в фокусе внимания ученых самых разных специальностей. В последние годы в человекознании все чаще проявляется тенденция сочетания использования пространственных, энергетических, механических метафор с метафорами, ранее применявшимися исключительно в гуманитарных дисциплинах: игра, роли, ритуал, драма и т. п. Типичный пример – драматургический подход И. Гофмана, изучающего, как презентация субъекта себя другим людям, принятие на себя разных ролей в разнообразных ситуациях осуществляется в непрерывном процессе воспроизводства личного самосознания в социуме (Гофман, 2000). Среди базовых понятий, интенсивно используемых в современном человекознании, одной из центральных является нарратив (Сарбин, 2004). Неудивительно, что нарративный принцип субъектной организации знания играет заметную роль в современных психологических исследованиях. В 2005 г. на русском языке была опубликована принципиально важная для развития методологии гуманитарного познания работа Дж. Брунера «Жизнь как нарратив» (Брунера, 2005).

Нарративный способ понимания мира. В результате психологических исследований известно, что люди склонны упорядочивать информацию о мире в простые, понятные и предсказуемые когнитивные модели. Для этой цели используются схемы, эвристики, скрипты и другие средства, которые помогают человеку организо-

вать противоречивую информацию о мире и свести к минимуму усилия по ее обработке. Наиболее общей формой систематизации информации в социогуманитарных науках принято считать нарратив. Нарративный принцип (Сарбин, 2004) выражает способность и склонность субъекта упорядочивать, казалось бы, случайные факты и явления в непротиворечивую последовательность событий. Последовательность представляет собой связную и законченную историю. «Связанным является тот рассказ, который имеет четкую структуру повествования с началом, серединой и концом. В согласованных повествованиях есть конкретные, очевидные темы, и они легко понятны читателю» (Lodi-Smith et al., 2009, p. 680). Нарративное повествование отвечает на вопросы «что произошло?» и «как все это было?». Для психолога нарративный принцип характеризует не столько событийную структуру того, о чем человек рассказывает, сколько тип интерпретации. Это один из возможных способов организации фрагмента мира субъектом, проявляющийся в том, что он видит и как излагает историю. «Нарратив не является описанием реальности, он представляет собой „инструкцию“ по ее определению и пониманию, средством, благодаря которому интерпретация определенных эпизодов вызывает их к существованию в качестве понятных в определенной культуре, осмысленных событий» (Кутковая, 2014, с. 29).

Во многих научных публикациях нарратив неправомерно отождествляется с повествованием, рассказыванием историй, описанием событий. В этой связи одну из главных задач я вижу в том, чтобы выделить признаки, указывающие на нетождественность нарратива и простых дескрипций, описательных высказываний.

Во-первых, следует ясно осознавать: когда мы говорим о нарративе, то имеем в виду структуру самого повествования или способ организации мышления рассказчика, который определяет разные варианты интерпретации событий и, соответственно, порождения, а не отражения рассказа о том, «как это было». Для психологических исследований более значимым чаще оказывается второе: нарративная организация знаний и опыта субъекта определяет схемы познания и понимания мира. Нарративная организация определяет то, как люди рассказывают истории, описывающие превратности человеческого бытия, и включает правила структурирования событий, т. е. способы конструирования реальности рассказчиком. Это отражено, в частности, в пятикомпонентной модели нарративного понимания событий Р. А. Зваана (Zwaan 1999). В современной пси-

хологии представления о нарративе как организующем принципе, лежащем в основе человеческих действий и поступков, развиваются Т. Р. Сарбином, К. Дж. Гергеном и другими учеными (Сарбин, 2004; Gergen, Gergen, 1986). Кроме того, такая интерпретация обсуждаемого понятия указывает на необходимость субъекта как некоторой опосредующей инстанции изложения.

Во-вторых, понятие «нарративный» следует противопоставить терминам «дескриптивный» и «описательный». «Описательность противоположна нарративности в широком смысле. В описательных текстах излагаются статические состояния, рисуются картины, даются портреты, подытоживаются повторяющиеся, циклические процессы, изображается социальная среда или классифицируются естественные или социальные явления по типам, классам и т. п. Описательные тексты изображают, как правило, лишь одно состояние» (Шмид, 2008, с. 18). В теоретическом смысле динамическая изменчивость психики субъекта была аксиомой для А. В. Брушлинского. На эмпирическом уровне связь лонгитюдных личностных изменений и нарративных рассказов о своей жизни убедительно обоснована в исследовании Дженифер Лоди-Смит с соавт. (Lodi-Smith et al., 2009). Для психолога, анализирующего, например, поступки людей, нарративными в подлинном смысле слова являются тексты, в которых излагается некое изменение состояния. В поведении человека изменения закономерны и неизбежны: как отмечает Д. П. Макадамс, они следуют из интенциональности человеческой психики. «Практически во всех „понятных“ историях люди или подобные им существа действуют, чтобы достичь своего намерения, в результате чего появляется последовательность событий или реакций, существующих во времени как сюжет» (Макадамс, 2008, с. 140). Согласно нарративному подходу, событие – это ядро ситуации. Это предположение основано, во-первых, на том факте, что события – самые динамичные аспекты ситуации; во-вторых, на том, что каждая часть повествовательного текста, сюжетного рассказа обязательно описывает событие (Zwaan, 1990).

В-третьих, в науке исследовательская деятельность «не строится из высказываний констатирующего дескриптивного характера, описывающих предмет познания в нарративной практике „нейтральным“ образом. Нарративному повествованию предшествуют вопросы, проблемные ситуации, которые становятся специфическими ответами в разрешении противоречий наличного знания» (Яковлев, 2008, с. 30). Специфика нарративного способа понима-

ния определяется прежде всего вопросами, которые понимающий субъект ставит не столько рассказчику, сколько самому себе. Для понимания нужна встречная мысль, которая выражается в вопросах. Ответы на вопросы помогают человеку решить собственные экзистенциальные проблемы, которые возникли у него до начала слушания или чтения рассказа.

В-четвертых, при нарративном понимании субъект разбивает части описываемой в тексте ситуации на события. Во время понимания он связывает события, по меньшей мере, по пяти ситуационным признакам: времени, пространству, причинности, мотивации и главному действующему лицу. Если событие, обрабатываемое в данный момент, по определенным признакам совпадает с событием, находящимся в памяти, тогда между ними устанавливается связь, которая переходит в долговременную память. Совпадение обусловлено наличием общих признаков у двух событий (Zwaan 1999).

Нарративное понимание событий сознательным или неосознаваемым для понимающего субъекта образом всегда основывается на изложенных выше теоретических положениях. Кратко перечислю основные признаки нарративного способа понимания.

1. Нарративное понимание основано на убеждении субъекта в том, что любую ситуацию человеческого бытия можно интерпретировать многими способами. Это следствие обоснованного сомнения в существовании «объективных», не зависящих от точки зрения рассказчика историй, происходящих с людьми. Вера в то, что существует некая реальная история, только ждущая своего раскрытия до нарративного процесса, является не чем иным, как онтологическим заблуждением, потому что рассказ о событиях человеческого бытия уже с начала повествования начинает изменять сам ход жизни субъекта. В жизни человека нарративы как схемы порождения смыслов событий сами одновременно являются инструментами конструирования важнейших качеств субъекта, например, идентичности (Зайцева, 2016). Обобщая, можно сказать, что эти инструменты люди используют для придания смысла миру, в котором мы живем.
2. При нарративном понимании субъект сознательно и целенаправленно старается структурировать события таким образом, чтобы в повествовании присутствовали смысл движения (связанность или последовательность) и цель, или ценност-

ный конечный результат. Создаваемая субъектом нарративная конструкция должна представлять события в такой последовательности, чтобы достижение цели было более или менее правдоподобным. Описание событий безотносительно к цели рассказа не создает ни у рассказчика, ни у слушателя чувства адекватности повествования. Главная задача повествователя – развивать повествование по направлению к смысловому конечному результату, т. е. постоянно иметь в виду цель рассказа. Такие задачи нередко ставятся и в психологических исследованиях. Приведу пример нарратива как компонента процедуры изучения рефлексивной деятельности, направленной на конструирование смыслов сновидений: «Построение респондентом внутренне связанного рассказа о происходящем жизненном процессе, выражаемом в сновидении, с опорой на извлеченные смысловые единицы и объединение их в соответствии с сюжетом сновидения (самостоятельная интерпретация респондента). В конечном счете, респондент должен построить рассказ о происходящем и предложить ответ на следующий вопрос: „О чем повествует сновидение (т. е. реконструкция целостного сюжета), и какое это имеет отношение к происходящему в его жизни?“» (Кубарев, 2015, с. 89). В нарративном понимании последовательное движение от начала к концу повествования одновременно означает и рассмотрение их понимающим субъектом как такого целого, в котором он сразу может обозреть, увидеть мысленным взором оба полюса рассказа. Например, Л. О. Минк доказывает, что историк должен исследовать в своей работе то, что он называет конфигуративным пониманием различных элементов прошлого. Придерживаясь принципов конфигуративного понимания, исследователь стремится к интеграции событий, связывающих начало его исторического нарратива (описание того, что происходило) с концом. «В конфигуративном понимании окончание всегда связано с обещанием начала, так же, как начало с обещанием конца – и потребность в обратной референции отменяет, если можно так выразиться, случайность дальнейшей референции. Постигать временную последовательность означает думать об этом в обоих направлениях сразу; и, таким образом, время перестает быть рекой, которая несет нас по течению, а становится рекой, одним взглядом охватываемой в верхнем и нижнем течении с высоты полета» (Mink, 1987, p. 56–57).

3. Нарративное понимание диалогично, оно всегда предполагает наличие понимающего субъекта: такие термины, как «рассказчик» и «слушатели», создают ложную картину разделения на активного повествователя истории и пассивную группу реципиентов. В действительности слушатели всегда в каком-то смысле являются соавторами (Coates, 2001). Индивидуальный характер нарративного понимания определяется, прежде всего, теми вопросами, которые понимающий субъект ставит не столько рассказчику, сколько самому себе. Для понимания нужна встречная мысль, которая выражается в вопросах. Ответы на вопросы помогают человеку решить собственные проблемы, которые возникли у него до начала слушания или чтения рассказа. Задавая вопросы, субъект получает различные ответы – творит смыслы. В результате получается, что понять мысль автора – значит породить собственную мысль по поводу мысли автора (Арутюнян, 2007).
4. Нарративная сложность понимания проявляется во включении людьми в свои жизненные истории более разнообразных типов сюжетов. Известно, что «люди, находящиеся на относительно высоких стадиях развития Эго, приобретают более индивидуальный и нюансированный взгляд на собственный опыт, в то время как люди со слабым уровнем развития Эго видят свой опыт более „черно-белым“, в более конформистских терминах» (Макадамс, 2008, с. 153). Субъекты, обладающие высоким уровнем развития Эго, в отличие от субъектов с низким, чаще осознают и вербализуют негативные события своей жизни. Для них рассказ о сложных жизненных обстоятельствах – это одновременно и повествование о произошедших положительных личностных изменениях (Roberts, Donahue, 1994). Нарративный способ понимания связан с психологическими особенностями личности повествующего субъекта. В частности, люди, чьи нарративы включают такое описание событий, которое начинается с негатива, но заканчивается положительно, характеризуются высоким уровнем удовлетворенности жизнью, чувством собственного достоинства, низким уровнем депрессии. У тех, чьи нарративы содержат последовательности событий, начинающиеся положительно, но заканчивающиеся ценностно и эмоционально отрицательно, преобладают противоположные психологические характеристики (McAdams, 2001).

Итак, нарративное понимание целенаправленно, непротиворечиво, правдоподобно, диалогически направленно. Такой способ понимания, хотя и основан на осознании субъектом множества альтернатив, проявляется в стремлении человека придерживаться какой-то одной версии описания событий, соответствующей индивидуальному способу смыслового структурирования понимаемого. Личностный смысл описания, повествования, рассказа не только сужает коридор возможностей, ограничивает их число, но и создает переход от прошлого к настоящему и будущему. Нарративный способ понимания событий человеческого бытия основан на какой-то одной принятой субъектом версии происходящего. Такое понимание непротиворечиво, правдоподобно, целенаправленно. В нарративном способе понимания заложено стремление понимающего субъекта (например, рассказывающего историю) достичь определенной цели, изложить события так, как, по его мнению, они происходили. Событийность и устремленность в будущее, пока еще не ставшее, – характерная черта нарративного способа понимания. Она отражает необратимость акта нарративного понимания: что понято, то уже свершилось и осталось в прошлом.

На рубеже веков методология науки содержательно обогатилась еще и тезаурусной парадигмой субъектной организации гуманитарного знания (Луков, Луков, 2008; 2013). В 2007 г. М. Н. Эпштейн творчески развил идеи нарративного подхода и описал два возможных способа жизнеописания человека в статье «Жизнь как тезаурус» (Эпштейн, 2007). К этому времени в российской науке тезаурусный подход стал рассматриваться как новая парадигма субъектной организации гуманитарного знания (Луков, Луков, 2008, 2013). Иллюстрируя тезаурусный способ написания автобиографий, Эпштейн упоминал книги М. Монтеня, Ф. Ницше, Р. Барта. Сегодня в качестве примера типично тезаурусной по построению и стилю изложения автобиографической прозы можно назвать интеллектуально глубокие воспоминания и размышления актрисы Аллы Демидовой (Демидова, 2010).

Тезаурусный способ понимания мира. Тезаурусная парадигма субъектной организации гуманитарного знания определяет иной способ понимания субъектом мира и себя в мире. «В наиболее общем виде тезаурус может быть определен как полный систематизированный свод освоенных социальным субъектом знаний, существенных для него как средство ориентации в окружающей среде, а сверх этого также знаний, которые непосредственно не свя-

заны с ориентационной функцией, но расширяют понимание субъектом себя и мира, дают импульсы для радостной, интересной, многообразной жизни. Тезаурусы, таким образом, представляют собой субъективно организованное гуманитарное знание» (Луков, Луков, 2008, с. 67). Иначе говоря, в тезаурусе каждого человека представлено не все знание о социальной и природной действительности, а только то, которое им освоено (освоенное – значит, осмысленное, понятое и ценное для субъекта). В частности, индивидуальный тезаурус культуры представляет не всю культуру, а только ту ее часть, которая усвоена, осмыслена, понята субъектом. Например, я мог где-то услышать или прочесть слова «дадаизм» (модернистское течение в искусстве, основанное на принципе разрушения образности) и «денситометр» (прибор для измерения степени затемнения фотографических материалов). Однако если сейчас я не могу определить их значение, не знаю, что это такое, то эти понятия не осмысленны, непонятны. Значит, они не входят в мой индивидуальный тезаурус. Человеческий мир состоит только из осмысленных, понятых фактов, событий, ситуаций: у каждого из нас свой уникальный «мир культуры», «мир науки», «мир детства» и т. п. Обычно в тезаурус не входит то, что не может быть понято либо по объективным причинам (я не могу понять текст на фарси, потому что не знаю этого языка), либо вследствие нежелания и субъективной незначимости (вряд ли в обозримом будущем я решу, что изучение фарси для меня жизненно важно).

Таким образом, в тезаурусе представлено человеческое бытие, освоенное, осмысленное понимающим субъектом, а понимание, по существу, представляет собой способ освоения бытия.

Отличие тезаурусного принципа построения знания от нарративного заключается в том, что «если нарратив описывает *историю* жизни, то тезаурус – ее *картину*» (Эпштейн, 2007, с. 49). Например, тезаурусные словари в отличие от энциклопедических описывают понятия не в алфавитном порядке, а на основе семантических, смысловых, ассоциативных и других связей. Такая же структура у индивидуальных тезаурусов, на основе которых мы понимаем мир («дедушка»: отец моего отца; родился в Челябинске, где много заводов; участвовал в войне, рассказывал о разрушенном Дрездене, в котором замечательная картинная галерея; он любил искусство, у нас дома нередко бывали жаркие споры по поводу новых спектаклей и выставок; красивый мужчина, на него заглядывались женщины, хотя роста он был небольшого, но, может, это и не важно?). При те-

заурусном понимании субъект отвечает себе на вопросы, отличные от вопросов при нарративном способе понимания: они направлены не столько на выяснение того, что произошло и как именно это происходило, сколько на то, *что это значило для понимающего*, какие субъективные смыслы и ценности актуализовались.

Проанализирую основные признаки тезаурусного способа понимания субъектом себя и мира.

1. Тезаурус – именно потому субъектная характеристика организации индивидуального знания, что оно получено в результате избирательной *активности* субъекта. В соответствии с когнитивным подходом к психологическому анализу понимания именно эта часть личностного знания, прежде всего, актуализуется при понимании. И только потом субъект обращает внимание на *новое* в разговоре, тексте, событии, ситуации. Иначе говоря, при тезаурусном понимании сначала актуализуется то, что уже было предметом осмысления и понимания, то, что имеет для субъекта определенную ценность. Затем внимание перекключается на новое, то, что еще только нужно осмыслить и понять. Приведу пример разговора супружеской четы пенсионеров.

Муж: Давай купим тебе новый ноутбук. Этот проработал уже 10 лет, он морально устарел: медленно загружается, у него слабый аккумулятор, маленькая память. Сейчас недорого можно купить новый, такой же по размеру, с лучшими характеристиками, его до конца жизни хватит.

Жена: Так ты считаешь, что я проживу только 10 лет?

Муж: Я сейчас говорю не о тебе, а о компьютере: у него больше память, быстрое действие, да и аккумулятора хватит на 5–6 часов.

Жена: Так что, я проживу только 10 лет? Нет, не нужен мне сейчас новый ноутбук. У меня на это лето другие траты запланированы, связанные с дачей. Газонокосилка нужна, например.

Высказывания женщины свидетельствуют о тезаурусном способе понимания ею обсуждаемой проблемы. Для нее продолжительность жизни является актуальной темой, об этом она уже неоднократно задумывалась, а покупка компьютера – нечто новое и явно не столь уж субъективно значимое.

2. В тезаурусе элементы связаны не логическими отношениями, а *ценностно-смысловыми*. Ценностно-смысловые ориентации выражают направленность индивидуального или группового

субъекта на такие значения и смыслы, образцы поведения, моральные и социальные нормы, которые он считает позитивно значимыми, благими, правильными (Луков, Луков, 2008). «Я запоминаю только свои душевные дискомфортные узлы или благодарность (редкую!) от общения с людьми. Больше ничего: ни стран, ни дат, ни событий» (Демидова, 2010, с. 8).

3. В тезаурусе принцип организации знаний – не упорядоченный алфавитный, а тематический и потому, на первый взгляд, хаотичный. Например, у актрисы А. Демидовой, судя по ее глубоким воспоминаниям и размышлениям, типично тезаурусный тип мышления и способ понимания мира. Она пишет: «У меня в записной книжке никто никогда не записан на ту букву, на которую нужно, – я записываю имена или фамилии чисто ассоциативно, а потом долго не могу найти нужный мне телефон. Учитель по вождению у меня значился на „П“ – я его записала как „Прохиндея“» (Демидова, 2010, с. 48).
4. При тезаурусном способе понимания событий нередко ведущую роль начинают играть *эмоциональные переживания* понимающего субъекта, возникшие у него в результате включения содержания понимаемого в прошлый экзистенциальный опыт. Например, увидев, что у героя кинофильма тяжело заболела мать, зритель может актуализовать переживания, связанные с болезнью своей матери. В результате понимание событийной канвы фильма оказывается «ушедшим» в далекое прошлое и отличным от понимания человека, сидящего на соседнем кресле. Это не только частный случай, но и общая закономерность, характеризующая значительную часть человечества. Как известно из гендерной теории субъекта (Жеребкина, 2007), внутренний приватный мир женского Я в автобиографиях сознательно или бессознательно противопоставляется автором биографии миру общепризнанных фактов. Вследствие этого вместо временной нарративной последовательности реализуется эмоциональная последовательность событий. В результате *внешняя событийность* якобы очевидных объективных фактов подменяется женской *внутренней аффектированной* автобиографией (Жеребкина, 2007, с. 223).
5. В построении тезауруса большую роль играют *ассоциации*. «Тогда я подумала, что память моя – ассоциативная. Как в вязании – одну петельку вытянешь, за ней потянется другая, может быть, даже другого цвета... И из этой мозаики памяти сложат-

- ся портреты людей, ведь я буду вспоминать не только себя» (Демидова, 2010, с. 15). Это высказывание не случайно, а закономерно, потому что оно отражает психологические механизмы тезаурусного понимания мира. И переживания, и ассоциативность порождения последовательности действий в поведении являются неотъемлемыми составляющими экзистенциального опыта и поведения понимающего мир субъекта. Это отражено в когнитивно-опытной теории личности (CEST) С. Эпштейна. Согласно его теории, опытная система изначально ассоциативна, ее работа строится по принципу ассоциативного соотнесения текущей ситуации с результатами предыдущего поведения субъекта (Erstein, 2003).
6. Тезаурусный способ понимания проявляется в склонности субъекта не к последовательному воспроизведению событий так, как они происходили, а к актуализации хотя и целостной, но мозаичной «импрессионистической» картины, состоящей из фрагментов. В тезаурусе тесно *переплетаются* и даже наслаиваются друг на друга *прошлое, настоящее и будущее*. Фундаментальное и созвучное психологии человеческого бытия основание закономерности такого переплетения представлено У. Эко: «Жизнь только в настоящем невозможна; мы постоянно скрепляем вещи и события клеим памяти – как личной, так и коллективной (история и миф). Мы отталкиваемся от рассказа о прошлом, когда, говоря «я», безапелляционно утверждаем, что являемся естественным продолжением человека, который (по свидетельству наших родителей или книги актов гражданского состояния) родился в определенное время определенного дня определенного года, в определенном месте. Из-за того, что человеку даны два вида памяти (индивидуальная память, благодаря которой мы знаем, что делали вчера, и коллективная память, которая осведомляет, когда и где родилась наша мать), часто происходит путаница и нам кажется, что мы присутствовали при рождении собственной матери (или матери Юлия Цезаря) так же, как „присутствуем“ в сценах из собственного прошлого опыта» (Эко, 2002, с. 247–248).
  7. Индивидуальные тезаурусы *культурно обусловлены*. С точки зрения психологии человеческого бытия истоки надличностного характера входящего в тезаурус экзистенциального опыта следует искать в его неразрывной связи с семиотическими ресурсами культуры. Культурная обусловленность опыта про-

является в самых разных психологических исследованиях, например, анализе женских автобиографий. Характерной особенностью женской автобиографии является апелляция к *личному*, экзистенциальному опыту, прежде всего, как гендерному опыту *группы* (Felman, 1993).

Итак, тезаурусный способ понимания основан на активности субъекта, его избирательной ценностно-смысловой направленности, фокусе на тематическом содержании, ассоциативных и эмоциональных отклонениях от главной темы, культурной обусловленности структуры знаний, служащих основанием понимания, и большом временном масштабе, в котором рассматриваются понимаемые события. Результатом тезаурусного понимания оказывается картина понимаемого, основанная на семантических, смысловых, ассоциативных, эмоциональных связях.

В соответствии с основными положениями тезаурусного подхода необходимо подчеркнуть, что тезаурус – это не только структура, в которой так или иначе организованы знания понимающего мир субъекта. Наши тезаурусы включают не только декларативные, но и процедурные знания, и потому в них воплощена возможность перехода от отражения мира к действиям, поведению в нем. Иначе говоря, тезаурус представляет собой не только упорядоченную структуру знаний, но и, прежде всего, основанный на ней способ понимания, не только знания, но и активность понимающего субъекта. Сама структура знаний изменяется в течение жизни человека: «Существенно то, что знаниевая система строится субъектом и несет на себе след восприятия этим субъектом себя и окружающей действительности, следовательно, и структура тезаурусного знания в большей или меньшей степени подвержена влиянию представлений субъекта о своем жизненном мире и ориентирована на картину мира» (Луков, Луков, 2013, с. 97).

Тезаурусный способ понимания мира присущ, конечно, не всем людям, но у некоторых он отчетливо выражен. В частности, как можно судить по телепередаче «Линия жизни» (10 октября 2015 г.), его осознанно или неосознанно применяет атташе по культуре посольства Литовской республики в России актер Ю. С. Будрайтис. Во-первых, как бы отрицая достоинство целенаправленности принимаемых человеком решений в экзистенциально значимых ситуациях, он говорил о большой роли в его жизни случайностей, неожиданностей. Он к ним всегда внимателен («я ими почему-то увлекаюсь»), и мно-

гие из них (например, увлечение фотографией) во многом определяют его дальнейшую жизнь. Во-вторых, такие люди больше ценят созерцание, чем событийную структуру к жизни: «Я ненавижу кино событийное. В нем быстро все меняется, быстро происходит: стреляют, убивают, что-то уничтожают – не успеваешь людей увидеть». В повседневной жизни они вольно или невольно воплощают в реальные поступки созерцательную направленность своего бытия: «Я люблю сидеть долго без занятия. Это я делаю чаще всего, встав в пять часов утра, а летом в три. И наблюдать, как появляется жизнь, как кругом все оживает, как из небытия обретаются предметы. Потом эти предметы окрашиваются в разные цвета, и приходит жизнь. А этого как будто не было только что, не было этой жизни, и вот она появилась. И я должен вписаться в эту жизнь, в этот цвет, в это проявление всего живого должен вписаться со своими проблемами. И там я должен существовать. Но никому нет дела до меня, потому что я – маленькая, маленькая песчинка, которая существует в этом мире, пространстве. Я вчера, встав очень рано, увидел в окне 20-этажное здание на Новом Арбате. Я вижу: там светятся окна и такая маленькая черточка шевелится, что-то там делает. Я начал думать: в такую рань кто там может быть? Там, видимо, служба, потому что там офис. Значит, кто? В первую очередь приходит уборщица, она так что-то убирает, наверно. Она там шевелится, изда- лека кажется, что это даже не человек. Это абсолютная пылинка. Так вот, мы все такие. Я так разговорился на эту тему, не знаю, почему...» («Линия жизни». 2015 г. 10 октября).

Таким образом, про тезаурусный способ понимания мира нельзя сказать, что в его психологическом основании лежат целенаправленность и событийность, скорее, не лежат.

Тезаурусное понимание напоминает герменевтический круг и предполагает, что путем включения понимаемого в новые ассоциативные связи возможно его переосмысление и качественно новое понимание. Для исследователя это означает не только психологическую характеристику тезаурусного способа понимания, но и указание на то, что его нельзя однозначно связывать только с личностными качествами понимающего мир субъекта – необходимо учитывать еще цели понимания.

Иногда в тех случаях, когда нам уже понятно целое, фокус нашего внимания перемещается на уточнение деталей. И тогда важнейшее значение начинают играть ассоциативные связи разных компонентов понимаемого с отдаленными и, казалось бы, даже

не связанными с понимаемым объектом событиями и ситуациями. Для меня типичным примером является написание этой монографии. Сначала я, условно говоря, сформировал ее фрейм, т. е. целостную схему соотношения психологии понимания и психологии человеческого бытия, создал целостную структуру книги. Затем в течение полугода обновлял, дополнял и расширял ее содержание. Побудительными толчками реорганизации четырех глав монографии обычно оказывались те книги и статьи, которые я читал. Ассоциативные связи их содержания с главными, а иногда и второстепенными идеями, которые я осмысливал, служили поводом для включения прочитанного в монографию. Именно таким путем в книгу попали рассуждения о духовных практиках, «пограничных реальностях», теории доменов социального знания, изменчивости критериев самооценки на высших ступенях самопонимания, трансформации понимающего субъекта, психологических механизмах понимания юмора и другие идеи.

Следовательно, тезаурусный способ понимания мира может характеризовать не только личностные склонности понимающего субъекта, но временные цели его деятельности.

4.5. Психологические основания понимания: знания и значения, мнения и смыслы, переживания и опыт

Понимание субъектом мира неоднородно: в разных реальностях оно строится на неодинаковых психологических основаниях. В эмпирической реальности такими основаниями являются знание и значение, в социокультурной – мнение и смысл, в экзистенциальной – переживание и опыт. Соответственно при психологическом анализе понимания человеком явлений, событий, ситуаций, относящихся к трем реальностям, ученые обращаются к различным доменам социального знания. Теория доменов социального знания (Lagattuta et al., 2010; Nucci, 1996; Richardson et al., 2012; Smetana, 2006) в современной методологии социогуманитарного познания занимает заметное место. Теория доменов предлагает модель того, как люди определяют, оценивают и согласуют области социального знания при вынесении суждений о социально значимых действиях. В теории выделяются три области – моральная, конвенциональная и персональная. Моральный домен социальных знаний включает вопросы справедливости, законности, права. Конвенциональный домен связан с традициями и обычаями. Персональный домен включа-

ет проблемы личного выбора, индивидуальной свободы действий. К. Б. Ричардсон с соавт. приводят примеры, связанные с различными областями знаний. Удар одним ребенком другого по голове во время игры, причинение неспровоцированного вреда относится к моральному домену. Разговор в классе без поднятой руки (нарушение правил поведения) – конвенциональный домен. Выбор в пользу необычно длинных волос является типичным примером личного выбора (персональный домен). Обнаружено, что дети, подростки и взрослые используют различный набор критериев, чтобы оценить нарушения моральных и конвенциональных норм. При этом оказывается, что люди рассматривают действия и ситуации, связанные с персональным доменом, иначе, чем связанные с моральным или конвенциональным (Richardson et al., 2012). Исторически так сложилось, что наибольший массив эмпирических исследований, направленных на обоснование теории доменов социального знания, представлен в психологии развития. В них показано, что в ходе интеллектуального и морального развития совсем маленькие дети опираются в основном на знания о себе (персональные знания). Дети постарше и многие взрослые ориентируются на общественные ожидания и общепринятые правила (конвенциональные знания). И лишь небольшое количество взрослых чаще всего руководствуются универсальными этическими принципами (моральные знания).

Основания понимания эмпирической реальности: знание и значение. На первый взгляд, это может показаться парадоксальным, но по формальным признакам строения и функционирования в мышлении и общении для описания понимания фактов эмпирической реальности наиболее подходящим является моральный домен социального знания. Моральный домен очень напоминает понимание-знание. Он включает не только знание правил и норм того, чего не следует делать, но также идентификацию действий, относительно которых люди могут обладать личной свободой и контролем. У морали и понимания есть общий базис – долженствование. Моральные действия и знания о них понимаются как обязательные, формально-нормативные и потому положительно оцениваемые всеми членами общества вне зависимости от обстоятельств. Нормативная заданность базовых моральных норм, их общечеловеческая значимость – это проявление объективности существования морали. С этой точки зрения мораль, несомненно, так же объективна, как факты эмпирической реальности. В свою очередь, психологические механизмы понимания неразрывно связаны с дол-

женствованием. Один из двух главных отличительных признаков этого феномена состоит в том, что понимание – это всегда процесс и результат сопоставления существующего с должным (другой признак – выход за непосредственные границы содержания понимаемого и включение его в более широкий контекст личностного знания). Неудивительно, что понимание морали как должного можно рассматривать как применимое прежде всего к моральному домену социального знания.

Кроме того, в отличие от нравственности конкретного человека, мораль как форма общественного сознания, включающая обобщенные представления о том, как можно и как нельзя вести себя в обществе, имеет для каждого человека значение, но не имеет личностного смысла. «Значение есть устойчивая система обобщений, стоящая за словом, *одинаковая для всех людей*, причем эта система может иметь разную глубину, обобщенность, широту охвата обозначаемых им предметов, но она обязательно сохраняет неизменное ядро – *определенный набор связей*» (Лурия, 1979, с. 53). Именно поэтому психологическим основанием понимания-знания понятий, описывающих факты эмпирической реальности, оказывается *одинаковое для всех значение, а не индивидуальный личностный смысл*. Это относится к понятиям пространства, времени, веса и др.

Психологам давно известно, что необходимость наличия у субъекта предварительных знаний об объекте понимания следует из мнемического условия: человек понимает только то, что он может соотнести со своими знаниями, прошлым опытом. Понимание также предполагает соотнесение понимаемого с контекстом. Отсутствие знаний, относящихся к понимаемому, часто становится главной причиной непонимания. Вот типичный пример. 24 марта 2015 г. пассажирский самолет, следовавший из Барселоны в Дюссельдорф, потерпел крушение в труднодоступном районе Альп на юго-востоке Франции. В катастрофе погибли 150 человек. По данным следователей, капитан воздушного судна вышел из кабины на несколько минут в туалет. Однако вернуться в кабину ему не удалось, так как дверь оказалась заблокирована изнутри. Командир настойчиво просил второго пилота Андреаса Любица открыть ему дверь. Когда второй пилот начал резкое снижение самолета по непонятным причинам, командир экипажа попытался взломать дверь и предотвратить катастрофу, однако сделать этого уже не успел. Бывшая подруга Любица рассказала в интервью немецкой газете Bild, что он планировал совершить «ошеломляющий поступок», чтобы «все его

запомнили» и чтобы «изменить систему». «Когда я узнала о крушении, в моей голове начали проигрываться его слова о том, что он однажды сделает что-то, что изменит систему, все узнают его имя и запомнят его», – рассказала девушка. «Тогда я не знала, что это значит, но теперь мне все ясно». Получается, что в тот момент, когда она услышала слова Любича, девушка получила новое знание, но не смогла установить его смысл. Смысл появился только после крушения самолета. Следовательно, после включения имеющегося у нее непонятого знания в систему новых обстоятельств.

Анализ знаний, необходимых для понимания, – распространенный методический прием в современных когнитивных науках. Вследствие этого неудивительно, что понимание-знание является не только психологическим, но и лингвистическим феноменом, представленным в семантике русского языка. Например, Б. Л. Иомдин, разрабатывая языковую модель понимания, различает понимание-мнение и понимание-знание. Семантика последнего включает в себя: «осознавать смысл», «владеть языком», «разбираться», «сочувствовать» (Иомдин, 2006).

К типичным психологическим когнитивным исследованиям, завершающимся пониманием-знанием, относятся работы И. О. Александрова по формированию структуры индивидуального знания. Структура описывается им как состоящая из компонентов, их диахронических и синхронических отношений. Множественные отношения между компонентами придают структуре индивидуально-го знания свойства неоднородной сети. Автор полагает, что можно предположить, что именно в суборганизации компонентов структуры индивидуального знания человека на множестве моделей отношений между ее компонентами следует искать «знаково-означенные модели», на возможность существования которых указал Я. А. Пономарев (1983). Это класс моделей, в которых моделируются не только элементы внешней и психически регулируемой внутренней среды живой системы, но и сами модели (Александров, 2006, с. 521).

Наличие предварительных знаний о понимаемом играет существенную роль во многих ситуациях человеческого бытия. Далеко не всегда нам хватает знаний, необходимых для полного понимания смыслов тех проблем, ситуаций, в которых мы оказываемся. Например, гуманитарий, случайно попавший на научный доклад по теоретической физике и задумавшийся над тем, о чем идет речь, в лучшем случае поймет только то, что обсуждаются проблемы физики твердого тела или квантовой электродинамики. И в боль-

шинстве случаев ему будет этого достаточно. Однако в жизни бывают и другие ситуации. Для понимания смысла поступка человека или лозунга политической партии необходимо выявить цели, которые они стремятся достичь, и ценности, на которые ориентируются. Это такие ситуации человеческого бытия, к которым не применимо понимание-знание.

Разнообразные познавательные теоретико-экспериментальные исследования внесли существенный вклад в раскрытие психологических механизмов понимания-знания. Вместе с тем они показали, что, следуя в этом направлении, вряд ли можно получить научное представление не об отдельных сторонах, признаках, характеристиках понимания, а понять его как нечто единое, феноменологически целое. К такому выводу я пришел после многолетнего теоретического и экспериментального анализа основных условий, необходимых для возникновения понимания, различных форм, в которых оно проявляется, свойств личности, детерминирующих специфику этого феномена, и т. п. Можно, конечно, и дальше уточнять и углублять наши знания о когнитивных составляющих понимания как одного из компонентов познавательной деятельности и общения людей. Однако это метод скорее аналитического расчленения, чем синтетического объединения разных и нередко противоречивых данных о целостном феномене.

Для меня показательным примером является монография Ж. Ф. Ришара. Из нее следует, что основательная, кропотливая и вдумчивая исследовательская работа ученого, его ориентация на анализ знаний и изучение понимания с позиций когнитивного подхода в конце концов приводит к тому, что мы узнаем «все ни о чем». Он пишет: «Природа знаний в памяти, используемая для понимания текста или ситуации, позволяет нам выделить различные процессы, посредством которых реализуется понимание. Понимание может быть и партикуляризацией схемы, и конструированием реляционной сети, которую используют для переработки очень общих знаний, касающихся целых классов ситуаций, подлежащих переработке (например, что такое рассказ? что такое проблема?). Эти знания уточняют тип информации, который должна содержать в себе интерпретация и тип запретов, которым должна удовлетворять интерпретация в ходе своего построения. Это может быть также конструирование отдельной ситуации, которая должна быть совместима со всей информацией общего характера, имеющейся в распоряжении. Это может быть, наконец, конструирование

реляционной или процедурной структуры по аналогии с существующей структурой путем ее модификации с целью адаптации. Мы увидим, что существует огромное многообразие процессов понимания и что их можно охарактеризовать, исходя из предыдущих различий: термин понимание является, таким образом, родовым термином, который надлежит специфицировать в зависимости от типа процесса, с помощью которого реализуется понимание» (Ришар, 1998, с. 90). Последующая и, надо признать, добросовестная спецификация содержания родового термина дает возможность читателю узнать, что такое понимание как партикуляризация схемы, конструирование концептуальной структуры, рассуждение по аналогии с известной ситуацией. Однако чем детальнее французский психолог рассматривает разные аспекты проблемы, тем труднее уяснить, что представляет собой понимание как целостное, неразложимое на части психологическое образование.

Таким образом, многообразные проявления понимания в ситуациях человеческого бытия не могут основываться только на знании.

Основания понимания социокультурной реальности: мнение и смысл. В социокультурной реальности психологи имеют дело не с достоверными знаниями, а с *мнениями* людей. Мнение представляет собой «такой переход от возможности к действительности, где действительное есть нечто совершенно новое по отношению к возможному» (Нехаев, 2009, с. 16). Мнения отражают межгрупповую согласованность суждений о правильности или неправильности дискурсивных высказываний. Мнения невозможно оценить как безусловно истинные или ложные: как определить, чьи картины прекраснее – Тициана или Микеланджело, а также какой порок отвратительнее – жестокость или гордыня? Например, многие западные политики называют присоединение Крыма к России аннексией, в то время как российские говорят о восстановлении исторической справедливости и воссоединении братских народов. Эти мнения построены на разных системах аргументации, в них присутствуют и объективные, и субъективные компоненты. Мнения можно характеризовать только как *правильные* или *неправильные*. В основе квалификации высказывания как правильного лежит согласованное мнение людей о должном, о правилах и нормах поведения. Представления о должном, лежащие в основе признания высказываний, текстов правильными или неправильным, формируются на основе соглашений, принимаемых большими и малыми социальными группами. Мнения имеют мало общего с истиной:

в соответствии с неодинаковыми ценностными представлениями люди выражают в них свое отношение к объектам познания и понимания. А познавательное и эмоциональное отношение к содержанию понимаемого (к примеру, к ситуации, описанной в рассказе А. П. Чехова «Злоумышленник») – это не что иное, как смысл. Смыслы – главные системообразующие признаки социокультурной реальности, отсутствующие в эмпирической.

Современные психологические исследования позволяют утверждать, что осмысленное знание – порождение не только индивидуального сознания, но и коллективного разума. Соответственно смысл – атрибут психики конкретного субъекта, но вместе с тем он есть продукт меж- и надындивидных или трансперсональных отношений. Осмысленное знание не только возникает внутри сообществ познающих субъектов, но и определяет то, что мы считаем реальностью. Согласно К. Гергену, знание – это не индивидуальный ментальный образ. Знание следует анализировать не как то, что находится в головах людей, а как нечто, что они совместно создают в ходе языкового взаимодействия (Gergen, 1985). Сегодня «индивидуальное познание понимается в качестве компонента коллективного познавательного процесса. Другой индивид, без взаимодействия с которым невозможен мой познавательный процесс, – это не конструкция моего сознания (или моего мозга, как сказали бы радикальные эпистемологические конструктивисты), а в некотором смысле часть меня самого. Без него я не был бы самим собою, не существовало бы моего Я, не было бы возможно и познание в его специфически человеческих формах» (Лекторский, 2009, с. 35). Современные методологи социально-гуманитарного познания (в частности, Р. Харре) указывают на то, что «генезис знания и мнения – не простое однонаправленное отношение от познаваемого объекта к некоторому состоянию или процессу в познающем. Оно не только опосредуется системами символов и образов, служащими для представления того, что познается, – это отношение взаимно. Познающий воздействует на познаваемый объект, вынуждая его открывать познающему свои различные аспекты. Согласно психологии восприятия, познаваемый объект предоставляет свои определенные аспекты человеку, который к нему обращается. Что именно предоставляет объект, зависит от способа взаимодействия между объектом и познающей его личностью» (Харре, 2009, с. 71).

Н. Е. Максимова и И. О. Александров экспериментально обосновывают существование надындивидуальных структур знания,

формирующихся у групп людей, взаимодействующих в какой-либо предметной области. Ими выявлены связи систем знаний партнеров не только с компетенцией в предметной области, но и с весьма широким спектром характеристик, включая антропометрические. По их мнению, «эти результаты могут служить для обоснования существования надиндивидуальных психологических структур, которые формируются у индивида как представителя группы, на членах которой распределена более общая психологическая структура, обеспечивающая все стороны взаимодействия этой группы с данной предметной областью (Максимова, Александров, 2009, с. 376).

Для психологии понимания и психологии человеческого бытия представления об интерсубъективной природе понимания являются очень важными. И такие представления проникают не только в научные труды, они имеют и организационные формы. Например, в Европе есть ассоциация содействия межкультурному взаимопониманию (Association for Promoting Intercomprehension – APIC). Представления об интерсубъективной природе вербальной коммуникации воплощены главным образом в обучении пониманию иностранных языков. Приемы и техники «интерпонимания» основаны на апелляции к способностям людей, говорящих на языках, принадлежащих к одной языковой группе (например, романской – испанский, итальянский, португальский), понимать чужой, до этого не изучавшийся язык. «Интерпонимание» – это новая техника обучения и общения, не требующая использования третьего языка (сейчас обычно это английский) людьми, говорящими на родственных языках. Интерпонимание минимизирует усилия по пониманию чужого языка; оно основывается на уже существующих, но неиспользованных знаниях субъекта; использует знание своего языка, чтобы помочь пониманию связанного с ним чужого; развивает мультиязыковые знания, которые легче приобрести. Развитие навыков понимания речи на разных языках предполагает определенную методологию, которая направлена на приобретение стратегических компетенций. В процессе изучения языка интерпонимание на основе диссоциации, разобщении двух различных лингвистических компетенций, связанных с пониманием (чтение, аудирование) и производством (речь, письмо), позволяет учащимся приобретать глобальную языковую компетенцию. Это происходит при выявлении лексического, синтаксического, культурного сходства языкового материала, подлежащего пониманию (Lungu, Cizer, 2013).

В этом контексте неудивительно, что для описания событий и ситуаций социокультурной реальности наиболее подходящим является конвенциональный домен социального знания (Lagattuta et al., 2010; Nucci, 1996; Richardson et al., 2012; Smetana, 2006). Он явным образом соотносится с герменевтической традицией и пониманием-интерпретацией проблем, методов и результатов научных исследований. Конвенциональные знания возникают в результате согласования множества мнений. Признаваемая многими людьми правильность/неправильность мнений оказывается зависимой от местных норм, обычаев и конкретных обстоятельств. Примером может служить правостороннее или левостороннее движение на дороге, принятое в разных странах.

Формирование правил и стереотипов поведения происходит в детстве путем сопоставления с личностными предпочтениями и общественными нормами поведения. Например, К. Б. Ричардсон с соавт. обсуждали с детьми такую проблему: «Джон хочет поиграть с группой девочек в куклы, но две девочки говорят, что ему нельзя играть, потому что он мальчик». 80 процентов детей считали, что исключение Джона недопустимо, и ответ часто мотивировался моральными соображениями (отчуждение причинит вред). Тогда детям предлагалась другая ситуация: девочка и мальчик оба хотят играть с девочками в куклы; кого должна выбрать группа? В этом случае некоторые дети обращались только к одному из доменов («Надо выбрать девочку, потому что мальчикам не нравятся куклы» – конвенциональный домен). Другие соотносили разные системы знаний: «Надо выбрать мальчика, чтобы дать ему шанс поиграть (моральный домен), даже если он может не знать, как играть с куклами» (конвенциональный домен). В описанных условиях испытуемым нужно было соотнести информацию о целях группы и ее функционировании, проблемы равенства и справедливости, а также учесть психологическое состояние персонажа. В первом случае дети в основном отвергали возможность исключения мальчика из группы, исходя из моральных соображений. Во втором, более сложном сценарии, испытуемые осознавали, что психологический ущерб (либо девочке, либо мальчику) будет следствием любого выбора. Приблизительно половина детей выбирала девочку для игры, и, следовательно, гендерные стереотипы или проблемы идентичности группы становились более существенными при принятии решения. Исследователи также проверяли, придерживались ли дети своих начальных суждений, сталкиваясь с моральным или конвен-

циональным контраргументом. Оказалось, что дети охотнее изменяют свой выбор, если изначально выбрали стереотипный ответ – девочку (61% детей). В этом случае, возможно, происходила активация репрезентативной системы. Вместо того чтобы строго опираться на стереотипное представление о невозможности включения члена аутгруппы, с возрастом дети использовали все большее количество форм рассуждений для размышления о допустимости социального отчуждения. Это согласуется с точкой зрения о том, что развитие гибкой репрезентативной системы происходит с возрастом, и она наиболее активна при оценке таких комплексных сценариев, в которых необходимо учитывать контекст, а не просто обращаться к системе опыта и единственному домену знаний (Richardson et al., 2012).

Очевидно, что в описанных выше интересных и научно-продуктивных направлениях психологических исследований ученые ищут истоки формирования конвенционального знания не только во внутреннем мире человека, но и в пространстве межсубъектных взаимодействий, на стыке разных ценностно-смысловых позиций общающихся людей. Результатом взаимодействий становится обогащение научных представлений о конвенциональном домене социогуманитарного знания.

Основания понимания экзистенциальной реальности: переживание и опыт. Анализируя экзистенциальную реальность мира человека, исследователи очень часто сталкиваются с невозможностью понимания психологических проблем по типу понимания-знания. Например, травматический опыт нельзя понять на основе познавательного знания, его можно только пережить и преодолеть. Для описания таких событий и ситуаций наиболее подходящим является персональный домен социального знания (Lagattuta et al., 2010; Nucci, 1996; Richardson et al., 2012; Smetana, 2006). Он связан преимущественно с экзистенциальной реальностью и включает знания, на основе которых субъект предпринимает действия, оказывающиеся результатом личного предпочтения или вкуса: любит яблоки и не ест груши, реализует свои представления о свободе выбора занятий, одежды, друзей. (У одного из моих бывших дипломников вышла книга по психологии продаж. Я задумался, хочу ли я ее прочитать? Подумал и решил, что нет, не хочу, и на то есть две причины. Первая – у меня нет никаких знаний об этой социальной области и, следовательно, в соответствии с мнемическим условием понимания (Знаков, 1994) мне будет трудно ее понять. Вторая при-

чина связана с целевым условием понимания: у меня нет интереса, желания пополнить пробел в знаниях.)

Персональный домен знания не подлежит рассмотрению с позиций правильности или неправильности и обычно не поддается вербальному осознанию и рациональному объяснению. Субъект понимает ситуацию по типу понимания-постижения: он может только постичь глубинный смысл происходящих событий, их суть. Следование правилам или ориентация на собственные предпочтения на определенных стадиях психического развития могут приводить к внутреннему конфликту. С одной стороны, способность подавлять личные желания, подчиняясь правилам и нормам является центральным компонентом становления субъектности человека. С другой стороны, например, в исследованиях, проводившихся в США и Японии, показано, что у подростков, чьи родители строго ограничивают контроль над личностным доменом, оказывается повышенная тревожность и склонность к депрессии (Lagattuta et al., 2010).

Психологические проблемы, возникающие у людей в экзистенциальной реальности, отражаются в их внутреннем мире: они проявляются в эмоциях, чувствах и переживаниях, которые трудно поддаются осознанию. Для понимания и решения проблем субъект вынужден обратить свой взор внутрь себя, прибегнуть к рефлексии и самопониманию. С одной стороны, это согласуется с известной точкой зрения, что любое понимание одновременно является и самопониманием. С другой стороны, между рефлексией и переживанием есть противоречие в ясности осознания их субъектом: первая преимущественно осознаваема, а второе – нет. В экзистенциальной реальности переживание и рефлексия образуют такой сплав, из которого рождается опыт человека.

Экзистенциальный опыт является одним из главных оснований понимания в экзистенциальной реальности. Очень показательные примеры того, из чего формируется экзистенциальный опыт, какие нелогические компоненты в него входят, можно найти в статье об изменениях в самопонимании хирургов, чьи попытки вылечить пациента оказались безуспешными (Gerber, 1990). В описанном в ней исследовании сравнивались две ситуации лечения больных. Одна состояла в том, что после неудачной операции хирурги продолжали общаться с пациентами, которые, вероятно, умрут в течение следующего года. Другая ситуация: после операции больной для прохождения послеоперационной реабилитации направлялся к лечащему врачу.

В группах, в которых хирургическое вмешательство не смогло замедлить прогресс смертельного заболевания, послеоперационное общение оказало сильное воздействие на изменение самопонимания не только хирурга, но и больного. Хирурги в группах с поддерживаемыми отношениями имели возможность проявить заботу о пациенте и усилить взаимное прощение. Поддержание отношений в диаде пациент – доктор позволило двум людям постепенно показать друг другу свою неловкость, бессилие, чувство вины. И в таком взаимном участии оба человека становятся способны простить друг друга и окончательно простить самих себя. Хирурги открывались пациентам как вовлеченные, беспокоящиеся друзья, испытывающие чувство вины за неудачную по объективным причинам операцию («Я знаю, что было невозможно спасти этого пациента, но это не останавливает меня от самообвинения»; «Я стыжусь того, что делаю, когда не могу помочь пациенту»). И, к удивлению врачей, пациенты не заводили судебные процессы, не выставляли обвинения, не страдали от серьезных депрессий, но отвечали врачам прощением и принятием их собственной вины и стыда за то, что сами не смогли быть лучшими пациентами.

Межличностное взаимопонимание и самопонимание партнеров в такой ситуации основывались на нескольких компонентах экзистенциального опыта (в том, что он экзистенциальный, а не просто жизненный нет никакого сомнения).

Во-первых, в случаях, когда отношения поддерживались, все хирурги описали ощущение связности и разделения совместного опыта, которые возникали между врачом и пациентом: «Один важный момент продолжения наблюдения этого пациента заключался в том, что у меня было ощущение разделения с пациентом... просто как два человека в мире других людей. Мы знали, что он умрет в не слишком отдаленном будущем, но мы были людьми и мы все еще были вместе» (там же, с. 78).

Во-вторых, исцеление душевных ран происходило через прощение и самопринятие как врачей, так и пациентов. Для врачей чувство прощения за то, что они не смогли сделать для больного, казалось, исходило от самого пациента. Вследствие этого они утверждали, что смогли простить себя, принять свои явно небольшие возможности и их ограничения. Присутствие человека, который понимает, что сделал другой, и принимает это, становится ключевым для возможности простить и принять себя: «Я знаю, что как врач я не могу вылечить всех пациентов. Тем не менее у меня все еще есть эта по-

требность быть им прощенным. Во время наших встреч я чувствовал из тона его голоса, того, как он на меня смотрит, его жестов, что он знает, что я сделал все, что мог, и он ценит мои попытки. Во всем этом я чувствовал, что он прощает меня. И это очень сильно действовало на меня» (Gerber, 1990, p. 79).

В-третьих, повышалась открытость к собственным чувствам и мыслям. Несколько хирургов говорили о чувстве дискомфорта в самом начале и необходимости привыкнуть к постепенно увеличивающемуся чувству открытости в отношениях и с самим собой. Они также утверждали, что эта открытость и осознание «себя внутреннего» были новыми и раскрывающими некоторые стороны самих себя, о которых эти люди не знали до этого. Это способствовало формированию нового типа мышления, который сильно отличается от логического, рационального, сосредоточенного на проблеме и таком ее решении, которое раньше считалось единственно правильным.

Наконец, в-четвертых, происходило перерождение, переосмысление смерти и приводящей к ней болезни, а также появление надежды на будущее. В ситуации приближающейся смерти осознание человеческих ограничений перед болью и страданием заставляют людей задавать вопросы о смысле жизни или, наоборот, ее бессмысленности. Хирурги говорили о том, что изменили свои суждения о жизни из опыта лечения смертельно больных пациентов. Они подчеркивали, что узнали нечто новое именно о жизни, а не только о смерти. Это заставило их измениться, стать другими: «Я чувствую, что я уже не тот человек, которого вы встретили в начале этой работы. Я одновременно стал и старше, и младше... Что-то новое появилось» (там же, с. 80).

В противоположность этому в группах, в которых не поддерживались отношения, и хирурги, и пациенты описывали возникающие у них чувства отчуждения, вины, стыда и бессмысленности. И хотя боль и неудобство одного из членов диады чувствуется другим, ни один из них до конца этого не понимает. В этом случае есть не только боль и страдание, но и отчуждение, которое описывается как «одиночество и наказание». Хирурги говорили о чувстве неловкости в отношениях с пациентами: «Находиться с П. во время наших регулярных послеоперационных консультаций было очень неловко. Чувство, будто вы хотите чего-то большего, но ничего не делается, и вы чувствуете, что должны быть абсолютно один, подальше от всех, пока не сможете вновь соединиться с миром» (там же, с. 77). У них возникало чувство вины, стыда, они использовали от-

рицание как копинг-стратегию. Важным компонентом экзистенциального опыта хирургов является чувство бессмысленности усилий, возникающее после окончания операции: «Я думаю об этом пациенте, и у меня чувство пустоты внутри. Я думаю об операционном кабинете, и все вещи кажутся мне игрушками... Иногда я задумываюсь о том, что мы тут делаем, во что мы играем, что это значит» (там же, с. 78).

Таким образом, в группах с поддерживаемыми и не поддерживаемыми отношениями компоненты экзистенциального опыта людей, на основании которых они понимают экзистенциальные ситуации, оказываются различными. Однако и в том, и в другом случае нельзя сказать, что в опыте преобладают рациональные знания или объяснения (Gerber, 1990). Исследование изменений в самопонимании хирургов описано так подробно именно потому, что в нем явным образом представлены компоненты экзистенциального опыта, участвующие в понимании жизненно очень значимой для людей ситуации.

Обращаясь снова к основаниям понимания в экзистенциальной реальности, переживанию и опыту, скажу, что они интегрируются, теоретически объединяются во введенном и проанализированном М. Фуко понятии и, соответственно, феномене «духовного знания» (Фуко, 2007). Именно с помощью такого знания наиболее точно можно охарактеризовать процесс понимания в экзистенциальной реальности. М. Фуко полагал, что без обращения взгляда субъекта вовнутрь, без постижения себя, без духовных усилий, направленных на собственное преобразование, возможно получение только познавательного (когнитивного) знания. Познанию внешнего мира теоретически противостоит духовное знание, которое является пониманием человека, его души, внутреннего мира. Главное, что нужно для его возникновения, – это изменение, перемещение взгляда: на мир и на себя. Смещение взгляда позволяет увидеть вещи иначе и одновременно оценить их. Кроме того, духовное знание построено на таком самонаблюдении и самопонимании, в котором субъект становится способным «уловить себя самого в своей реальности», увидеть себя, как он есть на самом деле. Духовное знание – атрибут не познания, а бытия человека в мире: «Субъект не только открывает для себя свою свободу, но и находит в ней форму существования, приносящую ему все счастье и совершенство, на которые он способен» (там же, с. 335).

Духовное знание отличается от познавательного, отражающего внешний мир, но ничего не меняющего в самом познающем субъекте.

екте. Категория «духовное знание» очень созвучна с рубинштейновским пониманием человека не только как субъекта познания и действия, но и как субъекта этического и эстетического отношения. Последнее формируется благодаря «онтологизации» человеческой жизни, человеческого способа существования. Познавательное знание абстрактно или конкретно отражает мир, а духовное и неразрывно связанное с ним духовно-практическое указывают, как можно познавать и действовать в ходе преобразования эмпирической, социокультурной и экзистенциальных реальностей. Кроме того, в таком знании образ мира виден сквозь призму человеческих потребностей и интересов. Духовно-практическое знание учит нас тому, как относиться к миру человека, другим людям и самому себе. «К духовно-практическому знанию можно отнести знание об общении (фиксирующее не регулируемые правом нормы общежития), бытовое (связанное с обеспечением жизнедеятельности людей), культово-регулятивное (мифическое, религиозное, мистическое, магическое), художественное (не ограниченное собственно искусством, не объемлющее вообще креативно-образное самовыражение). Их особенности составляют: синкретизм видов деятельности, формирующих знание; косвенная обусловленность практической деятельностью, способность оказывать обратное влияние на практическое знание. В форме духовно-практического знания накапливается, обрабатывается и распространяется социальный и познавательный опыт» (Опенков, 1997, с. 135). Очевидно, что в таком контексте знание предстает уже не как когнитивное психическое образование, а как экзистенциальный феномен бытийного отношения.

* * *

Итак, знание и значение, мнение и смысл, переживание и опыт являются базисом понимания соответственно в эмпирической, социокультурной и экзистенциальной реальности мира человека.

4.6. Формы понимания: понимание-узнавание, понимание-гипотеза, понимание-объединение

Цель раздела – соотнести три формы понимания с пониманием субъектом явлений, событий ситуаций в разных реальностях мира человека.

В современных работах, посвященных анализу психологического феномена понимания, предметом исследования чаще всего ока-

зываются разнообразными тексты на естественном языке – наиболее универсальные объекты понимания. Эта универсальность проявляется в том, что во время осмысленного чтения субъект осуществляет комплекс мыслительных операций и действий, на отдельных сторонах которого концентрируют свое внимание исследователи, придерживающиеся разных взглядов на проблему понимания. Для уяснения смысла письменной речи читатель должен иметь и актуализировать во время чтения модель описываемой в тексте предметной области; он должен знать язык, на котором написан текст, уметь делать корректные с логической точки зрения умозаключения по поводу написанного (Varetta et al., 2009). Важными составляющими интеллектуальной деятельности читателя являются процессы целеобразования. Разные познавательные цели деятельности способствуют фокусированию внимания на принципиально различных аспектах содержания читаемого. Вследствие этого один и тот же текст может пониматься неодинаково разными испытуемыми. Характер понимания прочитанного непосредственно зависит не только от той цели, с которой человек приступил к чтению, но и от того, как эта цель преобразуется в ходе деятельности. Следовательно, нельзя изучать понимание, игнорируя процессы целеобразования.

Обычно познавательная цель читателя состоит в понимании описанных фактов, событий, явлений, а также их возможных, но не выраженных явно в тексте причин и следствий. Именно последние чаще всего определяют смысл текста для читателя. Однако только банальные тексты легко понимаются и не требуют серьезной умственной работы. Нередко событие, описанное в художественном произведении или научной статье, оказывается настолько сложным, что его понимание перерастает для субъекта в самостоятельную мыслительную проблему и ведет к временной трансформации исходной цели: для того чтобы понять событие, необходимо решить мыслительную проблему, т. е. понимание текста оказывается как бы вплетенным в мыслительную деятельность по решению задачи.

Представление о понимании как решении мыслительной задачи разделяют и отечественные, и зарубежные психологи. Однако при этом специалисты по проблеме понимания фактически игнорируют стадию инициации мыслительной деятельности – процессы целеобразования и постановки задач. Соответственно, не рассматривается и то, какие именно типы мыслительных задач решаются читателями и детерминируют появление у них конкретных форм понимания текста.

В психологии понимания доказано, что в ситуациях, в которых нужно что-либо понять, у людей могут возникать, по меньшей мере, *три* различающиеся по психологическим механизмам формы понимания. Я называю эти разновидности понимания «формами» потому, что в них выявляется то, в какой форме они представлены в сознании понимающего субъекта, как он их осознаёт. То, какая форма понимания возникает у субъекта, обусловлено, прежде всего, характером конкретной ситуации и его мыслительной деятельности. Иначе говоря, в какие объективные обстоятельства, требующие понимания, попадает человек и какую задачу он решает в этих обстоятельствах.

Очень часто понимание фактов (событий, явлений) носит констатирующий характер: субъект ограничивается узнаванием факта, актуализацией его смысла, сформированного в прошлой мыслительной деятельности. При этом он даже не пытается рассмотреть понимаемый факт в более широком контексте, как-то его оценить, определить причины его появления и т. п. Например, так бывает, когда мы утром просматриваем газету, не имея времени и желания прочитать ее внимательно. Или, проходя по улице и услышав обрывок разговора о событиях недавно показанного по телевидению фильма, мы понимаем, какой именно фильм обсуждается, но не придаем разговору никакого значения, продолжая думать о своем. Понимание в таких случаях представляет собой ответ на вопрос «что это такое?» (независимо от того, осознается вопрос субъектом или нет). В результате у человека в уме воссоздается та предметная ситуация, в которую включен требующий понимания факт. Иначе говоря, понимается только то, обозначением какой предметной ситуации или абстрактного понятия является объект понимания – какова фабула рассказа, сюжет картины и т. п. Ведущей познавательной процедурой в мыслительной деятельности субъекта в подобных случаях является узнавание, поэтому понимание такого рода я назвал *пониманием-узнаванием*. Такое узнавание, конечно, не означает механического воспроизведения. Это именно осмысленное понимание, а не перцептивное узнавание. Это означает, что, узнавая события, ситуации, явления, понимающий субъект включает их в свой опыт, соотносит с личностным знанием. Человек пытается распознать знакомые черты в новых событиях, используя свой прошлый опыт. В то же время он приписывает этим событиям новые качества, которыми им, с его точки зрения, следует обладать.

В работах психологов, предметом анализа которых было понимание в процессе решения задачи, получено немало данных о том, что узнавание является необходимым условием понимания задачи, одним из важнейших компонентов процесса ее решения. И. С. Якиманская обнаружила, что в процессе решения геометрических задач для понимания учащимися чертежа и условий задачи они должны узнать «взаимопроникающие» геометрические фигуры, т. е. такие, которые имеют часть общей площади – общие стороны, углы (Якиманская, 1961). Н. Д. Левитов считал, что при решении технических задач элементы распознавания составляют основу понимания структуры целого механизма. После распознавания структуры человек начинает думать о том, как работает этот механизм, для чего он предназначен (Левитов, 1963). В. А. Моляко отмечает, что уже при общем ознакомлении с условием конструкторской задачи «для испытуемого важно прежде всего понять общий смысл задачи, чтобы дать ей предварительную оценку; после первой попытки узнавания он решает, знакома ему задача или нет (оценка по типу «решал – не решал»)» (Моляко, 1983, с. 24). Во всех этих случаях решающие отчетливо осознавали конкретные ситуации задачи и могли объяснить, что именно они узнали, поэтому можно сделать вывод о возникновении у них понимания-узнавания.

Понимание-гипотеза в психике человека реализуется в двух разновидностях, обусловленных различием в типах познавательных и коммуникативных ситуаций, детерминирующих мыслительную деятельность, становление данной формы понимания. Одни ситуации характеризуются тем, что в них представлены обстоятельства, окружающая среда какого-либо предмета, выступающего в роли объекта познания. Однако сам предмет не представлен явным образом, а лишь подразумевается. В этом случае предмет оказывается неизвестным решаемой субъектом мыслительной задачи. Например, в такой ситуации оказывается студент, опоздавший на лекцию и пытающийся понять по словам лектора, какова ее тема; ученый, стремящийся понять значение нового, неизвестного термина, часто встречающегося в статье, в которой все остальные слова и термины ему знакомы. В других ситуациях явным образом представлены и события-предметы познания, и обстоятельства их совершения, однако глубокое понимание такой ситуации предполагает не простую констатацию фактов, отражение событий в психике субъекта. Глубокое понимание подобных ситуаций предполагает осознание человеком или причин, вызвавших наступление событий, или по-

следствий, к которым они могут привести (а иногда – того и другого). В частности, понимание любой шахматной позиции – это не только отражение наличного расположения фигур, но, прежде всего, прогнозирование возможных из данной ситуации ходов, т. е. осуществление выводов.

Во всех указанных случаях основное содержание мыслительной деятельности познающего субъекта составляют интеллектуальные действия по прогнозированию, поиску неизвестного. Характер совершенных прогнозов и обуславливает выдвижение гипотезы о том, что представляет собой неизвестное анализируемой познавательной ситуации – какой именно предмет, причина события, следствие и т. п. Понимание-гипотеза объекта познания всегда возникает на основе вполне определенного предположения, гипотезы. Становление этой формы понимания представляет собой процесс такого сопоставления гипотезы с реальностью, в результате которого они, по мнению субъекта, «совпадают». Например, результатом понимания-гипотезы оказывается следственная версия: на основе имеющихся фактов, в начале расследования обычно малочисленных, следователь выдвигает гипотезу о том, кто и как совершил преступление. В общении мы часто попадаем в ситуации, понимание которых основано на гипотезе, прогнозе наиболее вероятного развития событий. Такие ситуации нередко отражаются в анекдотах, вот один из них. «Муж приходит домой поздно ночью и видит, что жена лежит, притворяясь, что спит. Он ставит рядом с ней стул, садится и долго смотрит на нее. Наконец, она не выдерживает и спрашивает: „Ты что тут делаешь?“ Он отвечает: „Жду. Когда концерт начнет-ся, хочу сидеть в первом ряду“».

Если человек сделал неверный прогноз, выдвинул не адекватную ситуации гипотезу, то это не означает отсутствие понимания, просто понимание-гипотеза будет неправильным. Осенью 2015 г. весь мир напряженно следил за событиями в Сирии, войной правительственных войск и армейских подразделений нескольких государств против исламских террористов. Тогда обстановка на Ближнем Востоке резко обострилась, что вызвало неуправляемую миграцию большого потока беженцев в страны Европы. Когда это произошло, то многие политические деятели признали, что не предвидели последствий свержения авторитарных режимов в Ливии, Ираке и других ближневосточных странах. Например, бывший премьер-министр Великобритании в высказываниях, получивших широкий резонанс в СМИ, вынужден был извиниться перед иракским народом за аме-

риканско-британское вторжение в Ирак 12 лет назад. Т. Блэр признал, что вторжение в 2003 г. в Ирак вооруженных сил США и их союзников стало причиной появления одной из самых известных в современном мире террористической организации. Об этом он заявил в интервью телеканалу CNN. Обратной стороной попыток насаждения демократии насильственным путем стало возникновение хаоса, отсутствие государственных властных структур, способных управлять странами и народами. Все это свидетельствует о таком понимании-гипотезе возможного развития ситуации в Арабском мире у многих мировых лидеров, которое основывалось на неверных политических и социальных прогнозах.

Таким образом, понимание-гипотеза оказывается более сложной формой понимания, чем понимание-узнавание. Для становления последнего достаточно мыслительных операций и действий, обеспечивающих узнавание смысла познаваемого объекта. Формирование понимания-гипотезы требует от субъекта не только осмысленного узнавания объекта, но и выдвижения гипотезы о характере его окружения (например, контексте предложения – объекта понимания).

Понимание-объединение возникает в тех ситуациях, в которых для понимания человеку необходимо мысленно собрать все составляющие ситуации, объединить элементы понимаемого в целое. При этом неизвестным решаемой субъектом задачи оказывается способ объединения отдельных частей, фрагментов ситуации (которые сами по себе, вне контекста данной ситуации не представляют трудностей для понимания) в целостную структуру. В частности, понимание-объединение должно быть результатом мыслительной деятельности инспектора ГИБДД, расследующего дорожную аварию. Прибыв на место столкновения двух автомобилей, он осматривает обе машины, измеряет их тормозной путь, опрашивает свидетелей – и все это для того, чтобы воссоздать целостную картину происшествия. Немыслима без понимания-объединения и успешная работа историка, который по имеющимся в его распоряжении разрозненным фактам пытается восстановить по возможности полную картину некоторого исторического события.

Результаты исследований в области психологии понимания подтверждают мое предположение о том, что понимание-объединение представляет собой самую сложную из трех перечисленных форм анализируемого феномена. Эта форма включает в себя мыслительные операции и действия, вносящие решающий вклад в образование первых двух форм понимания. В ситуациях, требующих от субъекта

екта умения структурировать части в целое, узнавание и прогнозы (гипотезы) служат средством, способом объединения анализируемых разрозненных элементов решаемой задачи в единую структуру. Другим основанием построения целостной модели содержания понимаемого являются предварительные знания понимающего субъекта о том, что нужно понять. В такие типичные ситуации человек попадает, в частности, тогда, когда нужно понять принципы работы бытового прибора (тостера, электрического звонка, стиральной машины) или причину неисправности какого-нибудь механизма (дверного замка, автомобильного тормоза). В психологических экспериментах испытуемые, хорошо знающие технику и достигающие понимания-объединения, задают вопросы, необходимые для построения целостного сценария работы прибора или механизма. Ответы на них нужны для заполнения пробелов, отсутствующих знаний во внутреннем представлении, фрейме понимающего субъекта. Люди, глубоко понимающие технические устройства, генерируют качественные вопросы тогда, когда они не могут объяснить причины поломки и сталкиваются с необходимостью составления целостного и непротиворечивого сценария. В экспериментах выявлены связи между количеством и качеством вопросов и индивидуальными различиями, имеющими отношение к осмыслению устройства: техническими знаниями и навыками, умением использовать макростратегии понимания, наличием метакогнитивных способностей (Graesser, Olde, 2003).

В современных исследованиях по психологии понимания текстов понимание-объединение, пожалуй, в наиболее выраженном виде представлено в «модели конструкции-интеграции» У. Кинча. Модель напоминает психологическую интерпретацию давней идеи герменевтического круга. Знание влияет на формирование понимания. В процессе понимания субъект получает новые знания, способные повлиять на последующее понимание. Эффективный «познаватель-но-понимательный» цикл заключается в том, что предварительные сведения всегда необходимы для возникновения понимания, которое, в свою очередь, порождает знание, и т. д. У. Кинч полагает, что когда мы читаем, то опираемся на свои знания о мире и представления о том, о чем, по нашему мнению, идет речь в тексте. Конечная цель интеграции знаний, представлений и мнений – построить целостную ментальную репрезентацию описываемой ситуации (Kintsch, 2004). Отсутствие в ментальном опыте читателя метакогнитивных стратегий осмысления текста препятствуют его глубоко-

кому пониманию даже в тех случаях, когда определение значений слов и смысла отдельных предложений не составляет особых трудностей. Главное для понимающего субъекта – умение непротиворечивым образом объединить знания из «текстовой базы» и свои представления об описываемой ситуации в целостной ментальной репрезентации текста (Best et al., 2005).

Изучая формы понимания, я провел эмпирическое исследование, подробно описанное в другой книге (Знаков, 1994). Оно было направлено на то, чтобы, во-первых, показать, что в зависимости от формулируемой цели и типа решаемой задачи у читателя могут возникать разные формы понимания одного и того же текста; во-вторых, изучить целевую динамику становления и развития форм понимания в мыслительной деятельности испытуемого. Эксперименты показали, что на основе одних и тех же требований инструкции испытуемые при понимании одних и тех же предложений преследуют разные цели и формулируют неодинаковые задачи. Возникающая у испытуемого форма понимания определяется, прежде всего, решаемой им задачей: при решении задачи на распознавание возникает понимание-узнавание, при решении задачи на доказательство – понимание-гипотеза, решая задачу на конструирование, субъект достигает понимания-объединения. Динамика становления и развития понимания в мыслительной деятельности также зависит от формулируемой цели и типа решаемой задачи: чем сложнее задача, тем более развернут процесс понимания, тем полнее его динамика представлена в протоколах. В протоколах испытуемых, решающих задачу на распознавание, очень мало фактов, позволяющих судить о понимании как процессе, зато у тех, кто решает задачу на конструирование, ясно прослеживается последовательность фаз становления понимания-объединения.

Проведенное исследование выявило некоторые закономерности возникновения форм понимания в континууме «знания – опыт» и взаимопереходы между ними. С классификационной точки зрения формы понимания нетрудно соотнести с тремя реальностями мира человека. Понимание-узнавание оказывается типичным для понимания объектов эмпирической реальности: узнавания того, что уже известно из прошлой познавательной деятельности (в Мурманске средняя годовая температура ниже, чем в Сочи; Земля вращается вокруг Солнца; на автомобильных дорогах России ежегодно погибает больше людей, чем в авиакатастрофах). Понимание-гипотеза соответствует возможным мнениям, различию точек зрения на пред-

мет понимания в социокультурной реальности. Конструктивистский взгляд на интерпретацию как построение возможного мира соответствует выдвиганию гипотез о мире. А в процессе психологического анализа понимания-объединения у психолога сразу же возникает аналогия с таким схватыванием целого, которое характеризует холистический стиль мышления и постижение экзистенциальных ситуаций человеческого бытия.

4.7. Типы понимания: понимание-знание, понимание-интерпретация, понимание-постижение

Одна из современных тенденций развития методологии науки заключается в стремлении ученых «вернуться на новом витке психологических знаний к проблемам понимания, а также психологического объяснения как опосредствованного теорией понимания...» (Корнилова, 2007, с. 121). Проявление этой тенденции нетрудно обнаружить в публикациях исследователей, работающих в очень разных областях психологии (Залевский, 2007; Ключева, 2008; Пископель, 2008). Пристальное внимание ученых к феномену понимания обусловлено, в частности, тем, что в переходе от непонимания к пониманию изучаемых явлений заключается основная цель научного познания. Любое исследование начинается с непонимания, а заканчивается, если поставленная цель достигнута, пониманием. Если психолог захотел, например, выявить взаимосвязь между склонностью к личностной рефлексии и успешностью профессиональной деятельности, то вначале связь осознается им как проблемная ситуация, основанная на непонимании. Затем, после доопределения целей и условий, проблемная ситуация превращается в задачу, успешное решение которой приводит к пониманию исходной проблемы. Такая последовательность перехода от непонимания к пониманию характеризует любое научное исследование.

Признание современными учеными значимой роли понимания связано не только с тем, что оно оказывается необходимым условием научного познания. Осознание психологической уникальности и общенаучной универсальности понимания основано еще и на том, что оно – не просто один из феноменов человеческой психики, сопоставимый, например, с объяснением или предсказанием. С тех пор как фокус интересов многих психологов сместился из когнитивной плоскости анализа психики в экзистенциальную, понимание стало изучаться не только как процедура индивидуального познания,

но и гораздо шире – как способ бытия человека в мире. Соответственно понимание оказалось центральной проблемой психологии человеческого бытия.

Сегодня назрела острая необходимость в осознании и объяснении того, почему многие психологи, говоря о понимании, по существу, имеют в виду неодинаковые, различные по психологическим механизмам феномены. Например, А. В. Юревич, анализирующий виды психологического объяснения, рассматривает объяснение как понимание (Юревич, 2006). Г. В. Залевский в работах об объяснении и понимании в психологии говорит о том, что объяснение – это понимание для других, а понимание – это объяснение для себя (Залевский, 2007). Е. А. Сергиенко употребляет понятие «понимание» с когнитивных позиций (применительно к пониманию детьми обмана, эмоций, моделей психического других людей). Понимание ребенком окружающего мира основано на ментальных моделях физического и социального мира. Фактически в исследованиях Е. А. Сергиенко и ее учеников понимание рассматривается, прежде всего, как *метод* познания субъектом мира, дополняющий антиципацию, объяснение и другие интеллектуальные операции и действия (Сергиенко, 2006).

Иной взгляд на обсуждаемый феномен представлен в «понимающей психотерапии» Ф. Е. Василюка. Он пишет: «Контуры новой психологии, которая на наших глазах завершает период своего становления, уже достаточно четко обозначились. Не отказываясь от задач объяснения, она выдвигает на первый план категорию сознания и потому становится *феноменологической* и *диалогической*, т. е. **понимающей психологией**, способной профессионально относиться к предмету исследования не только как объекту, но и как к смысловому целому и как к живому Ты» (Василюк, 2007, с. 169). Василюк считает понимание главным методом психотехнической системы. Базовое представление о нем он раскрывает как систему психотехнических единиц. Таких единиц четыре: 1) «рефлексия – майевтика», 2) «сознавание – кларификация», 3) «непосредственное переживание – эмпатия», 4) «бессознательное – интерпретация». Автор подчеркивает, что в каждой паре левый полюс характеризует преимущественно одного субъекта, т. е. конкретные уровни осуществления работы переживания клиента. А правый полюс – другого, это один из методов понимания, реализующих в диалоге работу сопереживания терапевта. Частные методы (майевтика, кларификация, эмпатия, интерпретация) объединяются общей категорией понима-

ния, послужившей основанием для названия всей психотехнической системы, – «понимающая психотерапия» (Василюк, 2007). В понимающей психотерапии обсуждаемый феномен тоже рассматривается как метод, но метод, направленный на изучение иной психологической реальности, чем в когнитивной психологии. Специфическая активность психотерапевта в рамках понимающей психотерапии называется сопереживанием, а «общим методом работы сопереживания является *понимание*» (Василюк, 2008. с. 9). По мнению Ф. Е. Василюка, «понимание в психотерапии должно мыслиться не как ментальная операция, но как личностно-экзистенциальный акт, зовущий, приглашающий, встречающий, „подстрекающий“ к свободе и подтверждающий бытие другого человека, пациента. Понимание не есть внешнее отображение бытия личности другого, бытия, способного существовать без этого и без всякого понимания, понимание не „роскошь человеческого общения“, оно – конститутивный элемент самой экзистенции» (там же, с. 29–30).

Главную причину расхождений в трактовках понимания я вижу в различии, неодинаковости ситуаций человеческого бытия, оказывающихся объектами исследований психологов. Неудивительно, что понимание возникает на разных психологических основаниях. В одних ситуациях оно основано главным образом на знании, в других – на интерпретации, связанной с психологической реконструкцией духовного мира людей; наконец, есть ситуации, которые психологу невозможно понять без вдумчивого анализа глубин бессознательного и экзистенциального опыта испытуемых.

Тип понимания психологом изучаемых проблем определяется тем, какие рассуждения он считает рациональными и, следовательно, научными при проведении исследования. В основе разных традиций проведения психологических исследований лежат неодинаковые рациональные рассуждения. Представления о рациональности отличаются друг от друга, во-первых, *целями* исследования, связанными с интерсубъективными представлениями психологов о том, какое познание следует признавать научным. Когнитивные психологи обычно ссылаются на положение дел в объективном мире и претендуют на *истинность* получаемого в эксперименте знания. Для представителей герменевтического подхода, ориентирующихся, прежде всего, на ценности и нормы, разделяемые различными социальными группами, научными являются *правильные* (с точки зрения входящих в эти группы людей) суждения. Экзистенциальная традиция психологических исследований характеризуется ориента-

цией не столько на достоверные знания, сколько на субъективные убеждения и плохо осознаваемые ощущения и чувства, например, уверенность в своей правоте. В этом случае исследования направлены на выявление *правдивых* суждений субъекта о себе и окружающих людях. Во-вторых, представления о рациональности различаются планируемыми *результатами* исследования, точнее, типами их понимания. Когнитивные исследования завершаются *пониманием-знанием* психологом результатов, герменевтическим соответствует *понимание-интерпретация*, а экзистенциальные заканчиваются *пониманием-постижением* того, что было предметом анализа.

Понимание эмпирической реальности: понимание-знание. Такое понимание возникает у субъекта тогда, когда оно основано преимущественно на оценках истинности знаний, представленных в суждениях о фактах. Для психологов принципиальное значение имеют качественные характеристики, особенности знания, играющие ключевую роль в понимании фактов эмпирической реальности. В этом случае знание о реальности дает возможность понимающему субъекту *только отличать истинные высказывания от ложных*. Однако он не может ответить на более сложные вопросы, которые требуют рефлексии, обращения внутрь себя, соотнесения понимаемого с личностным знанием: *почему существует истинное и ложное и как можно отличить одно от другого*. Такое знание, адекватно отражающее эмпирическую реальность, но ничего не изменяющее в познающем ее субъекте и из которого он ничего не может извлечь для собственного преобразования, М. Фуко называл «познавательным» (Фуко, 2007). Он считал, что истинное знание недоступно такому субъекту, какой он есть. Истина не дается человеку простым актом познания: для ее достижения нельзя ограничиться гносеологическим анализом, необходимо учитывать и онтологию существования субъекта, его экзистенциальные изменения во времени. Иначе говоря, для этой цели субъект должен измениться, преобразиться, стать отличным от самого себя. В результате он становится способным получать другое знание, основанное на глубинных взаимосвязях познающего и познаваемого. В них проявляются духовные усилия субъекта, направленные не только на достижение истины, но и на преобразование себя. Такое знание М. Фуко называет «духовным» (там же).

Таким образом, понимание-знание основано на «познавательном» знании, на одинаковом для всех людей значении высказываний. Именно поэтому оно не зависит от индивидуально-психологических характеристик понимающего субъекта. И в этом – залог

взаимопонимания при обсуждении очевидных, легко проверяемых фактов. Вместе с тем психологам следует ясно осознавать, что далеко не во всех ситуациях человеческого бытия, которые оказываются предметами психологических исследований, люди делают истинные или ложные утверждения. Более того, можно утверждать, что подавляющее большинство проблем и целых предметных областей психологии невозможно понять по типу понимания-знания. Это относится к социальным представлениям, стрессу, совести, оптимизму и многому другому.

Понимание социокультурной реальности – понимание-интерпретация. Анализ понимания как интерпретирующей деятельности – это тенденция, проявляющаяся не только в психологии, но и в других науках (Демьянков, 1983, 2011). Любое понимание многовариантно, оно потенциально содержит в себе несколько возможных интерпретаций одних и тех же событий и ситуаций. *Интерпретации – это конкретные способы понимания;* чем их больше, тем выше степень полноты понимания. Сколько интерпретаций, столько вариантов понимания одного и того же. Интерпретация субъектом ситуации основана не столько на установленных эмпирических фактах, сколько на личностном знании о мире. Интерпретация – это репрезентация не всей ситуации (это невозможно), а только одной из точек зрения на нее, которая, по мнению субъекта, является правильной и оптимальной для понимания. Иначе говоря, интерпретация социальной реальности основана не только на эмпирических фактах, но и на применяемых знаниях, нормах и представлениях о правильном описании действительности. Следовательно, интерпретация неразрывно связана с индивидуальными способами конструирования мира: она направлена на акцентирование внимания партнеров по общению на таких деталях ситуации, которые кажутся ценными и значимыми субъекту, но могут быть не замечены собеседниками. Сам субъект, познающий и понимающий мир, является не бесстрастным фиксатором «объективной» действительности; он выступает в роли посредника, герменевта, толкователя ситуации для других людей. С психологической точки зрения интерпретация, в частности художественного текста, представляет собой своеобразное взаимодействие двух миров: внутреннего мира литературного произведения и мира читателя. Это означает, что понимание-интерпретация строится на основе взаимодействия интерпретации понимающим субъектом событий и ситуаций и его самоинтерпретации.

Понимание экзистенциальной реальности: понимание-постижение. В современной психологии большое значение уделяется анализу событий и феноменов, которые нельзя понять только на основе рационального знания. К ним относятся пиковые переживания, смысл жизни и смерти, надежда как метаценность человеческого бытия, поведенческие проявления мудрости и т. п. Описания субъектом таких феноменов и самооценки своего понимания уже невозможно характеризовать в терминах истинности или правильности. Для каждого из нас рассказ о них либо *правдивый*, либо *неправдивый*. В рамках экзистенциальной исследовательской традиции оценка правдивости высказываний испытуемых считается важной потому, что, обращаясь внутрь себя, своего экзистенциального опыта, человек остается самим собой только до тех пор, пока он искренен и правдив. Сказав неправду, он отчуждает свою подлинную сущность, начинает рассматривать себя как бы со стороны. С экзистенциальной точки зрения он перестает быть субъектом, превращаясь в объект сотворенной легенды. Это такой удобный себе и окружающим образ Я, который становится уже скорее мифом, чем реальностью. Как показали эмпирические исследования, понимание правды включает в себя немало невербализованных и иррациональных компонентов. Такое понимание основано на вере в правдоподобие того, что говорится; представлениях о справедливости в межличностных отношениях; убежденности в собственной искренности и др. Очевидно, что веру, справедливость, искренность нельзя описать, только руководствуясь рассудком, рациональными способами рассуждений: значимую роль при этом играет интуитивное постижение.

Экзистенциальная традиция исследования психической реальности проявляется в направленности ученых на анализ вариантов порождения опыта, имеющего смысл для субъекта. В жизни каждого человека бывают периоды экзистенциальных размышлений, связанных с пониманием себя в реальных ситуациях человеческого бытия. В бытийном плане смысложизненные ориентации имеют для каждого из нас не только конкретное адаптационное значение, но и более глубокий экзистенциальный смысл. К «пониманию себя в мире», «экзистенциальным размышлениям о себе» субъект приходит благодаря ретроспективному и антиципирующему интересу к своему внутреннему миру. Он направлен на поиск смысла своего существования, поступков и мысленный выход за пределы не только конкретной коммуникативной ситуации, но и собственной жиз-

ни, включение ее в иную систему координат, в которой жизнь наделается смыслом.

Понимание таких событий и феноменов основывается главным образом не на знании или интерпретации, а на постижении глубокого смысла фундаментальных проблем человеческого бытия. Понимание-постижение характеризуется направленностью на формирование глубинного смысла событий и ситуаций, которые субъект не имеет возможности ясно осознать и вербально описать. Человек может понимать или не понимать сложные и простые объекты. Однако если предмет психологического анализа сложен (как, к примеру, самообман), то следует говорить о его понимании на основе постижения. Следовательно, необходимость в постижении возникает тогда, когда невозможно познание, когда у нас нет возможности описать понимаемое с помощью логически обоснованных знаний. Понимание в таких случаях осуществляется по типу понимания-постижения. Оно характеризуется тем, что понимание может основываться даже на неосознаваемых и неизвестных сторонах понимаемого. «Можно понимать что-то, не осознавая, что понимаешь, и даже не будучи знакомым с предметом. Возможно, это звучит парадоксально, но весь смысл глубоких, общих объяснений состоит в том, что они охватывают не только знакомые ситуации, но и незнакомые. Если бы вы были современным математиком и впервые столкнулись с римскими цифрами, возможно, вы бы сразу не осознали, что уже понимаете их. Сначала вам бы пришлось узнать определенные факты о том, что это такое, а потом поразмышлять над этими фактами в свете имеющегося у вас понимания математики. Но сделав это, вы могли бы, оглядываясь, сказать: „Да, в римской системе цифр для меня нет ничего нового, кроме фактов“» (Дойч, 2015, с. 22–23).

Психологическое и общенаучное содержание феномена постижения подробно описано в разделе 4.8.

* * *

Итак, в рамках когнитивной традиции психологи стремятся к получению истинных знаний о психике испытуемого, которую они понимают на уровне понимания-знания. В герменевтической традиции ключевую роль играет понимание-интерпретация правильных или неправильных суждений, высказываемых партнерами по коммуникации. Экзистенциальная исследовательская традиция характеризуется направленностью психологов на понимание-постижение правдивых или неправдивых высказываний испытуемых.

Вместе с тем следует признать, что, так же как и типы реальности, типы понимания в психологическом исследовании не всегда поддаются четкой дифференциации. Это происходит потому, что иногда в одной и той же ситуации люди выделяют разные ее стороны и приходят к неодинаковым типам понимания. Даже десятилетние дети считают, что понимание в различных школьных дисциплинах строится на неодинаковых основаниях. При изучении школьных предметов дети осознают необходимость конструирования различных видов понимания, одни из которых являются описательными, а другие объяснительными, причинными. В 1588 г. во время шторма испанская военная флотилия затонула у берегов Шотландии и Ирландии. При изучении этого исторического факта на уроке естествознания первостепенную значимость приобретают выводы, связанные с физическими свойствами материалов и законами гидродинамики. Юристы акцентируют внимание на выводах о связи установления вины и ответственности. Историков интересуют, прежде всего, мотивы, намерения и склонности людей, которые были вовлечены в военные действия (Newton, Newton, 1999).

Показательный пример разноплановости понимания одной и той же ситуации – крушение в январе 2012 г. круизного лайнера «Коста Конкордиа», на котором в момент катастрофы находились 4234 человека. Корабль подошел слишком близко к острову Джильо, напоролся на риф и получил пробоину, что и привело к крушению судна. Итальянские следователи, ориентированные на изучение фактов, объективной картины произошедшего, выясняли, каков размер пробоины, действительно ли судно слишком близко подошло к берегу из-за сбоя в электронной системе навигации, проверяли бортовые регистраторы записей, не было ли в крови капитана наркотических средств и т.д. Собранные эмпирические факты дают им возможность ответить на вопросы и понять случившееся по типу понимания-знания. Другая группа вопросов, до сих пор обсуждаемых в СМИ, относится к разным версиям, интерпретациям событий. Очевидцы утверждают, что отклонение от курса произошло из-за того, что капитан Ф. Скеттино хотел показать остров старшему стюарду – единственному члену команды, который был родом с Джильо. Сам капитан и представители судовладельца заявили, что «Коста Конкордиа» от заданного курса не отклонялась. Спасшиеся пассажиры обращают внимание на растерянность и бездействие команды судна, тогда как члены экипажа настаивают на том, что сделали все возможное, чтобы минимизировать поте-

ри. Следователи обвиняют Скеттино в непреднамеренном убийстве, а также в том, что он покинул судно до завершения эвакуации пассажиров. Капеллан с лайнера заявил, что капитан никуда не бежал с судна, а его подчиненные действовали как герои. Каждой из перечисленных версий соответствует свое понимание-интерпретация событий.

Капитан Скеттино согласился с тем, что действительно прошел слишком близко от берега, выполняя маневр, известный как «Салют» (приветствие островитянам), однако уверенно заявил, что не это стало причиной крушения судна. На допросе он сказал, что допустил ошибку в навигации, так как находился в состоянии глубокой задумчивости. В ходе следствия также выяснилось, что вскоре после аварии Скеттино по телефону уведомил ремонтную компанию о «небольшой поломке», тем самым солгав о масштабах повреждений. Позднее капитан признался в целой серии ошибок, включая несвоевременную постановку теплохода на якорь после аварии. Состояние задумчивости, мотивы противоречий в показаниях, ложь – все это психологические факторы, требующие специального изучения. Без психологического исследования трудно рассчитывать на достижение понимания-знания или понимания-интерпретации – в этом случае возможно только понимание-постижение.

4.8. Постижение – один из типов понимания

Феномен постижения, если его рассматривать не в религиозном, а в научном значении, так же объективен, как достоверное знание. На это указывает М. Полани. Он пишет: «Постижение не является ни произвольным актом, ни пассивным опытом; оно – ответственный акт, претендующий на всеобщность. Такого рода знание на самом деле объективно, поскольку позволяет установить контакт со скрытой реальностью; контакт, определяемый как условие предвидения неопределенной области неизвестных (и, возможно, до сей поры непредставимых) подлинных сущностей» (Полани, 1985, с. 19).

В основе экзистенциальной точки зрения на постижение лежит неоднократно высказываемая многими мыслителями мысль о трудности постижения и даже неуловимости истины для разума. Главная причина интеллектуальной непостижимости истины заключается не только в ее неисчерпаемости и бесконечности, но и в несказанности. Истина оказывается гораздо больше, выше, масштабнее всего, что можно поименовать, высказать словами. Неудивительно, что

неосознаваемость истины скрывает от познающего субъекта свернутое, неявно выраженное знание о ней. Принципиальная невозможность полного осознания познаваемого мира и себя в мире хорошо известна не только психологам. Как свидетельствует история науки, она проявлялась, например, в «ученом незнании», характеризовавшем гениев (вспомним Ньютона, который сравнивал себя с мальчиком, перебирающим камешки на берегу океана познания). Вследствие этого решения, принимаемые людьми в трудных жизненных ситуациях (предпочтение своих эгоистических интересов в ущерб долгу или уже данным обещаниям, моральные сомнения в необходимости обнародования неприглядного поступка друга, согласие на операцию при тяжелом онкологическом заболевании и т. п.) основаны как на разуме, рациональных рассуждениях, так и на интуитивном внепоятийном постижении.

Понятие «постижение», с одной стороны, по объему и содержанию является более широким, чем категории «познание» и «интерпретация», а с другой – значительно более размытым, трудно уловимым и непросто поддающимся вербальному объяснению. Основная причина этого в том, что феномен постижения является неотъемлемой частью человеческого бытия, экзистенции, не поддающейся рефлексивному анализу. Еще С. Кьеркегор противопоставлял свое мировоззрение картезианской уверенности в том, что бытие пронцаемо для мышления и, следовательно, может быть описано в понятиях. Он утверждал, что экзистенция есть то, что всегда ускользает от рационального понимания. По Гегелю, постижение направлено на выявление такого истинного бытия людей и природных объектов, которое скрывается за чувственным восприятием. Необходимость в нем возникает при невозможности уяснения объективной сущности предметов и явлений такими, какие они есть.

Человек может понимать или не понимать сложные и простые объекты. Однако если предмет психологического анализа сложен, как, к примеру, самообман, то следует говорить о его таком понимании, в основе которого лежит постижение. Например, неудивительно, что фундаментальный исторический труд британского историка, культуролога, социолога и философа А. Дж. Тойнби в русском переводе называется «Постижение истории» (Тойнби, 2004). На английском языке труд А. Дж. Тойнби называется «A Study of History», т. е. «Изучение истории» или «Исследование истории». «Но с первых же страниц становится ясно, что о каком-либо изучении, основанном на детальном анализе, или об исследовании в привычном смысле можно гово-

речь лишь весьма относительно. Мысли, концепции, определения, факты, страны и народы, прошлое и будущее сливаются в сложнейший узор, скорее указывающий на присутствие тайны, чем придающий четкость и последовательность изложению событий прошлого... Однако, чем больше читатель углубляется в него, тем сильнее его охватывает чувство, что в данном случае речь идет не столько о рациональном познании, сколько о постижении, сочетающем логическое осмысление, интуицию и даже прозрение» (Уколова, 2004, с. 8). Постигание в сочинении А. Дж. Тойнби интегрирует его интерпретативную схему анализа исторических фактов, воплощенную в тезаурусном способе понимания цивилизаций. Причем присущая историку тяга к универсализму указывает на показательное для него преобладание синтеза над анализом.

Теперь для расширения контекста применения категории «постижение» обращусь к другой области научного познания. И. А. Бескова, доказывая ограниченную применимость компьютерных метафор для понимания природы естественного интеллекта, обсуждает феномен интегрального постижения. Она говорит о существовании единого целостного пространства человеческой экзистенции, реализующемся в каждом познающем субъекте. По отношению к такому пространству применимо выражение «жизнь как познание». Она пишет: «На мой взгляд, специфика достигаемого в познавательном акте результата (имеется в виду глубина проникновения в существо воспринимаемого) напрямую зависит от того, осуществлялось ли взаимодействие с объектом интереса на интегрально-телесном или „умственном“ уровне. Иными словами, от того, какой уровень взаимодействия с привлекавшей внимание человека ситуацией был достигнут: состоялось ли понимание, так сказать, всем существом человека или же это было осмысление „на уровне головы“? Первое я назову *интегральным постижением*, второе – рассудочным пониманием» (Бескова, 2014, с. 175). В творческих процессах, требующих от субъекта проявления интуиции, озарения и т. п., в понимании и осмыслении предмета участвуют не только познавательные процессы но, по сути, всё существо человека. Подлинное творчество характеризуется готовностью и способностью субъекта снять разграничительные барьеры между ним и объектом постижения, как бы стать последним, убрать границы, разделяющие человека и мир. «И поскольку в акте интегрального постижения происходит снятие барьера инаковости по отношению к воспринимаемому, состояние человека может оказаться весьма дисгармоничным, а в ка-

кие-то моменты (например, до достижения озарения) и труднопереносимым» (там же, с. 178).

Одной из заметных тенденций современных философских исследований является традиция постижения бытия человека как особого рода онтологического измерения, которое обнаруживает, вскрывает недостаточность, ограниченность в использовании рациональных методов познания. В рамках этой традиции подчеркивается, что такие методы элиминируют онтологическую специфику индивидуального уровня проявления антропологической системы бытийствования. На теоретическом уровне постановка и решение этой задачи обращает философов к исследованию проблемы постижения онтологической многомерности человеческого бытия (Думинская, 2014). Проблема целостного постижения человека анализируется также сквозь призму системно-синергетического способа ее осмысления. Синергетический подход, позволяет исследовать общие законы саморазвития сложно организованных систем. Он открывает возможность конституирования антропологического измерения в его бытийной целостности на основе одной объяснительной парадигмы (Тельнова, 2002).

В социогуманитарных науках постижение бытия человеком рассматривается как такая система, в которой отдельные типы сознания и знания анализируются как формы развивающейся духовной культуры. Согласно С. А. Хмелевской и Н. И. Яблоковой, «постижение бытия осуществляется в определенных устойчивых формах (философия, наука, религия и пр.), которые образуют *постижение-систему*» (Хмелевская, Яблокова, 2013, с. 74). В социокультурном контексте постижение – это «культурно-историческое получение знания, в котором различные типы сознания и знания (обыденное, мифологическое, религиозное, эстетическое, научное, философское) предстают как формы единой, органически развивающейся духовной культуры» (там же).

В психологии постижение трактуется в более узком значении. Психологи фокусируют внимание в основном на двух сторонах постижения.

Одна плоскость анализа – это соотношение осознаваемого и неосознаваемого, в котором именно бессознательные компоненты определяют успешность или неудачу в понимании-постижении субъектом событий и ситуаций человеческого бытия.

Другой план исследования – сознательный отказ психолога от оценки истинности или ложности знаний о событиях и ситуации-

ях, используемых понимающим субъектом в процессах постижения. Главное как для субъекта, так и для психолога заключается в определении ценностных составляющих знаний. Постигаемое всегда нам не безразлично, оно имеет определенную субъективную ценность.

Итак, в психологии постижение трактуется в более узком, чем в социогуманитарных науках, значении.

Во-первых, постижение представляет собой такой тип понимания, который направлен не на простое, а на сложное: явления и объекты мира, требующие для своего понимания незаурядных усилий. «Употребление прилагательного *постижимый* возможно только в том случае, когда речь идет о глубоком понимании сути характеризуемого объекта, о проникновении в его основные, наиболее существенные свойства. Такое понимание может быть достигнуто в результате серьезных творческих усилий, глубокой интуиции, озарения, божественного откровения. Для него недостаточно готовых знаний или чужих объяснений» (Богуславская, 1997, с. 259–260).

В современном дискурсе употребление прилагательного «постижимый» возможно только тогда, когда речь идет о глубоком понимании сути характеризуемого объекта, о проникновении в его основные, наиболее существенные свойства. Например, в 2001 г. для миллионов людей со всего мира очевидным, когнитивно понятным, но экзистенциально непостижимым, почти «апокалиптическим» событием стала неоднократно повторявшаяся по телевизору картина крушения манхэттенских небоскребов-близнецов.

В научном диалоге, особенно в гуманитарном познании, необходимость в постижении нередко обусловлена отсутствием общепринятых понятий, вследствие чего дискутирующие друг с другом ученые описывают одни и те же феномены и явления разными терминами. Неудивительно, что при этом они испытывают трудности в отчетливом понимании точки зрения собеседника. Приведу типичный пример из одного из самых серьезных и уважаемых в российском психологическом сообществе журналов: «Вероятно, мне не дано постигнуть тонкости терминологической эквилибристики, когда выстраиваются разные модели („внешняя“ и „внутренняя“), использующие одинаковые термины, которые оказываются наделены различным содержанием» (Фёдоров, 2014, с. 84).

В этом случае предмет обсуждения обладает скрытым, неявным содержанием, которое при включении в личностное знание субъектов общения может приводить к порождению ими неисчерпаемого множества смыслов анализируемой в диалоге проблемы. Такие

смыслы недоступны для рационального познания: их можно только постигать. Однако в научной литературе есть и противоположные примеры, указывающие на достаточность для уяснения сути научной позиции партнера понимания-знания или понимания-интерпретации (Знаков, 2014) предмета обсуждения, из чего следует избыточность и ненужность его понимания-постижения. Например: «Прекрасная статья Л. А. Марковой порождает так много вопросов, что в качестве комментария к ней можно было бы написать текст раза в три больше, чем ее собственный. К счастью, Маркова обладает способностью очень ясного изложения своих идей и рассуждений. Поэтому с ней приятно спорить – не нужно тратить сил на извлечение мысли из путаницы слов и можно прямо противопоставлять ее утверждениям свои критические замечания» (Никифоров, 2009, с. 56)

Во-вторых, постижение – это такое *схватывание* целого, части которого мы по тем или иным причинам не можем познать и детально описать. Например, директор атомной электростанции ни при каких обстоятельствах не может знать о всех процессах, происходящих в данный момент в ядерном реакторе, мэр мегаполиса – о состоянии всех коммуникаций в городе, работники спецслужб – о всех готовящихся терактах. Необходимость в постижении возникает тогда, когда невозможно познание, когда у нас нет возможности описать понимаемое с помощью логически обоснованных знаний. И если это схватывание, основанное на понимании-объединении целого из частей, то оно должно отражать превалирование в мышлении понимающего субъекта холистичности над аналитичностью (Nisbett et al., 2001). Постижение направлено на преодоление схематичности знания проблемы, устремленность к ее целостному охвату. Когда понимающий субъект не может найти подходящего для понимания фрейма в своей памяти, внутри себя, то он стремится выйти за свои пределы, осознаваемые границы своего Я. Подобный выход, связанный с экзистенциальным самопониманием, неизбежно влечет такое изменение, саморазвитие самого субъекта, которое по концептуальному содержанию в значительной степени совпадает с феноменом «заботы о себе» (Фуко, 2007).

Таким образом, важнейшим психологическим компонентом постижения является холистическое понимание-объединение частей понимаемого события или ситуации в целостную картину. Феномен постижения является неотъемлемой частью человеческого бытия, экзистенции, не поддающейся рефлексивному анализу: постиже-

ние своего истинного Я никогда не может без остатка быть сведено к осознаваемому логически обоснованному знанию. В процессах постижения знание замещается опытом, основанным на интуиции, переживаниях и чувствах.

В-третьих, успешность постижения связана с осознанием человеком того, что он живет в таком мире, в котором существует много событий и ситуаций, которые ему никогда не удастся отчетливо осознать и детально описать. Осознание должно сопровождаться установкой, психологической готовностью эффективно действовать в условиях *неопределенности*. Именно поэтому необходимость не в познании, а в постижении обычно возникает в маловероятных ситуациях, которые трудно прогнозировать. Например, несмотря на знание поговорки «От тюрьмы и от сумы не зарекайся» обычному человеку очень трудно представить невероятный и потому непостижимый набор обстоятельств, совпадение которых создаст ситуацию, при которой он окажется в тюрьме. Постигать такую действительность можно, только понимая и признавая объективный характер ее неопределенности, препятствующей полному осознанию и объяснению.

Как отмечает Л. И. Анцыферова, понимание и признание неопределенности человека и мира – один из ключевых признаков мудрости. При этом под неопределенностью она имела в виду относительную индетерминированность и непредсказуемость жизни, порождающей экзистенциальные проблемы, которые не имеют простых однозначных решений и принципиально не могут быть решены только на основе имеющихся у субъекта знаний, умений и навыков. Мудрый человек хорошо понимает присущую жизни неопределенность и обладает совокупностью эффективных стратегий управления ею (Анцыферова, 2004). И, судя по результатам психологических исследований (Леонтьев, 2011; Baltes, Kunzmann, 2003; Sternberg, 2003 и др.), постижение – удел не просто умных, а мудрых людей.

Современная психология неопределенности является одним из очень важных ресурсов выявления психологической природы постижения. В этой области психологических исследований процессы принятия субъектом неопределенности многих событий и ситуаций мира человека рассматриваются как фокусирующие его активность – от уровней самосознания личности до глубинной мотивации. Процессы принятия неопределенности играют значимую роль в структурировании взаимодействий переменных интеллектуального и личностного потенциала человека. В частности, в трудных

жизненных ситуациях в предпочтении человеком тех или иных стилей и стратегий совладания его интеллектуально-личностный потенциал представлен в единстве процессов когнитивного оценивания, переживания и выбора путей решения возникающих проблем (Корнилова и др., 2010).

В-четвертых, существуют научные основания для утверждения, что в процессах постижения субъектом мира (в частности, себя и других людей) бóльший «удельный вес» имеют не знание, познание и самопознание, а опыт, понимание и *самопонимание*. Без самопонимания постижение невозможно. На это указывает Л. И. Анцыферова, подчеркивающая особую роль феномена постижения субъектом своего внутреннего мира и психического других людей. Именно в постижении, а не достоверном знании она ищет ключ к решению проблемы мудрости: «Постановка проблемы постижения, интуитивного чувствования человеком архитектоники своего внутреннего смыслового мира, переживаемого как истинно присутствующего ему, означает переход от чисто когнитивного понимания мудрости к личностно ориентированному. Мудрость предполагает поиск и нахождение субъектом своего призвания, своего истинного Я» (Анцыферова, 2005, с. 6).

Постигание основано на мотивации преобразования себя, самопонимании субъекта, приводящим к соприкосновению его внутреннего мира с чем-то иным, внешним по отношению к нему. Постигание возникает и развивается вследствие взаимодействия внутриличностной, межличностной и метаперсональной самоинтерпретации (DeCicco, Stroink, 2007). Постигая что-либо, человек одновременно и углубляется в себя, и выходит за свои пределы. Такой выход требует от субъекта не только соотнесения понимаемых событий и ситуаций с личностным знанием, но и включения их в более широкий контекст человеческого бытия. Метаперсональная самоинтерпретация представляет собой метасистемный уровень самопонимания. Она направлена на выход за пределы индивидуально-личностного, внутреннего мира и охватывает более широкие стороны человеческого бытия – осознание субъектом себя как частицы человечества, жизни, космоса. Метаперсональный Я-конструкт определяется как такое чувство идентичности, которое простирается дальше индивидуального или межличностного и охватывает более широкие аспекты человечества, жизни, психики или космоса (Mara, DeCicco, Stroink, 2010). В процессе метаперсональной самоинтерпретации субъект осознает, что человеческую сущность

можно постичь, обратив взор не только внутрь себя, но и на психологические особенности других людей, общество и универсум. МетAPERсональное порождается универсальным фокусом: таким взглядом на себя и мир, который включает всю природу и жизнь в Я-концепцию субъекта (DeCicco, Stroink, 2007).

В-пятых, в каждом человеке есть что-то невыразимое в знании, не поддающееся познанию, а представленное только в жизненном и экзистенциальном *опыте*. Это «что-то» – потаенная основа бытия, его глубинные основания (Касавина, 2014; Кузьмина, 2014). Согласно М. Полани, это скрытая реальность, область неизвестных и непредставимых подлинных сущностей (Полани, 1985). Неудивительно, что во многих жизненных и экзистенциальных ситуациях неразумно надеяться на полное и якобы абсолютно точное понимание фактов, событий, людей. Мудрые люди отличаются от других именно ясным осознанием недостаточности понимания-знания или понимания-интерпретации, они изначально принимают как данность необходимость понимания-постижения партнеров по коммуникации. Мудрец знает, что человек – это такое духовное существо, потаенные глубины которого не дано узнать не только другим, но и ему самому. И вследствие непостижимости партнеров субъекты общения вынуждены удовлетворяться пониманием-постижением.

Человеческое бытие по объему и содержанию шире познания, и потому даже о себе современный человек не может знать все – самые глубокие мыслители никогда не смогут понять себя. Это очень точно сформулировал М. Н. Эпштейн, характеризуя Г. В. Иванченко: «Она не знала самой себя, она была много больше того, что понимала о себе; эту аристократическую черту нельзя подделать, – врожденный переизбыток бытия над знанием в существе, которое посвятило жизнь самопознанию себя и человечества» (Эпштейн, 2014, с. 4). Мы можем понять таких уникальных людей только по типу понимания-постижения. Это понимание процессуально, динамично и основано не на знании, а на опыте.

В-шестых, постижение неразрывно связано с *обыденным знанием* человека, живущего в современном мире. Любому профессиональному психологу известны результаты исследований Л. С. Выготского о житейских и научных понятиях. Ребенок, овладевший житейскими понятиями, обращает внимание лишь на отраженные в них эмпирические связи, т. е. отношения между предметами. Он еще не способен определить понятие другими словами и установить сложные логические отношения, описать целостную понятий-

ную структуру. В отличие от житейских научные понятия встроены в систему знаний, связаны с другими терминами в иерархической системе логических отношений, в которой представлено множество других понятий разного уровня обобщенности.

Однако неправильно было бы считать житейские понятия только более ранней ступенью онтогенетического развития человека: они играют важную роль во многих ситуациях и обстоятельствах жизни взрослых людей. Сегодня, когда ученые ясно осознали многомерность мира человека и, соответственно, «многоэтажность психологии» (Кричевец, 2005), на соотношение житейских и научных понятий необходимо посмотреть с иной точки зрения. Множественность и неоднородность ситуаций человеческого бытия закономерно порождает вопрос: может быть, неразумно стремиться описывать и объяснять абсолютно все события и ситуации с помощью достоверного научного знания? Утвердительный ответ на него очевиден, потому что в психологических исследованиях только небольшую часть суждений мы можем соотносить с критериями истины. В остальных случаях, если стремиться быть научно корректным, при интерпретации результатов исследований нужно говорить не об истинности, а о правильности или правдивости суждений о людях, событиях, ситуациях. Решения моральных дилемм, конфликтов, спорных политических вопросов чаще основываются на чувствах, переживаниях, социальных представлениях, на опыте людей, чем на достоверных научных знаниях. Как можно определить, правильно ли поступило правительство Израиля, обменявшее в конце 2011 г. военнопленного капрала Г. Шалита на 1027 палестинцев, отбывавших наказание в израильских тюрьмах за совершение террористических актов и другие преступления против мирных жителей? Это решение не может быть объяснено никакими логическими рассуждениями, потому что оно основано на повседневном знании и экзистенциальном опыте людей, долгие годы живущих в условиях арабо-израильского конфликта.

Аналогично я не могу постичь мотивы и логику рассуждений французских карикатуристов из журнала «Шарли Эбдо», использовавших в сентябре 2015 г. образ трехлетнего сирийского мальчика, утонувшего вместе с братом и матерью при попытке приплыть в Европу, для высмеивания отношения европейских христиан к мусульманам. Однако то, что это именно *логика*, не вызывает никаких сомнений. Как известно, этот журнал «прославился» на весь мир карикатурами на пророка Мухаммеда. За этим последовали трагичес-

кие события с расстрелом журналистов, работающих в «Шарли Эбдо». После этого оставшиеся в живых сотрудники издания снова опубликовали аналогичные карикатуры. Трагическая точка была поставлена в серии чудовищных терактов в Париже 13 ноября 2015 г. Все это свидетельствует о гипертрофированном рационализме мышления французских журналистов. Их логически обоснованные аргументы в пользу защиты слова, в том числе свободы рисовать карикатуры на любые темы, отражают представления о существовании «человека рационального» и игнорировании «человека экзистенциального». Иначе говоря, аргументы обращены к сознанию людей, его вербально выражаемому содержанию. Такие аргументы построены на основе пренебрежения когнитивным и аффективным бессознательным, присущим всем людям независимо от расы и национальности (я детально проанализировал их в разделе 2.5.4). В новейшей истории человечества проявления такого бессознательного в массовом поведении учат разумных людей тому, что все-таки есть запретные темы. В частности, к ним относятся религиозные: какими бы логически оправданными соображениями мы ни руководствовались, всегда есть шанс, что невольно будут оскорблены чувства верующих. Однако пока все свидетельствует о том, что кровавые уроки людьми в западной цивилизации усвоены очень плохо.

Следовательно, психологам как на теоретическом, так и на эмпирическом уровнях исследования давно известно, что далеко не все события и ситуации можно объяснить рационально, с помощью логических рассуждений.

Как известно еще со времен работы А. Шюца «Чужак», знание человека, думающего и действующего в мире своей повседневной жизни, несвязно, оно обладает лишь частичной ясностью и не свободно от противоречий. Обычно человек довольствуется тем, что в его распоряжении есть исправно функционирующая телефонная служба, но не задается вопросом о том, как работает телефонный аппарат. Он покупает в магазине товар, не зная, как тот изготовлен, и расплачивается деньгами, имея самое смутное представление о том, что такое деньги. А. Шюц пишет: «В повседневной жизни человек лишь частично – и осмелимся даже сказать: избирательно – заинтересован в ясности своего знания, т. е. полном понимании связей между элементами своего мира и тех общих принципов, которые этими связями управляют. <...> Более того, он вообще не стремится к истине и не требует определенности. Все, что ему нужно, – это информация о вероятности и понимание тех шансов и рисков, ко-

торые привносятся наличной ситуацией в будущий результат его действий» (Шюц, 2004, с. 536).

Помимо характеристик, указанных выше, обыденное знание включает осознание непонимания, т. е. понимание того, что некоторые виды человеческого опыта выходят за пределы обыденной реальности, которую нетрудно понять. Показательный пример – воспоминания людей, переживших клиническую смерть (Моуди, 2008). При анализе таких ситуаций человеческого бытия мы вынуждены анализировать феномен постижения, основанный на экзистенциальном опыте субъекта. Очевидно, что понимание некоторых событий и ситуаций происходит при опоре не на достоверное, допускающее эмпирическую проверку знание, а на личностное. Структура последнего в значительной степени основана на неосознаваемом невербализуемом знании, которое можно только постигать.

Постижение основано на экзистенциальном опыте индивидуального или группового субъекта. Доказательства этого можно найти в психологических исследованиях, например, женских автобиографий. Характерной особенностью женской автобиографии является апелляция к личному экзистенциальному опыту, прежде всего, как гендерному опыту группы. Как утверждает Ш. Фелман в известной книге «Чего хочет женщина? Чтение и половые различия», в основе такого опыта находятся представления о травме, подавлении, репрессии в культуре (Felman, 1993). Женщина не может писать собственную историю потому, что она *не знает* ее, так как нельзя «знать» травму: ее можно только *переживать* и понимать по типу понимания-постижения.

На невозможность когнитивного познания травмы, ее отнесенность к постижению очень точно указывает Е. Трубина: «Событие травматично не столько потому, что оно ужасно, сколько потому, что оно непостижимо, потому, что оно бросает вызов пониманию, встряхивает и разрушает базисные допущения о мире, особенно самые хрупкие из них, согласно которым мир осмыслен, Я – позитивно, а другим можно доверять и сочувствовать. Травма остается в культуре знаком невозможности полного знания, концентрируя в себе истину события, ускользающую от опосредования и ассимиляции коллективным или индивидуальным мировоззрением» (Трубина, 2009, с. 906). Неудивительно, что в автобиографии внутренний приватный мир женского Я сознательно или бессознательно противопоставляется автором биографии миру общепризнанных фактов. Вследствие этого вместо временной нарративной последо-

вательности реализуется эмоциональная последовательность событий. В результате внешняя событийность якобы очевидных объективных фактов подменяется женской внутренней аффектированной автобиографией (Жеребкина, 2007).

Типичным и очень характерным в этом отношении является телеинтервью З. Царнаевой, матери двух братьев, совершивших теракты во время марафона в Бостоне в апреле 2013 г. Уже после обнародования неопровержимых доказательств того, что взрывы осуществили Тамерлан и Джохар Царнаевы, она сказала: «Я уверена на сто процентов, что их подставили, оба моих сына невиновны». И ее трудно заподозрить во лжи, женщина искренне верила в то, что говорила.

Наконец, *в-седьмых*, некоторые психологи анализируют постижение главным образом как *интуитивное чувствование* (Анцыферова, 2005). При этом они подчеркивают, что в процессах постижения главное как для понимающего мир субъекта, так и для исследующего его психологию ученого заключается в определении не истинностных, а аксиологических, ценностных составляющих знаний. Постигаемое всегда человеку не безразлично, оно имеет для него определенную субъективную ценность. И именно в аксиологической направленности постижения проявляется его внутренняя нерасторжимая связь с феноменом созерцания.

Научные представления о сущности созерцания в XX в. претерпели значительные трансформации. Эволюция понятия «созерцание» развивалась в нескольких направлениях, соответствующих изменениям научного понимания содержания этого феномена.

Исторически первой была трактовка созерцания как чувственной ступени познания, способа освоения действительности, проявляющегося в непосредственном отношении сознания к предмету. Применительно к психологической науке это означало *противопоставление деяния и недеяния*: активности субъекта, реализующейся, прежде всего, в деятельности, и пассивной созерцательности. По мнению С.Л. Рубинштейна, такая интерпретация созерцания была в корне неверной и тормозящей развитие психологии сознания и других ее областей. По этому поводу он писал: «Преодоление пассивной созерцательности, господствовавшей до сих пор в психологии сознания, составляет одну из важнейших и актуальнейших задач нашей психологии... Человек – не пассивное созерцательное существо, а существо действенное, и изучать его поэтому нужно в свойственной ему активности» (Рубинштейн, 2000, с. 435).

Между прочим, интересные попытки преодоления противопоставления деятельного сознания и пассивного созерцания были предприняты еще в *древнеиндийской философии*. В ней два упомянутых психологических по своей сути феномена соотносятся по уровневому принципу «низшее–высшее»: «Жизнь деятельная в противоположность созерцательной в ведической философии понимается как более примитивная форма существования: „деятельность есть проявление низшей силы, спокойствие – высшей“. Состояния спокойствия человек может достигнуть лишь на ступени созерцания. Однако наиболее существенное противоположение состоит здесь не в том, что деятельная жизнь противопоставляется „бездеятельной“. Созерцание *не бездеятельно*, напротив, оно есть состояние *наиболее концентрированного внимания*, внимания, переходящего в чувство гармоничного слияния с объектом созерцания, полного растворения себя в нем и, наконец, нахождения блаженства *высшего духовного напряжения*, в момент которого личность и объект созерцания взаимно перетекают друг в друга. Достигнуть этого возможно лишь в состоянии наивысшего сосредоточения всех духовных сил и ценой длительных и упорных попыток обретения такого состояния» (Алексеев, 2013, с. 112).

Наконец, еще более широко формулировал вопрос митрополит Антоний Сурожский. Он говорил, что созерцание не следует понимать ни как некую деятельность, ни как некое преходящее состояние. Оно должно проникнуть все естество человека, быть единственным содержанием всего его бытия (Антоний Сурожский, 1953, с. 138).

Таким образом, первое направление изучения созерцания развивалось по линии «активность – пассивность», *наличия деятельности или ее отсутствия*.

Второе направление анализа определила работа М. Шелера «Сущность и формы симпатии». В рамках этого направления подчеркивается *интенциональная* природа созерцания как составляющей внутреннего мира субъекта, в котором отражаются также и внешние обстоятельства его жизни. Созерцание есть такое направление актов действия, в соответствии с которым мы можем осуществлять действия в отношении нас самих и других. «Направление действия» устремлено не только во внутренний мир, оно охватывает и регулирует как Я, так и переживания других людей (Scheler, 1923, S. 288). По существу, с этой позиции, созерцание выступает в роли точки схождения внутреннего (переживаний, состояний и т. п.) и внешне-

го (обстоятельств, объектов и т. п.). Анализируя психологическую природу созерцания, на это указывает Г. В. Акопов: «Инверсируя от внешнего к внутреннему и наоборот, созерцание может охватывать своим „вниманием“ самые разнообразные предметы, объекты, явления, сущности, процессы, состояния и т. д., создавая и разрушая типологии, классификации, соединения, разъединения, целое и составные части, композиции и деконструкции» (Акопов, 2011, с. 38).

В рамках третьего направления созерцание соотносится с личностным знанием, включающим отношения, переживания и субъективные оценки. Психологическим основанием созерцания является не отражение, а скорее отношение: суть этого феномена заключается не в усмотрении чего-то, что находится перед субъектом и может быть наблюдаемо, а в созерцании через переживание. Созерцательное знание, по С. Л. Франку, – немое, молчаливое, несказанное – очень напоминает то, что в современной науке после М. Полани ученые называют личностным знанием. Созерцательное обладание реальностью означает знание непостижимого, в созерцании реальность усматривается, открывается субъекту как по существу непостижимое: «Так как всякое суждение и определение здесь по существу невозможно и неуместно, то знание непостижимого есть, как таковое, неведение; но так как нам открывается при этом с очевидностью само непостижимое, то это неведение есть именно ведающее, умудренное неведение» (Франк, 2007, с. 171). Осознание собственного незнания, умудренное неведение, указывающее границы, пределы познания, приобретает для понимающего мир субъекта ценностный характер. Следовательно, в созерцании как усмотрении непостижимого в явном осознаваемом или в неявном бессознательном виде представлено ценностное отношение субъекта к миру, регулирующие процессы решения им познавательных и экзистенциальных проблем.

Наконец, в *четвертом* направлении исследования созерцания, представленном в основном в книге С. Л. Рубинштейна «Человек и мир», суть этого феномена сводится такому к ценностному прагматическому отношению субъекта к объективной действительности, которое позволяет ему не столько успешно познавать мир, сколько определить свое место в жизни. «Величие человека, его активность проявляются не только в деянии, но и в созерцании, в умении постичь и правильно отнестись ко Вселенной, к миру, к бытию» (Рубинштейн, 1997, с. 73). Созерцательность понимается как иная, отличный от познания и действия способ отношения к миру, восприятия,

осознания мира человеком. С.Л. Рубинштейн различает созерцание и деятельность. При этом он трактует созерцание не как феноменологическую непосредственность, пассивность чувственного восприятия, а как выражающее сущность самого субъекта ценностное отношение к бытию. Главная характеристика созерцания как одной из функций сознания состоит в его «заинтересованности» в раскрытии истины, в раскрытии реального положения дел.

«Введением категории «созерцание», приравненной по своему рангу к познанию и деятельности, Рубинштейн фактически разрешает противоречие, выводит из тупика, в который привело стремление экзистенциализма противопоставить познанию мира его «принятие», акцентировать не столько логические структуры познания, сколько способность личности к размышлению. Но тупик возник в связи с низведением категории «принятия», «размышления» к индивидуальному уровню, уровню личности. Несомненно, что между этими категориями есть существенное различие. Рубинштейн также учитывает это различие, для чего и вводит отличающуюся от познания категорию «созерцания». Но ранг «созерцания» Рубинштейн поднимает до уровня способности философски определенно, а не эмпирического субъекта. Здесь созерцание приближается по своему значению к дильтеевскому «пониманию» или герменевтической интерпретации. Если познание раскрывает «логику», сущность объекта, то созерцание выражает способность субъекта «верно отнестись к миру», т. е. определить «логику» своего к нему отношения. В этом смысле познать мир еще не значит разумно определить свое место в нем» (Абульханова-Славская, Славская, 1997, с. 125).

Таким образом, в созерцании как составляющей постижения выражается неосознаваемое ценностное отношение субъекта к эмпирической, социокультурной и экзистенциальной реальности???? человеческого бытия, включающей себя и других людей и регулирующей процессы решения им познавательных и экзистенциальных проблем.

4.9. Непостижимое и тайна – проблемы психологии понимания экзистенциальной реальности

Один современный писатель сказал: «Нет ничего более непостижимого для человека, чем он сам» (П. Коэльо). Однако еще два века назад Вольтер более широко ставил вопрос: «Я признаю, что человек непостижим, но столь же непостижима и вся остальная природа».

да, и в человеке не больше очевидных противоречий, чем во всем остальном». Наконец, А. Эйнштейн переместил взгляд с результата на сам процесс постижения. Он говорил: «Самое непостижимое в этом мире – это то, что он постижим».

Отношение к «непостижимому» в имплицитном виде проходит по всей истории философской мысли. Проявленность, постановка этой проблемы – заслуга русской философии (Ткачев, 2009). Для психологов сегодня уже совершенно очевидно, что экзистенциальный опыт как компонент человеческого бытия включает и объективно непостижимые для субъекта области. Внепонятийное, иррациональное, бессознательное и надсознательное знание о мире можно характеризовать или как «непостижимое в себе», или как «непостижимое для нас» (Франк, 2007).

Непостижимое в себе возникает как отражение объективных характеристик самого бытия. Человеческое бытие всегда есть нечто большее и иное, чем все мыслимое и тем более описываемое в понятиях.

Во-первых, потому, что в любой момент времени бытие уже *потенциально содержит* то, чем оно станет в будущем. Иначе говоря, любая реальность человеческого бытия является *возможностью* и того, чем она станет, но пока еще не есть. В начале XX в. об этом неоднократно писал С. Л. Франк (2007). Сегодня, через сто лет, проблема возможного бытия актуальна в контексте рассуждений физиков, философов, психологов о том, существует ли объективная действительность (Менский, 2011; Петренко, Супрун, 2013; Карпенко, 2015). Человек открывает для себя реальность в виде многообразия возможностей. Неудивительно, что даже знаменитое высказывание Декарта «Мыслю, следовательно, существую» уточняется и звучит иначе: «Существовать – значит мыслить возможное» (Карпенко, 2015, с. 66).

В этом ракурсе размышления о возможном актуальны по отношению не только к эмпирической реальности, но и к социокультурной. Что такое мнение, которое мы высказываем, общаясь с другими людьми? Это наше убеждение, основанное на гипотезе, одном из возможных вариантов развития событий (летом 2015 г. многие политики по-разному высказывались по поводу того, выплатит ли Франция компенсацию России за непоставленные вертолетоносцы типа «Мистраль»). Любое мнение становится осмысленным только тогда, когда оно сопоставляется с другими мнениями, которые дают ответы на вопросы о том, как иначе могли происходить события в конкретном фрагменте мира человека. Значимость мнения

субъекта всегда определяется соотношением с мнениями его собеседников и оппонентов. В диалоге смысловая наполненность событий оказывается тем выше, чем с большим числом возможностей их развития они сопоставляются. В психологии понимания это соответствует полноте понимания, прямо зависящей от количества интерпретаций, включенности понимаемого в разные контексты. И это относится не только к тому, что может быть, но и тому, что, безусловно, существует сейчас или было в прошлом. Парадоксально, но наше понимание исторических фактов, прошлых событий определяется сегодняшним их осмыслением. Никогда нельзя предсказать, какие возможные варианты развития событий откроются ученому в процессе исследования или политику в пылу дискуссионных страстей (летом 2015 г. из речей президента П. А. Порошенко мы узнали, что «украинцы и россияне – не братские народы с общей историей, Россия – враг Украины»). Если отбросить политическую шелуху, то такой взгляд не только на чужую, но и на собственную историю присущ многим народам. Вспомним высказывание, которое нередко звучит иронически, но тем не менее потенциально содержит в себе глубокий смысл: «Россия – страна с непредсказуемым прошлым». Его пояснением может служить такое суждение: «Даже прошлое, которое, несомненно, было тем, чем оно было, и то невольно впускает эту модальность возможного в свой заверченный мир, поскольку каждый факт по мере его удаления от нас превращается в гипотезу, открывает простор для интерпретаций для многочисленных „что было бы, если бы“. Мы начинаем гадать о том, что раньше знали. Вчерашний факт превращается в сегодняшнюю гипотезу» (Эпштейн, 2004, с. 115).

Бытие человека как осознание собственных возможностей, условно говоря, осуществляется, по крайней мере, в двух основных направлениях. Я мыслю, но осознаю реальные возможности и ограничения своего физического тела: я могу пройти пешком десять километров, но вряд ли смогу пробежать марафонскую дистанцию (42 км 195 м). Вместе с тем я мыслю и в своем творческом мышлении свободен, например, осознаю множество возможных вариантов написания этого текста.

Во-вторых, бытие, условно говоря, больше мышления потому, что в человеческом бытии немало событий и ситуаций, количество сведений о которых явно превышает возможности оперативной памяти и мышления познающего мир субъекта. В контексте психологии человеческого бытия, основанием которой является психология

субъекта, уместно заметить, что «непостижимое в себе» С. Л. Франка как скрытое, недостижимое, лишь искомым субъектом явным образом переключается с искомым, неизвестным в процессе мышления, которое, по А. В. Брушлинскому, изначально никогда не совпадает с заданным требованием задачи (Брушлинский, 2006).

Непостижимость для человека многих событий и ситуаций определяется невозможностью определения их причин или последствий. Приведенные в разделе 4.7 примеры с мэром мегаполиса, директором АЭС, руководителями спецслужб подтверждают очевидное: существуют такие сложные многомерные ситуации, в которых люди никогда не смогут узнать все *причины* их последующего изменения. Иначе говоря, причины непознаваемы. В науке применительно к эмпирической реальности давно известно, что нельзя одновременно точно определить координаты и импульс элементарных частиц: чем точнее измеряется одна характеристика, тем менее точно можно измерить другую. Причем это не связано с несовершенством методов измерения или измерительных приборов, а является следствием объективных свойств микрообъектов, их двойственной корпускулярно-волновой природы. Эта закономерность отражена в «принципе неопределенности» В. Гейзенберга.

Вместе с тем в мире человека случаются события, причины которых искать не только безрезультатно, но и бесполезно: они произошли «не из-за прошлого, а для будущего». Сегодня во всем мире происходят теракты в местах больших скоплений людей. И пострадавшим бесполезно спрашивать: «Почему я, за что мне это?» Ни за что: он/она стал(а) жертвой не потому, что до этого поступал(а), вел(а) себя неправильно. Террористы его/ее даже не знали и о нем/ней не думали. Цели террористов всегда устремлены в будущее, их задача – запугать и заставить выполнить свои требования не пострадавшего, а совсем других людей. Другими словами, целью является не наказание, а предупреждение.

Этот пример не уникален для мира человека и истории человечества. М. Н. Эпштейн иллюстрирует эту мысль библейским сюжетом из Евангелия от Луки о восемнадцати жителях Галилеи, на которых упала Силоамская башня. Речь идет об откровении Иисуса Христа о беспричинности, но небесполезности несчастных случаев и роковых происшествий. В ответ на жалобы людей «Иисус сказал им на это: думаете ли вы, что эти Галилеяне были грешнее всех Галилеян, что так пострадали? Нет, говорю вам; но если не покаетесь, то так же погибнете». М. Н. Эпштейн пишет: «Парадокс это-

го рассуждения в том, что погибшие погибли не из-за своей вины – они не были греховнее тех, что остались жить; но те, что остались жить, могут погибнуть уже по своей вине, потому что перед их глазами есть пример тех, кто погиб, не успев раскаяться. Получается, что гибель людей и связана, и не связана с их виной, причем это относится к одному и тому же событию, такому характерно-случайному „происшествию“, как падение Силоамской башни» (Эпштейн, 2004, с. 556).

Из сказанного следует, что непостижимость определяется неразрывной связью прошлого и будущего не только в индивидуальной жизни, но и в целостном человеческом бытии, понимающем или не способном понять себя.

Таким образом, непостижимость мира человека – это один из атрибутов человеческого бытия. А вот непостижимое для нас оказывается закономерным следствием человеческой психологии.

Одна причина непостижимости некоторых событий и ситуаций заключается в принципиальной невозможности их понимания и объяснения в терминах рациональных когнитивных схем. Изучая психику человека, особенно применительно к социокультурной и экзистенциальной реальностям, психологи имеют дело не столько с достоверными знаниями, сколько с ценностями и смыслами. Последние уходят своими корнями в потребностно-мотивационную сферу и глубины бессознательного. И получается, что подлинно научное психологическое исследование начинается с осознания ученым ограниченности и потому непродуктивности многих привычных когнитивных схем и шаблонов для изучения внутреннего мира человека. В какой-то момент психолог становится способным честно сказать: «Я знаю, что этого не знаю и вряд ли когда-нибудь смогу узнать». Это значит, что он достиг ведающего, умудренного неведения, о котором говорил еще Н. Кузанский (2000). Иначе говоря, психолог осознал непостижимость предмета своего исследования.

Другая причина непостижимости некоторых событий и ситуаций человеческого бытия связана с нередко возникающими у современного человека трудностями определения онтологии социального мира. Такие трудности неизбежны при нарушении наших ожиданий, порождающих невозможность совместить очевидное с, казалось бы, невероятным. Иногда происходящее настолько расходится с привычным для субъекта течением бытия, что его почти невозможно признать реальностью. Очень показательный пример есть в книге В. А. Шкуратова о событиях 11 сентября 2001 г. Собесед-

ник журналиста «рассказал о впечатлениях своего знакомого. Тот ехал из нью-йоркского аэропорта и смотрел на горящие небоскребы. Он видел пожар, но не мог признать его за реальность. Это был вымысел. Признать подлинность зрелища оказалось крайне трудно. В этих отрывочных впечатлениях просматриваются контуры смещенной онтологии, в которой реальность и вымысел поменялись местами. В спорах между сторонниками социального конструкционизма и доктрины отражения, похоже, наступает решающий перелом. Картина перед глазами человека фиктивна (сконструирована) и в то же время перцептивно реальна. Она вынесена за пределы той условной рамочности, которая позволяла воспринимать ее в качестве „как бы реальности“ и помещена туда, где раньше находилась реальность без „как бы“» (Шкуратов, 2002, с. 22).

Итак, я хочу уточнить: непостижимость не означает принципиальной невозможности понимания. Непостижимость человеком некоторых событий и ситуаций возникает вследствие трудностей концептуализации. Другими словами, объединения в целостную схему, структуру осознаваемых и неосознаваемых, но все-таки интуитивно понятных категориальных знаний о понимаемом. Ведь понимание – это всегда соотнесение нового с известным, включение предмета понимания в структуру личностного знания понимающего субъекта. Например, в общении принципиальная невозможность полного понимания собеседниками друг друга, в частности, означает осознание ими того, что человек – это такое духовное существо, потаенные глубины которого не дано узнать не только другим, но и ему самому.

Научное психологическое доказательство существования непостижимого не имеет ничего общего с мистицизмом и религиозной верой (хотя я убежден, что умные и образованные богословы могут рассмотреть другие стороны и обнаружить новые грани этой проблемы). Новизна этого исследования заключается главным образом во введении в научный психологический лексикон нового понятия – «непостижимое». Дальнейшие психологические исследования непостижимости как трудности концептуализации, объединения понимающим субъектом осознаваемых и неосознаваемых знаний о понимаемом мире в холистическую категориальную структуру – перспективное направление развития не только психологии понимания, но и психологии человеческого бытия.

В философии, антропологии, психологии распространенным является мнение о том, что любой человек – это тайна, загадка, без раз-

гадывания которой его невозможно понять. Само понятие тайны указывает на отсутствие однозначных знаний о человеке. Экзистенциальная сфера нашей жизни обычно строится на отсутствии достоверных знаний или хотя бы согласованных мнений. Л. И. Анцыферова писала: «Главное же, что должен понять человек, выстраивающий свою жизнь в этой действительности, это то, что миру свойственно неожиданное и невероятное, мир полон тайны» (Анцыферова, 2004, с. 22). Следствие объективной таинственности мира состоит в том, что важной частью экзистенциального опыта субъекта является не только непостижимое, но и тайна. По существу, осознание «непостижимого для нас» (Франк, 2007) означает признание того, что некоторые стороны экзистенциального опыта хотя и реальны, но непостижимы и даже таинственны. Некоторые компоненты психики человека непостижимы и таинственны не вследствие слабости наших познавательных способностей, разума и рассудка, а потому, что их невозможно представить в понятийном знании.

Познавательная тайна как загадка, секрет. Что такое тайна как научный психологический, а не мистический и фантастический феномен? Обычно тайна определяется только в познавательном ключе: как нечто неразгаданное, еще не познанное или как скрываемое от других, известное не всем, секрет (Ожегов, 1988, с. 642). Иначе говоря, как загадка или секрет, для разгадки которых у понимающего мир субъекта нет необходимых знаний, умений и навыков. Для разгадки секрета необходима мыслительная деятельность субъекта, побуждаемая познавательной мотивацией. Типичным примером когнитивного секрета является юридическое понятие государственной тайны. Примерами проблем, загадок, которые нужно разгадывать, изобилует наука. Одной из самых актуальных для человечества проблем сегодня является глобальное потепление: действительно ли это не миф, а если так, то каковы его причины? В этом случае ученые, условно говоря, противостоят природе и потому уместно говорить о том, что в начале XXI в. человечество столкнулось с проблемой глобального потепления.

Содержательно познавательная тайна раскрывается в описаниях событий, хотя и иррациональных, но реальных. Я имею в виду то, что есть, бывает, но необъяснимо. Познавательная тайна – это то, что объективно существует, но недоступно пониманию и объяснению субъекта (по крайней мере, до тех пор, пока не откроются какие-нибудь новые обстоятельства). В русской классической литературе это отражено в таком жанре (группе произведений, объ-

единенных совокупностью формальных и содержательных свойств), как «таинственные повести» (Лазарева, 2005; Сенькина, 2008).

В российской психологии тайна исследована в работе А. А. Пузыря, который проиллюстрировал два ее вида на примере анализа Л. С. Выготским трагедии о Гамлете (Пузырей, 2005). Первый вид тайны (которую я называю познавательной) раскрывается указанием на попытку читателя, читающего пьесу У. Шекспира, выявить скрытое в тексте, т. е. разгадать загадку, понять, в чем секрет. Аналогично можно сказать, что детективный роман всегда содержит загадку, имеющую известную писателю разгадку. В этом случае чтение субъекта направлено на выявление авторского замысла: того, что ранее было для него секретным, загадочным, но перестает быть таковым в результате интерпретации. Разгаданная загадка прекращает существование в качестве чего-то непонятного, загадочного, недоступного сознанию. Понимание упраздняет загадку, потому что интерпретация как бы замещает исходный текст, встает на его место (Пузырей, 2005, с. 308).

Загадка соответствует тому, что в психологии мышления называется задачей, проблемой. Различие между проблемой и тайной очень отчетливо понимал и выражал французский экзистенциалист Г. Марсель: «Действительно, кажется, что фундаментальное различие между проблемой и тайной состоит в том, что с проблемой я сталкиваюсь, я обнаруживаю ее перед собой, но я могу ее охватить и разрешить; а тайна есть нечто, во что я сам вовлечен, следовательно, она мыслится лишь как сфера, в которой теряется смысл различия между „во мне“ и „передо мной“ и его изначальная значимость» (Марсель, 1994, с. 99).

Вполне удовлетворительное определение познавательной тайны можно дать, опираясь на данные современной психологии мышления, в которой различаются проблемная ситуация и задача (загадка). А. В. Брушлинский писал: «Необходимо различать *проблемную ситуацию* и *задачу*. *Проблемная ситуация* – это довольно смутное, еще не очень ясное и мало осознанное впечатление, как бы сигнализирующее „что-то не так“, „что-то не то“. Например, летчик начинает замечать, что с мотором происходит нечто непонятное, однако он пока не уяснил, что именно происходит, в какой части мотора, по какой причине, и тем более летчик еще не знает, какие действия надо предпринять, чтобы избежать возможной опасности. В такого рода проблемных ситуациях и берет свое начало процесс мышления. Он начинается с анализа самой этой проблемной ситуации.

В результате ее анализа возникает, формулируется задача, проблема в собственном смысле слова. Возникновение задачи – в отличие от проблемной ситуации – означает, что теперь удалось хотя бы предварительно и приблизительно расчленить данное (известное) и неизвестное (искомое). Это расчленение выступает в словесной формулировке задачи» (Брушлинский, 1998, с. 444–445).

Следовательно, с позиций психологии мышления познавательная тайна – это такая проблемная ситуация, которую субъект *не может преобразовать в задачу*. Столкнувшись с чем-то непонятным и неразрешимым, на каком-то этапе осмысления проблемы человек понимает, что у него нет необходимых знаний, умений, навыков и потому сознательно отказывается от ее решения.

Различение и описание признаков двух видов тайн в значительной мере является категориально-классификационным: в психологии людей они представляют собой скорее некоторый континуум, чем два дизъюнктивных полюса. В реальной жизни познание неотделимо от отношений и соблюдения норм морали. Например, в уголовном праве одним из оснований негативной оценки обществом действий по разглашению тайны является моральная ответственность за нарушение этических норм, в соответствии с которыми разглашение чужих тайн считается безнравственным поступком. «Тайна предполагает не просто информацию, а ее определенное состояние, правовой режим. Мы скрываем информацию потому, что она неблагоприятным для нас образом может повлиять на мотивацию поступков, на поведение и мнение других субъектов. Защищая те или иные сведения, мы прежде всего защищаем самих себя, свои собственные интересы. Вне этих интересов тайны не существует» (Селезнева, 2013, с. 97). При этом тайна как правовое явление рассматривается как запрещение доступа к информации, разглашение или иное использование которой может повлечь возникновение ущерба.

Экзистенциальная тайна. В человеческом бытии есть немало тайн, в которые люди непосредственно вовлечены и которые следует рассматривать только в контексте экзистенциальных ситуаций. В такие ситуации субъект включен так, что для психолога чрезвычайно трудно дифференцировать его внутренний мир и внешние обстоятельства, в которых он находится. И здесь речь идет уже о другом, содержательно более глубоком виде тайны. В его основании лежит не познавательное стремление к решению задачи, а, наоборот, осознанный человеком отказ от разгадывания, принятие ее как субъ-

ективной ценности. Это такие тайны, которые не внутри нас, а те, в которые мы вовлечены как субъекты человеческого бытия. На существование таких очень значимых в жизни любого человека тайн обращал внимание А. Мень: «Загадка – вещь принципиально разрешимая. Если лохнесского ящера поймают или по-настоящему сфотографируют, – конец загадке, она разгадана: вот плезиозавр, который умудрился дожить до наших дней... Но есть вещи, которые являются тайной. Это о них говорил Гёте, что одним рассудком постичь эту вещь до конца нельзя, к этому требуются еще вживание, чувства, интуиция, озарение. Творчество поэта – тайна! Творчество художника, музыканта – тайна! .... Сколько бы мы ни раскладывали на составные элементы... впечатление, которое мы получаем от картины или симфонии, от нас всегда ускользнет что-то главное. Так вот, тайна – это то, что никогда не может быть полностью исчерпано только рассудочным, аналитическим путем познания. А загадка – только то, что еще не раскрыто, что пока не познано» (Мень, 2013, с. 62–63). В более обобщенном философском смысле на принципиальную неразрешимость тайны и ее отличие от загадки указывает А. Ф. Лосев: «Тайна не есть просто отсутствие, небытие. Она также не есть и то, что может быть раскрыто или разрешено. Тайна, которая может быть раскрыта, вовсе не есть тайна, а только наше временное недомыслие, более или менее случайная загадка и незнание ввиду тех или иных обстоятельств. Тайна есть *то, что по самому существу своему никогда не может быть раскрыто*. Но она может *являться*. Явление тайны не есть уничтожение и разрешение тайны, но есть только такое ее состояние, когда она ясно ощутима, представима, мыслима и сообщима – притом сообщима именно *как тайна же*» (Лосев, 2016, с. 230).

Экзистенциальная тайна является атрибутом и опыта субъекта, и ситуации, в которую он попадает. Приобщение к таким тайнам позволяет субъекту включиться в какой-то иной, условно говоря, более глубокий и одновременно более возвышенный уровень бытия. Экзистенциальные тайны более значительны, чем неразгаданные загадки внешних событий жизни. Осознание психологом тайны как экзистенциальной ценности означает признание существования иных, неочевидных и более сложных для научного анализа планов бытия. Существование таких тайн ясно осознавал французский экзистенциалист Г. Марсель: «Есть высшие реальности, которые становятся более ясными и определенными лишь благодаря своей причастности тайне. Здесь нет ничего похожего на банальный

агностицизм, согласно которому, наоборот, тот факт, что объект познаваем или нет, ничего в нем не меняет. Именно в этом и заключается различие между тайной и невежеством. Тайнственно лишь то, что есть потребность не раскрывать» (Марсель, 2005, с. 281).

А. А. Пузырей, продолжая анализировать работу Л. С. Выготского, отмечает, что тайна внутренне присуща трагедии о Гамлете. Тайна «утверждается при этом не только как исходная, отправная точка понимания трагедии, но также и как последняя, предельная его точка, и далее – как неустранимый пониманием – бытийный – феномен» (Пузырей, 2005, с. 305). Для читателя или зрителя задача понимания состоит не в том, чтобы разоблачать таинственное, неясный и туманный для субъекта контекст понимаемого. Здесь присутствует стремление понять тайну «не как то, что извне скрывает и заслоняет понимаемое, но, напротив, как то, что является внутренне самому понимаемому присущим...» (там же, с. 311). На это же указывает и сам Л. С. Выготский: «Не разгадать эту загадку – была цель этих строк, не раскрыть тайну Гамлета, а принять тайну как тайну, ощутить, почувствовать ее. И если загадочность и непостижимость произведения только усилились в этой интерпретации его, то это не прежняя, начальная его загадочность и непонятность, проистекавшие от внешней темноты трагедии и стоявшие помехой на пути к художественному ее восприятию, – а новое, глубокое, глубинное ощущение тайны, создавшееся в результате восприятия этой пьесы» (Выготский, 1987, с. 288). В этом случае «„интерпретация“ – не замещает собой „интерпретируемое“, не заступает его место, не „упраздняет“ его, делая его существование впредь уже избыточным, „излишним“; она – не „вместо него“, но „вместе с ним“; интерпретация есть только „продолжение“, „расширение“, „углубление“ понимаемого, читаемого текста; но все же она есть всегда только его „часть“, его – исходного, читаемого, понимаемого текста – „орган“, позволяющий ему „сказаться“ – полнее, точнее, членораздельнее» (Пузырей, 2005, с. 314–315). Очевидно, что индивидуальная специфика понимания таинственности как неустранимой составляющей бытия зависит от внутреннего мира реципиента и его активности, направленной на порождение собственного смысла понимаемого. При этом углубление, расширение, полнота интерпретации достигаются за счет объединения содержания текста с личностным знанием понимающего субъекта.

В человеческом бытии есть немало тайн, в которые люди непосредственно вовлечены и которые следует рассматривать только

в контексте экзистенциальных ситуаций. Для всех нас тайной является не только дата собственной смерти, но и то, что с нами будет после нее. Люди не могут предсказывать время смерти, они лишь по-разному *оценивают*, относятся к этому событию. Для одних это безусловная трагедия, неприятные мысли о которой они стараются отодвигать на задний план сознания; для других – размышления об итогах, что удалось сделать, а что нет; у третьих преобладает тревога по поводу семьи. Применительно к таким содержащим тайну экзистенциальным ситуациям невозможно и бессмысленно формулировать конкретные причинные вопросы (почему? зачем? из-за чего?). Например, на протяжении нескольких столетий для человечества тайной остается улыбка Джоконды Леонардо да Винчи, но какие небанальные вопросы здесь уместны, о чем тут спрашивать?

Типичными примерами тайн, присутствующих в опыте людей, являются также символы. Экзистенциальные тайны входят в содержание множества символов (веры, духовности, государственной власти и др.), имеющих в мире человека важное историческое, религиозное, культурное, научное и социальное значение. Мирозрение россиян всегда в значительной степени было символичным. Что такое памятники Ленину, в неисчислимом количестве до сих пор стоящие в разных населенных пунктах нашей страны? Это простые и понятные символы советской власти. А символы, как известно, имеют в мире человека важное историческое, религиозное, культурное, научное и социальное значение. Символы содержательно неразрывны с экзистенциальными тайнами бытия. В самом полном и глубоком смысле «символ только тогда истинный символ, когда он неисчерпаем и беспределен в своем значении, когда он изрекает на своем сокровенном (иератическом и магическом) языке намек и внушения нечто неизглаголемое, неадекватное внешнему слову. Он многолик, многосмыслен и всегда темен в последней глубине... Символы несказанны и неизъяснимы, и мы беспомощны перед их целостным тайным смыслом» (Иванов, 1994, с. 141).

Содержательная связь символов с тайнами неудивительна, потому что символ по своей сути – это знак, обозначающий что-то скрытое, тайное, нередко понимаемое людьми как сверхъестественное. Символ указывает на существование иной, не воспринимаемой органами чувств действительности, которую некоторые ученые называют «скрытой предметностью»: «Другими словами, мы можем говорить о продуктивности символа только тогда, когда его внешняя предметность постоянно соотносится со скрытой предметнос-

тью, т. е. с той реальностью, познавательным средством которой он выступает» (Веракса, 2016, с. 57).

Экзистенциальная тайна по своей природе холистична, нерасчленима на смысловые части, составляющие. В таинственном не *может быть противоречий*, потому что экзистенциальная тайна бытия по своей природе не аналитична, а холистична. Это значит, что, хотя и на уровне бессознательного, но тайна включает представления субъекта о том, что противоречивые компоненты экзистенциальной ситуации все же неотделимы от нее как целого. Более того, можно найти угол зрения, при котором противоречия не только не устраняются, но и превращаются в свою противоположность. Зачем, имея дело с типичными проявлениями холистического рассудка (к примеру, пиковыми переживаниями, по А. Маслоу, – мгновениями эстетического восторга, творческого озарения и т. п.), вносить в них обманчивую ясность аналитического разума? Разве рефлексивное препарирование своего чувства любви к другому человеку увеличит степень счастья? Скорее, наоборот. В человеческой жизни всегда были и есть события и ситуации, представляющие для каждого из нас непреходящую ценность, изменяющие наш внутренний мир, но остающиеся тайной за семью печатями. По большому счету такие глубокие тайны не зависят от их осознания, критической оценки, но являются тайнами бытия, имеющими для людей непреходящую экзистенциальную ценность. Тайна есть неустранимый и непроблемный контекст действительности, ее не только нельзя осознать, но обычно и не нужно осознавать. Подлинно экзистенциальное понимание заключается в том, что к непостижимому и таинственному не следует подходить так же, как к анализу решения познавательной задачи, проблемы. Познавательную задачу мы решаем до тех пор, пока аналитическим способом не только находим, но и устраняем скрытое в ее условиях противоречие. Тайна обладает для людей экзистенциальной ценностью, ее нужно не разгадывать, а принимать. Экзистенциальная тайна сложнее для понимания и психологического анализа, чем познавательная. С психологической точки зрения, она обладает, по меньшей мере, четырьмя признаками.

1. Тайна – это такая проблемная ситуация, которую субъект не может преобразовать в задачу. Столкнувшись с чем-то непонятным и неразрешимым, – на каком-то этапе осмысления проблемы человек понимает, что у него нет необходимых знаний, умений, навыков и потому сознательно отказывается от ее решения.

2. Человек оценивает проблемную ситуацию как жизненно значимую для себя: проблема превращается в незабываемое экзистенциально ценностное событие.
3. Таинственными для нас становятся не все проблемные ситуации, а только редкие, вероятность наступления которых очень мала. Если у меня сломается телевизор и я не смогу его починить, то буду рассматривать эту ситуацию не как тайну, а как отсутствие у меня знаний, которые есть у радиомеханика.
4. Таинственные явления оставляют неудовлетворенной познавательную мотивацию субъекта, вызывают в его сознании что-то, похожее на «эффект Зейгарник»: они будят воображение, дают волю фантазии, но не приводят к рациональному объяснению произошедшего.

Приведу типичный пример. В Самаре у меня есть знакомый профессор психологии. Он много лет профессионально занимается психологией характера, написал немало трудов по этой проблематике. Однажды ему показали астрологический прогноз его внуки, и он был поражен почти полным совпадением суждений астролога с его собственными представлениями о характере девочки. Будучи ученым, он начал рассуждать о возможностях доказательства неслучайности совпадения. Могут ли обладать одинаковым психологическим складом люди, родившиеся в один день? Однако, наверно, надо учитывать точное время рождения, место, может быть, национальность и т. п. Постепенно становится очевидно, что все условия формулировки этой задачи учесть практически невозможно. Вывод: не пытаться решить загадку точности астрологического прогноза, а принять отраженную в нем характеристику как единичный факт. Этот факт (психологическая характеристика родного человека) не может быть абстрактно-безразличным, он явно обладает личностной экзистенциальной ценностью для профессора.

Для психологов важно получить ответ на вопрос: «Тайна – это проблема психологии мышления или психологии понимания?». Ответ на него зависит от направления нашей мысли: от тайны к загадке или от загадки к тайне.

Первый случай соответствует переходу от рубинштейновской проблемной ситуации к леонтьевской задаче. Столкнувшись с чем-то неопределенным и непонятным, например, увидев в небе объект, похожий на НЛО, мы начинаем думать о возможном оптическом обмане, атмосферных явлениях или испытаниях оружия на соседнем военном полигоне. Гипотезы способствуют формулированию

условий задачи, запуску мышления и превращению тайны в пока неразгаданную загадку.

Со вторым случаем мы имеем дело тогда, когда осознаем, что тайна не имеет ничего общего с обычной фантазией или мистикой. В русской литературе есть давняя традиция описания подобных не-реальных феноменов. «Вий» Гоголя, «Демон» Лермонтова, цикл «таинственных повестей» В. Ф. Одоевского.

Однако для меня более значимыми и интересными являются содержащие тайну описания событий, хотя и иррациональных, но реальных. Я имею в виду то, что есть, бывает, но необъяснимо. В этом смысле бесценным материалом являются «таинственные повести» писателя-реалиста И. С. Тургенева. Например, в рассказе «Собака», когда герой выключал свет и ложился спать, у него под кроватью начинала ворочаться и издавать характерные звуки не существующая у него собака. При включении света собака пропадала. Это можно было бы приписать слуховым галлюцинациям героя, но когда он пригласил к себе переночевать приятеля тот услышал то же.

В повестях описываются случаи из жизни, подлинные, но не имеющие рационального объяснения. Когнитивно такие тайны непознаваемы. В экзистенциально-герменевтическом контексте в них проявляется плюралистичность мира, множественность ответов на вопросы (в частности, что скрывает в себе улыбка Джоконды?). Многообразии ответов и вариантов интерпретации таинственного – это не что иное, как разные способы понимания. Следовательно, тайна – это проблема психологии понимания.

Зачем психологам необходимо изучать феномен тайны? Некоторые исследователи высказывают суждение о том, что если тайна непознаваема, то она не может быть предметом научного и, в частности, психологического исследования. Я с этим не согласен. Анализ тайн помогает ученым не только перемещать фокус внимания в поле изучаемых проблем, но и понять иные по сравнению с познанием, более глубокие пласты мира человека. Неудивительно, что одной из ближайших задач психологии понимания следует считать осознание и психологический анализ различных тайн, относящихся к эмпирической реальности (таких, как собака), социокультурной (таких, как символы) и экзистенциальной (таких, как тайна смерти).

* * *

Итак, абстрагируясь от религиозного и мистического контекстов употребления понятия «тайна», в современном научном дискурсе

необходимо различать два наиболее распространенных ее вида – познавательную (когнитивную) и экзистенциальную (бытийную) тайны. Главная методологическая проблема при этом заключается в том, что тайна существует в психике субъекта *онтологически*, а попытки сформулировать и разрешить ее как познавательную когнитивную задачу приходят в противоречие с *гносеологической* плоскостью рассмотрения этого феномена.

4.10. Теоретическая модель: итоговые обоснования

В разделе 4.2 приведена таблица, отражающая модель теоретических оснований психологии понимания многомерного мира человека. Логика изложения компонентов модели выражала движение «по горизонтали»: описаны относящиеся к каждой реальности традиции, способы, основания, формы и типы понимания. Теперь для наглядности и лучшего понимания читателем целостной структуры модели продублирую описание в «вертикальном разрезе»: повторю всю совокупность признаков, характеризующих понимание применительно к каждой реальности.

Модель в соответствии с субъектно-аналитическим подходом в значительной степени имеет гносеологический аналитический характер. Однако нельзя сказать, что она является только продук-

Таблица 5
Понимание эмпирической реальности

Эмпирическая реальность	Когнитивная <i>традиция</i> психологических исследований	Парадигматический способ понимания мира	Знание и значение как <i>основание</i> понимания	<i>Форма</i> понимания: понимание-узнавание	<i>Тип</i> понимания: понимание-знание
--------------------------------	--	---	--	---	--

Таблица 6
Понимание социокультурной реальности

Социокультурная реальность	Герменевтическая <i>традиция</i> психологических исследований	Нарративный способ понимания мира	Мнение и смысл как <i>основание</i> понимания	<i>Форма</i> понимания: понимание-гипотеза	<i>Тип</i> понимания: понимание-интерпретация
-----------------------------------	---	-----------------------------------	---	--	---

Таблица 7
Понимание экзистенциальной реальности

Экзистенциальная реальность	Экзистенциальная <i>традиция</i> психологических исследований	Тезаурусный способ понимания мира	Переживание и опыт как <i>основание</i> понимания	<i>Форма</i> понимания: понимание-объединение	<i>Тип</i> понимания: понимание-постижение
------------------------------------	---	-----------------------------------	---	---	--

том абстрактного ума и не имеет конкретно-психологического базиса. Онтологические психологические основания модели в немалой степени раскрыты и подтверждены во многих проведенных мной эмпирических исследованиях (см., например: Знаков, 1994, 2005, 2007). Более 30 лет я изучал онтологию понимания, исследовал его как феномен психики конкретного субъекта. Проведено немало эмпирических исследований: понимания текста как процесса постановки и решения мыслительной задачи; понимания художественного текста как решение мыслительной задачи; типов понимания правды о негативных явлениях 1960–1980 гг.; понимания участниками войны в Афганистане и агрессивными подростками ситуаций насилия и унижения человеческого достоинства; психологических причин непонимания «афганцев» в межличностном общении; понимания неправды, лжи и обмана мужчинами и женщинами из разных социальных и возрастных групп; понимания макиавеллизма и феномена вранья; самопознания субъекта; самопонимания субъекта как проблемы психологии человеческого бытия; половых, гендерных и личностных различий в понимании моральной дилеммы; понимания и переживания террористической угрозы; понимания мужчинами и женщинами моральной допустимости абортов; образа врага как психологического основания понимания мусульманских террористов россиянами; возрастных, половых и личностных различий в понимании эвтаназии как ситуации экзистенциально го выбора.

В результате проведенных исследований теоретически и экспериментально было обосновано существование психологии понимания как самостоятельного направления общепсихологических исследований. На больших выборках испытуемых (участниках войны в Афганистане, агрессивных подростках, субъектах с выраженными проявлениями манипулятивного поведения и макиавеллизма личности) осуществлен развернутый анализ понимания как про-

цесса и результата мышления человека; выявлены четыре основные условия возникновения понимания и три формы его проявления в сознании; экспериментально доказано, что психологические механизмы понимания непосредственно связаны с определенными чертами личности, особенностями нравственного сознания и мировоззрения субъекта.

На теоретико-методологическом уровне осуществлен анализ значения феномена понимания в современном гуманитарном знании в эпоху перехода от неклассической науки к постнеклассической. Исследовано соотношение когнитивных и экзистенциальных компонентов понимания с позиций психологии субъекта и психологии человеческого бытия, раскрыта неразрывная связь понимания с самопониманием. Намечены и проанализированы перспективные направления развития психологии понимания: исследования психологической специфики понимания в нарративном и тезаурусном подходах, герменевтике, психологии человеческого бытия; половые и гендерные различия в понимании и взаимопонимании; исследование личностных качеств понимающего субъекта, определяющих специфику понимания; понимание субъектом произведений искусства. Изучена история формирования психологии понимания, ее теоретические и эмпирические основания. Прослежена динамика развития научных представлений о понимании, наблюдавшихся за последние полвека. Показано, что психология понимания имеет отчетливо выраженные контуры и тесно соприкасается с общей и социальной психологией, когнитивной психологией и психологией развития, психологией субъекта и психологией человеческого бытия. Рассмотрены фундаментальные вопросы о соотношении понимания со знанием, мышлением и познанием. Проанализированы внутренние условия, личностные характеристики и мировоззренческие установки, влияющие на межличностное взаимопонимание людей в общении. Изучено нравственное сознание субъекта, понимающего другого как «человека морального». В последнем разделе книги понимание проанализировано не только как процедура индивидуального познания, но и в более широком научном и методологическом контексте. Обсуждаемый феномен рассмотрен и как познавательный, и как экзистенциальный – способ бытия человека в мире, поиски им смысла жизни.

Таким образом, в психологии понимания и психологии человеческого бытия уже сделано достаточно для того, чтобы ответить

на вопрос: «Допустим, теоретическая модель понимания непротиворечива и обоснована с психологической точки зрения, но могут ли психологи найти некое соответствие ей в психике понимающего мир субъекта и обладают ли они эмпирическими методами для нахождения такого соответствия?» Положительный ответ на этот вопрос вытекает из анализа методов и результатов перечисленных выше исследований, которые целесообразно продолжать.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В монографии представлена авторская точка зрения на роль и место понимания в многомерном мире человека. Книга посвящена главным образом обсуждению тех методологических, теоретических и эмпирических контекстов, которые связаны с психологией понимания и психологией человеческого бытия. Две названные области психологического знания базируются на представлениях ученых о неразрывном единстве естественно-научных и гуманитарных методов, способов познания и понимания. В них психологические характеристики субъекта связываются с его бытием, смыслами, этической значимостью для него других людей, осмыслением жизни, ролью высших бытийных ценностей. Указанные стороны понимания мира рассматриваются не как несовместимые и противоположные, а, наоборот, как взаимно дополнительные и взаимозависимые.

В монографии проанализированы несколько тесно связанных между собой направлений психологического исследования феномена понимания.

Во-первых, обосновано, что аналитическое расчленение мира человека на эмпирическую, социокультурную и экзистенциальную реальности дает возможность психологам изучать не только общее, но и особенное в понимании трех реальностей. Феномен понимания неоднороден, его психологические механизмы при понимании явлений, событий, ситуаций в разных плоскостях человеческого бытия отличаются друг от друга. С этой точки зрения неправильно и неправоммерно рассуждать о каком-то едином психологическом механизме понимания: понимание разных реальностей неодинаково по своей природе и феноменологии. Нет никакого универсального «понимания», соответственно, нет такого феномена, общего для всех событий и ситуаций. Вместе с тем предложенная в монографии мо-

дель позволяет говорить об общности, сходстве психологических механизмов понимания субъектом трех реальностей мира человека.

Во-вторых, проведенный анализ углубляет содержательные представления ученых о существенных различиях в осмыслении субъектом характерных особенностей эмпирической, социокультурной и экзистенциальной реальностей. В эмпирической реальности мы решаем предметные задачи, и результатом мыслительной деятельности является *новое знание* о мире. Вслед за А. В. Брушлинским можно утверждать, что при обращении психологов к анализу макрокатегорий, не имеющих референтов в эмпирической реальности («духовность», «гуманизм», «справедливость» и др.), решающее значение приобретает *способ их интерпретации*. Фактически это означает, что при переходе от микросемантического метода решения задач к макроаналитическому изменяются наши представления о соотношении мышления и понимания. В психологии мышления акцент делается на результате, получении мыслящим субъектом новых знаний о мире. В отличие от мышления понимание прямо не направлено на поиск нового, его главная функция – порождение смысла знания. Понимание всегда поливариантно, его полнота определяется степенью разнообразия вариантов интерпретации понимаемого. С позиции психологии понимания интерпретация – это один из возможных, конкретный способ понимания. В частности, способы решения нравственных задач есть не что иное, как различные интерпретации содержания понимаемой нравственной ситуации.

В-третьих, представленная в книге логика психологического анализа дает возможность рассмотреть основания понимания в целостном континууме «знания – опыт». Такой ракурс рассмотрения проблемы открывает перед учеными возможность постановки и изучения новых для психологической науки проблем – постижения, непостижимого, тайны и др. Из описанной в книге двойственности психологических механизмов мышления следует, что изучение роли экзистенциального опыта (а не только логически обоснованных и осознанных субъектом знаний) – это, безусловно, перспективное направление психологических исследований.

Наконец, в-четвертых, итогом книги стала целостная модель теоретических оснований психологии понимания субъектом многомерного мира человека. Модельное представление, разумеется, не претендует на полноту и не является истиной в последней инстанции. Тем не менее следует признать, что такого рода интегра-

---

тивные описания понимания до сих пор отсутствовали в психологической литературе.

Таковы главные направления психологического анализа понимания, развернуто представленные в книге. Конечно, описанные направления исследований не исключают других, которые, я надеюсь, еще станут предметом психологического анализа. Представленное в книге следует рассматривать только как авторскую позицию, субъективный взгляд на обсуждавшиеся проблемы.

ЛИТЕРАТУРА

- Абельсон Р.* Структуры убеждений // Язык и моделирование социального взаимодействия / Под ред. В. В. Петрова. М.: Прогресс, 1987. С. 317–380.
- Абульханова-Славская К. А., Славская А. Н.* Комментарии // Рубинштейн С. Л. Человек и мир. М.: Наука, 1997. С. 113–128.
- Абульханова К. А.* Мировоззренческий смысл и научное значение категории субъекта // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997. С. 56–74.
- Абульханова К. А.* Социальное мышление личности // Современная психология: состояние и перспективы исследований. Ч. 3. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002. С. 88–103.
- Аванесян М. О.* Понимание переносного смысла на примере метафоры // Сибирский психологический журнал. 2015. № 55. С. 46–60.
- Адо П.* Духовные упражнения и античная философия. М.–СПб.: Степной ветер–ИД «Коло», 2005.
- Акопов Г. В.* Созерцание как предмет психологических исследований // Созерцание как современная научно-теоретическая и прикладная проблема: Материалы Поволжского консолидирующего семинара (21 мая 2010 года) / Отв. ред. Г. В. Акопов. Самара: ПГСГА, 2011. С. 36–43.
- Александров И. О.* Формирование структуры индивидуального знания. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Александров Ю. И.* Введение в системную психофизиологию // Психология XXI века / Под ред. В. Н. Дружинина. М.: Пер Се, 2004. С. 39–85.
- Александров Ю. И.* Мораль и гены // Предисловие к переводу книги Хаузера «Мораль и разум». М.: Дрофа, 2008. С. 5–17.

- Александров Ю. И.* От эмоций к сознанию // Психология творчества: Школа Я. А. Пономарева / Под ред. Д. В. Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. С. 293–328.
- Александров Ю. И.* Психофизиологическое значение активности центральных и периферических нейронов в поведении. М.: Наука, 1989.
- Александров Ю. И.* Сознание и эмоции // Теория деятельности и социальная практика. 3-й международный конгресс. М.: Изд-во «Физкультура, образование, наука», 1995. С. 5–6.
- Александров Ю. И., Александрова Н. Л.* Субъективный опыт и культура. Структура и динамика // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2007. Т. 4. № 1. С. 3–46.
- Александров Ю. И., Александрова Н. Л.* Субъективный опыт, культура и социальные представления. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Александров Ю. И., Кирдина С. Г.* Типы ментальности и институциональные матрицы: мультидисциплинарный подход // Социс. 2012. № 8. С. 3–12.
- Александрова Н. Л.* ИмPLICITНЫЕ концепции интеллекта в России: стабильность и динамика // Тенденции развития современной психологической науки. Ч. 1 / Под ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 333–335.
- Алексеев Н. А.* Созерцание – метод и цель // Искусство и образование. 2013. № 1 (81). С. 111–125.
- Аллахвердов В. М.* Сознание и естественнонаучное мышление // Экспериментальная психология познания: когнитивная логика сознательного и бессознательного. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006. С. 31–38.
- Аллахвердов В. М., Воскресенская Е. Ю., Науменко О. В.* Сознание и когнитивное бессознательное // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2008. Сер. 12. Вып. 2. С. 10–18.
- Альперович В. Д.* Трансформации социально-психологических характеристик представлений взрослых о враге и друге: Автореф. ... дис. канд. психол. наук. Ростов-н/Д.: ЮФУ, 2010.
- Ананьев Б. Г.* Человек как предмет познания. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968.
- Ананьев Б. Г.* Возрастная периодизация жизненного цикла человека // Человек как предмет познания. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. С. 129–136.

- Ананьев Б. Г.* О проблемах современного человекознания. М.: Наука, 1977.
- Андреева Г. М.* Социальная психология: векторы новой парадигмы // Константа в неопределенном и меняющемся мире: маленькая психологическая серенада к юбилею Г. М. Андреевой. 13.06. 2009 / Под ред. Ю. П. Зинченко и Т. Д. Марцинковской. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2009. С. 376–396.
- Андреева Г. М.* Образ мира и/или реальный мир? // Вопросы психологии. 2013. № 3. С. 33–43.
- Анкерсмит Ф.* Возвышенный исторический опыт. М.: Европа, 2007.
- Анкерсмит Ф. Р.* История и тропология. Взлет и падение метафоры. М.: «Канон+»–Реабилитация, 2009.
- Анкерсмит Ф. Р.* Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.
- Аннотированный указатель трудов сотрудников Института психологии Российской академии наук (1971–2006). Вып. 1. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Анохин П. К.* Очерки по физиологии функциональных систем. М.: Медицина, 1975.
- Анохин П. К.* Философские аспекты теории функциональной системы. М.: Наука, 1978.
- Антоний Сурожский.* О созерцании и подвиге // Вестник Русского Западно-европейского патриаршего экзархата. 1953. № 15. С. 138–155.
- Анцыферова Л. И.* Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. 1995. № 1. С. 3–18.
- Анцыферова Л. И.* Связь морального сознания с нравственным поведением человека (по материалам исследований Л. Колберга и его школы) // Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 3. С. 5–17.
- Анцыферова Л. И.* Психологическое содержание феномена субъект и границы субъектно-деятельностного подхода // Проблема субъекта в психологической науке / Под ред. А. В. Брушлинского, М. И. Володиковой и В. Н. Дружинина. М.: Академический проект, 2000. С. 27–42.
- Анцыферова Л. И.* Мудрость и ее проявления в разные периоды жизни человека // Психологический журнал. 2004. № 3. С. 17–24.
- Анцыферова Л. И.* Гуманистически-экзистенциальный подход к мудрости: способы постижения истинного Я и призвания человека // Психологический журнал. 2005. № 3. С. 5–14.

- Арестова О. Н. Интуитивное понимание смысла пословиц // Вопросы психологии. 2011. № 2. С. 129–138.
- Арпентьева М. Р. Взаимопонимание как феномен межличностных отношений (на материале психологического консультирования): Автореф. дис. ... докт. психол. наук. М.: МГУ, 2015.
- Артищева Л. В. Темпоральные особенности взаимосвязи образа психического состояния и когнитивных стилей личности: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Казань, 2014.
- Арутюнова К. Р., Александров Ю. И. Факторы пола и возраста в моральной оценке действий // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 2. С. 75–87.
- Арутюнян О. А. Понимание философского текста как смыслотворчество: Автореф. ... канд. дис. филос. наук. Краснодар: КубГТУ, 2007.
- Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий). Дух, душа и тело. М.: Православный свято-тихоновский богословский институт, 1997.
- Асмолов А. Г. Оптика просвещения: социокультурные перспективы. М.: Просвещение, 2012.
- Асмолов А. Г., Асмолов Г. А. От мы-медиа к я-медиа: трансформации идентичности в виртуальном мире // Вопросы психологии. 2009. № 3. С. 3–15.
- Бабушкина Д. А. Понимание в структуре «заботы о себе»: обреченность на понимание // Философские и духовные проблемы науки и общества. СПб., 2002. С. 51–57. URL: <http://anthropology.ru/ru/texts/babushkina/under.html> (дата обращения: 15. 06.2015).
- Баева Л. В. Ценностные основания бытия // Вестник Оренбургского гос. ун-та. 2003. № 5. С. 15–19.
- Бакеева Е. В. Понимание как экзистенциальная проблема. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2002.
- Бакеева Е. В. Апофатическое мышление как «метод» понимания // Известия Уральского гос. ун-та. 2004. № 29. С. 37–43.
- Балл Г. А. Психологическое содержание личностной свободы: сущность и составляющие // Психологический журнал. 1997. Т. 18. № 5. С. 7–19.
- Барабанщиков В. А. Восприятие и событие. СПб.: Алетейя, 2002.
- Барабанщиков В. А. Психология восприятия: Организация и развитие перцептивного процесса. М.: Когито-Центр–Высшая школа психологии, 2006.
- Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: М.: Прогресс, 1989.
- Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер, 2008.

- Безрогов В. Г., Пичугина В. К. «Забота о себе» как психолого-педагогическая категория: обзор современных отечественных исследований // Психолого-педагогический поиск. 2014. № 3 (31). С. 143–152.
- Белова С. С., Валуева Е. А., Овсянникова В. В., Сысоева Т. А. Аналитические и творческие способности в социальной сфере // Психология образования в поликультурном пространстве. 2012. № 4. С. 91–97.
- Бердяев Н. А. Истина и Откровение: Прологомены к критике откровения. СПб.: РХГИ, 1996.
- Бердяев Н. А. О рабстве и свободе человека. М.: АСТ–Хранитель, 2006.
- Бёрк Т., Риардон Д. Запрещенные слезы: О чем не рассказывают женщины после аборта. СПб.: Каламос, 2010.
- Бескова И. А. Естественный интеллект, междисциплинарность и феномен интегрального постижения // Философия науки. Вып. 19. Эпистемология в междисциплинарных исследованиях. М.: ИФ РАН, 2014. С. 163–172.
- Бивор Э. В интересах государства. М.: Радуга, 1987.
- Биоэтика: принципы, правила, проблемы / Под ред. Б. Г. Юдина. М.: Эдиториал УРСС, 1998.
- Битюцкая Е. В. Трудная жизненная ситуация: критерии когнитивного оценивания // Психологическая наука и образование. 2007. № 4. С. 87–93.
- Блюм А. И., Василенко Т. Д. Телесный опыт беременности в контексте жизненного пути женщины, перенесшей опыт аборта // Современные исследования социальных проблем. 2015. № 9 (53). С. 52–59.
- Богомолова Е. И. Взаимосвязь личностных характеристик с особенностями активности пользователей социальных сетей интернета: Автореф. ... дис. канд. психол. наук. Краснодар: КубГУ, 2015.
- Богуславская О. Н. Понятный, ясный, доступный, постижимый, внятный // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск / Под общим рук. Ю. Д. Апресяна. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 258–262.
- Большов О. Ф. Экзистенциальная философия. СПб.: Лань, 1999.
- Борзова Т. В. Психология понимания в обучении студентов. Хабаровск: Изд-во Дальневосточ. гос. гуманитар. ун-та, 2014.
- Борзова Т. В. Психология обучения студентов пониманию: Дис. ... докт. психол. наук. Самара: ПГСГА, 2016.

- Бобфо В.* Учитель как воспитатель: аспекты заботы // Мы все в заботе постоянной... Концепция заботы о себе в истории педагогики и культуры. Материалы Международной конференции памяти философа, социолога, психолога Г.В. Иванченко (1965–2009) (НИУ ВШЭ, Москва, 9–11 сентября 2015) / Под ред. М.А. Козловой, В.Г. Безрогова. Часть 1: Постоянство пребывания с собою. М.: Канон+, 2015. С. 144–164.
- Бочкарева Н.Н.* Понять – это значит преодолеть // Биографическая летопись регионов России. Том 1. Биографическая летопись Смоленщины-2. Материалы научной конференции (11–12 ноября 2007 г.). Смоленск: Смоленский гос. ун-т, 2007. С. 98–108.
- Братусь Б.С.* К проблеме нравственного сознания в культуре уходящего века // Вопросы психологии. 1993. № 1. С. 6–13.
- Брокмейер Й., Харре Р.* Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. 2000. № 3. С. 29–42.
- Брудный А.А.* Понимание как философско-психологическая проблема // Вопросы философии. 1975. № 10. С. 109–117.
- Брушлинский А.В.* Мышление и прогнозирование (логико-психологический анализ). М.: Мысль, 1979.
- Брушлинский А.В.* Субъект: мышление, учение, воображение. М.–Воронеж: Академия педагогических и социальных наук, 1996.
- Брушлинский А.В.* Интеллектуальные процессы: мышление // Психология: Учебник для студ. выс. пед. учеб. заведений / Отв. ред. А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский. М.: Академия, 1998. С. 430–475.
- Брушлинский А.В.* Психология субъекта: некоторые итоги и перспективы // Известия Российской академии образования. М.: Магистр, 1999. С. 30–41.
- Брушлинский А.В.* Гуманистичность психологической науки // Психологический журнал. 2000а. № 3. С. 43–48.
- Брушлинский А.В.* Деятельность субъекта как единство теории и практики // Психологический журнал. 2000б. Т. 21. № 6. С. 5–11.
- Брушлинский А.В.* О критериях субъекта и его деятельности // Психология субъекта профессиональной деятельности. М.–Ярославль: ДИА-пресс, 2001. С. 5–23.
- Брушлинский А.В.* О критериях субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта. М.: Пер Сэ, 2002. С. 9–33.
- Брушлинский А.В.* Психология субъекта / Под ред. В.В. Знакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН»; СПб.: Алетейя, 2003.

- Брушлинский А. В. Избранные психологические труды. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Брушлинский А. В., Темнова Л. В. Интеллектуальный потенциал личности и решение нравственных задач // Психология личности в условиях социальных изменений / Под ред. К. А. Абульхановой, М. И. Воловиковой. М.: Институт психологии, 1993. С. 45–56.
- Бурлачук Л. Ф., Морозов С. М. Словарь-справочник по психодиагностике. СПб.: Питер, 2004.
- Буттаева А. М. Исламское возрождение на Северном Кавказе: теоретические и прикладные аспекты: Автореф. ... дис. докт. филос. наук. Ростов-н/Д.: ЮФУ, 2011.
- Быховец Ю. В. Представления о террористическом акте и переживание террористической угрозы жителями разных регионов РФ: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М.: ИП РАН, 2007.
- Быховец Ю. В., Тарабрина Н. В. Психологическая оценка переживания террористической угрозы: Руководство. М., 2010.
- Ванюхина Н. В., Григорьева О. В. Восприятие образа террориста представителями различных этнических групп // Социально-психологическая безопасность народов России: Материалы 2-й Международной научной конференции. 26 мая 2011 г. / Под ред. И. М. Юсупова, А. М. Шевцова. Казань: Познание, 2011. С. 47–49.
- Вартофский М. Модели. Репрезентация и научное понимание. М.: Прогресс, 1988.
- Василюк Ф. Е. Жизненный мир и кризис: типологический анализ критических ситуаций // Психологический журнал. 1995. Т. 16. № 3. С. 90–101.
- Василюк Ф. Е. Семиотика психотерапевтической ситуации и психотехника понимания // Московский психотерапевтический журнал. 1996. № 4. С. 48–68.
- Василюк Ф. Е. Структура и специфика теории понимающей психотерапии // Московский психотерапевтический журнал. 2008. № 1. С. 5–33.
- Вебер М. Избр. произв. М.: Прогресс, 1990
- Вейль Г. Топология и абстрактная алгебра как два способа понимания в математике // Вейль Г. Математическое мышление / Под ред. Б. В. Бирюкова, А. Н. Паршина. М.: Наука, 1989. С. 24–41.
- Веракса А. Н. Символ и знак: диалектика символического познания // Вопросы философии. 2016. № 1. С. 51–58.
- Взаимоотношения исследовательской и практической психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.

- Войскунский А. Е. Психология и интернет. М.: Акрополь, 2010.
- Войскунский А. Е. Эффект присутствия в настоящем и ненастоящем // Prasens: Сб. науч. трудов / Под ред. Е. И. Пивовара. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2012. С. 159–177.
- Войскунский А. Е. Социальная перцепция в социальных сетях // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2014. №2. С. 90–104.
- Воробьева Л. И., Снегирева Т. В. Психологический опыт личности: к обоснованию подхода // Вопросы психологии. 1990. №2. С. 5–13.
- Ворона О. А. Психологические последствия стресса у больных раком молочной железы: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М.: ИП РАН, 2005.
- Выготский Л. С. Психология искусства. М.: Педагогика, 1987.
- Гаврилова Т. А., Хорошевский В. Ф. Базы знаний интеллектуальных систем. СПб.: Питер, 2000
- Гессен М. Совершенная строгость. Григорий Перельман: гений и задача тысячелетия. М., 2011.
- Горелов А. А., Горелова Т. А. Опыт, истина, смысл // Опыт и смысл / Отв. ред. Н. М. Смирнова. М.: ИФ РАН, 2014. С. 134–154.
- Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Канон-пресс-Ц-Кучково поле, 2000.
- Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М: Институт социологии РАН, 2003.
- Гришина Н. В. Онтопсихология: психология человека как субъекта жизни // Психологические проблемы самореализации личности / Под ред. Л. А. Коростылевой. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005. Вып. 9. С. 58–69.
- Гришина Н. В. Психология жизненного пути // Психологический журнал. 2007. Т. 28. №5. С. 81–88.
- Гришина Н. В. Экзистенциальная психология: поиск смысла и самотрансценденция // Психологические проблемы самореализации личности. Вып. 12 / Под ред. Л. А. Коростылевой. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2008. С. 15–28.
- Гришина Н. В. Человек как субъект жизни: ситуационный подход // Субъектный подход в психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, В. В. Знакова, З. И. Рябикиной, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 161–172.
- Гришина Н. В. Онтопсихология и психология человеческого бытия // Психология субъекта и психология человеческого бытия: монография / Под ред. В. В. Знакова, З. И. Рябикиной, Е. А. Сергиенко. Краснодар: Кубанский гос. ун-т. 2010. С. 273–291.

- Гришина Н. В.* Экзистенциальные проблемы человека как жизненный вызов // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2011. Сер. 12. Вып. 4. С. 109–116.
- Гуревич А. Я.* Избранные труды. Средневековый мир. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2007.
- Гусельцева М. С.* Культурно-историческая психология: от классической – к постнеклассической картине мира // Вопросы психологии. 2003. № 1. С. 99–115.
- Гусельцева М. С.* Культурно-аналитический подход в психологии и методологии междисциплинарных исследований // Вопросы психологии. 2009. № 5. С. 17–27.
- Гусельцева М. С.* Культурно-аналитический подход к изучению эволюции психологического знания: Дис. ... докт. психол. наук. М., 2015.
- Демидова А.* Заполняя паузу. М.: АСТ, 2010.
- Демин И. В.* Проблема истинности исторического знания в нарративной философии истории // Вестник Самарского гос. ун-та. 2008. № 1 (60). С. 3–10.
- Демьянков В. З.* Понимание как интерпретирующая деятельность // Вопросы языкознания. 1983. № 6. С. 58–67.
- Демьянков В. З.* Читательское замешательство: модульный подход к пониманию текста // Вопросы филологии. 2011. № 38. С. 26–30.
- Догадина Т. А.* Соотношение реального, мнимого и нереального в политической действительности // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2010. № 4 (1). С. 295–298.
- Дойч Д.* Структура реальности: Наука параллельных вселенных. М.: Альпина нон-фикшн, 2015.
- Дробницкий О. Г.* Моральная философия // Избранные труды / Сост. Р. Г. Апресян. М.: Гардарики, 2002.
- Дробышева Т. В.* Экономическая социализация личности: ценностный подход. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Дружинин В. Н.* Варианты жизни: Очерки экзистенциальной психологии. М.: Пер Сэ; СПб.: Иматон-М, 2000.
- Дружинин В. Н.* Психология способностей: Избранные труды. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Думинская М. В.* Особенности постижения многомерной целостности человеческого бытия // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 6 (1). С. 39–45.

- Емельянова Т. П. Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. М: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Ениколопов С. Н. Враждебность в клинической и криминальной психологии // Национальный психологический журнал. 2007. № 1 (2). Сентябрь. С. 33–39.
- Еременко В. И. Воспоминание и знание как формы переживания прошлого: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М.: МГУ, 2007.
- Жеребкина И. А. Субъективность и гендер: гендерная теория субъекта в современной философской антропологии. СПб.: Алетейя, 2007.
- Журавлев А. Л. Коллективный субъект: основные признаки, уровни и психологические типы // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 5. С. 72–80.
- Журавлев А. Л. А. В. Брушлинский: ученый, организатор, человек // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 2. С. 141–144.
- Журавлев А. Л., Нестик Т. А. Групповая рефлексивность: основные подходы и перспективы исследований // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 4. С. 27–37.
- Журавлева Н. А. Динамика ценностных ориентаций личности в российском обществе. М: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Зайцева Ю. Е. Я-нарратив как инструмент конструирования идентичности: экзистенциально-нарративный подход // Вестник СПбГУ. Сер. 16. 2016. Вып. 1. С. 118–136.
- Закс Л. А. Об особенностях современной социально-гуманитарной картины мира и некоторых ее следствиях: против радикального эмпиризма // Известия Уральского федерального ун-та. Сер. 3. Общественные науки. 2015. Т. 143. № 3. С. 88–101.
- Залевский Г. В. Объяснение и понимание в психологии // Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 195–222.
- Залевский Г. В., Залевский В. Г., Кузьмина Ю. В. Антропологическая психология: Биопсихосоционоэтическая модель развития личности и ее здоровья // Сибирский психологический журнал. 2009. № 33. С. 99–103.
- Запорожец А. В. Психология восприятия сказки ребенком-дошкольником // Дошкольное воспитание. 1948. № 9. С. 34–41.
- Зарецкий В. К. Творчество. Рефлексия. Самоопределение // 2-я Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенци-

- альной психологии: Материалы сообщений / Под ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2004. С. 32–40.
- Зверева Г. И.* Понятие «исторический опыт» в «новой философии истории» // Теоретические проблемы исторических исследований. Вып. 2. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999. С. 19–26.
- Зеленкова Т. В.* О сетевой парадигме в психологии // Методология и история психологии. 2007. Том 2. Вып. 3. С. 18–27.
- Зинченко В. П.* Миры сознания и структура сознания // Вопросы психологии. 1991. № 2. С. 15–36.
- Зинченко В. П.* Психологическая педагогика. Материалы к курсу лекций. Часть I. Живое Знание. Самара: Самар. гос. пед. ун-т, 1998.
- Знаков В. В.* Понимание в познании и общении. М.: ИП РАН, 1994.
- Знаков В. В.* Психология понимания: Проблемы и перспективы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
- Знаков В. В.* Понимание в мышлении, общении, человеческом бытии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Знаков В. В.* Теоретические основания психологии понимания многомерного мира человека // Вопросы психологии. 2014. № 4. С. 16–29.
- Иванов В. И.* Родное и вселенское. М.: Республика, 1994.
- Иванченко Г. В.* Принцип необходимого разнообразия в культуре и искусстве. Тагарог. Изд-во ТРТУ, 1999а.
- Иванченко Г. В.* Реальность Паблик рилейшнз. М.: Смысл, 1999б.
- Иванченко Г. В.* Принцип необходимого разнообразия в культуре и искусстве. Таганрог: ТРТУ, 1999 в.
- Иванченко Г. В.* Психология восприятия музыки. Подходы, проблемы, перспективы. М.: Смысл, 2001.
- Иванченко Г. В.* Совершенство в искусстве и в жизни. М.: КомКнига, 2007б.
- Иванченко Г. В.* Забота о себе: история и современность. М.: Смысл, 2009а.
- Иванченко Г. В.* Космос любви: по ту сторону покоя и воли. М.: Смысл, 2009б.
- Иванченко Г. В.* Логос любви. М.: Смысл, 2007а.
- Иванюшкин А. Я.* Морально-этические проблемы искусственного аборта // Введение в биоэтику: Учеб. пособ. / Отв. ред. Б. Г. Юдин. М.: Прогресс-Традиция, 1998. С. 197–221.
- Иомдин Б. Л.* Языковая модель понимания // Языковая картина мира и системная лексикография / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 517–612.

- Кабаков А. Город по выбору // Саквояж СВ. Журнал для путешественников. 2006. С. 1, 8.
- Калюжная Н. А. Философский анализ опыта: экзистенциальные аспекты // Вопросы философии. 2009. №9. С. 164–170.
- Камшилов М. М. Организация биосферы, возрастание воздействия человека на ее функционирование и развитие и проблема ноогенеза // Проблема взаимосвязи организации и эволюции в биологии. М.: Наука, 1978. С. 263–292.
- Капинус О. С. Эвтаназия как социально-правовое явление. М.: Буквояз, 2006.
- Карп Л. Л., Потапчук Т. Б. Проблема эвтаназии: «за» и «против» // Социологические исследования. 2004. №2. С. 136–137.
- Карпенко А. С. В поисках реальности: Исчезновение // Философия науки. 2015. Вып. 20. С. 36–72.
- Карпов А. В. Метасистемная организация уровней структур психики. М.: Ин-т психологии РАН, 2004.
- Карпов А. В. Метасистемный подход к исследованию сознания // Ярославский психологический вестник. 2007. Вып. 22. С. 5–26.
- Карпов А. В. Психология сознания: Метасистемный подход. М.: РАО, 2011.
- Карпов А. В. Рефлексия в структуре сознания // Вестник ЯрГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2012. №1 (19). С. 6–12.
- Карпушина Л. В., Капцов А. В. Психология ценностей российской молодежи. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2009.
- Касавин И. Т. К понятию предельного опыта // Разум и экзистенция: Анализ научных и вненаучных форм мышления. СПб.: РХГИ, 1999. С. 388–400.
- Касавин И. Т. Коллективный субъект как предмет эпистемологического анализа // Эпистемология и философия науки. 2015. Т. XLVI. №4. С. 5–17.
- Касавина Н. А. Экзистенциальный опыт как феномен культуры // Вопросы философии. 2014. №10. С. 46–56.
- Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000.
- Кашапов М. М. Творчество в решении профессиональных проблем // Творческая деятельность профессионала в контексте когнитивного и метакогнитивного подходов. Монография / Под ред. проф. М. М. Кашапова, доц. Ю. В. Пошехоновой. Ярославль: ЯрГУ, 2012. С. 35–121.
- Кибальченко И. А. Психологические основы организации учебно-познавательного опыта обучающихся. М.: Кредо, 2010.

- Кимберг А. Н. «Жизненный мир» субъекта как предмет исследования // Психология человека в современном мире. Т. 4. Матер. Всерос. научной конф., посвященной 120-летию С. Л. Рубинштейна. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 26–33.
- Кирабаев Н. С. О философских основаниях мусульманской культуры // Homo philosophans: Сборник к 60-летию профессора К. А. Сергеева. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, Серия «Мыслители»; Вып. 12. 2002. С. 316–323.
- Климова Е. А. Социальная перцепция: объяснение и понимание // Развитие социально-перцептивной компетентности личности. Материалы научной сессии, посвященной 75-летию академика А. А. Бодалева. М.: РАГС, 1998. С. 24–29.
- Климонтова Т. А. Внутренний мир как подсистема жизненного мира человека // Вестник Сибирской академии права, экономики и управления. 2011. № 1 (2). С. 74–79.
- Клочко В. Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в трансспективный анализ). Томск: Томский гос. ун-т, 2005.
- Клочко В. Е. О методологических корнях системной антропологической психологии // Идеи О. К. Тихомирова и А. В. Брушлинского и фундаментальные проблемы психологии (к 80-летию со дня рождения) / Отв. ред. Ю. П. Зинченко, А. Е. Войскунский, Т. В. Корнилова. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2013. С. 57–60.
- Клюева Н. В. Объяснение и понимание в психологическом консультировании // Методология и история психологии. 2008. Т. 3. Вып. 1. С. 137–144.
- Колдунова И. Д. Конструирование аналитико-синтетических задач по теории алгоритмов // Педагогическое образование в России. 2015. № 4. 133–139.
- Колпачников В. В. Деятельность по осмыслению жизненного опыта: статус, процесс и результат // Культурно-историческая психология. 2015. Т. 11. № 1. С. 7–12.
- Коновалова Л. В. Правила и исключения. Дискуссии об этических проблемах аборта // Биоэтика: принципы, правила, проблемы / Под ред. Б. Г. Юдина. М.: Эдиториал УРСС, 1998. С. 154–161.
- Корбут А. М. Образовательная субъективность и «технологии себя» // Университет как центр культуропорождающего образования. Изменение форм коммуникации в учебном процессе / Под ред. М. А. Гусаковского. Минск: БГУ, 2004. С. 122–134.

- Коржова Е. Ю. Психология жизненных ориентаций человека. СПб.: Изд-во РХГА, 2006.
- Корнилова Т. В. Диагностика мотивации и готовности к риску. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997.
- Корнилова Т. В. Означает ли свободная конкуренция идей отказ от критериев научности в психологии // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. Вып. 3. С. 120–129.
- Корнилова Т. В., Корнилов С. А. Интуиция, интеллект и личностные свойства (результаты апробации шкал опросника С. Эпстайна) // Психологические исследования. 2013. Т. 6. № 28. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 15.07.2015).
- Корнилова Т. В., Смирнов С. Д. Методологические основы психологии. СПб.: Питер, 2006.
- Корнилова Т. В. Смирнов С. Д. Методологические основы психологии: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2011.
- Корнилова Т. В., Степаносова О. В., Григоренко Е. Л. Интуиция и рациональность в уровневой регуляции вербальных прогнозов при принятии решений // Вопросы психологии. 2006. № 2. С. 126–137.
- Корнилова Т. В., Чумакова М. А., Корнилов С. А., Новикова М. А. Психология неопределенности: Единство интеллектуально-личностного потенциала человека. М: Смысл, 2010.
- Коровкин С. Ю. Фасилитация решения творческих задач: юмор // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2015. Т. 12. № 2. С. 172–182.
- Костюк Г. С. О психологии понимания // Избранные психологические труды. М., 1988.
- Коул М. Культурно-историческая психология. Наука будущего. М.: Когито-Центр, 1997.
- Кошовец О. Б., Фролов И. Э., Чусов А. В. Онтологический анализ отношения теории и реальности в методологии экономической науки // Философия и общество. 2015. № 1. С. 156–176.
- Краткий психологический словарь / Ред.-сост. Л. А. Карпенко; под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. Ростов-н/Д.: Феникс, 1998.
- Критская В. П., Мелешко Т. К. Патопсихология шизофрении. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.
- Кричевец А. Н. Многоэтажная психология. Эскизный проект. О проблемах и проблемных ситуациях научного познания человека в знаниевом пространстве современности (соображения, об-

- суждение, предложения) // Мир психологии. 2005. № 3. С. 218–233.
- Крымский С. Б. Контуры духовности: новые контексты индивидуальности // Вопросы философии. 1992. № 12. С. 21–28.
- Крюкова Т. Л. Психология совладающего поведения: Монография. Кострома: Студия оперативной полиграфии «Авантитул», 2004.
- Крюкова Т. Л., Гущина Т. В. Культура, стресс и копинг: социокультурная контекстуализация совладающего поведения. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова; КГТУ, 2015.
- Ксенофонтов В. И. Духовность как экзистенциальная проблема // Философские науки. 1991. № 12. С. 41–52.
- Кубарев В. С. Решение задачи на смысл сновидения как метод исследования осознания жизненных смыслов // Культурно-историческая психология. 2015. Т. 11. № 3. С. 86–99.
- Кудрина Т. С. Уровни понимания учащимися смысла задачи // Научно-практические проблемы школьной психологической службы. М.: НИИ общей и педагогической психологии АПН СССР, 1987.
- Кузанский Н. Об ученом незнании. О предположениях. Сретенск: МЦИФИ, 2000.
- Кузьмина Т. А. Экзистенциальная философия. М.: «Канон+»–РООИ «Реабилитация», 2014.
- Кукарцева М. А. Вместо введения // Доманска Э. Философия истории после постмодернизма. М.: «Канон+» РООИ–«Реабилитация», 2010. С. 7–26.
- Куликов Л. В. Общенаучные категории в отечественной психологии. СПбГУ: Изд-во СПб. ун-та, 2013.
- Кулюткин Ю. Н., Бездухов В. П. Ценностные ориентиры и когнитивные структуры в деятельности учителя. Самара: Изд-во СамГПУ, 2002.
- Купрейченко А. Б., Журавлев А. Л. Развитие идеи С. Л. Рубинштейна о самоопределении субъекта в современной социальной психологии // Философско-психологическое наследие С. Л. Рубинштейна / Под ред. К. А. Абульхановой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. С. 216–233.
- Кутковая Е. С. Нарратив в исследовании идентичности // Национальный психологический журнал. 2014. № 4 (16). С. 23–33.
- Куфтяк Е. В. Психология семейного совладания: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. М., 2011.
- Лабунская В. А. Психологический портрет субъекта затрудненного общения // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 5. С. 14–23.

- Лабунская В. А. Интерпретация невербального поведения как социальная способность // Познание в структуре общения / Под ред. В. А. Барабанщикова, Е. С. Самойленко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 203–210.
- Лабунская В. А. Образ врага в межличностном общении // Социальная психология и общество. 2013. №3. С. 52–64.
- Лабунская В. А., Менджерцицкая Ю. А., Бреус Е. Д. Психология затрудненного общения. М.: Академия, 2001.
- Лаврикова И. Н. Тверские врачи: отношение к эвтаназии // Социологические исследования. 1999. №5. С. 95–98.
- Лаврова Е. В. Представления об опасности и их изменения под воздействием новостных передач // Вестник университета (Государственный университет управления). 2009. №20. С. 72–74.
- Лазарева К. В. Мифопоэтика «таинственных повестей» И. С. Тургенева: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ульяновск, 2005.
- Лапин Н. И. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры // Социологические исследования. 2000. №7. С. 3–12.
- Левин К. Конфликт между аристотелевским и галилеевским способами мышления в современной психологии // Психологический журнал. 1990. Т. 11. №5. С. 134–158.
- Левитов Н. Д. Психология труда. М., 1963.
- Лекторский В. А. Опыт // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М.: Мысль, 2001. Т. 3. С. 158–159.
- Лекторский В. А. Реализм, антиреализм, конструктивизм и конструктивный реализм в современной эпистемологии и науке // Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке / Отв. ред. В. А. Лекторский. М.: «Канон+»–РООИ «Реабилитация», 2009. С. 5–40.
- Лекторский В. А. Философия, познание, культура. М.: «Канон+»–РООИ «Реабилитация», 2012.
- Леонтьев А. Н. Образ мира // Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения: В 2 т. Т. II. М.: Педагогика, 1983. С. 251–261.
- Леонтьев Д. А. От социальных ценностей к личностным: социогенез и феноменология ценностной регуляции деятельности // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1996. №4. С. 35–44.
- Леонтьев Д. А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). М., 2000.
- Леонтьев Д. А. Мудрость как интегральная характеристика личностного потенциала // Личностный потенциал: структура и диагностика / Под ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011. С. 92–106.

- Летов О. В.* Биоэтика и современная медицина. М.: ИНИОН РАН–Центр гуманитарных научно-информационных исследований, 2009.
- Личность и бытие: субъектный подход / Материалы научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН А. В. Брушлинского, 15–16 октября 2008 г. / Отв. ред.: А. Л. Журавлев, В. В. Знаков, З. И. Рябикина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Ло Д.* После метода: беспорядок и социальная наука. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015.
- Лосев А. Ф.* Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат, 1991.
- Лосев А. Ф.* Хаос и структура. М.: Мысль, 1997.
- Лосев А. Ф.* Вещь и имя. Самое само. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2016.
- Луков Вал. А., Луков Вл. А.* Тезаурусы: Субъектная организация гуманитарного знания. М.: Национальный институт бизнеса, 2008.
- Луков Вал. А., Луков Вл. А.* Тезаурусы II: Тезаурусный подход к пониманию человека и его мира. М.: Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2013.
- Лурия А. Р.* Язык и сознание. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979.
- Лысенко В. Г.* Познание чужого как способ самопознания: Запад, Индия, Россия (попытка ксенологии) // Вопросы философии. 2009. № 1. С. 61–77.
- Лэнгле А.* Person: Экзистенциально-аналитическая теория личности: Сборник статей. М.: Генезис, 2006.
- Лэнгле А.* Эмоции и экзистенция. Харьков: Гуманитарный центр, 2007.
- Макадамс Д. П.* Психология жизненных историй // Методология и история психологии. 2008. Т. 3. Вып. 1. С. 135–166.
- Макаров В. В.* Онтологическая природа социальной реальности // Известия Волгоградского гос. техн. ун-та. 2004. № 7. С. 5–12.
- Максимова Н. Е., Александров И. О.* Феномен коллективного знания: согласование индивидуальных когнитивных структур или формирование надындивидуальной психологической структуры? // Психология человека в современном мире. Т. 3. Психология развития и акмеология. Экзистенциальные проблемы в трудах С. Л. Рубинштейна и в современной психологии. Рубинштейновские традиции исследования и экспериментатики (Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения С. Л. Рубинштейна, 5–16 октября 2009 г.). М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 368–376.
- Мамардашвили М. К.* Необходимость себя. М.: Лабиринт, 1996.

- Мамардашвили М. К.* Эстетика мышления. М.: Московская школа политических исследований. 2001.
- Маничев С. А., Смолко С. А.* Эмоциональные компоненты рационального и интуитивного стиля мышления при принятии управленческих решений // Вестник СПбГУ. Сер. 12. 2015. Вып. 3. С. 38–50.
- Мансурова И. С.* Особенности выраженности надежды в связи с удовлетворенностью жизнью и оценкой значимых событий: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ростов-н/Д.: ЮФУ, 2008.
- Марсель Г.* Быть и иметь. Новочеркасск: Сагуна, 1994.
- Марсель Г.* Пятая лекция. Рефлексия первой и второй ступени. Экзистенциальный ориентир // История философии. Вып. 10. М.: ИФ РАН, 2003. С. 143–163.
- Марсель Г.* Метафизический дневник. СПб.: Наука, 2005.
- Марцинковская Т. Д.* Сравнительный анализ подхода к проблеме переживания в философии и психологии // Категория переживания в философии и психологии. М., 2004. С. 261–278.
- Марцинковская Т. Д.* Психология в современном мире // Теория и методология психологии: постнеклассическая перспектива / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 33–44.
- Маслоу А.* Психология бытия. М.: Рефл-бук, 1997.
- Матурана У. Р., Варела Ф. Х.* Дерево познания. Биологические корни человеческого понимания. М.: Прогресс-Традиция, 2001.
- Матюшкин А. М.* Мышление, обучение, творчество. М.: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: НПО «Модек», 2003.
- Мелешко Т. К.* Континуально-генетическая теория А. В. Брушлинского: рождение идеи // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 4. С. 98–104.
- Мелешко Т. К., Журавлев А. Л.* А. В. Брушлинский – ученый и организатор науки // А. В. Брушлинский. Избранные психологические труды. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. С. 5–21.
- Менский М. Б.* Сознание и квантовая механика: Жизнь в параллельных мирах (Чудеса сознания – из квантовой реальности). М. Фрязино: Век 2, 2011.
- Мень А.* Тайна жизни и смерти. Брюссель: Жизнь с Богом, 2013.
- Методология комплексного человекознания и современная психология. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Милорадова Н. Г.* Психология: шаг к себе – другим навстречу. Учебное пособие. М.: АСВ, 2003.

- Минигалиева М. Р.* Взаимопонимание в психологическом консультировании: фокусно-стратегическая модель. Калуга: КГУ им. К. Э. Циолковского, 2012.
- Моляко В. А.* Психология конструкторской деятельности. М., 1983.
- Моросанова В. И.* Саморегуляция и индивидуальность человека. М.: Наука, 2010.
- Моросанова В. И., Аронова Е. А.* Самосознание и саморегуляция поведения. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Морошкина Н. В., Иванчей И. И., Карпов А. Д., Овчинникова И. В.* Логический и интуитивный режимы познавательной деятельности в исследованиях имплицитного научения // Современные исследования интеллекта и творчества / Под ред. А. Л. Журавлева, Д. В. Ушакова, М. А. Холодной. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 78–92.
- Моуди Р.* Жизнь после жизни. Свет вдали. Киев: София, 2008.
- Мохаддам Ф.* Терроризм с точки зрения террористов. Что они переживают и думают и почему обращаются к насилию. М.: Форум, 2011.
- Мохирева С. В.* Реальное событие и вербальный факт в текстах российских сми // Журналистский ежегодник. 2012. № 1. С. 114–117.
- Мудрик А. В.* Социализация человека. М.: МПСИ; Воронеж: НПО «Модэк», 2010.
- Мураками Х.* К югу от границы, на запад от солнца. М.: Эксмо, 2015.
- Мухина В. С.* Личность: Мифы и Реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты). М.: Национальный книжный центр, 2014.
- Мухиярова Е. Н.* Переживание одиночества в зрелом возрасте (гендерный аспект): Автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб.: СПбГУ, 2006.
- Мышление: процесс, деятельность, общение / Под ред. А. В. Брушлинского.* М., 1982.
- Нартова-Бочавер С. К.* Ситуация достижения как фактор изменения готовности к помощи: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1992.
- Нартова-Бочавер С. К., Астанина Н. Б.* Психологические проблемы справедливости в зарубежной персонологии: теории и эмпирические исследования // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 1. С. 16–32.
- Непомнящий В. С.* Пушкин: Проблема целостности подхода и категория контекста (методологические заметки) // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 1999. № 1. С. 91–104.

- Неумоева Е. В. Одиночество как психический феномен и ресурс развития личности в юношеском возрасте: Автореф. дис. канд. психол. наук. Тюмень: ТюмГУ, 2005.
- Нехаев А. В. Мнение как познавательная форма: логико-семиотический анализ: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Тюмень: Тюменский гос. ун-т, 2009.
- Никифоров А. Л. Смысл или бессмыслица? // Эпистемология и философия науки. 2009. Т. XXII № 4. С. 58–62.
- Николаев В. Г. Социокультурная система // Культурология. XX век. Энциклопедия. Т. 2. СПб.: Университетская книга–Алетейя, 1998. С. 224.
- Нравственность современного российского общества: психологический анализ. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Нуркова В. В. Культурно-исторический подход к автобиографической памяти: Дис. ... докт. психол. наук. М., 2009.
- Нуркова В. В., Бернштейн Д. М., Лофтус Е. Ф. Эхо взрывов: Сравнительный анализ воспоминаний москвичей о террористических актах 1999 г. (Москва) и 2001 г. (Нью-Йорк) // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 1. С. 64–72.
- Огурцов А. П. Понимание // Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-науч. фонд; Научно-ред. совет: предс. В. С. Степин, зам. предс.: А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин; уч. секр. А. П. Огурцов. М., 2001. Т. 3. С. 279–283.
- Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1988.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: ИТИ Технологии, 2003.
- Ожиганова Г. В. Духовный потенциал и высшие способности // Человек, субъект, личность в современной психологии. Материалы Международной конференции, посвященной 80-летию А. В. Брушлинского. Том 3. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. С. 69–72.
- Ожигова Л. Н. Проблема субъектности: гендерная идентичность и свобода как смысл жизни личности // Субъектный подход в психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Опенков М. Ю. Знание как бытийное отношение. Типы знания // Микешина Л. А., Опенков М. Ю. Новые образы познания и реальности. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. С. 123–140.
- Осипова И. А. Модельное представление процессов понимания текста на основе ключевых слов // Вестник Оренбургского гос. ун-та. 2012. № 11 (147). С. 100–105.

- Осорина М. В., Целяева С. И. Использование информационных знаков для изучения процессов понимания социальных ситуаций // Вестник СПб. ун-та. 2014. Сер. 16. Вып. 1. С. 6–20.
- Падун М. А., Тарабрина Н. В. Когнитивно-личностные аспекты переживания посттравматического стресса // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 5. С. 5–15.
- Панов В. И. Экопсихология: Парадигмальный поиск. М.–СПб.: Психологический институт РАО–Нестор-История, 2014.
- Парадигмы в психологии: науковедческий анализ. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Перре М, Лайрейтер А. Р., Бауманн У. Критические, изменяющие жизнь события (макрострессоры) // Клиническая психология / Под ред. М. Перре, У. Бауманна. СПб.: Питер, 2002. С. 362–364.
- Петренко В. Ф. Конструктивистская парадигма в психологической науке // Психологический журнал. 2002. № 3. С. 113–121.
- Петренко В. Ф. Космический странник – сознание: опыт индивидуального брейн-штротинга // Методология и история психологии. 2009. Т. 4. Вып. 1. С. 5–24.
- Петренко В. Ф. Многомерное сознание: Психосемантическая парадигма. М.: Новый хронограф, 2010.
- Петренко В. Ф., Супрун А. П. Человек в предметном и ментальном мире. Существует ли «объективная действительность»? Неоконченный спор Бора с Эйнштейном // Известия Иркутского гос. ун-та. Серия «Психология». 2013. Т. 2. № 2. С. 62–82.
- Петренко В. Ф., Супрун А. П. Взаимосвязь квантовой физики и психологии сознания // Психологический журнал. 2014. № 6. С. 69–86.
- Петрова Г. И. Современный конструктивистский ответ в решении классической педагогико-антропологической проблемы «заботы о себе» // Вестник Томского гос. ун-та. 2013. № 12 (140). С. 131–134.
- Петровский А. В., Ярошевский М. Г. Основы теоретической психологии. М.: Инфра-М, 1998. С. 80–98.
- Петровский В. А. Человек над ситуацией. М.: Смысл, 2010.
- Пиаже Ж. Аффективное бессознательное и когнитивное бессознательное // Вопросы психологии. 1996. № 6. С. 125–131.
- Пиаже Ж. Моральное суждение у ребенка. М.: Академический проект, 2006.
- Пископпель А. А. Объяснение и понимание в диалоге «объяснительной» и «описательной» психологии // Методология и история психологии. 2008. Т. 3. Вып. 1. С. 47–57.

- Поддьяков А. Н. Компликология: создание развивающих, диагностирующих и деструктивных трудностей. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.
- Покровский Н. Е., Иванченко Г. В. Универсум одиночества: социологические и психологические очерки. М.: Логос, 2006.
- Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. М.: Прогресс, 1985.
- Политова С. П. Личность террориста в представлении современной молодежи // Вызовы эпохи в аспекте психологической и психотерапевтической науки и практики. Материалы Третьей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Казань, Казанский гос. ун-т, 22–23 ноября 2007 г. / Под ред. С. В. Петрушина. Казань: ЗАО «Новое знание», 2007. С. 553–555.
- Полякова О. О. Особенности понимания современной молодежью террористической угрозы // Актуальные вопросы современной психологии: материалы междунар. науч. конф. (г. Челябинск, март 2011 г.). Челябинск: Два комсомольца, 2011. С. 84–87.
- Пономарев Я. А. Знания, мышление и умственное развитие. М.: Просвещение, 1967. С. 83–103.
- Пономарев Я. А. Психология творчества. М.: Наука, 1976.
- Пономарев Я. А. Методологическое введение в психологию. М.: Наука, 1983.
- Попов Л. М., Голубева О. Ю., Устин П. Н. Добро и зло в этической психологии личности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Поппер К. Р. Открытое общество и его враги. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992.
- Пошехонова Ю. В. Метакогнитивные процессы и творческий подход к решению педагогических проблемных ситуаций // Творческая деятельность профессионала в контексте когнитивного и метакогнитивного подходов. Монография / Под ред. проф. М. М. Кашапова, доц. Ю. В. Пошехоновой. Ярославль: ЯрГУ, 2012. С. 122–153.
- Представление знаний и моделирование процесса понимания. Новосибирск ВЦ СО АН СССР, 1980.
- Природа этнорелигиозного терроризма / Под ред. Ю. М. Антоняна. М.: Аспект Пресс, 2008.
- Проблема субъекта в психологической науке / Под ред. А. В. Брушлинского, М. И. Воловиковой, В. Н. Дружинина. М.: Академический проект, 2000.

- Прогресс психологии: критерии и признаки. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Прохоров А. О. Рефлективный слой психического состояния // Мир психологии. 2006. № 2. С. 38–49.
- Прохоров А. О. Смысловая регуляция психических состояний. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Прохоров А. О. Образ психического состояния // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 5. С. 108–122.
- Процесс мышления и закономерности анализа, синтеза и обобщения. Экспериментальные исследования / Под ред. С. Л. Рубинштейна. М.: Изд-во АН СССР, 1960.
- Психологические исследования духовно-нравственных проблем. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
- Психологические исследования нравственности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Психологические проблемы автоматизации; научно-исследовательских работ / Под ред. М. Г. Ярошевского и О. К. Тихомирова. М.: Наука, 1987. С. 119–139.
- Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А. В. Брушлинского, М. И. Володиной. М.: ПЕР СЭ, 2002.
- Психология нравственности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
- Психология субъекта и психология человеческого бытия: монография / Под ред. В. В. Знакова, З. И. Рябикиной, Е. А. Сергиенко. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2010.
- Психология сегодня: Теория, образование и практика. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Психология: современные направления междисциплинарных исследований: Материалы научной конференции. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003.
- Психология субъекта профессиональной деятельности / Под ред. В. А. Барабанщикова и А. В. Карпова. Вып. 2. Москва-Ярославль: Аверс-Пресс, 2002.
- Психология человека в современном мире. Том 4. Субъектный подход в психологии: история и современное состояние. Личность профессионала в обществе современных технологий. Нейрофизиологические основы психики: Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Пуанкаре А. О науке. М.: Наука, 1990.

- Пузырей А. А. Психология. Психотехника. Психагогика. М.: Смысл, 2005.
- Радина Н. К. Прикладная герменевтика социального пространства: фрейм, идентичность, автобиография // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2014. № 4. С. 126–139.
- Радина Н. К., Поршнев А. В. Психология и герменевтика: герменевтический анализ понимания в математических схемах и моделях // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 11. № 2. С. 90–119.
- Разин А. В. Этика: история и теория. М.: Академический проект, 2002.
- Рассказова Е. И. Экзистенциальное и психологическое измерения жизнестойкости // Вопросы психологии. 2015. № 4. С. 101–108.
- Ребеко Т. А. Телесный опыт в структуре индивидуального знания. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.
- Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Медиум, 1995.
- Ришар Ж. Ф. Ментальная активность. Понимание, рассуждение, нахождение решений. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998.
- Родионова Н. В. Понимание ситуаций радиационной опасности профессионалами и непрофессионалами: Дис... канд. психол. наук. М., 2004.
- Розанов В. В. Сочинения: О понимании: Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания. М.: Танаис, 1995.
- Романова А. П., Хлыщева Е. В., Якушенков С. Н., Топчиев М. С. Чужой и культурная безопасность. М.: РОССПЭН, 2013.
- Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация. Перспективы социальной психологии. М.: Аспект-Пресс, 1999.
- Росохин А. В. Рефлексия и внутренний диалог в измененных состояниях сознания: Интерсознание в психоанализе. М.: Когито-Центр, 2010.
- Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание: О месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957.
- Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973.
- Рубинштейн С. Л. Человек и мир. М.: Наука, 1997.
- Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. Т. 2. М.: Педагогика, 1989.
- Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2000.

- Рюмина Л. И.* Ценностно-смысловой подход к общению (теоретико-методологическое обоснование). Ростов-н/Д.: Изд-во Ростовского университета, 2004.
- Рябикина З. И.* Субъектно-бытийный подход к изучению развивающих личность противоречий // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 2. С. 78–87.
- Рябикина З. И., Сомова Е. Г.* Личность и ее самоактуализация в общении с Другим // Мир психологии. 2001. № 3. С. 83–88.
- Рябикина З. И., Богомолова Е. И.* Взаимосвязь личностных характеристик пользователей социальных сетей Интернета с особенностями их активности в сети // Научный журнал КубГАУ. 2015. № 109 (05).
- Савельева И. М., Полетаев А. В.* Знание о прошлом: теория и история. В 2 т. Т. 1: Конструирование прошлого. СПб.: Наука, 2003.
- Саид Э.* Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Русский мир, 2006.
- Самосознание: мое и наше. К постановке проблемы / Отв. ред. Ф. Т. Михайлов. М.: Институт философии РАН, 1997.
- Сапогова Е. Е.* Автобиографический нарратив в контексте культурно-исторической психологии // Культурно-историческая психология. 2005. № 2. С. 63–74.
- Сапогова Е. Е.* Границы «я»: жизненный и экзистенциальный опыт // Человек, субъект, личность в современной психологии (к 80-летию А. В. Брушлинского) / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН». 2013. Т. 1. С. 445–447.
- Сапоровская М. В.* Психология межпоколенных отношений в семье: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. Кострома, 2013.
- Сафрански Р.* Хайдеггер: германский мастер и его время. М: Молодая гвардия, 2002.
- Селезнёва С. Г.* Понятие тайны в уголовном праве // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2013. № 5 (296). Право. Вып. 35. С. 95–98.
- Селиванов В. В.* Мышление в личностном развитии субъекта (2-е изд.). Смоленск: Универсум, 2003.
- Селиванов В. В.* Современное состояние и перспективы теории мышления А. В. Брушлинского // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 2. С. 29–40.
- Селиванов В. В., Селиванова Л. Н.* Эффективность использования виртуальной реальности в обучении в юношеском и взрослом возрастах // Непрерывное образование: XXI век. 2015. Вып. 1 (9).

- URL: <http://lll21.petrstu.ru/journal/article.php?id=2729> (дата обращения: 21.06.2015).
- Семенов В. Е. Эвтаназия как тема для биоэтического дискурса // Ученые записки Санкт-Петербургского гос. ин-та психологии и социальной работы. 2015. Т. 23. Вып. 1. С. 125–134.
- Сенькина Ю. Н. К истории изучения «таинственных повестей» И. С. Тургенева // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 61. С. 230–233.
- Сергиенко Е. А. Раннее когнитивное развитие. Новый взгляд. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Сергиенко Е. А. Возвращение к Пиаже // Психологический журнал. 2008. № 1. С. 34–46.
- Сергиенко Е. А. Системно-субъектный подход: обоснование и перспектива // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 1. С. 120–132.
- Сергиенко Е. А. Проблема соотношения понятий субъекта и личности // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 2. С. 5–16.
- Сергиенко Е. А. Модель психического как парадигма познания социального мира // Психологические исследования. 2014. Т. 7, № 36. С. 6. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 20.08.2015).
- Скотникова И. Г. Проблемы субъектной психофизики. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Словарь по этике. М.: Политиздат, 1989.
- Смирнов Д. О. Религиозная активность в структуре интегральной индивидуальности: Дис. ... канд. психол. наук. Пермь: ПермГПУ, 2001.
- Смирнова Е. О., Лагутина А. Е. Осознание своего опыта детьми в семье и в детском доме // Вопросы психологии. 1991. № 6. С. 30–37.
- Собкин В. С., Ениколопов С. Б., Кропачев В. М. Студенческая молодежь Дагестана об отношении к терроризму // Толерантность в подростковой и молодежной среде: Труды по социологии образования. Т. IX. Вып. XVI / Под ред. В. С. Собкина. М.: Центр социологии образования РАО, 2004. С. 114–132.
- Собкин В. С., Маркина О. С. Влияние опыта переживания «школьной травли» на понимание подростками фильма «Чучело» // Вестник практической психологии образования. 2009. № 1 (18). С. 48–59.
- Современная психология: состояние и перспективы: Тезисы докладов на юбилейной научной конференции ИП РАН, 28–29 января 2002 года. Том 1. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002.

- Современная психология: состояние и перспективы: Тезисы докладов на юбилейной научной конференции ИП РАН, 28–29 января 2002 года. Том 2. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002.
- Соколов Б. Г. Понимание понимания: понимание Платоновского понимания // Парадигмы философствования. Вторые международные философско-культурологические чтения. СПб.: Философско-культурологический исследовательский центр «Эйдос», Санкт-Петербургский Союз ученых. 1995. С. 346–352.
- Соколова Е. Т. Шок от столкновения с социокультурной неопределенностью: клинический взгляд // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 40. С. 5. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 30.09.2015).
- Солдатова Г. У., Рассказова Е. И. Чрезмерное использование интернета: факторы и признаки // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 4. С. 79–88.
- Соснин В. А., Нестик Т. А. Современный терроризм: Социально-психологический анализ. М., 2008.
- Спиноза Б. Политический трактат // Антология мировой философии. В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1970. С. 405–408.
- Спиридонов В. Ф. Парадигматический анализ процесса решения мыслительной задачи (на примере текстовых задач по алгебре) // Prasens: сб. науч. трудов / Отв. ред. Е. И. Пивовар. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2012. С. 144–159.
- Степин В. С. Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
- Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М.: Аспект-Пресс, 2004.
- Столин В. В. Самосознание личности. М.: Изд-во Моск. ун-та. 1983.
- Субботский Е. В. Строящееся сознание. М.: Смысл, 2007.
- Субъект, личность и психология человеческого бытия / Под ред. В. В. Знакова и З. И. Рябикиной. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. С. 9–44.
- Субъектный подход в психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, В. В. Знакова, З. И. Рябикиной, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Сухачев В. Ю. История без субъекта // Метафизические исследования. Выпуск 3. История. Альманах Лаборатории Метафизических Исследований при философском факультете Санкт-Петербургского государственного университета. СПб.: Алетейя, 1997. С. 28–42.
- Тарабрина Н. В., Ворона О. А., Курчакова М. С., Падун М. А., Шаталова Н. Е. Онкопсихология: посттравматический стресс у боль-

- ных раком молочной железы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
- Тарасов А. Б. Праведники и праведничество в позднем творчестве Л. Н. Толстого: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: АО «Диалог-МГУ», 1998.
- Тельнова Н. А. Целостность человека в онтолого-антропологическом измерении. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та., 2002.
- Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Теплов Б. М. Проблемы индивидуальных различий. М.: Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1961.
- Тихомиров О. К. Структура мыслительной деятельности человека. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969.
- Тихомиров О. К. Теоретические проблемы исследования бессознательного // Вопросы психологии. 1981. № 2. С. 31–39.
- Тихомиров О. К. Психология мышления. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.
- Тихомиров О. К. Понятия и принципы общей психологии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992.
- Тихомиров О. К. К. Поппер и психология // Вопросы психологии. 1995. № 4. С. 116–129.
- Тихомиров О. К., Знаков В. В. Мышление, знание и понимание // Вестник Моск. ун-та. Серия. 14. Психология. 1989. № 2. С. 6–16.
- Тихонравов Ю. В. Экзистенциальная психология. Учебно-справочное пособие. М.: ЗАО «Бизнес-школа „Интел-Синтез“», 1998.
- Ткачев А. Н. Значение проблемы «непостижимого» С. Л. Франка в логике развития русской философии // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. Серия «Социальные науки». 2009. № 4 (16). С. 220–224.
- Тойнби А. Дж. Постижение истории. М.: Айрис-Пресс, 2004.
- Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. В 90 т. М.: ГИХЛ, 1936. Т. 26.
- Трубина Е. Множественная травма // Травма: пункты / Сост. С. Ушакин и Е. Трубина. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 901–911.
- Тулинова Д. Б. Представления о враге и друге в связи с отношением к жизни на различных ее этапах: Автореф. ... дис. канд. психол. наук. Ростов-н/Д.: РГУ, 2005.
- Тульчинский Г. Л. Личность как успешный автопроект // От события к бытию: грани творчества Галины Иванченко / Сост. М. А. Козлова. М.: ИД ГУ ВШЭ, 2010. С. 49–63.

- Тучина О. Р. Самопонимание личностью своей этнокультурной идентичности: субъектно-бытийный подход. Краснодар: Изд-во ФГБОУ ВПО «КубГУ», 2013.
- Уайт Л. Избранное: Эволюция культуры. М.: РОССПЭН, 2004.
- Уемов А. И. Логические основы метода моделирования. М.: Мысль, 1971.
- Уколова В. И. Историк в поисках ответа на вызов // Тойнби А. Дж. Постигание истории. М.: Айрис-Пресс, 2004. С. 5–17.
- Улько Е. В. Субъект интерпретации ситуаций социального взаимодействия // Субъект, личность и психология человеческого бытия / Под ред. В. В. Знакова и З. И. Рябикиной. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. С. 294–306.
- Ускова Д. Н. Развитие интерпретирующей способности личности: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. М., 2007.
- Ушаков Д. В. Языки психологии творчества: Яков Александрович Пономарев и его научная школа // Психология творчества: школа Я. А. Пономарева / Под ред. Д. В. Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. С. 19–142.
- Фаликман М. В. Когнитивная парадигма: есть ли в ней место психологии? Психологические исследования, 2015, 8 (42), 3. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 15.02.2016).
- Фахрутдинова Л. Р. Психология переживания человека. Казань, 2008.
- Фёдоров А. А. Уловки интеллектуальной эквилибристики // Вопросы психологии. 2014. № 4. С. 83–93.
- Федоров Н. А. Психологические потенциалы символа // Вестник Омского университета. Серия «Психология». 2012. № 1. С. 24–30.
- Феррарис М. Что такое новый реализм? // Вопросы философии. 2014. № 8. С. 145–159.
- Флоренская Т. А. Диалог как духовно развивающее общение (диалогические принципы общения в работе учителя) // Учителю об экологии детства. М.: ЦКФЛ РАО, 1996. С. 96–104.
- Фоменко Г. Ю. Личность в экстремальных условиях: два модуса бытия. Краснодар: Кубанский государственный ун-т, 2006.
- Франк С. Л. Непостижимое: Онтологическое введение в философию религии. М.: АСТ: АСТ МОСКВА ХРАНИТЕЛЬ, 2007.
- Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.
- Фриндте А., Келер Т. Публичное конструирование «Я» в опосредствованном компьютером общении // Гуманитарные исследования в Интернете / Под ред. А. Е. Войскунского. М.: Можайск-Терра, 2000. С. 40–54.

- Фуко М. Герменевтика субъекта // Социо-Логос. Вып. 1. М.: Прогресс, 1991. С. 284–311.
- Фуко М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году. СПб.: Наука, 2007.
- Фуко М. Управление собой и другими. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1982–1983 учебном году. СПб.: Наука, 2011.
- Фуко М. Мужество истины. Управление собой и другими II. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1983–1984 учебном году. СПб.: Наука, 2014.
- Хазова С. А. Ментальные ресурсы субъекта в разные возрастные периоды: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. Кострома, 2014.
- Харламенкова Н. Е. Дифференциальный подход к проблеме одиночества: зависимость, доминирование, самодостаточность // Психология личности: новые исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998. С. 85–97.
- Харламенкова Н. Е. Активность субъекта: ее границы в ретроспективе и перспективе жизни // Психология субъекта и психология человеческого бытия: монография / Под ред. В. В. Знакова, З. И. Рябикиной, Е. А. Сергиенко. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2010. С. 40–59.
- Харламенкова Н. Е., Журавлев А. Л. Психология личности как открытой и развивающейся системы (к юбилею Л. И. Анцыферовой) // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 6. С. 30–39.
- Харламенкова Н. Е., Кумыкова Е. В., Рубченко А. К. Психологическая сепарация: подходы, проблемы, механизмы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.
- Харре Р. Конструкционизм и основания знания // Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке / Отв. ред. акад. РАН В. А. Лекторский. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. С. 64–78.
- Хаузер М. Д. Мораль и разум: Как природа создавала наше универсальное чувство добра и зла // Под ред. Ю. И. Александрова. М.: Дрофа, 2008.
- Хашченко В. А. Психология экономического благополучия. М.: Изд-во Институт психологии РАН», 2012.
- Хвостов А. А. Типология морального сознания студенческой молодежи // Развитие личности. 1999. № 3. С. 121–151.
- Хвостов А. А. Моральное сознание двух культур: китайская и российская молодежь // Развитие личности 2002. № 2. С. 49–59.

- Хвостов А. А., Иванова А. А. Моральное сознание молодежи России (на материале исследования молодежи Москвы и Кубани) // Развитие личности. 2001. № 2. С. 78–111.
- Хмелевская С. А., Яблокова Н. И. Система форм постижения бытия в контексте современной культуры // Вестник МГОУ. Серия «Философские науки». 2013. № 2. С. 74–78.
- Холлис Дж. Перевал в середине пути: Как преодолеть кризис среднего возраста и найти новый смысл жизни. М.: Когито-Центр, 2013.
- Холодная М. А. Психология интеллекта. СПб.: Питер, 2002.
- Холодный В. И. А. С. Хомяков и современность: зарождение и перспективы соборной феноменологии. М.: Академический проект, 2004.
- Хришкевич Т. Г. Вторая мировая война в восприятии современных немцев: поражение или освобождение? // Метаморфозы истории. 2015. № 6. С. 10–20.
- Цепцов В. А. «Образ врага» в сознании россиян: дискурсивно-когнитивная модель // Ситуационная и личностная детерминация дискурса / Под ред. Н. Д. Павловой, И. А. Зачесовой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 259–284.
- Человек, субъект, личность в современной психологии: Материалы Международной конференции, посвященной 80-летию А. В. Брушлинского. Том 1. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Человек, субъект, личность в современной психологии: Материалы Международной конференции, посвященной 80-летию А. В. Брушлинского. Том 2. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Человек, субъект, личность в современной психологии: Материалы Международной конференции, посвященной 80-летию А. В. Брушлинского. Том 3. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Чепелева Н. В. Самопроектирование личности в дискурсивном пространстве // Человек, субъект, личность в современной психологии (к 80 летию А. В. Брушлинского). Т. 3 / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН». 2013. С. 342–345.
- Чуприкова Н. И. Психология умственного развития: принцип дифференциации. М.: Столетие, 1997.
- Чуприкова Н. И. Идеи общих законов развития в трудах русских мыслителей конца XIX– начала XX вв // Вопросы психологии. 2000. № 1. С. 109–125.

- Шаварский З.* Чего ожидать от медицинской этики? // Человек. 2006. № 5. С. 78–88.
- Шамионов Р. М.* Субъект и личность в процессе социализации // Субъектный подход в психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, В. В. Знакова, З. И. Рябикиной, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 199–210.
- Шапинская Е. Н.* Образ Другого в текстах культуры: политика репрезентации // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 4. С. 49–55.
- Швейцер А.* Упадок и возрождение культуры. Избранное. М.: Прометей, 1993.
- Швырков В. Б.* Психофизиология поведения и эмоции // Эмоции и поведение: системный подход. М.: 1984. С. 317–319.
- Швырков В. Б.* Введение в объективную психологию. Нейрональные основы психики // Избранные труды / Под ред. Ю. И. Александра. М.: Изд-во «Институт психологии РАН». 2006.
- Шефер Б., Скарабис М, Шлёдер Б.* Социально-психологическая модель восприятия чужого: идентичность, знание, амбивалентность // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2004. № 1. С. 24–51.
- Шкуратов В. А.* От Манхэттена до «Норд-Оста». Психология масс-медиа, политика после 11 сентября 2001 года. Самара: СамИКП-СНЦ РАН, 2002.
- Шмальгаузен И. И.* Организм как целое в индивидуальном и историческом развитии. М.: Наука, 1982.
- Шмид В.* Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2008.
- Штомпка П.* Социология социальных изменений. М.: Аспект-Пресс, 1996.
- Штофф В. А.* Моделирование и философия. М.–Л.: Наука, 1966.
- Шулакевич М.* Границы как проблема современной культуры // Космополис. 2008. № 2 (21). С. 105–114.
- Шюц А.* О множественности реальностей // Социологическое обозрение. 2003. Т. 3. № 2. С. 3–34.
- Шюц А.* Чужак. Социально-психологический очерк // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004. С. 533–549.
- Щербакова О. В.* Интеллектуальные действия, опосредующие понимание комического // Психологические проблемы самореализации личности. Вып. 13 / Под ред. Л. А. Коростылевой. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2010. С. 224–235.
- Щирова И. А., Гончарова Е. А.* Многомерность текста: понимание и интерпретация: Учебное пособие. СПб.: ООО «Книжный Дом», 2007.

- Эко У. Шесть прогулок в литературных лесах. СПб.: Симпозиум, 2002.
- Эпштейн М. Знак пробела: О будущем гуманитарных наук. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 788–806.
- Эпштейн М. От мудрости к философии – и обратно // М. Эпштейн. Знак пробела: О будущем гуманитарных наук. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 788–806.
- Эпштейн М. Н. Жизнь как тезаурус // Постнеклассическая психология. 2007. № 4. С. 47–56.
- Эпштейн М. Н. Галина Владимировна Иванченко, 4 июня 1965–4 августа 2009 // Иванченко Г. В. Я не искала образов и слов. Избранные стихотворения. Таганрог: Издатель А. Н. Ступин, 2014. С. 4.
- Юнг К. Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991.
- Юревич А. В. Социальная психология науки. СПб.: РХГИ, 2001.
- Юревич А. В. Объяснение в психологии // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 1. С. 97–106.
- Юревич А. В. Методология и социология психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
- Ядов В. А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М.: Омега-Л, 2007.
- Якиманская И. С. Восприятие и понимание учащимися чертежа и условий задачи в процессе ее решения // Применение знаний в учебной практике школьников / Под ред. Н. А. Менчинской. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1961. С. 54–137.
- Яковлев В. Ю. Нарративный метод научного познания // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. № 11 (71). С. 28–35.
- Ялом И. Д. Экзистенциальная психотерапия. М.: Независимая фирма «Класс», 1999.
- Ярошевский М. Г. Идеи Б. М. Теплова о переживании как феномене культуры // Вопросы психологии. 1997. № 4. С. 63–75.
- Ясперс К. Общая психопатология. М.: Практика, 1997.
- Abelson R. P. Differences between belief and knowledge systems // Cognitive Science. 1979. V. 3. № 4. P. 355–366.
- Abu Raiya H., Pargament K. I., Mahoney A., Trevino K. When Muslims are perceived as a religious threat: Examining the connection between desecration, religious coping and anti-Muslim attitudes // Basic and Applied Soc. Psychol. 2008. V. 30. P. 311–325.
- Adler J. M. Sitting at the nexus of epistemological traditions: Narrative psychological perspectives on self-knowledge // Vazire S., Wilson T. D. (Eds). Handbook of self-knowledge. N. Y.–London: The Guilford Press, 2012. P. 327–342.

- Adler J. M., Poulin M. J.* The Political Is Personal: Narrating 9/11 and Psychological Well-Being // *Journal of Personality*. 2009. V. 77. № 4. P. 903–932.
- Alexandrov Yu. I.* Comparative description of consciousness and emotions in the framework of systemic understanding of behavioral continuum and individual development // *Neuronal bases and psychological aspects of consciousness* / Eds C. Teddei-Ferretti, C. Musio. Singapore–N. Y.–London–Hong Kong: World Scientific, 1999b. P. 220–235.
- Alexandrov Yu. I.* Psychophysiological regularities of the dynamics of individual experience and the “stream of consciousness” // *Neuronal bases and psychological aspects of consciousness* / Eds C. Teddei-Ferretti, C. Musio. Singapore–N. Y.–London–Hong Kong: World Scientific, 1999a. P. 201–219.
- Alexandrov Yu. I.* Neuronal specializations, emotion and consciousness within culture // *Toward a science of consciousness*. Tucson 2002. Research Abstracts, Arizona: University of Arizona, 2002. P. 157–158.
- Alexandrov Yu. I.* On the way towards neuroculturology: From the neuronal specializations through the structure of subjective world to the structure of culture and back again // *Proceeding of the International symposium “Perils and prospects of the new brain sciences”*. Stockholm, 2001. P. 36–38.
- Alexandrov Yu. I., Sams M., Lavikainen J., Naatanen R., Reinikainen K.* Differential effects of alcohol on the cortical processing of foreign and native language // *International Journal of Psychophysiology*. 1998. V. 28. P. 1–10.
- Alexandrov Yu. I., Sams M. E.* Emotion and consciousness: Ends of a continuum // *Cognitive Brain Research*. 2005. V. 25. P. 387–405.
- Alexandrov Yu. I., Klucharev V., Sams M.* Effect of emotional context in auditory-cortex processing. *International Journal of Psychophysiology*. 2007; 65: 261–271
- Baltes P., Kunzmann U.* Wisdom // *The Psychologist*. 2003. V. 16. № 3. P. 131–132.
- Baltes P. B.* *Wisdom as Orchestration of Mind and Virtue*. Berlin: Max Planck Institute for Human Development, 2004.
- Bamberg M.* Who am I? Narration and its contribution to self and identity // *Theory & Psychology*. 2011. V. 21. № 1. P. 3–24.
- Barrett L. F., Lindquist K. A., Gendron M.* Language as context for the perception of emotion. *Trends in Cognitive Sciences*. 2007. V. 11. Iss. 8. P. 327–332.

- Baretta L., Braga T., Leda M., MacNair N., Kwan L. V., Waldie K. E. Inference making while reading narrative and expository texts: An ERP study // *Psychology & Neuroscience*. 2009. V. 2. № 2. P. 137–145.
- Beitel M., Ferrer E., Cecero J. J. Psychological mindedness and awareness of self and others // *Journal of Clinical Psychology*. 2005. № 61. P. 739–750.
- Begue L. Social Judgment of Abortion: A Black-Sheep Effect in a Catholic Sheepfold // *The Journal of Social Psychology*. 2001. V. 141. № 5. P. 640–649.
- Berntson G. G., Boysen S. T., Cacioppo J. H. Neurobehavioral organisation and the cardinal principle of evaluative bivalence // *Annals of The New York Academy of Sciences*. 1993. V. 702. P. 75–102.
- Best R. M., Rowe M., Ozuru Y., McNamara D. S. Deep-Level Comprehension of Science Texts. The Role of the Reader and the Text // *Topics in Language Disorders*. 2005. V. 25. № 1. P. 65–83.
- Blasi A. Bridging moral cognition and moral action: A critical review of literature // *Psychological Bulletin*. 1980. V. 88. № 1. P. 1–45.
- Blattner W. D. Existence and Self-Understanding in Being and Time // *Philosophy and Phenomenological Research*. 1996. V. 56. № 1. P. 97–110.
- Bohme G. Sense and counter-sense: On the Deconstruction of stories // *Journal Studia Culturologica*. 1994. V. 3. P. 103–117.
- Brown R. W., Jewell R. T., Rous J. J. Abortion Decisions among Hispanic Women along the Texas–Mexico Border // *Social Science Quarterly*. 2000. V. 81. № 1. P. 237–252.
- Bruner J. Two Modes of Thought // *Actual Minds, Possible Worlds*. London: Harvard University Press, 1986. P. 11–43.
- Bruschlinski A. W., Tichomirow O. K. Zur Psychologie des Denkens. Berlin, 1975.
- Burnell G. M., Norfleet M. A. Women's self-reported responses to abortion // *The Journal of Psychology*. 1987. V. 121. № 1. P. 71–76.
- Burton B. K., Hegarty W. H. Some Determinants of Student Corporate Social Responsibility Orientation // *Business & Society*. 1999. V. 38. Iss. 2. P. 188–205.
- Cacioppo J. T., Gardner W. L. Emotion // *Annual Review of Psychology*. 1999. V. 50. P. 191–214.
- Carlton C. L., Nelson E. S., Coleman P. K. College students' attitudes toward abortion and commitment to the Issue // *The Social Science Journal*. 2000. V. 37. Iss. 4. P. 619–625.
- Chiari G., Nuzzo M. L. Psychological constructivisms: A metatheoretical differentiation // *J. of Constructivist Psychol.* 1996. V. 9. Iss. 3. P. 163–184.

- Chiari G., Nuzzo M. L.* Steering personal construct theory toward hermeneutic constructivism // *Studies in meaning 2: Bridging the personal and social in constructivist psychology* / Eds J.D. Raskin, S.K. Bridges. N. Y.: Pace University Press, 2004. P. 51–65.
- Choi I., Koo M., Choi J. A.* Individual differences in analytic versus holistic thinking // *Pers. Soc. Psychol. Bull.* 2007. V. 33. № 5. P. 691–705.
- Chu Th. Q., Seery M. D., Ence W. A., Holman E. A., Silver R. C.* Ethnicity and gender in the face of a terrorist attack: A National longitudinal study of immediate responses and outcomes two years after September 11 // *Basic and Appl. Soc. Psychol.* 2006. V. 28. № 4. P. 291–301.
- Coates J.* “My mind is with you”: story sequences in the talk of male friends // *Narrative inquiry.* 2001. V. 11. № 1. P. 81–101.
- Cognition and symbolic processes* / Ed. by W.B. Weimer, P. S. Palermo. N. J., 1974.
- Coleman P. K., Reardon D. C., Strahan T., Cogle J. R.* The psychology of abortion: A review and suggestions for future research // *Psychol. and Health.* 2005. V. 20. № 2. P. 237–271.
- Cook-Greuter S. R.* Rare Forms of Self-Understanding in Mature Adults // *Transcendence and Mature Thought in Adulthood. The Further Reaches of Adult Development* / Ed. by M. E. Miller, S. R. Cook-Greuter. London: Rowman and Littlefield Publishers, Inc. 1994. P. 119–143.
- Craig S. C., Kane J. G., Martinez M. D.* Sometimes you feel like a nut, sometimes you don't: Citizens' ambivalence about abortion // *Political Psychology.* 2002. V. 23. № 2. P. 285–301.
- Crenshaw M.* The psychology of terrorism: An agenda for the 21st century // *Polit. Psychol.* 2000. V. 21. № 2. P. 405–420.
- Cushman F., Young L., Hauser M.* The role of conscious reasoning and intuition in moral judgment: Testing three principles of harm // *Psychol. Sci.* 2006. V. 17. P. 1082–1089.
- Davidson R. J.* Cognitive neuroscience needs affective neuroscience (and vice versa) // *Brain and Cognition.* 2000. V. 49. P. 89–92.
- DeCicco T. L., Stroink M. L.* A Third Model of Self-Construal: The Metapersonal Self // *International Journal of Transpersonal Studies.* 2007. V. 26. Iss. 1. P. 82–104.
- Dijk T. A. van.* Opinions and attitudes in discourse comprehension // *Language and comprehension* / Ed. by J. F. Le Ny, W. Kintsch. Amsterdam–N. Y.–Oxford: North Holland Publishing company, 1982. P. 35–51.
- Domenici D. J.* Implications of hermeneutic constructivism for personal construct theory: imaginatively construing the nonhuman world // *Journal of Constructivist Psychology.* 2008. V. 21. Iss. 1. P. 25–42.

- Donald M.* The central role of culture in cognitive evolution: a reflection on the myth of the „isolated mind“ // Culture, thought, and development / Eds L. P. Nucci, G. Saxe, E. Turiel. Mahwah, N. J.: Lawrence Erlbaum Associates, Inc., 2000. P. 19–38.
- Eisenberg N.* Emotion, regulation and moral development // Annual Review of Psychology. 2000. V. 51. P. 665–697
- Elbert T., Pantev C., Wienbruch C., Rockstroh B., Taub E.* Increased cortical representation of the fingers of the left hand in string players // Science. 1995. V. 270. P. 305–307.
- Epstein S.* Cognitive-experiential self-theory of personality // I. B. Weiner (Ed.). Handbook of psychology. V. 5: Personality and social psychology. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, Inc., 2003. P. 159–184.
- Esposito C. L., Basow S. A.* College student's attitudes toward abortion: The role of knowledge and demographic variables // Journal of Applied Social Psychology. 1995. V. 25. Iss. 22. P. 1996–2017.
- Evans J. S. B. T.* Dual-processing accounts of reasoning, judgment and social cognition // Annu. Rev. Psychol. 2008. V. 59. P. 255–278.
- Felman S.* What does a woman want? Reading and sexual difference. Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press, 1993.
- Fitzpatrick M. E., Cotter E. W., Bernfeld S. J., Carter L. M., Kies A., Fouad N. A.* The importance of workplace bullying to vocational psychology: Implications for research and practice // J. of Career Development. 2011. V. 38. № 6. P. 479–499.
- Flavell J. H.* Metacognition and cognitive monitoring: A new area of cognitive-developmental inquiry // American Psychologist. 1979. № 34. P. 906–911.
- Fauconnier G., Turner M.* Rethinking Metaphor // Cambridge Handbook of Metaphor and Thought / Ed. by R. W. Gibbs. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 53–66.
- Franzoi S. L., Davis M. H., Markwiese B.* A Motivational Explanation for the Existence of Private Self-Consciousness Differences // Journal of Personality. 1990. V. 58. № 8. P. 641–659.
- Frederick S.* Cognitive Reflection and Decision Making // Journal of Economic Perspectives. 2005. V. 19. № 4. P. 25–42.
- Friedman M.* Religious Fundamentalism and Responses to Mortality Salience: A Quantitative Text Analysis // The International Journal for the Psychology of Religion, 2008. V. 18. P. 216–237.
- Frohlich V.* Sich selbst verstehen? // G. Bittner (Hrsg.). Menschen verstehen: Wider die «Spinnewebn dogmatischen Denkens». Würzburg: Königshausen & Neumann, 2005. S. 35–42.

- Gable M., Dangelo F.* Locus of control, Machiavellianism, and managerial job performance // *The Journal of Psychology*. 1994. V. 128. № 5. P. 599–608.
- Gardner H.* A multiplicity of intelligences: In tribute to Professor Luigi Vignolo. 2004. URL: <http://www.howardgardner.com/papers/documents/t-101%20a%20multiplicity%20revised.pdf> (дата обращения: 20.03.2016).
- Gardner H.* Are there additional intelligences? The case for naturalist, spiritual, and existential intelligences // *Education, information and transformation* / Ed. by J. Kane. Upper Saddle River, N.J.: Merrill-Prentice Hall. 1998. P. 111–131.
- Gauthier I., Skudlarski P., Gore J. C., Anderson A. W.* Expertise for cars and birds recruits brain areas involved in face recognition // *Nature Neuroscience*. 2000. V. 3. P. 191–197.
- Gerber L. A.* Transformations in self-understanding in surgeons whose treatment efforts were not successful // *American Journal of Psychotherapy*. 1990. V. XLIV. № 1. P. 75–84.
- Gergen K. J.* The social constructionist movement in modern psychology // *American psychologist*. 1985. № 40. P. 266–275.
- Gergen K. J., Gergen M. M.* Narrative form and the construction of psychological science // *Narrative Psychology (The Storied Nature of Human Conduct)* / Ed. by Th. R. Sarbin. Westport, Connecticut–London, 1986. P. 22–45.
- Gervais W. M., Norenzayan A.* Analytic Thinking Promotes Religious Disbelief // *Science*. 2012. V. 336. № 27. P. 493–496.
- Gilhooly K. J.* *Thinking: directed, undirected and creative*. London, 1982.
- Gilligan C.* *In a Different Voice: Psychological Theory and Women's Development*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1982.
- Goodwin Ph., Ogden J.* Women's reflections upon their past abortions: An exploration of how and why emotional reactions change over time // *Journal Psychology and Health*. 2007. V. 22. № 2. P. 231–248.
- Grace S. L., Cramer K. L.* The elusive nature of self-measurement: The self-construal scale vs the twenty statement test // *J. Soc. Psychol.* 2003. V. 143. № 5. P. 649–668.
- Graesser A. C., Olde B. A.* How Does One Know Whether a Person Understands a Device? The Quality of the Questions the Person Asks When the Device Breaks Down // *Journal of Educational Psychology*. 2003. V. 95. № 3. P. 524–536.
- Graesser A. C., Wiemer-Hastings K.* Situation Models and Concepts in Story Comprehension // *Narrative Comprehension, Causality and*

- Coherence. Essays in Honor of Tom Trabasso / Eds S. R. Goldman, A. C. Graesser, P. van den Broek. Mahwah, N.J.—London: Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 1999. Chapter 6. P. 77–92.
- Greenberg J., Arndt J., Simon L., Pyszczynski T., Solomon Sh. Proximal and Distal Defenses in Response to Reminders of One's Mortality: Evidence of a Temporal Sequence // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2000. V. 26. № 1. P. 91–99.
- Greene J. D., Sommerville R. B., Nystrom L. E., Darley J. M., Cohen J. D. An fMRI investigation of emotional engagement in moral judgment // *Science*. 2001. V. 293. P. 2105–2108.
- Greenwald A. G., McGhee D. E., Schwartz J. L. K. Measuring individual differences in implicit cognition: The implicit association test // *J. of Pers. and Soc. Psychol.* 1998. V. 74. № 6. P. 1464–1480.
- Grimes D. A., Creinin M. Induced Abortion: An Overview for Internists // *Annals of Internal Medicine*. 2004. V. 140. № 8. P. 620–627.
- Grimland M., Apter A., Kerkhof A. The phenomenon of suicide bombing: A review of psychological and nonpsychological factors // *Crisis*. 2006. V. 27. № 3. P. 107–118.
- Gross J. J., Carstensen L. L., Pasupathi M., Tsai J., Skorpen C. G., Hsu A. Y. C. Emotion and aging: experience, expression and control // *Psychology and Aging*. 1997. V. 12. P. 590–599.
- Grossman M., Wood W. Sex differences in intensity of emotional experience: A social role interpretation // *J. of Person and Soc. Psychol.* 1993. V. 65. № 5. P. 1010–1022.
- Gwyn R. “Really Unreal”: narrative evaluation and the objectification of experience // *Narrative inquiry*. 2000. V. 10. № 2. P. 313–340.
- Haidt J. The emotional dog and its rational tail: a social intuitionist approach to moral judgment // *Psychol. Review*. 2001. V. 108. P. 814–834.
- Harmon-Jones E., Simon L., Greenberg J., Pyszczynski T., Solomon Sh., McGregor H. Terror Management Theory and Self-Esteem: Evidence That Increased Self-Esteem Reduces Mortality Salience Effects // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1997. V. 72. № 1. P. 24–36.
- Harvath T. A., Miller L. L., Smith K. A., Clark L. D., Jackson A., Ganzini L. Dilemmas Encountered by Hospice Workers When Patients Wish to Hasten Death // *Journal of hospice and palliative nursing*. 2006. V. 8. № 4. P. 200–209.
- Haun D. B. M., Rapold C. J., Call J., Janzen G., Levinson S. Cognitive cladistics and cultural override in Hominid spatial cognition // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2006. V. 103. P. 17568–17573.

- Hauser M. D.* Moral minds. How nature designed our universal sense of right and wrong. N. Y.: Ecco (Harper Collins), 2006a.
- Hauser M. D.* The liver and the moral organ // SCAN (Social Cognitive and Affective Neuroscience Advance Access). 2006b. V. 1. P. 214–220.
- Hess J. A., Rueb J. D.* Attitudes toward abortion, religion, and party affiliation among college students // Current Psychology: Developmental. Learning. Personality. Social. 2005. V. 24. № 1. P. 24–42.
- Hess-Lüttich E. W. B.* Fremdbilder – Feindbilder? Ein Islam-Bild in der deutschen Presse. Zur Kopftuch-Debatte im SPIEGEL 1998–2008 // Vom Verstehen zur Verständigung. Dokumentation der öffentlichen Vorlesungsreihe zum Europäischen Jahr des Interkulturellen Dialogs 2008. Göttingen: Universitätsverlag Göttingen. 2009. P. 77–96.
- Hill A.* The Relationship between Attitudes about Abortion and Cognitive Complexity // University of Wisconsin – La Crosse Journal of Undergraduate Research. 2004. V. VII. P. 1–6.
- Ho R., Penney R. K.* Euthanasia and Abortion: Personality Correlates for the Decision to Terminate Life // The Journal of Social Psychology. 2001. V. 132. № 1. P. 77–86.
- Hong Y., Morris M. W., Chiu Ch., Benet-Martinez V.* Multicultural Minds: A Dynamic Constructivist Approach to Culture and Cognition // American Psychologist. 2000. V. 55. № 7. P. 709–720.
- Hsee C. K., Weber E. U.* Cross-national differences in risk preference and lay predictions // Journal of Behavioral Decision Making. 1999. V. 12. P. 165–179.
- Huxley A.* Texts and Pretexts: An Anthology of Commentaries. London: Chatto & Windus. 1932.
- Ingold T.* Evolving skills // Alas, poor Darwin / Eds H. Rose, S. Rose. N. Y.: Harmony Books, 2000. P. 270–297.
- Janoff-Bulman R., Sheikh S.* From National Trauma to Moralizing Nation // Basic and Applied Social Psychology. 2006. V. 28. № 4. P. 325–332.
- Jelen T. G., Damore D. F., Lamatsch T.* Gender, Employment Status and Abortion: A Longitudinal Analysis // Sex Roles. 2002. V. 47. № 7/8. P. 321–330.
- Jinkyung N., Grossmann I., Varnum M. E. W., Kitayama Sh., Gonzalez R., Nisbett R. E.* Cultural differences are not always reducible to individual differences // PNAS. 2010. V. 107. № 14. P. 6192–6197.
- Johnson-Laird P. N.* Mental Models – Towards a Cognitive Science of Language, Inference and Consciousness. Cambridge MA: Harvard University Press. 1983.

- Just M.A., Carpenter P.A.* A capacity theory of comprehension: Individual differences in working memory // *Psychological Review*. 1992. V. 99. № 1. P. 122–149.
- Keenan A.* Generating a virtuous circle: Democratic identity, moralism and the languages of political responsibility // *The politics of moralizing* / Eds J. Bennett, M. J. Shapiro. N. Y.: Routledge. 2002. P. 27–61.
- Kerdeman D.* Between Interlochen and Idaho: Hermeneutics and education for understanding // S. Tozer (Ed.). *Philosophy of education* 1998. Urbana, Il: Philosophy of Education Society, 1999. P. 272–279.
- Kintch W., van Dijk T.A.* Toward a model of text comprehension and production // *Psychological review*. 1978. V. 85. № 5. P. 363–394.
- Kintsch W.* The construction-integration model of text comprehension and its implications for instruction // *Theoretical models and processes of reading* / Eds R. Ruddell, N. Unrau. Newark, DE: International Reading Association. 2004. P. 1270–1328.
- Kitayama S.* Culture and basic psychological processes – toward a system view of culture: Comment on Oyserman et al. // *Psychological Bulletin*. 2002. V. 128. P. 89–96.
- Kohlberg L.* Moral development // *The cognitive-developmental psychology of James Mark Baldwin: Current theory and research in genetic epistemology* / Eds J. M. Broughton, D. J. Freeman-Moir. Norwood, N. J.: Albex Publishing Corporation, 1982. P. 277–325.
- Kohler W.R.* *Personenverstehen: Zur Hermeneutik der Individuality*. Frankfurt/M.–Lancaster, UK: Ontos Verlag, 2004.
- Koriat A., Levy-Sadot R.* Conscious and Unconscious Metacognition: A Rejoinder // *Consciousness and Cognition*. 2000. V. 9. Iss. 2. P. 193–202.
- Kozbelt A., Nishioka K.* Humor comprehension, humor production and insight: An exploratory study // *Humor: International Journal of Humor Research*. 2010. V. 23. Iss. 3. P. 375–401.
- Krause W.* Problemlosen-Stand und Perspektiven. Teil 2 // *Zeitschrift für Psychologie*. 1982. Band 190. Heft 2.
- Kushlev K., Dunn E. W.* Affective Forecasting: Knowing How We Will Feel in the Future // *Handbook of Self-Knowledge* / Eds S. Vazire, T. D. Wilson. N. Y.–London: The Guilford Press, 2012. P. 277–292.
- Kekäle T.* Knowledge sharing among scientists // *Journal of Workplace Learning*. 2011. V. 23 № 7. P. 483–484.
- Kessel M., Kratzer J., Schultz C.* Psychological safety, knowledge sharing and creative performance in healthcare teams // *Creativity and innovation management*. 2012. V. 21. № 2. P. 147–157.

- Kohansal M. A., Alimoradi Z., Bohloul S. M.* The impact of knowledge-sharing mechanisms on employee performance // *International Journal of Business Performance Management*. 2013. V. 14. № 3. P. 293–306.
- Lagattuta K. H., Nucci L., Bosacki S. L.* Bridging theory of mind and the personal domain: children's reasoning about resistance to parental control // *Child Development*. 2010. V. 81. № 2. P. 616–635.
- Landau M. J., Johns M., Greenberg J., Pyszczynski T., Martens A., Goldenberg J. L., Solomon S.* A function of form: Terror management and structuring the social world // *J. of Person, and Soc. Psychol.* 2004. V. 87. № 2. P. 190–210.
- Lauring J., Selmer J.* Knowledge sharing in diverse organisations // *Human Resource Management Journal*. 2012. V. 22 № 1. P. 89–105.
- Lee E.* Young People's Attitudes to Abortion for Abnormality // *Feminism & Psychology*. 2000. V. 10. № 3. P. 396–399.
- Lerner M. J.* The belief in a just world: A fundamental delusion. N. Y., 1980.
- Lieberman M. D.* Intuition: A social cognitive neuroscience approach // *Psychological Bulletin*. 2000. V. 126. P. 109–137.
- Little M. O.* The Moral Permissibility of Abortion // *Contemporary Debates in Applied Ethics* / Eds A. I. Cohen, C. H. Wellman. Oxford: Blackwell Publishing Ltd., 2005. P. 27–39.
- Lodi-Smith J., Geise A. C., Roberts B. W., Robins R. W.* Narrating Personality Change // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2009. V. 96. № 3. P. 679–689.
- Lovett B. J., Jordan A. H.* Moral values, moralism and the 2004 presidential election // *Analyses of Social Issues and Public Policy*. 2005. V. 5. № 1. P. 165–175.
- Lungu D., Cizer L.* How about intercomprehension (IC)? IC as a complement to teaching language understanding // *The Journal of teaching English for specific and academic purposes*. 2013. V. 1. № 2. P. 93–96.
- Maguire E. A., Gadian D. G., Johnsrude I. S., Good C. D., Ashburner J., Frackowiak R. S. J., Frith C. D.* Navigation-related structural change in the hippocampi of taxi drivers // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2000. V. 97. P. 4398–4403.
- Mara C. A., DeCicco T. L., Stroink M. L.* An Investigation of the Relationships Among Self-Construal, Emotional Intelligence and Well-Being // *The International Journal of Transpersonal Studies*. 2010. V. 29. Iss. 1. P. 1–11.
- Mattila R. H., Seeley Th. D.* Genetic diversity in honey bee colonies enhances productivity and fitness // *Science*. 2007. V. 317. P. 362–364.

- McAdams D. P.* The psychology of life stories // Review of General Psychology. 2001. V. 5. №2. P. 100–122.
- Mead G. H.* The philosophical basis for ethics // International Journal of Ethics. 1908. V. 18. P. 311–323
- Mei-Hua L.* Analytic-holistic thinking, information use and sensemaking during unfolding events // A dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. Wright State University, 2008.
- Mink L. O.* Historical Understanding / Ed. by B. Fay, E. O. Golob, R. T. Vann. Ithaca: Cornell University Press. 1987. P. 56–57.
- Moghaddam F. M.* The staircase to terrorism: A psychological exploration // Amer. Psychologist. 2005. V. 60. №2. P. 161–169.
- Moll J., de Oliveira-Souza R., Eslinger P. J., Bramati I. E., Mourão-Miranda J., Andreiuolo P. A., Pessoa L.* The neural correlates of moral sensitivity: A functional magnetic resonance imaging investigation of basic and moral emotions // The Journal of Neurosci. 2002. V. 22. P. 2730–2736.
- Moll J., Zahn R., de Oliveira-Souza R., Krueger F., Grafman J.* The neural basis of human moral cognition // Nature Rev. Neurosci. 2005. V. 6. P. 799–809.
- Montada L., Dalbert C., Reichle B., Schmitt M.* Urteile über Gerechtigkeit, «existentielle Schuld» und Strategien der Schuldabwheer // Moralische Zugänge zum Menschen – Zugänge zum moralischen Menschen / Hrsg. von F. Oser, W. Althof, D. Garz. München: Peter Kindt Verlag. 1986. S. 205–225.
- Musacchia G., Sams M., Skoe E., Kraus N.* Musicians have enhanced subcortical auditory and audiovisual processing of speech and music // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 2007. V.104. P. 15894–15898.
- Nadel L., Moscovitch M.* Memory consolidation, retrograde amnesia and the hippocampal complex // Current opinion in Neurobiology. 1997. V. 7. P. 217–227.
- Neisser U.* Five Kinds of Self-knowledge // Philosophical Psychology, 1988. V. 1. №1. P. 35–59.
- Nelson E. S., Coleman P. K.* Attitudes toward the level of men's involvement in abortion decisions // Journal of Humanistic Education & Development 1997. V. 35. Iss. 4. P. 217–224.
- Nisbett R. E., Peng K., Choi I., Norenzayan A.* Culture and systems of thought: Holistic versus analytic cognition // Psychol. Rev. 2001. V. 108. №2. P. 291–310.

- Norris P., Epstein S. An experiential thinking style: Its facets and relations with objective and subjective criterion measures // *Journal of Personality*. 2011. V. 79. № 5. P. 1043–1080.
- Nucci L. Morality and the personal sphere of actions // *Values and knowledge* / Eds E. Reed, E. Turiel, T. Brown. Hillsdale, N. J.: Lawrence Erlbaum, 1996. P. 41–60.
- Oppenheimer L. Are children's views of the "enemy" shaped by highly-publicized negative event? // *Internat. J. of Behav. Devel.* 2010. V. 34. № 4. P. 345–353.
- Pacini R., Epstein S. The relation of Rational and Experiential Information Processing Styles to Personality, Basic Beliefs, and the Ratio-Bias Phenomenon // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1999. V. 76. № 2. P. 972–987.
- Panksepp J. The basics of basic emotion // *The Nature of emotion. Fundamental questions* / Eds P. Ekman, R. J. Davidson. N. Y.–Oxford: Oxford University Press, 1994. P. 20–24.
- Park J., Felix K., Lee G. Implicit attitudes toward arab-muslims and the moderating effects of social information // *Basic and Appl. Soc. Psychol.* 2007. V. 29. № 1. P. 615–636.
- Pierce M. E. Individual and holistic information processing // Thesis submitted to the Faculty of the Virginia Polytechnic Institute and State University in partial fulfillment of the requirements for the degree of Master of Science. May 24, 2007. Blacksburg, VA. P. 1–24.
- Post J. M. Psychological operations and counterterrorism // *Joint Force Quart.* April 2005a. Iss. 37. P. 105–110.
- Post J. M. When hatred is bred in the bone: Psycho-cultural foundations of contemporary terrorism // *J. of Political Psychol.* 2005b. V. 26. № 4. P. 615–636.
- Pötzl N. F. «Schatten über Almany» // *Spiegel Special*. 2008. № 2. P. 9–13.
- Qina D., Lykes M. B. Reweaving a fragmented self: a grounded theory of self-understanding among Chinese women students in the United States of America // *International Journal of Qualitative Studies in Education*. 2006. V. 19. № 2. P. 177–200.
- Rafaeli-Mor E., Gotlib I. H., Revelle W. The Meaning and Measurement of Self-Complexity // *Personality and Individual Differences*. 1999. № 27. P. 341–356.
- Raskin J. D. On Relativism In Constructivist Psychology // *Journal of Constructivist Psychology*. 2001. V. 14. № 4. P. 285–313.
- Raskin J. D. Defending constructivist ethics after September 11 // *The Humanistic Psychologist*. 2002. V. 30. № 3. P. 282–291.

- Remennick L. I., Segal R.* Socio-cultural context and women's experiences of abortion: Israeli women and Russian immigrants compared // *Culture, Health & Sexuality*. 2001. V. 3. № 1. P. 49–66.
- Reser J. P., Muncer S.* Sense-making in the wake of September 11th: A network analysis of lay understandings // *British Journal of Psychology*. 2004. V. 95. P. 283–296.
- Richardson C. B., Mulvey K. L., Killen M.* Extending Social Domain Theory with a Process-Based Account of Moral Judgments // *Human Development*. 2012. V. 55. № 1. P. 4–25.
- Roberts B. W., Donahue E. M.* One Personality, Multiple Selves: Integrating Personality and Social Roles // *Journal of Personality*. 1994. V. 62. Iss. 2. P. 199–218.
- Robins R. W., Nofhle E. E., Trzesniewski K. H., Roberts B. W.* Do people know how their personality has changed? Correlates of perceived and actual personality change in young adulthood // *Journal of Personality*. 2005. V. 73. № 2. P. 489–522.
- Robinson W. P., Shepherd A., Heywood J.* Truth, equivocation/concealment and lies in job applications and doctor–patient communication // *Journal of Language and Social Psychology*. 1998. V. 17. № 2. P. 149–164.
- Rosenwasser S. M., Wright L. S., Barber R. B.* The rights and responsibilities of men in abortion situations // *Journal of Sex Research*. 1987. V. 23. Iss. 2. P. 97–105.
- Rowatt W. C., Franklin L. M., Cotton M.* Patterns and personality correlates of implicit and explicit attitudes toward Christians and Muslims // *J. for the Scientific Study of Religion*. 2005. V. 44. Iss. 1. P. 29–43.
- Sahar G., Karasawa K.* Is the Personal Always Political? A Cross-Cultural Analysis of Abortion Attitudes // *Basic and Applied Social Psychology*. 2005. V. 27. № 4. P. 285–296.
- Sandage S. J., Cook K. V., Hill P. C., Strawn B. D., Reimer K. S.* Hermeneutics and Psychology: A Review and Dialectical Model // *Review of General Psychology*. 2008. V. 12. № 4. P. 344–364.
- Sarrazin T.* Deutschland schafft sich ab. Wie wir unser Land aufs Spiel setzen. München: Deutsche Verlags-Anstalt, 2010.
- Schacter D. L., Tulving E.* What are the memory systems of 1994? // *Memory systems* / Eds D. L. Schacter, E. Tulving. A Bradford Book–The MIT Press: Cambridge, Massachusetts, London, England, 1994. P. 1–38.
- Scheler M.* Wesen und Formen der Sympathie. Bonn, Verlag Cohen, 1923.
- Schneirla T. C.* An evolutionary and developmental theory of biphasic processes underlying approach and withdrawal // *Nebraska symposium*

- on motivation. V. 7 / Ed. M. R. Jones. Lincoln: University of Nebraska Press, 1959. P. 1–42.
- Schnell F., McConatha J. T.* Value Differences and Abortion Attitudes: A Generational Analysis // *Journal of Social Behavior and Personality*. 1996. V. 11. № 5. P. 289–306.
- Schuster M. A., Stein B. D., Jaycox L. H., Collins R. L., Marshal G. N., Elliot M. N., Zhou A. J., Kanouse D. E., Morrison J. L., Berry S. H.* A national survey of stress reactions after the September 11, 2001 terrorist attacks // *New England Journal of Medicine*. 2001. V. 345. № 20. P. 1507–1512.
- Sebanz N., Bekkering H., Knoblich G.* Joint action: bodies and minds moving together // *Trends in Cognitive Neurosci.* 2006. V. 10. P. 70–76.
- Sevón E.* Timing Motherhood: Experiencing and Narrating the Choice to Become a Mother // *Feminism & Psychology*. 2005. V. 15. № 4. P. 461–482.
- Shostak A. B.* Abortion as fatherhood lost: Problems and reforms // *The Family Coordinator*. 1980. V. 29. № 4. P. 569–574.
- Singelis Th. M.* The measurement of independent and interdependent Self-construals // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1994. V. 20. № 5. P. 580–591.
- Singleton J.* Ethical principles at the beginning of life // *Journal of Reproductive and Infant Psychology*. 1994. V. 12. № 3. P. 135–141.
- Sloman S. A.* The Empirical Case for Two Systems of Reasoning // *Psychological Bulletin*. 1996. V. 119. № 1. P. 3–22.
- Smetana J.* Social-cognitive domain theory: Consistencies and variations in children's moral and social judgments // *Handbook of moral development* / Eds M. Killen, J. G. Smetana. Mahwah, N. J.: Erlbaum, 2006. P. 119–154.
- Stanovich K. E., West R. F.* Individual Differences in Reasoning: Implications for the Rationality Debate? // *Behavioral and Brain Sciences*. 2000. V. 22. № 5. P. 645–726.
- Sternberg R.* *Wisdom, Intelligence and Creativity Synthesized*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Tan L. H., Chan A. H. D., Kay P., Khong P., Yip L. K. C., Luke K.-K.* Language affects patterns of brain activation associated with perceptual decision. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2008. V. 105. P. 4004–4009.
- Tappan M. B.* Language, culture, and moral development: a Vygotskian perspective // *Developmental Review*. 1997. V. 17. P. 78–100.
- Thorndyke P. W.* Cognitive structures in comprehension and memory of narrative discourse // *Cognitive psychology*. 1977. V. 9. № 1. P. 77–110.

- Todd A., Wilson J. C., Casey Sh. N. Comparing British and Australian fear of terrorism pre and post the Iraqi war // *Psychiatry, Psychology and Law*. 2005. V. 12. № 1. P. 184–193.
- Tononi G., Edelman G. M. Consciousness and complexity // *Science*. 1998. V. 282. P. 1846–1851.
- Tulving E. Memory and consciousness // *Canadian Psychology*. 1985. V. 26. P. 1–12.
- Waldmann M. R. A case for the moral organ // *Science*. 2006. V. 314. P. 57–58.
- Werner H. Foreword // Witkin H. A., Dyk R. B., Faterson H. F., Goode-nough D. R., Karp S. A. *Psychological Differentiation. Studies of development*. N. Y.–London: John Wiley and Sons, Inc., 1962. P. V–VII.
- Werner H., Kaplan B. The developmental approach to cognition: its relevance to the psychological interpretation of anthropological and eth-nolinguistic data // *American Anthropologist*. 1956. V. 58. P. 866–880.
- White L. A. The concept of culture // *American Anthropologist*. 1959. V. 61. P. 227–251.
- Wilson S. G., Rinck M., McNamara T. P., Bower G. H., Morrow D. G. Mental models and narrative comprehension: Some qualifications // *Journal of Memory and Language*. 1993. V. 32. № 2. P. 141–154.
- Winawer J., Witthoft N., Frank M. C., Wu L., Wade A. R., Boroditsky L. Russian blues reveal effects of language on color discrimination. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2007. V. 104. P. 7780–7785
- Woodrum E., Davison B. L. Reexamination of religious influences on Abortion attitudes // *Review of Religious Research*. 1992. V. 33. № 3. P. 229–243.
- Yu D., Zhou R. Tacit Knowledge Sharing Modes of University Teachers from the Perspectives of Psychological Risk and Value // *International Journal of Higher Education*. 2015. V. 4. № 2. P. 214–224.
- Zajonc R. B. Feeling and thinking. Preferences need no inferences // *American Psychologist*. 1980. V. 35. P. 151–175.
- Zhang L. F. Thinking styles: their relationships with modes of thinking and academic performance // *Educational Psychology*. 2002. V. 22. № 3. P. 331–348.
- Zwaan R. A. Five dimensions of narrative comprehension: the event-in-dexing model // *Narrative Comprehension, Causality and Coherence. Essays in honor of Tom Trabasso* / Eds S. R. Goldman, A. C. Graesser, P. van den Broek. Mahwah, N. J.–London: Lawrence Erlbaum Associates Inc, 1999. Ch. 7. P. 93–110.

Научное издание

В. В. Знаков

ПСИХОЛОГИЯ ПОНИМАНИЯ МИРА ЧЕЛОВЕКА

Редактор – О. В. Шапошникова

Оригинал-макет, обложка и верстка – С. С. Фёдоров

Лицензия ЛР № 03726 от 12.01.01

Издательство «Институт психологии РАН»

129366, Москва, ул. Ярославская, д. 13

Тел.: +7 (495) 682-61-02

www.ipras.ru; e-mail: vbelop@ipras.ru

Сдано в набор 01.06.16. Подписано в печать 21.06.16. Формат 60×90/16

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура итс СНАРТЕР

Уч.-изд. л. 27,8; усл.-печ. л. 30,5. Тираж 450 экз. Заказ

Отпечатано с готовых диапозитивов в ППП «Типография „Наука“»

121099, Москва, Шубинский пер., 6

**КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА
«ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ РАН»**

2016 г.

- Социально-психологические исследования города / Отв. ред. Т. В. Дробышева, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 267 с. (Психология социальных явлений)
- Соснин В. А.* Психология терроризма и противодействие ему в современном мире. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 344 с. (Психология социальных явлений)
- Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Выпуск 7 / Под ред. А. А. Обознова, А. Л. Журавлева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. 520 с. (Труды Института психологии РАН)
- Психологические исследования личности: история, современное состояние, перспективы / Отв. ред. М. И. Воловикова, А. Л. Журавлев, Н. Е. Харламенкова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 448 с. (Труды Института психологии РАН)

2015 г.

- Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Выпуск 7 / Под ред. А. А. Обознова, А. Л. Журавлева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. 509 с. (Труды Института психологии РАН)
- Семья, брак и родительство в современной России. Выпуск 2 / Под ред. А. В. Махнача, К. Б. Зуева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. 408 с.
- Взаимоотношения исследовательской и практической психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. 574 с. (Методология, теория и история психологии)
- Воронин А. Н.* Дискурсивные способности: Теория, методы изучения, психодиагностика. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. 176 с. (Методы психологии)
- Шендяпин В. М., Скотникова И. Г.* Моделирование принятия решения и уверенности в сенсорных задачах. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. 201 с.
- Взаимоотношения исследовательской и практической психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт

- психологии РАН», 2015. 574 с. (Методология, теория и история психологии)
- Психология – наука будущего: Материалы VI Международной конференции молодых ученых «Психология – наука будущего» / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. 592 с.
- Современное состояние и перспективы развития психологии труда и организационной психологии: Материалы международной научно-практической конференции / Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев, А. Н. Занковский. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. 483 с.
- Психология способностей: современное состояние и перспективы исследований: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 60-летию со дня рождения В. Н. Дружинина, ИП РАН, 25–26 сентября 2015 г. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. 243 с.
- Современные тенденции развития психологии труда и организационной психологии / Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев, А. Н. Занковский. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. 712 с.
- Творчество: наука, искусство, жизнь: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 95-летию со дня рождения Я. А. Пономарева, ИП РАН, 24–25 сентября 2015 г. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. 388 с.
- Психология способностей: современное состояние и перспективы исследований: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 60-летию со дня рождения В. Н. Дружинина, ИП РАН, 25–26 сентября 2015 г. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. 243 с.
- Лебедев А. Н., Гордякова О. В.* Личность в системе маркетинговых коммуникаций. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. 303 с.
- Артёмьева О. А.* Социально-психологическая детерминация развития российской психологии в первой половине XX столетия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. 534 с. (Методология, теория и история психологии)
- Толочек В. А.* Стили деятельности: ресурсный подход. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. 366 с.
- Ребеко Т. А.* Телесный опыт в структуре индивидуального знания. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. 271 с.

- Современные исследования интеллекта и творчества / Под ред. А. Л. Журавлева, Д. В. Ушакова, М. А. Холодной. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. 608 с. (Экспериментальные исследования)
- Критская В. П., Мелешко Т. К.* Патопсихология шизофрении. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. 389 с.
- Славская А. Н.* Основы психологии С. Л. Рубинштейна: Философское обоснование развития / Отв. ред. В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. 344 с. (Методология, теория и история психологии)
- Харламенкова Н. Е., Кумыкова Е. В., Рубченко А. К.* Психологическая сепарация: подходы, проблемы, механизмы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. 367 с.
- Проблема сиротства в современной России: Психологический аспект / Отв. ред. А. В. Махнач, А. М. Прихожан, Н. Н. Толстых. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. 670 с. (Фундаментальная психология – практике)
- Историогенез и современное состояние российского менталитета / Отв. ред. В. А. Кольцова, Е. В. Харитоновна. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. 479 с. (Методология, теория и история психологии)

2014 г.

- Психология человека и общества: Научно-практические исследования / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко, Н. В. Тарабриной. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. 332 с. (Фундаментальная психология – практике)
- Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Выпуск 6 / Под ред. А. А. Обознова, А. Л. Журавлева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. 528 с. (Труды Института психологии РАН)
- Татарко А. Н.* Социально-психологический капитал личности в поликультурном обществе. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. 384 с.
- Психологические исследования. Выпуск 7 / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. 215 с. (Труды молодых ученых ИП РАН)
- Психологическое здоровье личности и духовно-нравственные проблемы современного российского общества / Отв. ред. А. Л. Журавлев, М. И. Воловикова, Т. В. Галкина. М.: Изд-во «Институт

- психологии РАН», 2014. 318 с. (Труды Института психологии РАН)
- Психологическое воздействие в межличностной и массовой коммуникации / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. Д. Павлова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. 400 с. (Труды Института психологии РАН)
- Методы психологического обеспечения профессиональной деятельности и технологии развития ментальных ресурсов человека / Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев, М. А. Холодная. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. 352 с. (Фундаментальная психология – практике)
- Естественно-научный подход в современной психологии / Отв. ред. В. А. Барабанщиков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. 882 с. (Интеграция академической и университетской психологии)
- Психология социальных явлений. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. 349 с. (Психология социальных явлений)
- Костин А. Н., Голиков Ю. Я.* Организационно-процессуальный анализ психической регуляции сложной деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. 448 с.
- Резников Е. Н.* Психологический облик русских (на материале исследования жителей Костромской области). М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. 510 с.
- Тарабрина Н. В., Быховец Ю. В.* Террористическая угроза: теоретико-эмпирическое исследование. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. 156 с. (Фундаментальная психология – практике)
- Гребенщикова Т. А., Зачесова И. А.* Психология повседневного дискурса: Интенциональный аспект. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. 208 с.
- Нестик Т. А.* Социальная психология времени. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. 496 с.
- Купрейченко А. Б.* Нравственная детерминация экономического самоопределения. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. 463 с.
- Харитоновна Е. В.* Психология социально-профессиональной востребованности личности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. 411 с.
- Корнилов Ю. К.* На пути к психологии практического мышления / Под ред. А. В. Карпова, Е. В. Конево, Е. А. Сергиенко. Сост. С. Ю. Коровкин. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. 407 с. (Достижения в психологии)

2013 г.

- Личность профессионала в современном мире / Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. 944 с. (Труды Института психологии РАН)
- Дробышева Т. В.* Экономическая социализация личности: ценностный подход. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. 312 с. (Перспективы психологии)
- Психологические исследования нравственности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. 416 с. (Психология социальных явлений)
- Барабанищikov В. А., Жегалло А. В.* Регистрация и анализ направленности взора человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. 316 с. (Методы психологии)
- Психология – наука будущего. Материалы V международной конференции молодых ученых / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, Н. Е. Харламенкова, К. Б. Зуев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. 746 с. (Материалы конференции)
- Эволюционная и сравнительная психология в России: традиции и перспективы / Под ред. А. Н. Харитонова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. 432 с. (Труды Института психологии РАН)
- Психологические исследования проблем современного российского общества / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. 502 с. (Труды Института психологии РАН)
- Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Вып. 5 / Под ред. А. А. Обознова, А. Л. Журавлева. М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2013. 426 с. (Труды Института психологии РАН)
- Сергиенко Е. А., Таланова Н. Н., Лебедева Е. И.* Телевизионная реклама и дети. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. 184 с. (Фундаментальная психология – практике)
- Махнач А. В., Прихожан А. М., Толстых Н. Н.* Психологическая диагностика кандидатов в замещающие родители: Практическое руководство. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. 219 с. (Фундаментальная психология – практике)
- Прохоров А. О., Юсупов М. Г.* Повседневное трансное состояние. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. 176 с. (Экспериментальные исследования)

- Человек, субъект, личность в современной психологии. Материалы Международной конференции, посвященной 80-летию А.В. Брушлинского. Том 1 / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. 584 с. (Материалы конференции)
- Человек, субъект, личность в современной психологии. Материалы Международной конференции, посвященной 80-летию А.В. Брушлинского. Том 2 / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. 502 с. (Материалы конференции)
- Человек, субъект, личность в современной психологии. Материалы Международной конференции, посвященной 80-летию А.В. Брушлинского. Том 3 / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. 600 с. (Материалы конференции)
- Шадриков В.Д.* Психология деятельности человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. 464 с. (Достижения в психологии)
- Кольцова В.А., Холоднович Е.Н.* Воплощение духовности в личности и творчестве Ф.М. Достоевского. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. 304 с.
- Журавлева Н.А.* Психология социальных изменений: ценностный подход. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. 524 с.
- Толочек В.А.* Проблема стилей в психологии: историко-теоретический анализ. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. 320 с. (Методология, теория и история психологии)
- Купрейченко А.Б., Воробьева А.Е.* Нравственное самоопределение молодежи. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. 480 с.
- Социально-психологические и духовно-нравственные аспекты семьи и семейного воспитания в современном мире / Отв. ред. В.А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. 956 с. (Материалы конференции)
- Джидарьян И.А.* Психология счастья и оптимизма. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. 268 с. (Достижения в психологии)
- Сухарев А.В., Чулисова А.П.* Этнофункциональная коррекция обрзаной сферы личности осужденных за насильственные преступления. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. 144 с. (Фундаментальная психология – практике)
- Латынов В.В.* Психология коммуникативного воздействия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. 368 с.

Юревич А. В. Социальная психология научной деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. 447 с. (Методология, теория и история психологии)

Дифференционно-интеграционная теория развития: Философское осмысление и применение в психологии, языкознании и педагогике. Тезисы докладов Второй научно-практической конференции. 4 марта 2013 г., Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. 45 с.

2012 г.

Пономаренко В. А. На чьих плечах стоим? М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 145 с.

Нравственность современного российского общества: психологический анализ / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 413 с. (Психология социальных явлений)

Экспериментальный метод в структуре психологического знания / Отв. ред. В. А. Барабанщиков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 828 с. (Интеграция академической и университетской психологии)

Барабанщиков В. А. Экспрессии лица и их восприятие. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 341 с. (Экспериментальные исследования)

Парадигмы в психологии: Науковедческий анализ / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Т. В. Корнилова, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 468 с. (Методология, теория и история психологии)

Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Вып. 4 / Под ред. В. А. Бодрова, А. Л. Журавлева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 480 с. (Труды Института психологии РАН)

Журавлев А. Л., Позняков В. П. Социальная психология российского предпринимательства: Концепция психологических отношений. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 480 с.

Русалов В. М. Темперамент в структуре индивидуальности человека: Дифференциально-психофизиологические и психологические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 528 с. (Достижения в психологии)